

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

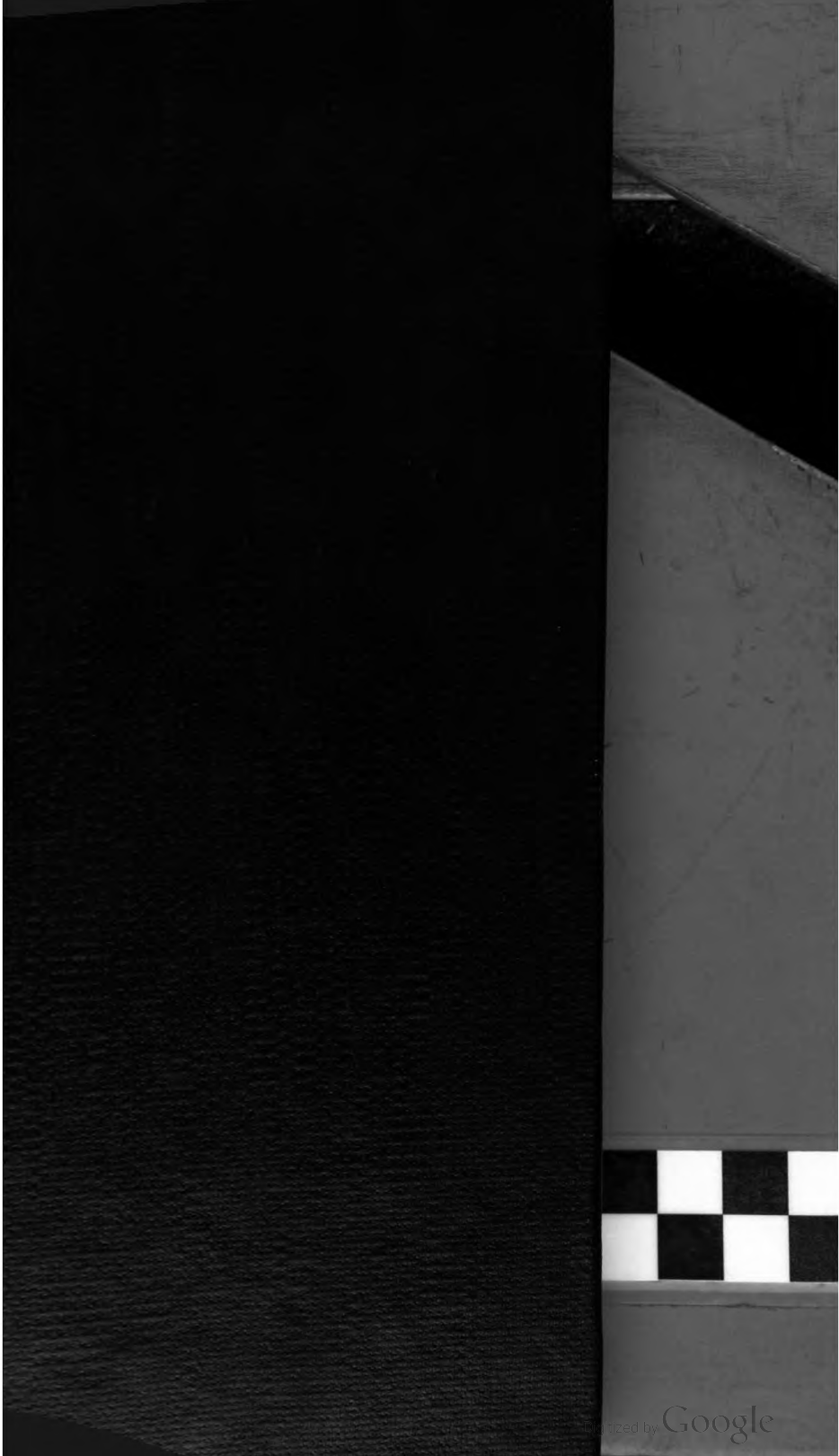
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY.**

103

ОЧЕРКИ и РАСКАЗЫ

ИЗЪ

ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.

D. I. Ilovaiskii

ОЧЕРКИ И РАСКАЗЫ

Ocherki i rasskazy
ИЗЪ

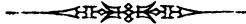
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Д. Иловайскаго.

У. I

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНИЙ МІРЪ.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и Ком., Леонтьевскій пер., собств. д.

1883.

52

D24
• I29
v. 1

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

8-10-65

Существующій у насъ въ Россіи недостатокъ научнаго и въ тоже время общедоступнаго чтенія по Всеобщей исторіи навелъ меня на мысль предпринять такой трудъ, который бы отвѣчалъ этой потребности. Въ качествѣ составителя историческихъ руководствъ, удостоившихся вниманія и одобренія, я счелъ до нѣкоторой степени своимъ долгомъ и по Всеобщей исторіи не ограничиться краткими учебниками, но также предложить въ собственной обработкѣ и матеріаль для чтенія, который могъ бы служить какъ учащемуся юношеству, такъ и вообще желающимъ пополнять свои школьныя историческія свѣдѣнія.

Не мало думалъ я надъ вопросомъ, въ какой формѣ предпринять этотъ трудъ. Наконецъ остановился на формѣ отдѣльныхъ, но послѣдовательныхъ очерковъ, изъ которыхъ каждый представлялся бы довольно цѣльнымъ по своему содержанию и достаточно полнымъ по изложенію. Для сего я выбираю по преимуществу наиболѣе крупныя событія, наиболѣе важныя памятники и лица, чтобы посредствомъ ихъ освѣтить замѣчательныя моменты въ исторіи челоѣчества и указать самыя выдающіяся стороны его культуры. Такимъ образомъ элементы историко-повѣствовательный, культурно-описательный, историко-этнографическій и біографическій должны попеременно являться въ моихъ очеркахъ.

Въ настоящей книгѣ, посвященной Древнему міру, авторъ по древнему Востоку не могъ конечно обойти двѣ старѣйшія и могучія цивилизаціи, Египетскую и Ассиро-Вавилонскую; а

выборъ Эвскихъ и Ниневійскихъ развалинъ даетъ ему возможность бросить взглядъ на эти обѣ цивилизаціи. Затѣмъ изъ Эллинскаго міра онъ взялъ, во первыхъ, тѣ миѳы, которые наиболѣе важны по своему вліянію на литературу и искусство не только Греціи, но и цѣлой Европы; во вторыхъ, великую патріотическую борьбу Эллиновъ съ Персами; въ третьихъ, такіа лица какъ Сократа и Перикла, послѣдняго въ связи съ политическимъ положеніемъ Греціи, приведшимъ ее къ убійственной Пелопонесской войнѣ, и наконецъ потерю (еще не полную) Греческой независимости, въ связи съ начальной дѣятельностію Александра Великаго, которая послужила какъ бы введеніемъ къ его громаднѣмъ предпріятіямъ въ Азіи.

Для Римскаго отдѣла выбраны: одинъ отрывокъ изъ знаменитой борьбы патриціевъ съ плебеями; два эпизода, относящіеся къ внѣшнему росту государства, къ борьбѣ его съ двумя великими полководцами и съ двумя такими колониальными державами какъ Тарентъ и Карфагенъ; затѣмъ Юлій Цезарь какъ центральное лицо въ великой драмѣ, которая сопровождалась переломомъ отъ Республики къ Имперіи. Что бы бросить взглядъ на Императорскій періодъ Рима, я остановился на его важнѣйшихъ памятникахъ; при чемъ не безъ нѣкоторыхъ соображеній распространился въ особенности о рельефахъ Траяновой колонны. Въ заключеніе авторъ сопоставилъ Констанція II и Юліана Отступника, которые наглядно характеризуютъ собою конецъ Древней Исторіи или IV вѣкъ, представляющій съ одной стороны колебательное, но неудержимое распаденіе Имперіи на двѣ половины, Византійскую и Романскую, а съ другой постепенное, хотя и сопряженное съ разнообразною борьбою, возвышеніе Христіанства на степень государственной церкви.

Итакъ для настоящей книги написано мною пятнадцать очерковъ. Остальные два очерка, посвященные «Эллино-Скиескому міру на берегахъ Понта», перенесены сюда изъ

перваго изданія «Разысканій о началѣ Руси»; такъ какъ и по содержанию своему, и по изложенію они ближе подходятъ къ данному труду, и притомъ могутъ служить связью исторіи Древняго міра съ нашею собственною или Отечественною исторіей.

Не скрою, что эта работа, кромѣ своей непосредственной задачи, служитъ мнѣ до нѣкоторой степени отдыхомъ отъ предпринятаго мною другаго и притомъ большаго труда, т. е. «Исторіи Россіи». Послѣдній предметъ по своей мало-обработанности требуетъ значительнаго напряженія силъ; тогда какъ Всеобщая исторія представляетъ замѣчательное обиліе разнообразныхъ источниковъ и прекрасныхъ пособій и весьма богатый выборъ событій, лицъ и памятниковъ всякаго рода.

При указаніи на пособія, авторъ не имѣлъ намѣренія приводить всю литературу предмета, и ограничивался пособіями, которыя были у него, подъ руками. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ для себя обязательнымъ пользоваться произведеніями такихъ западноевропейскихъ историковъ, каковы, напримѣръ, по Древнему міру Ленорманъ, Равлинсонъ, Масперо, Гротъ, Курціусъ, Нибуръ, Швеглеръ, Момсенъ, Меривель, Герцбергъ и нѣкоторые др. Въ виду скудной отечественной литературы по Всеобщей исторіи, я охотно указываю на сочиненія и статьи собственно русскихъ ученыхъ и писателей, а также и на русскую переводную литературу, которая представляетъ уже немалый книжный запасъ *).

---

*) Кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ, назову еще переводы нѣкоторыхъ капитальныхъ трудовъ, отчасти или вполне относящихся къ Древней исторіи: таковы: *Фюстель де Куланжа* „Гражданская Община Античнаго міра“. М. 1867 *Морица Каррьера* „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры“. Пять томовъ. М. 1870—1875 г. (оба названные труда въ прекрасномъ переводѣ Е. Ѳ. Корна). *Германа Вейса* „Вышшій бытъ народовъ“. Шесть томовъ. М. 1873—1879. (первые два тома, посвященные Древнимъ вѣкамъ, въ переводѣ В. А. Чаева). *Гастона Буасье* „Римская религія отъ Августа до Антониновъ“. М. 1878 (переводъ Маріи Корсакъ). Всѣ эти московскія изданія

По принятому плану за сей книгой долженъ послѣдовать томъ очерковъ по Средней Исторіи (гдѣ отдѣлъ Византійско-Славянскій могъ бы получить надлежащее мѣсто), потомъ очерки по Новой исторіи; послѣ чего предполагается пополнить пробѣлы. Но какой смертный можетъ говорить съ увѣренностью о своихъ будущихъ трудахъ?

Не предлагаю въ своей книгѣ никакихъ видовъ и картинъ, отчасти чтобы не усложнять дѣло, а главнымъ образомъ по своему взгляду на это дѣло. Своей задачей считаю изображеніе историческихъ событій въ словѣ, и преслѣдую только эту задачу.

принадлежать К. Т. Солдатенкову. По поводу только что названнаго сочиненія укажу на почтенный отечественный трудъ епископа Хрисанеа „Религіи древняго міра“. Три тома. Спб. 1873—1878. А по церковной исторіографіи на книгу профес. Терновскаго „Грековосточная церковь въ періодъ Вселенскихъ соборовъ.“ Кіевъ. 1883. По поводу переводныхъ сочиненій упомяну еще русское изданіе „Исторіи Греціи“ Герцберга. Спб. 1881 (въ переводѣ А. В. Прахова).

ВОСТОКЪ

и

ГРЕЦІЯ.

I.

СТОВРАТНЫЯ ӨИВЫ.

Египетская долина.—Разлитія Нила.—Египетское государство.—Мемфисъ и пирамиды.—Өивы.—Восточная группа развалинъ.—Карнакскій храмъ Амона.—Его изображенія.—Луксорскій храмъ.—Западная группа.—Мемноніумы.—Некрополь.—Ущелье съ царскими гробницами.—Обряды погребенія.—Книга усопшихъ.—Типъ древнихъ Египтявъ.—Походы Фараоновъ.—Иероглифы.

Въ 642 году по Р. Х. арабскій полководецъ Амру, завоевавшій Египеть, писалъ объ этой странѣ халифу Омару:

«О царь правовѣрныхъ! представь себѣ безлюдную, пустынную и великолѣпную долину между двухъ горныхъ цѣпей; это — Египеть. Всѣ его произведенія и всѣ богатства происходятъ отъ благословенной рѣки, которая течетъ посреди страны. Постепенные приливы и отливы ея водъ совершаются также правильно, какъ движеніе солнца и луны. Есть опредѣленное время въ году, когда едва не всѣ источники вселенной платятъ возложенную на нихъ провидѣніемъ дань этой царицѣ рѣкъ. Тогда ея воды вздымаются, выходятъ изъ своего ложа и покрываютъ всю поверхность Египта, чтобы оставить на ней плодородный илъ. Потомъ, когда воды перестаютъ быть необходимою для плодородія почвы, послушная рѣка входитъ обратно въ свое ложе. Такимъ образомъ, о царь правовѣрныхъ, Египеть попеременно изображаетъ собою пыльную пустыню, водяную серебряную равнину, черное, тинистое болото, волнообразный зеленый лугъ, садъ украшенный цвѣтами, и поле, покрытое золотистою жатвой. Да будетъ благословенъ Создатель столькихъ чудесъ!»

Геродотъ назвалъ Египеть «даромъ Нила», и вполне справедливо. Не будь этой рѣки, Египеть слился бы совершенно съ окружающею

его пустыней. Вся жизнь страны сосредоточена только въ узкой Нильской долинь, которая до развѣтвленія рѣки на рукава имѣетъ ширины не болѣе 20 или 25 километровъ. И эта узкая долина въ древности производила столько хлѣба, что могла прокормить населеніе, простиравшееся до 10,000,000 душъ. Но многія мѣста ея, прежде славившіяся своимъ плодородіемъ, теперь совершенно бесплодны, такъ какъ многочисленныя каналы и искусственныя озера древнихъ Египтянъ, сохранявшія и распредѣлявшія воды Нила, будучи заброшены, болѣею частію засыпаны песками изъ сосѣднихъ пустынь. Отъ знаменитаго Меридова озера сохранился только незначительный остатокъ. Самъ Ниль въ древности былъ многоводнѣе; во время разлива онъ поднимался гораздо выше и затоплялъ болѣе широкое пространство, нежели въ наше время, на что существуютъ указанія іероглифическихъ надписей. Извѣстный римскій естествоиспытатель І вѣка по Р. Х., Плиній Старшій такъ описываетъ этотъ разливъ. «Правильное разлитіе поднимало воду на 16 локтей. При меньшей высотѣ вода не покрывала всего нужнаго для земледѣлія пространства, и нельзя было бросать сѣмянъ въ сухую почву. А при болѣе высокой высотѣ вода требовала лишнее время для своего отлива, чѣмъ замедлялись полевая работы; сѣмена также нельзя было сѣять на почву слишкомъ еще влажную, и слѣдовательно, упускалась опредѣленная для того пора. Египетъ боится той и другой крайности: при 12 локтяхъ высоты ему предстоялъ голодъ, при 13 онъ еще опасался недостатка въ продовольствіи; 14 локтей уже радовали жителей, 15 производили успокоеніе, а 16 обѣщали обиліе и вызывали восторгъ». Наибольшей высоты Ниль достигаетъ въ сентябрѣ, а въ декабрѣ онъ входитъ обратно въ свое русло.

Нѣкоторые рисунки на египетскихъ памятникахъ сохранили намъ любопытныя сцены, нерѣдко производимыя разлитіемъ рѣки. Вотъ, напримѣръ, стадо коровъ, застигнутое быстрымъ приливомъ; только ихъ поднятыя шеи и рогатыя головы еще торчатъ изъ воды. Подлѣ видна лодка съ тремя людьми, которые очевидно хлопчутъ о спасеніи животныхъ. Двое изъ нихъ сидятъ и усердно гребутъ; третій стоитъ въ лодкѣ и въ лѣвой рукѣ держитъ весло, а правую бросаетъ веревку четвертому человѣку, находящемуся на берегу. Тутъ же подлѣ плыветъ огромный крокодилъ, что указываетъ и на другую опасность, грозящую несчастнымъ коровамъ.

Племена, расселившіяся на пространствѣ Египетской долины, какъ это обыкновенно бываетъ, первоначально образовали рядъ мелкихъ владѣній. Потомъ, вслѣдствіе ихъ взаимной борьбы, слабѣйшія были поглощены болѣе сильными, и, наконецъ, составилось одно государство. Оно распадалось на двѣ главные части, Нижній и Верхній Египетъ или Сѣверный и Южный, съ двумя средоточіями: Мемфисъ въ Нижнемъ и Оивы въ Верхнемъ Египтѣ. Эти двѣ части составляли когда-то два отдѣльные государства, на что указываетъ изображеніе двухъ особыхъ коронъ на головахъ фараоновъ. Корона Нижняго Египта была краснаго цвѣта и имѣла усѣченную на верху форму, а корона Верхняго Египта была бѣлаго цвѣта и представляла коническую закругленную верхушку. Иногда обѣ короны надѣты вмѣстѣ, при чемъ послѣдняя изображается вставленною въ первую; это означало власть фараоновъ надъ всѣмъ Египтомъ. Древнѣйшее дробленіе страны на мелкія самостоятельныя владѣнія сохранилось однако въ раздѣленіи Египта на правительственные округа или номы, какъ ихъ называютъ греческіе писатели; во главѣ ихъ управленія стояли номархи, которые частію были наследственные и только утверждались въ своемъ достоинствѣ фараонами; они, конечно, были потомками древнихъ мѣстныхъ владѣтелей. Число номъ не всегда было одинаково. По извѣстіямъ греческихъ писателей, оно составляло 36, а по египетскимъ источникамъ — простиралось до 44; изъ нихъ 22 приходились на долю Нижняго Египта, и столько же на долю Верхняго. Это древнѣйшее раздѣленіе Египта на мелкія владѣнія отразилось въ томъ разнообразіи боговъ и священныхъ животныхъ, которые пользовались мѣстнымъ почитаніемъ. Хотя высшее божество Нила или Солнца собственно было одно и то же, но въ одномъ мѣстѣ оно называлось Ра или Озирисъ, а въ другомъ Фта, въ третьемъ Аммонъ; также и второстепенные боги. Изъ священныхъ животныхъ немногія пользовались общимъ почитаніемъ, какъ бытъ Аписъ; напротивъ, каждая область оказывала кому либо свое особое предпочтеніе. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ крокодилъ былъ обожаемъ, а въ другомъ подвергался преслѣдованію.

Древнѣйшимъ средоточіемъ государственнаго единства и египетской гражданственности былъ городъ Мемфисъ. Онъ лежалъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ двѣ параллельныя цѣпи горъ начинаютъ расходиться на востокъ и на западъ, оставляя широкое пространство

для низменности Дельты. Солнечное божество почиталось въ этомъ городѣ преимущественно подъ именемъ Фта, которому здѣсь былъ воздвигнутъ великолѣпный храмъ. Кромѣ того, здѣсь находился храмъ, въ которомъ жилъ священный быкъ Аписъ, почитавшійся земнымъ воплощеніемъ того же Озириса или Фта. Съ перенесеніемъ столицы фараоновъ въ другія мѣста, какъ-то въ Өивы, потомъ въ Саисъ и Александрію, начался упадокъ Мемфиса. Писатель I вѣка по Р. Х. Страбонъ изображаетъ его еще великимъ многолюднымъ городомъ, но уже говоритъ о покинутыхъ и приходившихъ въ разрушеніе дворцахъ. Окончательный ударъ нанесло ему въ VII вѣкѣ основаніе пососѣдству мусульманской столицы Каира, куда перешло его населеніе; многіе мемфисскіе храмы и дворцы были разобраны, чтобы добыть матеріалъ для постройки каирскихъ зданій. Но, спустя шесть вѣковъ, Мемфисъ представлялъ еще величественныя развалины, обнимавшія пространство на полдня пути, какъ о томъ сообщаетъ одинъ арабскій писатель XIII вѣка (Абдуллетифъ), съ удивленіемъ обозрѣвавшій эти развалины. А въ нашемъ вѣкѣ остатки ихъ такъ заволгло рѣчнымъ иломъ и пескомъ пустыни, что приходилось съ трудомъ отыскивать самое мѣсто древняго Мемфиса. Оно обозначалось только безобразными кучами мусору и поверженной на землю колоссальной статуей Рамзеса II, которая была высѣчена изъ цѣльной глыбы чрезвычайно твердаго известняка. Въ послѣднее время однако, благодаря раскопкамъ (преимущественно французскаго археолога Марьета), открыты нѣкоторыя остатки Мемфиса, и между прочимъ знаменитый Серапеумъ или храмъ Аписа съ подземными комнатами и саркофагами, въ которыхъ хранились муміи этихъ священныхъ быковъ.

Самыми прославленными памятниками Мемфисскаго или древнѣйшаго періода Египетской монархіи служатъ громадныя надгробныя сооруженія фараоновъ этого періода, то-есть пирамиды. Наибольшее ихъ число сосредоточено въ окрестностяхъ Мемфиса на западной сторонѣ. Онѣ распадаются на нѣсколько группъ, извѣстныхъ по именамъ сосѣднихъ съ ними деревень, каковы: Жизехъ, Абуширъ, Саккара, Дашуръ и др. Группа Жизехская, самая сѣверная, заключаетъ въ себѣ три самыхъ огромныхъ пирамиды царей Хеопса, Хефрена и Микерина; ихъ окрестности покрыты многочисленными погребальными катакомбами. Такая катакомба обыкновенно состоитъ изъ наружной

часовни или маленькаго храма, гдѣ совершалось поминовеніе умершаго, и подземныхъ комнатъ, гдѣ ставились муміи. Подлѣ каждой пирамиды воздвигался особый храмъ, заключавшій иногда каменную статую фараона. Въ такомъ храмѣ жрецы совершали не только поминовенія, но и жертвоприношенія умершему фараону. Египетскіе фараоны, какъ извѣстно, по смерти окружались божескимъ почитаніемъ отъ своихъ потомковъ. Стѣны этихъ храмовъ, а также и самые саркофаги или гробницы съ муміями, нерѣдко украшены рисунками и рельефами, драгоценными для изученія древне-египетской жизни. Подлѣ Хеопсовой пирамиды находится и знаменитый по своимъ огромнымъ размѣрамъ сфинксъ; онъ представляетъ собственно цѣлую скалу, которой приданъ видъ лежащаго животнаго съ человѣческою головою; впрочемъ только одна голова довольно тщательно обдѣлана.

Вторымъ по времени и еще болѣе славнымъ средоточіемъ Египетскаго государства былъ городъ Ѡивы, котораго Гомеръ называетъ «стовратными». Какъ Мемфисъ чтилъ высшаго бога подъ именемъ Фта, такъ Ѡивы были наполнены святилищами того же солнечнаго бога и царя боговъ, именуемаго Аммономъ-Ра. (Греки поэтому еще называли Ѡивы Діосполисъ, то-есть, городъ Зевса). Какъ Мемфисъ служилъ главною столицею во времена первыхъ десяти царскихъ династій, такъ Ѡивы были средоточіемъ во времена почти десяти послѣдующихъ династій. Упадокъ ихъ начался съ той эпохи, когда столица перешла на сѣверъ въ городъ Саисъ, а потомъ (при Птоломеяхъ) въ Александрію. Кромѣ непріятельскихъ нашествій и внутреннихъ войнъ, разрушенію и заустѣнію Ѡивъ болѣе всего способствовало ежегодное дѣйствіе наводненій. Въ настоящее время на ихъ мѣстѣ существуетъ нѣсколько арабскихъ деревень, которыя пріютились посреди обширныхъ развалинъ. Ни одно мѣсто въ Египтѣ, и можетъ быть—въ цѣломъ мірѣ, не представляетъ такихъ величественныхъ, любопытныхъ развалинъ и чудныхъ памятниковъ, какъ Ѡивы. Теперь, когда европейская наука раскрыла смыслъ многочисленныхъ іероглифовъ и всякаго рода изображеній, покрывающихъ эти развалины, онѣ встаютъ предъ нами какъ живой краснорѣчивый отрывокъ изъ давно прошедшихъ вѣковъ. Въ особенности наглядно говорятъ онѣ о самой блестящей эпохѣ египетской исторіи, объ эпохѣ, послѣдовавшей за изгнаніемъ Гиксовъ, то-есть,

о фараонахъ XVIII и XIX династій, которые украсили Өивы самыми великолѣпными сооружениями.

Египетскія Өивы расположены были на обоихъ берегахъ Нила. Двѣ горныя цѣпи, Ливійская и Аравійская, въ этомъ мѣстѣ отступаютъ отъ береговъ на значительное разстояніе и оставляютъ широкую цвѣтущую долину, на которой раскинулся величественный древній городъ. Эти двѣ его части, впрочемъ, имѣли разное значеніе. Собственно столица Фараоновъ расположена была на восточной или правой сторонѣ Нила; здѣсь былъ городъ живыхъ съ его улицами, площадями, царскими дворцами и храмами. А лѣвая западная сторона служила некрополемъ, то-есть, городомъ мертвыхъ; здѣсь находились кладбища и связанные съ ними многочисленныя сооружения и учрежденія. Посмотримъ сначала на развалины восточной стороны.

На этой сторонѣ существуютъ двѣ главныя группы храмовыхъ развалинъ, которыя извѣстны по именамъ двухъ арабскихъ деревень: Карнакъ и Луксоръ; первый въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега Нила, а второй, то-есть, Луксоръ, расположенъ къ югозападу отъ Карнака на самомъ берегу. Громадный Карнакскій храмъ былъ посвященъ высшему богу Аммону и представлялъ главную святыню Өивъ. Основной планъ египетскихъ храмовъ составляютъ, впервыхъ, ворота, утвержденныя между двумя массивными четырехсторонними башнями или пилонами, которыхъ бока спускаются къ низу не вертикально, а откосами*). Этими воротами вступаютъ на четверугольный дворъ, справа и слѣва окаймленный портиками или колоннадами; за дворомъ слѣдуетъ самое святилище, которое состоитъ изъ полутемной комнаты, окруженной коридорами; внутри святилища находилась колоссальная статуя бога. Дворъ и святилище замкнуты со всѣхъ сторонъ глухими стѣнами. Но этотъ простой планъ нерѣдко усложняется и расширяется. Такъ въ Карнакскомъ храмѣ за обширнымъ дворомъ слѣдуетъ великолѣпная пространная «зала колоннъ»; въ нее вели особыя пилоны; она имѣла сверху просвѣтъ по срединѣ, а по обѣ стороны его кровлю, покоившуюся на 134 колоннахъ. За этою залой шли другія меньшей величины, также снаб-

*) Отъ большаго количества такихъ храмовыхъ воротъ съ башнеобразными пилонами, какъ полагаютъ, египетскія Өивы и получили у Грековъ названіе „стовратныхъ“. По египетски этотъ городъ назывался *Ане*, а Греки переименовали его въ Өивы.

женныя портиками и входными пилонами, пока достигалось святилище съ его коридорами и боковыми комнатами. За этимъ святилищемъ опять видѣнъ дворъ, къ которому примыкають снова залы, портики, покои и другія постройки. Такимъ образомъ все собраніе зданій представляло весьма удлинненный четырехугольникъ. Кромѣ того къ нему примыкають нѣсколько меньшихъ храмовъ и другихъ построекъ, вѣроятно составлявшихъ жилища жрецовъ. Тутъ же видны остатки небольшого священнаго озера; на немъ, во время празднествъ Аммону, плавала его богато украшенная лодка съ статуей этого бога *). Все это наполненное сооружениями пространство окружено было стѣной, остатки которой еще видны теперь. Громадныя сооруженія великаго Аммонова храма не были воздвигнуты одновременно; они возникли въ теченіе двадцати вѣковъ. Такъ, судя по надписямъ, мы находимъ здѣсь постройки Узортазена I, фараона XII династіи. Ему приписываютъ основаніе первоначальнаго святилища. Впослѣдствіи къ этому первоначальному храму пристроивались новые дворы и залы. Особенно возвеличили и украсили этотъ храмъ XVIII и XIX династіи. Построеніе великолѣпной Залы Колоннъ принадлежало Сети I, отцу Рамзеса Великаго. А послѣднія пристройки и украшенія Аммонова храма принадлежать уже Птоломеямъ, то-есть, фараонамъ Македонской династіи. О томъ, какое громадное пространство занималъ весь этотъ храмъ съ своими пристройками, можно судить по тому, что каждый изъ нашихъ большихъ храмовъ свободно помѣстился бы въ одной Залѣ Колоннъ.

Хотя многія части Аммонова храма уже не существуютъ, цѣлыя пилоны и залы исчезли или представляютъ груду камней, однако и то, что сохранилось, доставило богатую жатву для изученія искусства, религіи, быта и исторіи древнихъ Египтянъ. На стѣнахъ, обелискахъ и колоннахъ еще во множествѣ видны рельефныя, мѣстами раскрашенныя изображенія, которыя воскрешаютъ передъ нами образы боговъ и богинь, лики фараоновъ и ихъ женъ, ихъ военные походы, побѣжденные ими народы, завоеванную добычу, жертвоприношенія, религіозныя церемоніи или процессіи и другія сцены. Сохранились еще многія іероглифическія письмена, заключающія цѣ-

---

*) Египтяне представляли себѣ ежедневное движеніе солнца ничѣмъ инымъ, какъ плаваніемъ бога Аммона въ золотой лодкѣ по небесному пространству.

лыя повѣствованія о подвигахъ Фараоновъ, каковы, напрымъръ, большая поэма Пентаура, воспѣвшая побѣдоносный походъ Рамзеса Великаго противъ сирійскаго народа Хетовъ. Нѣкоторые карнакскіе барельефы служатъ превосходною иллюстраціей для этой поэмы. Вотъ, напрымъръ, Рамзесъ, стоя на легкой боевой колесницѣ, запряженной двумя конями, какъ ураганъ врѣзывается въ толпу неприятелей и разить ихъ своимъ кривымъ мечемъ. На головѣ его высокій шлемъ съ широкимъ верхомъ; надъ нимъ, распустивъ крылья, парить священная птица, символъ побѣды. На другой картинѣ Фараонъ несется на колесницѣ за бѣгущими врагами и поражаетъ ихъ стрѣлами изъ своего огромнаго лука. Изъ подобныхъ картинъ мы получаемъ наглядное понятіе о тѣхъ массахъ парныхъ колесницъ, которыя въ древнѣйшія эпохи замѣняли собою позднѣйшую верховую конницу. Тутъ же встрѣчается любопытный мирный договоръ, заключенный между Рамзесомъ и царемъ Хетовъ, и т. д. Лѣсъ стоящихъ правильными рядами колоннъ все еще производитъ чарующее дѣйствіе на зрителя. Массивныя колонны египетскія здѣсь представляютъ два типа: однѣ—высокія съ капителю, имѣющею видъ чаши или бокала (собственно раскрывшійся цвѣтокъ лотоса, или цѣлый пукъ цвѣтковъ), другія—низкія съ оригинальною капителю, къ верху не расширяющеюся, а на оборотъ слегка суживающеюся. Сохранилась мѣстами и пестрая раскраска, покрывавшая эти колонны.

Группа Карнакскихъ развалинъ не ограничивается великимъ храмомъ Аммона и малыми храмами, къ нему пристроенными. Къ нимъ принадлежатъ еще развалины двухъ храмовъ: бога Хунсу и богини Мутъ. Въ разныхъ частяхъ Египта, какъ мы сказали, высшее божество носило разныя названія. Этого мало: оно распадалось еще на три лица, представлявшихъ семью, то-есть: состояло изъ главнаго бога, его супруги и ихъ сына. Напрымъръ, въ Абидосѣ такую триаду составляли Озирисъ, Изида и сынъ ихъ Горъ (въ Мемфисѣ Фта, Захтъ и Имутнесъ). А въ Фивахъ верховному богу Аммону придавали супругу Мутъ и сына Хунсу, которыхъ храмы воздвигли вблизи его святилища. Къ храму богини Мутъ съ одной стороны прилегалo небольшое священное озеро, имѣющее подковообразную форму. Какъ храмовой дворъ такъ и берега этого озера, были наполнены статуями богини, снабженными льви-

ною головою. Онѣ сдѣланы изъ чернаго гранита, и многія изъ нихъ уже расхищены; но и остающіяся на берегу озера, отражаясь въ его водахъ, придаютъ ему мрачный, таинственный характеръ.

Всѣ эти храмы связаны были другъ съ другомъ аллеями изъ каменныхъ сфинксовъ, которые изображали лежащихъ львовъ съ человѣческими или бараньими головами. Подобная же аллея связывала Карнакскій храмъ Аммона съ храмомъ Луксорскимъ. По бокамъ этой длинной аллеи размѣщено было, по видимому, до 600 сфинксовъ. Такія аллеи служили притомъ священными путями, по которымъ въ извѣстные праздники совершались торжественныя религиозныя процессіи.

Луксорскій храмъ, расположенный на самомъ берегу Нила и также посвященный Аммону, подобно Карнакскому представляетъ лабиринтъ пилоновъ, дворовъ, колоннадъ, портиковъ, обелисковъ и колоссальныхъ статуй, воздвигнутыхъ въ разное время разными фараонами, преимущественно Аменхотепомъ III (XVIII династія) и Рамзесомъ II (XIX династія). Здѣсь, между прочимъ, опять находимъ изображеніе битвъ съ Хетами и поэму Пентаура. По бокамъ входныхъ воротъ виднѣются двѣ колоссальныя статуи Рамзеса, которыя почти до плечъ засыпаны мусоромъ. Тутъ же стояло два большихъ обелиска, воздвигнутыхъ тѣмъ же Рамзесомъ, судя по ихъ надписямъ. Одинъ изъ этихъ обелисковъ перевезенъ въ Парижъ и украшаетъ тамъ Площадь Согласія.

Въ какомъ отношеніи эти развалины находились къ царскимъ дворцамъ, — въ точности неизвѣстно. Остатки покоевъ, встрѣчающіеся въ группѣ подобныхъ развалинъ, составляли часть этихъ дворцовъ, или дворцы царскіе стояли совершенно особо и исчезли безслѣдно; о томъ существуетъ въ наукѣ еще не рѣшенный вопросъ. Кромѣ помянутыхъ развалинъ, здѣсь не сохранилось никакихъ остатковъ жилищъ; нѣтъ также указаній на положеніе городскихъ улицъ и площадей, хотя древніе писатели согласно говорятъ о великолѣпіи и многолюдствѣ этого города.

Одинъ французскій ученый, пользуясь изображеніями на памятникахъ и разными предметами египетскаго быта, попытался набросать слѣдующую фантастическую картину древнихъ Фивъ:

«Прежде всего мы видимъ подлѣ самого Нила, въ нижнихъ частяхъ города, обширныя, хорошо содержимыя сады, съ ихъ изго-

родью, пальмовыми аллеями; гранатовыми и фиговыми деревьями, виноградниками, каменными водоемами, въ которыхъ плаваютъ водяныя птицы, съ ихъ раскрашенными деревянными кіосками, которые снабжены балконами и рѣшетками, съ ихъ разноцвѣтными квадратами овощей, цвѣтовъ и луковидныхъ растений,—сады, по которымъ непрерывно двигаются слуги, поливающіе ихъ изъ длинныхъ кувшиновъ. За ними живописными группами видѣются просторныя житницы, въ которыхъ складываются сокровища богатаго Египта, и дома обитателей, снабженные квадратными оконными отверстиями съ подвижными раскрашенными ставнями; дома эти, неравные по своей высотѣ, обставляютъ улицы, которыя, идя перпендикулярно отъ рѣки, какъ змѣи тянутся къ пескамъ сосѣдней пустыни. Устремляя наши взоры подѣ края тамъ, сямъ приподнятыхъ камышевыхъ ставень, мы примѣчаемъ фресковыя изображенія, которыя украшаютъ внутренность комнатъ, цыновки, разостланныя по полу, плетенныя изъ тростника и мягкія какъ ткань, кресла съ загнутою назадъ спинкой изъ кедроваго дерева и украшенныя позолотой или складныя, легкіе стулья, скамейки, покрытыя яркими тканями, круглыя столы съ ящиками и ларчиками, треножки, на которыхъ стоятъ высокіе кувшины изъ скважистой глины, кровати съ эмалью и позолотой, снабженныя подушками съ шелковымъ шитьемъ, шкуры дикихъ животныхъ, богатые яркоцвѣтные ковры. Почти всѣ дома похожи другъ на друга, если не по размѣрамъ, то по внутреннему расположенію. Это высокій павильонъ съ террасой на верху; а по бокамъ его возвышаются двухъярусныя галлерей на изящныхъ колонкахъ. И всѣ эти жилища, скромныя и роскошныя, прижатые другъ къ другу, бросая свою тѣнь на улицы, въ массѣ представляютъ двѣ стѣны длиннаго рва; до того однообразны ихъ симметричныя очертанія, ширина и общій ихъ видъ» (Фейдо—*Histoire des usages funèbres*).

Очеркъ этотъ относится къ восточной сторонѣ Өивъ, то-есть, къ собственному городу или столицѣ фараоновъ. Другой видъ имѣла западная сторона или Некрополь. Ближе къ берегу тутъ были разбросаны группы домиковъ, гдѣ жило бѣдное населеніе, состоявшее изъ ремесленниковъ и преимущественно тѣхъ, которые занимались разными частями погребенія, какъ-то вскрытіемъ труповъ, ихъ бальзамированіемъ, изготовленіемъ саркофаговъ и катакомбъ и т. п.

Далѣ за этими домиками у подошвы горъ возвышались великолѣпные храмы съ жилищами жрецовъ и состоявшими подъ ихъ вѣдѣніемъ школами и бібліотеками; а за ними, уже на скатахъ и въ ущельяхъ горъ, помѣщались еивскія кладбища съ ихъ многочисленными катакомбами, между которыми первое мѣсто по объему и украшеніямъ, конечно, занимаютъ катакомбы царскія. Храмы этой западной стороны имѣли тѣсное отношеніе къ царскимъ катакомбамъ. Между тѣмъ какъ на Мемфисскомъ полѣ царскій прахъ покоился въ пирамидѣ, а подлѣ нея былъ храмъ, въ которомъ жрецы воздавали божескія почести памяти царя, въ западной половинѣ Оивъ муміи фараоновъ покоились въ нѣдрахъ горъ. А для поминовенія о себѣ фараоны воздвигали храмы у подошвы этихъ горъ; здѣсь умершему царю молились и приносили жертвы, ибо думали, что по смерти онъ становится Озирисомъ. Такому поминальному храму или «памятнику» Греки давали названіе *memnonium*. Въ настоящее время здѣсь, какъ и на восточной сторонѣ, главныя группы храмовыхъ развалинъ извѣстны подъ именами нѣсколькихъ сосѣднихъ съ ними арабскихъ и коптскихъ деревень, каковы особенно Мединетъ-Абу въ южномъ углу этой стороны и Курна въ сѣверномъ.

Развалины Мединетъ-Абу, въ свою очередь, распадаются на нѣсколько группъ, ибо, подобно великому Карнакскому храму, представляютъ нѣсколько связанныхъ другъ съ другомъ и построенныхъ въ разное время храмовъ. Самый старшій изъ нихъ началъ Тутмосомъ I (XVIII династія) и оконченъ его преемниками. Тутъ есть пристройки даже временъ Римской имперіи. А главная и наиболѣе украшенная группа зданій принадлежала Рамзесу III (XX династія) и была посвящена также богу Аммону. Въ этой группѣ привлекаетъ вниманіе башнеобразное двухъэтажное зданіе, увѣнчанное зубцами на верху, съ нѣсколькими покоемъ внутри и съ проѣздными подъ его серединой воротами. На наружныхъ стѣнахъ его изображены побѣды Рамзеса III; побѣжденные имъ народы (Сирійцы, Ливійцы, Эіюпы) являются тутъ съ ихъ типичными чертами лица и въ своихъ особыхъ одеждахъ. Еще любопытнѣе рисунки на внутреннихъ стѣнахъ покоевъ. Здѣсь мы видимъ домашнюю жизнь Рамзеса. Онъ сидитъ на изящномъ креслѣ посреди своего семейства; женская фигура подаетъ ему плоды; онъ одною рукою беретъ ихъ, а другою дѣлаетъ ласкающій жестъ. Затѣмъ слѣдуетъ самый

храмъ, который представляет теперь остатки двухъ или трехъ дворовъ съ ихъ портиками. Одинъ изъ портиковъ сохранилъ еще свой голубой, усѣянный золотыми звѣздами потолокъ. Тутъ же возвышаются нѣсколько массивныхъ пилоястровъ, къ которымъ прислонены колоссальныя статуи Рамзеса III, изваяннаго въ видѣ Озириса. Пилоны и стѣны храма покрыты барельефами, мѣстами сохранившими свою окраску; они представляютъ цѣлую эпопею изъ исторіи того же Фараона. Въ одной картинѣ Рамзесъ III поражаетъ булавою группу колѣнопреклоненныхъ предъ нимъ непріятелей. Аммонъ подаетъ ему боевой топоръ, при чемъ начертана и рѣчь, въ которой богъ отдаетъ въ руки Фараона судьбу его враговъ. Другая картина изображаетъ Рамзеса, отправляющагося въ походъ на богато украшенной колесницѣ; третья сообщаетъ поражение непріятелей. Въ четвертой видимъ рядъ плѣнныхъ, ведомыхъ предъ Фараона; его писецъ записываетъ число рукъ отрубленныхъ на полѣ битвы у павшихъ враговъ, согласно съ военными обычаями древнихъ Египтянъ. Число это составляетъ 12.535. Далѣе видны судовой походъ и битва у морскихъ береговъ. Наконецъ, царь съ триумфомъ возвращается въ Фивы и приносить благодареніе богамъ. Въ числѣ многихъ другихъ картинъ любопытны особенно церемоніи и обряды царскаго коронованія двойнымъ вѣнцомъ (Верхняго и Нижняго Египта). Тутъ, между прочимъ, изображена великолѣпная процессія: Фараонъ возсѣдаетъ на тронѣ, который на носилкахъ несутъ 12 военачальниковъ съ страусовыми перьями на головахъ; носилки окружаютъ саиовники съ опахалами, впереди оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ, позади отрядъ воиновъ. Въ другомъ отдѣленіи той же церемоніи видимъ, какъ статую бога Аммона несутъ 22 жреца на носилкахъ, имѣющихъ видъ паланкина; вокругъ идутъ другіе жрецы съ опахалами и вѣтвями деревъ, покрытыхъ цвѣтами; впереди пѣшкомъ шествуетъ Фараонъ.

Неподалеку отъ Мединетъ - Абу находится мѣсто храма, построеннаго Аменхотепомъ III (XVIII династіи). Но о большихъ его размѣрахъ и великолѣпніи можно судить только по нѣкоторымъ обломкамъ, а главное по двумъ статуямъ Фараона, стоявшимъ впереди первыхъ пилоновъ или храмовыхъ воротъ. Эти колоссы изваяны изъ темнокраснаго, очень твердаго песчаника; они имѣютъ 60 футовъ высоты и представляютъ Фараона, по обыкновенію, въ сидя-

чемъ положеніи на тронѣ, съ руками, протянутыми на колѣна. Одна изъ этихъ статуй раскололась пополамъ вслѣдствіе землетрясенія незадолго до Р. Х. Верхняя ея часть упала на землю и приобрѣла знаменитость звуками, которыя она издавала при восхожденіи солнца. Греки приписали ее миѣическому царю Эѳіопіи Мемнону, сыну Авроры, участнику Троянской войны. По ихъ объясненію она ежедневно привѣтствовала звуками появленіе на небѣ своей матери Авроры (зари). Звуки эти еще въ древности привлекали многихъ римскихъ и греческихъ путешественниковъ, о чемъ свидѣлствуютъ вырѣзанныя ими многочисленныя надписи на пьедесталѣ статуи, въ прозѣ и стихахъ.

Приведемъ одну изъ стихотворныхъ надписей времени Антонина Благочестиваго, которая заслуживаетъ вниманія по своей поэтичности и нѣжному семейному настроенію: «Мать твоя, розоперстая богиня Аврора, о знаменитый Мемнонъ, дала тебѣ звуки для меня, который такъ желалъ тебя услышать. Въ двѣнадцатый годъ славнаго Антонина я дважды слышалъ твой гласъ, о божественное существо, когда солнце покидало величественныя волны Океана. Нѣкогда сынъ Сатурна сдѣлалъ тебя царемъ востока; а теперь ты только камень, и изъ этого камня исходитъ твой голосъ. Гемелль въ свою очередь написалъ эти стихи, прибывъ сюда съ милою супругою Руфилой и своими дѣтьми».

Въ числѣ любопытныхъ посѣтителей статуи былъ также императоръ Адрианъ съ своею женой. Императоръ Септимій Северъ велѣлъ поднять упавшую часть колосса, и съ тѣхъ поръ она замолкла, что ясно указываетъ на физическую причину, производившую таинственные звуки.

Подвигаясь далѣе къ сѣверу, вдоль подошвы Ливійскаго хребта, мы встрѣчаемъ остатки пилоновъ, колоссовъ, главнаго двора, портиковъ, великолѣпной залы съ 48 колоннами, поддерживающими потолокъ, и нѣсколькихъ покоевъ или палатъ. Это развалины знаменитаго Рамесеума, то-есть, храма построеннаго Рамзесомъ II Міамуномъ. На стѣнахъ сохранилось еще много картинъ, относящихся къ этому Фараону, въ томъ числѣ обрядъ его коронаванія, подобный вышеупомянутому. Большею же частію содержаніе картинъ относится къ подробностямъ его похода противъ Хетовъ и взятія ихъ крѣпостей. Одна изъ палатъ по нѣкоторымъ признакамъ слу-

жила царскай бібліотэкай, о якой упоминаецца яшчэ Діодоръ Сіцылійскій. Здэсь храниліся, канечна, многія святкі іспісанага папіруса. У входу въ эту палату былі изображаны богъ Тотъ і богіня Сафъ, покровітэлі кнігъ і грамотнаста. По словамъ Діодора, надъ входомъ была надпіс: «Лѣкарство души».

Затѣмъ, оставяя въ сторонѣ разваліны нѣкоторыхъ мемноіумовъ, мы укажемъ яшчэ значітельную іхъ групу на сѣверномъ краю долины подлѣ деревні Курна. Это остаткі храма, построенаго Сети I, отцемъ Рамзеса II. Здэсь сохраниліся преимущественно остаткі главной залы съ примыкающими къ ней покоями. Въ числѣ ея барельефовъ наиболѣ замѣчательно изображение богіні Гаторъ (егіпетская Венера), которая своею грудью кормітъ молодаго Сети. Подобныя изображенія, то-есть, богіня, кормящая грудью какаго-лібо фараона, нерѣдко встрѣчаются на егіпетскихъ памятниклахъ.

Лівійскій хребетъ горъ, обыкновенно отлогій і низкій, обрамляя съ запада Фівскую долину, поднімаецца на значітельную высоту і прінімаецъ дикій скалістый видъ. Въ немъ-то і помѣщается Фівскій некрополь. Его извилистыя обрывы і изломанные бока до того усѣяны чернѣющими отверстиями, что издали, со стороны долины, они імѣють видъ громадной каменной губки. Эти отверстия суть входы въ пещерныя гроты і катакомбы, въ которыхъ покоятся безчисленныя муміі древнихъ обитателѣ Фивъ. Обыкновенно за болѣе ілі менѣе длиннымъ входнымъ коридоромъ слѣдуютъ высѣченныя въ горѣ комнаты, украшенныя живописью і скульптурами, колодцами і нишами, въ которыя ставілись саркофагы съ муміями. Иногда катакомба была занята однимъ только покойникомъ, иногда служіла семейнымъ склепомъ; а муміі бѣднѣйшихъ классовъ становілись цѣлыми тысячами въ одномъ подземельѣ, лишенномъ всякихъ украшеній. Что касается до гробницъ высшихъ классовъ, то количество і величина подземныхъ комнатъ, украшения стѣнъ і саркофаговъ, канечна, зависѣли отъ степени знатности і достатка покойниковъ. Здэсь встрѣчаются гробницы не только вельможъ і жрецовъ, но і нѣкоторыхъ древнѣйшихъ династій. Собственно же царскія катакомбы находятся яшчэ далѣ на западъ, между первымъ і вторымъ кряжемъ Лівійскаго хребта. Онѣ распадаются на нѣскольکو группъ. Главная изъ нихъ та, къ которой ведеть длинное, извилистое

ущелье, известное у местных Арабовъ подъ названіемъ Бибанъ-эль-Молукъ (Врата царей). Мрачный, пустынный характеръ ущелья и его желто-коричневья скалы производятъ тяжелое впечатлѣніе; оно вполне соответствуетъ этому царству смерти и желанію оградить его отъ всего, что можетъ нарушить неприкосновенность царственныхъ покойниковъ. Ущелье приводитъ въ котловину съ нависшими надъ ней скалами; съ обѣихъ сторонъ ея чернѣютъ отверстія длинныхъ коридоровъ, которые ведутъ въ загробные покои фараоновъ. Когда новѣйшимъ изыскателямъ удалось проникнуть въ нѣкоторыя изъ такихъ наглухо закрытыхъ покоевъ, то они были поражены ихъ размѣрами и роскошною отдѣлкою. Передъ ними открылись цѣлыя подземные дворцы съ воротами, портиками, колоннами, лѣстницами, малыми комнатами и просторными залами, которыхъ стѣны покрыты изящно вырѣзанными іероглифами, скульптурами и картинами, сохранившими всю свѣжесть своихъ красокъ. По видимому, большее или меньшее протяженіе такого погребальнаго дворца зависѣло отъ продолжительности царствованія того фараона, для муміи котораго онъ назначался, подобно тому, какъ это было при сооруженіи пирамидъ. Фараонъ все время своего царствованія готовилъ мѣсто своего погребенія; чѣмъ долѣе онъ жилъ, тѣмъ болѣе его пещерный дворецъ углублялся внутрь горы, число комнатъ и связующихъ коридоровъ умножалось; лучшіе художники работали надъ ихъ украшеніями. Какъ скоро царь умиралъ, прекращались и работы надъ его гробницею.

Изъ открытыхъ доселѣ царскихъ гробницъ Бибанъ-эль-Молука самая обширная и самая роскошная принадлежитъ фараону Сети I. Рядъ нарисованныхъ здѣсь картинъ посвященъ обычному предмету погребальныхъ катакомбъ, то-есть, загробной миѳологіи; преимущественно онѣ изображаютъ странствованія души по разнымъ отдѣламъ загробнаго мира до той минуты, пока она не вступитъ въ чертоги солнца. Въ одной изъ залъ стоитъ вытесанный изъ алебастра и покрытый скульптурами саркофагъ, теперь пустой, а прежде заключавшій мумію Фараона. Но кромѣ предметовъ загробной миѳологіи, въ царскихъ гробницахъ нерѣдко встрѣчаются также изображенія изъ домашней жизни фараоновъ, впрочемъ не въ главныхъ залахъ, а во входныхъ и побочныхъ камерахъ. Особенно такими картинами замѣчательна гробница Рамзеса III. Тутъ, напримѣръ, мы ви-

димъ придворную кухню и поваровъ, занятыхъ приготовленіемъ обѣда, царскія лодки, доспѣхи, оружіе, рисунки изящной мебели, земледѣльческихъ работъ, птицъ, плодовъ и наконецъ, изображеніе двухъ слѣпцовъ, которые играютъ на арфахъ, украшенныхъ замѣчательно тонкою рѣзьбою.

Главныя заботы древнихъ Египтянъ, какъ извѣстно, были направлены на сооруженіе себѣ прочныхъ загробныхъ жилищъ и на предохраненіе труповъ отъ гніенія. Отсюда до высокаго совершенства развилось у нихъ искусство бальзамированія и вообще приготовленіе мумій. Умершаго человѣка обыкновенно относили въ особое помѣщеніе, гдѣ его тѣло поступало въ руки бальзамировщиковъ, подраздѣлявшихся на разныя специальности. Важнѣйшую роль въ этомъ процессѣ игралъ натръ или щелочная соль; въ немъ держали трупъ довольно продолжительное время, чтобы совершенно его высушить. Когда мумія была завернута въ лентообразную, безконечно длинную ткань, уподобляясь спеленутому ребенку; когда, смазанная клеємъ и гипсомъ, эта оболочка становилась совершенно твердою и разрисовывалась, причеѣмъ получала какъ бы живое лицо, съ раскрытыми глазами, тогда мумію относили обратно въ домъ покойника, и ставили ее стоймя. Жрецы въ извѣстные часы совершали передъ нею возліянія, приносили богамъ жертвы и творили молитвы. Семья его все это время проводила въ глубокомъ траурѣ и воздержаніи. Наконецъ, наступалъ день погребенія. Мумію въ торжественной процессіи, въ сопровожденіи жрецовъ, большой толпы народа и наемныхъ плакальщицъ изъ города отвозили на другой берегъ Нила въ Некрополь. Рѣка покрывалась въ это время цѣлою флотиліей разной величины лодокъ и барокъ, перевозившихъ процессію. Лодка съ муміей была наиболѣе украшена и снабжена балдахиномъ. Достигнувъ гробницы, мумію вкладывали въ деревянный или каменный, болѣе или менѣе украшенный саркофагъ, который ставили въ погребальной комнатѣ. Если гробница назначалась для цѣлой семьи, то ея двери только запирали, а если для одного лица, то ихъ наглухо закладывали кирпичемъ, и входъ заваливали огромными камнями. Последнее особенно тщательно дѣлали съ гробницами фараоновъ, такъ что до сихъ поръ большая ихъ часть остается еще не открытою.

Всѣ эти заботы и хлопоты, сопровождавшія погребеніе, конечно, находились въ тѣсной связи съ вѣрованіями древнихъ Египтянъ, съ ихъ понятіями о загробной жизни и безсмертіи души.

Это загробное существованіе они представляли себѣ продолженіемъ земной жизни, и судьбу души ставили въ какую-то зависимость отъ цѣлости ея бывшаго тѣла; почему такъ заботились о его ненарушимомъ покоѣ и сохранности. Какъ извѣстно, Египтяне вѣрили переселенію душъ или ея переходы въ тѣла животныхъ. Но эти переходы, повидимому служили наказаніемъ, то-есть, относились не ко всѣмъ, а только къ людямъ особенно грѣшнымъ. Поэтому первое, что ожидало душу за гробомъ, это судъ Озириса, въ царствѣ смерти (Аменте); до него она достигала, пройдя разныя мытарства. Въ числѣ предметовъ, которые клали съ покойниками въ саркофагъ, важнѣйшее значеніе имѣла «Книга усопшихъ». Такъ назывался свитокъ папируса, заключавній въ себѣ молитвы и правила, съ помощью которыхъ покойникъ долженъ былъ преодолѣть многія препятствія, чтобы явиться на судилищѣ Озириса. Такимъ образомъ она сообщаетъ намъ египетское понятіе о странствованіяхъ души въ царствѣ смерти.

Найденные образцы этой «Книги усопшихъ» не одинаковы по объему, иные болѣе полные, другіе болѣе сокращенные; иногда они снабжены рисунками. Особенно любопытно въ нихъ изображеніе залы посмертнаго судилища, встрѣчающееся и на еивскихъ памятникахъ. Тутъ на первомъ планѣ возсѣдаетъ на тронѣ властитель загробнаго міра и верховный судья Озирисъ, снабженный клинообразною бородой и обычными принадлежностями царской власти. На головѣ его конусообразный шлемъ (похожій на корону Верхняго Египта) съ двумя страусовыми перьями и такъ-называемымъ уреусомъ (загнутая вверхъ голова священной змѣи, неизмѣнная принадлежность египетской короны); въ одной рукѣ бичъ, въ другой посохъ или скипетръ; шея украшена золотымъ ожерельемъ, а рука браслетомъ. Передъ трономъ жертвенный столъ, покрытый дарами; тутъ цвѣты, хлѣбы, плоды, птицы, курильница съ благовоніями и пр. Передъ жертвеннымъ столомъ сидитъ четвероногое чудовище съ пастью гипшопотама; это стражъ въ родѣ греческаго цербера; онъ же обвинитель покойниковъ.

Душа умершаго, имѣя видъ женщины, введена въ судилище богинею справедливости Ма. Воздѣвъ руки кверху, душа говоритъ Озирису: „Помоги мнѣ, властитель истины; я достигъ тебя; я знаю

имена сорока двухъ боговъ, которые съ тобою въ залѣ истины бодрствуютъ надъ нечестивыми“.

Эти сорокъ два судьи, помощники Озириса, изображены тутъ же на верху залы сидящими въ длинномъ ряду. На головѣ каждого страусовое перо—символъ истины; головы ихъ очень разнообразны: однѣ имѣютъ человѣческой видъ, а другія разныхъ животныхъ, напримѣръ, копчика, шакала, гиппопотама, льва и т. д. Каждый изъ этихъ судей наказывалъ извѣстный порокъ. Душа должна была назвать каждого изъ нихъ по имени и оправдаться въ его порокъ. Затѣмъ изображены большіе вѣсы; на одну ихъ чашу поставлена ваза съ сердцемъ покойника, на другой гиря въ видѣ статуетки богини Ма. Тутъ же стоятъ братья-боги: Гору съ головою копчика и Анубисъ съ головою шакала; они повѣряютъ чашки вѣсовъ. А богъ Тотъ, съ головою ибиса, пиसेць Озириса, записываетъ результатъ взвѣшиванія, чтобы представить его верховному судѣ, который и произноситъ окончательный приговоръ.

Такъ изображалась сцена суда надъ душею въ Аменте или царствѣ смерти.

Заботы древнихъ Египтянъ о своихъ трупахъ и загробныхъ покоехъ увѣнчались успѣхомъ. Прошли тысячелѣтія. Отъ жилищъ египетскихъ гражданъ на правой сторонѣ Нила не осталось и слѣдовъ; а ихъ гробницы и муміи сохранились въ первобытной цѣлости, чему много способствовала также известковая сухая почва Фивскаго некрополя. Правда, многіе изъ этихъ погребальныхъ гротовъ подверглись ограбленію, которое началось уже въ древнія времена; часть ихъ занята теперь бѣднымъ коптскимъ населеніемъ, при чемъ дорогіе памятники скульптуры и живописи осуждаются на варварское разрушеніе. Многія муміи, саркофаги, статуи, скульптуры и предметы древняго быта, находимые въ гробницахъ, увезены и продолжаютъ постоянно увозиться въ Европу, гдѣ они наполнили цѣлые музеи. Но эти памятники здѣсь уже тщательно оберегаются какъ сокровища исторической науки. А затѣмъ все еще остается огромное количество нетронутыхъ и даже никому неизвѣстныхъ катакомбъ, благодаря старательно задѣланнымъ входамъ.

Скульптурныя и живописныя картины, покрывающія египетскіе памятники, изображаютъ древнихъ Египтянъ людьми худощавыми, но крѣпко сложенными, съ широкими, немного приподнятыми плечами.

Большіе миндалевидные глаза, умѣренный носъ, весьма полныя губы, при овальномъ очертаніи лица и гладко выбритомъ подбородкѣ, придаютъ ихъ фізіономіи оригинальное, и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкое, пріятное выраженіе. Цвѣтъ кожи, по видимому, разнообразился отъ свѣтлоричневаго и почти бѣлаго у высшихъ классовъ, особенно у женщинъ, до темнокоричневаго у классовъ низшихъ. Ясно, что египетская народность явилась плодомъ смѣшенія бѣлой семитической расы съ темною эіоупскою, близкою къ негритянскому типу. Одежда ея, изображаемая на памятникахъ, весьма несложна и легка; у низшаго рабочаго класса она, по видимому, ограничивалась однимъ треугольнымъ передникомъ, спускавшимся отъ пояса до колѣнъ. Такая простота костюма обуславливалась жаркимъ климатомъ Нильской долины. Женщины обыкновенно изображаются въ длинной туникѣ; но ткань такъ прозрачна, что не мѣшаетъ видѣть очертанія ихъ легкаго стройнаго стана. Затѣйливостію отличались только головные уборы, особенно у женщинъ, которыя, кромѣ того, любили украшать себя браслетами и ожерельями. Вообще древніе Египтяне представляютъ замѣчательную расу, богато одаренную физическими и умственными качествами. О ихъ художественныхъ способностяхъ наглядно свидѣтельствуютъ памятники ихъ искусства; а ихъ практической умъ выразился особенно въ сооруженіяхъ, имѣвшихъ связь съ разлитіями Нила и оплодотвореніемъ почвы. Терпѣніе и трудолюбіе жителей возвели ихъ страну на высокую степень благосостоянія; а глубокая религіозность, охранительное (консервативное) направленіе характера, крѣпость семейнаго быта и сильно развитая политическая дисциплина сообщили ихъ общественному строю такую устойчивость, которая обусловила четырехъ-тысячелѣтнее существованіе самобытной, государственной исторіи. При такихъ качествахъ, при помощи особеннаго положенія страны, отдѣленной естественными преградами отъ хищныхъ сосѣдей, египетская гражданственность успѣла развиться и достигнуть высшей степени въ то время, когда другіе историческіе народы находились еще въ дикомъ или полудикомъ состояніи. Это самая древняя изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ цивилизацій, имѣвшая большое вліяніе на цивилизацію греко-римскую, а чрезъ нее и на европейскую вообще ¹⁾).

¹⁾ Отъ другихъ народовъ древняго востока Египтяне по преимуществу отличались уваженіемъ къ женщинамъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ фараоновъ,

Только двумя небольшими краями своей страны Египтяне примыкали къ другимъ странамъ, откуда имъ могла грозить серьезная опасность: на югъ Нильская долина областю рѣчныхъ пороговъ отдѣлялась отъ Эѳіопіи, а на сѣверо-востокъ (Суецкій) перешеекъ связывалъ ее съ Сиріей. И дѣйствительно, съ этихъ двухъ концовъ приходили хищныя толпы, чтобы грабить богатства, накопленные въ Египтѣ мирнымъ трудомъ. Ливійскіе же народцы западной пустыни были довольно ничтожны. Наиболѣе дѣятельные и воинственные изъ фараоновъ не дожидались враговъ въ своей землѣ, а обыкновенно ходили въ ихъ области, и старались наложить на нихъ египетское владычество.

По отношенію къ Нубіи или Эѳіопіи это удавалось имъ легче. Гораздо труднѣе была борьба съ семитическими племенами и государствами Сиріи. Около походовъ въ эту сторону болѣе всего сосредоточиваются картинныя изображенія на еиванскихъ памятникахъ. Нѣкоторые фараоны увлекались своими завоеваніями, и заходили слишкомъ далеко на сѣверовостокъ, тогда какъ по характеру своему Египтяне были народъ, склонный по преимуществу къ мирнымъ, земледѣльческимъ занятіямъ. Однако исторія большею частію оправдываетъ походы воинственныхъ фараоновъ, ибо изъ Сиріи грозила всегда главная опасность для самобытности Египта; это особенно доказало долговременное иго пастырей—Гиксовъ. Побѣды и завоеванія Фараоновъ въ Сиріи въ свою очередь надолго обезопасили Египетъ отъ хищныхъ азіатскихъ ордъ; пока съ той же стороны не пришло могущественное племя Персовъ, которое и наложило свою тяжелую руку на стародавнюю египетскую самобытность. Побѣды и завоеванія фараоновъ, кромѣ внѣшней безопасности и всякаго рода добычи, доставляли имъ еще многія толпы плѣнныхъ, которые, по обычаю древнихъ народовъ, обращались въ невольниковъ и употреблялись фараонами на тяжелыя работы при ихъ громаднхъ сооруженіяхъ. На египетскихъ памятникахъ нерѣдко можно было видѣть

мы почти не видимъ у нихъ столь обычныхъ на востокѣ гаремовъ. Уваженіе къ женщинѣ обуславливало у нихъ замѣчательную крѣпость семейнаго быта. Эта черта отразилась и въ египетской религіи, въ ихъ триадахъ, которыя представляютъ тѣсный семейный союзъ. Особенно трогательнымъ, вѣрнымъ семейнымъ чувствомъ отличается мизъ о богинѣ луны Изидѣ, оплакивающей и отыскивающей своего солнечнаго супруга Озариса, вѣроломно убитаго братомъ Тифономъ, богомъ мрака и пустыни.

этих невольниковъ, работавшихъ подъ палкою неумолимыхъ надсмотрщиковъ.

Долгое время образованный европейскій міръ принужденъ былъ довольствоваться тѣми отрывочными свѣдѣніями о древнемъ Египтѣ, которыя находились преимущественно въ Библейской исторіи, въ классическихкихъ сочиненіяхъ Геродота и Диодора Сицилійскаго, далѣе у Климента Александрійскаго, одного изъ старшихъ отцовъ церкви, и также у Манеона, египетскаго жреца времени Птолемея, составившаго списки царскихъ династій на греческомъ языкѣ. Развалины и многочисленные памятники, усѣявшіе Нильскую долину, служили наглядными свидѣтельствами ея долгой исторіи. Но свидѣтельства эти оставались нѣмыми, пока не заговорили покрывавшія ихъ таинственныя іероглифическія письма, которыхъ смыслъ наконецъ раскрылся передъ нами, уступивъ усиліямъ могучей европейской науки. Въ 1799 году, во время экспедиціи Наполеона въ Египетъ, при возведеніи укрѣпленій въ Розеттѣ, Французы нашли черный гранитный камень съ тремя надписями: двѣ были написаны загадочными письменами, а третья греческая. Эта послѣдняя содержала въ себѣ постановленіе жрецовъ о сооруженіи статуй въ честь Птолемея V Эпифана. Она-то и послужила ключемъ къ разясненію двухъ другихъ надписей, которыя, какъ справедливо предположили ученые, заключали то же самое постановленіе на египетскомъ языкѣ; притомъ, какъ оказалось, одна изъ нихъ была начертана письмомъ іероглифическимъ или образнымъ, а другая демотическимъ или скорописью. Сличая знаки той и другой съ соответствующими греческими словами, ученые добрались до состава азбуки іероглифической и демотической. А съ помощью языка Коптовъ, который произошелъ отъ языка древнихъ Египтянъ, они добились и самаго чтенія египетскихъ письменъ. Разумѣется, эти результаты были достигнуты долгими и соединенными усиліями многихъ европейскихъ ученыхъ. Но главное основаніе разбору іероглифовъ положено было трудами француза Шампольона Младшаго (родился въ 1791 г., а умеръ въ 1832). Съ тѣхъ поръ наши свѣдѣнія о древнемъ Египтѣ постоянно расширялись съ каждымъ прочитаннымъ папирусомъ, съ каждою разобранною надписью на памятникахъ. Въ настоящее время, благодаря искусству читать древнія египетскія письма, исторія Египтянъ, ихъ религіозныя вѣ-

рованія, обряды, обычаи и вся ихъ гражданственность возстали передъ нами въ своемъ почти полномъ свѣтѣ, и разсѣялся наконецъ таинственный полумракъ, столь долго ихъ окружавшій 1).

1) Пособіями для этого очерка служили: *Бруши* — „Исторія Фараоновъ“ (въ переводѣ *Властова*. С.-Пб. 1880); *Дюмикена*—*Geschichte des alten Aegyptens* (изъ Всеобщей исторіи, издаваемой *Онкеномъ* въ Берлинѣ съ 1878 г., выпуски 1-й, 25-й и 60-й съ рисунками); *Ленциуса*—*Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien* (12 огромныхъ томовъ однихъ рисунковъ); *Эберса*—*Aegypten in Bild und Wort* (два тома, роскошное изданіе съ рисунками); *Ленормана* — *Manuel d'Histoire ancienne de l'orient*; его же—*Les premières civilisations*. *Масперо* — *Histoire ancienne des peuples de l'orient*; *Менара*—*La vie privée des anciens*, съ рисунками *Саважо*. Т. I и II. Paris 1880—1881. Нѣкоторыя статьи *Марьета* и *де-Ружэ* въ *Revue archéologique*. Изъ русскихъ монографій: *К. Герца*—„Погребальные обряды древнихъ Египтянъ“ (преимущественно по *Фейдо*) и *А. Прахова* — „Зодчество древняго Египта“. С.-Пб. 1880. Рецензія *В. Стасова* на это послѣднее сочиненіе въ *Ж. М. Н. Пр.* 1880. Октябрь. Любопытныя статьи *Стасова* о древнеегипетской литературѣ см. въ *Вѣст.* Европы. 1868. Октябрь („Романъ двухъ братьевъ“) и 1882 Февраль („Египетская сказка“, открытая *Голенцевымъ* на одномъ папирускѣ въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Эта сказка представляетъ прототипъ греческой *Одиссеи*).

Въ недавнее время, именно въ 1881 году удалось открыть весьма замѣчательную гробницу въ глубокой подземной камерѣ, по сосѣдству съ Бибанъ Эль-Молукомъ. Въ этомъ подземельѣ оказались сложенными въ безпорядкѣ саркофаги и муміи знаменитѣйшихъ фараоновъ отъ XVIII до XXI династій, вмѣстѣ съ муміями великихъ жрецовъ того времени, съ погребальными статуэтками, вазами для возліаній, папирусными свѣтками и другими предметами. Въ томъ числѣ находились муміи *Рамзеса II* и его отца *Сети I*. Надобно полагать, что еще въ древности благочестивые египтяне вынули эти муміи изъ ихъ собственныхъ гробницъ и сложили сюда, чтобы предохранить ихъ отъ поруганія какими либо вѣшними завосвателями или собственными грабителями. Ибо уже въ древнемъ Египтѣ существовали шайки воровъ, которыя проникли въ Царскія гробницы и грабили ихъ. Помянутыя муміи фараоновъ и найденныя при нихъ вещи перенесены въ Музей египетскихъ древностей, находящійся въ Булакѣ, предмѣстья Каира.

II.

РАЗВАЛИНЫ НИНЕВІИ.

Клинообразныя письма. Природа Междурѣчья. Халдея и Ассирія. Цари Ассирійскіе и характеръ ихъ дѣятельности. Открытіе Ниневійскихъ дворцовъ. Общій ихъ планъ и характеръ. Рельефныя и раскрашенныя изображенія. Клинописная библіотека Сарданпала.

Послѣ Египта второе мѣсто по древности и по значенію занимаетъ культура или образованность Вавилоно-ассирійская, которую точнѣе можно назвать Халдейскою.

Наука вавилоно-ассирійскихъ древностей въ своемъ движеніи имѣетъ много общаго съ наукою о древнемъ Египтѣ. Какъ и тамъ, до настоящаго столѣтія всѣ свѣденія объ Ассиро-Вавилонской исторіи и гражданственности ограничивались нѣкоторыми рассказами Геродота и Діодора Сицилійскаго, извѣстіями Библии и кое какими отрывками изъ сочиненій халдейскаго жреца Бероза (въ III в. до Р. Х.), приведенными у еврейскаго историка Юсифа Флавія. Вещественные памятники Ассиро-Вавилоніи сохранились въ гораздо меньшемъ количествѣ нежели египетскіе и притомъ они были совершенно скрыты подъ холмами земли и мусору; такъ что только съ начатіемъ правильныхъ раскопокъ, предпринятыхъ англичанами и французами, стали открываться передъ нами остатки храмовъ и преимущественно царскихъ дворцовъ съ ихъ своеобразными скульптурными и раскрашенными рельефами. Эти украшенія, также какъ въ Египтѣ, представили намъ наглядное изображеніе древняго Ассиро-Халдейскаго быта. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылось множество надписей, начертанныхъ т. наз. клинообразными или гвоздеобразными знаками. Письмена эти долгое время

казались еще болѣе загадочными чѣмъ египетскіе іероглифы. Сіи послѣдніе заключали въ себѣ наглядныя изображенія разныхъ предметовъ; тогда какъ клинопись представляла только одни клинья во всевозможныхъ между собою сочетаніяхъ. Однако европейская наука преодолѣла наконецъ и эту повидимому неодолимую трудность.

Чѣмъ для египетскихъ іероглифовъ былъ Розетскій камень съ тройною надписью, тѣмъ для клинописи явилась надпись на трехъ плитахъ, вдѣланныхъ въ косякъ {двери одного изъ персепольскихъ дворцовъ. Эта надпись еще въ прошломъ столѣтіи была снята и привезена въ Европу датскимъ путешественникомъ Нибуромъ (отцомъ знаменитаго историка Нибура). По всѣмъ признакамъ на всѣхъ трехъ плитахъ повторялась одна и таже надпись, но съ нѣсколькими разнообразнымъ начертаніемъ и на трехъ разныхъ языкахъ. Подобно Шампольону, нѣмецкій ученый Гротендъ въ началѣ настоящаго столѣтія положилъ основаніе для разбора клинообразнаго письма. Онъ предположилъ, что первая по порядку надпись должна быть составлена на языкѣ народа господствовавшего въ Персидской монархіи, т. е. на языкѣ самихъ Персовъ. Затѣмъ по одному повторяющемуся слову онъ догадался, что оно должно означать царь; потомъ рядомъ тѣхъ же остроумныхъ догадокъ онъ прочелъ слова: Д а р і й с ы н ѣ Г и с т а с п а. Когда такимъ образомъ сдѣлалось извѣстно нѣкоторое количество буквъ клинописной азбуки, съ ихъ помощью прочтена была вся первая надпись. А впоследствии эта первая надпись по отношенію ко второй и третьей послужила тѣмъ же, чѣмъ греческая надпись на Розетскомъ камнѣ для двухъ египетскихъ. Оказалось, что вторая была написана на языкѣ Мидійскомъ, а третья на языкѣ Ассирійскомъ. Трудными цѣлаго ряда ученыхъ чтеніе клинописи наконецъ сдѣлалось достояніемъ европейской науки (французъ Бюрнуфъ, англичанинъ Равлинсонъ, Оппертъ и др.).

Особенную важность получило чтеніе третьей группы помянутой клинообразной надписи, т. е. ассирійской, съ того времени, какъ французъ Ботта и англичанинъ Лейярдъ открыли на Тигрѣ остатки ассирійскихъ дворцовъ, гдѣ кромѣ надписей на стѣнахъ памятниковъ, найдено было еще много глиняныхъ цилиндровъ и кирпичей, покрытыхъ такими же письменами. Тогда наука ассиріологіи получила большое развитіе, и клинообразныя письмена доставили весьма богатый матеріалъ для разъясненія исторіи, вѣрованій и обычаевъ

Ассиро-Вавилонянъ. Расказы Грековъ о Нинѣ, Семирамидѣ и Сарда-напалѣ окончательно перешли въ область басенъ и уступили мѣсто положительнымъ свидѣтельствамъ.

Даже характеромъ своей природы страна Халдеевъ и Ассиріянъ напоминаетъ Египетъ. Она также представляетъ посреди пустынь цвѣтушую рѣчную долину, только не одной рѣки, а двухъ рѣкъ, Тигра и Евфрата, которые текутъ параллельно другъ другу и впадаютъ въ Персидскій заливъ. Поэтому Греки и назвали эту долину Междурѣчьемъ (Месопотамія). Въ древности Персидскій заливъ простирался далѣе на сѣверъ и обѣ рѣки впадали въ него отдѣльно другъ отъ друга. Но въ послѣдствіи дѣйствіемъ наносовъ илу и песку образовалась дельта, напоминающая Египетскую; при чемъ произошло сліяніе Тигра и Евфрата. Подобно Нилу, обѣ эти рѣки подвергаются ежегоднымъ наводненіямъ, вслѣдствіе таянія снѣговъ на Армянскихъ горахъ; а потому трудолюбивое древнее населеніе точно также во всѣхъ направленіяхъ изрѣзало страну каналами, которые препятствовали образованію болотъ, отводили лишнюю воду и вмѣстѣ служили прекраснымъ средствомъ сообщенія для разнаго рода судовъ. Геродотъ говоритъ, что это была плодороднѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ ему странъ: пшеница и ячмень родились самъ-двѣсти и даже самъ-триста. Только лѣсу было мало, за исключеніемъ пальмовыхъ рощъ. Впрочемъ такимъ характеромъ низменной долины съ тучною почвою и чрезвычайно жаркимъ климатомъ отличалась собственно южная часть страны, т. е. Вавилонія или Халдея. А сѣверная часть или Ассирія по своей близости къ горамъ Арменіи и Мидіи имѣетъ болѣе холмистую и каменистую почву и менѣе жаркій климатъ. Эти двѣ части Междурѣчья напоминаютъ собою распаденіе Египта на Верхній и Нижній; только послѣдніе во всѣхъ отношеніяхъ были тѣснѣе соединены другъ съ другомъ и составили болѣе прочную единую монархію. Къ довершенію сходства, продолженіемъ Египта служила Эіюпія или Нубія, нерѣдко подвластная египетскимъ фараонамъ, иногда въ свою очередь подчинявшая себѣ самый Египетъ или часть его и вообще имѣвшая общую съ Египтомъ гражданственность. Въ такихъ же связяхъ съ Ассиро-Вавилоніей находился *Эламъ* или *Сузиана*, плодородная, богатая лѣсомъ и довольно гористая страна, лежавшая на востокъ отъ Вавилоніи и на югъ отъ Ассиріи, съ главнымъ городомъ Сузою на рѣкѣ Хоаспесъ, лѣвомъ притокѣ Тигра (въ

ревности Хоаспесъ также не сливался съ Тигромъ въ рѣчной дельтѣ, а впадалъ прямо въ Персидскій заливъ).

Населеніе Междурѣчья, подобно Египетскому, произошло изъ смѣшенія Семитовъ съ другими народностями. Въ южной части, т. е. въ Вавилоніи и въ Эламѣ ученые предполагаютъ смѣшеніе подобныхъ Эѳіопамъ Кушитовъ (темнокожая вѣтвь Семитическаго племени) съ пришельцами Туранскаго (т. е. Татаро-Финскаго) племени. Къ такимъ туранцамъ нѣкоторые европейскіе ученые относятъ Халдеевъ, которые по ихъ мнѣнію составили болѣе образованные классы въ Вавилоніи, и этимъ туранцамъ приписываютъ введеніе здѣсь клинообразнаго письма. (Но будетъ ли такое высокое мнѣніе о туранцахъ навсегда упрочено, пока неизвѣстно). Между тѣмъ населеніе Ассиріи представляетъ болѣе чистую и болѣе свѣтлокожую Семитическую народность, по языку и наружности близкую къ Евреямъ и Арабамъ *). Согласно съ двумя преобладавшими народностями Месопотоміи, Халдеевъ въ Вавилоніи и Семитовъ въ Ассиріи, двойтся и самая исторія Междурѣчья. Какъ чередовались между собою главныя средоточія Верхняго и Нижняго Египта въ дѣлѣ государственнаго объединенія, почти также и здѣсь чередовались періоды преобладанія то Халдеи, то Ассиріи; хотя онѣ не были никогда такъ прочно и долго соединены какъ Нижній и Верхній Египетъ.

Древнѣйшая исторія страны тяготеетъ болѣе къ югу, т. е. къ Халдеѣ. Эта послѣдняя является раздѣленною на нѣсколько малыхъ владѣній, которыхъ цари вели между собою частыя войны за преобладаніе (или гегемонію); изъ такихъ владѣтелей важнѣйшее мѣсто занимали сначала цари города Уръ, лежавшаго на нижнемъ теченіи Евфрата на правой его сторонѣ, а потомъ цари Вавилона, расположеннаго также на Евфратѣ, но болѣе къ сѣверу. (Вавилонъ по халдейски Баб-илу, т. е. «ворота Илу», верховнаго халдейскаго бога). Затѣмъ беретъ верхъ Ассирія, успѣвшая освободиться отъ халдейской зависимости и объединиться подъ властью своихъ царей, и тогда средоточіе исторической жизни переходитъ на сѣверъ, на берега Тигра, въ Ниневію. Наконецъ, когда Ниневія пала, снова беретъ верхъ Халдея, и городъ Вавилонъ, расположенный на берегахъ

*) Въ источникахъ встрѣчаются еще въ Ассиро-Вавилоніи названія *Сумирь* и *Акадъ*. Но что они обозначали: двѣ разныя области или двѣ разныя народности и какія именно,—этотъ вопросъ удовлетворительно не разрѣшенъ.

Евфрата, становится во главѣ единой Вавилоно-Ассирійской монархіи, которая при Навуходоносорѣ достигаетъ высшей степени своего процвѣтанія и силы. Но первоначальный Халдейскій періодъ слишкомъ мало извѣстенъ; а послѣдній тоже Халдейскій или собственно Вавилонскій періодъ былъ очень коротокъ, и окончился Персидскимъ завоеваніемъ. Самымъ продолжительнымъ и важнѣйшимъ является средній періодъ, т. е. собственно Ассири-Ниневійскій *). Возвышеніе ассирійскихъ царей и ихъ завоевательная дѣятельность начались за XV или за XIV вѣковъ до Р. Х. Въ эту эпоху средоточіемъ Ассирійскаго царства былъ городъ Э л а с у р ь, на среднемъ теченіи Тигра, т. е. городъ главнаго бога Ассура, отъ котораго получила названіе и вся страна. Но впоследствии столица утвердилась нѣсколько сѣвернѣе въ городѣ Н и н е в и и, на лѣвомъ возвышенномъ берегу Тигра. Древнѣйшіе ассирійскіе цари-завоеватели носятъ преимущественно имена Туклатъ - Адаровъ, Туклатъ - Паласаровъ, Салманасаровъ, Асуръ—назир—паловъ и пр. Они широко раздвинули предѣлы Ассирійскаго царства завоеваніемъ разныхъ сосѣднихъ народовъ, особенно побѣдоносными походами на Сирійцевъ (Хетеанъ), Финикійцъ и Евреевъ; а главное они покорили Халдею, и образовали такимъ образомъ могущественную Ассири-Вавилонскую монархію. Одновременно съ своими завоеваніями цари ассирійскіе увѣковѣчили свою память великолѣпными постройками дворцовъ и храмовъ, которыми они украшали преимущественно городъ Ниневію съ его окрестностями и еще городъ Калахъ, лежавшій на Тигрѣ между Ассуромъ и Ниневіей и также служившій любимую резиденціей для нѣкоторыхъ царей.

Цари ассирійскіе не принадлежали къ одной династіи. Но эти перемѣны династій, сопровождавшіяся конечно смутами и временнымъ упадкомъ могущества, вообще мало намъ извѣстны. Послѣднюю и самую знаменитую династіей являются Саргониды. Основатель этого царскаго дома Саргонъ (или Саркинъ) овладѣлъ престоломъ въ то время, когда Салманассаръ V осаждалъ израильскую столицу Самарію и финикійскій Тиръ (въ 722 г. до Р. Х.) Саргонъ докончилъ

*) Опять довольно замѣчательное сходство съ Египетскою исторіей. И тамъ первый или Мемфискій періодъ принадлежитъ Нижнему Египту, второй и самый блестящій есть Оиванскій или Верхнеегипетскій, а третьимъ и послѣднимъ снова является Нижнеегипетскій или собственно Сасскій, который былъ самымъ короткѣй и также окончился Персидскимъ завоеваніемъ.

завоеваніе Самаріи и положилъ конецъ Израильскому царству; онъ вывелъ въ Ассирію 27.200 израильтянъ, обративъ ихъ въ рабство. Ассирія въ это время достигла самыхъ обширныхъ своихъ предѣловъ. Но, покоривъ мелкія государства Халдеи, Сири, Финикии, Палестины, часть Аравіи и часть Малой Азіи, она пришла въ столкновение съ нѣсколькими сильными народами, именно на югозападѣ съ Египтянами, на сѣверѣ съ Армянами (У р а р т и клинообразныхъ надписей, т. е. Араратъ), на востокѣ съ Мидіей и Эламомъ. И почти весь періодъ Саргонидовъ, въ теченіе около сотни лѣтъ, наполненъ жестокими войнами съ этими народами. Хотя борьба сопровождалась многими успѣхами и даже иногда Ассиріянамъ удавалось налагать свое господство на помянутыя страны; однако она значительно истощила силы Ассиріи, и подготовила ея паденіе. Саргонъ и его преемники Сеннахерибъ, Ассаргадонъ и Ассурбанипаль (собственно Ассуръ-банъ-габаль) отличались воинственной энергіей, и жестокостью—чертами свойственными вообще ассирійскимъ царямъ и всему Ассирійскому племени. Этой энергіей и жестокостью дышатъ почти всѣ повѣствованія ассирійскихъ царей о своихъ подвигахъ, сохранившіяся въ клинообразныхъ письменахъ. Такія повѣствованія сообщаютъ только о жестокомъ пораженіи враговъ, безчеловѣчномъ опустошеніи ихъ страны, о ихъ казняхъ, между которыми самая обычная это обезглавленіе, сажаніе на колъ, сдираніе съ живыхъ кожи, выкалываніе глазъ, отрубленіе головъ, и т. д. Вотъ образцы подобныхъ повѣствованій: «Какъ буря устремился я на враговъ—говоритъ Тувлатъ-Паласаръ объ одномъ изъ своихъ походовъ.—Я наполнилъ ихъ трупами горные овраги. Я отрѣзалъ имъ головы. Я разрушилъ стѣны ихъ городовъ; я захватилъ рабовъ, имущество, безчисленныя сокровища» и т. д. Или: «Я воздвигъ стѣну передъ главными воротами города—говоритъ Ассурназиргабаль.—Я велѣлъ содрать кожу съ вождей возстанія и обтянулъ ею стѣну—нѣкоторые замуравлены были въ самой стѣнѣ, другіе распяты на стѣнѣ или посажены на колъ вдоль стѣны. Со многихъ содрана была кожа въ моемъ присутствіи». «Я велѣлъ сложить вѣнки изъ ихъ головъ и гирлянды изъ ихъ пронзенныхъ труповъ». «Я взялъ много плѣнниковъ; однимъ я отрубилъ руки и ноги, другимъ носы и уши, инымъ велѣлъ выколоть глаза».

Однако, несмотря на жестокости, съ которыми усмирялись возста-

нія побѣжденныхъ народовъ, завоеванія не были прочны, и почти каждый ассирійскій царь долженъ былъ бороться съ новыми возстаніями. Ассиріяне обыкновенно ограничивались разграбленіемъ, опустошеніемъ завоеванной страны и наложеніемъ на нее тяжкихъ даней; а управление ею оставляли большею частію въ рукахъ туземныхъ владѣтелей. Но такіе вассальные владѣтели при всякомъ удобномъ случаѣ пытались воротить себѣ независимость, и нерѣдко составляли между собою союзы или вступали въ союзы съ царями египетскими. Особенно часты были возстанія Халдеевъ или Вавилонянъ, которыхъ поддерживали цари сосѣдняго Элама. Такъ въ царствованіе Саргонова правнука Ассурбанипала (у Грековъ Сарданапалъ) братъ его, управлявшій Вавилономъ; отложился отъ Ассиріи и соединился съ Эламитами. Но Ассурбанипалъ, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ, энергичныхъ царей ассирійскихъ, усмирилъ возстаніе, и велѣлъ съжечь живымъ своего брата. Потомъ онъ пошелъ на Эламъ, разрушилъ здѣсь четырнадцать городовъ, въ томъ числѣ столицу Сузу; вывезъ изъ нея золотыя и серебряныя статуи боговъ и богинь; велѣлъ вырубить и выжечь великолѣпные эламскіе лѣса и въ концѣ опустошилъ эту столь долго непокорявшуюся Ассиріянамъ страну. Казалось, что при этомъ царѣ Ассирія вознеслась на высшую степень своего могущества. И тѣмъ не менѣе вслѣдъ за его царствованіемъ совершилось паденіе Ассирійской монархіи. Частыя войны истощили, ослабили Ассирію; насильно переселяемые въ нее толпы иноплеменниковъ не могли замѣнить собою цвѣтъ ассирійскаго народа, гибнувшій въ походахъ и битвахъ. Между тѣмъ съ сѣвера начались нашествія многочисленныхъ, дикихъ кочевниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Скиѳовъ; на востокъ возвысилась Мидійская монархія, на югѣ возникла Нововавилонская. Наконецъ, немного времени спустя послѣ Ассурбанипала, царь мидійскій Киаксаръ и царь вавилонскій Набопалассаръ соединенными силами взяли Ниневію, сожгли ее и совершенно разрушили (съ небольшимъ за 6 вѣковъ до Р. Х.). Ассирійская имперія пала навсегда. Но она послужила образцомъ для возникшей вскорѣ имперіи Персидской, которая была такъ сказать наслѣдницею Ассирійской. Цари персидскіе, завладѣвъ всѣми землями, входившими въ составъ Ассирійской монархіи, въ устройствѣ своего двора, войска и всего государства очевидно имѣли себѣ образцами царей ассирійскихъ; но наученные ихъ опытомъ они постарались тѣс-

нѣе сплотить части своей обширной имперіи, не оставляя власть въ рукахъ туземныхъ владѣтелей, а замѣняя ихъ своими намѣстниками или сатрапами. И все таки существованіе Персидской монархіи продолжалось гораздо менѣе въ сравненіи съ Ассирійской, которая существовала слишкомъ тысячу лѣтъ.

Какъ государство по преимуществу деспотическое и основанное на завоеваніяхъ, Ассирія значительно подвинула впередъ военное искусство, сравнительно съ другими древними народами. Ея цари дѣятельно занимались устройствомъ и обученіемъ своихъ армій. Хотя они изображаются на колесницахъ, подобно египетскимъ фараонамъ, и боевыя колесницы занимаютъ главное мѣсто въ ассирійскомъ войскѣ; но кромѣ того въ немъ уже встрѣчаемъ и конницу, посаженную верхомъ, которой еще не видимъ у Египтянъ. Затѣмъ по всѣмъ признакамъ Ассирійцы доставляли хорошую пѣхоту и ловкихъ стрѣлковъ, вооруженныхъ большимъ лукомъ. У нихъ видны также начала осаднаго и штурмоваго искусства; такъ мы находимъ изображенія стѣнобитныхъ машинъ, или подвижныхъ башенъ на колесахъ; видимъ воиновъ, которые, закрываясь сверху щитами, идутъ на приступъ и по приставленнымъ лѣстницамъ взлѣзаютъ на стѣны непріятельскаго города. Затѣмъ Ассиріянамъ слѣдуетъ приписать значительное развитіе особаго своеобразнаго искусства, архитектурнаго и скульптурнаго, которое имѣло несомнѣнное вліяніе на всю Переднюю Азію и также на Грецію (наравнѣ съ искусствомъ египетскимъ). Роскошными памятниками этого искусства служатъ недавно открытыя развалины царскихъ дворцовъ, преимущественно Ниневійскихъ.

До настоящаго столѣтія не было извѣстно въ точности даже самое мѣсто, гдѣ находилась когда то славная Ниневія. Только жители города Мосула, лежащаго на правомъ берегу Тигра, называли «Ниневійскими валами» холмы, покрывавшіе противоположный берегъ этой рѣки. На одномъ изъ этихъ холмовъ расположена арабская деревня, носящая названіе Н и н у а. Честь открытія древней Ниневии принадлежитъ Эмилю Ботта, бывшему французскимъ консуломъ въ Мосулѣ. Въ 1842 году онъ началъ производить здѣсь раскопки, сначала на мѣстѣ помянутой деревни Ниуа, потомъ на сосѣднемъ съ ней холмѣ К у ю н д ж и к ѣ; но въ этомъ году ему не удалось сдѣлать важныхъ открытій. Между тѣмъ мѣстные жители обратили его вниманіе на деревню Х о р с а б а д ѣ, лежащую на подобномъ же холмѣ

верстахъ въ 15 къ сѣверу; изъ этого холма они добывали для своихъ печей большіе кирпичи съ надписями (клинообразными). Въ слѣдующемъ 1843 году Ботта предпринялъ раскопки въ Хорсабадѣ, и открылъ здѣсь остатки стѣнъ, покрытыхъ надписями и раскрашенными барельефами. Вскорѣ въ Мосуль прибылъ англійскимъ консуломъ Генрихъ Лейярдъ. Соревнуя французскому консулу, онъ въ 1845 г. предпринялъ раскопки въ деревнѣ Н и м р у д ъ, которая лежитъ верстахъ въ 30 къ югу отъ Мосуля на лѣвомъ берегу Тигра, и открылъ здѣсь развалины дворцовъ съ надписями, изваяніями и многими любопытными предметами, каковы: саркофаги, шлемы, оружіе, сосуды, лампы, ожерелья, браслеты и пр. Потомъ Лейярдъ обратилъ свои изслѣдованія на помянутый выше холмъ Куонджикъ, подлѣ Мосуля; началъ его копать въ другомъ направленіи чѣмъ Ботта, и также открылъ развалины великолѣпнаго дворца и городскихъ стѣнъ. Открытія эти возбудили живѣйшій интересъ въ Европѣ; на почвѣ древней Ассиріи вскорѣ явились нвые изыскатели (Оппертъ, Равлинсонъ, Смитъ и пр.); постепенно въ разныхъ мѣстахъ открыты были и другія подобныя развалины. Но главное мѣсто между ними заняли три названныя группы развалинъ, т. е.: Хорсабадъ, Нимрудъ и Куонджикъ.

Изъ этихъ трехъ группъ древнѣйшіе памятники представляетъ Нимрудъ. Надписи обнаружили, что его развалины принадлежатъ городу Калаху, который нѣкоторое время былъ столицею ассирійскихъ царей. Городъ имѣлъ форму неправильнаго четырехъугольника и былъ обведенъ массивными стѣнами съ башнями. Часть его занята остатками роскошно украшенныхъ дворцовъ, воздвигнутыхъ на высокой платформѣ на самомъ берегу Тигра. Посреди дворцовъ возвышалась четырехъугольная пирамида, состоявшая изъ нѣсколькихъ этажей или уступовъ (обычная форма халдейскихъ пирамидъ); она воздвигнута Ассурназирпаломъ, около 9 вѣковъ до Р. Х. Хорсабадскій же дворецъ былъ построенъ съ небольшимъ за 7 вѣковъ до Р. Х. Саргономъ или Саркиномъ (основателемъ династіи Саргонидовъ) и служилъ его любимымъ мѣстопребываніемъ; о чемъ онъ самъ свидѣтельствуе въ надписяхъ; дворецъ этотъ назывался его именемъ Дуръ-Саркинъ. Но сынъ Саргона Сеннахерибъ воротился въ покинутую отцомъ Ниневію; возобновилъ столичный городъ въ болѣе великолѣпномъ видѣ чѣмъ прежде и началъ постройку обширнаго дворца,

который былъ оконченъ его внукомъ Ассурбанипаломъ. Остатки этого главнаго Ниневійскаго дворца и были открыты Лейярдомъ въ холмѣ Куунджигъ.

Стѣны Ниневіи славились въ древности своею высотой и массивностію. Діодоръ Сицилійскій опредѣляетъ ихъ высоту во 100 футовъ, а ширину тѣмъ, что три колесницы могли ѣхать по нимъ рядомъ. Раскопки подтвердили, что такія числа не были преувеличеніемъ. Эти стѣны, окружавшіе городъ, также имѣли видъ неправильнаго четырехъугольника или трапеціи, и заключали въ себѣ многія ворота съ башнями по сторонамъ. Въ настоящее время Тигръ болѣе чѣмъ на версту отстоитъ отъ ниневійскихъ стѣнъ; но это произошло вслѣдствіе измѣненія его русла. Въ древности стѣны ниневійскія на западѣ и югѣ стояли прямо надъ рѣкою; а на сѣверѣ и востокѣ онѣ были обведены искусственнымъ каналомъ; посреди города протекалъ небольшой притокъ Тигра. Лучшая часть города была западная, примыкавшая къ Тигру; тутъ находились царскіе дворцы и дома высшихъ сановниковъ. Египетская Фиваида, какъ мы видѣли, по преимуществу представляетъ развалины громаднхъ храмовъ, которые воздвигали и украшали фараоны въ честь боговъ и вмѣстѣ для собственнаго прославленія. О своихъ загробныхъ жилищахъ они также заботились гораздо болѣе чѣмъ о настоящихъ дворцахъ; послѣдніе исчезли; а первые доселѣ поражаютъ своимъ великолѣпіемъ и прочностію. Въ Ассиріи было на оборотъ: въ своихъ развалинахъ она является по преимуществу страню дворцовъ. Хотя въ надписяхъ своихъ цари ассирійскіе показываютъ благочестіе и великое почитаніе отечественныхъ боговъ; хотя они и строятъ этимъ богамъ святилища; но главныя ихъ сооруженія составляютъ собственные дворцы, богато изукрашенные картинами и надписями, посредствомъ которыхъ они старались передать отдаленному потомству память о своихъ подвигахъ и завоеваніяхъ. Такое направленіе построекъ совершенно согласуется съ характеромъ древневосточныхъ деспотическихъ государствъ и воинственными стремленіями Ассиріянъ.

Развалины ассирійскихъ дворцовъ показываютъ, что всѣ они строились по одному общему плану. Прежде всего по берегу Тигра воздвигалась высокая искусственная терраса или платформа и окружалась особою стѣною; на террасу вели широкія ступени. Эти насыпи предохраняли дворцы отъ наводненій, а также отъ болотныхъ

испареній и мошегъ, тучами носившихся по берегамъ рѣки. Выстроенный на такой платформѣ дворецъ обыкновенно представляетъ цѣлый лабиринтъ связанныхъ другъ съ другомъ и окруженныхъ дворами, длинныхъ залъ на подобіе галлерей. Стѣны ихъ складывались изъ необожженныхъ весьма твердыхъ кирпичей. Потолокъ или дѣлался сводомъ изъ тѣхъ же кирпичей, или плоскій изъ толстыхъ бревенъ; онъ покрывался еще болѣе толстымъ слоемъ земли для защиты равно отъ дождя и отъ палящаго знойнаго солнца. Покои освѣщались сдѣланными въ потолокъ отверстиями, которыя закрывались отъ дождя и солнца кожами. Крыши представляли плоскость, обрамленную зубцами. Внутренніе дворы окружались портиками на тонкихъ колоннахъ, имѣвшихъ видъ пальмы или другаго дерева, съ капителью въ завиткахъ. У всѣхъ главныхъ входовъ дворца, наружныхъ и внутреннихъ, по бокамъ дверей стояли какъ бы на стражѣ колоссальныя фигуры крылатыхъ быковъ и львовъ съ человѣческими головами. Внутреннія стѣны покоевъ были украшены изразцами или штукатуркою съ фресковою живописью; а нижняя часть стѣнъ въ главныхъ или парадныхъ залахъ выложена большими алебастровыми плитами съ высѣченными на нихъ и ярко раскрашенными барельефами. Картины, барельефы и перемежающіяся съ ними клинообразныя надписи—все это имѣло своимъ назначеніемъ прославленіе царя. Обыкновенно для этого каждый царь строилъ себѣ новый дворецъ или расширялъ старый, и сооруженія свои, подобно египетскимъ фараонамъ, производилъ преимущественно руками многочисленныхъ плѣнниковъ.

Главнымъ предметомъ картинъ и барельефовъ на ассирійскихъ дворцахъ служатъ разныя сцены изъ жизни и дѣяній царя. Поэтому на первомъ планѣ вездѣ видимъ фигуру царя, которая возвышается надъ окружающею его свитою. На головѣ его надѣта тѣра или шапка, имѣющая видъ усѣченнаго конуса; изъ подъ нея спускаются на плечи тщательно завитые волосы; густая длинная борода также завитая въ мелкія кольца. На немъ надѣто длинное платье изъ роскошной узорчатой ткани, обшитое по мѣстамъ бахрамою; на поясѣ широкій, короткій мечъ. Надъ головою царя иногда виднѣнъ богато украшенный зонть, одинъ изъ знаковъ царскаго достоинства. Въ битвахъ царь изображается обыкновенно стоящимъ на колесницѣ и поражающимъ враговъ изъ лука. Колесница не парная какъ у фа-

раоновъ, а запряжена тройкою коней въ богатой сбруѣ. Около царя стоять возница, управляющій конями, и щитоносецъ, закрывающій его щитомъ. Военныя сцены суть самыя многочисленныя на дворцовыхъ изображеніяхъ. Ассирійскіе воины представляютъ на нихъ замѣчательный, рѣзко очерченный типъ: это коренастыя, мускулистыя фигуры съ густыми длинными волосами и бородами, съ орлинымъ (семитическимъ) носомъ, въ остроконечныхъ шлемахъ, и въ кольчугахъ, надѣтыхъ поверхъ длиннаго узкаго кафтана. Послѣ войны болѣе всего встрѣчаются изображенія охоты, которая составляла любимое развлеченіе ассирійскихъ царей. Изображенія эти конечно не лишены значительной доли хвастовства: они представляютъ всегда царя съ натянутымъ лугомъ въ его рукахъ и львовъ, поверженныхъ его стрѣлами. Надписи показываютъ, что во время опасностей на войнѣ или на охотѣ цари ассирійскіе, подобно фараонамъ, обращались съ молитвою къ богу Ассуру (который напоминаетъ Фивскаго Аммона); передъ походомъ и по возвращеніи приносились жертвы преимущественно ему и богинѣ *Истаръ* (ассирійская Венера). За сценами войны и охоты слѣдуютъ изображенія царя или на тронѣ, или во время пиршества, или посреди его гарема, въ саду, подъ тѣнью деревьевъ. Въ числѣ его придворныхъ, окутанныхъ въ длинныя одежды до самыхъ пятъ, ясно выдаются безбородые евнухи, которые опахалами навѣвають прохладу или отгоняютъ отъ него мухъ. Иногда барельефы заставляютъ насъ присутствовать при самомъ построеніи дворца, т. е. изображаютъ разныя при семь работы. Особенно любопытна при этомъ перевозка огромныхъ крылатыхъ быковъ съ человѣческой головою; такого колосса, опутаннаго веревками, цѣлыя толпы рабочихъ влекутъ къ мѣсту его назначенія, т. е. на стражу у дворцовыхъ воротъ. За рабочими — плѣнниками, иногда заключенными въ оковы, надзираютъ приставники съ поднятою палкою. Иногда самъ царь смотритъ на работы съ колесницы, влекомою людьми.

Всѣ эти ярко раскрашенные барельефы и фрески, придававшіе ассирійскимъ дворцамъ своеобразную красоту и величіе, служатъ намъ драгоценнымъ источникомъ для знакомства съ исторіей, искусствами и бытомъ древней Ассиріи. Но еще болѣе драгоценный источникъ для изученія ея исторіи и образованности представляютъ заключающіяся въ этихъ развалинахъ клинообразныя письмена. Они не только въ большомъ количествѣ разсыяны на самыхъ памятникахъ; но

и покрываютъ многочисленныя призмы и цилиндры, исключительно назначенныя для такихъ письменъ. Въ Ниневійскомъ дворцѣ (въ Куонджикѣ) найдена цѣлая бібліотека царя Ассурбанипала или Сарданапала, составленная изъ глиняныхъ кирпичей, которые съ обѣихъ сторонъ покрыты мелкимъ клинообразнымъ письмомъ. Кирпичи стояли столбиками на полкахъ бібліотеки и составляли какъ бы листы книги. Повидимому Сарданапалова бібліотека заключала въ себѣ до 10,000 такихъ кирпичей или плитокъ. То, что сохранилось отъ нея, находится теперь въ Лондонѣ въ Британскомъ музеѣ. Нѣкоторые ассиріологи (особенно Шмитъ) употребили великія усилія, чтобы привести въ порядокъ то, что уцѣлѣло отъ разрушенія, и разобрать письмена. Когда это было отчасти достигнуто, передъ нами открылась цѣлая ассиро-халдейская литература. Оказалось, что бібліотека заключала въ себѣ разнообразныя сочиненія, именно словари, грамматику, астрономическія и хронологическія таблицы, законы, свѣденія по географіи, математикѣ, естественной и политической исторіи, и наконецъ весьма любопытныя міеологическія или религіозныя сказанія. Между послѣдними встрѣчаются и такія, которыя напоминаютъ собою сказанія библейскія, напримѣръ: о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи первыхъ людей, о Вавилонскомъ столпотвореніи. Но что особенно замѣчательно, такъ это халдейское преданіе о всемірномъ потопѣ, въ своихъ подробностяхъ почти одинаковое съ рассказомъ бібліи. Эта литература собственно не ассирійская, а халдейская или вавилонская; ибо Ассиріяне хотя и подчинили себѣ Халдеевъ, но въ свою очередь подчинились ихъ образованности, ихъ религіи, и заимствовали у нихъ клинообразныя письмена *).

*) Пособія для этого очерка: *Жоржа Равмисона*—*The five great monarchies*. Sec. ed. London. 1871. *Лейлрда* (въ переводѣ Мейснера)—*Bericht ueber die Ausgrabungen in Niniveh*. Léipz. 1851. Помянутыя выше сочиненія Ленормана, Масперо и Менара. *Гротефенда*—*Die Tributverzeichnisse des Obeliskens aus Nimrud*. Göttingen. 1852. На русскомъ языкѣ: *Хомсона*—*„Новооткрытыя намятники древней Вавилонской письменности“*. Рус. Вѣст. 1861. Сентябрь и Октябрь. *Никольскаго*—*„Очерки Халдейской культуры“*. Рус. Вѣст. 1879. Ноябрь и Декабрь. Его же—*„Саргонъ царь Ассирійскій“*. Ibid. 1881. Июль. *Астафьева*—*„Древности Вавилоно Ассирійскія“*. Вѣст. Европы. 1881. Апрѣль и Май. *Кондырева*—*„Историко-этнографическій очеркъ Передней Азіи древнѣйшаго времени“*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1869. Ноябрь.

III.

МИФЫ О ТРОЯНСКОЙ ВОЙНѢ *).

Важнѣйшіе циклы эллинскихъ мифовъ.—Парисъ.—Похищеніе Елены.—Походъ греческихъ героевъ подѣ Трою.—Ссора Ахилла съ Агамемнономъ.—Смерть Патрокла и Гектора.—Конецъ Ахилла.—Взятіе и разрушеніе Трои.—Судьбы Менелая и Агамемнона.—Странствованія и приключенія Одиссея.—Его возвращеніе на родину.—Двѣ гомерическія поэмы и ихъ значеніе.—Критика Вольфа.

Ни одинъ народъ въ мірѣ, какъ извѣстно, не обладалъ такимъ богатствомъ, творческимъ воображеніемъ какъ Греки и ни одинъ не создалъ такого обилія поэтическихъ вымысловъ. Все собраніе эллинскихъ мифовъ можно уподобить роскошному ковру, испещренному разнообразными, изящными узорами. Такіе мифы въ особенности наполняютъ собою первоначальный или такъ называемый Героическій періодъ Греческой исторіи. Въ этихъ вымыслахъ тѣсно переплетаются между собою дѣянія челоѡкообразныхъ боговъ и богоподобныхъ людей или героевъ. Симъ послѣднимъ нерѣдко приписывается происхожденіе отъ сочетанія какого либо божества съ челоѡческимъ существомъ. Боги принимаютъ непосредственное участіе въ дѣяніяхъ или въ судьбѣ своихъ любимыхъ героевъ и строятъ козни ихъ противникамъ. Каждая греческая область, почти каждый значительный

*) Источники: Гомера „Иліада“ и „Одиссея“. Отрывки изъ такъ наз. *Кликово* или эпическихъ поэтовъ подражавшихъ Гомеру и дополнявшихъ Иліаду и Одиссею, каковы особенно: *Стасинъ* Кипрскій и *Архимъ* Милетскій, *Квинтъ* Смирнскій (Posthomerica). Греческіе трагики *Эсхиль*, *Софокль* и особенно *Эврипидъ*; латинскій поэтъ *Виргилій* (Энеида).

Пособія: Грота — History of Greece. I томъ. Штоля — „Мифы классической древности“ (переводъ Покровскаго и Медвѣдева, М. 1865—1867).
Ө. Соколова — „Гомеровскій вопросъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1868. Ноябрь).

городъ имѣли особыя мифы о своихъ богахъ покровителяхъ и о своихъ герояхъ, съ которыми обыкновенно связывалось основаніе даннаго города или начало его государственной жизни и вообще дѣянія предковъ. Мало того, названіе почти каждой рѣки, каждой значительной горы у мѣстныхъ жителей было сплетено съ какимъ либо баснословнымъ расказомъ или объясненіемъ.

Наиболѣе крупныя, болѣе извѣстныя, греческія мифы можно такимъ образомъ раздѣлить на нѣсколько группъ или цикловъ по отдѣльнымъ областямъ. Важнѣйшіе циклы были слѣдующіе: 1) Тессалійскій съ его походомъ Аргонавтовъ; 2) Аттичeskій съ баснями объ основателяхъ Аѣинскаго царства, преимущественно о Тезеѣ; 3) Пелопонесскій или точнѣе Аргивскій, повѣствующій о Геркулесѣ, а въ особенности о сынѣ Тантала Пелопсѣ и его потомкахъ; 4) Тиванскій, сосредоточенный на судьбѣ Эдипа и его дѣтей, и наконецъ 5) Троянскій. Послѣдній является самымъ распространеннымъ и болѣе обработаннымъ, въ видѣ эпическихъ сказаній. По своему содержанію онъ примыкаетъ собственно къ циклу Пелопонесскому; но не есть какой либо мѣстный или областной циклъ, а своими героями захватываетъ большую часть Эллинской земли, и сосредоточивается преимущественно на походѣ соединеннаго греческаго ополченія подъ Трою; онъ былъ чтимъ и воспѣваемъ въ цѣлой Греціи и слѣдовательно является цикломъ общегреческимъ. Полный Троянскій циклъ сложился не вдругъ. Прошло много времени, прежде нежели простыя наивныя народныя сказанія о герояхъ, ходившихъ подъ Трою, постепенно были обработаны разными поэтами и явились въ настоящемъ своемъ видѣ. Главную часть этихъ сказаній составили двѣ большія поэмы, Иліада и Одиссея, которыхъ созданіе Греки приписали какому то старому слѣпцу-поэту Гомеру.

Попытаемся изложить въ связи и вкратцѣ содержаніе тѣхъ мифовъ, которые составили Троянскій циклъ.

Въ Сѣверо-западномъ углу Малой Азіи лежала небольшая земля Троянская (или Дарданія), омываемая отчасти Эгейскимъ моремъ, отчасти Геллеспонтомъ. Этотъ весьма холмистый край, покрытый отрогами горы Иды, орошается двумя рѣчками Симоисомъ и Скамандромъ, которые, соединясь, впадаютъ въ Геллеспонтъ около Сигейскаго мыса. Недалеко отъ ихъ устья, тамъ, гдѣ эти рѣчки образуютъ болѣе значительную долину, у подошвы Иды лежалъ городъ Троя

иначе Иліонъ; а примыкавшій къ нему и возвышавшійся на отдѣльномъ уступѣ горы замокъ или акрополь назывался Пергамъ; въ немъ находился царскій дворець. Племя Троянъ было родственно Грекамъ и царствовавшій надъ нимъ родъ происходилъ отъ самого Зевса. Одно время царемъ въ Троѣ былъ Пріамъ съ своею супругою Гекубой. Онъ имѣлъ до 50 сыновей и дочерей. Одна Гекуба родила ему 19 дѣтей. Они жили мирно и счастливо, окруженные многочисленнымъ семействомъ. Изъ ихъ сыновей наиболѣе знаменитыми сдѣлались Гекторъ по своей воинской доблести и Парисъ по своей красотѣ. А въ числѣ его дочерей была Кассандра, владѣвшая даромъ прорицанія. Парисъ, иначе названный Александромъ, явился виновникомъ разрушенія Трои. Самое рожденіе его сопровождалось зловѣщими предзнаменованіями. Однажды Гекуба видѣла во снѣ, что изъ нея вышло пламя, которое покрыло весь городъ. Снотолкователи объяснили, что ея будущее дитя навлечетъ великія бѣдствія на свою родину. Поэтому, когда родился Парисъ, Пріамъ велѣлъ отнести ребенка на лѣсистую вершину Иды и тамъ бросить. Но онъ былъ спасенъ однимъ изъ царскихъ пастуховъ; потомъ достигъ юношескихъ лѣтъ, пасъ царскія стада и отличался передъ сверстниками своею наружностію и отвагою. Однажды онъ пасъ свое стадо на Идѣ и забавлялся игрою на пастушеской свирѣли. Вдругъ предъ нимъ предстали три ослѣпительной красоты богини.

Въ это время въ ессалійской области Фтіотидѣ царь племени Мирмидонянъ Пелей праздновалъ свою свадьбу съ nereидою, т. е. морскою нимфою, Фетидой. На празднествѣ присутствовали Зевесъ, всѣ боги и богини. Только Эрисъ, богиня раздора, не была приглашена. Раздраженная тѣмъ, она бросила въ средину пирующихъ богинь золотое яблоко съ надписью: «прекраснѣйшей». Когда Гера, Аѣина и Афродита заспорили объ этомъ яблокѣ, Зевесъ велѣлъ Гермесу отвести ихъ на гору Иду и предоставить рѣшеніе спора пастуху Парису. Здѣсь каждая изъ спорящихъ старалась склонить его на свою сторону. Гера общала ему царство, Аѣина воинскую славу, Афродита прекраснѣйшую въ мірѣ женщину въ супруги. Парисъ отдалъ яблоко Афродитѣ. Гера и Аѣина поклялись непримиримой ненавистью къ Троѣ. Вскорѣ потомъ происхождение Париса было открыто его вѣщей сестрой Кассандрой, и родители, обрадованные его спасеніемъ, поспѣшили возвратить сына въ свой дворець. Затѣмъ Парисъ подъ по-

кровительство Афродиты предпринялъ морское путешествіе къ берегамъ Греціи, и явился гостемъ въ Спарту къ царю Менелаю, сыну Атрея, внуку Пелопса. Супруга его свѣтло-худрая Елена почиталась красивѣйшею изъ всѣхъ женщинъ. Менелай радушно принялъ гостя. Хозяину понадобилось тогда отлучиться на островъ Критъ. Парисъ вѣроломно воспользовался его отсутствіемъ, съ помощью Афродиты овладѣлъ сердцемъ Елены и увезъ ее въ Трою; причеиъ захватилъ и многія сокровища изъ дворца Менелаева.

Извѣщенный Герою о своемъ безчестіи и такомъ вѣроломномъ нарушеніи законовъ гостепріимства, Менелай послѣшилъ въ Арголиду къ своему старшему брату Агамемнону, царю Микенъ, женатому на сестрѣ Елены Клитемнестрѣ. Братья Атриды рѣшили вмѣстѣ идти войною на Трою и пригласить къ участію въ походѣ другихъ ахейскихъ царей. (Въ ту эпоху самымъ могущественнымъ въ Греціи племенемъ были Ахеяне, которые владѣли большею частію Пелопонеса и частію Фессалии). Поступокъ Париса сочтенъ былъ жестокимъ оскорбленіемъ для всѣхъ Ахейнъ, и возбудилъ въ нихъ жажду мести; а нѣкоторые греческіе герои приняли участіе въ походѣ изъ жажды славныхъ подвиговъ. Однимъ изъ первыхъ отозвался на приглашеніе Атридовъ престарѣлый и благодушный Несторъ, царь города Пилоса въ Мессеніи, бывший участникомъ разныхъ славныхъ предпріятій прежняго времени и умѣвшій красно о нихъ рассказывать. Потомъ постепенно пристали: доблестный Діомедъ, царь Аргоса, и его другъ Сѳенель изъ Тиринеа; мудрый Паламедъ, сынъ одного эвбейскаго царя; отличавшійся огромнымъ ростомъ и необыкновенною силою, но нехитрый на слова Аякъ сынъ Теламона, царь Саламинскій; другой Аякъ изъ Локриды, сынъ Оилея, весьма легконогій и искусный въ метаніи дротика, и много другихъ вождей. Но самыми знаменитыми изъ этихъ вождей являются хитроумный Одиссей и быстроногій Ахиллъ. Одиссей, сынъ Лаерта, царь острова Итаки, болѣе всѣхъ славился своимъ умомъ и находчивостью. Не безъ труда убѣдили его къ походу. Не задолго до того вступивъ въ бракъ съ красавицей Пенелопой, онъ не желалъ покинуть свою молодую супругу и своего ребенка Телемака. Когда Атриды вмѣстѣ съ Несторомъ и Паламедомъ прибыли къ Одиссею, тотъ притворился помѣшаннымъ: запрягъ въ одинъ плугъ коня съ быкомъ, сталъ пахать землю и за сѣвать ее солью. Но Паламедъ уличилъ его: онъ взялъ Телемака и

положилъ на дорогѣ, гдѣ долженъ былъ проходить плугъ. Дойдя до того мѣста, Одиссей остановился и принужденъ былъ сознаться въ притворствѣ. Не имѣя болѣе предлога уклониться отъ похода, онъ присталъ къ Атридамъ, и тотчасъ же обнаружилъ свою изобрѣтательность открытіемъ Ахилла. Сей послѣдній былъ сыномъ помянутыхъ выше царя Мармидонянъ Пелея и морской нимфы Фетиды. Мать знала, что ему предстоитъ громкая воинская слава, по что онъ рано будетъ похищенъ смертію; поэтому старалась помѣшать его участію въ походѣ подъ Трою. Фетида отправила юношу на островъ Скиросъ, и, одѣвъ его въ женское платье, скрыла между дочерьми царя Ликомеда. Но микенскій жрецъ-прорицатель Калхасъ объявилъ ахейскимъ вождямъ, что безъ Ахилла нельзя сокрушить Трою, и указалъ на его убѣжище. Въ Скиросъ отправился Одиссей вмѣстѣ съ Діомедомъ. Подъ видомъ странствующаго торговца, онъ проникъ во дворецъ Ликомеда и разложилъ передъ царевнами свои товары, состоявшіе изъ женскихъ нарядовъ и украшеній, кромѣ того оружіе и боевые доспѣхи. Межъ тѣмъ какъ царевны любовались нарядами, спутники Одиссея, остававшіеся на дворѣ, затрубили въ боевую трубу и подняли крикъ. Царевны въ испугѣ убѣжали; а юноша Ахиллъ схватилъ оружіе и бросился на встрѣчу мнимымъ врагамъ. Обнаруживъ себя такимъ образомъ, онъ затѣмъ легко согласился на просьбу участвовать въ походѣ подъ Трою. Необыкновенно храбрый, сильный и искусный во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ, Ахиллъ особенно отличался быстротою ногъ—качество, которое наиболѣе цѣнилось Греками. Ахилла сопровождалъ въ походѣ его вѣрный другъ Патроклъ. На собраніи вождей общимъ предводителемъ соединенной рати былъ выбранъ Агамемнонъ Микенскій, который при своемъ мужествѣ и величественной наружности былъ самымъ могущественнымъ и богатымъ изъ царей греческихъ.

Послѣ двухлѣтнихъ приготовленій, наконецъ всѣ вожди Ахейанъ собрались съ своими дружинами и кораблями въ Беотійской гавани Авлидѣ, готовые къ отплытію. Число кораблей простиралось безъ малаго до 1200; а количество воиновъ превышало 100.000. Бурное море и противные вѣтры долго задерживали здѣсь греческую рать, пока Агамемнонъ по совѣту прорицателя Калхаса не принесъ въ жертву богинѣ Артемидѣ собственную любимую дочь Ифигенію, которую для того и призвалъ въ Авлиду, придумавъ ложный предлогъ

(бракъ съ Ахилломъ). Тогда буря утихла; подулъ попутный вѣтеръ; Греки отплыли и благополучно достигли береговъ Троянской земли *).

Велика была рать Ахеянъ, приплывшихъ въ Азію; но и Троянцы приготовили упорную оборону, и призвали на помощь союзныхъ вождей изъ Ликіи, Мизіи, Меоніи (Лидіи), Фригіи, Пафлагоніи и Фракіи. На требованіе Грековъ выдать Елену и похищенныя у Менелая сокровища они отвѣчали отказомъ. Греки вытащили на берегъ свои корабли; разбили лагерь, гдѣ каждому вождю съ дружиной отведено было опредѣленное мѣсто; окружили свой станъ валомъ и рвомъ. Началась долгая осада. Отряды греческіе опустошали окрестныя области, часто предпринимая набѣги моремъ и сушию и возвращаясь обремененные добычею. Въ этихъ набѣгахъ болѣе всѣхъ отличился Ахиллъ: онъ разорилъ двѣнадцать приморскихъ городовъ и одиннадцать внутри страны; онъ угонялъ стада и табуны съ горъ Иды подъ самыми стѣнами Иліона. Несмотря на мужество Гектора, нѣкоторыхъ его братьевъ (Троила, Деифоба), союзниковъ и родственниковъ (въ особенности Энея, сына Анхиза и богини Афродиты), Трояне не могли противустоять Грекамъ въ открытомъ полѣ. Но съ другой стороны и греческіе герои не въ силахъ были овладѣть городомъ, и всѣ ихъ приступы были отбиты.

Протекло уже девять лѣтъ отъ начала осады; много витязей пало въ это время; дерево и канаты греческихъ кораблей уже начали гнить. Наступилъ десятый годъ, какъ вдругъ разразилась жестокая ссора между двумя главными вождями, Агамемнономъ и Ахилломъ. Эта ссора и ея ближайшія послѣдствія составили содержаніе извѣстной эпической поэмы, т. е. Иліады.

Послѣ одного изъ набѣговъ, совершенныхъ Ахилломъ, при раздѣлѣ добычи и плѣнныхъ Агамемнону досталась дочь Аполлонова жреца Хриза. Тщетно престарѣлый жрецъ приходилъ въ станъ Ахеянъ и предлагалъ выкупъ за свою дочь. Агамемнонъ не внялъ его просьбамъ. Взмолился Хризъ Аполлону о мести Данаямъ (такъ иначе назывались

---

*) Позднѣйшій мнѣз прибавляетъ, что во время закланія Ифигеніи совершилось чудо: Артемида на ея мѣсто послала лань; а Ифигенію перенесла на далекій берегъ Гавриды, гдѣ дѣва сдѣлалась жрицею въ ея храмѣ. Тутъ сирѣньи Скионы приносили въ жертву богинѣ всякаго чужеземца, занесеннаго моремъ въ ихъ страну. Впослѣдствіи братъ Орестъ съ своимъ другомъ Пилломъ освободили Ифигенію и воротили въ Элладу.

собственно Аргивяне, а по нимъ также именуется Иліада и всѣхъ Грековъ). Богъ услышалъ его молитву и наслалъ на Грековъ моровую язву. Вопрошенный о причинѣ Аполлонова гнѣва, вѣщій Калхасъ указалъ на безчестье, причиненное Хризу, и совѣтовалъ освободить его дочь; Агамемнонъ согласился на это освобожденіе только подъ условіемъ соотвѣтствующаго вознагражденія. Когда же Ахиллъ сталъ укорять его въ жадности и себялюбіи, надменный Агамемнонъ рѣшилъ отпустить Хризеиду, а въ замѣнъ ея взять у самого Ахилла его юную плѣнницу Бризеиду. Раздраженный такою обидой, герой схватился за мечъ; но укрощенный самою покровительницей своей богиней Афиной, онъ только осыпалъ Атрида бранными, язвительными словами. Затѣмъ съ другомъ Патрокломъ удалился въ свой шатеръ, и, отказавшись отъ участія въ войнѣ съ Троянами, предался бездѣйствію. Онъ не воспрепятствовалъ вѣстникамъ Агамемнона увести Бризеиду. Какъ только Хризу была возвращена дочь и въ станѣ греческомъ совершены очистительныя жертвы Аполлону, моровая язва прекратилась.

Между тѣмъ вызванная изъ моря нимфа Фетида, по просьбѣ сына, отправилась къ Зевсу на Олимпъ и умоляла его даровать побѣды Троянамъ до тѣхъ поръ, пока Агамемнонъ и всѣ Ахейцы не воздадутъ надлежащей чести оскорбленному Ахиллу. Зевсъ наклонилъ свою голову въ знакъ соизволенія; при чемъ встряхнулись пряди его умощенныхъ волосъ, и при ихъ движеніи содрогнулись вершины Олимпа. Когда въ слѣдъ затѣмъ въ чертогахъ Олимпійскихъ, на трапезѣ боговъ, Гера вздумала было укорять своего супруга за его пристрастіе къ Троянамъ, Зевсъ укротилъ ее своимъ грознымъ словомъ; а сынъ ихъ хромоногіи Гефестъ поспѣшилъ утѣшить мать, и развеселилъ боговъ, обнося въ ихъ кругу кубокъ съ сладкимъ нектаромъ.

Вскорѣ, предводимые Гекторомъ, Трояне начали брать верхъ надъ Ахеями въ битвахъ, которыя происходили на полянѣ между городомъ и греческимъ станомъ. Въ этихъ битвахъ главную роль играли вожди или герои, которые выѣзжали на своихъ парныхъ колесницахъ, управляемыхъ особыми возницами, и метали съ нихъ стрѣлы и копьа, или соскакивали на землю и вступали въ единоборство. Подвиги этихъ героевъ и наполняютъ собою безсмертныя пѣсни Иліады.

Ахеи наконецъ оттѣснены къ своимъ кораблямъ, и неукротимый Гекторъ готовъ ворваться въ самый ихъ станъ. Агамемнонъ предлагаетъ Ахиллу примиреніе, и хочетъ возвратить ему Бризеиду съ прибавленіемъ другихъ плѣнницъ и разныхъ сокровищъ. Но Ахиллъ остается глухъ къ этому предложенію. Гекторъ огромнымъ камнемъ разбиваетъ ворота греческаго стана, и Трояне уже зажгли нѣкоторые корабли. Тогда, по усиленной просьбѣ Патрокла, Ахиллъ дозволилъ ему надѣть свои доспѣхи и во главѣ Мирмидонянъ ударить на враговъ, для того только, чтобы тѣ, принявъ его за самого Пелида, удалились отъ стана. Но увлеченный пыломъ битвы, Патроклъ преслѣдуетъ Троянъ до самыхъ стѣнъ города. Тутъ, обезоруженный самимъ Аполлономъ, онъ падаетъ мертвый отъ копья Гектора; съ трудомъ Греки отбиваютъ его тѣло; а оружіе и доспѣхи остаются въ рукахъ побѣдителя. Ахиллъ въ страшномъ отчаяніи, и не хочетъ пережить своего друга. Вопли его Фетида услышала въ самыхъ глубинахъ моря и послѣшила къ сыну. Онъ объявляетъ ей, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока Гекторъ не падетъ отъ его копья. Но въ греческомъ станѣ нѣтъ доспѣха, который былъ бы ему въ пору, за исключеніемъ Аякова. Мать спѣшитъ къ Гефесту, и тотъ по ея просьбѣ изготовляетъ крѣпкій щитъ, броню, шлемъ и поножи для Ахилла.

Трояне, ободренные побѣдами, также расположились станомъ въ открытомъ полѣ. На слѣдующее утро Ахиллъ бѣшено нападаетъ на нихъ во главѣ «мѣднодоспѣшныхъ» Данаевъ, и страшно свирѣпствуетъ; рѣка Скамандръ запружена троянскими трупами и покраснѣла отъ ихъ крови. Съ дозволенія Зевса многіе боги приняли участіе въ этой битвѣ, въ томъ числѣ Аполлонъ, Арей, Артемида на сторонѣ Троянъ, Посейдонъ, Аѳина и Гера на сторонѣ Данаевъ. Аѳина при этомъ избила Ароя, а Гера Артемиду, такъ что тѣ со стономъ удалились на Олимпъ. Старецъ Пріамъ приказываетъ отворить городскія ворота, чтобы укрыть разбитыхъ, бѣгущихъ Троянъ. Гекторъ одинъ остается внѣ стѣнъ, не взирая на мольбы родителей, стоявшихъ на башнѣ. Но когда приблизился къ нему грозный Ахиллъ, высоко поднимая свое тяжелое ясеновое копьё, Гекторъ затрепеталъ и побѣжалъ. Пелидъ погнался за нимъ. Три раза обѣжали они вокругъ города. Зевсъ взялъ въ руки золотыя вѣсы и бросилъ на нихъ два жребія, одинъ Ахилла, другой Гектора; послѣдній опустился

къ землѣ. Съ той минуты покинулъ его покровитель Аполлонъ; а богиня Аѳина стала помогать Ахиллу. Принявъ образъ одного изъ братьевъ Гектора, она остановила его и заставила вступить въ бой. Пораженный копьемъ, онъ падаетъ мертвый. Ахиллъ привязалъ его трупъ къ своей колесницѣ и погналъ въ греческій станъ, сопровождаемый воплями Троянъ, стоявшихъ на стѣнахъ. Непогребеннымъ, во прахѣ, должно было лежать тѣло героя, между тѣмъ какъ Пелидъ своему другу Патроклу устроилъ пышное погребеніе. Тѣло его было сожжено на огромномъ кострѣ, вмѣстѣ съ двѣнадцатю плѣнными Троянами. Кости Патрокла собрали и погребли въ золотой урнѣ; а надъ могилою насыпали высокій курганъ. Затѣмъ Ахиллъ устроилъ въ память друга блестящія игры, и побѣдителей одѣлялъ разными дарами. Наконецъ Зевесъ и другіе боги смягчили жестокое сердце Пелида. Когда старецъ Пріамъ, прибывъ въ его шатеръ, обнялъ его колѣни и умолялъ принять выкупъ за тѣло Гектора, Ахиллъ исполнилъ его просьбу и далъ ему перемиріе на одиннадцать дней для погребенія сына. Въ теченіе десяти дней Трояне плакали надъ тѣломъ своего героя и приготавливали торжественное погребеніе. На одиннадцатый день они сожгли его на кострѣ; кости сложили въ урну, насыпали надъ нею высокій курганъ и собрались на погребальный пиръ въ домъ Пріама.

Здѣсь оканчивается Илиада Гомера. Но другіе поэты продолжали повѣствованіе о Троянской войнѣ и взятіи Іліона.

Устрашенные гибелью лучшаго своего героя, Гектора, Трояне снова защищались въ стѣнахъ и не смѣли выходить въ открытое поле. Но ихъ ободрило прибытіе новыхъ союзниковъ. На помощь Пріаму изъ отдаленной Понтійской страны явилась царица Амазонъ прекрасная, воинственная дѣва Пенесилія, дочь бога Арея. Ставъ во главѣ Троянъ, она и ея амазонки, верхомъ на коняхъ, прогнали Ахеянъ до самыхъ кораблей и уже готовились зажечь ихъ; какъ изъ стана выступилъ Ахиллъ, и, сразясь съ Пенесиліей, на смерть поразилъ ее своимъ копьемъ. Въ другой разъ Трояне устремились на Данаевъ, когда къ нимъ пришелъ родственникъ Пріама царь Эѳіоповъ Мемнонъ, сынъ богини утренней зари Эи (Авроры), красивѣйшій изъ смертныхъ. Мужествомъ и силою онъ не уступалъ Ахиллу, и, когда они встрѣтились, то между ними загорѣлась такая страшная битва, что сами боги съ вершинъ Олимпа съ участіемъ

взирали на двухъ героевъ. Но Зевсъ рѣшилъ въ пользу Ахилла, и Мемнонь палъ отъ его копья; мать его Эя со стономъ устремилась на трупъ сына, и по ея просьбѣ крылатые вѣтры унесли его на родину.

Судьбою рѣшено было заранѣе, чтобы за смертью Мемнона вскорѣ послѣдовала и гибель Ахилла. Однажды онъ съ особою свирѣпостью поражалъ бѣгущихъ Троянъ и едва было не ворвался вслѣдъ за ними въ Скейскія ворота города; но тутъ стрѣла, пущенная рукою Париса и направленная самимъ Аполлономъ, глубоко вонзилась ему въ пятку, единственное уязвимое на его тѣлѣ мѣсто. Цѣлый день кипѣла битва вокругъ павшаго Ахилла. Троянскіе герои хотѣли завладѣть его тѣломъ и доспѣхами. Наконецъ Аяксу удалось на своихъ плечахъ вынести тѣло изъ сѣчи, пока Одиссей отражалъ враговъ. Семнадцать дней и ночей неутѣшная Фетида съ своими нерендами оплакивала сына. На осьмнадцатый день его трупъ сожгли на огромномъ кострѣ; а золотую урну съ его костями положили рядомъ съ урною Патрогла и засыпали ихъ высокимъ курганомъ. По другому преданію Фетида унесла останки сына на маленькій островъ Левке (или Змѣиный), который одиноко возвышается надъ волнами Чернаго моря педалеко отъ устьевъ Дуная.

Когда окончились погребальныя игры въ честь Ахилла, Фетида предложила отдать его золотые доспѣхи, сработанные Гефестомъ, достойнѣйшему изъ греческихъ героевъ. Тогда возникъ споръ между Аяксомъ и Одиссеемъ. Рѣшеніе спора Атриды предоставили плѣннымъ Троянамъ, и тѣ высказались въ пользу Одиссея: такимъ образомъ уму и хитрости было отдано предпочтеніе передъ грубой силою. Глубоко оскорбленный тѣмъ Аякъ воспылалъ мезтью и задумалъ убить Атридовъ и Одиссея. Въ слѣдующую ночь онъ съ мечемъ въ рукѣ выходитъ изъ своего шатра; но тутъ Афина наслала на него помраченіе ума. Охваченный бѣшенствомъ, Аякъ бросается на пасшіяся за станомъ стада рогатаго скота и барановъ, и предается ихъ избіенію, воображая, что поражаетъ Атридовъ и другихъ своихъ соперниковъ. Поутру, когда онъ пришелъ въ себя и увидѣлъ груды избитаго имъ скота и тѣла пастуховъ, имъ овладѣли такой стыдъ и отчаяніе, что онъ бросился на собственный мечъ.

Гибель главныхъ греческихъ героевъ, Ахилла и Аякса, снова ободрила Троянъ; а Греки пришли въ смущеніе. Но живъ былъ хитро-

умный Одиссей, который и сдѣлался руководителемъ дальнѣйшей осады. Отъ плѣннаго Пріамова сына вѣщаго Гелена онъ узналъ, что Троя не можетъ быть взята безъ помощи Ахиллова сына Неоптолема и Геркулесовыхъ стрѣлъ, находившихся во владѣніи Филоктета. Неоптолемъ былъ рожденъ на Скиросѣ одною изъ дочерей Ликомеда, когда между ними въ женской одеждѣ скрывался Ахиллъ; юноша жилъ на томъ же островѣ у своего дѣда. А Филоктеть, владѣвшій стрѣлами Геркулеса, недававшими никогда промаху, былъ одинъ изъ греческихъ героевъ, отправившихся подъ Трою. Но когда его уязвила ехидна и причинила ему жестокою неизлѣчимую рану, онъ, по совѣту Одиссея, былъ брошенъ на произволъ судьбы на пустынномъ островѣ Лемносѣ, и тутъ больной влачилъ свое существованіе, проклиная жестокосердіе Ахейанъ и особенно своего врага Одиссея. Сей послѣдній отправился сначала на Скиросъ, и легко убѣдилъ слѣдовать за собою Неоптолема, которому онъ отдалъ доспѣхи его отца Ахилла. А потомъ они вмѣстѣ поплыли на островъ Лемносъ и убѣдили Филоктета, забывъ свою обиду, прибыть съ ними подъ Трою. Здѣсь Филоктеть выздоровѣлъ отъ своей раны, и стрѣлою Геракла поразилъ на смерть виновника войны Париса. Съ прибытіемъ двухъ новыхъ героевъ перевѣсъ опять склонился на сторону Грековъ, и опять Трояне заперлись въ своихъ стѣнахъ. Но пока въ Троѣ хранился палладіумъ, т. е. изображеніе Афины Паллады, нѣкогда врученное самимъ Зевсомъ его сыну Дардану, родоначальнику троянскихъ царей, до тѣхъ поръ и Троя не могла быть взята. Одиссей, переодѣвшись жалкимъ нищимъ, проникъ въ городъ, разузналъ положеніе палладіума, и потомъ похитилъ его въ товариществѣ съ Діомедомъ.

Тогда насталъ послѣдній день Иліона. Но взять онъ былъ не силою, а хитростью.

По совѣту изобрѣтательнаго Одиссея, Греки сдѣлали огромнаго деревяннаго коня. Отважнѣйшіе герои, въ томъ числѣ Одиссей, Діомедъ, Менелай, Неоптолемъ, спрятались въ чревѣ коня. Затѣмъ все греческое войско, зажегши свой станъ, сѣло на корабли и отплыло, какъ бы возвращаясь на родину; но флотъ укрылся за ближній островъ Тенедосъ, и тамъ остановился. Обрадованные прекращеніемъ осады и удаленіемъ враговъ, Трояне высыпали изъ города и съ любопытствомъ осматривали какъ мѣсто греческаго стана, такъ и за-

гадочнаго деревяннаго коня. Мнѣнія ихъ раздѣлились: одни предлагали сжечь коня или бросить его въ море; другіе хотѣли его сохранить какъ даръ посвященный Аѳинѣ. Жрецъ Лаокоонъ, дядя Энея, болѣе другихъ кричалъ, что онъ не вѣритъ Донаямъ, даже и тогда, когда они предлагаютъ дары. (Timeo Danaos et dona ferentes—говоритъ онъ въ Энеидѣ). Но едва онъ началъ приносить жертву на берегу моря, какъ изъ волнъ вышли двѣ змѣи и задушили Лаокоона вмѣстѣ съ двумя его сыновьями. Это показалось народу наказаніемъ боговъ за слова Лаокоона. Въ ту же минуту привели къ Пріаму одного схваченнаго грека, по имени Синона. То былъ коварный обманщикъ: онъ выдалъ себя за жестоко обиженнаго Одиссеемъ и спасагося бѣгствомъ отъ его козней. Онъ же объяснилъ Троянамъ, что огромный конь, посвященный Аѳинѣ, можетъ замѣнить имъ похищенный палладіумъ, если будетъ введенъ въ городъ. Обманутые граждане обвязали коня веревками, и втащили въ Трою; для чего разломали даже часть стѣны, такъ какъ онъ не проходилъ въ ворота. Затѣмъ они предалися вину и веселью, а когда настала ночь, безопасно заснули. Тогда греческій флотъ поспѣшилъ къ Троѣ по условленному знаку, именно по костру, зажженному Синомомъ; скрытые во чревѣ коня герои вышли изъ своей засады и перебили сонныхъ сторожей. Городъ во многихъ мѣстахъ запылалъ; началось его разрушеніе и разграбленіе. Трояне отчаянно защищались и гибли съ оружіемъ въ рукахъ. Старецъ Пріамъ палъ отъ руки Неоптолема; оставшіеся еще въ живыхъ его сыновья также всѣ погибли; въ томъ числѣ убитъ Менелаемъ Деифобъ, который по смерти Париса овладѣлъ Еленой. Гнѣвный, ревнивый Менелай хотѣлъ умертвить и свою невѣрную жену; но былъ смягченъ видомъ ея дивной красоты, и съ торжествомъ увелъ ее на свой корабль. Вдова Гектора, Андромаха досталась плѣнницей Неоптолему, который при этомъ умертвилъ ея маленькаго сына Астіанакса: въ жестокосердіи онъ превосходилъ своего отца Ахилла. Вѣщая дочь Пріама Кассандра была оторвана отъ алтаря Аѳины, гдѣ искала безопасности, и по раздѣлу добычи отдана Агамемнону. А ея сестра Поликсена на могилѣ Ахилла была принесена въ жертву его тѣни рукою Неоптолема, такъ какъ нѣкогда она была обѣщана Ахиллу въ жены. Престарѣлая ихъ мать царица Гекуба погибла безвѣстною смертью. Избывая мужичинъ, Данаи брали въ плѣнъ ихъ женъ и дочерей, для того, чтобы сдѣлать ихъ

своими рабынями. Изъ троянскихъ вождей не многіе спаслись отъ общей гибели. Герой Эней посадилъ къ себѣ на плечи престарѣлаго отца Анхиза, взявъ за руку юнаго сына Асканія и, покровительствуемый своею матерью Афродитой, удалился изъ пылающаго города.

Такъ городъ Троя и все царство Троянское было разрушено Ахеями, мстившими за оскорбленіе, которое причинилъ имъ легкомысленный сынъ Пріама Парисъ.

Съ концомъ Троянской войны не кончились однако страданія греческихъ героевъ. Уже на слѣдующій день послѣ разрушенія Трои въ народномъ собраніи Ахеевъ возникла распря: одни по совѣту Менелая хотѣли немедленно сѣсть на суда и плыть въ отечество; другіе по настоянію Агамемнона желали еще остаться, чтобы гекатомбой (жертвой въ сто воловъ) умилостивить Аѣнну, разгнѣванную оскорбленіемъ ея святилища (отъ котораго силою была оторвана Кассандра, при чемъ разбилась самая статуя богини). Менелай, Несторъ, Диомедъ, Неоптолемъ и нѣкоторые другіе вожди дѣйствительно успѣли уѣхать немедленно; а остальные отправились послѣ. Но немногіе герои благополучно воротились въ отечество: нѣкоторыхъ застигли бури и поглотили волны; другіе были выброшены на чужіе берега или занесены въ далекія страны, и долго блуждали, пока попали на родину. Это исполненное превратностей и чудесныхъ приключеній возвращеніе греческихъ героевъ изъ подъ Трои послужило предметомъ для цѣлой сѣти сказаній, которая непосредственно примыкаетъ къ Троянскому циклу.

По этимъ мидамъ весьма различна была судьба зачинщиковъ Троянскаго похода, двухъ братьевъ Атридовъ. Менелай и Елена уже достигали своей земли, т. е. Спарты, когда отъ мыса Малей были бурю отброшены къ острову Криту, гдѣ большая часть ихъ кораблей разбилась о скалистые берега. Отсюда вѣтры прогнали ихъ въ Египетъ; тамъ эта чета посѣтила Стовратныя Фивы и нашла гостепримство у фараона и его супруги, и получила отъ нихъ въ подарокъ серебряныя чаши, треножные котлы и лекарственныя растенія. Потомъ Менелай и Елена побывали на островѣ Кипрѣ, въ Финикіи у царя Сидонскаго, у Эеіоповъ и Ливійцевъ. Вообще они восемь лѣтъ блуждали по морямъ, пока боги позволили имъ прибыть на родину, гдѣ потомъ они наслаждались долгою и спокойною жизнію.

Агамемнонь наобороть довольно скоро изъ подъ Трои прибылъ въ родные Микены; но только для того, чтобы найти здѣсь свою гибель. Еще отецъ его Атрей жестоко враждовалъ съ своимъ братомъ Өиестомъ за Микенское царство, и палъ отъ руки его сына, своего племянника Эгиста. Въ свою очередь Өиестъ былъ умерщвленъ сыномъ Атрея Агамемнономъ. Сынъ Өиеста Эгистъ передъ отъѣздомъ Агамемнона подъ Трою воротился изъ своего изгнанія и по наружности примирился съ двоюроднымъ братомъ; но въ душѣ онъ пылалъ мщеніемъ и жаждалъ захватить Микенскій престолъ. Въ отсутствіе Агамемнона онъ сблизился съ его супругою Клитемнестрою (сестрою Елены), которая питала негодованіе противъ мужа за принесеніе имъ въ жертву ея дочери Ифигеніи въ Авлидѣ (ей не было извѣстно спасеніе Ифигеніи и пребываніе ея въ Тавридѣ). Эгистъ и Клитемнестра надѣялись, что Агамемнонь не воротится изъ подъ Трои. Но вотъ наконецъ запылали костры, разложенные по вершинамъ горъ и острововъ—условленный знагъ возвращенія Ахейской рати. Прибылъ и самъ царь съ своею побѣдоносною дружиною и съ своею плѣнницей Кассандрой. Клитемнестра торжественно съ радостнымъ видомъ встрѣчаетъ супруга; Эгистъ приглашаетъ его на пиръ. Тщетно вѣщая Кассандра предсказываетъ бѣды; по обыкновенію на ея предсказанія не обращаютъ вниманія. Во время пира Эгистъ измѣннически поражаетъ Агамемнона; а заранѣе скрытые убійцы избиваютъ его товарищей. Тутъ же Клитемнестра умерщвляетъ Кассандру. Семь лѣтъ послѣ того Эгистъ царствуетъ въ Микенахъ съ Клитемнестрою. Но тайкомъ возвращается изъ изгнанія ея сынъ Орестъ съ своимъ другомъ Пиладомъ, и отъ своей сестры Электры узнаетъ о всемъ, что происходило въ его отсутствіе. Орестъ мститъ за смерть отца убіеніемъ не только преступнаго Эгиста, но и собственной матери.

Изъ всѣхъ греческихъ героевъ, пережившихъ паденіе Трои, самые богатые и поэтическіе вымыслы окружили судьбу Одиссея. Сказанія о его странствованіяхъ составили особую поэму Одиссею, приписанную тому же слѣпому пѣвцу Гомеру.

Десять лѣтъ продолжались эти странствованія хитроумнаго героя по бурнымъ морямъ, незнакомымъ берегамъ и островамъ. Много разъ онъ подвергался великимъ опасностямъ; но всегда избѣгалъ

ихъ помощію боговъ или своей изобрѣтательности. Такъ однажды онъ присталъ къ острову, обитаемому циклопами или одноглазыми великанами—людодѣдами, и попалъ въ пещеру къ одному изъ нихъ, Полифему. Сей послѣдній началъ каждое утро и вечеръ пожирать Одиссеевыхъ спутниковъ, одного за другимъ. Одиссей нашелся: онъ угостилъ людодѣда виномъ, а, когда тотъ опьяненный заснулъ, вонзилъ ему въ глазъ обрубокъ дерева. Ослѣпшій Полифемъ съѣлъ у входа въ пещеру, чтобы не выпустить Ахейцевъ живыми. Сюда на ночь загонялось стадо барановъ. Одиссей связалъ ихъ по трое вмѣстѣ и подъ каждымъ среднимъ привязалъ по одному своему спутнику; а для себя выбралъ самаго большаго и густоруннаго барана, и, вѣщаясь въ его руно, повисъ у него между ногами. Полифемъ оцупывалъ только спины проходившихъ мимо барановъ; такимъ образомъ Ахейцы спаслись на свой корабль, захвативъ съ собой и барановъ.

Въ другой разъ герой присталъ къ острову нимфы Цирцеи, которая всѣхъ гостей своихъ съ помощію волшебнаго напитка обращала въ животныхъ. Предупрежденный богомъ Гермесомъ, Одиссей избѣжалъ ея чаръ, и потомъ прогостилъ у нея цѣлый годъ. Наконецъ онъ упросилъ ее отпустить его въ отечество; но по требованію Цирцеи долженъ былъ предварительно отправиться въ Аидъ или царство мертвыхъ, чтобы тамъ спросить о своей судьбѣ прорицателя Терезія. Прорицатель объявилъ ему, что онъ долго еще будетъ странствовать и наконецъ воротится на родную Итаку на чужомъ кораблѣ, потерявъ всѣхъ своихъ товарищей; причемъ объяснилъ, что его преслѣдуетъ богъ морей Посейдонъ за ослѣпленіе своего сына, циклопа Полифема. Въ мрачномъ царствѣ мертвыхъ Одиссей, кромѣ того, видѣлъ много знакомыхъ тѣней и говорилъ съ ними, между прочимъ съ своею матерью, которая рассказала ему, что дѣлается на его родинѣ, Итакѣ, и какъ живутъ супруга его Пенелопа, сынъ Телемакъ и отецъ Лаэртъ. Тѣнь Агамемнона сообщила ему о своей печальной кончинѣ; Ахиллъ спрашивалъ его о своемъ сынѣ Неоптолемѣ.

Затѣмъ Одиссею пришлось плыть мимо острова, на которомъ обитали нимфы—сирены. Онѣ своимъ сладкозвучнымъ пѣніемъ очаровывали приближавшихся мореходовъ, такъ что тѣ, забывъ семью и родину, спѣшили причалить къ берегу и здѣсь погибали. Предупрежденный о томъ Цирцеей, Одиссей залѣпилъ своимъ спутникамъ уши

воскомъ; а себя велѣлъ привязать къ мачтѣ; такимъ образомъ онъ миновалъ сирень, хотя, услыхавъ ихъ пѣніе, и рвался на ихъ берегъ. Потомъ корабль его благополучно прошелъ узкій проливъ, между двумя утесами, о которые постоянно бились волны и подъ которыми въ пещерахъ обитали два чудовища, Скилла и Харибда, пожиравшіе мореплавателей. Скилла успѣла однако схватить нѣсколькихъ спутниковъ Одиссея. Онъ присталъ къ благословенному острову Тринакріи (Сициліи), гдѣ и былъ задержанъ противными вѣтрами. Тутъ паслись стада бога Геліоса (солнца), и тщетно Одиссей предупреждалъ своихъ товарищей не трогать священныхъ животныхъ. Томимые голодомъ, спутники воспользовались его сномъ, и закололи нѣсколько быковъ. Послѣ того, вышедши въ море, корабль потерпѣлъ отъ бури крушеніе; причежъ погибли всѣ спутники Одиссея. Онъ одинъ спасся на корабельномъ обломкѣ, и волнами былъ выброшенъ на островъ Огигію, гдѣ обитала прекрасная нимфа Калипсо. Она не только радушно приняла страдальца, но и удерживала его у себя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ что герой началъ сильно тосковать по своей семьѣ и родинѣ.

Наконецъ боги ждалились надъ Одиссеемъ и рѣшили помочь его возвращенію. Зевсъ посылаетъ Гермеса къ нимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ отпустить героя. Нимфа неохотно исполняетъ повелѣніе и снаряжаетъ плотъ, на которомъ герой плыветъ къ острову торговаго народа Феаковъ. Но у самаго острова онъ испытываетъ новое крушеніе отъ бури, и вплавь достигаетъ берега. Тутъ встрѣчаетъ онъ Навзикаю, дочь царя Алкиноя, которая съ своими служанками мыла бѣлье за городомъ. Она даетъ ему приличную одежду и указываетъ путь къ дому своего отца. Алкиной радушно принялъ гостя, и, съ помощью гражданъ, снаряжаетъ для него корабль, на которомъ герой поплылъ въ отечество. Дорогой онъ крѣпко заснулъ. Корабельщики, достигши Итаки, положили спящаго Одиссея на песчаный, пустынный берегъ, съ подарками феакскихъ князей, и отплыли назадъ. Когда герой проснулся и не узналъ своей земли, Афина открыла ему, что онъ уже на родинѣ, затѣмъ обратила его въ старика-нищаго и посоветовала укрыться пока у его стараго слуги, свинопаса Эвмея.

Еще прежде прибытія Одиссея, Афина въ образѣ одного мужа явилась на Итаку въ его домъ, и дала совѣтъ его сыну Телемаку

ѣхать въ Пилось къ Нестору и въ Спарту къ Менелая, чтобы распросить ихъ о своемъ отцѣ. Въ домѣ Одиссея въ то время собирались многіе молодые люди съ Итаки и сосѣднихъ странъ; это были соискатели на руку Пенелопы и наслѣдство ея мужа, такъ какъ предполагалось, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Вѣрная Пенелопа прибѣгла къ хитрости, чтобы выиграть время, ибо она все еще не теряла надежды на возвращеніе мужа. Она просила отложить свой новый бракъ до тѣхъ поръ, пока окончатъ тканъ, которую приготовляла на гробовой покровъ своему свекру, старцу Лаерту. Но все сотканное днемъ она распускала ночью, и тканъ казалась безконечною. Выданная одною изъ рабынь, она принуждена была окончить тканъ, и затѣмъ ей предстояло выбрать кого либо изъ жениховъ въ свои супруги. Межъ тѣмъ, въ ожиданіи этого выбора, женихи ежедневно сходились въ царскомъ домѣ, и пировали, беспощадно истребляя скотъ, хлѣбные и винные запасы Одиссея, такъ что его дому грозило отъ нихъ совершенное разореніе; причеъ они вели себя буйно, и нагло обращались какъ съ царицею, такъ въ особенности съ Телемакомъ. Наученный Аэиною, сей послѣдній тайкомъ отправился въ путь; причеъ его сопровождала сама богиня, принявъ образъ его дядьки Ментора.

Телемакъ посѣтилъ Нестора; потомъ гостилъ у Менелая и Елены; получивъ отъ нихъ подарки, онъ поплылъ на родину, и руководимый Аэиною, благополучно миновалъ засаду, которую злобные женихи устроили ему въ одномъ узкомъ проливѣ, съ цѣлью его убить. У свинопаса Эвмея онъ нашелъ своего отца, но не узналъ его. Одиссей открылся сыну, и они вмѣстѣ обдумали планъ, какъ избавить свой домъ отъ буйныхъ жениховъ. Подъ видомъ того же нищаго старика, герой вступилъ въ свой домъ и собственными очами убѣдился, съ какимъ безстыдствомъ женихи истребляютъ его добро и предаются веселымъ пиршествамъ. На слѣдующій день Пенелопа предлагаетъ женихамъ состязаніе и приносить изъ кладовой лукъ Одиссея: кто натянетъ этотъ лукъ и попадетъ стрѣлой въ цѣль, сквозь 12 колець, какъ попадалъ нѣкогда Одиссей, тотъ и получитъ ея руку. Никто изъ соискателей не могъ даже натянуть лука. Мнимый нищій, уже потерпѣвшій отъ нихъ нѣсколько оскорбленій, натягиваетъ лукъ и попадаетъ въ цѣль. На брань и угрозы жениховъ онъ отвѣчаетъ убійственными стрѣлами и открываетъ, кто

онъ. Тщетно молодые люди стараются подавить его своею толпою; вспомошествоемый сыномъ Телемакомъ, Одиссей избиваетъ всѣхъ жениховъ, и затѣмъ соединяется съ Пенелопой послѣ двадцатилѣтней разлуки. Отцы и родственники убитыхъ юношей, узнавъ о ихъ судьбѣ, поднимаютъ мятежь; но Аѳина укрощаетъ его и водворяетъ миръ. Одиссей послѣ того еще долго и спокойно царствовалъ на Итакѣ.

Одиссея вообще изобилуетъ поэтическими картинами изъ мирной жизни Грековъ, изъ ихъ домашняго хозяйства, общественныхъ и семейныхъ обычаевъ. Вмѣстѣ съ Илиадою она изображаетъ ту эпоху гражданственности, которая извѣстна подъ именемъ «бронзоваго вѣка». (Сей вѣкъ занимаетъ переходную ступень между «каменнымъ» и «железнымъ»). Какъ оружіе и военные доспѣхи, такъ и домашнія орудія въ эту эпоху уже не были приготовляемы только изъ камня, а ковались изъ металловъ, преимущественно изъ мѣди, наиболѣе легкой для обработки; желѣзо гораздо труднѣе дляковки, и въ ту пору оно только понемногу начинаетъ входить въ употребленіе. Точно также и въ складѣ общественномъ Илиада и Одиссея изображаютъ тотъ періодъ, когда народъ Греческій дробился на множество общинъ, во главѣ которыхъ стояли цари; эти цари хотя и производили свои роды отъ боговъ, но пользовались очень умѣренною властію въ народѣ, и выдавались болѣе своими личными качествами или количествомъ своихъ полей, стадъ и домашней челяди.

Эти гомерическія поэмы составляли любимѣйшій предметъ для пѣсенъ греческихъ пѣвцовъ или «рапсодовъ», которые свое пѣніе о богахъ и герояхъ сопровождали звуками семиструнной лиры или китары. Образецъ такихъ рапсодовъ представляетъ намъ поэма Одиссея въ лицѣ слѣпаго старца Демодокъ, который во дворцѣ Алкиноя во время пиршества пѣлъ о паденіи Трои. Такимъ же старымъ пѣвцомъ, странствующимъ изъ одного города въ другой, Греки представляли себѣ и Гомера. Родиной его почитались Ионическія колоніи на берегу Малой Азіи. Семь городовъ (Смирна, Хиосъ, Колофонъ, Саламинъ на Кипрѣ, Иосъ, Аргосъ и Аѳины) спорили за честь называться его отечествомъ. Илиада и Одиссея изображаютъ важнѣйшія греческія

божества собранными въ одну семью и возсѣдающими на горѣ Олимпѣ; а также отдѣльные греческіе народы и ихъ вождей представляютъ членами одной и той же великой Эллинской семьи, соединенными въ одномъ общемъ предпріятіи. Поэтому онѣ получили характеръ священныхъ пѣсень, съ малолѣтства заучивались наизусть во всѣхъ греческихъ странахъ, входили въ предметы школьнаго обученія, и укрѣпляли въ разрозненныхъ греческихъ областяхъ сознание своего племеннаго единства.

Греки не сомнѣвались въ существованіи Гомера, какъ творца Иліады и Одиссея; вѣрили въ подвиги и приключенія воспѣтыхъ имъ героевъ; вѣрили въ существованіе древней великолѣпной Трои, на мѣстѣ которой или около нея въ историческія времена находилось поселеніе, названное Новымъ Иліономъ, и чтили два прибрежныхъ холма, извѣстныхъ подъ именемъ могилъ Ахилла и Аякса. Когда Ксерксъ отправлялся въ походъ противъ европейскихъ Грековъ, онъ, по расказу Геродота, посѣтилъ Пергамскую возвышенность, гдѣ предполагался Пріамовъ дворецъ; съ любопытствомъ выслушалъ подробности Троянской осады, и принесъ павшимъ героямъ и покровительницѣ города Аѳинѣ Малладѣ дорогую жертву въ тысячу быковъ. Нападая на Грековъ, онъ считалъ себя мстителемъ за царственный родъ Пріама. Впослѣдствіи Александръ Македонскій, страстный почитатель гомерическихъ поэмъ, отправляясь въ походъ противъ Персовъ, въ свою очередь принесъ жертву иліонской Аѳинѣ и повѣсилъ въ ея храмѣ свое вооруженіе въ замѣнъ взятаго имъ отсюда стараго оружія, которое будто бы хранилось тамъ со времени Троянской войны. Производя по материнской линіи свой родъ отъ Ахиллова сына Нептолема, Александръ принесъ жертву и тѣни убитаго Нептолемомъ царя Пріама, чтобы примирить ее съ своимъ родомъ. Вообще въ древнемъ Греко-Римскомъ мірѣ многіе знатные или царскіе роды старались выводить свое происхожденіе отъ греческихъ и троянскихъ героевъ, и многіе города кого либо изъ нихъ считали своимъ основателемъ. Между прочимъ, позднѣйшія сказанія заставляютъ троянскаго героя Энея поселиться въ Италіи и сдѣлаться родоначальникомъ основателей Рима. (Приключенія его послѣ разрушенія Трои послужили предметомъ Virgilіевой поэмы Энеиды). На основаніи такихъ мнѣевъ Римляне, когда завоевали Малую Азію, оказали большое уваженіе къ Троянской области, и усердно покро-

вительствовали жителямъ Новаго Иліона на счетъ сосѣднихъ греческихъ поселеній. Это обстоятельство возбудило зависть со стороны послѣднихъ, и изъ ихъ среды явились писатели, которые стали доказывать, что древняя Троя лежала совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ находился Новый Иліонъ.

Сказанія о Троянской войнѣ не только были весьма любимы у классическихъ народовъ древности; но въ переводахъ и разныхъ передѣлкахъ онѣ распространились и у новыхъ европейскихъ народовъ. Онѣ были извѣстны и нашимъ предкамъ еще въ древней Россіи. (Такъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ вспоминаетъ «вѣщи Трояни», т. е. времена Троянской войны).

Въ близкія къ намъ времена историческая критика поколебала достовѣрность этихъ рассказовъ и отнесла ихъ къ области греческихъ мифовъ. Но Гомеръ все еще считался единымъ творцомъ Иліады и Одиссеи; пока противъ такого мнѣнія въ концѣ прошлаго столѣтія не выступилъ нѣмецкій ученый Августъ Вольфъ. Въ своемъ «Введеніи къ изученію Гомера» (*Prolegomena ad Homerum*. 1795) онъ доказывалъ, что двѣ знаменитыя поэмы возникли изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, примыгавшихъ къ циклу сказаній о Троянской войнѣ и сложенныхъ іонійскими пѣвцами, во главѣ которыхъ стоялъ Гомеръ, если только онъ существовалъ, а не былъ нарицательнымъ названіемъ для пѣвцовъ; что одному пѣвцу невозможно было создать такія обширныя произведенія и передать ихъ другимъ устно, такъ какъ въ то время письменность находилась еще въ младенчествѣ, и что наконецъ сами древніе упоминають о соединеніи отдѣльныхъ рапсодовъ въ двѣ большія поэмы при Пизистратѣ (т. е. въ VI в. до Р. Х.), который велѣлъ торжественно читать ихъ во время панаѳинейскихъ празднествъ. Мнѣніе Вольфа пріобрѣло многихъ послѣдователей; они начали совершенно отрицать существованіе Гомера и считать Иліаду и Одиссею произведеніемъ греческаго народнаго эпоса. Однако нашлись возражатели, которые стояли за единого творца, по крайней мѣрѣ для каждой изъ этихъ двухъ поэмъ, и тѣмъ болѣе, что попытки раздробить ихъ на отдѣльныя небольшія пѣсни оказались неудачны. Возникшій отсюда споръ еще не законченъ *).

*) Одинъ богатый нѣмецъ, по имени Ш л и м а нъ, недавно, именно въ 1870-хъ годахъ, произвелъ раскопки въ мѣстности предполагаемой Трои, и нашель-

Какъ бы то ни было, всё важнѣйшіе мифы Троянскаго цикла приобрѣли великое значеніе въ исторіи европейской гражданственности по своему широкому распространенію въ сферѣ поэзіи и искусства. Такъ уже знаменитѣйшіе греческіе трагики черпали изъ этихъ мифовъ содержаніе для своихъ произведеній. Назовемъ только важнѣйшія: трилогія Эсхила—Агамемнонъ, Хоэфоры и Эвмениды; трагедіи Софокла—Электра, Аяксъ и Филоктетъ; трагедіи Эврипида—Гекуба, Андромаха, Троянки, Электра, Елена, Ифигенія въ Авлидѣ, Ифигенія въ Тавридѣ, Орестъ. Изъ этого перечня мы видимъ, что самый обильный матеріалъ для трагедій представили сказанія о трагической судьбѣ Агамемнона и его семейства (подобно сказаніямъ о судьбѣ Эдипа и его дѣтей). Великимъ поэтамъ древности въ этомъ случаѣ подражали и лучшіе писатели новаго міра; на примѣръ: Андромаха и Ифигенія—трагедіи Расина, Кассандра—Шиллера, Ифигенія въ Тавридѣ—Гёте. Наконецъ въ самой знаменитой трагедіи Шекспира, Гамлетъ, мы видимъ въ сущности воспроизведеніе все тѣхъ же классическихъ образовъ Агамемнона, Эгиста, Клитемнестры и Ореста. А Илиада и Одиссея сдѣлались образцами для эпическихъ твореній, начиная съ Энеиды Виргилія.

Что касается до произведеній скульптуры и живописи, заимствовавшихъ свое содержаніе изъ цикла Троянскихъ сказаній, то количество ихъ въ памятникахъ греческихъ и латинскихъ, можно сказать, безчисленно какъ въ отдѣльныхъ статуяхъ и группахъ, такъ въ рельефахъ и фрескахъ. Наибольшею славою пользуется колоссальная группа античной работы, изображающая Лаокоона и его двухъ сыновей, обвитыхъ змѣями (находится въ Римѣ, въ Ватиканскомъ дворцѣ). Новые художники, особенно живописцы, нерѣдко любили изображать сцены изъ того же цикла; въ числѣ такихъ художниковъ были Рубенсъ («Судъ Париса») и Гвидо Рени («Похищеніе Елены»).

остатки какого то поселенія со многими предметами древняго быта и античнаго искусства разныхъ періодовъ. Онъ объявилъ, что открылъ остатки Пріамова дворца и древняго Иліона; но такое объявленіе ничѣмъ не было подтверждено; да и самъ Шлиманъ въ послѣдствіи на немъ не настаивалъ (см. К. Герца о Шлиманѣ въ Рус. Вѣст. 1882 февраль).

IV.

КСЕРКСОВО НАШЕСТВІЕ НА ГРЕЦІЮ *).

Ксерксъ и придворныя партіи.—Приготовленія къ походу.—Строгость царя.—Переправа въ Европу.—Персидскія полчища изъ разныхъ народовъ.—Ихъ смотръ при Дорискѣ.—Отвѣтъ Демарата.—Ксерксъ у воротъ Греціи.—Цвѣтущее состояніе этой страны.—Недостатокъ единодушія.—Истмійскій сеймъ и приготовленія къ защитѣ.—Спартанцы и Аѳиняне.

Пораженіе персидскаго войска при Мараѳонѣ возбудило великое раздраженіе противъ европейскихъ Грековъ со стороны Дарія Гистаспа. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало покорить этотъ гордый свободолюбивый народъ, и для того привелъ въ движеніе всѣ силы своей необозримой монархіи. Но преисшедшее тогда возстаніе Египтянъ противъ персидскаго владычества на время отвлекло вниманіе Дарія отъ Грековъ. Часть собранныхъ силъ пришлось обратить на усмиреніе Египта. Оно еще не было окончено, когда Дарій умеръ, въ 485 году до Р. Х., послѣ тридцатилѣтняго царствованія. Въ теченіе этого времени онъ расширилъ предѣлы Персидской имперіи до Инда и Якарта на востокъ, до Кавказа и Гема (Балканъ) на сѣверъ и до залива обѣихъ Сиртъ на западъ; а, главное, Дарій умѣлъ сплотить разнообразныя земли и народы своей огромной монархіи въ одно государство и подчинить ихъ одной царской волѣ.

---

*) Источники для этой и слѣдующей главы: Геродотъ. VII и VIII кн. Діодоръ. XI. Юстинъ. II. Плутархъ и Корнелій Непотъ (біографія Аристиды и Фемистокла). Эсхилъ (трагедія „Персы“). Важнѣйшія пособія: Гротъ (History of Greece. V) и Курціусъ (Griechische Geschichte. II). Кромѣ того укажу на сочиненія: Дункера (Geschichte des Alterthums. IV), Вебера (Allgemeine Weltgeschichte. II) и Герцберга (Geschichte von Hellas und Rom въ издаваемой Оукеномъ Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen).

Изъ всѣхъ своихъ сыновей Дарій выбралъ преемникомъ себѣ Ксеркса, рожденнаго честолюбивой Атоссой, дочерью Кира. Молодой Ксерксъ между всѣми Персами выдавался своимъ стройнымъ станомъ и красивою наружностію; онъ былъ гордъ и тщеславенъ; но не отличался ни большимъ умомъ, ни силою характера. Первымъ дѣломъ его царствованія было окончательное усмиреніе Египта, и эта удача еще болѣе возвысила мнѣніе Ксеркса о своемъ необыкновенномъ могуществѣ. Теперь не было болѣе препятствій исполнить начатое отцомъ предпріятіе, т. е. покореніе Еврпейской Греціи.

Однако по своей склонности къ покою и нѣгѣ Ксерксъ въ началѣ не показывалъ большаго рвенія къ этому предпріятію; хотя честь великой Персидской монархіи обязывала царя отомстить Грекамъ за пораженіе; а примѣръ предшественниковъ побуждалъ его искать новыхъ завоеваній, чтобы не уступать имъ въ славу. При его дворѣ существовала цѣлая воинственная партія, которая подстрекала его къ войнѣ. Во главѣ такихъ подстрѣкателей явился двоюродный братъ царя Мардоній, который не только горѣлъ желаніемъ загладить, совершенный подъ его предводительствомъ, первый неудачный походъ на Европейскую Грецію, но и рассчитывалъ остаться въ ней сатрапомъ послѣ ея покоренія. Онъ краснорѣчиво описывалъ эту страну какъ бы прекраснѣйшею въ цѣломъ мірѣ, изобилующею всякаго рода плодовыми деревьями; а жителей ея изображалъ народомъ ничтожнымъ въ сравненіи съ персидскимъ могуществомъ и до того страдающимъ отъ внутреннихъ несогласій и междоусобій, что покореніе его не представляло большаго труда. Нагляднымъ подтвержденіемъ такого увѣренія служили нѣкоторые знатные греческіе изгнанники, которые искали пріюта при персидскомъ дворѣ, а иногда и его помощи для возвращенія утраченной власти въ отечествѣ. Въ числѣ этихъ изгнанниковъ и гостей въ Персію тогда находились Алевады изъ Фессаліи, Пизистратиды изъ Аѳинъ и даже одинъ спартанскій царь, по имени Демарать, лишенный престола и бѣжавшій изъ отечества. Пизистратиды и Алевады усердно поддерживали Мардонія въ его стараніи побудить Ксеркса къ походу. Между его близкими однако не было недостатка въ совѣтникахъ болѣе благоразумныхъ, которые не одобряли новой войны съ Греками. Главою этой миролюбивой партіи былъ дядя его, братъ Дарія, по имени Артабанъ. Сей послѣдній пытался изобличить Мардонія въ его ложномъ отзывѣ о Грекахъ,

предлагалъ прежде основательно узнать ихъ истинное состояніе, напомнилъ о неудачномъ походѣ Дарія въ Скію, предостерегалъ также противъ излишней гордости и славолубія, которыя могутъ навлечь негодованіе боговъ. Доводы Артабана навели было раздумье на Ксеркса. Но увѣщанія Мардонія наконецъ восторжествовали, и царь объявилъ походъ въ собраніи персидскихъ вельможъ и начальниковъ.

Около четырехъ лѣтъ послѣ того совершались приготовленія къ этому походу. Всѣ подвластные народы должны были выставить вспомогательныя войска, одни конницу, другіе пѣхоту, третьи военные и грузовые корабли. Собраны были огромные запасы продовольствія, которые на финикійскихъ и египетскихъ корабляхъ перевезены въ греческіе города, лежавшіе по пути арміи, именно на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря; такъ какъ все сѣверное побережье этого моря, со включеніемъ Македоніи, было уже покорено Даріемъ Гистаспомъ, и приморскіе города Фракіи заняты персидскими гарнизонами.

Осенью 481 года Ксерксъ изъ своей столицы Сузы отправился въ лидійскія Сарды, сопровождаемый войсками изъ восточныхъ областей. На пути къ нему присоединялись другіе отряды, и армія его по мѣрѣ движенія росла какъ снѣжная лавина. Въ Сардахъ царь остался зимовать, и тутъ самъ слѣдилъ за окончательными приготовленіями къ походу. Въ числѣ этихъ приготовленій особенно замѣчательны два дѣла: Аеонскій каналъ и мостъ на Геллеспонтѣ. Чтобы обойти опасный для кораблей, скалистый, омываемый бурными волнами Аеонскій мысъ, царь приказалъ каналомъ отдѣлить Аеонскій полуостровъ отъ твердой земли. На это дѣло потребовались цѣлые три года, хотя землекопы работали усердно, постоянно понуждаемые бичами своихъ приставниковъ. Каналъ былъ раздѣленъ на участки между разными приморскими народностями, и, по свидѣтельству Геродота, Финикіяне отличились при этомъ наибольшею предусмотрительностію и искусствомъ. Они начинали копать шире назначеннаго размѣра, и, спускаясь ниже, постепенно суживали пространство; между тѣмъ какъ другія народности копали прямо по назначенной ширинѣ и дѣлали отвѣсныя стѣны; послѣднія у нихъ часто обваливались и замедляли работу. Ширина канала была такая, что двѣ триремы (трехпалубныя суда) могли проплыть его рядомъ. Въ тоже время въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива Геллеспонта, между городами Абидосомъ на

азиатской сторонѣ и Сестомъ на европейской, построено было два моста изъ судовъ, одинъ для войска, другой для войсковаго обоза. Суда держались на якоряхъ и были связаны между собою канатами; на нихъ настланы бревна и доски, и сверху все засыпано землею. Но однажды на Геллеспонтѣ поднялась такая буря, что волны разорвали канаты и разнесли мостовыя суда. Ксерксъ весьма разгнѣвался на это обстоятельство, и велѣлъ отрубить головы главнымъ строителямъ мостовъ; строили ихъ преимущественно Финикіяне и Египтяне. Преданіе прибавляетъ, что высокоумный деспотъ сверхъ того велѣлъ наказать самый Геллеспонтъ тремястами ударовъ бича и бросить въ него желѣзныя оковы. Мосты были выстроены вновь съ большимъ тщаніемъ и скрѣплены болѣе толстыми канатами.

Во время своего пребыванія въ Сардахъ Ксерксъ послалъ въ Грецію герольдовъ съ требованіемъ земли и воды отъ всѣхъ греческихъ государствъ, за исключеніемъ Спарты и Аѣинъ: эти города за такое же требованіе убили пословъ Дарія, и теперь были обречены гибели. Между тѣмъ къ Сардамъ со всѣхъ сторонъ стекались безчисленныя войска, собранныя для похода. Весною 480 года царь выступилъ изъ Сардъ.

Съ какою строгостью Ксерксъ наказывалъ всякую попытку уклониться отъ этого похода, видно по слѣдующему примѣру. На пути его изъ Сузы во Фригій, въ городѣ Келене, одинъ богатый чело-вѣкъ по имени Питій роскошно угостилъ царя и его войско, и предложилъ ему все свое золото и серебро на нужды греческаго похода. Царь отказался отъ подарка, и осыпалъ Питія похвалами. Сей послѣдній, ободренный милостивыми царскими словами, при выступленіи изъ Сардъ, осмѣлился просить, чтобы изъ пяти его сыновей, отправившихся съ царемъ въ походъ, старшій былъ оставленъ дома для помощи въ хозяйствѣ престарѣлому отцу. „Несчастный!—воскликнулъ Ксерксъ—ты смѣешь говорить мнѣ о твоемъ сынѣ, когда я самъ иду на Грековъ съ моими дѣтьми, братьями, родственниками и друзьями. Ты мой рабъ и долженъ былъ бы слѣдовать за мною съ твоей женой и всѣмъ семействомъ“. Затѣмъ царь объявилъ, что въ награду за помянутое угощеніе онъ щадитъ жизнь отца и четырехъ его сыновей; а старшаго приказалъ разсѣчь пополамъ, и положить эти половины по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой должно проходить войско.

На походѣ изъ Сардъ войску предшествовалъ неизмѣримый обозъ вьючныхъ животныхъ. За этимъ обозомъ слѣдовала половина арміи, состоявшая изъ разныхъ народностей. Въ значительномъ отъ нея разстояніи позади шла другая половина. А въ промежуткѣ между ними двигался царь съ своими тѣлохранителями и придворными отрядами. Шествіе его происходило въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди выступала тысяча отборныхъ персидскихъ всадниковъ, за нею тысяча отборныхъ пѣшихъ копьеносцевъ, у которыхъ копыя были обращены остриемъ внизъ, а на противоположномъ ихъ концѣ виднѣлись золотые шарики. Потомъ вели десять священныхъ богатоубранныхъ коней съ Низейской равнины (въ Мидіи). За ними восемь бѣлыхъ коней везли колесницу, посвященную верховному божеству; возница шелъ сбоку и не смѣлъ стать на нее. Затѣмъ уже ѣхалъ самъ Ксерксъ на колесницѣ, запряженной также низейскими конями, съ пѣшимъ возницею на боку. Впрочемъ изнѣженный деспотъ часто сходилъ съ колесницы и садился на носилки. Непосредственно за царемъ слѣдовалъ тысячный отрядъ пѣшихъ тѣлохранителей, у которыхъ верхній конецъ копыя также украшенъ былъ золотымъ яблокомъ и которые выбирались изъ знатныхъ и храбрѣйшихъ Персовъ. Потомъ тысячный отрядъ конныхъ тѣлохранителей. За нимъ десяти тысячный пѣшій отрядъ, извѣстный подъ названіемъ „безсмертныхъ“; ибо ихъ десяти тысячный составъ всегда строго наблюдался. Изъ нихъ девять тысячъ имѣли копыя съ серебряными яблоками, а одна тысяча съ золотыми. Царское шествіе замыкалъ десяти тысячный конный отрядъ. Все это были природные Персы.

Войска прошли Лидію, Мизію и Троаду. На мѣстѣ бывшаго Илиона царь велѣлъ разказать себѣ исторію Троянской войны и заколоть тысячу быковъ въ жертву троянской Аевинѣ. Тутъ на берегахъ Скамандра столпилось столько людей и животныхъ, что они выпили всю воду этой рѣчки, и ея не хватило на все войско. Достигши города Абидоса, близъ котораго устроены были мосты черезъ Геллеспонтъ, Ксерксъ взшелъ на тронъ, заранѣе приготовленный для него на одномъ возвышеніи, и оттуда обзрѣвалъ свои безчисленныя полчища, разсѣянные на сушѣ и на морѣ; ибо къ тому времени сюда собрался весь его огромный флотъ, состоявшій изъ кораблей финикійскихъ, египетскихъ, киликійскихъ и греческихъ (т. е. Малоазіатскихъ и островныхъ Грековъ). По желанію царя устроено было при-

мѣрное морское сраженіе; въ немъ особенно отличились Финикіянѣ изъ Сидона.

Видъ Геллеспонта, покрытаго кораблями, и сосѣднихъ равнинъ, наполненныхъ войсками, привелъ Ксеркса въ восхищеніе. Но вдругъ онъ заплакалъ. Причину своихъ слезъ онъ объяснилъ стоявшему подлѣ Артабану мыслію о томъ, что жизнь человѣческая коротка и что въ теченіе ста лѣтъ никого не останется въ живыхъ изъ столькихъ тысячъ человѣкъ. Артабанъ хотѣлъ воспользоваться минутою и возобновилъ свои представленія противъ похода, но также безуспѣшно. Послѣ того Ксерксъ отпустилъ своего дядю обратно въ Сузу, поручивъ ему управление государствомъ на время своего отсутствія.

Въ день перехода чрезъ Геллеспонтъ, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца персидскіе жрецы или маги огурили мосты благовопіями и посыпали ихъ миртами; а царь въ это время принесъ молитву солнечному богу о благополучномъ походѣ; онъ сдѣлалъ возліяніе изъ золотой чаши; послѣ чего бросилъ чашу въ море вмѣстѣ съ золотымъ кубкомъ и кривою персидскою саблею, принося ихъ въ жертву солнцу; а можетъ быть онъ думалъ этою жертвою смягчить Геллеспонтъ, оскорбленный ударами бича. Поданъ былъ знакъ къ движенію по мостамъ арміи и обоза. Въ теченіе семи дней и семи ночей непрерывно продолжался ихъ переходъ; при чемъ особо поставленные по сторонамъ мостовъ люди, по персидскому обыкновенію, бичами подгоняли проходившія войска. Ксерксъ послѣднимъ перешелъ на европейскій берегъ. Отсюда войско направилось къ сѣверу вдоль Фракійскаго Херсонеса; потомъ отъ залива Меласъ повернуло на западъ, и достигло города Дориска, построеннаго при устьѣ Гебра и занятаго персидскимъ гарнизономъ еще при Даріѣ Гистаспѣ. Флотъ, обогнувъ южную оконечность Фракійскаго Херсонеса, также пришелъ къ Дориску. Ксерксъ остановился здѣсь, чтобы сдѣлать общій смотръ и численіе какъ флоту такъ и войску; широкая прибрежная долина представляла для того полное удобство. Чтобы сосчитать людей, употребили слѣдующее средство: взяли отрядъ въ 10.000 человѣкъ, сжали его въ кругъ насколько можно плотнѣе, и обозначили окружность; по этой окружности выстроили невысокую ограду. Потомъ точно такимъ же образомъ загоняли въ эту ограду и выпускали изъ нея все новые и новые отряды; что повторилось до 170 разъ. Всего пѣшаго войска

оказалось такимъ образомъ 1,700,000; сверхъ того конницы до 100,000, считая въ томъ числѣ нѣсколько тысячъ на боевыхъ колесницахъ изъ Ливіи и на верблюдахъ изъ Аравіи. Названное количество пѣхоты поражаетъ своею громадностію; но если въ это число вошли экипажи кораблей и вся обозная прислуга, тогда оно не покажется столь невѣроятнымъ; въ такомъ случаѣ, собственно боевая его часть составляла не болѣе половины, т. е. съ чѣмъ либо 800,000 человекъ или около того. Это число и можетъ быть приблизительно принято для тѣхъ полчищъ, которыя Ксерксъ велъ на Грецію. Что касается до флота, то количество большихъ военныхъ кораблей или триремъ, собранныхъ въ этотъ походъ опредѣляется въ 1207; въ томъ числѣ Финикіане выставили 300 кораблей, Египтяне 200, Кипріоты 150, Киликійцы 100, Памфиляне, Ликіане и Каріане 150; Малоазійскіе и островные Греки 307. Количество малыхъ кораблей и транспортныхъ судовъ простиралось до 3000.

Когда войска были исчислены, Ксерксъ произвелъ смотръ, сначала сухопутной арміи. На боевой колесницѣ онъ объѣхалъ длинный фронтъ пѣхоты и конницы, въ сопровожденіи писцовъ, которые записывали имена всѣхъ народностей и ихъ начальниковъ. Потомъ онъ сѣлъ на легкое сидонское судно, и точно также проѣхалъ вдоль флота, выстроеннаго фронтомъ къ берегу. Ни одинъ монархъ въ цѣломъ мірѣ ни прежде ни послѣ не выводилъ въ поле такого пестраго, разноплеменнаго войска, какое собралось тогда на Гербской равнинѣ. Каждая народность явилась сюда въ своей туземной одеждѣ и съ обычнымъ своимъ оружіемъ. Во первыхъ, Персы съ войлочными конусообразными шапками (тіарами) на головѣ, въ цвѣтныхъ кафтанахъ съ откидными рукавами, въ желѣзныхъ чешуйчатыхъ панцыряхъ и шароварахъ; ромбовидный щитъ, короткое копье, большой лукъ съ тростниковыми стрѣлами и кинжалъ на поясѣ — составляли ихъ вооруженіе. Точно также были одѣты и вооружены Киссіане (жители Сузіаны) и Мидяне; впрочемъ самая эта одежда и вооруженіе были заимствованы Персами у Мидянъ. На нихъ же большею частію походили одеждою и вооруженіемъ Бактріане, Согдіанцы, Парѣяне, Гирканцы и Скиѣы; послѣдніе назывались у Персовъ Саками, носили бараньи остроконечныя шапки, шаровары; кромѣ лука и кинжала, имѣли еще сѣкиры. Далѣе, Индусы въ своихъ бумажныхъ тканяхъ, вооруженные стрѣлами съ

железнымъ наконечникомъ. Темнокожіе Эѳіопы, сосѣди Индусовъ и подобно имъ вооруженные, имѣя вмѣсто шлемовъ конскую голову со стоячими ушами и гривой. Кромѣ этихъ восточныхъ Эѳіоповъ были западные или Ливійскіе, которые отличались отъ первыхъ болѣе курчавыми волосами; полунагіе они раскрашивали свое тѣло; носили на плечахъ шкуру льва или леопарда и были вооружены большимъ пальмовымъ лукомъ и каменными стрѣлами, насаженными на тростниковыя палочки; у нихъ были еще метательныя копья съ козлинымъ заостреннымъ рогомъ на концѣ. Ассирійцы и Халдеи въ затѣливыхъ мѣдныхъ шлемахъ и льняныхъ панцыряхъ съ крѣпкими щитами, дротиками, кинжалами и деревянными палицами въ железной оправѣ. Арабы въ широкихъ бурнусахъ съ лукомъ и стрѣлами. Потомъ Мидяне, Фригіяне, Пафлогоняне, Каппадокіяне, Армяне, Фракіяцы, Моски въ своихъ деревянныхъ шлемахъ и т. д. Всего насчитывали болѣе 60 разныхъ народностей. Во флотѣ служили: Египтяне въ шлемахъ сплетенныхъ изъ тростника, съ выпуклыми, окованными железомъ щитами, вооруженные копьями и большими топорами; многіе изъ нихъ имѣли брони и большіе мечи; Финикіяне въ полотняныхъ панцыряхъ съ щитами и дротиками; Кипріоты, вооруженіемъ сходные съ Греками; Іонійскіе, Дорійскіе, Эолійскіе Греки; Киликіяне и Памфиляне.

Хотя всѣ подвластные народы явились съ своими туземными вождями; но высшее начальство надъ ними было распределено между родственниками и вельможами персидскаго царя. Эти высшіе начальники назначали предводителей десятитысячныхъ отрядовъ, послѣдніе сотниковъ и десятниковъ. Даже флотъ, состоявшій исключительно изъ инородцевъ, находился подъ командою Персовъ, болѣею частію изъ родственниковъ царя. Триремы или большія суда вмѣщали въ себѣ до полутора гребцовъ; но, сверхъ туземныхъ отрядовъ, онѣ, для предупрежденія измѣны, имѣли у себя на борту по нѣскольку десятковъ Персовъ, Мидянъ и Саковъ. Царь въ особенности могъ опасаться измѣны Грековъ, которые шли сражаться съ своими единоплеменниками. Но ихъ удерживали въ покорности ихъ собственные вожди или тиранны; извѣстно, что власть тиранновъ въ малоазіатскихъ греческихъ городахъ главнымъ образомъ опиралась на Персовъ. Между такими предводителями во флотѣ находилась одна отважная женщи-

на, по имени Артемизія. Она осталась вдовою послѣ супруга, тирана Галикарнасаго; а сынъ ей былъ еще малъ; поэтому она взяла въ свои руки правленіе и лично явилась на службу царю съ пятью кораблями, которые послѣ сидонскихъ были лучшими въ цѣломъ флотѣ. Кромѣ того, изъ всѣхъ вассаловъ персидскаго царя, по замѣчанію Геродота, самые умные совѣты давала ему Артемизія.

Какъ ни громадно и ни страшно было перешедшее въ Европу войско Ксеркса, но оно имѣло много слабыхъ сторонъ. Уже самая громадность его представляла большія затрудненія въ отношеніи продовольствія и удобоподвижности; такъ какъ въ Европѣ ему пришлось двигаться по чрезвычайно гористымъ областямъ, по незнакомымъ путямъ и тропинкамъ, нерѣдко доступнымъ только для легкихъ отрядовъ. Чрезвычайное разнообразіе народностей, ихъ характера и вооруженія также уменьшало достоинство арміи. Ядро ея составлялъ конечно господствующій народъ, т. е. Персы. Хотя они все еще превосходили другіе народы Азіи своею храбростію; но это уже не были суровые, закаленные въ лишеніяхъ воины временъ Кира. Господство надъ многими богатыми странами и награбленныя сокровища уже сказались порчею ихъ нравовъ и началомъ изнѣженности. Между всѣми народностями Персы въ это время отличались роскошью въ одеждѣ и вооруженіи, особенно обиліемъ золотыхъ украшеній. Ихъ начальники, подражая своему царю, и во время похода не разставались съ своимъ гаремомъ, т. е. съ женами и наложницами, которыя слѣдовали за ними на носилкахъ; они имѣли также при себѣ толпы богато одѣтыхъ слугъ. Это обстоятельство еще болѣе увеличивало количество обоза и невоенныхъ людей, обременяло войско, стѣсняло его продовольствіе и его движенія. Далѣе, только наиболѣе богатые народы имѣли сносное вооруженіе, каковы Мидяне, Ассиріане, Финикіане, Египтяне, малоазіатскіе Греки и нѣкоторые другіе. Большинство же народностей было вооружено слишкомъ недостаточно. Напримѣръ, въ ихъ числѣ были такіе пѣхотицы, у которыхъ вмѣсто оружія служили палки съ заостреннымъ и обожженнымъ на огнѣ концомъ (Мизяне и Ливійцы), или такіе конники, которые имѣли только ножъ за поясомъ и арканъ въ рукахъ (Сагартяне). При своемъ плохомъ вооруженіи и недостаткѣ воинской дисциплины, подчиненныя народности, неволею собранныя въ походъ, должны были сражаться какъ рабы, бичами персидскихъ приставниковъ за-

гоняемые въ битву, и естественно не отличались особымъ рвеніемъ и мужествомъ; а нѣкоторыя изъ нихъ, оплакивая потерю своей независимости, вѣроятно отъ всего сердца желали неудачи своимъ работодателямъ. Многіе уроженцы жаркихъ странъ, выступившіе въ походъ полунагими, должны были страдать отъ холода и ненастья въ непривычномъ для нихъ европейскомъ климатѣ. Поэтому неудивительно, что при дальнѣйшемъ движеніи разноплеменная армія Ксеркса, невоодушевленная и несвязанная никакимъ общимъ духомъ, общимъ стремленіемъ, должна была постоянно и быстро уменьшаться отъ недостатка продовольствія, болѣзней, меча непріятелей и отъ многочисленныхъ побѣговъ. Наконецъ и самъ верховный вождь этой громадной арміи былъ уже не Дарій, собственнымъ умомъ достигшій трона и прошедшій долгую, суровую школу опытности, а молодой неопытный въ дѣлахъ, возросшій посреди дворцовой нѣги, Ксерксъ.

Еще въ Сардахъ Ксерксъ не только запретилъ казнить пойманныхъ греческихъ лазутчиковъ, но и велѣлъ показать имъ свои войска, надѣясь устроить Грековъ громадностью своихъ приготовленій. Когда же онъ произвелъ смотръ при Дорискѣ, то видъ необозримаго войска и флота наполнилъ душу молодого царя такимъ высокимъ мнѣніемъ о своемъ могуществѣ, что онъ позвалъ находившагося въ царской свитѣ изгнаннаго спартанскаго царя Демарата, и спросилъ, какъ тотъ думаетъ: осмѣлятся ли европейскіе Греки оказать ему сопротивление?

„Государь,—отвѣчалъ Демаратъ—долженъ ли я говорить правду или лезть“? Ксерксъ приказалъ говорить правду, и успокоилъ его насчетъ своей милости.

Тогда Демаратъ, сказавъ вообще о доблести Грековъ, перешелъ прямо къ Спартанцамъ, какъ людямъ ему близко знакомымъ, и ручался въ томъ, что они ни за что не покорятся Персамъ и что они будутъ сражаться съ ними, хотя бы вся остальная Греція покорилась, хотя бы ихъ было не болѣе 10,000 человекъ, даже еслибъ ихъ осталось только одна тысяча.

Ксерксъ много смѣялся надъ увѣренностію Демарата въ подобной дерзости со стороны Спартанцевъ. Но онъ остался благосклоннымъ къ спартанскому изгнаннику, которому, по словамъ Геродота, былъ отчасти обязанъ престоломъ; ибо, когда Дарій колебался въ вопросѣ о своемъ преемникѣ, Демаратъ представилъ ему примѣръ Спарты, гдѣ

сынъ, рожденный во время царствованія, будто бы имѣлъ преимущество передъ своими старшими братьями, рожденными до вступленія отца на престолъ.

Изъ Дориска войско тремя частями двинулось на западъ. Одна часть шла вдоль самаго берега Фракіи (и сопровождалась флотомъ), другая внутри страны; а третья, при которой находился Ксерксъ, двигалась въ срединѣ между ними. Прибрежные греческіе колоніи и острова (Маронія, Дикеа, Абдера, Тазось) и туземные народцы должны были выставить вспомогательные отряды кораблей и войска, а также отдавать скоть и всѣ хлѣбные запасы на прокормленіе арміи; извѣщенные заранѣе, жители многіе мѣсяцы провели въ приготовленіи этихъ запасовъ для полчищъ Ксеркса; а для него самаго и его двора они должны были заготовить обширныя налатки съ роскошнымъ угощеніемъ; для чего заранѣе откармливались лучшей скоть и домашнія птицы. Вообще проходъ этой арміи повлекъ за собой совершенное разореніе туземцевъ. По сему поводу одинъ остроумный абдеритъ совѣтовалъ своимъ согражданамъ, т. е. жителямъ Абдеры, собраться всѣмъ въ храмъ и благодарить боговъ, что Ксерксъ довольствуется однимъ обѣдомъ въ день; а еслибы онъ потребовалъ еще завтракъ, то имъ пришлось бы или бѣжать изъ отечества, или сдѣлаться нищими. На нижнемъ Стримонѣ у подошвы горы Пангея заранѣе былъ устроенъ мостъ изъ судовъ. Персидскіе маги принесли здѣсь въ жертву нѣсколько священныхъ коней; причемъ гадали по ихъ внутренностямъ, и предсказывали успѣхъ походу. (Въ то время Персы, не довольствуясь своей прежней простой религіей, уже заимствовали у Мидянъ вмѣстѣ съ ихъ магами пышность религіозныхъ обрядовъ и жертвоприношеній). Такъ какъ мѣстность эта носила названіе „Десяти путей“ (*ἔννεα ὁδοί*, гдѣ вполсѣдствіи возникъ Амфиполисъ), то Персы закололи въ честь мѣстнаго божества девять юношей и столько же дѣвицъ изъ туземцевъ. Перешедши Стримонъ, войско повернуло къ югу на полуостровъ Халкидику и достигло греческаго приморскаго города Аканта, близъ котораго находился вновь прорытый Аѳонскій каналъ. Ксерксъ остался очень доволенъ усердіемъ Акантянъ при прорытіи этого канала. Отсюда онъ отпустилъ флотъ, который долженъ былъ, обогнувъ полуостровъ, слѣзнуть въ Термаискій заливъ; а сухопутное войско пошло къ тому же заливу поперекъ Халкидики. На этомъ пути его обозъ постра-

далъ отъ львовъ, которые исключительно нападали на вьючныхъ верблюдовъ, нетрогая другихъ животныхъ. Лѣсистыя горы Халкидики и ближнихъ областей замѣчательны были тѣмъ, что кромѣ дикихъ длиннорогихъ быковъ въ нихъ водились тогда и львы. У города Термы, лежавшаго въ глубинѣ залива, Ксерксъ вновь соединился съ своимъ флотомъ. Сей послѣдній на пути своемъ отъ Дориска значительно увеличился съ присоединеніемъ кораблей отъ всѣхъ встрѣчныхъ греческихъ колоній. А къ сухопутному войску кромѣ разныхъ туземныхъ народцевъ присоединился македонскій царь Александръ, который, покоряясь необходимости, игралъ роль покорнаго и преданнаго вассала Ксеркса. Но эти вспомогательные отряды едва ли уравнили ту потерю, которую персидское войско терпѣло отъ однихъ болѣзней и побѣговъ.

Македоніей кончались страны, еще прежде подчинившіяся Персамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ кончались заранѣе изслѣдованные пути и магазны, заготовленные для войска. Далѣе лежала Фессалія, первая область независимой Греціи. Изъ Термайскаго (нынѣ Салоникскаго) залива открывались очертанія покрытаго снѣгомъ Олимпа, который своими отрогами запыралъ входъ въ Грецію съ сѣвера. Между тѣмъ какъ часть войска прорубала лѣса, открывая путь изъ Македоніи въ землю Перребовъ, Ксерксъ сѣлъ на быстрое сидонское судно, и поплылъ къ устью Пеней, чтобы посмотрѣть на Темпейскую долину, заключенную между Олимпомъ и Оссою. Пеней, собравъ въ себя всѣ текуція воды Фессалійской котловины, черезъ эту долину изливаетъ ихъ въ море.

Персидскій царь стоялъ у воротъ Греціи. За нѣсколько недѣль здѣсь расположились лагеремъ 10.000 греческихъ гоплитовъ, чтобы запереть Персамъ эти ворота. Но теперь все было пусто и безмолвно. Ближнія деревни оказались покинуты жителями, которые бѣжали въ горы съ своимъ имуществомъ и стадами.

Во время пребыванія Ксеркса въ Термѣ, къ нему явились обратно герольды, посланные требовать земли и воды отъ греческихъ государствъ. Отъ нѣкоторыхъ они принесли знаки покорности, отъ другихъ получили отказъ.

Если мы сравнимъ дѣйствительныя силы Европейской Греціи съ надвигавшимися на нее восточными полчищами, то убѣдимся, что

она съ успѣхомъ могла противустать непріятельскому вторженію. Никогда Греція не была гуще населена и никогда это населеніе не было болѣе мужественно и патріотично, чѣмъ въ тѣ времена, т. е. въ первой половинѣ V вѣка до Р. X. Многочисленныя колоніи, которыя она выслала въ предшествующіе вѣка, не только не ослабили метрополию, а напротивъ увеличили ея благосостояніе; онѣ далеко расширили ея торговыя связи и дали сильный толчекъ къ развитію ея промышленности. Греція выслала въ колоніи только излишекъ своего населенія. О густотѣ его свидѣтельствуютъ многочисленныя указанія; напримѣръ, нерѣдко на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль встрѣчалось нѣсколько городовъ. Даже на бѣдныхъ скалахъ, гдѣ теперь съ трудомъ находятъ себѣ кормъ стада козъ, встрѣчаются остатки городовъ, хорошо укрѣпленныхъ, снабженныхъ водоемами и водопроводами; а сосѣднія съ ними высоты до самыхъ вершинъ окружены уступами или террасами, которые искусственно устраивались, что бы выиграть мѣсто для посѣва хлѣбовъ и разведенія овощей. Правда, это были небольшіе города, непохожіе на торговыя или столичныя центры востока; но за то они и не представляли той рѣзкой противоположности между бѣднымъ и богатымъ, между нищетою и роскошью, которая составляетъ неизбѣжную принадлежность большихъ городовъ и питаетъ въ нихъ существованіе недовольной, безпокойной черни. Обитатели греческихъ городовъ по своему умѣренному образу жизни, по своимъ привычкамъ и занятіямъ сохраняли близость къ сельскому простому быту. Общинныя учрежденія, публичность и гласность всѣхъ общественныхъ дѣлъ пріучали гражданъ сознать себя членами одного цѣлаго, пріучали ихъ къ уваженію закона, къ общественной дисциплинѣ. Рядомъ съ этими свободными гражданами жило несвободное населеніе, т. е. рабы, собранныя изъ разныхъ странъ, особенно многочисленныя въ значительныхъ, промышленныхъ и торговыхъ городахъ, и однако—любопытное явленіе — во время персидскаго нашествія мы почти не встрѣчаемъ побѣговъ и измѣны со стороны рабовъ, которые легко могли воспользоваться присутствіемъ непріятелей и затрудненіями своихъ господъ, чтобы отыскивать себѣ свободу. Но во первыхъ, рабство было общераспространеннымъ въ древнемъ мірѣ условіемъ; а во вторыхъ, положеніе рабовъ въ Греціи было тогда лучше, т. е. отношенія къ нимъ господъ мягче и семейнѣе, чѣмъ гдѣ либо. При-

этомъ они легко подчинялись и нравственному господству свободныхъ гражданъ, какъ людей болѣ развитыхъ физически и морально, въ тоже время дѣятельныхъ и свѣдущихъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйства. Ибо рабовладѣніе, облегчая Греку занятія искусствами и всякимъ умственнымъ трудомъ, въ ту эпоху еще не приучало его къ нѣгѣ и бездѣйствію; праздность и лѣнь въ греческомъ обществѣ преслѣдовались даже закономъ. Извѣстно, что рядомъ съ музыкой (т. е. нѣкоторыми искусствами и науками) необходимую принадлежность греческаго воспитанія составляла тщательно обработанная и довольно-сложная гимнастика или постоянныя тѣлесныя упражненія. Гимнастика, въ связи съ разнаго рода состязаніями и общественными играми, не только способствовала замѣчательному развитію тѣлесной крѣпости и ловкости, которою отличались тогда Греки, но въ тоже время она развивала въ нихъ бодрость духа, энергію и находчивость.

Понятно, какую неодолимую силу представила бы Греція, если бы всѣ ея сыны, обладая такимъ физическимъ и моральнымъ развитіемъ, покрытые своими мѣдными и желѣзными доспѣхами, проникнутые любовью къ родинѣ и независимости и сознаніемъ своего превосходства надъ азіатскими варварами,—если бы всѣ греческія государства соединились для дружнаго отпора непріятельскому нашествію и выставили возможное для нихъ количество гоплитовъ, легковооруженныхъ и кораблей. Но единодушія было мало. Напротивъ Греція того времени, раздробленная на многія государства и племенные общины, представляла уже всѣ элементы взаимнаго соперничества и вражды, которые впоследствии причинили ея упадокъ. Каждое государство стремилось рѣзко обособиться отъ другихъ сосѣднихъ съ нимъ. Ссоры за границы, за укрывательство бѣглыхъ рабовъ и по другимъ поводамъ возникали непрерывно, и нарушали мирныя сосѣднія отношенія. Далѣе, въ то время по всей Греціи кипѣла борьба между двумя главными направленіями политической жизни, между двумя партіями: аристократіей и демократіей. Знатныя фамиліи старались удержать свои старыя привилегіи и свое исключительное вліяніе на правительственныя дѣла; а простые граждане или народъ (демосъ) хотѣлъ самъ вѣдать своимъ управленіемъ, и, подстрекаемый вожаками или демагогами, враждебно относился къ притязаніямъ знати. Въ нѣкоторыхъ государствахъ аристократія и даже

царская власть еще сохраняли свою силу, а въ другихъ онѣ были уже сломлены, или значительно ограничены; отсюда большое разнообразіе въ формахъ правленія и въ характерѣ политики. Затѣмъ крупныя государства старались подчинить себѣ мелкихъ сосѣдей; а послѣдніе искали союза и опоры у другихъ. Самымъ сильнымъ государствомъ была Спарта; она подчинила своей гегемоніи весь Пеллопонесъ, но за исключеніемъ Аргоса, который несмотря на пораженія, понесенныя отъ Спартанцевъ, низачто не хотѣлъ признать ихъ гегемонію. Аристократическая Спарта начинала завидовать возникавшему могуществу и славѣ демократическихъ Аѳинъ, особенно послѣ ихъ Мараѳонскихъ лавровъ. Аѳины въ свою очередь тѣснили свою соперницу на морѣ, Эгину. Фивы, стремившіяся подчинить себѣ всѣ беотійскіе города, встрѣтили большое сопротивленіе, преимущественно со стороны Теспій и Платей, предпочитавшихъ союзъ съ Аѳинами; отсюда вражда Фивъ къ Аѳинамъ, и т. д. Поэтому расчеты Мардонія и Ксеркса на греческія несогласія и особенно на измѣны отечеству многихъ аристократическихъ родовъ, скорбѣвшихъ объ утраченной власти и имуществахъ, казались очень основательны. Немало также рассчитывали они на людей, доступныхъ подкупу.

Но между выдающимися и вліятельными мужами Греціи явились тогда многіе горячіе патріоты, которые при видѣ опасности, грозившей греческой свободѣ и независимости, употребили всѣ усилія возбудить своихъ соотечественниковъ къ дружному, согласному образу дѣйствія. Изъ такихъ людей извѣстны два знаменитые поэта, Симонидъ Кеосскій и Пиндаръ Фиванскій, а въ особенности великій государственный человекъ,Themistocles Аѳинскій. Сей послѣдній, предвидя неизбежную борьбу со всѣми силами Персидской монархіи, успѣлъ обратить главное вниманіе своихъ согражданъ на развитіе сильнаго флота; для чего воспользовался войною Аѳинъ съ Эгиною. Когда въ Греціи сдѣлались извѣстны огромныя вооруженія Ксеркса и его приготовления къ походу, Themistocles сталъ вождемъ всѣхъ патріотовъ и душою греческой обороны. Прежде всего онъ началъ хлопотать о большемъ сеймѣ или конгрессѣ, на которомъ собрались бы уполномоченные отъ всѣхъ греческихъ государствъ, чтобы обсудить и принять мѣры къ общей защитѣ противъ непріятельскаго нашествія. И эти его хлопоты увѣнчались успѣхомъ, хотя и не всѣ государства удалось ему привлечь къ участію въ сеймѣ.

Мѣстомъ для этого сейма выбранъ былъ Истмъ или Коринѣскій перешеекъ, лежавшій въ серединѣ между Пелопонесомъ и собственной Элладой. Осенью 481 года, т. е. въ то время когда Ксерксъ прибылъ съ войсками на зимнія квартиры въ Сарды, въ истимійскомъ святилищѣ бога Посейдона близъ Коринѣа собрались, кромѣ Коринѣянъ, уполномоченные Лакедемона, Аркадіи, Элиды, Сикіона, Эпидавра, Трезенъ, Микенъ, Аѣинъ, Мегары, Эгинны и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ государствъ. Самыми краснорѣчивыми и самыми дѣятельными членами этого собранія явились тотъ же аѣинянинъThemistocles и рядомъ съ нимъ аркадянинъ Хилеосъ изъ Теген. Первымъ рѣшеніемъ Истимійскаго сейма было обязательное для всѣхъ Грековъ прекращеніе взаимныхъ враждебныхъ дѣйствій; вслѣдствіе чего произошло примиреніе Аѣинъ съ Эгиною. Второю мѣрою была отправка пословъ ко всѣмъ отсутствовавшимъ на конгрессѣ Грекамъ съ приглашеніемъ приступить къ общему союзу противъ Персовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ всякая добровольно оказанная Персамъ помощь со стороны Грековъ объявлена измѣной отечеству и всѣ сторонники Персовъ лишались участія въ національныхъ играхъ. Кромѣ того предположено, по отраженіи Персовъ, идти войною на ихъ сторонниковъ и десятую часть взятой у нихъ добычи посвятить Дельфійскому боже-ству. Наконецъ, главнѣйшею задачею Истимійскаго сейма былъ военный планъ защиты отъ угрожавшаго нашествія.

Посламъ союзнаго Истимійскаго совѣта удалось привлечь еще нѣсколько мелкихъ греческихъ общинъ къ союзу противъ Персовъ. Но сильнѣйшія государства уклонились. Такъ сиракузскій тираннъ Гелонъ потребовалъ себѣ предводительства надъ всѣми соединенными силами, и, не получивъ его, отказался отъ участія; впрочемъ онъ самъ долженъ былъ обороняться отъ Каррагенянъ, которые напали на Сицилію одновременно съ персидскимъ нашествіемъ. Аргосъ условіемъ своего участія поставилъ заключеніе тридцатилѣтняго мира съ Спартою и совмѣстное съ нею предводительство надъ союзнымъ войскомъ. Спартанцы соглашались дать аргивскому начальнику равный голосъ съ своими двумя царями. Но Аргивяне искали только предлога къ отказу и надѣялись, что, въ случаѣ персидскаго погрома Спарты, къ нимъ перейдетъ гегемонія надъ Пелопонесомъ. Ахеяне, т. е. сѣверныя общины Пелопонеса, тоже отказались отъ участія въ войнѣ. Фивы, управляемыя олигархами, дали персидскимъ

- герольдамъ требуемые знаки покорности; онѣ рассчитывали съ помощью варваровъ взять верхъ надъ ненавистными Аѣидами. Корциряне послали было 60 триремъ на помощь союзному флоту; но эта значительная эскадра подъ ничтожными предлогами медлила въ западныхъ водахъ, и не соединилась съ греческимъ флотомъ.

Самъ знаменитый Дельфійскій оракулъ велъ себя странно въ такую критическую минуту. Въмѣсто словъ ободренія и возбужденія, онѣ продолжалъ давать не только двусмысленные, но и просто неблагоприятные для греческаго патриотизма отвѣты. Напримѣръ, Аргивянамъ онѣ совѣтовалъ «нодобрать копые и закрыть голову»; чѣмъ какъ бы оправдывалъ ихъ нейтральное, выжидательное положеніе. Бритянамъ онѣ прямо запретилъ принимать участіе въ войнѣ. Спартанцамъ оракулъ возвѣстилъ или разрушеніе главнаго города, или смерть царя. Аѣидамъ онѣ совѣтовалъ покинуть свои дома и бѣжать на край земли, ибо «огонь съ Сирійской колесницы и гнѣвъ Арея все обратитъ въ прахъ». Послы аѣинскіе однако не хотѣли уйти съ такимъ зловѣщимъ совѣтомъ, и, взявъ масличныя вѣтви въ руки, умоляли оракула о болѣе благоприятномъ отвѣтѣ. Тогда-то піеія сказала извѣстное изрѣченіе о томъ, что Аѣиане должны искать спасенія въ деревянныхъ стѣнахъ («хотя бы и все пало, не падутъ только деревянныя стѣны Кекропидовъ»), и Ѳемистоклъ какъ нельзя лучше воспользовался этимъ отвѣтомъ.

Первая греческая область, подвергавшаяся персидскому нашествію, была Ѳессалія. Владѣвшая городомъ Лариссой, знатная фамилія Алевадовъ стремилась къ гегемоніи надъ всею областью, и надѣялась подчинить ее съ помощью Персовъ. Но большинство мелкихъ Ѳессалійскихъ владѣтелей и общинъ не желало такого подчиненія, и вначалѣ примкнуло къ Истмійскому союзу, прося его помочь войскомъ для обороны сѣверной границы. Союзный совѣтъ внялъ этой просьбѣ: 10.000 гоплитовъ на корабляхъ перевезены въ Ѳессалію, и заняли Темпейскій проходъ, находясь подъ начальствомъ Ѳемистокла и спартиата Эвенета. Съ ними соединилось Ѳессалійское ополченіе. Но пока это войско стояло здѣсь лагеремъ, стали приходиться неблагоприятныя извѣстія: разные сосѣдніе горные народцы (Перребы, Долопы, парнаасскіе Доряне и пр.) готовы были изъявить покорность Ксерксу. Македонскій царь Александръ извѣстилъ Грековъ, что темпейская позиція можетъ быть обойдена съ запада по многимъ горнымъ тро-

пинкамъ, чѣмъ Персы навѣрно воспользуются. Кромѣ того эта позиція могла быть обойдена и съ моря. Въ виду такихъ опасностей греческій отрядъ покинулъ Темпейское ущелье. Тогда вся Фессалія перешла на сторону Персовъ.

Когда Истмійскій сеймъ получилъ вѣсть о прибытіи Ксеркса въ городъ Терму, составленъ былъ новый планъ обороны. Спартанцы думали ограничиться защитою одного Пелопонеса; для чего рѣшили вывести стѣну поперегъ всего Истма или Коринескаго перешейка. Но въ такомъ случаѣ вся Средняя Греція отдавалась на жертву неприятеля. Между тѣмъ стоило только занять Фермопильскій проходъ, что бы загородить вступленіе въ эту часть Греціи. Сравнительно съ Темпейскимъ ущельемъ Фермопильское имѣло еще то преимущество, что къ нему примыкалъ узкій проливъ, отдѣлявшій островъ Эвбею отъ твердой земли; греческій флотъ могъ занять здѣсь позицію рядомъ съ сухопутнымъ войскомъ, запереть дальнѣйшее движеніе персидскому флоту и не дать ему обойти Грековъ съ тыла.Themistocle удалось убѣдить союзный совѣтъ послать и сухопутное войско, и флотъ для занятія обѣихъ позицій.

О предводительствѣ на сухомъ пути не могло быть спору: оно признавалось всѣми за Спартою. Когда же возникъ вопросъ о предводительствѣ на морѣ, произошелъ споръ. Аѣиняне предъявили свои права: они выставляли двѣсти кораблей, т.е. болѣе чѣмъ всѣ другіе союзники вмѣстѣ. Спартанцы, имѣвшіе самое незначительное число кораблей, однако потребовали себѣ предводительства и на морѣ. Ихъ требованіе поддержали завистники Аѣинъ Коринѣяне и Эгиняне. Чтобы не дать мѣста раздору, Themistocle, будучи начальникомъ аѣинской эскадры, пожертвовалъ своими правами на общее предводительство, и убѣдилъ къ тому же своихъ согражданъ. 280 союзныхъ кораблей, подъ командою спартанца Эврибиада, поплыли въ Эвбейскій заливъ; а сухопутный отрядъ двинулся на сѣверъ подъ начальствомъ спартанскаго царя Леонида. Но и тутъ спартанскіе эфоры обнаружили недостатокъ усердія къ защитѣ Средней Греціи и въ особенности Атики. Былъ іюнь 480 года; наступало время Олимпійскихъ игръ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ предстоялъ праздникъ Аполлона Карнейскаго въ Спартѣ. Эфоры рѣшили, что пока не окончатся оба празднества, главныя силы Пелопонеса не могутъ выступить за его предѣлы. Леонидъ повелъ съ собою только 4100 пело-

понесскихъ гоплитовъ. Ядро этого отряда составляли 300 спартиатовъ, взятые изъ людей семейныхъ, имѣвшихъ дѣтей, что бы въ случаѣ смерти оставалось отъ нихъ потомство. Проходя Беотию, Фокиду и Локриду, Леонидъ пригласилъ жителей этихъ областей соединиться съ нимъ, распуская слухъ, что онъ ведетъ только передовой отрядъ, за которымъ послѣдуетъ главное войско. Въ виду такого слуха Эвванцы не рѣшились пока открыто признать себя сторонниками Персовъ, и выставили незначительный контингентъ въ 400 гоплитовъ; Теспія дала 700, Фокеяне и Локры Опунтскіе по 1000. Итого у Леонида собралось съ небольшимъ 7000 гоплитовъ; при нихъ было вѣроятно и нѣкоторое количество легко вооруженныхъ. Съ этими то незначительными силами ему пришлось защищать Термопилы отъ несмѣтныхъ азіатскихъ полчищъ. Впрочемъ позиція его была почти неприступна.

V.

АРТЕМИЗИЙ, ТЕРМОПИЛЫ И САЛАМИНЪ.

Термопильская позиція.—Морскія бури и битва флотовъ у Артемизія.—Отступление греческаго флота къ югу.—Ксерксъ и Леонидъ при Термопилахъ.—Измѣна.—Геройская гибель Спартанцевъ.—Спасеніе Дельфъ.—Эгоизмъ Спарты.—Выселеніе Аевянъ.—Сожженіе Акрополя.—Разногласіе въ греческомъ флотѣ.—Патріотизмъ и военная хитростьThemistocles.—Положеніе флотовъ при Саламинѣ.—Бой Саламинскій.—Возвращеніе Ксеркса въ Азію.

Между Сѣверной и Средней Греціей, между горными хребтами Отридой и Этой море глубоко вдается въ материкъ и образуетъ заливъ Малійскій, въ который впадаетъ рѣка Сперхей съ его правыми маленькими притоками, Азопомъ и Фениксомъ. Въ нижней долине этой рѣки у подошвы Эты лежалъ Трахисъ, городъ Маліянъ. Далѣе къ востоку отроги Эты подходятъ къ самому берегу залива, такъ что между моремъ и отвѣсными скалами оставался узкій проходъ, по которому могла проѣхать только одна колесница. У западнаго конца этого прохода лежалъ городокъ Антела, замѣчательный храмомъ Деметры, въ которомъ осенью собирались члены Амфигііонова судилища. Отсюда на разстояніи нѣсколькихъ минутъ ходьбы берегъ немного расширялся и потомъ опять заперся какъ бы воротами, т. е. столь же узкимъ проходомъ у городка Альпени, который принадлежалъ уже Локрамъ Опунтскимъ. Пространство между Антелой и Альпени обилуетъ теплыми сѣрными источниками; почему и было названо Термопилы (т. е. «теплыя ворота»). Эти узкія естественныя ворота были укрѣплены еще стѣною, которую выстроили сосѣдніе Фокейцы для защиты отъ Тессалійцевъ. Занявъ

ущелье, Леонидъ велѣлъ возобновить пришедшую въ вѣтхость стѣну. Онъ узналъ однако, что къ югу отъ Өермопилъ чрезъ лѣсистыя вершины горы Каллидрома ведетъ тропинка, посредствомъ которой его позиція можетъ быть обойдена. Леонидъ позаботился обезпечить себя съ этой стороны, и помѣстилъ на Каллидромѣ вспомогательную тысячу Фокеевъ, которые были хорошо знакомы съ мѣстностью. Со стороны моря Персы не могли обойти Грековъ, потому что заливъ у берега представлялъ непроходимыя топи и болота; притомъ же узкій проливъ между Өессаліей и сѣверной оконечностью острова Эвбеи былъ прегражденъ греческимъ флотомъ. Это сѣверное побережье Эвбеи называлось Артемизіей, отъ находившагося здѣсь храма Артемиды. Греческій флотъ состоялъ изъ 270 триеръ, въ томъ числѣ 100 аеинскихъ, находившихся подъ начальствомъ Өемистокла. Легкое аттическое судно поддерживало сообщеніе флота съ сухопутнымъ отрядомъ Леонида.

Выступая изъ Термы въ Өессалію, Ксерксъ приказалъ своему брату Ахемену, начальнику всего персидскаго флота, ждать десять дней, и потомъ плыть вдоль Өессалійскихъ береговъ въ заливъ Пагасейскій, рассчитывая къ тому времени придти сюда съ своими сухопутными полчищами. Ахемени воспользовался этимъ срокомъ для развѣдокъ по морю, и послалъ десять сидонскихъ кораблей къ острову Скіату, который лежитъ у юговосточнаго угла Өессаліи или так. наз. Магнезіи (т. е. страны племени Магнетовъ). Тутъ были выставлены отъ греческаго флота три сторожевые корабля, одинъ трезенскій, одинъ эгинскій и одинъ аеинскій. Сидонцы наткнулись на эти корабли, и захватили два первые изъ нихъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія; причемъ красивѣйшаго изъ плѣнныхъ грековъ на передней части корабля принесли въ жертву богамъ, а остальныхъ обратили въ рабовъ. Третій корабль, аеинскій, успѣлъ достичь берега, куда спасся весь экипажъ. Посредствомъ условленныхъ огней съ острова Скіата греческій флотъ, стоявшій при Артемизіѣ, узналъ о приближеніи непріятеля и гибели трехъ кораблей. Греки сочли сидонскіе корабли передовымъ отрядомъ, за которымъ слѣдуютъ главные силы, и поддались такому страху, что покинули свою стоянку, и удалились въ глубину Эврипа, т. е. длиннаго пролива, отдѣляющаго Эвбею отъ материка Средней Греціи. Они остановились только у города Халкиды, въ самомъ узкомъ мѣстѣ этого пролива.

На одиннадцатый день весь персидский флотъ двинулся изъ Термайскаго залива. День былъ ясный и тихій; но къ ночи вдругъ поднялся сильный сѣверовосточный вѣтеръ, извѣстный въ томъ краю подъ именемъ «Геллеспонтскаго»; персидскіе корабли, не находя для себя удобныхъ и просторныхъ бухтъ, подверглись всей ярости шторма въ открытомъ морѣ, и были разбиваемы о береговыя скалы хребта Пеліона. Напрасно маги приносили жертвы и дѣлали заклинанія; штормъ продолжался три дня. Около 400 военныхъ и транспортныхъ судовъ со множествомъ людей погибли въ эту бурю. На четвертый день, когда вѣтеръ утихъ, Ахемешъ собралъ свои, разсѣянные бурей, эскадры, и двинулся къ заливу Пагасейскому. Между тѣмъ Греки отъ эвбейскихъ сторожей получили извѣстіе о несчастіи персидскаго флота. Оно ихъ такъ ободрило, что они, принеся благодарственныя жертвы Посейдону, поспѣшили назадъ къ Артемизию, и пришли сюда въ то время, какъ Персы огибали южную оконечность Магнезиі. 15 непріятельскихъ кораблей ошибкою попали въ средину греческаго флота, и были тотчасъ захвачены. Начальники ихъ подвергнуты допросу о силахъ и планахъ персидскаго адмирала, и затѣмъ въ цѣпяхъ отправлены на Истмъ къ союзному совѣту.

Не смотря на большія потери, персидскій флотъ былъ все-таки очень громаденъ (болѣе 1000 военныхъ кораблей), и видъ его произвелъ такое впечатлѣніе на нѣкоторыхъ греческихъ начальниковъ, что они снова начали колебаться и помышлять объ отступленіи. Тогда жители Эвбеи, боявшіеся высадки непріятелей и опустошенія своего острова, прибѣгли къ подкупу чрезъ посредство Ѳемистокла, чтобы удержать Грековъ при Артемизиѣ. Они вручили аѳинскому адмиралу 30 талантовъ (отъ 40 до 50 тысячъ руб. сереб.). Часть ихъ Ѳемистоклъ роздалъ, кому счелъ нужнымъ, въ томъ числѣ 5 талантовъ далъ главному начальнику флота или наварху Эврибиаду, а 3 таланта коринѳскому предводителю, самому ревностному стороннику отступленія. Средство подѣйствовало, и флотъ остался на мѣстѣ. Между тѣмъ Ахемешъ съ помощію лазутчиковъ узналъ о слабости греческаго флота сравнительно съ собственными силами, и составилъ планъ уничтожить или захватить его въ свои руки. Съ этою цѣлію онъ отдѣлилъ 200 кораблей и послалъ ихъ въ обходъ вокругъ острова Эвбеи: они должны были войти въ Эврипъ съ юга, отрѣзать Грекамъ отступленіе и по условленному знаку напасть на

нихъ въ тылъ, когда онъ самъ ударить имъ въ лицо. Чтобы скрыть свое обходное движеніе, отдѣленная эскадра поплыла сначала къ острову Скіату. Но одинъ изъ еракійскихъ Грековъ, находившійся въ персидской службѣ, будучи превосходнымъ пловцомъ и ныркомъ, бросился въ море, достигъ греческихъ кораблей, и увѣдомилъ ихъ начальниковъ о назначеніи помянутой эскадры. ТогдаThemistocles на военномъ совѣтѣ предложилъ воспользоваться раздѣленіемъ непріятельскихъ кораблей, и немедленно сдѣлать нападеніе на главный персидскій флотъ. Послѣ нѣкотораго колебанія его предложеніе было принято. Греки однако не хотѣли начать сраженія поутру, чтобы не дать времени непріятелю развернуть всѣ свои силы. Они ударили на него передъ вечеромъ, и успѣли частью захватить, частью потопить до 30 кораблей; но едва Персы пришли въ себя отъ неожиданнаго нападенія и начали тѣснить Грековъ, наступила ночь и прекратила битву.

На слѣдующую ночь на помощь Грекамъ вновь явилась буря—хотя была середина лѣта, т. е. время, когда дожди и бури рѣдко случаются въ тѣхъ водахъ. Съ юговостока поднялся сильный вѣтеръ съ дождемъ и громомъ, и опять началъ гнать персидскіе корабли къ берегу или ударять ихъ другъ о друга; между тѣмъ какъ Греки, защищенные съ юга высотами Эвбеи, испытывали только значительное волненіе. Но главная потеря Персовъ заключалась въ томъ, что эта самая буря истребила всю ихъ обходную эскадру, бросивъ ее на скалы восточнаго Эвбейскаго берега. Такимъ образомъ тщетно Ксерксъ заставлялъ народы копать для себя Аѳонскій каналъ: эта египетская работа не спасла его флотъ отъ разрушительныхъ бурь и скалъ въ греческихъ водахъ. По замѣчанію Геродота, божество дѣлало все возможное, чтобы постепенно уменьшить великую разницу между греческимъ и персидскимъ флотами.

Получивъ извѣстіе о новыхъ потеряхъ непріятеля, Греки ободрились, и тѣмъ болѣе, что къ нимъ въ это время присоединились еще 53 аттическихъ корабля. Къ вечеру слѣдующаго дня, они сдѣлали новое нападеніе, и захватили нѣсколько киликійскихъ кораблей, прежде чѣмъ Персы успѣли придти въ порядокъ послѣ только что испытанной бури. Раздраженный такими неудачами и опасаясь царскаго гнѣва, Ахеменисъ на слѣдующее утро построилъ свой флотъ огромнымъ полукругомъ, и двинулъ его на Грековъ, стараясь охватить ихъ съ обоихъ фланговъ. Но Греки держались близко къ берегу и

не давали обойти себя; а Персы по тѣснотѣ мѣста не могли ввести въ бой все свои силы, и часто корабли ихъ наталкивались другъ на друга. Сраженіе было очень упорное и длилось цѣлый день; оно осталось нерѣшительнымъ, и оба флота понесли большія потери. Со стороны Персовъ въ этотъ день наиболѣе отличились Египтяне, а съ греческой стороны Аѳиняне. Но сіи послѣдніе, сражаясь впереди другихъ Грековъ, сохранили въ цѣлости только половину своихъ кораблей; остальные или были приведены въ негодное состояніе, или взяты непріателемъ; одни Египтяне захватили пять аѳинскихъ тріеръ со всемъ экипажемъ. Греки могли гордиться тѣмъ, что съ честью выдержали первый открытый бой съ превосходнымъ въ силахъ персидскимъ флотомъ, въ составъ котораго кромѣ Египтянъ входили Финикіяне, считавшіеся тогда лучшими и опытнѣйшими моряками въ мірѣ. Но греческіе предводители, и даже самъThemistocles, убѣдились, что далѣе они не въ состояніи удерживать свою позицію при Артемизіѣ, и рѣшили начать отступление. Несчастные жители Эвбеи послѣдили предоставить греческимъ морякамъ для продовольствія весь свой скотъ, чтобы онъ не попалъ въ руки непріателей, и кто могъ спѣшилъ покинуть островъ. Начальниковъ греческихъ еще смущало то обстоятельство, что своимъ отступленіемъ они открываютъ съ моря позицію Леонида. Вдругъ судно, производившее его сообщенія съ флотомъ, принесло извѣстіе о взятіи Фермопилъ Персами и уничтоженіи греческаго отряда. Тогда адмиралы болѣе не медлили, и флотъ пошелъ на югъ Эврипомъ, Коринѳяне впереди, Аѳиняне позади, прикрывая отступление.

Во время сего обратнаго движенія Themistocles приказывалъ дѣлать надписи на береговыхъ скалахъ Эвбеи, особенно тамъ, гдѣ моряки запасались прѣсною водою. Въ этихъ надписяхъ онъ обращался къ іонійскимъ Грекамъ, и убѣждалъ ихъ не служить Персамъ противъ своихъ соплеменниковъ, покинуть варваровъ или по крайней мѣрѣ не усердствовать имъ во время сраженій. Такимъ способомъ онъ рассчитывалъ, если не убѣдитъ вполне Іонянъ къ отпаденію отъ Персовъ, то во всякомъ случаѣ возбудитъ къ нимъ недовѣріе со стороны послѣднихъ и тѣмъ уменьшить силу непріателей.

Но обратимся къ тому, что произошло у Фермопилъ.

Ксерксъ съ своими полчищами благополучно прошелъ Фессалію,

гдѣ всѣ лежація на его пути племена покорились ему и выставили вспомогательные отряды и проводниковъ. Съ южныхъ склоновъ хребта Отриды онъ спустился въ долину Сперхея, и раскинулъ свой необозримый лагерь около города Трахиса у подошвы Эты, на берегахъ Азопа. При видѣ непріятельскихъ подчищъ многіе изъ Грековъ, стоявшихъ при Термопилахъ, усумнились въ возможности отстоять проходъ, и начальники пелопонесскихъ отрядовъ изъявили желаніе отступить къ Истму. Но Локряне и Фокеяне воспротивились, чтобы не быть оставленными въ жертву непріятели. Леонидъ принялъ сторону послѣднихъ, отправилъ вѣстниковъ въ союзные города съ требованіемъ немедленной помощи, и приготовился къ отчаянной оборонѣ.

Ксерксъ еще въ Фессаліи узналъ о томъ, что спартанскій царь, потомокъ Геркулеса, съ горстью Грековъ намѣренъ оспаривать у него Термопильскій проходъ. Изъ лагеря при Трахисѣ онъ послалъ коннаго лазутчика осмотрѣть Термопилы и положеніе ихъ защитниковъ. Въ это время случайно переднюю стражу греческаго отряда занимали Спартанцы, расположась впереди Фокейской стѣны. Всадникъ не могъ видѣть за стѣною остальныхъ Грековъ, а наблюдалъ только Спартанцевъ: одни изъ нихъ занимались гимнастикой, другіе убирали свои длинные волосы; они какъ бы не замѣчали близости непріятели. Когда лазутчикъ донесъ о видѣнномъ Ксерксу, царю показалось забавнымъ такое поведеніе Лакедемонянъ, и онъ потребовалъ объясненій у Демарата. Тотъ напомнилъ ему свои слова о Спартанцахъ, сказанныя въ Дорискѣ, и прибавилъ, что они имѣютъ обыкновеніе съ особымъ тщаніемъ убирать свои волосы, когда готовятся къ рѣшительной битвѣ. Ксерксъ однако не спѣшилъ нападеніемъ, и четыре дня ждалъ, чтобы Греки или покорились, или ушли. Впрочемъ вѣроятно онъ въ эти дни беспокоился объ участи своего флота; такъ какъ до него дошло преувеличенное извѣстіе, будто весь флотъ разбитъ бурей. Къ тому же времени надобно отнести извѣстные лаконическіе отвѣты. Такъ, на требованіе выдать оружіе, Ксерксъ получилъ въ отвѣтъ: «Приди и возьми». А когда одинъ трахеянинъ, описывая Грекамъ громадность персидскихъ войскъ, сказалъ, что стрѣлами своими они могутъ помрачить солнце, то спартанецъ Діенекъ отвѣчалъ: „Тѣмъ лучше, мы будемъ сражаться въ тѣни.“

Только на пятый день Ксерксъ велѣлъ произвести нападеніе, и двинулъ для того Мидянъ, которые желали отомстить свое пораже-

ніе при Марафонѣ. Мидяне храбро пошли на приступъ; но тутъ обнаружилось превосходство греческаго вооруженія и крѣпость позиціи. Стрѣлы непріятелей отскакивали отъ мѣдной брони Грековъ; а когда дошло до рукопашной схватки, Мидяне съ своими короткими копьями и легкими щитами не могли устоять противъ греческихъ оплитовъ, которые, закрываясь большими, крѣпкими щитами, поражали враговъ длинными копьями. Между тѣмъ узкое мѣсто не позволяло послѣднимъ развернуть свои силы и ихъ многочисленность не приносила имъ пользы; ибо Греки также могли замѣнять свѣжими людьми утомленныхъ битвою воиновъ. Когда Мидяне, понесши большія потери, отступили, царь послалъ на приступъ отрядъ „безсмертныхъ“. Персы съ увѣренностью въ побѣдѣ устремились на Грековъ; но, будучи вооружены не лучше Мидянъ, потерпѣли ту же неудачу. Леонидъ выдвинулъ противъ нихъ своихъ лучшихъ воиновъ, т. е. Спартанцевъ, и тѣ въ полномъ блескѣ показали свою воинскую ловкость и силу. Какъ бы утомленные битвою, они обратили тылъ, но неразмыкая своего строя; Персы съ побѣдными криками беспорядочною толпою бросились ихъ преслѣдовать; вдругъ Спартанцы повернулись лицомъ и, ударивъ съ новою силою, произвели великое избіеніе въ толпѣ непріятелей. Подобный маневръ они повторили нѣсколько разъ, доказывая тѣмъ, въ какой степени ихъ тактика и военное искусство стояли выше чѣмъ у Персовъ. Ксерксъ смотрѣлъ на битву съ одного холма, гдѣ былъ для него поставленъ тронъ. Онъ трижды въ гнѣвѣ вскакивалъ съ трона при видѣ пораженія своихъ лучшихъ войскъ. Приступы возобновились на слѣдующій день, но все съ тѣмъ же неуспѣхомъ. Расчетъ непріятеля на утомленіе Грековъ, при ихъ маломъ числѣ, не оправдался: разные отряды союзниковъ защищали проходъ по очереди; пока одинъ сражался, другіе отдыхали; потери ихъ сравнительно съ Персами были незначительны.

Къ концу втораго дня Ксерксъ былъ въ большомъ затрудненіи въ виду такого неодолимаго препятствія. Вдругъ къ нему явился одинъ изъ мѣстныхъ Грековъ или Маліянъ, по имени Эфіальтъ. Этотъ измѣнникъ съ надеждою на большую награду открылъ царю существованіе горной тропинки, посредствомъ которой можно было, обойдя Өермопилы, зайти въ тылъ греческому войску, и вызвался быть проводникомъ. Обрадованный царь немедленно приказалъ начальнику без-

смертныхъ Гидарну съ его отрядомъ идти въ обходъ. При наступленіи темноты онъ выступилъ, ведомый Эфіальтомъ.

Фокеяне, которымъ поручено было оберегать эту горную тропинку, безопасно предавались отдыху на высотахъ Каллидрома въ частомъ дубовомъ лѣсу, и даже не выставили наблюдательныхъ постовъ. На разсвѣтъ, посреди полной тишины, они вдругъ услышали шумъ листьевъ и трескъ вѣтвей. Едва Фокеяне успѣли вскочить и схватиться за оружіе, какъ передъ ними уже явилась густая толпа непріятелей. Гидарнъ въ началѣ также былъ смущенъ неожиданною встрѣчею съ вооруженными людьми на своемъ пути. Но Эфіальтъ успокоилъ его, объяснивъ, что это были не Спартанцы, а другіе Греки, не столь мужественные. И дѣйствительно, какъ скоро посыпались персидскія стрѣлы, Фокеяне обратили тылъ, и спаслись на болѣе недоступныя вершины. Гидарнъ не сталъ ихъ преслѣдовать, и, продолжая путь, началъ спускаться на другую сторону горы; къ полудню онъ достигъ цѣли своего движенія.

Межъ тѣмъ въ греческомъ лагерѣ жрецъ и гадатель Мегистій по внутренностямъ животныхъ возвѣстилъ Грекамъ приближеніе гибели. Въ то же время отъ греческихъ перебѣжчиковъ изъ персидскаго стана и отъ нѣкоторыхъ фокейскихъ бѣглецовъ Леонидъ узналъ, что въ тылъ ему идетъ сильный непріятельскій отрядъ. Онъ поспѣшно собралъ военный совѣтъ: нѣкоторые вожди предлагали воспользоваться минутою и не губить напрасно воиновъ, пока отступление еще было возможно. Леонидъ поступилъ какъ настоящій спартанскій герой: онъ отпустилъ почти всѣ союзныя дружины; а самъ съ своими Спартанцами рѣшилъ умереть на своемъ посту. Только Теспійцы не хотѣли уйти, и остались, что бы пасть вмѣстѣ съ Спартанцами; а Фиванцевъ Леонидъ удержалъ при себѣ въ качествѣ заложниковъ. Всего такимъ образомъ осталось съ небольшимъ тысяча гоплитовъ и еще нѣкоторое количество илотовъ, которые прислуживали спартіатамъ. Леонидъ прежде всего хотѣлъ быть вѣренъ спартанскому правилу; по коему считалось самымъ постыднымъ дѣломъ бѣгство въ виду непріятеля. Кромѣ того его одушевляли воспоминанія о своемъ предкѣ Геркулесѣ, который погибъ въ тѣхъ же мѣстахъ и которому былъ воздвигнутъ алтарь при теплыхъ источникахъ. Припомнилъ онъ и слова Дельфійскаго оракула, предсказавшаго Спартанцамъ: или ихъ городъ будетъ

разрушенъ, или падеть одинъ изъ ихъ царей. Онъ обрекъ себя на гибель, довольный тѣмъ, что спасаетъ родной городъ отъ разрушенія. Его одушевленіе и рѣшимость умереть героемъ—сообщились и всей его дружинѣ. Передъ битвой Леонидъ пригласилъ воиновъ подгрѣпить себя пищею, напоминая имъ, что ужинать они будутъ уже въ подземномъ царствѣ тѣней.

Спартанскій царь рѣшилъ напасть на главное Персидское войско прежде, нежели Гидарнъ зайдетъ ему въ тылъ. Онъ отошелъ отъ Фокейской стѣны, которая служила Грекамъ опорнымъ пунктомъ въ предыдущіе дни, и подвинулъ свою дружину далѣе къ самому началу ущелья, гдѣ было болѣе простора для битвы. Однако онъ нашель Персовъ уже стоявшими въ боевомъ порядкѣ: Ксерксъ ожидалъ, пока Гидарнъ подастъ ему условленный знакъ, что бы въ одно время напасть на Грековъ и съ тыла, и фронта. Съ страшной энергіей ударила эта горсть героевъ на варваровъ, и произвела между ними сильное опустошеніе. Множество непріятелей падало съ берега въ море и тамъ погибало; другіе задыхались въ тѣснотѣ и были затоптаны собственными войсками, ибо, побуждаемые ударами бичей задніе ряды напирала на передніе, производя давку и смятеніе. Въ этой свалкѣ погибли между прочимъ два брата Ксеркса. Греки сражались безпощадно какъ люди обреченные на смерть, и многіе уже легли костью. Когда всѣ копыя ихъ сломались, они схватились за мечи. Паль самъ Леонидъ, оказавъ чудеса мужества и силы. Около его трупа возгорѣлся самый отчаянный бой. Наконецъ Грекамъ удалось вырвать его изъ рукъ непріятелей. Но вдругъ они узнають, что Гидарнъ уже близко. Тогда они отступаютъ назадъ въ ущелье, уходятъ внутрь стѣны, и собираются кучкой на одномъ холмѣ. Персы разрушаютъ стѣну и бросаются на этотъ холмъ съ одной стороны, межъ тѣмъ какъ съ другой подоспѣло войско Гидарна. Израненная, истомленная, уже изломавъ свое оружіе, кучка героевъ продолжала еще защищаться голыми руками и зубами, пока всѣ до единого не пали подъ стрѣлами и ударами непріятеля. Только вѣроломные Фиванцы не приняли участія въ этомъ послѣднемъ бою; они отдѣлились отъ товарищей, и, протянувъ впередъ безоружныя руки, просили Персовъ о пощадѣ, говоря, что неволею были принуждены слѣдовать за Леонидомъ. Однако прежде нежели объяснилась ихъ просьба, многіе изъ нихъ были убиты варварами; остальнымъ

дарована жизнь. Но, по словамъ Геродота, Ксерксъ будто бы велѣлъ потомъ раскаленнымъ желѣзомъ наложить на ихъ лица знаки царскихъ рабовъ, начиная съ ихъ предводителя Леонтиада, и затѣмъ уже отпустилъ ихъ на родину.

Свою злобу на Леонида Ксерксъ вымѣстилъ на его трупѣ, который онъ велѣлъ распять на крестѣ, отрубивъ предварительно голову. 4000 греческихъ труповъ легло при Фермопилахъ (считая тутъ илотовъ и легко вооруженныхъ): а Персовъ пало вѣнтеро болѣе. Ксерксъ велѣлъ первыхъ собрать въ одну кучу, а вторыхъ зарыть въ землю, оставивъ непогребенными только одну тысячу и желая показать своимъ полчищамъ, что Грековъ пало гораздо болѣе чѣмъ Персовъ. Но обманъ былъ слишкомъ очевиденъ.

Такъ окончилась знаменитая битва при Фермопилахъ. Она имѣла большое значеніе для дальнѣйшихъ событій. Персы узнали на дѣлѣ, каковъ народъ, который они вздумали покорить; Греки получили блистательный для себя примѣръ мужества и любви къ отечеству, примѣръ, которому оставалось только слѣдовать, что-бы отстоять свою независимость. Въ особенности прославилось имя Спарты. Своимъ геройствомъ Леонидъ нѣсколько поправилъ промахи спартанскихъ властей, которыя оставили его безъ помощи и думали только о защитѣ Пелопонеса, предоставляя другихъ Грековъ на жертву варварамъ и занимаясь своими празднествами въ такое критическое время.

Впослѣдствіи, когда Персидское нашествіе было отражено, Греки, по почину Амфикионовъ, старались увѣковѣчить подвиги Фермопильскихъ героевъ памятниками и надписями на мѣстѣ битвы. Въ честь Леонида воздвигнуть былъ мраморный левъ на томъ холмѣ, на которомъ защищалась послѣдняя кучка героевъ, и памятникъ этотъ украшенъ одою поэта Симонида. Нѣкоторыя надписи впрочемъ не лишены были сильнаго преувеличенія; напримѣръ, одна гласила, что на этомъ мѣстѣ «четыре тысячи воиновъ Пелопонеса сражались противъ трехъ сотъ мириадъ непріятелей», т. е. противъ 3.000.000! Но самая замѣчательная, по своей краткости и силѣ, надпись посвящена была Спартанцамъ (она приписывается тому же Симониду): „Странникъ! возвѣсти Лакедемонянамъ, что мы легли здѣсь, повинувъсь ихъ законамъ“. Особою надписью почтенъ былъ прорицатель Мегистій, который не за-

хотѣлъ покинуть воиновъ въ виду неизбежной гибели, и раздѣлилъ съ ними смерть отъ непріятельскихъ рукъ. До какой степени Спартанцы считали законнымъ и славнымъ поведеніе всего своего отряда при Өермопилахъ, показываетъ участь двухъ воиновъ, которые случайно не участвовали въ гибели своихъ товарищей. Одинъ, по имени Пантитесъ, еще до битвы былъ посланъ зачѣмъ-то въ Өессалію; воротаясь въ Спарту, онъ встрѣтилъ такое къ себѣ презрѣніе, что съ отчаянія наложилъ на себя руки. Другой, по имени Аристомемъ, страдая глазами, во время битвы находился въ городкѣ Альпени. Когда онъ воротился на родину, никто не хотѣлъ съ нимъ говорить, и его называли трусомъ. Онъ возстановилъ свою честь тѣмъ, что палъ въ битвѣ при Платеѣ, гдѣ сражался съ великою храбростію. Что касается до предателя Эфіальта, то онъ бѣжалъ въ Өессалію, спасаясь отъ мести Спартанцевъ. Амфиктіоново Судилище, на собраніи въ Өермопилахъ, оцѣнило его голову. Онъ былъ убитъ однимъ Трахинійцемъ совсѣмъ по другому поводу; тѣмъ не менѣе послѣдній получилъ назначенную цѣну.

*

Послѣ паденія Өермопилъ вся Средняя Греція была открыта для Персовъ. Локрида, Дорида, Беотія дали Ксерксу землю и воду. Только Фокеяне не хотѣли покориться, и враждебные имъ Өессалійцы охотно служили Персамъ проводниками въ горную Фокиду. Но ея жители большею частію покинули родину съ женами и дѣтьми; они удалились или къ Локрамъ Озольскимъ, или на ту сторону Коринтскаго залива къ Ахеянамъ; остальные съ своими стадами спаслись на вершины Парнаса. Варвары разграбили и сожгли нѣкоторые покинутые города (Дрилла, Элатеа, Гіанполисъ и др.) Изъ Фокиды съ главными полчищами Ксерксъ вступилъ въ Беотію, которой города были пощажены какъ покорившіеся Персамъ. Царь македонскій Александръ впередъ послалъ въ нихъ свои гарнизоны, чтобы предохранить отъ разграбленія. Только Өеспія и Платея, нехотѣвшія покориться и покинутыя своими жителями, были сожжены и разрушены. Отсюда ущельями Киѳерона Ксерксъ вступилъ въ Аттику, и безпрепятственно дошелъ до ея столицы Аѳинъ.

Между тѣмъ, отдѣленный въ Фокидѣ, отрядъ варваровъ пошелъ на Дельфы, что бы завладѣть сокровищами Аполлонова храма и оракула,

накопившимися тамъ въ теченіе столѣтій. Особенно возбуждали жадность Ксеркса рассказы о богатыхъ приношеніяхъ оракулу царя Креза.

Покидая свой городъ, Дельфійцы были въ большомъ недоумѣніи, что дѣлать съ этими драгоценностями: взять ихъ съ собой или зарыть въ скрытыхъ мѣстахъ. Они спросили оракула, и получили въ отвѣтъ, что богъ самъ защититъ свои сокровища. Нѣсколько десятковъ гражданъ съ главнымъ жрецомъ остались подлѣ храма, и были свидѣтелями его необыкновеннаго спасенія. Когда варвары поднимались по узкой горной дорожкѣ къ городу и уже были близко къ нему, раздался страшный громъ и заблестала молнія; огромные камни съ горныхъ вершинъ обрушились на Персовъ. Въ ужасѣ варвары обратились въ бѣгство; причемъ скрывавшіеся въ ущельяхъ Фокее не преслѣдовали ихъ и многихъ побили. Дельфійцы рассказывали, что самъ Аполлонъ и нѣкоторые мѣстные герои-полубоги поражали хищниковъ. Вообще Дельфійцы сообщали потомъ разныя легенды о чудесахъ, будто бы сопровождавшихъ спасеніе ихъ святилища отъ непріятелей; что еще болѣе возвысило его славу и почитаніе.

Извѣстіе о судьбѣ Леонида и его отряда, хотя возбудило въ сердцахъ Грековъ глубокое уваженіе къ его доблести, но въ то же время повергло ихъ въ горестъ и уныніе, потому что другой такой неприступной позиціи какъ Фермоплы уже не было. Союзный совѣтъ, засѣдавшій на Истмѣ, не имѣлъ никакого готоваго плана для дальнѣйшей обороны, и не собралъ сколько-нибудь значительной союзной арміи для отпора на сухомъ пути. Болѣе всѣхъ въ этомъ упущеніи была виновна Спарта, которая ревностно оберегала свою гегемонію надъ Греками, а между тѣмъ не принимала никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для ихъ спасенія; хотя олимпійскія и карнейскія празднества окончились, она все-таки не спѣшила послать войска на помощь отряду Леонида, и дождалась его гибели. Впослѣдствіи и самую эту безпечность досужіе греческіе вымыслы украсили легендами въ родѣ слѣдующей (передаваемой Геродотомъ). Услыхавъ объ Олимпійскихъ играхъ, которыми Греки занимались во время непріятельскаго нашествія, Ксерксъ спросилъ, какую награду получаетъ на нихъ побѣдитель. Ничего болѣе, какъ лавровый вѣнокъ, отвѣчали ему. «О Боже, противъ какихъ мужей, Мардоній, ты ведешь насъ!—

воскликнулъ одинъ изъ близкихъ царю (сынъ Артабана).—Они сходятся не ради денегъ, а ради славы!»

Все, что Спартанцы придумали въ настоящую критическую минуту, это поспѣшно собрать войска Пелопонесскаго союза и двинуть ихъ къ Истму или Коринтскому перешейку, подъ начальствомъ царя Клеомброта (брата Леонидова). Усерднѣе чѣмъ когда либо, они ухватились за прежнюю свою мысль объ укрѣпленіи этого перешейка, чтобы преградить непріятелю доступъ на Пелопонесъ. Они принялись строить стѣну и насыпать ваяъ отъ одного берега до другаго, заставивъ все собранное пелопонесское войско день и ночь работать надъ этими укрѣпленіями. Спартанцы упустили изъ виду, во первыхъ, что, ограничиваясь обороною Пелопонеса, они всю остальную Грецію отдавали во власть Персовъ, а во вторыхъ, что Персы могли и обойти перешеекъ моремъ и тѣмъ всю работу надъ укрѣпленіями сдѣлать бесполезною. Уже тотчасъ по взятіи Фермопилъ Демарать, спрошенный какъ побѣдить Спартанцевъ, совѣтовалъ послать часть флота на южную сторону Пелопонеса и тѣмъ отвлечь ихъ силы отъ Коринтскаго перешейка. Но самъ начальникъ флота Ахемень воспротивился такому совѣту; онъ не хотѣлъ раздѣлять свои корабли, чтобы греческій флотъ не воспользовался такимъ дѣленіемъ; чему примѣръ уже былъ при Артемизіѣ.

Если самихъ Спартанцевъ смутило взятіе Фермопилъ, то Аѳиняны оно повергло въ отчаянное положеніе. Вся ихъ страна была теперь открыта Персамъ, отъ которыхъ они не могли ожидать себѣ никакой пощады послѣ своего участія въ возстаніи Іонянъ и послѣ Марафона. Имъ грозили кромѣ разоренія или смерти, или рабство. Въ такомъ положеніи на помощь имъ явился греческій флотъ. Этотъ флотъ во время отступленія отъ Артемизіа получилъ приказъ отъ союзнаго совѣта плыть въ Трезенскую бухту, лежавшую на южномъ или Пелопонесскомъ берегу Сароническаго залива, и тамъ ожидать подкрѣпленій. Но когда корабли обогнули мысъ Суній и вступили въ Сароническій заливъ, Фемистоклъ и другіе Аѳиняне упросили Эврибиада остановиться на короткое время у Саламина, чтобы помочь спасенію жителей, покидавшихъ Аттику. Самъ Фемистоклъ съ аѳинскими кораблями присталъ въ Фалерской бухтѣ, и тутъ совѣщался съ аѳинскими властями о мѣрахъ спасенія. Рѣшено было немедленно очистить всю страну, и гражданамъ дано позволеніе позаботиться о скорѣй-

шемъ удаленіи своихъ семействъ. Тотчасъ началось выселеніе жителей; не только аѢнскіе, но и прочіе греческіе корабли безъ устали работали, перевоза аттическія семьи съ ихъ рабами и тѣмъ имуществомъ, которое могли захватить. Одна часть ихъ была отправлена на островъ Эгину, другая нашла радушный пріемъ въ Трезенахъ, третья и самая большая помѣстилась на ближнемъ Саламинѣ. Вся Аттика опустѣла до такой степени, что Персы захватили въ ней только до пятисотъ плѣнныхъ. Тяжело однако было гражданамъ разстаться съ своимъ роднымъ очагомъ и своими святилищами. Но Ѳемистоклъ настаивалъ на изреченіи оракула, что спасенія должно искать въ деревянныхъ стѣнахъ, объясняя ихъ кораблями. Употреблено было еще слѣдующее средство, чтобы побудить аѢнскихъ гражданъ къ выселенію. Въ Акрополѣ въ старинномъ храмѣ АѢины Паллады обитала священная змѣя; жители собственно ея не видѣли; но знали, что каждый мѣсяцъ въ пищу ей полагался въ храмѣ медовый хлѣбъ, который каждый разъ исчезалъ. Вдругъ жрица этого храма объявила, что хлѣбъ остался нетронутымъ: ясный знакъ, что священная змѣя покинула свое мѣсто и тѣмъ подала примѣръ гражданамъ.

Въ эту критическую минуту АѢиняне дѣйствовали съ удивительнымъ мужествомъ и взаимнымъ согласіемъ. Забыты были всѣ внутреннія распри и соперничество. По предложенію Ѳемистокла народное собраніе издало постановленіе, которымъ возвращались гражданскія права всѣмъ изгнанникамъ, и въ ихъ числѣ Ѳемистоклъ особо указалъ на своего соперника Аристиду, подверженнаго ostracismu. Послѣ отправки въ безопасныя мѣста женщинъ и дѣтей, всѣ граждане способные носить оружіе призваны вооружиться и вступить во флотъ. Чтобы помочь въ этомъ случаѣ бѣднымъ людямъ, имъ назначено было жалованье изъ общественной казны; а за недостаткомъ ея приглашены къ пожертвованіямъ всѣ богатые граждане, и члены Ареопага подали тому примѣръ. Говорятъ, изобрѣтательный Ѳемистоклъ и тутъ придумалъ такое средство, которое помѣшало имущимъ уклониться отъ жертвований. Онъ вдругъ объявилъ, что у статуи АѢины пропала голова Горгоны (или Медузы) со щита, и подъ этимъ предлогомъ велѣлъ обыскать всѣ пожитки выселявшихся жителей; при чемъ, разумѣется, открылось, сколько у кого имѣлось денегъ или какихъ драгоценностей.

Нашлось однако нѣкоторое количество бѣдняковъ или вѣрующихъ людей, которые истолковали слова оракула о деревянныхъ стѣнахъ въ буквальномъ смыслѣ. Они отказались покинуть городъ, и засѣли въ Акрополъ, загородивъ доступы къ нему деревянными воротами и тыномъ. Когда явились Персы и вошли въ опустѣвшій городъ, они съ удивленіемъ встрѣтили отчаянное сопротивленіе со стороны акропольскаго гарнизона. Посредствомъ брошенныхъ въ крѣпость горючихъ веществъ, имъ удалось зажечь деревянныя укрѣпленія; но осажденные продолжали защищаться, скатывая на Персовъ заранѣе приготовленные большіе камни. Наконецъ нѣкоторымъ непріателямъ удалось взобраться въ Акрополь по крутой восточной сторонѣ горы, которая оставалась необерегаемою по своей неприступности. Тогда защитники частію бросились со стѣнъ внизъ головой, частію бѣжали внутрь храма Аѣины. Персы умертвили эту горсть людей, и обратили Акрополь со всеми его святынями въ груду развалинъ и пеплу. Такимъ образомъ Ксерксъ достигъ одной изъ главныхъ цѣлей своего похода: разрушенія ненавистныхъ ему Аѣинъ. Вѣсть объ этомъ событіи была отправлена въ Сузу къ дядѣ и намѣстнику царя, Артабану. Благодаря хорошо устроенной въ Персіи системѣ царскихъ гонцовъ, вѣсть скоро достигла Сузы, и произвела тамъ общее ликованіе. Царь дозволилъ нѣсколькимъ сопровождавшимъ его аѣинскимъ изгнанникамъ (съ Пизистратидами во главѣ) взойти въ Акрополь и посреди его развалинъ принести жертвы отечественнымъ божествамъ. Здѣсь подлѣ храма Эрхтея росла священная олива, подарокъ городу богини Аѣины; при взятіи Акрополя дерево было сожжено до корня. Прошло послѣ того три дня, и помянутые изгнанники нашли на немъ новую зеленую вѣтвь, изъ чего заключили о близкомъ возрожденіи города. (Вообще много подобныхъ легендъ рассказывали Греки послѣ того, какъ было отражено Персидское нашествіе).

Одновременно со взятіемъ Аѣинъ персидскій флотъ, согласуя свое движеніе съ сухопутными войсками, достигъ аѣинской гавани Фалера. Ксерксъ прибылъ на берегъ этой гавани; здѣсь созвалъ предводителей отдѣльныхъ эскадръ, и спрашивалъ ихъ мнѣнія, давать ли немедленно битву близъ стоявшему греческому флоту. Предводители занимали мѣста въ собраніи по своему старшинству и значенію. Первое мѣсто имѣлъ правитель Сидонскій, второе Тирскій. Каждому

изъ нихъ Мардоній отъ имени царя предлагалъ тотъ же вопросъ. Такъ какъ всѣмъ заранѣе было извѣстно желаніе Ксеркса одержать рѣшительную морскую побѣду, то всѣ единогласно отвѣчали на вопросъ утвердительно. Одна только Артемизія, правительница Галикарнаса, возразила противъ такого мнѣнія. Она указывала на неудобства сражаться въ узкомъ Саламинскомъ проливѣ; превозносила достоинство греческихъ моряковъ въ сравненіи съ персидскими, и совѣтовала немедленно напасть на Пелопонесъ, чтобы заставить пелопонесскіе корабли отдѣлиться отъ греческаго флота для защиты своей земли. Ксерксъ благосклонно выслушалъ Артемизію, но не послѣдовалъ ея умному совѣту, и приказалъ флоту на слѣдующій день сдѣлать нападеніе.

Въ то время какъ предводители персидскаго флота отличались такимъ согласіемъ мнѣній, въ греческомъ флотѣ наоборотъ господствовали разногласіе и горячіе споры. Когда окончилась перевозка жителей Аттики, пелопонесскіе начальники высказали желаніе немедленно удалиться изъ Саламинскаго пролива и занять позицію въ Кенхрейскомъ заливѣ у Коринѣскаго перешейка, чтобы быть въ связи съ своимъ сухопутнымъ войскомъ. Но противъ этого желанія возстали Аѣнныне, Мегаряне и Эгиняне; ибо дальнѣйшее отступленіе флота отдавало на жертву неприятелямъ Мегару, Эгину и островъ Саламинъ съ находившимися на немъ аттическими семействами. Особенно горячо возражалъ противъ отступленія Ѳемистоклъ, который лучше всѣхъ понималъ выгоды саламинской позиціи для битвы съ Персами. Но пелопонесцы отвѣчали ему, что, въ случаѣ неудачнаго сраженія, весь флотъ будетъ запертъ въ Саламинской бухтѣ, и долженъ или сдаться или погибнуть отъ голода. Посреди этихъ споровъ пришла вѣсть о взятіи и соженіи Аѣнны; а отъ мыса Сунія потянулись безконечныя линіи персидскихъ кораблей.

Тогда Эврибидъ, не могъ долѣе противиться настояніямъ большинства, и отдалъ приказъ готовиться къ отступленію на слѣдующій день.

Печальный воротился Ѳемистоклъ на свой корабль. Здѣсь другъ его аѣнниницъ Мнезифиль спросилъ, какое рѣшеніе приняло собраніе предводителей. Когда же узналъ, что рѣшили отступить, Мнезифиль съ такимъ жаромъ и краснорѣчіемъ изобразилъ гибельныя послѣдствія этого отступленія, что Ѳемистоклъ тотчасъ отправился

на корабль Эврибиада. Въ свою очередь онъ говорилъ ему такъ, убѣдительно, что тотъ, несмотря на позднюю ночь, согласился вновь собрать совѣтъ предводителей и подвергнуть вопросъ новому обсужденію. Когда совѣтъ собрался Фемистокль, не дожидаясь очереди, началъ съ жаромъ доказывать свои мысли.

Главный противникъ его коринѣскій предводитель Адимантъ сказалъ: «кто на общественныхъ играхъ начинаетъ прежде чѣмъ поданъ знакъ, подвергается бичеванію*».

„Правда—отвѣчалъ Фемистокль;—но кто опаздываетъ, тотъ не получить вѣнка“.

Затѣмъ онъ вновь и болѣе яркими красками описалъ собранію всѣ выгоды битвы въ узкомъ Саламинскомъ проливѣ и всѣ бѣдствія, которыя повлечетъ за собою отступленіе. Въ послѣднемъ случаѣ Греки должны будутъ принять сраженіе въ такомъ открытомъ мѣстѣ, гдѣ они могутъ быть окружены и уничтожены. Теперь всѣ греческіе корабли соединены въ одинъ сильный флотъ; а при отступленіи они могутъ раздѣлиться; такъ Эгиняне и Мегаряне первые уйдутъ чтобы спасти своихъ согражданъ отъ непріятельскаго нашествія. Адимантъ продолжалъ оспаривать Фемистокла и наконецъ замѣтилъ, что онъ даже не имѣетъ права участвовать въ совѣщаніи, потому что послѣ занятія Аттики Персами у него нѣтъ болѣе отечества въ Греціи. Тогда Фемистокль указалъ на свои 200 кораблей; они служатъ ему теперь болѣе великимъ отечествомъ, чѣмъ Коринѣ и всѣ другіе греческіе города. Въ заключеніе своей рѣчи онъ погрозилъ, что, въ случаѣ отступленія, Аѣнныне возьмутъ на корабли свои семейства и удалятся въ южную Италію, чтобы тамъ основать для себя новый городъ. Эта угроза произвела впечатлѣніе; ибо съ отдѣленіемъ аѣнской эскадры греческій флотъ терялъ всякую возможность бороться съ Персами. Эврибиадъ отдалъ приказъ остаться. Наступало уже утро, когда совѣтъ окончился приношеніями и молитвами богамъ о помощи. На островъ Эгину послана была трирема, чтобы привезти изображенія двухъ героевъ Эакидовъ, Аякса и Теламона, считавшихся покровителями острова.

Персидскій флотъ въ эту минуту уже не имѣлъ такого подавляющаго превосходства въ числѣ надъ Греками какъ при Артемизіѣ. Количество его военныхъ кораблей едва ли равнялось тысячѣ; между тѣмъ какъ Греки получили подкрѣпленія съ нѣкоторыхъ остро-

вовъ и съ западнаго берега Греціи. Аѣиняне исправили всѣ поврежденныя въ прежнихъ битвахъ суда и довели свой флотъ до 200 триремъ; все же количество кораблей въ союзномъ греческомъ флотѣ простиралось до 380. Однако въ теченіе наступившаго дня въ средѣ Грековъ снова возникли сомнѣнія, опасенія и разногласіе. Къ вечеру предводители опять собрались на совѣщаніе, и тутъ Пелопонесцы возобновили прежній споръ о томъ, должно ли оставаться въ Саламинскомъ проливѣ. Аѣиняне, Мегаряне, Эгиняне снова отстаивали рѣшеніе остаться.

Θемистоклъ видѣлъ, что, если дѣло дойдетъ до новаго голосованія, то противники его окажутся въ большинствѣ. Тогда онъ прибѣгъ къ военной хитрости, чтобы покончить съ вопросомъ. Подъ какимъ то предлогомъ онъ вышелъ изъ собранія, и тайкомъ отправилъ къ непріятелямъ своего вѣрнаго раба и наставника своихъ дѣтей Сикина, говорившаго по персидски. Рабъ отъ имени Θемистокла сообщилъ непріятельскимъ начальникамъ, что Греки въ ту же ночь собираются покинуть свою позицію, чтобы спастись отъ вѣрнаго пораженія и что между ними господствуютъ сильныя несогласія и распри. Повидимому это извѣстіе пришло какъ разъ послѣ принятаго на совѣтѣ у Ксеркса рѣшенія напасть на Грековъ. Когда царю донесли сообщеніе Θемистокла, Ксерксъ очень встревожился возможностью упустить изъ своихъ рукъ греческій флотъ, и онъ отдалъ приказъ кораблямъ своего праваго крыла немедленно продвинуться вдоль берега Аттики далѣе къ сѣверо-западу, ближе къ узкой части Саламинскаго пролива; а лѣвое крыло выдвинулось съ юговостока и заперло выходъ изъ пролива съ этой стороны. Кромѣ того лежавшій между Пиреемъ и Саламиномъ островъ Пситалея былъ занятъ отборнымъ персидскимъ отрядомъ. *) Сухопутное Персидское войско вытянулось вдоль сосѣдняго берега Аттики.

Межъ тѣмъ горячіе споры въ греческомъ совѣтѣ продолжались

---

*) Новѣйшіе писатели не всѣ одинаково понимали извѣстіе Геродота о томъ, какъ и гдѣ именно Персы заперли выходъ греческимъ судамъ. Нѣкоторые даже думали, что часть персидскаго флота съ юга обогнула островъ Саламинъ и стала въ Мегарійскомъ заливѣ. Но послѣднее несправедливо. См. объ этомъ вопросѣ Э р н ш т е д т а — „Саламинская битва“ въ Журн. М. Нар. Пр. 1882. Мартъ.

посреди глубокой ночи.Themistokлъ съ намѣреніемъ поддерживалъ ихъ и откладывалъ окончательное рѣшеніе, ожидая дѣйствія своей хитрости. Вдругъ его вызываютъ изъ собранія. Человѣкъ, желавшій съ нимъ говорить, былъ никто иной какъ прежній его соперникъ Аристидъ, который въ силу недавняго народнаго постановленія только что воротился изъ своей ссылки, съ острова Эгинны. Онъ первый возвѣстилъ Themistokлу, что выходъ греческаго флота изъ пролива запертъ персидскими судами, и что самъ онъ съ трудомъ пробрался на Саламинъ. Довольный тѣмъ, Themistokлъ просилъ Аристиду забыть прежнюю вражду и обоимъ дружно дѣйствовать на защиту отчизны. Онъ просилъ также, чтобы Аристидъ лично возвѣстилъ собранію привезенное имъ извѣстіе и тѣмъ бы покончилъ бесполезные теперь споры объ отступленіи. Пелопонесскіе начальники были непріятно поражены этимъ извѣстіемъ, и не хотѣли вѣрить даже самому Аристиду; но вслѣдъ затѣмъ прибылъ изъ непріятельскихъ рядовъ одинъ греческій корабль, перешедшій на сторону своихъ соотечественниковъ, и начальникъ его подтвердилъ извѣстіе. Тогда ничего болѣе не оставалось какъ приготовиться къ рѣшительной битвѣ. Тотчасъ всякіе споры и сомнѣнія были покинуты; всѣ греческіе начальники усердно занялись боевыми приготовленіями, и убѣждали воиновъ сражаться мужественно съ врагами, чтобы отстоять свое отечество и свои семьи отъ рабства. Аристиду было ввѣрено начальство надъ аѣинскими гоплитами, которыхъ поставили на берегу Саламина для защиты семействъ.

Къ утру прибыла изъ Эгинны священная трирема съ изображеніями Эакидовъ, и ея прибытіе сочтено добрымъ знакомъ для предстоящаго сраженія; ее поставили въ передней линіи на правомъ греческомъ крылѣ. На этомъ крылѣ стояли суда лакедемонскія, мегарскія и эгинскія. Противъ нихъ съ непріятельской стороны пришли суда іонійскихъ и карійскихъ Грековъ. Аѣиняне составили лѣвое крыло; они имѣли противъ себя Финикіянъ, т. е. лучшую часть персидскаго флота. Остальныя части той и другой стороны занимали центръ. Ксерксъ велѣлъ поставить свой тронъ на возвышенномъ мысу Эгіалейскомъ, откуда онъ могъ наблюдать всѣ обороты битвы; его окружали сановники и царскіе писцы, готовые записывать имена и подвиги отличившихся въ бою. Онъ думалъ, что Персы не уничтожили греческій флотъ при Артемизіѣ единственно по причинѣ его

личнаго отсутствія, а что теперъ на его глазахъ всё будутъ сражаться съ удвоенною храбростью и усердіемъ.

Настало утро 19 боедроміона (20 сентября) 480 года, день знаменитой Саламинской битвы. Греки съ обычнымъ своимъ военнымъ напѣвомъ (пеанъ) двинулись впередъ; Персы также отвѣчали воинственными кликами. Въ виду многочисленнаго бодрого непріятеля нерѣшительность еще разъ овладѣла Греками, и они вдругъ стали грести назадъ, не оборачивая однако кораблей. Примѣръ отваги подалъ аѳинянинъ Аменіасъ (братъ поэта Эхшила), который съ своею триремою вдругъ понесся впередъ, и корабельнымъ носомъ вонзился въ одно финикійское судно. Съ обѣихъ сторонъ поспѣшили на помощь товарищамъ, и скоро сраженіе сдѣлалось общимъ. Обѣ стороны бились съ одинаковымъ мужествомъ и упорствомъ: Грековъ одушевляло присутствіе ихъ женщинъ и дѣтей, смотрѣвшихъ съ Саламинскаго берега на битву; а непріятелей возбуждало присутствіе ихъ повелителя, возсѣдавшаго на Эгіалейскомъ мысу. Но мало по малу начали обнаруживаться невыгодныя условія персидскаго флота, изъ которыхъ главное была тѣснота мѣста, недозволявшая ему свободно двигаться. Переднія линіи не могли подаваться назадъ, а заднія выступать впередъ; ихъ корабли непрерывно натыкались другъ на друга, обламывали себѣ рули и получали другія поврежденія. Кромѣ того персидскій флотъ страдалъ очевиднымъ недостаткомъ единства, порядка и дисциплины; каждая подчиненная Персамъ народность заботилась только о себѣ, и какая либо эскадра, подвергшаяся неудачѣ, не получала поддержки отъ другихъ эскадръ. Главный адмиралъ Ахемень, палъ, храбро обороняясь отъ двухъ аѳинскихъ триремъ, сцѣпившихся съ его кораблемъ. Послѣ того общій порядокъ окончательно разстроился. Аѳиняне наконецъ прорвали правое непріятельское крыло; Финикійяне хотѣли отступить къ Фалерской гавани; но Эгиняне, послѣ Аѳинянъ наиболѣе отличившіеся, отрѣзали это отступление, и финикійскіе корабли потѣнили собственный центръ, гдѣ стояли Кипріоты и Киликійцы.

Крики и стоны утопавшихъ увеличивали смятеніе; море покрылось трупами и обломками кораблей. Особенно много погибало Персовъ и Мидянъ, которые размѣщены были на корабляхъ и не умѣли плавать; тогда какъ Греки были отличные пловцы и легко спа-

сались на берегъ Саламина. Какъ скоро судьба морскаго сраженія повернулась въ пользу Грековъ, Аристидъ посадилъ на лодки часть своихъ гоплитовъ; высадился на островъ Пенталею, и истребилъ тамъ весь отборный персидскій отрядъ, послѣ храбраго сопротивленія. Вообще рассказываютъ многіе отдѣльные примѣры подвиговъ, оказанныхъ въ этомъ сраженіи съ той и другой стороны. Между персидскими предводителями особенно отличилась галикарнасская начальница Артемизія. Помянутый аѳинянинъ Аменій устремился на ея корабль. Тогда Артемизія приказала ударить носомъ на ближнее карійское судно, и потопила его со всѣмъ экипажемъ. Аменій подумалъ, что это союзное судно, и, миновавъ его, устремился на другое. Такимъ образомъ онъ упустилъ случай получить награду, которую Аѳиняне назначали тому, кто возьметъ въ плѣнъ галикарнасскую царицу. Въ то же время и Ксерксъ былъ введенъ въ заблужденіе этою находчивостью Артемизіи. Ему также донесли, что она потопила непріятельскій корабль, и онъ воскликнулъ: «Мои женщины сдѣлались мужами, а мои мужи женщинами!»

Потери были велики съ обѣихъ сторонъ. Греки лишились сорока триремъ; но Персы потеряли до двухсотъ военныхъ кораблей и множество народа. При видѣ полного пораженія своего флота, Ксерксъ рвалъ на себѣ волосы и одежды отъ гнѣва и горести. Особенно его гнѣвъ обрушился на Финикіянь, на которыхъ онъ болѣе всего рассчитывалъ; нѣкоторымъ начальникамъ ихъ кораблей, прежде всѣхъ обратившимся въ бѣгство, онъ велѣлъ отрубить головы. Но тогда и многіе другіе финикійскіе начальники, опасаясь той же участи, въ ту же ночь ушли съ своими кораблями въ отечество. Хотя при всѣхъ потеряхъ у Ксеркса остался еще флотъ, превосходившій числомъ Грековъ, а сухопутное его войско было еще цѣло и страшно по прежнему; однако какъ истый азіатскій деспотъ, высокомерный во время счастья и малодушный при неудачѣ, персидскій царь потерялъ голову послѣ Саламинской битвы, и не зналъ, что предпринять. Чтобы скрыть свое душевное состояніе, онъ велѣлъ было строить изъ судовъ мостъ на Саламинъ, какъ бы намѣреваясь занять его сухопутнымъ войскомъ. Но скоро имъ овладѣло опасеніе за собственную безопасность. Онъ сталъ подозрительно смотрѣть на Іонянъ. Хотя они храбро сражались при Саламинѣ; тѣмъ не менѣе другія народности, напримѣръ Финикіяне, сваливали на нихъ главную вину пораженія. Ксерксу

стала чудиться вездѣ измѣна. Особенно онъ боялся, чтобы Греки не разрушили мостовъ на Геллеспонтѣ, и тѣмъ не отрѣзали ему возвращеніе въ Азію. Царь началъ опасаться, чтобы и въ самой Азіи разныя покоренные народы не воспользовались его отсутствіемъ и неудачей, и не возстали.

Такимъ настроеніемъ Ксеркса воспользовался Мардоній, который болѣе всѣхъ долженъ былъ бы поплатиться за неудачный походъ, предпринятый по его настоянію. Онъ представилъ царю, что его присутствіе въ Азіи гораздо нужнѣе, и постарался еще усилить его боязнь за свою безопасность. Что же касается до Греціи, то Мардоній утѣшалъ Ксеркса тѣмъ, что двѣ трети ея царь уже покорилъ самъ лично, а для покоренія остальной части достаточно оставить ему, Мардонію, 300.000 воиновъ, и за успѣхъ онъ ручался. Ксерксъ послѣдовалъ этому совѣту. Онъ приказалъ своему флоту плыть прямо къ Геллеспонту, а съ сухопутнымъ войскомъ двинулся обратно на сѣверъ. Въ Фессалии онъ раздѣлилъ войско: отборную часть его оставилъ Мардонію, а съ остальными полчищами продолжалъ обратный походъ. Этотъ походъ по Македоніи и Фракіи былъ очень тяжелъ при наступившей осенней погодѣ и сильномъ недостаткѣ продовольствія. Устроенные въ приморскихъ городахъ магазины были теперь пусты, а окрестныя области опустошены еще при первомъ походѣ. Воины тысячами умирали отъ болѣзней и голода. Наконецъ послѣ полутора мѣсячнаго похода Ксерксъ достигъ Геллеспонта. Мосты были уже прорваны бурей, и войско переправилось съ помощью флота. Отъ Геллеспонта Ксерксъ послалъ назадъ къ Мардонію 60.000 Мидянъ подъ начальствомъ Артабаза. Затѣмъ часть своихъ полчищъ онъ распустилъ по домамъ, а съ остальнымъ войскомъ поспѣшилъ въ Сарды, гдѣ снова расположился, на зимнія квартиры.

Когда Греки узнали объ удаленіи персидскаго флота изъ Фалерской гавани, они гнались за нимъ до острова Андроса, но не могли настичь. Фемистоклъ и Аѣиняне хотѣли плыть къ Геллеспонту и разрушить тамъ мосты, чтобы отрѣзать отступленіе персидскому царю. Но Эврибиадъ и Пелопонесцы воспротивились такому намѣренію, говоря, что напротивъ пребываніе царя въ Греціи опаснѣе для нея, чѣмъ его отсутствіе. Фемистоклъ не только согласился съ этимъ и отговорилъ Аѣинянъ, но и вновь послалъ тайкомъ своего

раба Сикина въ персидскій станъ донести Ксерксу, что, только благодаря ему,Themistocle, Греки покинули намѣреніе разрушить мосты и оставляютъ царю свободный путь въ Азію. Это сообщеніе побудило царя ускорить свой отъѣздъ. Такимъ образомъ, будучи главнымъ виновникомъ пораженія Персовъ при Саламинѣ, Themistocle съумѣлъ приобрести расположеніе Ксеркса; чѣмъ и воспользовался въ послѣдствіи, въ годы своего изгнанія.

Дальнѣйшая судьба этого великаго государственнаго человѣка имѣетъ много сходнаго съ судьбою Мильтиада. Какъ тотъ послѣ побѣды при Мараонѣ бросилъ тѣнь на свою славу неудачнымъ походомъ противъ острова Пароса; такъ и Themistocle повредилъ себѣ неудачною осадю Андроса, съ котораго потребовалъ большую денежную пеню за то, что этотъ островъ оказывалъ помощь Персамъ. Во время осады Андроса Themistocle посылалъ еще отряды, которые насиліями выжимали пени съ нѣкоторыхъ сосѣднихъ острововъ.

Только по возвращеніи изъ этого похода Греки начали торжествовать свою побѣду надъ Персами и совершать благодарственныя приношенія богамъ изъ военной добычи. Изъ кораблей, взятыхъ у непріятеля, три финикійскія триремы были посвящены: одна Аяксу Саламинскому, другая Аѣнѣ Сунійской, третья Посейдону Истмійскому. Аполлону въ Дельфахъ принесена въ даръ отлитая на счетъ общей добычи бронзовая колоссальная статуя, представлявшая эллинскаго мужа, который держалъ корабельный носъ. Кромѣ того Эгиняне, получившіе за Саламинское сраженіе такъ наз. награду храбрости, посвятили Аполлону мѣдную мачту съ тремя золотыми звѣздами. Въ этомъ присужденіи Эгинянамъ первой награды за храбрость сказала зависть нѣкоторыхъ греческихъ государствъ къ Аѣнѣянамъ, которые при Саламинѣ выказали несомнѣнное первенство надъ всѣми другими Греками.

Далѣе, собравшіеся на Истмѣ предводители постановили еще, кромѣ награды за храбрость, раздать первую и вторую награду за искусство и мудрость. Каждый изъ нихъ положилъ два имени на алтарѣ Посейдона. Когда прочли эти имена, оказалось, что каждый предводитель присудилъ первую награду самому себѣ, а вторую Themistocle. За неимѣніемъ большинства голосовъ никто не получилъ первой награды; а безъ нея не была назначена и вторая; такимъ образомъ Themistocle ея не получилъ. Только Спартанцы почтили его заслуги.

Когда вскорѣ за тѣмъ онъ посѣтилъ Спарту, они поднесли ему такой же оливковый вѣнокъ, какой дали Эвребіаду; кромѣ того подарили ему самую красивую колесницу своего города; а при его отъѣздѣ 300 избранныхъ спартиатскихъ юношей верхомъ составили ему почетную стражу, и проводили его до Тегейской границы; такой чести не удостоивался отъ Спарты никто другой изъ Эллиновъ. Но Аѣиняне, хорошо знавшіе о нерасположеніи къ нимъ Спарты, подозрительно смотрѣли на подобное чествованіеThemistocle. Вообще собственные сограждане мало оцѣнили его заслуги; они были недовольны его поведеніемъ на Андросѣ и тѣмъ, что онъ удержалъ ихъ отъ Геллеспонтскаго похода, слѣдствіемъ котораго могло быть новое возстаніе Малоазіатскихъ Грековъ противъ персидскаго владычества. Громкая слава, прибрѣтенная тогда Themistocle, еще болѣе заставила Аѣинянъ опасаться какихъ либо честолюбивыхъ замысловъ съ его стороны. Вслѣдствіе этихъ побуждецій при выборахъ на слѣдующій годъ онъ не былъ избранъ въ число аѣинскихъ стратеговъ. Начальство надъ аѣинскимъ флотомъ получилъ Ксантппъ, а надъ сухопутнымъ войскомъ Аристидъ.

VI.

ПЕРИКЛЬ И ПОВОДЫ КЪ ПЕЛОПОНЕССКОЙ ВОЙНѢ *).

Усмиреніе Самоса.—Изящныя сооруженія.—Непрочность Аѣинскаго могущества.—Козни Перикловыхъ противниковъ.—Отношенія союзовъ Аттическаго и Пелопонесскаго.—Коринѣзъ, Коркира и Эпидамнъ.—Борьба Коринѣязъ съ Коркирянами.—Внимательство Аѣинянь.—Морская битва около Коркиры.—Возстаніе Потидеи противъ Аѣинянь.—Вопросъ о войнѣ въ народныхъ собраніяхъ Спарты и Аѣинъ.—Рѣчь Перикла.

Въ 445 г. до Р. Х. окончилась первая война Аѣинянь съ Спартою и ея союзниками такъ называемымъ Перикловымъ миромъ, заключеннымъ на тридцать лѣтъ. Для Аѣинъ наступило время отдыха. Онъ былъ прерванъ только возстаніемъ богатаго, торговаго острова Самоса, который отложился отъ Аѣинскаго союза. Около двухъ лѣтъ продолжалось это возстаніе; хотя и съ большими усиліями, но оно было наконецъ подавлено подъ личнымъ начальствомъ Перикла (въ 440 г.). Самосцы понесли суровое наказаніе: стѣны ихъ города были разрушены, корабли отняты и на нихъ наложена большая денежная пеня. Когда побѣдоносное войско и флотъ воротились въ Аѣины, въ честь павшихъ гражданъ устроено было обычное погребальное торжество въ аѣинскомъ предмѣстьѣ Керамикѣ, гдѣ находилось городское кладбище. Почетная обязанность сказать поминальную рѣчь о павшихъ товарищахъ была возложена на самого полководца, т. е. на Перикла. Онъ исполнилъ эту обязанность съ такимъ успѣхомъ и такъ растрогалъ слушателей,

*) Главные источники для этой главы суть первая книга Фукидида и біографія Перикла у Плутарха. Пособія тѣже что въ предыдущей главѣ, т. е. Гротъ, Курціусъ, Герцбергъ и пр. Изъ русскихъ монографій: „Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла“—П. Люперсольскаго Кіевъ. 1877.

что, когда сходилъ съ ораторской каѳедры, женщины, собравшіяся погребать своихъ родственниковъ, привѣтствовали его и увѣнчали лаврами подобно побѣдителю на общественныхъ играхъ. Только сестра политическаго его противника, покойнаго вождя аристократической партіи Кимона, по имени Эльпиника, сказала ему съ горечью: «Ты заслужилъ вѣнокъ за то, что многихъ нашихъ храбрыхъ гражданъ отправилъ въ могилу, и не такъ какъ мой братъ въ битвахъ съ Финикіянами и Персами, а ради порабощенія союзнаго греческаго города». Периклъ улыбнулся, назвалъ ее старой дурой и отвѣтилъ ей ѣдкимъ стихомъ изъ сатирика Архилоха.

Подчиненіе такого важнаго города какъ Самось, котораго флотъ дотогѣ соперничалъ съ аѳинскимъ, это подчиненіе Аѳиняне поставили Периклу въ великую заслугу, и съ той поры его вліяніе еще усилилось. У него не было болѣе противниковъ, которые могли бы съ нимъ бороться. По смерти Кимона аристократическая или консервативная партія попыталась выставить противъ Перикла нѣкоего Фукидида, который былъ отличнымъ ораторомъ и краснорѣчиво нападалъ въ народномъ собраніи на всѣ мѣры, предлагаемыя Перикломъ, а также на огромныя издержки по поводу затѣянныхъ имъ построекъ. Но вліяніе Перикла превозмогло, и Фукидидъ посредствомъ остракизма былъ осужденъ на изгнаніе.

Наступившимъ спокойнымъ періодомъ и своимъ почти неограниченнымъ вліяніемъ на дѣла Периклъ воспользовался, чтобы довершить развитіе демократическихъ учрежденій въ Аѳинахъ и украшеніе города великолѣпными зданіями, а также чтобы упрочить его обширныя приморскія владѣнія поселеніями аѳинскихъ гражданъ (клеруховъ) и основаніемъ новыхъ колоній. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательнъ городъ Амфиполь, построенный на еракійско-македонскомъ берегу, на низовьяхъ рѣки Стримона.

Почти всѣ подобныя предпріятія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и Аѳины въ это время достигли высокой степени процвѣтанія. Онѣ сдѣлались средоточіемъ всей греческой образованности, и это значеніе сохранилось за ними на долгое время, несмотря на послѣдующіе перевороты и бѣдствія. Религіозныя празднества и театральныя представленія, поощряемыя Перикломъ, сообщали новый толчекъ драматическому искусству и поэзіи; во главѣ греческой драмы явился тогда гениальный Софокль. Подъ покровитель-

ствомъ Перикла собирались въ Аѣины представители разныхъ философскихъ направленій и системъ; столкновеіе и обмѣнъ ихъ разнообразныхъ идей произвелъ здѣсь расцвѣтъ греческой философіи, въ особенности обработанной трудами Сократа и его послѣдователей. Публичныя пренія въ сенатѣ, народномъ собраніи и дикастеріяхъ (т. е. въ судахъ присяжныхъ) развили въ полномъ блескѣ ораторское искусство, образцомъ котораго служилъ самъ Периклъ.

Изящныя постройки, предпріятыя Перикломъ, дали сильный толчекъ греческимъ образовательнымъ искусствамъ, т. е. архитектурѣ, ваѣнію и живописи, и привлекли въ Аѣины художественные таланты, во главѣ которыхъ сталъ гениальный Фидій. Уже Кимонъ сдѣлалъ многое для украшенія Аѣинъ и для городскихъ укрѣпленій. Периклъ докончилъ его начинанія и совершилъ нѣсколько новыхъ сооружений. Онъ сосредоточилъ художественную дѣятельность главнымъ образомъ на украшеніи аѣинскаго Акрополя, который наполнился дивными произведеніями греческаго искусства. Великолѣпные храмы Эрехтейонъ и Партеонъ, статуи Аѣины-Воительницы (Промяхось), и Аѣины-Дѣвственницы (Партенось) и портики Промилеевъ сдѣлались надолго неподражаемыми памятниками этой эпохи. Въ Акрополя, въ нижнемъ старомъ городѣ кѣ подобнымъ же памятникамъ относится изящный мраморный храмъ Тезея. Такъ какъ трудно было передѣлать этотъ старый городъ съ его узкими, кривыми улицами, то Периклъ послѣ Акрополя обратилъ наибольшее вниманіе на аѣинскую гавань, т. е. Пирей, и перестроилъ его заново, такъ что онъ превратился въ красивый городъ съ большими площадями, прямыми улицами и просторными галлереями. Широкая набережная окаймляла бухту, въ которой, кромѣ военныхъ кораблей, толпились многочисленныя торговыя суда съ произведеніями Фракіи, Македоніи, Скиѣи, Малой Азіи, Африки, Италіи, Сициліи и пр. Периклъ, по примѣру Кимона, обратилъ также вниманіе на украшеніе аѣинскихъ окрестностей разведеніемъ цвѣтущихъ садовъ и платановыхъ рощъ, сооруженіемъ небольшихъ храмовъ, а также расширеніемъ или перестройкою загородныхъ гимназій, каковы Академія, Ликей и Киносарга. Послѣднія служили не только для гимнастическихъ упражненій, но также были пріютомъ для философовъ и учителей краснорѣчія съ ихъ слушателями.

Стараясь сдѣлать Аѣины самымъ богатымъ и самымъ украшен-

нымъ городомъ въ цѣломъ Греческомъ мѣрѣ, Периклъ не упускалъ изъ виду и его крѣпости, т. е. его безопасности отъ внѣшнихъ непріятелей. Онъ довершилъ городскія стѣны и другія укрѣпленія, начатыя еще Ѳемистокломъ и Кимономъ; укрѣпилъ Пирей, и докончилъ двѣ «длиныя стѣны», соединившія эту гавань съ Аѣинами; мало того, къ двумъ стѣнамъ онъ присоединилъ еще третью длинную стѣну, которою было ограждено пространство между Пиреемъ и Фалерскою гаванью. Аѣины съ того времени стали не только самымъ красивымъ, но едва ли не самымъ крѣпкимъ городомъ Греціи. Сильный флотъ служилъ имъ надежною защитою съ моря.

Но какъ ни высоко повидимому стояли процвѣтаніе этого города и могущество Аѣинскаго государства при Периклѣ; однако, для внимательнаго наблюдателя, въ государственномъ бытѣ и учрежденіяхъ Аѣинъ замѣтны были такія стороны и условія, которыя не предвѣщали прочности и долготѣія этому процвѣтанію и могуществу.

Сокращеніе правъ такого древняго учрежденія съ охранительнымъ характеромъ какъ Ареопагъ и ничѣмъ отнынѣ неограниченная власть народнаго собранія подвергали государство опасности частыхъ колебаній и перемѣнъ; ибо рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ нерѣдко зависѣло отъ случайнаго настроенія впечатлительнаго аѣинскаго демоса.

Участвуя постоянно въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ посредствомъ народнаго собранія, присутствуя при веденіи всевозможныхъ судебныхъ процессовъ, въ качествѣ геліастовъ или присяжныхъ, посѣщая превосходныя драматическія представленія, аѣинскіе граждане, и даже самыя бѣдныя изъ нихъ, имѣли полную возможность развивать свои умственныя способности, приобрѣтать разнообразныя свѣденія и опытность въ дѣлахъ общественныхъ. Но, какъ и всякая толпа, они нуждались въ руководителяхъ, въ демагогахъ. А потому, что бы дѣла шли хорошо, требовались постоянно такіе великіе государственные умы какъ Ѳемистоклъ или Периклъ; но великіе люди всегда и вездѣ встрѣчаются нечасто. Пока самъ Периклъ стоялъ во главѣ народа, онъ сдерживалъ его отъ разныхъ увлеченій и рискованныхъ предпріятій. Нетаковы были его преемники, которые старались льстить самолюбію аѣинской толпы, возбуждали въ ней дурныя страсти, вызывали непослѣдовательныя перемѣны въ законахъ и завлекали въ опасныя предпріятія (напр. Клеонъ и Адквивадъ). Получая изъ государствен-

ной казны плату за участіе въ народномъ собраніи и въ судебныхъ засѣданіяхъ, мало того, пользуясь денежнымъ пособіемъ для посѣщенія театра, даже и бѣдные граждане мало по малу отставали отъ трудолюбивой жизни, отъ физическаго труда (богатыхъ избавляли отъ того ихъ рабы). Вообще граждане привыкали проводить время въ праздномъ пребываніи на площадяхъ и рынкахъ, въ толкахъ и спорахъ о правленіи, въ собираніи новостей, въ слушаніи не всегда благоразумныхъ рѣчей и т. п. Въ то же время союзники аѣинскіе, хотя и подчинялись господству Аѣинъ, особенно послѣ неудачнаго возмущенія Самоса; но въ средѣ ихъ существовало недовольство этимъ подчиненіемъ, и въ особенности потому, что они лишились права вершить у себя дома наиболѣе важныя судебныя дѣла, а должны были для того являться въ аѣинскіе суды. Многіе союзники съ завистью смотрѣли и на то, что собираемая съ нихъ союзная казна перенесена была изъ Дельфъ въ Аѣины и частію расходовалась не на военныя силы союза, а на украшеніе этого города.

Въ самомъ городѣ Аѣинахъ консервативная или аристократическая партія никогда не могла помириться съ рѣшительнымъ вліяніемъ Перикла на государственныя дѣла, и пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, что бы возбуждать противъ него общественное мнѣніе. Всѣмъ извѣстное безкорыстіе и безупречное поведеніе Перикла не давали возможности обвинить его въ чемъ либо прямо и открыто. Поэтому враги обратили свои обвиненія противъ самыхъ близкихъ ему людей, именно Аспазіи, Анаксагора и Фидіа. Несчастливый въ первомъ своемъ бракѣ, Периклъ, благодаря греческой свободѣ разводовъ, разстался съ своею супругою, выдалъ ее замужъ за другаго человѣка; а къ себѣ взялъ извѣстную Аспазію. Она была родомъ изъ малоазіатскаго города Милета, отличалась красотою, остроуміемъ, начитанностію, и вела открытый образъ жизни, т. е. собирала у себя кружокъ друзей и знакомыхъ; что соотвѣтствовало болѣе свободнымъ нравамъ іонійскихъ колоній; но не было дотолѣ въ обычаѣ у Аѣинянъ, у которыхъ женщины вели болѣе строгую, болѣе уединенную жизнь въ своемъ отдѣленіи дома (въ гинекеѣ) и мало участвовали въ обществѣ мужчинъ. Отъ Аспазіи Периклъ имѣлъ сына, носившаго его имя. Но у него было еще отъ первой жены два сына, Ксантиппъ и Паралъ; изъ нихъ старшій, т. е. Ксантиппъ, наклонный къ удовольствіямъ и расточительности и недовольный отцомъ

за его экономію, распространялъ разныя сплетни на счетъ домашней жизни его и Аспазіи. Нѣкоторые комическіе писатели, принадлежавшіе къ противной партіи, пользовались подобными сплетнями и въ своихъ произведеніяхъ подвергали насмѣшкамъ Перикла и Аспазію: послѣднюю сравнивали, напримѣръ, съ Омфалою, которая будто бы заставляла рядиться женщиной и прятать у своихъ ногъ аѳинскаго Геркулеса (т. е. Перикла). Наконецъ одинъ изъ этихъ писателей не ограничился насмѣшками, и обвинилъ передъ судомъ дикастовъ Аспазію въ безнравственности и безбожій. Такое же обвиненіе въ безбожій было представлено противъ философа Анаксагора, друга и постоянного собесѣдника Перикла и Аспазіи. Обвиненіе это считалось столь важнымъ, что Периклъ, зная настроеніе дикастовъ, не рѣшился защищать Анаксагора, и послѣдній спасся бѣгствомъ. Но для защиты любимой подруги Периклъ самъ выступилъ передъ судомъ присяжныхъ, и употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы спасти ее (по словамъ Плутарха онъ даже прибѣгъ къ слезамъ, чтобы тронуть судей); что ему и удалось.

Не такъ счастливъ былъ третій близкій ему человекъ, великій художникъ Фидій. Обвиненіе въ утайкѣ нѣкоторой части золота, употребленнаго на одежду его знаменитой статуи Аѳины-Дѣвственницы, онъ легко опровергъ; ибо по совѣту предусмотрительнаго Перикла отлилъ одежду такъ, что ее можно было снять и взвѣсить. Но гораздо серьезнѣе оказалось другое взведенное на него обвиненіе, именно въ святотатствѣ: на одномъ изъ фризозъ Партеонскаго храма онъ изобразилъ въ числѣ рельефовъ поясныя фигуры Перикла и свою собственную. Брошенный въ тюрьму, Фидій (по извѣстію Плутарха) умеръ въ ней еще до судебнаго рѣшенія.

Периклъ съ твердостью и мужествомъ переносилъ всѣ эти козни своихъ политическихъ противниковъ. Но его сильно заботила все болѣе и болѣе возрастающая для роднаго города опасность со стороны Лакедемона.

По мѣрѣ усиленія и процвѣтанія Аѳинъ росла и зависть къ нимъ Спарты; она не могла простить Аѳинянамъ утрату той полной гегемоніи, которою пользовалась во время нашествія Персовъ. Греція теперь все болѣе и болѣе распадалась на два могущественные союза: Аттическій и Пелопонесскій. Къ первому союзу принад-

лежали преимущественно острова и береговые города; во главѣ его стояли Аѣины, и онъ господствовалъ на морѣ, благодаря своему многочисленному флоту. Второй союзъ, находившійся подъ гегемоніей Спартанцевъ, заключалъ въ себѣ почти весь Пелопонесъ и большую часть Средней Греціи; онъ былъ силенъ своимъ сухопутнымъ, тяжелооруженнымъ войскомъ, т. е. гоплитами. Силы Пелопонесскаго союза были сосредоточены; онъ представлялъ болѣе сплоченное единство; тогда какъ владѣнія и союзники Аѣинянъ были широко разбросаны по Эгейскому морю. Притомъ союзники послѣднихъ отчасти тяготились ихъ господствомъ и не были такъ надежны, какъ союзники Спарты, добровольно подчинявшіеся ей изъ зависти къ аѣинской цвѣтущей торговлѣ или изъ вражды къ демократическому направленію. Аѣиняне старались вездѣ покровительствовать этому направленію, т. е. поддерживали народъ или простыхъ гражданъ противъ знатныхъ, аристократическихъ фамилій, которыя издревле привыкли властвовать и заправлять общественными дѣлами. Отсюда постепенно разгоралась ненависть противъ Аѣинъ со стороны тѣхъ греческихъ государствъ, въ которыхъ преобладала аристократія *).

Взаимныя отношенія двухъ великихъ союзовъ все болѣе и болѣе становились натянутыми, такъ что не представлялось почти вѣроятности на сохраненіе Тридцатилѣтняго перемирія до истеченія срока. Греки чувствовали, что малѣйшій поводъ можетъ вы-

---

*) При этомъ не надобно забывать, что аѣинская и вообще греческая демократія не совсѣмъ то же, что подъ этимъ словомъ разумѣется въ наше время. Теперь въ Европѣ слово *народъ* означаетъ не одно дворянство (и духовенство), но объимаетъ и все населеніе, т. е. со включеніемъ городского класса (третьяго сословія) и со включеніемъ крестьянства (четвертаго сословія). У Грековъ демосъ, участвовавшій въ народномъ собраніи, состоялъ только изъ коренныхъ, полноправныхъ гражданъ. Таковыхъ въ Аѣинахъ считалось до 20.000; тогда какъ населеніе города простиралось до 180.000 человекъ обоего пола; а все населеніе Аттики — до полумилліона. Но большинство этого населенія были рабы или люди несвободные, совсѣмъ не имѣвшіе гражданскихъ правъ, назначавшіеся въ услуженіе гражданамъ или для обработки ихъ земель. А затѣмъ часть жителей составляли такъ наз. *метекы*, занимавшіеся ремеслами торговлей, люди лично свободные, но не участвовавшіе въ правленіи и недопускаемые къ общественнымъ должностямъ. Они соответствовали нашему среднему или городскому сословію. Слѣдовательно сами аѣинскіе граждане хотя были раздѣлены на бѣдныхъ и богатыхъ, знатныхъ и незнатныхъ; но по отношенію къ остальному населенію они составляли привилегированное или высшее сословіе т. е. родъ аристократіи.

звать страшное столкновение, и потому многие государственные люди старались устранять поводы, что бы отдалить по возможности это столкновение, грозившее охватить всю Грецію. Такъ Самосцы во время своего возстанія противъ Аѣинъ обратились съ просьбою о помощи къ Спатрѣ и ея союзникамъ. Для обсужденія этой просьбы Спартанцы устроили особое совѣщаніе совмѣстно съ своими союзниками. Часть послѣднихъ высказалась въ пользу помощи; но противъ нарушенія мира энергически возстали Коринѣяне, которые даже признали за Аѣинянами полное право усмирять непокорныхъ членовъ своего союза. Тогда просьба Самосцевъ была отвергнута, и Аѣины, употребившія большія усилія для подавленія возстанія, благодаря Коринѣянамъ, спаслись отъ великой опасности. Но этимъ роковое столкновение было отсрочено только лѣтъ на семь. И тѣже Коринѣяне потомъ явились почти главными зачинщиками Пелопонесской войны.

КоринѢъ былъ издревле богатый городъ, славившійся своимъ флотомъ, морскою торговлею и многочисленными колоніями. Прежде онъ даже первенствовалъ на морѣ между всѣми греческими приморскими государствами. Но со времени Персидскихъ войнъ, когда могущество Аѣинъ стало быстро возрастать, КоринѢъ принужденъ былъ занять второе послѣ нихъ мѣсто, и конечно съ завистью смотрѣлъ на это возраставшее могущество и на образование Аттическаго союза. Видя, что его колоніи и торговля на Эгейскомъ морѣ постепенно переходятъ въ руки Аѣинянъ, Коринѣяне стали заботиться о томъ, что бы сохранить по крайней мѣрѣ свое господство на западномъ или Ионическомъ морѣ, вдоль береговъ котораго были разсѣяны многія его колоніи и союзники; такъ что КоринѢъ въ этой сторонѣ былъ главою особаго морскаго союза. Означенныя заботы и были главною причиною, почему Коринѣяне горячо воспротивились помянутой просьбѣ Самосцевъ о помощи. Они знали, что въ случаѣ войны съ Аѣинами прежде всего грозитъ опасность торговлѣ и колоніямъ коринѣскимъ, такъ какъ КоринѢъ былъ единственнымъ морскимъ государствомъ въ Пелопонесскомъ союзѣ. Они опасались вмѣшательства Аѣинъ въ дѣла собственнаго, т. е. Коринѣскаго, Союза; потому избѣгали рѣшительнаго столкновения съ своими сильными соперниками на морѣ, и поддерживали право

каждой метрополіи умирять непокорныхъ союзниковъ. Но столкновение пришло само собою.

Въ числѣ западныхъ коринѣскихъ колоній находился городъ Коркира, на островѣ того же имени. Благодаря своему выгодному положенію между Греціей, Иллиріей и Италіей, Коркиряне разбогатѣли торговлею, и такъ усилились, что могли выставить флотъ въ 120 кораблей. Богатство и сила сдѣлали ихъ надмѣнными; они перестали оказывать должное уваженіе своей метрополіи и даже стали заводить распри съ Коринѣомъ по поводу нѣкоторыхъ колоній, основанныхъ съ ними сообща.

На приморскомъ берегу Иллиріи въ землѣ народа Тавлантовъ, на выдающемся въ море небольшемъ полуостровѣ былъ основанъ Коркирянами городъ Эпидамнъ (переименованный потомъ у Римлянъ въ Диррахіумъ). При его основаніи, слѣдую древнимъ греческимъ обычаямъ, предводителя для отправлявшихся колонистовъ (ὄγκιστα) Коркиряне призвали изъ своей метрополіи, т. е. Коринѣа; съ нимъ прибыли нѣкоторые коринѣскіе поселенцы. Такимъ образомъ Эпидамнъ былъ собственно колонія Коркирянъ; но въ тоже время онъ находился въ сыновнихъ, почтительныхъ отношеніяхъ къ Коринѣу. Благодаря торговлѣ съ туземными народами, Эпидамнъ скоро пришелъ въ цвѣтущее состояніе; онъ управлялся олигархіей, т. е. во главѣ правленія стало нѣсколько знатныхъ семействъ. Но возникшія войны съ сосѣдями подняли сословіе простыхъ гражданъ; внутри города произошли распри, которыя окончились изгнаніемъ олигарховъ и утвержденіемъ демократіи.

Изгнанные олигархи соединились съ сосѣдними Иллирами, и осадили Эпидамнъ съ суши и съ моря. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи граждане обратились съ просьбою о помощи въ свою метрополію, т. е. въ Коркиру. Ихъ послы явились въ коркирскомъ храмѣ Геры и помѣстились у алтаря богини въ качествѣ ищущихъ ея заступничества. Они умоляли о посредничествѣ между ихъ городомъ и олигархами и о военной помощи противъ Иллировъ. Но эпидамнскіе аристократы происходили отъ коркирскихъ колонистовъ, и имѣли здѣсь родственниковъ. Просьба о помощи была отвергнута. Тогда Эпидамняне отправили посольство въ Коринѣю, откуда колонисты получили своего предводителя или ὄγκиста. Коринѣяне обрадовались

случаю унижить свою непокорную колонию Коркиру и упрочить за собою такой важный приморскій пунктъ какъ Эпидамнъ. Они послали ему вспомогательное войско и новыхъ колонистовъ для поселенія. Городъ освободился отъ осады. Но тогда эпидамнскіе олигархи также обратились въ Коркиру, и здѣсь надъ могилами своихъ предковъ въ свою очередь умоляли о помощи. Коркиряне, считавшіе несправедливымъ такое насильственное вмѣшательство Коринѳа въ дѣла ихъ колоніи, дали олигархамъ корабли и войско; такъ что Эпидамнъ опять очутился въ тѣсной осадѣ. Услыхавъ о томъ, Коринѳяне рѣшили предпринять новый походъ, въ значительныхъ силахъ, уже на выручку собственныхъ колонистовъ и своего гарнизона въ Эпидамнъ. Такимъ образомъ въ данномъ столкновеніи произошли обратныя отношенія этихъ двухъ городовъ къ ихъ главному направленію: Коринѳъ, будучи аристократическаго характера, сталъ на сторону эпидамнской демократіи; а Коркира, имѣвшая демократическія учрежденія, приняла подъ свое покровительство олигарховъ.

Напрасно Коркиряне старались отвлечь бурю переговорами и предлагали выбрать третейскимъ судьей кого либо изъ нелопонесскихъ городовъ или Дельфійскаго оракула, чтобы рѣшить споръ о томъ, кому изъ нихъ Эпидамнъ принадлежитъ какъ колонія. Коринѳяне зашли уже слишкомъ далеко въ своихъ приготовленіяхъ, чтобы ждать третейскаго рѣшенія. Они отправили къ Эпидамну 75 кораблей и 2500 голлитовъ, а напередъ послали герольда въ Коркиру съ объявленіемъ войны. Коркиряне съ своей стороны выставили въ море 80 триеръ (остальные 40 изъ 120 осаждали Эпидамнъ). Границею своихъ водъ съ юга они считали Амвракійскій заливъ. Здѣсь у мыса Актія встрѣтилъ Коринѳянь въ маленькой лодкѣ коркирскій герольдъ съ требованіемъ не двигаться далѣе ни шагу. Разумѣется, это требованіе не было уважено. За нимъ явился коркирскій флотъ и вступилъ въ битву. Коринѳяне потерпѣли полное пораженіе. Въ то же время Эпидамнъ сдался осаждавшему его коркирскому флоту. Коркиряне поступили при этомъ жестоко: одну часть плѣнныхъ они умертвили, другую продали въ рабство; а себѣ оставили только природныхъ Коринѳянь. Коркира господствовала теперь надъ всѣмъ Іонійскимъ моремъ (435 до Р. Х.).

Но это торжество Коркирянъ было только началомъ военной бури. Коринѳяне не могли перенести такого униженія отъ своей колоніи.

Теперь вопросъ объ Эпидамнѣ отошелъ для нихъ на задній планъ: они думали только о мщеніи и восстановленіи своей гегемоніи въ западныхъ водахъ. Съ этою цѣлью Коринѳяне занялись обширными военными приготовлениями; цѣлыхъ два года послѣ того они вооружали новые корабли, и по всей Греціи нанимали искусныхъ моряковъ. Плодомъ ихъ усилій явился флотъ въ 90 собственныхъ триеръ; а съ эскадрами союзниковъ (изъ Амвρακίи, Мегары, Элиды, Левкадіи и др.) онъ простирался до 150 судовъ.

Коркиряне знали объ этихъ приготовленияхъ, и предвидѣли, что безъ посторонней помощи имъ трудно бороться съ такими силами. Доселѣ они гордились тѣмъ, что были совершенно самостоятельны и не принадлежали ни къ какой изъ двухъ симмахій (союзовъ), ни къ Аттической, ни къ Пелопонесской. Но теперь рѣшились искать покровительства одной изъ этихъ симмахій. По условіямъ Тридцатилѣтняго мира между Аѳинами и Спартою самостоятельныя греческія государства были свободны въ выборѣ того или другаго союза. Такъ какъ ихъ противники занимали вліятельное положеніе въ Пелопонесской симмахіи, то Коркиряне обратились къ Аѳинянамъ, и тѣмъ болѣе, что только эти послѣдніе могли оказать имъ могущественную защиту на морѣ. Коркирское посольство прибыло въ Аѳины, и сообщило сановникамъ просьбу о принятіи ихъ города въ Аттическій союзъ. Но подобный важный вопросъ въ такомъ демократическомъ государствѣ какъ Аѳинское могъ быть рѣшенъ только народнымъ собраніемъ. Извѣщенные о томъ, Коринѳяне поспѣшили и съ своей стороны отправить посольство въ Аѳины, чтобы помѣшать здѣсь успѣху своихъ противниковъ.

Въ назначенный день оба посольства были выслушаны народнымъ собраніемъ. Знаменитый историкъ и участникъ Пелопонесской войны Фукидидъ передаетъ любопытныя рѣчи той и другой стороны, произнесенныя въ этомъ собраніи. Коркиряне главнымъ образомъ указывали на вѣроятную близость столкновенія Аттической симмахіи съ Пелопонесской и на происходившую отсюда великую пользу для Аѳинъ имѣть въ своемъ союзѣ коркирскій флотъ, самый значительный послѣ аѳинскаго въ цѣлой Греціи. Въ противномъ случаѣ этотъ флотъ будетъ захваченъ Пелопонесцами и потомъ принужденъ служить имъ противъ Аѳинъ. По мнѣнію Коркирянъ, съ присоединеніемъ ихъ флота

Аѣины такъ усилятся, что враги потеряютъ всякую охоту воевать съ ними; онѣ будутъ имѣть въ своихъ рукахъ сообщенія между Пелопонесомъ и Сициліей и такимъ образомъ воспрепятствуютъ сицилійскимъ Дорянамъ посылать подкрѣпленія въ Пелопонесъ. Съ другой стороны коринѣскіе ораторы жаловались на высокоуміе и несправедливые поступки Коркирянъ, на ихъ наглое неуваженіе къ своей метрополи, съ которою они дерзнули вступить въ открытую войну. По этому поводу Коринѣяне искусно напомнили объ услугѣ, оказанной ими при усмиреніи Самоса, когда они стояли за то, что каждый глава союза имѣетъ право принуждать къ повиновенію всякаго непокорнаго его члена. Коркира, по мнѣнію Коринѣянъ, какъ ихъ колонія обязана имъ подчиняться, и принятіе ея въ Аттическій союзъ было бы великою несправедливостію, а также дурнымъ примѣромъ для аѣинскихъ союзниковъ.

Убѣжденія обѣихъ сторонъ поставили Аѣинянъ въ немалое затрудненіе. Собраніе возобновилось на слѣдующій день; многіе ораторы обсуждали вопросъ, мнѣнія ихъ были разнорѣчивы. Съ одной стороны сознавали, что слова Коркирянъ о близости общей войны были справедливы; потому важно было самимъ воспользоваться ихъ флотомъ и не отдавать его въ руки непріятелей. Съ другой стороны высказывалось опасеніе: принятіемъ Коркиры въ Аттическій союзъ ускорить столкновеніе съ Пелопонесскимъ союзомъ и возжечь ту всеобщую войну, которой такъ многіе страшились. Какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ затруднительныхъ случаяхъ, на первое время рѣшено было употребить среднюю мѣру, а именно: Аѣиняне пока не приняли Коркиру формально въ свою симмахію, но заключили съ нею оборонительный союзъ, чтобы спасти ее отъ захвата. Въ силу этого договора Аѣины отправили къ берегамъ Коркиры не флотъ, а только наблюдательную эскадру въ десять кораблей, подъ начальствомъ Кимонова сына Лакедемонія. Онѣ думали такимъ образомъ не нарушить съ своей стороны Тридцатилѣтняго перемирія и въ тоже время отклонить нападеніе Коринѣянъ на островъ. Но эта осторожность или точнѣе нерѣшительность только усложнила дѣло и не предупредила опаснаго столкновенія.

Большой коринѣскій флотъ въ 150 парусовъ вступилъ въ Ионическое море и безпрепятственно достигъ мыса Химеріона, который выдавался изъ Эпирскаго берега насупротивъ южной оконечности

острова Коркиры. Здѣсь моряки стали на якорь; а на берегу былъ разбитъ лагерь для гоплитовъ, и призваны вспомогательные отряды изъ сосѣднихъ Эпиротовъ. Коркирскій флотъ въ 110 кораблей и аѣнская эскадра заняли позицію немного далѣе въ глубинѣ пролива у скалистаго острова Сиботы; сухопутное войско расположилось на ближнемъ берегу острова Коркиры.

Коринѣяне первые сдѣлали нападеніе, и тогда произошла морская битва, въ которой никогда еще не сражалось по стольку греческихъ кораблей съ той и другой стороны.

Аѣніяне стояли на крайнемъ правомъ крылѣ Коркирянъ; исполняя свои инструкціи, они пока воздерживались отъ сраженія и только наблюдали его; при чемъ воочію могли видѣть отсталость западныхъ Грековъ относительно морской тактики. Аѣніяне успѣли уже значительно усовершенствовать эту тактику: главную роль у нихъ играли искусство маневрированія кораблемъ и его быстрые повороты, съ помощью ловкихъ гребцовъ и проворнаго руля; ихъ корабль своими движеніями старался обмануть непріятельскій и своимъ носомъ ударить ему въ бокъ или въ корму, оборвать у него весла или руль. Вообще Аѣніяне прежде всего приводили какъ можно болѣе непріятельскихъ кораблей въ негодное состояніе, а потомъ уже вступали въ настоящую битву. Между тѣмъ западные Греки придерживались еще старинныхъ безхитростныхъ приѣмовъ. На корабельной палубѣ у нихъ стояли гоплиты и стрѣлки изъ лука, а внизу помѣщались гребцы, большею частію изъ рабовъ. Корабли ударяли другъ на друга прямо своими носами, сцеплялись, и съ палубъ завязывался бой какъ бы на сушѣ.

Скоро тріеры противниковъ перемѣшались, и потеряли всякій порядокъ. Наконецъ лѣвое крыло Коркирянъ потѣснило стоявшихъ передъ нимъ коринѣскихъ союзниковъ; покинувъ свою линію, оно преслѣдовало ихъ до самаго берега и даже сдѣлало высадку, чтобы пограбить ихъ лагерь. Но въ то же время собственный коринѣскій флотъ одержалъ побѣду надъ непріятельскимъ центромъ и правымъ крыломъ, которые и успѣшили отступить къ своему острову. Тутъ маленькая аѣнская эскадра принуждена была покинуть свое наблюдательное положеніе и вступить въ дѣло, чтобы помочь своимъ отступавшимъ союзникамъ. Аѣнскія суда впрочемъ старались уклоняться отъ рукопашной схватки и болѣе маневри-

ровали. Прогнавъ Коркирянъ до самаго ихъ острова, Коринѣяне воротились на мѣсто побоища, покрытое приведенными въ негодность тріерами или обломками кораблей, а также множествомъ убитыхъ, раненыхъ, утопавшихъ или еще державшихся на водѣ людей, кричавшихъ о помощи. Побѣдители старались подобрать ихъ къ себѣ на бортъ, спасая своихъ и забирая въ плѣнъ или умерщвляя непріятелей; при чемъ по недоразумѣнію погибли и многіе ихъ союзники. Потомъ они собрали по возможности трупы убитыхъ и сложили ихъ на островѣ Сибота. Затѣмъ коринѣскія суда опять построились въ боевой порядокъ, и снова обратились на Коркирянъ, чтобы до наступленія ночи окончательно уничтожить ихъ флотъ и, можетъ быть, сдѣлать высадку на ихъ берегъ. Послѣдніе между тѣмъ собрали остатки своего флота (они потеряли до семидесяти кораблей, а Коринѣяне только тридцать), и вмѣстѣ съ аѣинской эскадрой приготовились къ отчаянному сопротивленію.

Время близилось къ вечеру. Коринѣяне уже пропѣли свой пѣанъ, т. е. воинственную пѣсню, съ которою Греки вступали въ битву; какъ вдругъ ихъ корабли остановились въ нерѣшимости, а затѣмъ повернули назадъ, и ушли къ своей стоянкѣ. Такой неожиданный оборотъ дѣла скоро объяснился: вдали показались двадцать свѣжихъ аттическихъ тріеръ. То была новая эскадра, которую Аѣиняне прислали на помощь, послѣ того какъ они спохватились относительно слишкомъ ничтожныхъ размѣровъ первой эскадры. Эти тріеры явились какъ разъ во время, чтобы спасти отъ гибели и соотечественниковъ своихъ, и союзниковъ. Хотя Коринѣяне все еще значительно превосходили числомъ, однако они не рѣшились вступить въ бой, имѣя противъ себя тридцать славныхъ аттическихъ тріеръ. Они уклонились отъ битвы и на слѣдующій день, когда Коркиряне, ободренные этимъ подкрѣпленіемъ, отважились снова двинуться къ Сиботѣ. Коринѣскіе начальники прислали къ Аѣинскимъ нѣсколько человекъ на маленькой лодкѣ съ упреками въ нарушеніи Тридцатилѣтняго перемирія и въ открытіи враждебныхъ дѣйствій безъ объявленія войны. Аѣиняне оправдывались тѣмъ, что они не нарушаютъ мира съ Пелопонесцами, а только оказываютъ защиту своимъ союзникамъ. Послѣ того Коринѣяне воздвигли на островѣ Сибота знакъ своей побѣды и отплыли обратно въ отечество, увозя съ собой толпу плѣнниковъ, которыхъ потомъ продали въ рабство; но

пошадили тѣхъ, которые принадлежали къ болѣе богатымъ семействамъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлать ихъ орудіемъ для произведенія политическаго переворота на ихъ островѣ. Избавясь отъ опасности, Коркирскіе моряки также собрали обломки своихъ кораблей и трупы согражданъ, которые волнами были прибиты къ ихъ берегу, и также воздвигли побѣдный знакъ на своемъ берегу (433 г.).

Коринѣяне конечно не могли простить Аѣнинамъ, которые вырвали изъ ихъ рукъ полную побѣду и всѣ ея плоды. Съ того времени они пылали ненавистью къ Аѣинамъ и жаждою мести. Взаимная вражда вскорѣ усилилась еще столкновѣніемъ на Фрагійскомъ побережьѣ.

— * —

Самая восточная изъ трехъ косъ, которыми заканчивается полуостровъ Халкидика, называлась Аѣонскою, а самая западная Палленскою. На узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ эту послѣднюю съ материкомъ, лежалъ городъ Потидея, основанный Коринѣянами. Онъ былъ членомъ Аттическаго союза; но въ то же время сохранялъ нѣкоторыя связи съ своей метрополіей; напр., онъ ежегодно получалъ отъ Коринѣа своего высшаго сановника (эпидиміурга). На сосѣднихъ берегахъ Термайскаго залива разсѣяно было еще нѣсколько мелкихъ колоній, также включенныхъ въ Аттическій союзъ и платившихъ дань Аѣинамъ. Но господство сихъ послѣднихъ было полнѣе и прочнѣе на островахъ, чѣмъ въ береговыхъ городахъ. Послѣдніе часто находились еще въ нѣкоторой зависимости отъ сосѣднихъ материковыхъ владѣтелей. Такъ помянутыя колоніи состояли подъ вліяніемъ Македонскаго царя Пердикки (сынъ того Александра, который участвовалъ въ походѣ Ксеркса на Грецію). Сначала Пердикка былъ другомъ и союзникомъ Аѣинянъ; но когда они приняли сторону его соперниковъ, нѣкоторыхъ удѣльныхъ Македонскихъ князей, то онъ сдѣлался усерднымъ ихъ врагомъ. Послѣ битвы при Сиботѣ онъ воспользовался настроеніемъ Коринѣянъ и чрезъ своихъ пословъ старался склонить ихъ къ тому, чтобъ они возбудили возстаніе противъ Аѣинъ въ Потидеѣ; а разныя мелкія колоніи онъ уговорилъ покинуть морской берегъ и переселиться въ городъ. Олинѣтъ, который лежалъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря и теперь значительно усилился вслѣдствіе этихъ переселеній.

Узнавъ о подстрекательствахъ Пердикки и приготовленіяхъ къ возстанію во Фракіи, АѢнныяне рѣшили предупредить его, и предъявили Потидеи слѣдующія требованія: разрушить городскія стѣны со стороны моря и Палленскаго полуострова, оставивъ только со стороны материка; выдать заложниковъ, и удалить изъ города Коринѣнскихъ чиновниковъ. Потидейцы, чтобы выиграть время, отправили посольство въ АѢины; но въ то же самое время послали въ Коринѣю и Спарту просьбу о помощи. Когда же ихъ просьбы были отвергнуты АѢнныянами, а Коринѣю и Спарта дали благопріятный отвѣтъ, Потидейцы подняли возстаніе противъ АѢинъ; ихъ примѣру послѣдовали и нѣкоторыя другія колоніи, поддержанныя Пердиккою. АѢнныяне отправили флотъ и войско въ Термайскаго залива. Ихъ предводители, вмѣсто того чтобы немедленно ударить на центръ возстанія, т. е. Потидею, сначала занялись осадой города Термы. Послѣ шестинедѣльной осады они взяли его, и потомъ отправились на западный берегъ залива противъ Пидны; но осада послѣдней была неудачна. Наконецъ, заключивъ перемиріе съ Пердиккою, они перешли на восточный берегъ залива и двинулись противъ Потидеи. Тѣмъ временемъ этотъ городъ успѣлъ усилить свои укрѣпленія, запастись продовольствіемъ на долгое время и получить помощь отъ Коринѣянъ, которые прислали ему 2000 воиновъ подъ начальствомъ храбраго и весьма любимаго вождя Аристейя. Пердикка вскорѣ измѣнилъ договору и вновь сталъ помогать возставшимъ. Потидейцы и Коринѣяне встрѣтили АѢнныянъ внѣ городскихъ стѣнъ. Тутъ на сушѣ повторилось подобное тому, что мы видѣли въ морскомъ сраженіи при Сиботѣ. Аристейя разбилъ стоявшее противъ него крыло АѢнныянъ и увлекся ихъ преслѣдованіемъ; а въ это время главное аѢннское войско разбило Потидейцевъ и вогнало ихъ обратно въ городъ. Воротясь назадъ, Аристейя увидалъ, что онъ отрѣзанъ отъ города побѣдоносными непріятелями. Ему оставалось или отступить къ Олинею, или пробиться въ Потидею сквозь непріятелей. Онъ избралъ послѣднее, и это ему удалось, конечно съ нѣкоторою потерей. Вслѣдъ затѣмъ АѢнныяне получили подкрѣпленіе, подъ начальствомъ Форміона; тогда они заперли Потидею и съ моря и съ суши, и началась долгая, упорная осада этого города, обороняемаго храбрымъ Аристеемъ (432 г.).

Раздраженіе Коринѣянъ противъ АѢинъ достигло теперь высшей степени, и они употребляли всѣ старанія, чтобы возбудить Спарту

и Пелопонесскій союзъ къ рѣшительной борьбѣ съ своими соперниками. Ихъ поддерживали и другіе недовольные Греки, въ особенности Эгиняне и Мегаряне. Первые жаловались Спартѣ на то, что Аѣины лишили ихъ всякой самостоятельности, вопреки договорамъ; жалобы эти приносились тайкомъ; ибо по своему островному положенію Эгиняне были беззащитны противъ Аѣинскаго флота. Мегаряне какъ сосѣди Аѣинъ имѣли разные поводы къ столкновеніямъ съ ними. Такъ Аѣиняне обвиняли Мегарянъ въ томъ, что они укрывали бѣглыхъ изъ Аттики рабовъ и присвоивали исключительно себѣ нѣкоторыя пограничныя нивы и пастбища; а во время морскаго похода Коринѣянъ на Коркиру Мегара даже послала имъ свои корабли на помощь, и такимъ образомъ явно перешла изъ Аттическаго союза въ Пелопонесскій. Тогда Аѣиняне, конечно по совѣту Перикла, чтобы наказать эту маленькую республику, запретили Мегарянамъ доступъ ко всѣмъ рынкамъ и гаванямъ какъ самой Аттики, такъ и всѣхъ Аѣинскихъ владѣній; чѣмъ совершенно подрывали ихъ торговлю и благосостояніе.

Коринѣянамъ удалось наконецъ вызвать Спарту изъ того усыпленія, въ которомъ она находилась со времени Тридцатилѣтняго перемирія. Здѣсь за одно съ Коринѣянами начала дѣйствовать сильная партія, желавшая унижить Аѣины, уничтожить ихъ морскую гегемонію и вновь водворить въ цѣлой Греціи одну гегемонію Спартанскую. Эта партія въ особенности негодовала на соединеніе Коркирскаго флота съ Аѣинскимъ; что давало Аѣинянамъ господство въ западныхъ водахъ и подвергало опасности сношенія Пелопонессцевъ съ дочерескими колоніями въ Италіи и Сициліи. Первымъ шагомъ къ политикѣ дѣйствія со стороны Спартанцевъ былъ вызовъ всѣмъ недовольнымъ принести свои жалобы открыто передъ спартанскими властями. Въ назначенный день въ Спартѣ созвано было народное собраніе для обсужденія этихъ жалобъ. Рѣчи той и другой стороны (мира и войны), произнесенныя въ этомъ собраніи, переданы намъ историкомъ Фукидидомъ съ такимъ же краснорѣчіемъ, съ такою же силою и обстоятельностью какъ и то, что говорилось въ помянутомъ выше Аѣинскомъ собраніи по поводу борьбы между Коркирою и Коринѣомъ.

Послѣ того какъ указано было на разныя нарушенія существовавшихъ договоровъ со стороны Аѣинъ, слово предоставлено Коринѣ-

скимъ посламъ. Коринѣяне хорошо понимали, что на почвѣ договоръ они не могутъ нанести своимъ противникамъ сильныхъ ударовъ; ибо и помощь оказанная Коркирянамъ, и осада Потидеи не были въ сущности нападеніемъ Аѣинянъ на Пелопонесскій союзъ или прямымъ нарушеніемъ Тридцатилѣтняго мира: въ первомъ случаѣ Аѣиняне только защищали Коркиру, которая была свободна въ выборѣ союза; а во второмъ они усмиряли отпавшій отъ своего союза городъ, на что имѣли полное право. Поэтому Коринескій ораторъ, чтобы возбудить слушателей, главную силу своего краснорѣчія устремилъ на общее поведеніе Аѣинянъ и на сравненіе ихъ съ Спартанцами. Яркими красками онъ очертилъ съ одной стороны неутомимую дѣятельность и энергію первыхъ, ихъ страсть къ обогащенію, къ захвату земель и къ распространенію своего вліянія, съ другой медлительность и неподвижность Спартанцевъ, которые вѣчно раздумываютъ и всегда запаздываютъ, когда нужно дѣйствовать быстро и рѣшительно; почему Аѣиняне все болѣе и болѣе затмѣваютъ ихъ въ глазахъ другихъ Эллинавъ.

„Они—говорилъ посолъ—никогда не остаются позади: а вы медлители по привычкѣ; они любятъ вѣшнюю службу; а вы никакъ не можете разстаться съ своимъ домомъ; они всегда увѣрены въ томъ, что ихъ подвижность ведетъ къ новымъ приобрѣтеніямъ, а вы какъ будто опасаетесь новыми предпріятіями потерять и то, что имѣете. Если имъ удастся что либо, то они широко идутъ впередъ, а въ случаѣ неудачи менѣе всего расположены отступать“.

Продолжая сравненіе обоихъ народовъ въ томъ же родѣ, Коринѣянинъ замѣтилъ, что прирожденное Аѣинянамъ свойство состоитъ въ томъ, чтобы не оставлять въ покоѣ ни себя, ни другихъ, и если такъ будутъ дѣла продолжаться, то несомнѣнно вся Эллада подпадетъ ихъ власти. Свою рѣчь онъ заключилъ воззваніемъ къ Спартанцамъ, чтобы они поддержали достоинство Пелопонеса и защитили бы своихъ союзниковъ отъ Аѣинянъ; въ противномъ случаѣ Коринѣю придется искать спасенія въ какомъ либо иномъ, новомъ союзѣ.

Въ Спартѣ въ то время случайно находился Аѣинскій посолъ, прибывшій по другимъ дѣламъ. Онъ присутствовалъ въ собраніи и попросилъ слова. Посолъ объявилъ, что не намѣренъ оправдывать родной городъ отъ взводимыхъ на него обвиненій; такъ какъ это

дѣло ему не было поручено, и притомъ онъ не признаетъ за Спартой право быть судьей въ спорѣ между Аѣнами и Коринѣомъ. Поэтому онъ только защищалъ своихъ согражданъ вообще отъ укоровъ въ несправедливой и наступательной политикѣ. Онъ напомнилъ заслуги Аѣинъ передъ цѣлой Греціей въ памятную для всѣхъ эпоху Персидскаго нашествія; доказывалъ справедливость ихъ морской гегемоніи, отъ которой Спарта отказалась добровольно; объяснялъ вытекавшую отсюда необходимость разными принудительными мѣрами удерживать своихъ союзниковъ въ подчиненіи, которое во всякомъ случаѣ легче нежели Персидское господство. Затѣмъ Аѣинскій посоль предложилъ обратиться къ третейскому суду, чтобы уладить возникшія распри; онъ увѣщевалъ Спартанцевъ спокойно обсудить дѣло, прежде чѣмъ сдѣлать какой-либо рѣшительный шагъ и разорвать перемиріе, которое было скрѣплено взаимными клятвами и призваніемъ боговъ въ свидѣтели.

Послѣ того всѣ чужіе люди были удалены изъ народнаго собранія, и Спартанцы начали совѣщаться между собою. Тутъ рѣзко обнаружилось, что настроеніе большинства было враждебно Аѣинамъ, и во главѣ этого большинства стояли сами эфоры. Явились ораторы, которые старались еще усилить такое настроеніе; они превозносили извѣстную храбрость Спартанцевъ и ихъ громкую славу; а противниковъ старались изображать въ жалкомъ видѣ. По ихъ мнѣнію достаточно было одного похода на Аттику, чтобы покончить войну. Но противъ подобныхъ рѣчей поднялся старый, всѣми уважаемый царь Архидамъ. Онъ предостерегалъ отъ излишней самоувѣренности, и мѣтко очертилъ силы Аѣинъ, ихъ морское могущество и ихъ превосходство въ денежныхъ средствахъ. Война по его мнѣнію могла затянуться на очень долгое время и причинить великія бѣдствія. Поэтому онъ совѣтовалъ не спѣшить войною, а прежде хорошенько къ ней приготовиться, отправивъ между тѣмъ посольство въ Аѣины по поводу Потидеи и другихъ жалобъ со стороны союзниковъ. Разсудительное слово Архидама произвело впечатлѣніе. Тогда одинъ изъ пяти эфоровъ Свенелайдъ, предсѣдательствовавшій на ту пору въ собраніи, постѣшилъ изгладить это впечатлѣніе краткимъ, но сильнымъ призывомъ къ рѣшительному образу дѣйствія для защиты союзниковъ.

«Если Аѣиняне — сказалъ онъ — прежде въ войнѣ съ Персами были добрыми Эллинами, а теперь сдѣлались дурными въ отношеніи

насъ, то за эту перемѣну они вдвойнѣ заслуживаютъ наказанія». „Другіе имѣютъ богатства, многочисленныя корабли и конницу; мы же имѣемъ добрыхъ союзниковъ, которыхъ не должны покидать на произволъ Аѳинянъ. Мы должны помочь имъ быстро и всѣми своими силами, а не ввѣрять нашу честь словамъ и третейскимъ изреченіямъ“. „Итакъ, Лакедемоняне, рѣшитесь на войну достойнымъ Спарты образомъ“.

Этотъ призывъ окончательно рѣшилъ вопросъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ Спенеландъ, по спартанскому обычаю, заставилъ собраніе просто прокричать да или нѣтъ, то на сторонѣ кричавшихъ „да“ слышалось большинство голосовъ. Но эфоръ на сей разъ не удовольствовался обычаемъ, имѣя въ виду, что многіе еще колебались и что меньшинство было слишкомъ велико. Онъ объявилъ, что ему не совсѣмъ ясно, на чьей сторонѣ перевѣсъ; поэтому онъ велѣлъ собранію раздѣлиться: однимъ перейти на правую сторону, а другимъ на лѣвую. Тогда на сторонѣ войны оказалось подавляющее большинство.

Спарта пригласила своихъ союзниковъ въ извѣстный срокъ прислать уполномоченныхъ на общій сеймъ для обсужденія того-же вопроса. Коринѣскіе послы объѣздили почти всѣхъ членовъ Пелопонесскаго союза и вездѣ старались возбудить гражданъ противъ Аѳинъ; что удалось имъ не безъ труда; такъ какъ жители внутреннихъ областей, не чувствуя неудобства отъ морскаго владычества Аѳинъ, по большей части не были расположены воевать съ ними. Поэтому Коринѣяне прибѣгали къ клеветамъ и преувеличеніямъ, изображая ненасытную страсть Аѳинянъ къ завоеваніямъ, грозившую порабощеніемъ всѣмъ Эллинамъ. Дельфійскій оракулъ также высказался въ пользу войны и предвѣщалъ успѣхъ Пелопонессцамъ. Поэтому, когда собрался Пелопонесскій сеймъ, то его большинство стало на сторону Спарты и Коринѳа. Война была рѣшена (въ началѣ 431 г. до Р. Х.), и союзники занялись дѣятельными къ ней приготовленіями.

Чтобы дать достаточное время на эти приготовленія и между тѣмъ найти благовидные предлоги къ войнѣ, Спарта обратилась въ Аѳины съ цѣлымъ рядомъ требованій. Во первыхъ, она вновь подняла старое дѣло о фамилии Алкмеонидовъ, которая осквернила алтарь Аѳи-

ны убійствомъ искавшихъ у него защиты мятежниковъ; что произошло около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ. Спарта вдругъ потребовала изгнанія изъ Аѣинъ Перикла; такъ какъ по матери своей онъ былъ потомкомъ Алкмеонидовъ. Зная, что въ Аѣинахъ есть значительная партія враждебная Периклу, Спартанцы надѣялись, если не удалить его, то по крайней мѣрѣ подстрекнуть эту партію и поселить въ народѣ нерасположеніе къ нему какъ къ главной причинѣ войны. Но этотъ расчетъ не оправдался. Аѣиняне поняли, что Спарта считаетъ Перикла главною помѣхою для своего будущаго торжества и желаетъ или устранить его, или подорвать его вліяніе. Поэтому они еще болѣе стали цѣнить его государственный умъ; а въ отвѣтъ послали встрѣчное требованіе, чтобы Спартанцы очистили себя: во первыхъ отъ оскорбленія на Тенарскомъ мысу Посейдонова святилища, у котораго нѣсколько Илотовъ искали защиты и все таки были умерщвлены, а во вторыхъ отъ оскверненія въ собственномъ городѣ храма Аѣины, въ которомъ извѣстный вождь Павзаній былъ запертъ и уморенъ голодомъ.

Въ Аѣины явились другіе Лакедемонскіе послы и предъявили три новыхъ требованія: 1) снять осаду Потидеи; 2) возвратить Эгинѣ самостоятельность, и 3) отмѣнить запретительное постановленіе противъ Мегарянъ. Последнее требованіе также было направлено противъ Перикла, ибо это постановленіе издано по его настоянію. Но еще прежде чѣмъ Аѣиняне успѣли дать отвѣтъ, прибыли новые послы изъ Спарты съ послѣднимъ требованіемъ: чтобы Аѣины возвратили самостоятельность всѣмъ своимъ союзникамъ. Такимъ неисполнимымъ условіемъ Лакедемоняне рассчитывали съ одной стороны поставить Аѣинянъ въ невозможность уклониться отъ войны, а съ другой привлечь къ себѣ симпатіи многихъ членовъ Аттическаго союза.

Для обсужденія всѣхъ этихъ пунктовъ созвано народное собраніе. Мнѣнія раздѣлились. Народъ очевидно не былъ расположенъ къ войнѣ, понимая всю трудность бороться съ могущественнымъ противникомъ и опасаясь за свое благосостояніе, за свои цвѣтушія нивы, сады и за свою торговлю. Поэтому онъ охотно слушалъ сторонниковъ мира и вмѣстѣ недоброжелателей Перикла. Они особенно напали на такъ называемое Мегарійское постановленіе, и убѣждали отмѣнить его, что бы такой маловажный предметъ не служилъ поводомъ къ войнѣ.

Когда ораторы достаточно высказались, выступилъ Периклъ, и про-

изнесъ одну изъ самыхъ сильныхъ, самыхъ убѣдительныхъ своихъ рѣчей.

Онъ напалъ на мнѣніе о маловажности такой причины къ войнѣ какъ Мегарійское постановленіе, и раскрылъ народу, что всякія уступки требованіямъ Спарты были бы не только унижительны, но и бесполезны; такъ какъ она ищетъ однихъ предлоговъ и уже рѣшилась начать войну во чтобы то ни стало; на это прямо указываетъ ея послѣднее требованіе о независимости всѣхъ союзниковъ. Затѣмъ, чтобы ободрить народъ, Периклъ вошелъ въ подробное сравненіе силъ и средствъ Пелопонесскихъ съ АѢинскими, сравненіе, клонившееся въ пользу вторыхъ. По его словамъ АѢины имѣли одну уязвимую сторону, именно свою сухопутную границу: конечно Пелопонесцы придутъ опустошать аттическія деревни, поля и сады, и пожалуй займутъ укрѣпленный пунктъ на границѣ. Но АѢинянамъ нѣтъ особой нужды сожалѣть объ этомъ опустошеніи; такъ какъ въ ихъ владѣніи много другихъ плодородныхъ земель, и, благодаря своему флоту, они могутъ получать произведенія всѣхъ странъ. Благодаря тому же флоту, они могутъ дѣлать высадки на любомъ берегу Пелопонеса и платить неприятелямъ опустошеніемъ ихъ собственной страны; что для послѣднихъ гораздо чувствительнѣе; ибо это люди большею частію неторговые и существующіе произведеніями своихъ полей и стадъ. Хотя бы Пелопонесцы воспользовались сокровищами Дельфійскаго святилища Аполлона и Элидскаго святилища Зевса — на которыя они рассчитываютъ,—все таки въ денежныхъ средствахъ они далеко уступаютъ АѢинянамъ. Вообще противники не могутъ выдерживать продолжительную непрерывную войну; они могутъ только время отъ времени предпринимать опустошительныя нашествія на Атику. Предоставивъ имъ на жертву поля, сады и дома, АѢиняне должны заботиться только о спасеніи людей. А ихъ городъ не даромъ же славится своими крѣпкими стѣнами, обнимающими большое пространство (вмѣстѣ съ гаванью), и за этими стѣнами найдетъ убѣжище все ихъ сельское населеніе. Спартанцы надѣются вызвать АѢинянъ въ поле. АѢиняне конечно не сдѣлаютъ этого, и не дадутъ врагамъ возможности разбить ихъ. Периклъ напомнилъ народу, какъ его отцы, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, не колебались покинуть на жертву варварамъ не только страну, но и самый городъ, и съ помощью

флота отсталяли свою свободу; а разрушеніе ихъ города не помѣшало ему вскорѣ потомъ достигнуть самаго цвѣтушаго состоянія.

Послѣдующія событія подтвердили тотъ вѣрный взглядъ на обстоятельства и ту политическую мудрость, которые обнаружилъ Периклъ въ этой замѣчательной рѣчи. Въ первое время войны все произошло именно такъ какъ онъ говорилъ. Но только онъ не предвидѣлъ моровой язвы и своей близкой смерти, и не предупредилъ ея печальныхъ послѣдствій, когда Аѣнияне лишились своего гениальнаго руководителя.

Рѣчь Перикла произвела сильное впечатлѣніе на народъ и вдохнула въ него мужественную рѣшимость. Послѣ того Лакедемоняне на всѣ свои требованія получили дѣстойный отвѣтъ. Хотя Аѣнияне, имѣя въ своемъ распоряженіи сильный готовый флотъ, могли немедленно напасть на Пелопонесскіе берега, однако по совѣту Перикла они продолжали сохранять освященный взаимными клятвами миръ, и не захотѣли быть первыми его нарушителями, первыми зачинщиками великой братоубійственной борьбы. Эту неблагоприятную роль они предоставили Пелопонесцамъ.

VII.

СОКРАТЬ *).

Образованіе, первыя занятія, вѣѣшность и характеръ Сократа. — Его диалектика. — Разговоръ съ Главкономъ. — Софисты. — Нападкы Аристофана. — Общественная служба Сократа. — Обвиненіе, судъ и смертный приговоръ. — Послѣдняя бесѣда съ учениками и сущность Сократовой философіи.

Сократъ родился въ Аѣицахъ въ 469 году до Р. Х. Отецъ его Софронискъ занимался ваяніемъ, а мать Фенарета отправляла обязанности повивальной бабушки. Семья эта была небогата; но она принадлежала къ древнему аѣинскому роду и пользовалась всѣми правами гражданства. Какъ и всѣ Аѣиняне, Сократъ въ юности своей учился чтенію, письму, счету, изучалъ поэмы Гомера и Гезіода. Потомъ онъ посѣщаль одну изъ гимназій, содержимыхъ на общественный счетъ, гдѣ гимнастикой укрѣпилъ свое тѣло, и слушалъ бесѣды поэтовъ, риторовъ и философовъ. Аѣины въ то время уже были такимъ городомъ, въ которомъ граждане находили всѣ средства для образованія ума и пріобрѣтенія познаній, безъ особаго труда и расходовъ. Театры съ ихъ трагическими и комическими представленіями, доступныя и самымъ бѣднымъ гражданамъ, обиліе всякаго рода художниковъ, музыкальныя и поэтическія состязанія, религіоз-

---

*) Источники: Диалоги Платона въ особенности „Эвтифровъ“, „Апология Сократа“, „Критонъ“, „Федонъ“ (послѣдній переведенъ Карповымъ. См. сборникъ *Пропилей*, изд. Леонтьевымъ. Т. V) и „Горгіасъ“ (рус. переводъ того же Карпова. М. 1857). *Ксенофонта* „Воспоминанія о Сократѣ“ и „Апология Сократа“. *Диогена Лаэрта*—„Жизнеописанія философовъ“. Пособія: *Грота* *History of Greece*. V. *Хенебергера*—*Griechische Geschichte in Biographien*. *Швемлера*—*Geschichte der Philosophie in Umriss*. *Блэки*—„Сократъ, Аристотель, христіанство и утилитаризмъ“. (Русскій переводъ. М. 1878).

ныя торжества, народныя собранія съ рѣчами блестящихъ ораторовъ публичныя судебныя пренія; многочисленныя торговцы и моряки съ ихъ разказами о ближнихъ и дальнихъ странахъ, которыя они посѣщали—все это должно было сильно дѣйствовать на развитіе гражданъ, особенно на людей одаренныхъ богатыми способностями. Не выѣзжая изъ своего роднаго города, Сократъ могъ наблюдать политическую и общественную жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ и приобрести всѣ свѣденія, доступныя самымъ образованнымъ Грекамъ его времени.

Въ молодости своей онъ научился отъ отца его искусству, т. е. сдѣлался ваятелемъ, и повидимому достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ на этомъ поприщѣ. Греческій писатель Павзаній, жившій во II вѣкѣ по Р. Х., слѣдовательно около 600 лѣтъ спустя, свидѣтельствуетъ о статуяхъ двухъ Харитъ (или Грацій), помѣщавшихся въ Аѳинскомъ Акрополѣ, изваяніе которыхъ приписывалось Сократу. Но онъ рано покинулъ поприще художника, и весь предался философскимъ занятіямъ, т. е. размышленіямъ, наблюденіямъ и бесѣдамъ о высшихъ предметахъ человѣческаго вѣденія и разумнія. Онъ предавался этимъ занятіямъ съ такимъ усердіемъ, что иногда забывалъ о всемъ окружающемъ и многіе часы проводилъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, погруженный въ свои размышленія. Хотя онъ хорошо познакомился съ ученіями прежнихъ греческихъ философовъ и ихъ школами (Іонійской, Эпейской и др.); но онъ занимался преимущественно вопросами о мірѣ видимомъ или физическомъ и разыскивали причины и законы его существованія; а Сократъ главнымъ образомъ предался изученію внутренняго человѣка, т. е. его нравственной природы и его высшихъ обязанностей. Изъ тѣхъ изрѣченій семи древнихъ мудрецовъ, которыя были начертаны въ храмѣ Дельфійскаго Аполлона, болѣе другихъ возбудили его вниманіе слова: «познай самого себя». Въ молодости своей Сократъ могъ пользоваться и уроками знаменитаго философа Анаксагора, который былъ другомъ Перикла, нѣкоторое время жилъ въ Аѳинахъ и училъ главнымъ образомъ о высшемъ разумѣ, слѣдовательно уже отступалъ отъ системы прежнихъ философовъ-физиковъ.

Когда Сократъ самъ достаточно укрѣпился въ философіи, онъ со страстью предался наставленію въ ней юношества. Для этого онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, и поучалъ вездѣ, гдѣ нахо-

диль слушателей. Для его уроковъ не было ни опредѣленнаго времени, ни опредѣленнаго мѣста. Большую часть своего времени онъ проводилъ въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ либо на площади, на рынкѣ, въ тѣни храмовыхъ или гимназическихъ портиковъ, и тамъ собиралъ около себя желавшихъ его послушать. Его увлекательное остроуміе и непобѣдимая логика, неистощимое добродушіе, самая наружность и образъ жизни должны были невольно обращать на него общее вниманіе. Съ большой лысой головой, курносый, съ толстыми губами и выдающимся животомъ, онъ походилъ на изображенія миеологическихъ Сатировъ и Силеновъ. Такая некрасивая внѣшность возбуждала не мало остротъ какъ со стороны его друзей, такъ и съ его собственной стороны. Но за то онъ обладалъ замѣчательною крѣпостью и закаленностью тѣла, такъ что лѣто и зиму носилъ одну и ту же одежду, и босой ходилъ по льду и снѣгу. Во время военныхъ походовъ никто не могъ превзойти его въ перенесеніи холода, жара, усталости, голода и другихъ лишеній. Какъ истинный философъ, онъ ограничивалъ свои физическія потребности до крайней степени, и хотя при случаѣ, за роскошнымъ обѣдомъ, могъ наѣдаться и выпивать вина не менѣе кого либо другаго; однако въ обычной своей жизни довольствовался просто водою и скудною пищею, необходимою для поддержки существованія. Никогда онъ не жаловался на свою бѣдность, и также безъ ропота переносилъ частую брань и упреки своей сварливой жены Ксантиппы.

Такъ однажды она не только осыпала его бранью, но и въ заключеніе облила водою. «Развѣ я не сказалъ, что Ксантиппа послѣ грома пустить мнѣ на голову и дождь» — добродушно замѣтилъ на это Сократъ. Въ другой разъ она на улицѣ сорвала съ него плащъ, и друзья настаивали, чтобы онъ расправился съ ней какъ слѣдуетъ мужу. „Да, возразилъ онъ — что бы когда мы подеремся, вы могли бы подзадоривать словами: хорошо Сократъ! Ну ка еще Ксантиппа! Въ этомъ отношеніи онъ сравнивалъ себя съ тѣми конюхами, которые, если научатся укрощать самыхъ горячихъ лошадей, то легко будутъ справляться съ остальными; такъ и онъ, привыкнувъ переносить нравъ Ксантиппы, можетъ уже выносить общество какихъ угодно людей.

Впрочемъ упреки жены за недостатокъ попеченій о своемъ семействѣ были отчасти справедливы; ибо у нихъ были дѣти. Тогда какъ

другіе наставники, именно такъ называемые софисты, учили юношей философіи и краснорѣчію за деньги и даже дорого продавали свои уроки, Сократъ не хотѣлъ брать никакой платы за свои наставленія и довольствовался сознаниемъ, что онъ приноситъ пользу своему отечеству. А между тѣмъ количество его учениковъ возрастало; въ ихъ числѣ встрѣчались люди богатые и такіе, которые потомъ играли большія политическія роли, напримѣръ, Алкивиадъ, Критій и Терамень. Другіе изъ его учениковъ впоследствии сами сдѣлались знаменитыми философами и писателями, каковы Платонъ и Ксенофонтъ.

Главнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго Сократъ поучалъ своихъ слушателей, была діалектика или искусство проводить свои мысли въ разговорной формѣ. Этимъ искусствомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, и рядомъ послѣдовательныхъ вопросовъ умѣлъ навести своего собесѣдника такъ, что тотъ самъ приходилъ къ желаемому выводу или заключенію (Способъ „индукціи“ или наведенія). Сократъ сравнивалъ свой способъ съ ремесломъ своей матери акушерки и говорилъ, что онъ помогаетъ родить мысли. Часто онъ прибѣгалъ при этомъ къ легкой шуткѣ или къ ироніи, особенно тогда, когда хотѣлъ какого либо самонадѣяннаго человѣка незамѣтно для него самаго привести къ убѣжденію въ своемъ ничтожествѣ или въ своемъ невѣжествѣ. Высокому самомнѣнію, гордыхъ своими знаніями, софистовъ (т. е. «мудрствующихъ») онъ противопоставалъ слѣдующее положеніе: сознание человѣка, что онъ ничего не знаетъ, есть начало всякой мудрости; ибо только это сознание дѣлаетъ его способнымъ и воспримчивымъ къ изученію мудрости.

Чтобы дать понятіе о діалектическомъ способѣ или методѣ Сократа, приведемъ въ примѣръ его разговоръ съ Главкомъ. Этотъ Главкъ (или Главконъ), братъ Платона, двадцатилѣтній юноша, былъ одержимъ сильнымъ желаніемъ выступить въ народномъ собраніи, чтобы отличиться въ качествѣ оратора и государственнаго человѣка; напрасно друзья и родные умѣряли его пылкость и просили его не дѣлать себя смѣшнымъ въ глазахъ другихъ людей. Изъ участія къ семьѣ Сократъ взялся подѣйствовать на юношу, и разъ, встрѣтивъ его, завязалъ съ нимъ слѣдующій разговоръ.

„Итакъ, Главкъ, ты рѣшился посвятить себя управленію государствомъ?“ — спросилъ онъ. И, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ: „Клянусь Зевсомъ, это такъ прекрасно какъ ничто

въ мірѣ. И разъ ты успѣешь въ томъ, можешь достигнуть всего, что для себя желаешь, и можешь быть полезенъ для своихъ друзей. Ты возвысишь свой родъ и возвеличишь отечество; сначала ты будешь знаменитъ въ родномъ городѣ, потомъ въ цѣлой Греции и даже, подобно Өемистокду, у варваровъ, и гдѣ ты покажешься, тамъ на тебя будутъ устремлены всѣ взоры“.

Такая картина будущаго величія очень понравилась Главку, и онъ охотно вступилъ въ дальнѣйшій разговоръ.

Сократъ. „Неправда ли, Главкъ, ты хорошо понимаешь, что прежде нежели получить отъ своего города почести, ты долженъ принести ему пользу?“

Главкъ. „Конечно“.

Сокр. „Прошу тебя, нескрывай отъ насъ, и, ради боговъ, скажи, чѣмъ ты хочешь начать свое полезное служеніе городу?“

Главкъ молчалъ. Повидимому ему самому теперь только впервые пришлось подумать о томъ, съ чего онъ долженъ начать.

„Если бы ты захотѣлъ возвеличить домъ кого либо изъ своихъ друзей, то вѣроятно попытался бы сдѣлать его богаче. Можетъ быть ты постараться также обогатить свой городъ?“—спросилъ Сократъ.

„Конечно“—отвѣчалъ Главкъ.

Сокр. „А онъ разбогатѣетъ, если увеличатся его доходы?“

Главкъ. „Разумѣется“.

Сокр. „Итакъ, скажи мнѣ, изъ чего состоятъ доходы города и какъ они велики? Ты конечно уже занимался вопросомъ, какъ увеличить слишкомъ малые доходы и какъ открыть еще новые“.

Главкъ. „Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, я имъ не занимался“.

Сокр. „Ну, если ты это упустилъ изъ виду, то высчитай намъ хотя городскіе расходы; ибо ты конечно намѣренъ лишніе изъ нихъ отмѣнить“.

Главкъ. „Клянусь Зевсомъ, и объ этомъ я еще не подумалъ“.

Сокр. „Стало быть обогащеніе города мы пока отложимъ въ сторону. Ибо можно ли толковать о немъ, безъ знанія расходовъ и доходовъ?“

Главкъ. „Но городъ можно обогатить на счетъ отнятаго у не-пріятелей.“

Сокр. „Клянусь Зевсомъ, это вѣрно; только надобно быть сильнѣе

непріятеля; а если мы слабѣе, то можемъ потерять и то, что имѣемъ“.

Главкъ. „Ты правъ“.

Сокр. „Когда хотѣть объяснить себѣ, противъ кого слѣдуетъ выступить, то надобно прежде хорошо знать средства собственнаго города и силы непріятелей, и тогда уже, если городъ окажется сильнѣе, начинать войну, а если слабѣе противниковъ, то уклониться отъ войны. Не такъ ли?“

Главкъ. „Совершенная правда“.

Сокр. „Хорошо. Сообщи же намъ сначала количество афинскаго войска и флота, а потомъ силы непріятелей.“

Главкъ. „Но, клянусь Зевсомъ, на память я немогу тебѣ этого сейчасъ сообщить“.

Сокр. „Если ты что нибудь о томъ записалъ дома, то принеси; я бы очень охотно послушалъ“.

Главкъ. „Клянусь Зевсомъ, я еще ничего о томъ не записывалъ“.

Сокр. „Стало быть о войнѣ мы также пока воздержимся давать совѣты. Можетъ быть, по причинѣ обширности предмета ты не занялся его изслѣдованіемъ тотчасъ въ началѣ твоего государственнаго поприща. Но внутреннею охраною страны ты безъ сомнѣнія занимался, и знаешь, какіе караулы въ настоящемъ мѣстѣ устроены и какіе нѣтъ; первые ты подкрѣпишь, а вторые упразднишь“.

Главкъ. „Клянусь Зевсомъ, я намѣренъ ихъ упразднить всѣ; ибо они такъ плохо устроены, что у насъ съ полей воруютъ жатву“.

Сокр. „Однако, если снять караулы, то развѣ тогда всякій желающій не можетъ производить открытый грабежъ по дорогамъ? Впрочемъ самъ ли ты тамъ былъ и дѣло изслѣдовалъ или откуда нибудь узналъ, что стражи не исполняютъ своихъ обязанностей?“

Главкъ. „Я такъ предполагаю.“

Сокр. „Не лучше ли и въ этомъ дѣлѣ намъ воздержаться съ нашимъ совѣтомъ, пока мы будемъ знать, а не предполагать только?“

Главкъ. „Можетъ быть, такъ будетъ лучше.“

Сокр. „До серебряныхъ рудниковъ ты конечно еще не дошелъ, чтобы могъ сколько нибудь объяснить, почему теперь они даютъ менѣ чѣмъ прежде?“

Главкъ. „Конечно, нѣтъ.“

Сокр. „Къ тому же это предметъ непріятный, и когда зайдетъ о немъ рѣчь, тебѣ извинительно будетъ (помолчать о немъ)“.

Главкъ. „Ты шутишь“.

Сокр. „Но ты навѣрно не упустилъ изъ виду и высчиталъ, сколько времени городъ можетъ довольствоваться произведеніями собственной страны и сколько ему нужно въ годъ провіанту; чтобы какъ нибудь неожиданно не случился голодъ, ты преподашь совѣтъ о необходимыхъ мѣрахъ и тѣмъ предоохранишь городъ“.

Главкъ. „Но было бы нѣчто ужасное, еслибъ нужно еще и объ этомъ заботиться“.

Сокр. Однако никто не можетъ порядочно вести собственное домашнее хозяйство, если не знаетъ всего, что для него нужно, и не заботится о томъ. Городъ же состоитъ болѣе чѣмъ изъ 10.000 домовъ, и о столькихъ семействахъ заразъ имѣть попеченіе довольно затруднительно. Почему бы тебѣ сначала не озаботиться благополучіемъ хотя одной семьи, напримѣръ твоего дяди? Она въ немъ нуждается. Поднимешь ты ея благосостояніе, тогда попытай тоже надъ многими. А если не можешь быть полезенъ одному семейству, то какъ же будешь благодѣтельствовать многимъ? Кто не въ силахъ нести одного таланта, то нести нѣсколько талантовъ не долженъ и пытаться. Не такъ ли?“

Главкъ. „Я бы желалъ быть полезенъ семьѣ дяди, если бы только онъ захотѣлъ меня слушать“.

Сокр. „Слѣдовательно дядю твоего ты не можешь убѣдить, а всѣхъ Аѳинянъ, съ дядею включительно, думаешь довести до повиновенія тебѣ? Берегись, Главкъ, что бы твое стремленіе къ славѣ не привело тебя прямо къ противоположному. Развѣ ты не видишь, какъ опасно совѣтовать и дѣйствовать въ дѣлахъ, которыхъ не знаютъ? Посмотри на другихъ, извѣстныхъ тебѣ, которые не понимаютъ того, что говорить и дѣлаютъ. Что по твоему они пожинаютъ, хвалу или порицаніе? Потомъ посмотри на тѣхъ, которые знаютъ, что говорить и дѣлаютъ, и ты, полагаю увидишь, что во всѣхъ вещахъ прославляемы и почитаемы бываютъ тѣ, которые наилучше знаютъ дѣло. а порицаемы и презираемы тѣ, которые наименѣе его понимаютъ. Если желаешь быть въ городѣ почитаемымъ и прославляемымъ, то старайся пріобрѣсти себѣ возможно обширныя свѣденія о томъ, что ты хочешь дѣлать. Когда вполнѣ вооруженный этими свѣденіями ты выступишь на поприще дѣлъ государственныхъ, тогда я не удивлюсь, если ты легко достигнешь того, къ чему стремишься“.

Такими доводами, то слегка шутливыми, то строго бичующими невѣжество юноши, цѣль была достигнута. Главкѣ сознавъ свою недозрѣлость и отказался отъ преждевременнаго участія въ общественныхъ совѣтахъ.

Въ подобной же разговорной формѣ Сократъ разъяснялъ своимъ слушателямъ нравственныя обязанности человѣка, и опредѣлялъ понятія о высшихъ отвлеченныхъ предметахъ: на примѣръ, что такое благочестіе и безбожіе, справедливое и несправедливое, прекрасное и безобразное, разсудительность и легкомысліе, храбрость и трусость. Задачею его уроковъ было улучшение нравственности своихъ согражданъ, слѣдовательно философія его имѣла направленіе этическое (*ἠθικός*—нравственный).

При всемъ своемъ добродушіи и устраниши себя отъ всякой явной вражды, Сократъ уже по самому духу своего ученія, по своему стремленію улучшить нравственное состояніе общества, долженъ былъ возбудить противъ себя многихъ враговъ. Его ироническіе вопросы нерѣдко оскорбляли самолюбіе выдающихся гражданаъ. Въ особенности своей безпощадной логикой онъ вооружилъ противъ себя софистовъ, занимавшихся преподаваніемъ краснорѣчія. Въ такомъ городѣ какъ Аѣны, гдѣ ораторское искусство играло самую видную роль, краснорѣчіе необходимо должно было сдѣлаться особою наукою, и преподаватели его получили большое значеніе; болѣе другихъ нуждались въ искусствѣ краснорѣчія ходатаи по судебнымъ дѣламъ (адвокаты) для защиты своихъ кліентовъ. Нѣкоторые изъ софистовъ или риторовъ стяжали себѣ обширную извѣстность; имъ хорошо платили за уроки, и на эти уроки стекалось много слушателей. Наибольшую извѣстность между такими риторамъ—софистами приобрѣли Протагоръ, родомъ изъ эракійскаго города Абдеры, и Горгіи, изъ сицилійскаго города Леонтины. Они были старшіе современники Сократа, и уроками краснорѣчія нажили себѣ значительныя богатства. Горгіи во время Пелопонесской войны пріѣхалъ посломъ отъ роднаго города, и возбудилъ восторгъ Аѣнянъ своими декламациями. Здѣсь онъ за деньги „показывалъ себя“, т. е. свое искусство. Показываніе это состояло въ слѣдующемъ: Горгіи объявлялъ, что въ такое то время онъ принимаетъ слушателей; при чемъ будетъ отвѣчать на всѣ предлагаемыя ему вопросы и разсуждать о всякомъ предметѣ по желанію

посѣтителей. Праздные люди стекались къ нему толпами и щедро платили за его находчивость въ отвѣтахъ, за гибкость и изворотливость его ума.

Эти свѣтила риторскаго искусства въ тоже время подавали примѣръ плохой нравственности тѣмъ, что съ одинаковой ловкостью и усердіемъ защищали всякую мысль, справедливую или несправедливую, смотря по своему интересу. Они проповѣдывали, что истины собственно нѣтъ; кто въ чемъ убѣжденъ, то для него и истинно; слѣдовательно, главное дѣло заключается въ искусствѣ убѣждать. О божественномъ и нравственномъ софисты заботились менѣе всего. Протагоръ даже написалъ книгу „О богахъ“, въ которой говорилъ слѣдующее: „что касается до боговъ, то я не могу знать, существуютъ они или не существуютъ; потому что многое тому препятствуетъ, въ особенности темнота самого предмета и краткость нашей жизни“. Понятно, какъ непріятенъ былъ для такихъ людей Сократъ, своимъ ученіемъ объ истинѣ и своими безкорыстными уроками обличавшій ихъ суетность, корыстолюбіе и внутреннюю пустоту. Особенно чувствительна была для нихъ потеря нѣкоторыхъ богатыхъ юношей, которые предпочитали ихъ урокамъ бесѣды Сократа *).

Такъ какъ способы ученія и внѣшніе приемы, употреблявшіеся Сократомъ въ его бесѣдахъ, заключали много общаго съ софистами, то въ Аѳинахъ нашлось не мало такихъ людей, которые не хотѣли различать Сократа отъ софистовъ. Это были приверженцы старины, почитатели старыхъ обычаевъ, законовъ и вѣрованій, скорбѣвшіе объ упадкѣ древнихъ нравовъ (партія консервативная). Въ ихъ глазахъ Сократъ казался опаснымъ нововводителемъ, который подрывалъ старую демократію и общественную дисциплину тѣмъ же оружіемъ какъ и софисты, т. е. излишнимъ умствованіемъ и хитро-

---

*) Надобно впрочемъ замѣтить, что взгляды новѣйшихъ ученыхъ на Греческихъ софистовъ неодинаковы. Нѣкоторые, напр. Гротъ, утверждаютъ, что на софистовъ много клеветали уже древніе писатели и что они въ то время составляли классъ людей наиболѣе интеллигентный и передовой въ нашемъ значеніи этихъ словъ. Хотя Гротъ слишкомъ восхваляетъ ихъ; но безпристрастная исторія должна признать нѣкоторую долю правды въ его словахъ. Вообще извѣстны софисты несомнѣнно владѣли большими научными свѣденіями, доступными тому времени.

сплетенными разсужденіями, способными отстаивать любую нелѣпость. Они не давали себѣ труда вникнуть въ духъ его ученія. Къ такимъ приверженцамъ старины и недоброжелателямъ Сократа принадлежалъ знаменитый комикъ Аристофанъ. Осмѣивая въ своихъ комедіяхъ разныя лица и общественные недостатки, онъ между прочимъ цѣлое произведеніе посвятилъ софистамъ, образцомъ которыхъ представилъ Сократа. Эта комедія названа «Облака», потому что софисты, отвергая существованіе Зевса и другихъ боговъ, будто бы почитаютъ только облака, которыя производятъ дождь и громъ и въ которыхъ они парятъ своими мыслями. Облака являются дѣйствующимъ лицомъ комедіи въ видѣ женскаго хора.

Содержаніе комедіи вращается около одного стараго аѳинянина Стрепсиада, который хочетъ выучиться у софистовъ ихъ искусству доказывать справедливое несправедливымъ и обратно, чтобы избавиться отъ уплаты своихъ долговъ, причиненныхъ мотовствомъ его сына. По своей тупости и безпамятности старикъ не въ состояніи усвоить всѣхъ софистическихъ тонкостей въ школѣ Сократа; почему онъ долженъ удалиться и посылаетъ туда сына своего Фидиппида. Послѣдній скоро выучивается искусству софистовъ. Но, какъ извѣстно, воротясь къ отцу, онъ, при первомъ же возникшемъ между ними спорѣ, бьетъ своего родителя и потомъ доказываетъ ему, что имѣетъ на то полное право.

Доказательства его слѣдующія:

Во первыхъ, отецъ билъ его съ дѣтства, желая ему добра; сынъ въ свою очередь можетъ платить ему тѣмъ же и съ тою же цѣлью, и тѣмъ болѣе, что старики не лучше дѣтей, а ошибки простибельны имъ еще менѣе чѣмъ дѣтямъ. Во вторыхъ, на возраженія отца, что нигдѣ нѣтъ закона, позволяющаго дѣтямъ бить родителей, Фидиппидъ отвѣчаетъ: „А развѣ тотъ кто первый постановилъ законъ (о наказаніи дѣтей родителями) не былъ такой же человѣкъ? Почему же я самъ не могу избрѣсти новый законъ, который позволялъ бы сыновьямъ въ свою очередь бить своихъ отцовъ? Посмотри на пѣтуховъ и другихъ животныхъ: они дерутся съ своими отцами; а между ними и нами разница только та, что они не издаютъ писаныхъ законовъ“.

Вообще по отношенію къ софистамъ комедія даетъ яркую картину ихъ умствованій; но по отношенію къ Сократу она исполнена невѣрностей и явныхъ клеветъ. Напримѣръ, Стрепсиадъ, указывая

сыну на домикъ Сократа, говорить: «Это мѣсто размышленій ученыхъ душъ. Тамъ обитають люди, которые доказываютъ, что небо есть жаровня, насъ окружающая, а мы суть ея угли. Они за деньги научаютъ выигрывать дѣла, какъ правыя такъ и неправыя». А между тѣмъ извѣстно, что Сократъ ничего не бралъ за свои уроки. Точно также комедія клевететь на него, приписывая ему отрицаніе боговъ. Въ заключеніе ея старый Стрепсиадъ, возмущенный понесенными отъ сына побоями и его софизмами, раскаивается въ томъ, что повѣрилъ софистамъ и тоже пересталъ было вѣрить въ существованіе боговъ. Онъ схватываетъ горящій факель и поджигаетъ школу Сократа. Очевидно Аристофанъ самъ желалъ бы той же участи ненавистному философу. Но его комедія на первое время не достигла своей цѣли. Она показываетъ, что въ эту пору, т. е. въ 423 г. до Р. Х., личность Сократа уже пользовалась значительною извѣстностью въ Аѳинахъ; чего нельзя сказать о сущности его ученія. Послѣ перваго представленія «Облаковъ», онъ еще цѣлые 24 года спокойно жилъ и училъ въ родномъ городѣ. Однако подобныя публичныя клеветы и нареканія конечно оставили слѣдъ въ умахъ многихъ зрителей, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени подготовили будущее его обвиненіе.

Сократъ не искалъ отличій на политическомъ поприщѣ; но и не уклонялся отъ исполненія обязанностей гражданина. Въ первую половину Пелопонесской войны онъ въ качествѣ гоплита принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ; причемъ отличился не только своею выносливостію и закаленностью, но и своимъ мужествомъ. Въ битвѣ при Потидеѣ (въ Македоніи) онъ имѣлъ случай спасти жизнь юному своему ученику Алкивиаду, а въ несчастномъ для Аѳинянъ сраженіи при Деліонѣ (въ Беотіи) другому своему ученику Ксенофонту; за это сраженіе Сократъ получилъ такъ наз. награду храбрости. Онъ также храбро бился и при Амфиполѣ, гдѣ Клеонъ потерпѣлъ пораженіе отъ Бразиды; причемъ пали оба предводителя. Мужественный на полѣ брани, Сократъ показывалъ примѣръ гражданскаго мужества въ народныхъ совѣтахъ. Во вторую половину Пелопонесской войны аѳинскій флотъ одержалъ побѣду надъ Спартанцами при Аргинузскихъ островахъ (у береговъ М. Азии, въ 406 г. до Р. Х.). Но аѳинскіе полководцы послѣ битвы не позаботились вовремя подать помощь многимъ утопавшимъ согражданамъ и забрать разсѣянные остатки

сломанныхъ кораблей; за что были подвергнуты суду. Напрасно обвиненные ссылались на бурю, которая имъ помѣшала спасти утпавшихъ. Ихъ осудили на смерть. Сократъ былъ тогда въ числѣ очередныхъ притановъ или сенаторовъ, и одинъ только онъ не далъ своего согласія на незаконный способъ подачи голосовъ, который употребленъ былъ въ этомъ случаѣ; хотя при сильномъ народномъ раздраженіи противъ помянутыхъ начальниковъ онъ самъ могъ подвергнуться осужденію. Точно также по окончаніи войны, во время мрачнаго господства Тридцати тиранновъ, онъ не хотѣлъ исполнить ихъ несправедливаго повелѣнія объ арестѣ и казни одного гражданина изъ Саламина, говоря, что смерти онъ боится менѣе чѣмъ несправедливаго поступка. Вообще онъ не скрывалъ своего негодованія на жестокости этихъ олигарховъ, во главѣ которыхъ стоялъ бывший его недостойный ученигъ Критій. Тиранны однако не рѣшились поднять руку на философа, и только запретили ему учить юношество. Но ихъ правленіе, какъ извѣстно, скоро было низвергнуто дружиною изгнанниковъ подъ предводительствомъ Тразибула; въ Аѣинахъ восстановлены демократія и учрежденія Солона.

Сократъ съ новымъ усердіемъ предался любимому занятію, т. е. поучительнымъ бесѣдамъ съ своими учениками. О томъ, какъ привлекательны были эти бесѣды можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Одинъ изъ учениковъ его, Антистенъ, живя въ Пирей, т. е. за 7 или 8 версть, ежедневно приходилъ въ городъ, чтобы слушать Сократа. Другой, по имени Эвклидъ, приходилъ часто изъ Мегары. А когда Аѣняне во время Пелопонесской войны, раздраженные противъ Мегарянъ, назначили смертную казнь всякому изъ нихъ, кто будетъ пойманъ въ Аѣинахъ, Эвклидъ иногда пробирался въ городъ въ женскомъ платьѣ, чтобы на слѣдующій день пользоваться бесѣдою Сократа. Сама Дельфійская пиеія, на вопросъ одного изъ его учениковъ, отвѣчала, что нѣтъ человѣка мудрѣе Сократа.

При такомъ уваженіи къ нему казалось бы онъ могъ надѣяться спокойно провести остатокъ своей жизни въ родномъ городѣ. Но судьба рѣшила иначе.

Съ низверженіемъ тиранновъ и восстановленіемъ демократіи въ Аѣинахъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи, началась сильная реакція или возбужденіе противъ всего, что считалось тогда при-

чиною поражений и бѣдствій, постигшихъ Аѳины въ концѣ Пелопонесской войны, и противъ тѣхъ гражданъ, которые казались неприязненными демосу или находились въ какихъ либо связяхъ съ его врагами. Тутъ вспомнили, что два наибольшіе врага Аѳинской демократіи, Алкивиадъ и Критій, были когда то учениками Сократа. При томъ послѣдній имѣлъ въ Аѳинахъ не мало личныхъ недоброжелателей, въ особенности изъ тѣхъ, которыхъ когда либо оскорбили его ироническіе вопросы, клонившіеся къ обличенію ихъ невѣжества или недобросовѣстности. Нашлось нѣсколько людей, которые воспользовались такимъ неблагопріятнымъ для Сократа настроеніемъ, чтобы привлечь къ суду философа, достигшаго тогда уже семидесятилѣтняго возраста.

Обвинителями Сократа передъ судомъ геліастовъ или присяжныхъ явились три человѣка: кожевникъ Анитосъ, поэтъ Мелетосъ и риторъ Ликонъ. Первый изъ нихъ былъ однимъ изъ вождей демократической партіи и товарищемъ Тразибула при сверженіи Тридцати олигарховъ. Во время господства послѣднихъ онъ потерялъ значительную часть своего состоянія; почему съ особою ревностію преслѣдовалъ тѣхъ, кто находился въ какихъ либо связяхъ съ олигархами. Противъ Сократа Анитосъ имѣлъ еще личную ненависть за то, что его молодой сынъ тоже увлекался уроками Сократа и возимѣлъ нерасположеніе къ отцовскому ремеслу. Другіе два обвинителя, Мелетосъ и Ликонъ, по всей вѣроятности имѣли также личныя причины ненавидѣть философа, ибо по своимъ занятіямъ принадлежали къ такому классу, который въ особенности испытывалъ на себѣ Сократовскую иронию. Одинъ изъ новыхъ европейскихъ историковъ (англичанинъ Гротъ) удивляется не тому, что Сократъ наконецъ былъ привлеченъ къ суду, а тому, что привлеченъ такъ поздно, если имѣть въ виду большое количество враговъ, которое онъ возбудилъ противъ себя своимъ обличительнымъ словомъ.

Главнымъ пунктомъ обвиненія представлено было то, что Сократъ будто бы своимъ ученіемъ развращаетъ юношество, которому внушаетъ невѣріе къ отечественнымъ богамъ, непочтеніе къ родителямъ, неуваженіе къ старымъ обычаямъ и законамъ, вообще къ демократіи. Слѣдовательно передъ судомъ повторены почти тѣ же самыя обвиненія, которыя назадъ тому 24 года Аристофанъ выставилъ противъ Сократа въ комедіи „Облака“.

Обвиненіе свое доносчики старались подкрѣпить разными примѣрами, взятыми изъ бесѣдъ Сократа съ учениками; при чемъ перетолковывали его слова въ самую дурную сторону. Напримѣръ, его неуваженіе къ Аѳинскому государственному устройству доказывали тѣмъ, что онъ осуждалъ обычай избирать архонтовъ по жребію, причѣмъ говорилъ такъ: „Ни одинъ разумный человѣкъ подобнымъ способомъ не выберетъ себѣ кормчаго, штурмана или плотника, хотя вредъ, который можетъ принести неудачный выборъ сихъ послѣднихъ, будетъ гораздо менѣе нежели отъ архонтовъ“. Въ примѣръ мнимой безнравственности его уроковъ приводили слѣдующее: Сократъ указывалъ юношамъ одно мѣсто изъ поэмъ Гезіода, гдѣ говорилось, что „никакой трудъ не постыденъ; но постыдно бездѣйствіе“. И будто бы Сократъ объяснялъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что ради выгоды можно заниматься всякимъ дѣломъ, хотя бы дурнымъ и несправедливымъ. Далѣе, Сократъ будто бы особенное вниманіе слушателей обращалъ на то мѣсто Илиады Гомера, гдѣ Одиссей возвращаетъ въ лагерь Грековъ, устремившихся къ кораблямъ, чтобы отплыть къ отечеству; причѣмъ вождей онъ убѣждалъ дружескими словами, а простыхъ людей бранью и даже ударами скипетра. Сократъ (по словамъ обвинителей) будто бы объяснялъ, что Гомеръ съ сочувствіемъ говорить здѣсь о побояхъ, причиненныхъ Одиссеемъ простымъ людямъ. Въ такомъ объясненіи обвинители находили явное неуваженіе къ демократіи, внушаемое юношеству. Вотъ какими клеветами и лжетолкованіями они пытались очернить поведеніе философа! Не забыли также въ примѣръ тѣхъ пагубныхъ плодовъ, которые яко бы приносили его уроки, напомнить о двухъ его ученикахъ, Алкивиадѣ и Критіѣ, причинившихъ столько вреда своему отечеству. Въ дѣйствительности это были ученики, которые, увлекшись своимъ честолюбіемъ и дурными наклонностями, измѣнили ученію Сократа и поступали противно его урокамъ.

Извѣстный въ свое время ораторъ Лизій написалъ защитительную рѣчь для Сократа. Послѣдній прочелъ ее, и возвратилъ, замѣтивъ, что рѣчь прекрасна, но къ нему не подходитъ, также какъ не пошли бы къ нему красивыя одежды и сандалии. Онъ хотѣлъ самъ защищать себя какъ подобало философу. Во время этой защиты Сократъ не прибѣгалъ къ тѣмъ уловкамъ, которыя обыкновенно употреб-

ляли обвиненные, чтобы разжалобить своихъ судей или вымолить у нихъ прощеніе. Напротивъ, онъ говорилъ съ достоинствомъ и съ увѣренностію не только въ своей правотѣ и въ своихъ чистыхъ намѣреніяхъ, но и въ своихъ заслугахъ отечеству. Хотя у Сократа было много личныхъ враговъ и недоброжелателей; однако его строгій образъ жизни и безкорыстіе въ то время были уже настолько извѣстны, что ему нетрудно было бы получить оправданіе. Но тонъ его защиты показался дикастамъ или судьямъ слишкомъ смѣлымъ и даже гордымъ, и они высказались за его виновность, впрочемъ весьма незначительнымъ большинствомъ пяти или шести голосовъ. (Дикастерія въ этотъ разъ заключала въ себѣ свыше 550 членовъ).

Отъ такого заявленія о виновности подсудимаго еще далеко было до смертнаго приговора. Еще предстояло рѣшить вопросъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть обвиненнаго. Одинъ изъ обвинителей, Мелетось, потребовалъ для Сократа смертной казни. По аттическому закону подсудимому предоставлялось право подать голосъ противъ обвинителя, т. е. высказать свое мнѣніе о собственномъ наказаніи. Сократъ могъ бы предложить съ своей стороны небольшую денежную пеню или временное заключеніе. Судьи вѣроятно согласились бы съ нимъ, и самое большее, что его ожидало, это временное изгнаніе изъ отечества. Но каково же было общее удивленіе и неудовольствіе, когда Сократъ объявилъ, что за свое безкорыстное служеніе родинѣ и за свои старанія сдѣлать согражданъ мудрыми и добродѣтельными онъ заслуживаетъ быть помѣщеннымъ въ Пританей на всю остальную жизнь, подобно олимпійскимъ побѣдителямъ и другимъ заслуженнымъ людямъ. „Если бы я былъ богатъ—прибавилъ онъ,—то предложилъ бы взять съ меня денежную пеню. Но у меня есть только одна мина серебра. Впрочемъ Платонъ и остальные мои друзья обѣщаютъ внести за меня тридцать минъ, въ чемъ и представляютъ себя поручителями».

Пожизненное содержаніе въ Пританей на общественный счетъ было одною изъ самыхъ почетныхъ наградъ, какихъ удостоивались аѳинскіе граждане, и, когда Сократъ объявилъ себя достойнымъ такой награды, то судьямъ показалось это прямою надъ ними насмѣшкою. На сей разъ уже значительнымъ большинствомъ голосовъ онъ былъ присужденъ къ смертной казни. Философъ съ великимъ равнодуші-

емъ выслушалъ этотъ приговоръ, и предъ уходомъ своимъ въ темницу обратился къ судьямъ съ новою рѣчью. Въ этой рѣчи между прочимъ Сократъ говорилъ о своемъ внутреннемъ голосѣ. По его убѣжденію въ немъ жилъ божественный голосъ или добрый геній (δαίμονιον), который часто отклонялъ его отъ какихъ либо поступковъ или словъ. Но въ день суда его геній молчалъ, и не возбранялъ ему высказать все то, что онъ думалъ. Отсюда Сократъ вывелъ заключение, что онъ говорилъ правду; что послѣдній приговоръ не составляетъ для него бѣдствія, и что, напротивъ, въ его преклонныхъ лѣтахъ смерть это самое лучшее, что ему остается. Если смерть есть спокойный вѣчный сонъ, то она лучше настоящей жизни; а если она составляетъ, по народнымъ понятіямъ, переходъ въ другую жизнь, въ Гадесъ или царство тѣней, то онъ встрѣтитъ тамъ всѣхъ героевъ Троянской войны и прошедшихъ временъ вообще, и будетъ разсуждать съ ними о нравственномъ совершенствованіи; за что конечно его тамъ уже не будутъ казнить. «Но—заключилъ свою рѣчь Сократъ—уже время идти, мнѣ для того, чтобы умереть, а вамъ для того, что бы жить. Кто же изъ насъ идетъ къ лучшему, о томъ вѣдаетъ только одинъ Богъ».

При обыкновенныхъ обстоятельствахъ Сократъ въ тотъ же день или на слѣдующей выпилъ бы присужденную ему чашу съ ядомъ. Но случилось такъ, что наканунѣ изготовленъ былъ къ отправкѣ изъ Аѣны на островъ Делосъ священный корабль, который совершалъ обычное плаваніе на праздникъ Аполлона, въ память спасенія Тезея и его спутниковъ отъ критскаго Минотавра. До возвращенія этого корабля считалось грѣхомъ исполнять смертную казнь. Корабль, задержанный вѣтрами, пробылъ въ отсутствіи цѣлый мѣсяцъ, и все это время Сократъ содержался въ тюрьмѣ, съ оковами на ногахъ. Друзья и ученики имѣли къ нему свободный доступъ, и почти все свое время проводили въ бесѣдѣ съ нимъ. Одинъ изъ нихъ, Критонъ, составилъ было планъ бѣгства изъ тюрьмы съ помощью подкупленнаго сторожа. Но Сократъ рѣшительно воспротивился такому плану, проповѣдуя повиновеніе отечественнымъ законамъ. И странно было бы его стараніе избѣжать смерти послѣ приговора, когда онъ высказалъ къ ней такое равнодушіе во время своего судебного процесса.

Бесѣды его съ друзьями въ тюрьмѣ были посвящены вопро-

самъ человѣческой нравственности и философіи. Особенно замѣчательна была послѣдняя бесѣда, которую мастерски передалъ его знаменитый ученикъ Платонъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, подъ заглавіемъ „Федонъ“. Здѣсь расказъ о послѣдней бесѣдѣ и кончинѣ философа ведется отъ имени Федона, также одного изъ учениковъ Сократа.

Приведемъ сущность этого расказа.

Узнавъ о возвращеніи священнаго корабля, ученики Сократа на другой день собрались около его темницы ранѣе обыкновеннаго. Сторожъ, отворившій имъ дверь, сказалъ, чтобъ они пообождали; ибо одиннадцать судей (собственно исполнители приговора) въ это время снимали оковы съ Сократа и объявляли ему, какою смертію онъ въ тотъ день долженъ умереть. Когда учениковъ выпустили, они увидѣли Сократа только что освобожденнаго отъ оковъ, а подлѣ него Ксантиппу съ маленькимъ сыномъ. Ксантиппа подняла вопли и стенанія; но по просьбѣ Сократа ее увели изъ тюрьмы. Затѣмъ онъ началъ обычную бесѣду. Содержаніемъ этой бесѣды послужило развитіе той-же мысли, которую философъ предложилъ своимъ судьямъ, т. е. что смерть для него не составляетъ никакого бѣдствія, потому что она служитъ переходомъ въ иную, лучшую жизнь; другими словами, Сократъ въ этотъ день утѣшалъ своихъ печальныхъ друзей тѣмъ, что говорилъ съ ними о безсмертіи и божественномъ происхожденіи души, и объ ея отношеніяхъ къ тѣлу. Къ его ученію въ семь случаевъ примѣшивались и древнія вѣрованія о переселеніи душъ изъ одного тѣла въ другое. Вотъ образцы вопросовъ, посредствомъ которыхъ Сократъ доводилъ бесѣдующихъ съ нимъ до убѣжденія въ безсмертіи души:

„Отвѣчай — сказалъ онъ обращаясь къ одному изъ нихъ, — что должно сообщить тѣлу, чтобы ему сдѣлаться живымъ?“

„Должна сообщить душа“.

„И это всегда такъ бываетъ?“

„Какъ же не всегда?“

„Значить душа, чѣмъ бы она ни владѣла, всему и всегда приноситъ жизнь?“

„Конечно“.

„А жизни есть что нибудь противное или нѣтъ?“

„Есть“.

„Что такое?“

„Смерть“.

„Но изъ того, на чемъ мы недавно согласились, не слѣдуетъ-ли, что душа никогда не приметъ противнаго тому, что она всегда приноситъ?“

„Непремѣнно слѣдуетъ“.

„Какъ же мы назовемъ то, что не принимаетъ смерти?“

„Безсмертнымъ“.

„Но душа не принимаетъ смерти?“

„Нѣтъ“.

„Слѣдовательно душа безсмертна?“

„Безсмертна“.

Въ такихъ разговорахъ незамѣтно прошелъ день, и солнце приблизилось къ закату. Философъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ по обычаю, совершилъ омовеніе, и затѣмъ еще разъ простился съ своими дѣтьми и домашними. Потомъ онъ воротился къ ученикамъ. Тутъ пришелъ приставъ одиннадцати судей, и, отдавъ справедливость кроткому поведенію Сократа, не похожему на другихъ осужденныхъ, объявилъ ему, что наступаетъ минута исполнить приговоръ..

Критонъ возражилъ, что на вершинахъ горъ солнце еще свѣтитъ, не закатилось, и просилъ Сократа не слѣзнуть принятіемъ яда; ибо другіе въ подобномъ случаѣ выпивали его очень поздно, а передъ тѣмъ много ѣли и долго пировали. Но Сократъ отвергъ такое малодушное желаніе продлить жизнь на нѣсколько лишнихъ минутъ, и попросилъ немедленно принести себѣ роковую чашу. Когда онъ спокойно выпилъ ее, друзья не могли удержать своихъ слезъ; а нѣкоторые зарыдали и завопили. «Что вы дѣлаете, странные люди?—сказалъ философъ. Я для того отослалъ женщинъ, чтобы они не произвели чего-либо подобнаго. Пожалуйста успокойтесь». По совѣту приставника, онъ ходилъ до той минуты, пока ноги его отяжелѣли. Тогда онъ легъ навзничъ и покрылся. Приставникъ, ошупывая сначала ноги и голени, потомъ бедра, и восходя выше, показывалъ присутствующимъ, какъ онъ постепенно холодѣетъ и костенѣетъ. Вдругъ умирающій приподнялъ покрывало и сказалъ: «Критонъ, мы должны принести пѣтуха богу Асклею, не забудь этого». «Хорошо—отвѣчалъ Критонъ. Но не прикажешь-ли еще чего?» На эти слова уже не было отвѣта. Сократъ вздрогнулъ. Приставникъ от-

крыль его лицо, и всѣ увидѣли, что уста и глаза его остановились. Бритонъ подошелъ, и закрылъ ихъ.

„Таковъ былъ конецъ нашего друга (заключаетъ Федонъ), человека, можно сказать, самаго лучшаго, какъ между извѣстными намъ его современниками, такъ и вообще мудрѣйшаго и справедливѣйшаго“.

На юговосточной сторонѣ древнихъ Афинъ у подошвы такъ называемаго Музейскаго холма доселѣ видны остатки какого то зданія, которое отчасти было ископано въ скалѣ; а передняя его часть сложена изъ камней и кирпичей. Фасадъ его имѣетъ три двери ведущія въ три камеры или три грота, соединенные между собою боковымъ отверстіемъ; къ одному изъ этихъ камеръ примыкаетъ круглая сводчатая комната, изсѣченная въ скалѣ. Въ этой-то послѣдней, какъ полагаютъ, былъ заключенъ Сократъ, и вообще развалины зданія извѣстны теперь подъ именемъ «Сократовой темницы». Впрочемъ названіе это основано только на вѣроятномъ предположеніи, а фактически остается недоказаннымъ.

Сократъ по справедливости считается „отцомъ философіи“, первымъ этическимъ (т. е. нравственнымъ) философомъ, который не только положилъ прочное основаніе для этой науки, но и указалъ самый ея методъ или способъ къ достиженію философскихъ истинъ, т. е. вышепомянутый индуктивный способъ мышленія или логическій его анализъ. Этотъ способъ, прилагаемый впоследствии къ разнообразнымъ изслѣдованіямъ, далъ превосходные результаты. Ему обязаны своимъ успѣхомъ также и науки естественныя.

Сократъ не оставилъ послѣ себя никакихъ сочиненій и никакой строго опредѣленной философской системы. Таковой системой или даже цѣлымъ рядомъ системъ она является уже въ обработкѣ его послѣдователей. Всѣ наши свѣдѣнія о его жизни и его ученіи почерпаются изъ сочиненій двухъ его учениковъ: философа Платона и историка Ксенофонта. Платонъ въ своихъ діалогахъ нерѣдко изображаетъ Сократа разсуждающимъ о томъ или другомъ предметѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что какъ форма этихъ разсужденій такъ и самое ихъ содержаніе являются передъ нами уже въ обработкѣ или въ переработкѣ самаго Платона. Поэтому изъ сообщаемыхъ имъ о Сократѣ свѣденій только тѣ считаются несомнѣнными, которыя подтверждаются извѣстіями о немъ Ксенофонта; послѣдній изображаетъ

своего учителя проще и ближе къ дѣйствительности. Сличая всѣ достовѣрныя извѣстія о нравственной философіи Сократа, можно привести ее къ двумъ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Человѣкъ по своей природѣ есть существо общительное и весьма наклонное къ взаимной симпатіи. Хотя онъ въ тоже время одаренъ сильнымъ инстинктомъ самосохраненія и поддается эгоистическимъ стремленіямъ, которыя способны вызывать взаимную вражду и даже взаимное истребленіе людей; но эти противоположные порывы подчиняются болѣе сильнымъ инстинктамъ симпатіи и товарищества, въ развитіи которыхъ и состоитъ истинная человѣчность.

2. Человѣкъ по своей природѣ есть существо размышляющее, и чѣмъ болѣе онъ сдерживаетъ свои страсти и свои дѣйствія подчиняетъ разуму, тѣмъ болѣе онъ является истиннымъ человѣкомъ. Разумъ стремится къ познанію истины; а истина, осуществленная въ жизни, даетъ нравственное, благоустроенное общество.

Эти въ настоящее время столь простыя и столь извѣстныя истины въ свое время являлись великимъ шагомъ въ исторіи человѣческаго мышленія. Онѣ были направлены противъ существовавшихъ теорій, повторяемыхъ и въ новыя времена, противъ теорій, которыя въ исторіи міроваго прогресса даютъ слишкомъ много мѣста человѣческому эгоизму, личному чувству самосохраненія, жадѣ пріобрѣтенія, борьбѣ за существованіе и т. п. Такія положенія, проникнутыя горячею и глубокою любовью къ человѣчеству, несомнѣнно дѣлають Сократа предвѣстникомъ христіанскаго ученія. Съ этой стороны онъ является миссіонеромъ новыхъ идей и реформаторомъ языческихъ понятій, великимъ гуманистомъ и моралистомъ древняго міра, не однимъ только все обсуждающимъ, все анализирующимъ философомъ, но и вдохновеннымъ проповѣдникомъ. На его вдохновенную натуру намекаетъ и его собственное признаніе, что въ немъ присутствовалъ какой-то божественный геній, который иногда указывалъ ему что дѣлать или чего не дѣлать. Этимъ геніемъ былъ конечно сильный внутренней голосъ, голосъ правды, добра и любви къ ближнему.

Одинъ англійскій мыслитель (Блэки), по поводу Сократоваго ученія о человѣческой нравственности и его исходнаго пункта, замѣтилъ слѣдующее: „Если бы Сократъ могъ въ настоящее время встать изъ гроба, то при его строгомъ здоровомъ смыслѣ и практич-

ности, его несомѣнно крайне поразилъ бы необычайный матеріальный прогрессъ, составляющій гордость Англiи и Америки; но въ то же время прогрессъ этотъ неминуемо вызвалъ бы съ его стороны энергическое предостереженіе противъ опасности основывать національное величіе на внѣшнемъ блескѣ гигантскихъ машинъ и сложныхъ аппаратовъ, а не на внутренней силѣ благородныхъ цѣлей и возвышенныхъ стремленій“.

Хотя нашему (т. е. Русскому) обществу еще далеко до той степени матеріальнаго прогресса, до котораго достигла Англiя; пожелаемъ однако что бы у насъ стремленія къ этому матеріальному внѣшнему прогрессу никогда не овладѣвали вполне нашимъ внутреннимъ существомъ и не отодвигали бы на задній планъ благородныхъ, возвышенныхъ, истинно человѣчныхъ цѣлей и помысловъ.

НАЧАЛО МАКЕДОНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ *).

---

*) Важнѣйшими источниками для двухъ слѣдующихъ главъ, изображающихъ начало Македонской гегемоніи, служатъ рѣчи Демосоена и Эскина, творенія Діодора, Арріана и Юстина и біографіи Плутарха, посвященныя Демосоеву и Александру. А пособіями — названныя выше сочиненія Грота, Вебера, Хенебергера, Герцберга и Курціуса. Изъ русскихъ монографій: *Бабста* „Государственне мужи Греціи въ эпоху ея распаденія“. М. 1851. *Стасюлевича* „Ликургъ Аѳинскій“. Спб. 1851. Двѣ рецензіи на эти сочиненія, Кудрявцева и Леонтьева, въ сборникѣ Проппера, кн. II. М. 1852.

VIII.

ХЕРОНЕЙСКАЯ БИТВА И СМЕРТЬ ФИЛИППА.

Положеніе дѣлъ послѣ Мантинейской битвы.—Демосеенъ и преобразование триерархіи.—Неудача Филиппа.—Амфиктіоново судилище и разрушеніе Кирры.—Возобновленіе Священной войны.—Филиппъ въ Элатеѣ.—Патріотическія усилія Демосеена.—Союзъ Аѣнно-Фивскій.—Херонейскій бой и его слѣдствія.—Партіи при Македонскомъ дворѣ и вопросъ о наследникѣ престола.—Трагическая кончина Филиппа.

Печально было положеніе Греціи послѣ Мантинейской битвы. Изъ трехъ греческихъ государствъ, имѣвшихъ поочередно притязаніе на гегемонію среди Эллиновъ, т. е. Спарты, Фивъ и Аѣинъ, теперь ни одно не было настолько сильно, чтобы на дѣлѣ осуществить это притязаніе. Фивы послѣ названной битвы также скоро утратили свое преобладаніе въ Греціи, какъ неожиданно и скоро его приобрѣли, благодаря энергіи и талантамъ Пелопида и Эпаминонда. Спарта, истощенная послѣднею борьбою съ Фивами, Аркадянами и возставшими Мессенянами, впала въ безсиліе, отъ котораго долго не могла оправиться. Въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ находились Аѣиняне; при наступившемъ для нихъ мирномъ времени они успѣли снова поднять свою торговлю и промышленность и вновь получили преобладаніе на морѣ. Но возраждавшаяся Аѣинская сила была потрясена возстаніемъ нѣкоторыхъ союзныхъ городовъ и острововъ и происшедшею отсюда трехлѣтнею Союзническою войною (358—355), окончившеюся въ пользу возставшихъ. Въ то же время возникла бѣдственная Священная или Фокидская война, которая свирѣпствовала цѣлыя десять лѣтъ (356—346) и привела Грецію къ совершенному упадку и разъединенію. Греческій міръ могъ окончательно измельчать и погибнуть посреди этихъ безконечныхъ между-

усобій. Онъ жаждалъ спокойствія и отдыха, которые могла ему доставить только всѣхъ объединяющая, сильная, твердая власть. Другими словами, исторія привела республиканскую Грецію къ монархіи. Но такъ какъ изъ среды Эллинскихъ властителей никто не въ силахъ былъ осуществить такую монархію, то она явилась извнѣ, со стороны полуварварской, полуэллинской Македоніи.

Основатель Македонскаго могущества, царь Филиппъ, благодаря Священной или Токидской войнѣ, получилъ возможность вмѣшаться во внутреннія дѣла Грековъ и стать твердою ногою на греческой почвѣ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ многимъ государственнымъ людямъ Греціи Филиппъ казался незначительнымъ полуварварскимъ владѣтелемъ, отнюдь неопаснымъ для греческой свободы и независимости. А теперь онъ уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи всю Фессалию, такъ что къ своей знаменитой фалангѣ присоединилъ превосходную фессалийскую конницу; въ его рукахъ находились уже главные ворота, ведущія въ Элладу, т. е. Фермопильскій проходъ. Теперь при первомъ удобномъ случаѣ ему легко было ввести свои войска въ самую Элладу и всю Грецію подчинить Македонской гегемоніи. При той взаимной мелочной враждѣ и безконечныхъ племенныхъ счетахъ, которыхъ Греки не прекращали даже въ виду общей опасности, этотъ удобный случай не замедлил представиться. Онъ представился именно въ ту минуту, когда былъ особенно нуженъ Македонскому царю, когда нѣкоторые его предпріятія потерпѣли неудачу и у греческихъ патриотовъ оживилась надежда побороть опаснаго сосѣда.

Въ Аѣинахъ около того времени патриотическая партія, руководимая Демосееномъ, успѣла взять рѣшительный верхъ надъ продажными сторонниками Филиппа, съ ораторомъ Эхиномъ во главѣ, и получила въ свои руки управленіе общественными дѣлами. Убѣжденные горькимъ опытомъ въ справедливости Демосееновыхъ предостереженій, Аѣняне теперь чтили великаго оратора и патриота своимъ полнымъ довѣріемъ. И это была эпоха самой энергичной и неутомимой его дѣятельности на пользу общественную. Усилиями патриотической партіи политическое и экономическое благосостояніе Аѣинъ снова поднялось. Ихъ финансы снова процвѣли подъ управленіемъ Демосеенова друга Ликурга, который былъ искуснымъ финансистомъ и занималъ должность государственнаго казна-

чечя. Однимъ изъ наиболѣ замѣчательныхъ мѣръ, совершенныхъ Демосөеномъ, было преобразование тріерархіи. Извѣстно, что такъ называлась повинность гражданъ, относящаяся къ оснасткѣ кораблей. Для этого всѣ достаточные граждане (числомъ 1200) раздѣлены были на симморіи или товарищества (числомъ 20); а симморіи подраздѣлялись на синтеліи (заключавшія по 16 человѣкъ), и каждая синтелія должна была снаряжать одну тріеру. Но при этомъ происходили разныя злоупотребленія: повинность была раздѣлена такъ неравномѣрно, что главная ея тяжесть падала на болѣе бѣдныхъ членовъ; подрядчики ставили дурные матеріалы; происходили разныя задержки, такъ что корабли рѣдко бывали готовы вовремя и не отличались исправнымъ снаряженіемъ, а флотъ часто опаздывалъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Эти неисправности влекли за собою многочисленные судебныя процессы, отъ которыхъ бѣдные члены разорялись еще болѣе. По закону, проведенному Демосөеномъ, корабельная повинность разложена между гражданами сообразно ихъ имуществу, такъ что богатый человѣкъ снаряжалъ цѣлую тріеру и даже двѣ или три, смотря по состоянію; а менѣе зажиточные соединялись по нѣскольку, чтобы выставить одну тріеру. Послѣ того ихъ разореніе и судебное преслѣдованіе прекратились, флотъ снаряжался исправно и во-время выходилъ въ море.

Съ помощью своего возрожденнаго флота Аѳиняне снова стали господствовать на морѣ, опять успѣли занять своими колонистами Херсонесъ Фракійскій, и наконецъ помѣшали Филиппу завладѣть греческими городами Пропонтиды и Фракійскаго Боспора. Въ 340 году Филиппъ съ сильнымъ войскомъ осадилъ городъ Перинѣъ, лежавшій на одномъ возвышенномъ мысу Пропонтиды (Мраморнаго моря). Но тщетно громилъ онъ стѣны своими стѣннобитными машинами; онъ не могъ запереть городъ съ моря; чему препятствовали корабли аѳинскіе и персидскіе. Перинѣъ получалъ моремъ подкрѣпленія и припасы отъ сосѣдней Византіи. Принужденный наконецъ снять осаду, Филиппъ обратился на Византію; сначала онъ попытался овладѣть ею съ помощью своихъ обычныхъ средствъ, т. е. ловкихъ переговоровъ и подкупа. Но ему уже никто болѣе не довѣрялъ, и здѣсь также пришлось прибѣгнуть къ правильной осадѣ и разрушительнымъ машинамъ. По совѣту Демосөена, Аѳиняне, забывъ свою старую вражду съ Персами, отправили посольство въ Сузу къ

Персидскому царю и приглашали его сообща дѣйствовать противъ Филиппа. Но между тѣмъ истощенные Византійцы едва выдерживали осаду, и городъ готовъ былъ перейти въ руки Македонянъ, когда аѳинскій флотъ явился на Боспорѣ подъ начальствомъ Фокіона, и принудилъ Филиппа снять осаду.

Эта вторая неудача омрачила военную славу Македонскаго царя, и значительно подняла духъ Грековъ. Аѳиняне ликовали. Освобожденные отъ опасности Перинейяне, Византійцы и аѳинскіе клерухи Фракійскаго Херсонеса слали въ Аѳины благодарственные приговоры и золотые вѣнки, которые по преимуществу отдавались Демосѳену, какъ главному виновнику послѣднихъ энергическихъ дѣйствій. Чтобы ободрить свое войско и доставить ему добычу, Филиппъ отъ Византіи предпринялъ походъ противъ Скиѳовъ, обитавшихъ на нижнемъ Дунаѣ. Онъ одержалъ надъ ними побѣду, взявъ много плѣнниковъ, коней и всякаго скота. Но на обратномъ пути въ Балканскихъ горахъ его окружили Трибаллы, и отняли всю добычу. Самъ царь при томъ былъ раненъ, и ему съ трудомъ удалось вывести свое войско изъ горныхъ тѣснинь. Эта новая неудача еще болѣе ослабила страхъ передъ могуществомъ Филиппа и ободрила Грековъ. Нуженъ былъ какой либо сильный ударъ съ его стороны, чтобы возратить пошатнувшееся обаяніе. Поводъ къ тому представила внезапно возобновившаяся Священная война.

*

Къ югу отъ священнаго города Дельфъ идетъ покатая равнина, которая спускается къ морю (Коринескому заливу). Тутъ въ углубленіи одной небольшой бухты лежалъ городокъ Кирра, служившій собственно Дельфійскою гаванью. Сюда ежегодно приставали многочисленные поклонники, которые съ разныхъ концовъ Греціи стекались за совѣтами къ Дельфійскому оракулу. Жители Кирры, давая первый пріютъ этимъ пилигримамъ, разбогатѣли и возбудили зависть въ самихъ Дельфійцахъ. Они были обвинены въ незаконныхъ пошлинахъ, собираемыхъ съ пилигримовъ и въ другихъ злоупотребленіяхъ. Амфиктіоново судилище произнесло надъ ними проклятіе; приказало разрушить городъ Кирру и засыпать гавань; а все пространство отъ Дельфъ до моря посвятило оракулу съ запрещеніемъ селиться на немъ и обрабатывать поля. Это слу-

чилось еще въ эпоху Солона. Послѣ того, съ теченіемъ времени, означенное запрещеніе пришло въ забвеніе; а между тѣмъ постоянный приливъ поклонниковъ, пріѣзжавшихъ на корабляхъ, нуждался въ пристани. Западные сосѣди Дельфійцевъ, Локры Озольскіе, именно жители города Амфисы, мало по малу завели свое поселеніе на мѣстѣ древней Кирры, возобновили гавань и построили городокъ. Обитатели новой Кирры стали богатѣть по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и прежде; они присвоили себѣ часть окрестнаго плодороднаго поля, и начали его воздѣлывать. Дельфійцы вновь стали имъ завидовать; но Амфиктионы, при упадкѣ своего прежняго значенія, сквозь пальцы смотрѣли на явное нарушеніе стараго приговора.

Въ такомъ положеніи находилось это дѣло, когда весною 339 года въ Дельфахъ собрались на обычный съѣздъ члены Амфиктионова судилища, т. е. депутаты отъ разныхъ греческихъ государствъ (пилагоры). Въ числѣ эллинскихъ депутатовъ находился извѣстный противникъ Демосоена ораторъ Эхинъ, глава подгруппенныхъ македонскихъ сторонниковъ. Въ Дельфійскомъ храмѣ между прочимъ висѣли старинные золотые или позолоченные щиты, посвященные орагулу Аѳинянами на счетъ добычи, взятой при Платеѣ, съ такою надписью: «Аѳиняне на золото Персовъ и Фиванцевъ, когда оба народа вмѣстѣ воевали съ Греками». Щиты эти (пришедшіе въ ветхость или ободранные Фокейцами во время предыдущей Священной войны) не задолго передъ съѣздомъ были возобновлены, съ тою же самою надписью, и вновь выставлены въ храмѣ; при чемъ не были соблюдены обычныя религіозныя церемоніи. Послѣднимъ обстоятельствомъ воспользовались депутаты Локрійскіе, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на означенную надпись, напоминавшую объ измѣнѣ ихъ союзниковъ Фиванцевъ въ борьбѣ Грековъ съ Персами. Локрійцы обвинили Аѳинявъ въ неуваженіи къ религіознымъ обрядамъ и предложили подвергнуть ихъ пенѣ въ 50 талантовъ.

Нѣкоторые аѳинскіе депутаты, удручаемые лихорадкою, не участвовали въ первыхъ засѣданіяхъ судилища. Эхинъ, хотя не былъ боленъ, но не хотѣлъ являться безъ товарищей. Услыхавъ о предложенной пенѣ, они немедленно отправили его въ собраніе защищать Аѳинявъ. Рѣчь Эхина подѣйствовала на пилагоровъ. Тогда одинъ изъ Амфисцевъ, человекъ грубый и дерзкій, всталъ и сказалъ, что Аѳиняне достойны быть совершенно изгнанными со свя-

щенной Дельфійской почвы за свой союзъ съ богопротивными Фокейцами. При этомъ онъ осыпалъ Аѳинскій народъ разнаго рода укорами и бранью. Эсхинъ былъ внѣ себя, слушая эту грубую брань; онъ вспомнилъ дѣло о Кирренскомъ полѣ и воспользовался имъ, что бы отомстить Амфисцамъ и на ихъ собственные головы обратитъ упрекъ въ святотатствѣ.

Съ возвышеннаго мѣста, гдѣ засѣдало судилище, была видна вся южная равнина до самого моря, вмѣстѣ съ Киррою. Эсхинъ указалъ судьямъ на эту мѣстность, на цвѣтушія нивы и хутора Амфисцевъ, на гавань, обведенную стѣнами, и затѣмъ прочелъ проклятіе, изреченное въ древности надъ всякимъ, кто осмѣлился бы завладѣть священнымъ полемъ. Его слова, произнесенныя по вѣсѣмъ правиламъ ораторскаго искусства, произвели потрясающее впечатлѣніе на собраніе, а въ особенности на Дельфійцевъ, издавна враждебныхъ Амфисцамъ. Волненіе было такъ сильно, что только поздній часъ удержалъ собраніе отъ немедленнаго нападенія на Кирру. По приговору судилища глашатай возвѣстилъ, что бы на слѣдующій день рано утромъ явилось въ назначенное мѣсто все населеніе Дельфъ выше шестнадцати-лѣтняго возраста, равно свободные и рабы, съ заступами и лопатами. Съ восходомъ солнца вся эта толпа, имѣя во главѣ Амфиктіоновъ, двинулась внизъ, разрушила стѣны Кирры и подожгла дома. Жители ея спаслись бѣгствомъ въ Амфису. Граждане сей послѣдней въ свою очередь вооружились и поспѣшили на защиту Кирры; они встрѣтили Дельфійцевъ уже возвращающихся домой, напали на нихъ и многихъ перебили. Амфиктіоны послѣ того постановили собрать чрезвычайный судъ для наказанія Амфисцевъ; для чего просили греческія государства прислать новыхъ депутатовъ.

Когда Эсхинъ и его товарищи привезли въ Аѳины вѣсть объ этомъ событіи, Демосеенъ пришелъ въ ужасъ. Онъ предвидѣлъ новыя бѣдствія, которыя отсюда могутъ возникнуть для Греціи; онъ опасался новаго вмѣшательства Филиппа въ ея дѣла, и убѣдилъ Аѳинянь не посылать депутатовъ въ назначенный чрезвычайный судъ, а самый декретъ о немъ объявить недействительнымъ. Но такія мѣры, уже не могли остановить событія. Судилище собралось, и объявило новую Священную войну. Фессалійскіе его члены вполне подчинились внушеніемъ Македонскаго царя; пелопонесскіе были у него на жалованьи. Сама Пеллоя, по выраженію Демосеена, Филиппствовала,

т. е. была на сторонѣ Филиппа, подкупленная его золотомъ. Чего опасаясь Демосеенъ, то и случилось. Судилище рѣшило просить Филиппа, чтобы онъ принялъ начальство надъ союзнымъ войскомъ для наказанія Амфисцевъ. Вотъ какую услугу оказалъ ему Эсхинъ, своимъ неумѣстнымъ краснорѣчіемъ вызвавъ гибельное для Греціи возбужденіе противъ Киррейцевъ!

Филиппъ, успѣвшій уже оправиться отъ своей раны, быстро двинулся съ небольшимъ, отборнымъ войскомъ въ Среднюю Грецію. Прощедши Термопилы, онъ вступилъ въ Фокиду. Область эта представляла печальное зрѣлище разоренныхъ городовъ, стѣны которыхъ были разрушены по приговору Амфиктіона судилища послѣ Священной или Фокейской войны. Большая часть жителей или была захвачена въ плѣнъ и продана въ рабство, или спаслась бѣгствомъ въ другія земли; вмѣсто прежняго густаго и цвѣтущаго населенія, только жалкіе остатки его встрѣчались по разнымъ бѣднымъ деревнямъ. Филиппъ достигъ Элатеи, которая лежала близъ беотійской границы въ долинѣ рѣки Кефиса, впадающей въ озеро Копанду, и была прежде главнымъ городомъ Фокиды. Царь вдругъ остановился въ Элатеѣ, и началъ возобновлять ея разметанные валы и укрѣпленія, очевидно намѣреваясь сдѣлать ее опорнымъ пунктомъ своихъ военныхъ дѣйствій. Онъ уже не считалъ нужнымъ скрывать долге свое намѣреніе оружіемъ смирить Аѣины, какъ послѣдній оплотъ Греческой независимости. Филиппъ отправилъ въ Фивы посольство съ предложеніемъ присоединиться къ нему и вмѣстѣ напасть на Аѣинянъ или по крайней мѣрѣ открыть его войску свободный проходъ въ Аттику чрезъ Беотію. Онъ рассчитывалъ на старинную вражду и соперничество между Фиванцами и Аѣинянами.

Между тѣмъ вѣсть о внезапномъ занятіи Элатеи произвела переполохъ въ Фивахъ и особенно въ Аѣинахъ. Наступилъ уже вечеръ, когда вѣстникъ прибылъ въ послѣдній городъ и явился къ пританамъ, т. е. къ очередной филѣ, засѣдавшей въ сенатѣ. Пританы сидѣли за вечерней трапезой. Они тотчасъ покинули трапезу; одни изъ нихъ бросились къ находившимся на службѣ военачальникамъ, другіе велѣли немедленно очистить рынокъ отъ загромождавшихъ его временныхъ лавокъ; глашатаи съ помощью трубача объявили народу приказъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня собраться на площадь. Всю ночь городъ находился въ большемъ смятеніи. Еще не

разсвѣло, а народное собраніе уже стояло въ ожиданіи притановъ или сенаторовъ. Наконецъ послѣдніе вступили въ собраніе, объявили народу полученное извѣстіе и представили вѣстника. Затѣмъ глашатай провозгласилъ обычные слова: „кто желаетъ говорить?“ Общее молчаніе. Глашатай повторилъ вызовъ, и опять никто не откликнулся; такъ велики были смущеніе и растерянность при мысли о томъ, что Филиппъ уже близокъ, что Фиванцы его союзники и Аѣины совсѣмъ не готовы къ оборонѣ.

Наконецъ выступилъ Демосеенъ.

Прежде всего онъ постарался устранить опасеніе относительно Фивъ. Если бы Фивы единодушно были на сторонѣ Филиппа—замѣтилъ ораторъ,—то Филиппъ не сидѣлъ бы въ Элатеѣ, а стоялъ бы уже на границахъ Аттики. Но не всѣ Фиванцы его сторонники или подкуплены имъ; между ними есть значительная партія, противная ему и расположенная въ пользу Аѣинъ. Вотъ эту то партію Демосеенъ совѣтовалъ ободрить и поддержать всѣми силами. А для того нужно было, забывъ всѣ прежніе счеты съ Фивами, немедленно предложить имъ оборонительный союзъ и подкрѣпить это предложеніе выставкой всего аѣинскаго войска на Фивской границѣ. Слова знаменитаго патріота внесли надежду и нѣкоторые успокоеніе въ умы. Немедленно по его желанію выбрано было десять мужей для посольства въ Фивы, и первымъ изъ нихъ назначенъ самъ Демосеенъ. Вслѣдъ за посольствомъ двинулось на беотійскую границу наскоро собранное и вооруженное войско; посламъ предоставлено право призвать это войско для защиты самихъ Фивъ, если ихъ согласіе и обстоятельства того потребуютъ.

И въ Фивахъ дѣла приняли другой оборотъ съ появленіемъ Демосеена. Аѣинское посольство нашло здѣсь пословъ Филиппа, которые хлопотали о союзѣ съ Фиванцами противъ Аѣинъ. Въ числѣ этихъ пословъ находился знаменитый ораторъ Писонъ Византійскій; Фиванцы уже склонялись на его убѣжденія, аѣинская партія была почти уничтожена. Тогда то Демосеенъ развилъ всю силу своего слова, и его увлекательныя рѣчи, произнесенныя въ Фивскомъ народномъ собраніи, зажгли въ сердцахъ гражданъ пламя общаго эллинскаго патріотизма. Рѣшено было предать забвенію всякое соперничество, всю старинную неприязнь, и соединиться для защиты Эллинской независимости. Между Фивами и Аѣинами заключенъ тѣсный

союзъ. Аөинское войско призвано въ Беотію; часть его направилась къ сѣверной границѣ, чтобы, соединясь съ Өивскимъ войскомъ, преградить дорогу Филиппу; а другая часть расположилась въ самихъ Өивахъ, гдѣ она была дружески принята гражданами въ ихъ домахъ. Что касается до издержекъ на предстоящую войну, то Аөины приняли на себя двѣ трети, а Өивамъ предоставили только одну треть. Начальство надъ войскомъ условлено было поочередное между өивскими и аөинскими полководцами. Всякій вопросъ объ Аөинской гегемоніи Демосөенъ тщательно устранилъ изъ договора, чтобы не подавать поводъ къ разладу.

Давно Аөиняне не развивали такой энергіи и такого единодушія въ политическихъ дѣлахъ и военныхъ приготовленіяхъ, какія они обнаружили теперь подъ впечатлѣніемъ близкой опасности отъ Филиппа и патриотическихъ рѣчей Демосөена. Вліяніе великаго оратора возрасло до того, что онъ уговорилъ народъ употребить на военныя издержки самый еориконъ, т. е. деньги, назначенныя на религиозныя празднества и народныя увеселенія; объ иномъ употребленіи этихъ денегъ до сего времени запрещено было даже говорить въ народномъ собраніи, подъ страхомъ смертной казни. Въ эту эпоху не только Аөиняне, но и Өиванцы подчинились вліянію Демосөена; такъ что беотархи ничего важнаго не предпринимали безъ его совѣта. Демосөену удалось еще привлечь къ Аөино-Өивскому союзу Мегару, Коринѣъ, Эвбею и Ахейцевъ. Но Спарта, Аргивяне, Аркадяне и Мессенцы уклонились отъ участія въ этомъ союзѣ и оказались равнодушными къ общему дѣлу. Союзники, чтобы удалить войну отъ своихъ предѣловъ, вступили въ Фокиду, гдѣ принялись вооружать остатки населенія, собирать изгнанниковъ и вновь укрѣплять нѣкоторые города.

Филиппъ первое время находился въ затруднительномъ положеніи. Его расчеты на Өиванцевъ оказались ошибочными; пелопонесскія государства, хотя не пристали къ Греческому союзу, но также не спѣшили и на помощь Филиппу, не смотря на его неоднократныя и настоятельныя убѣжденія соединиться съ нимъ для исполненія священнаго приговора надъ Локрами. Пришедшее съ нимъ войско было слишкомъ недостаточно для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Греческаго союза. Поэтому, въ ожиданіи главныхъ силъ, призванныхъ изъ Македоніи, онъ ограничился пока оборонительнымъ образомъ

дѣйствія. Союзники одержали верхъ надъ Македонянами въ двухъ стычкахъ; что возбудило большое ликваніе и благодарственныя жертвоприношенія въ Афинахъ. Демосеену, какъ главному виновнику торжества, присужденъ былъ золотой вѣнокъ, которымъ его и увѣнчали во время Діонисіева праздника, весной 338 года. Въ эту минуту онъ достигъ апогея своей славы и своего значенія въ отечествѣ. Впереди открывалась надежда на полное отраженіе Македонскаго нашествія.

Но вотъ наконецъ въ Фокиду пришли войска изъ Македоніи; при нихъ находился осмнадцатилѣтній сынъ Филиппа Александръ. Царь немедленно перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и сталъ искать случая къ рѣшительной битвѣ. Часть союзнаго греческаго войска была отдѣлена для защиты Локровъ. Филиппъ воспользовался этимъ раздѣленіемъ; онъ сначала бросился на Амфису, взялъ городъ и наказалъ жителей; чѣмъ исполнилъ приговоръ Амфиктіонова судилища. Затѣмъ онъ двинулся въ Беотию. Такъ какъ первый проходъ въ нее—долиною Кефиса—былъ запертъ Фивскимъ войскомъ, то Филиппъ употребилъ хитрость: послалъ отрядъ къ другому горному проходу съ приказаніемъ зажечь тамъ деревни и хутора; что заставило Фиванцевъ отступить для защиты собственной земли.

Филиппъ воротилъ къ себѣ отдѣленный отрядъ, и со всѣмъ войскомъ вступилъ въ долину Кефиса, гдѣ около города Херонеи на довольно просторной равнинѣ встрѣтился съ главною ратью союзниковъ, имѣя при себѣ до 30,000 пѣхоты и 2000 конницъ—сила по тому времени весьма значительная. Союзники были столь же многочисленны или даже превосходили Македонянъ своимъ числомъ. Наемники только отчасти входили въ ихъ составъ; а большею частію граждане вооружились сами; свой недостатокъ опытности и свою непривычку къ военному дѣлу они возмѣщали одушевленіемъ и желаніемъ биться за свободу и независимость Греціи. Но имъ недоставало главнаго: хорошаго военачальника. Искусные афинскіе полководцы Ификратъ, Хабрій и Тимотей уже сошли въ могилу. Оставался еще ихъ товарищъ и ученикъ Фокіонъ. Хотя онъ не выступалъ никогда рѣшительнымъ противникомъ Филиппа и принадлежалъ къ той партіи, которая прежде не соглашалась съ Демосееномъ и совѣтовала сохранять мирныя отношенія къ Македоніи; но это былъ мужъ неподкупной честности и гражданскаго долга; всѣ возложен-

ныя на него государствомъ военныя порученія онъ исполнялъ усердно и съ умѣньемъ, а потому большею частію удачно. Въ наступившей войнѣ онъ начальствовалъ аѳинскимъ флотомъ и находился далеко отъ мѣста рѣшительной битвы. Можетъ быть, Демосѳенъ не совсѣмъ довѣрялъ ему какъ своему политическому противнику, а потому и не выдвинулъ его на передній планъ. Это была великая ошибка.

Со стороны Аѳинянъ главное начальство вручено Лизиглу и Харесу. Первый изъ нихъ не имѣлъ недостатка въ храбрости, но былъ неопытенъ и легкомысленъ; а Харесъ хотя и пользовался извѣстностью опытнаго военачальника, и даже нерѣдко одерживалъ успѣхи въ качествѣ предводителя наемниковъ; но онъ былъ человѣкъ грубый, малообразованный и вообще ненадежный: Фивяне съ своей стороны выставили такого же ненадежнаго полководца въ лицѣ Феагена. При недостаткѣ единства въ начальствованіи, греческое войско составилось къ тому же изъ разнообразныхъ союзническихъ отрядовъ, не привыкшихъ дѣйствовать общею дружною массою. Иной видъ представляла македонская армія; она состояла изъ хорошо обученныхъ, закаленныхъ войскъ, предводимыхъ опытными полководцами, воспитанными въ школѣ Филиппа и привыкшими безусловно ему повиноваться. Самъ царь былъ извѣстенъ своимъ военнымъ искусствомъ.

Херонейская битва произошла утромъ въ началѣ нашего августа, 338 года до Р. Х. Аѳиняне занимали лѣвое крыло союзной арміи; Демосѳенъ находился тутъ въ числѣ простыхъ гоплитовъ. Правое крыло составили Фивянце, съ «Священнымъ трехсотеннымъ отрядомъ» во главѣ; а въ серединѣ помѣстились Ахейцы, Коринѳяне, Фокейцы и другіе союзники. Филиппъ самъ предводительствовалъ тою частью своего войска, которая пришлась противъ Аѳинянъ, а на другой сторонѣ поручилъ начальство сыну Александру подъ руководствомъ опытнаго полководца Антипатра. Аѳиняне ударили съ такимъ одушевленіемъ, что потѣснили назадъ македонскую пѣхоту. Филиппъ однако остановилъ ее, и затѣмъ долго выдерживалъ нападенія неприятелей, выжидая, пока они утомятся отъ своихъ усилій. Межъ тѣмъ юный Александръ тутъ впервые обнаружилъ свою неукротимую отвагу и военныя дарованія. Во главѣ македонской и вессалійской конницы онъ стремительно бросился на Фиванцевъ, и прорвалъ ихъ ряды. За нимъ двинулась и всесокрушающая фаланга

съ непроницаемымъ лѣсомъ длинныхъ копій или сариссъ. Тщетно Фиванцы напрягали всѣ свои силы; ихъ Священный отрядъ поддерживалъ свою славу и весь легъ на полѣ битвы. Въ числѣ павшихъ былъ и полководецъ Феогенъ. Наконецъ Фиванцы не устояли и обратили тылъ; послѣ чего Александръ обрушился на центръ Греческаго войска. Тогда и Филиппъ, не желая предоставить сыну всю славу этого дня, перешелъ въ наступленіе; утомленные боемъ, ряды Афинянъ въ свою очередь также разстроились, и побѣжали. Пораженіе было полное. Однихъ афинскихъ гражданъ пало до тысячи и взято въ плѣнъ до двухъ тысячъ; Фиванцы и прочіе союзники потеряли еще болѣе. Хотя Греки и были побѣждены въ этой рѣшительной битвѣ; но они сражались съ честью, и исполнили свой долгъ передъ отечествомъ. Впослѣдствіи на погребальномъ холмѣ, въ которомъ сложены были останки павшихъ Грековъ и преимущественно Священнаго легіона, воздвигли колоссальную фигуру льва изъ сѣраго беотійскаго мрамора; сидя на заднихъ лапахъ и поднявъ голову, левъ имѣлъ гордое и вмѣстѣ грустное выраженіе; на немъ не было никакой надписи. Остатки этого памятника сохранились до нашего времени. Неподалеку отъ него росъ развѣсистый дубъ, подъ которымъ, по словамъ преданія, разбита была палатка юнаго Александра.

Филиппъ былъ такъ обрадованъ своею побѣдой, что на самомъ мѣстѣ битвы предался грубому веселью; пилъ вино, плясалъ посреди мертвыхъ, насмѣхался надъ плѣнными, и наконецъ запѣлъ какую то пѣсню, въ которой издѣвался надъ Демосееномъ. Говорятъ, что афинскій ораторъ Демадъ, находившійся въ числѣ плѣнниковъ, сказалъ царю: «судьба назначила тебѣ роль Агамемнона; а ты ведешь себя какъ Терситъ». Эти слова привели Филиппа въ себя; онъ подарилъ свободу смѣлому оратору; роздалъ золотые вѣнки и другія награды своимъ сподвижникамъ, и сталъ мягко обращаться съ плѣнными Греками.

Печально возвращались на родину остатки разбитаго афинскаго войска; они не имѣли даже утѣшенія погребсти павшихъ товарищей, потому что Филиппъ въ первомъ чаду отъ своей побѣды высокомерно отказалъ Грекамъ въ перемиріи, которое было нужно для исполненія сего священнаго долга. Въ Афинахъ появленіе бѣглецовъ сначала произвело смятеніе и вопли. Старики встрѣчали ихъ на улицахъ; а женщины стояли у порога своихъ домовъ и спраши-

вали объ участи своихъ отцовъ, братьевъ или сыновей. Общее горе было такъ сильно, что, напримѣръ, престарѣлый наставникъ краснорѣчія Исократъ, искренно принадлежавшій къ партіи мира и дружбы съ Филиппомъ, не захотѣлъ пережить потерю греческой свободы и уморилъ себя голодомъ. Но не въ характерѣ АѢиניанъ было предаваться безпомощному унынію. Они вновь воспрянули духомъ и стали готовиться къ отчаянной оборонѣ.

Душою этихъ приготовлений явился все тотъ же Демосеенъ. Хотя онъ воротился въ числѣ бѣглецовъ; но очевидно его поведеніе на полѣ битвы совсѣмъ не было постыдное, какъ увѣряли его политическіе враги. Уваженіе къ нему согражданъ нисколько не уменьшилось послѣ Херонейскаго бѣдствія. Напротивъ теперь, вѣроятно болѣе чѣмъ когда либо, АѢинины сознали справедливость его предостереженій и совѣтовъ, которымъ они плохо внимали въ то время, когда еще была возможность помѣшать быстрому усилению Македонскаго царя на счетъ Греціи. Ему помогали его другъ Ликургъ и другой знаменитый ораторъ того времени, Гиперидъ. По ихъ совѣту, на Беотійскую границу немедленно посланы были отряды; въ то же время всѣ окрестные жители съ своимъ имуществомъ введены въ городъ; все способное къ войнѣ мужское населеніе, свободное и несвободное, поставлено подъ оружіе; при чемъ рабамъ обѣщана была свобода, а неполноправнымъ всѣ права гражданства. Главнымъ военачальникомъ назначенъ Фокіонъ. Ареопагъ объявилъ измѣнникомъ отечеству всякаго, кто въ минуту опасности вздумалъ бы покинуть городъ, и заранѣе произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ. Все населеніе въ то же время неуспшно трудилось надъ укрѣпленіями города и Пирейской гавани. Государственная казна была пополнена добровольными пожертвованіями гражданъ, и Демосеену поручена закупка хлѣба, необходимаго на случай долгой осады. Кромѣ того въ распоряженіи АѢинианъ оставался еще сильный и вполне исправный флотъ. Воротившійся бѣглецомъ съ поля битвы, полководецъ Лизигъ былъ обвиненъ Ликургомъ въ государственной измѣнѣ, и по приговору дикастовъ казненъ.

Геройская рѣшимость АѢинианъ биться до послѣдняго человѣка и ихъ энергическія приготовленія произвели впечатлѣніе на Македонскаго царя. Опасаясь повторенія той же неудачи, которую потерпѣлъ подъ Византіей, онъ оставилъ мысль о нападеніи на ихъ городъ и съ-

обычною своею ловкостью постарался привлечь их ласкою и уступками. Впервыхъ, онъ отпустилъ безъ выкупа аѳинскихъ плѣнниковъ, при чемъ многихъ снабдилъ одеждою; во вторыхъ, съегъ тѣла павшихъ Аѳинянь, и отослалъ ихъ прахъ на родину. Затѣмъ онъ отправилъ въ Аѳины посломъ Антипатра съ предложеніемъ мира на такихъ свисходительныхъ условіяхъ, на которые Аѳиняне и не рассчитывали. Имъ сохранялась полная самостоятельность во внутреннихъ дѣлахъ; вся Аттика оставалась свободна отъ македонскихъ гарнизоновъ; Аѳины удерживали за собою нѣкоторые острова (Лемносъ, Имбросъ Скиросъ и др.); кромѣ того имъ отдавался лежавшій на беотійско-аттической границѣ городъ Оропъ, бывшій спорнымъ между Фивами и Аѳинами. За то Аѳины должны были отказаться отъ преобладанія на морѣ и отъ прежняго господства въ союзѣ острововъ; при чемъ разрѣшали отъ клятвы своихъ союзниковъ. Они обязывались пристать къ тому Греческому союзу, который Филиппъ намѣренъ былъ устроить подъ Македонской гегемоніей. Антипатру помочь въ заключеніи этого мира въ особенности ораторъ Демадъ, обласканный и щедро награжденный Филиппомъ. А Демосѳенъ въ ту минуту отсутствовалъ изъ Аѳинъ; въ противномъ случаѣ онъ вѣроятно возсталъ бы противъ присоединенія Оропа, посредствомъ котораго хитрый царь снова бросалъ яблоко раздора между Фивами и Аѳинами. Что значеніе Демосѳена въ глазахъ согражданъ не уменьшилось, показываетъ слѣдующее обстоятельство. Послѣ заключенія мира вновь усилившаяся Македонская партія добивалась, что бы честь произнести надгробную рѣчь въ память павшихъ при Хероней гражданъ была предоставлена Эсхину или Демаду. Народное собраніе возложило эту почетную обязанность на Демосѳена.

Щадя и улажая такой знаменитый городъ какъ Аѳины, Филиппъ иначе обошелся съ Фивами. Онъ въ особенности былъ раздраженъ тѣмъ, что ошибся въ своихъ расчетахъ на ихъ союзъ и помощь противъ Аѳинянь. Фиванцы должны были выкупить у него не только своихъ плѣнниковъ, но даже павшихъ согражданъ, что бы воздать имъ достойное погребеніе. Въ ихъ замкѣ Кадмеѣ поставленъ македонскій гарнизонъ; въ городѣ устроено правленіе Совѣта Трехсотъ, составленнаго изъ македонскихъ приверженцевъ, многіе предводители противной партіи или казнены, или изгнаны. Беотійскіе города объявлены самостоятельными, независимыми отъ Фивъ; разрушенные Фиван-

цами, враждебные имъ города Платея, Феспія и Орхомень возстановлены. Въ Коринѣ и Мегарѣ Филиппъ точно также поставилъ во главѣ правленія своихъ приверженцевъ; а верхній Коринѣскій замокъ или Акророринѣ занялъ македонскимъ гарнизономъ. Потомъ онъ двинулся на Целопонесъ; Аргивяне, Аркадяне, Мессенине признали его гегемонію. Только Спарта, гордая своей прежней славой, отказалась пристать къ Македонскому союзу. Филиппъ наказалъ ее, опустошивъ Лаконію и отнявъ у нея многія пограничныя земли, которыя онъ отдалъ ея сосѣдямъ, своимъ союзникамъ.

Въ слѣдующемъ 337 году царь созвалъ въ Коринѣ пословъ почти отъ всѣхъ эллинскихъ государствъ для устройства союзныхъ дѣлъ. На этомъ сеймѣ было подтверждено, что греческія государства сохраняютъ свою внутреннюю самостоятельность, но не виѣшнюю: имъ воспрещены всякія войны между собою. Всѣ Греки составили теперь одинъ общій союзъ, въ главѣ котораго стояла Македонія; а для наблюденія за его членами учреждался постоянный Союзный совѣтъ въ Коринѣ. Что бы укрѣпить связь Греціи съ Македоніей и соединить всѣхъ Грековъ въ одномъ общемъ патріотическомъ предпріятіи, Филиппъ рѣшилъ исполнить задуманный имъ большой походъ на старыхъ непріятелей Греціи, на Персовъ. Освобожденіе Малоазіатскихъ Грековъ отъ Персидскаго владычества и отмщеніе Персамъ за нашествіе Ксеркса уже давно составляли завѣтную мечту эллинскихъ патріотовъ. Царь заставилъ провозгласить себя на Коринѣскомъ сеймѣ вождемъ всѣхъ греческихъ военныхъ силъ, морскихъ и сухопутныхъ, въ предстоящемъ походѣ.

Воротясь въ Македонію, Филиппъ дѣятельно занялся приготовленіями къ своему великому предпріятію. Онъ уже переправилъ въ Малую Азію передовые греко-македонскіе отряды подъ начальствомъ своихъ полководцевъ Парменіона и Аттала; какъ вдругъ внезапная смерть поразила царя именно въ ту минуту, когда онъ стоялъ на высшей ступени могущества и славы.

*

Филиппъ имѣлъ женою Олимпію, дочь эпирскаго царя Неоптолема, отъ которой и родился его сынъ, знаменитый Александръ. При своемъ горячемъ и своенравномъ характерѣ Олимпія не ужилась въ согласіи съ мужемъ, такъ что Филиппъ отослалъ ее обратно въ

Эпиръ; а самъ женился на прекрасной Клеопатрѣ, племянницѣ македонскаго вельможи Аттала. Этотъ поступокъ посѣялъ раздоръ между царемъ и его сыномъ Александромъ. Когда на свадебномъ пиру надменный Атталъ пожелалъ Филиппу получить сына и наследника отъ Клеопатры, Александръ гнѣвно воскликнулъ: «а я развѣ не законный сынъ Македонскаго царя?»—и бросилъ кубокъ въ голову Аттала. Въ свою очередь раздраженный тѣмъ Филиппъ обнажилъ мечъ и бросился на Александра; но, отягченный винными парами, качнулся и упалъ на полъ. Послѣ того отецъ и сынъ разстались: Александръ также удалился въ Эпиръ вмѣстѣ съ своею матерью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Филиппъ воротилъ сына въ Македонію; но семейный разладъ и борьба партій при Македонскомъ дворѣ продолжались. Въ особенности они усилились когда Клеопатра, сначала родившая дочь, потомъ произвела на свѣтъ сына; партія молодой царицы, съ ея дядею Атталомъ во главѣ, не скрывала своей надежды упрочить за ея сыномъ наследствѣ престола. Однако Филиппъ, приготовляясь къ большому походу въ Азію, пожелалъ примириться съ родственниками своей прежней жены, что бы обезопасить спокойствіе своихъ владѣній въ Европѣ. Съ этою цѣлью онъ выдалъ собственную дочь отъ Олимпіа, по имени также Клеопатру, за брата Олимпіа, царя эпирскаго Александра.

Свадьба праздновалась въ августѣ 336 года до Р. Х., въ прежней столицѣ Македоніи городѣ Эгахъ или Эдессѣ, служившей теперь мѣстомъ погребенія Македонскихъ царей. Роскошные пиры, богатые подарки, гимнастическія и музыкальныя состязанія, театральныя представленія и прочія доступныя тому времени удовольствія сопровождали свадебное торжество. Роскошью и веселиемъ Филиппъ старался заглушить раздоръ придворныхъ македонскихъ партій, а также поправиться Грекамъ; такъ какъ почти отъ всѣхъ греческихъ городовъ призваны были сюда поздравительныя депутаціи. Статуи двѣнадцати главныхъ боговъ съ торжественной процессіей были принесены и поставлены въ эдесскомъ театрѣ. Къ нимъ присоединена тринадцатая статуя — самого Филиппа.

Но посреди этихъ шумныхъ увеселеній созрѣлъ планъ заговора на его собственную жизнь. Партія Олимпіа и Александра не дремала и привлекла на свою сторону всѣхъ недовольныхъ Филиппомъ или Клеопатрой и ея родственниками. Въ числѣ послѣднихъ оказался

одинъ юноша изъ среды царскихъ тѣлохранителей, по имени Павзаній. Онъ былъ жестоко оскорбленъ Атталомъ, надменнымъ дядей молодой царицы, который игралъ тогда при дворѣ первую роль. Павзаній обратился съ жалобой къ самому царю. Филиппъ думалъ вознаградить юношу денежнымъ подаркомъ, а своего любимца оставилъ безнаказаннымъ. Это еще болѣе раздражило Павзанія; а такъ какъ его оскорбитель Атталъ находился въ Азіи во главѣ передовой македонской рати, то приверженцы Олимпіи воспользовались раздраженіемъ юноши и навели его на мысль убить самага Филиппа. Между тѣмъ сей послѣдній, упоенный блескомъ своего могущества, пересталъ соблюдать мѣры предосторожности. Однажды онъ проходилъ въ театрѣ посреди народной толпы, облеченный въ бѣлую одежду, безъ панцыря и безъ оружія; даже обычная стража не окружала его, а слѣдовала за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Тутъ Павзаній, стоявшій въ толпѣ и державшій подъ плащемъ короткій мечъ, вдругъ вонзилъ его въ тѣло царя, и тотъ упалъ мертвымъ. Убийца бросился къ городскимъ воротамъ, гдѣ его ожидали готовые кони, чтобы спастись бѣгствомъ изъ Македоніи. При всеобщемъ оцѣпененіи и растерянности, послѣдовавшихъ за столь неожиданнымъ событіемъ, ему вѣроятно удалось бы убѣжать; но онъ зацѣпился за что то ногами; тогда настигли его нѣкоторые изъ царскихъ стражей, опомнившіеся отъ перваго впечатлѣнія, и изрубили на мѣстѣ.

Такъ внезапно и такъ печально окончилъ свое поприще знаменитый основатель великой Македонской монархіи въ полномъ развитіи своихъ силъ и своей дѣятельности. Ему было не болѣе 47 лѣтъ отъ роду. Когда онъ вступилъ на престолъ, Македонія представляла небольшое княжество, отрѣзанное отъ моря рядомъ независимыхъ греческихъ колоній, раздираемое внутренними смутами и разоряемое своими хищными сосѣдями. А спустя около 25 лѣтъ, т. е. при его смерти, Македонское господство обнимало почти весь Балканскій полуостровъ отъ хребта Гемскаго до морей Эгейскаго и Ионическаго. Кромѣ собственной необычайной дѣятельности, политическаго и военнаго искусства, Фидиппу въ этихъ пріобрѣтеніяхъ помогло также и самое счастье. Его счастье и удача главнымъ образомъ заключались въ томъ, что ему пришлось имѣть дѣло съ Греціей въ эпоху ея упадка и разложенія. Когда онъ выступилъ на поприще, великіе государственные люди и полководцы Греціи, какъ

Эпаминондъ, Агезилай, Ификратъ и т. п., сошли уже въ могилу, и противниками Филиппа на боевомъ полѣ явились люди болѣе или менѣе незначительные. Одного только Демосѳена Греція выставила достойнымъ соперникомъ Македонскаго царя на поприщѣ политической борьбы. Но Демосѳенъ не имѣлъ власти; онъ могъ только дѣйствовать силою своего слова, и въ этомъ отношеніи имъ было сдѣлано все возможное, чтобы отстоять Греческую независимость. Послѣ смерти великаго оратора сограждане воздвигли ему мѣдную статую, и съ полнымъ правомъ начертали на ней слѣдующія слова:

«Если бы твоя сила, Демосѳенъ, равнялась твоему разуму, Никогда бы македонскій Марсъ не одолѣлъ Эллады».

IX.

ПЕРВЫЕ ШАГИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО,

Воспитаніе и образованіе Александра.—Аристотель.— Утвержденіе на престолѣ.—Трудныя обстоятельства.—Движенія Грековъ и варваровъ. Энергія молодого царя.—Коринтскій сеймъ.—Походъ на Дунай и въ Иллирію.—Осада Пеліона.—Возстаніе въ Греціи.—Фиванцы.—Взятіе и разрушеніе Фивъ.—Пощада Аѳинъ.—Заключеніе.

Александръ родился въ 356 г. до Р. Х. въ тотъ самый день, когда великолѣпный храмъ Артемиды въ Эфесѣ былъ сожженъ безумнымъ Геростратомъ. Преданіе рассказываетъ, что вѣсть о рожденіи сына Филиппъ получилъ вмѣстѣ съ другими двумя пріятными извѣстіями: его полководецъ Парменіонъ побѣдилъ Иллирійцевъ, а его кони одержали побѣду на Олимпійскомъ ристалищѣ. Такимъ образомъ уже при самомъ рожденіи мальчика судьба какъ бы указывала, что отъ него надобно ожидать чего то необыкновеннаго. Если отецъ его Филиппъ уже въ значительной степени владѣлъ эллинскимъ образованіемъ и въ краснорѣчій могъ состязаться съ лучшими ораторами, то Александръ, окруженный греческими учителями, по своему воспитанію является чистымъ Эллиномъ. Одаренный богатой фантазіей и поэтическимъ чувствомъ, онъ усердно знакомился съ произведеніями лучшихъ греческихъ писателей и поэтовъ. Въ особенности онъ пристрастился къ поэмамъ Гомера, и, еще будучи мальчикомъ, стремился подражать своему любимому герою Ахиллу, который притомъ же считался его предкомъ по матери. (Сынъ Ахилла Неоптолемъ, по преданію, былъ родоначальникомъ Эпирскихъ царей). Съ этими поэмами онъ не разставался потомъ и во время своихъ походовъ. Подъ ихъ вліяніемъ славолубіе рано пробудилось въ его сердцѣ. Если въ-

рить преданію, то онъ при извѣстіи о новыхъ успѣхахъ Филиппа уже жаловался, что послѣ отца пожалуй ему ничего не останется для завоеваній. О его близкомъ знакомствѣ вообще съ эллинской поэзіей рассказываютъ слѣдующее. Когда онъ былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, въ Пеллу прибыло для мирныхъ переговоровъ аѳинское посольство, въ средѣ котораго находились знаменитые ораторы Эхинъ и Демосѣенъ. Между тѣмъ какъ Филиппъ угощалъ пословъ роскошнымъ и веселымъ пиромъ, Александръ при этомъ декламировалъ наизусть разные отрывки изъ греческихъ поэтовъ, и потомъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими сверстниками разыгралъ діалогъ изъ одной греческой драмы.

Воспитаніемъ мальчика руководилъ его родственникъ по матери, строгій Леонидъ. Онъ заботился не объ одномъ умственномъ образованіи, но также старался приучить царевича къ умѣренному, даже суровому образу жизни и закалить его тѣло какъ гимнастикой, такъ и разными лишеніями. И дѣйствительно, достигнувъ юношескаго возраста, Александръ отличался замѣчательною тѣлесною силою и крѣпостью, а также ловкостью въ разныхъ физическихъ упражненіяхъ. Эти качества онъ обнаружилъ особенно по поводу извѣстнаго коня Букефала, какъ о томъ рассказываетъ слѣдующее преданіе. Однажды Филиппу привели великолѣпнаго ессалійскаго коня и предлагали купить за дорогую цѣну. Но онъ былъ такъ дикъ и неукротимъ, что не позволялъ сѣсть на себя никакому всаднику, и потому царь велѣлъ его увести обратно, какъ ни къ чему непригоднаго. Но тутъ юноша Александръ выпросилъ у отца позволеніе самому попытаться укрощеніе коня. Замѣтивъ, что животное пугается собственной тѣни, онъ поставилъ его противъ солнца; потомъ началъ его гладить и успокаивать; затѣмъ вскочилъ на коня, и послѣ бѣшеной скачки укротилъ его. Преданіе прибавляетъ, что отецъ былъ сильно растроганъ такимъ успѣхомъ юноши, и воскликнулъ: „сынъ мой, ищи себѣ другаго царства; Македонія слишкомъ для тебя мала!“ Укрощенный конь послѣ того не разставался съ Александромъ и долго служилъ ему въ его походахъ. По особенностямъ своей морды онъ названъ былъ Букефаломъ, т. е. быкоголовымъ.

Образованіе свое Александръ закончилъ подъ руководствомъ величайшаго ученаго и философа древней Греціи.

Въ числѣ греческихъ колоній Халкидическаго полуострова, на его

восточномъ берегу, находился городъ Стагира, незначительный самъ по себѣ, но сдѣлавшійся знаменитымъ какъ родина Аристотеля. Отецъ его Никомахъ былъ придворнымъ врачомъ македонскаго царя Аминты II (отецъ Филиппа). Когда родился Александръ, то слава Аристотеля, въ то время двадцати-осьми лѣтняго мужа, была уже такъ велика, что, по словамъ преданія, Филиппъ будто бы написалъ ему: „благодарю боговъ не столько за дарованіе мнѣ сына, сколько за то, что онъ родился при твоей жизни“. Когда же Александру исполнилось тринадцать лѣтъ, Филиппъ призвалъ къ своему двору Аристотеля и поручилъ ему своего сына. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ философъ трудился надъ образованіемъ царевича, который, благодаря своимъ геніальнымъ способностямъ, успѣлъ усвоить себѣ все то, что могли знать самые просвѣщенные Элліны его времени. Но раннее участіе юноши въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ не мало отвлекало его отъ уроковъ своего великаго наставника. При своихъ частыхъ отлучкахъ изъ Македоніи, Филиппъ сталъ поручать нѣкоторые государственныя дѣла юному сыну, который не замедлил оправдать это довѣріе. Рассказываютъ, что, будучи еще мальчикомъ, Александръ однажды въ отсутствіе отца принималъ персидскихъ пословъ; причемъ удивилъ ихъ своею любознательностію и своими вопросами о пути ведущемъ изъ Греціи въ Азію, о Персидскомъ царѣ, о силахъ Персіи и т. п. Александру было только шестнадцать лѣтъ, когда Филиппъ, предпринимая осаду Перинеа и Византіи, оставилъ его правителемъ Македоніи. Юноша не только успѣшно исполнилъ возложенное на него бремя, но и лично усмиривъ возстаніе одного сосѣдняго еравійскаго племени на верховьяхъ рѣки Стримона, гдѣ заложилъ колонію Александрію, первый изъ многихъ основанныхъ имъ городовъ, получившихъ его имя. Но въ особенности Александръ выказалъ свой военный талантъ и неукротимую отвагу, два года спустя, въ день Херонейской битвы.

Затѣмъ послѣдовали помянутыя выше семейныя несогласія между отцомъ и сыномъ, и самый вопросъ о наслѣдникѣ престола подвергся сомнѣнію. Но внезапная смерть Филиппа застала въ расплохъ партію молодой царицы Клеопатры и ея новорожденнаго ребенка. Ея дядя и глава этой партіи Атталъ находился въ Азій. Судьба трона и всего государства зависѣла отъ перваго момента. Прежде нежели дворъ, войско и народъ опомнились отъ неожиданнаго кро-

вагаго событія, одинъ изъ Линкестійскихъ князей (изъ верхней Македоніи), по имени также Александръ, занимавшій видное мѣсто въ македонской арміи, съ насоро собраннымъ отрядомъ поспѣшилъ къ царевичу Александру, привѣтствовалъ его царемъ, помогъ ему возложить на себя полное вооруженіе и занять царскій дворець. Сему примѣру послѣдовали и другіе полководцы, въ томъ числѣ Антипатръ, зять Линкестійскаго князя, и все македонское войско охотно присягнуло Александру, съ которымъ оно уже познакомилось на ратномъ полѣ.

Но никто еще не зналъ, къ чему былъ способенъ этотъ двадцатилѣтній юноша, только что овладѣвшій трономъ. Вскорѣ Александръ показалъ, что въ характерѣ его равно совмѣщались и порывистая, горячая натура матери Олимпіи, и неутомимая дѣятельность, соединенная съ холодною обдуманностью, а иногда и съ рассчитанною жестокостью, которыми отличался его отецъ. Мало было захватить тронъ въ минуту общей растерянности; надобно было его еще упрочить за собою, т. е. устранить враговъ и всѣхъ тѣхъ, которые могли имѣть какое либо притязаніе на этотъ тронъ. Предыдущая исторія Македоніи показываетъ, что рѣдко переменна правителя не сопровождалась междоусобными войнами и интригами со стороны разныхъ претендентовъ. Александръ поступилъ въ семьслучаѣ именно съ рассчитанною жестокостію; по его распоряженію были умерщвлены новорожденный сынъ Клеопатры, дядя ея Атталъ, стоявшій съ войскомъ въ Азіи, и двоюродный братъ молодого царя Аминта. А самое Клеопатру велѣла умертвить мать царя Олимпія во время его похода въ Грецію и къ великому его неудовольствію. Вообще Олимпія, немедленно прибывъ ко двору сына, не скрывала своей радости по поводу умерщвленія Филиппа и окружила разными почестями память его убійцы. Но самъ Александръ дѣйствовалъ умно и осторожно; онъ зналъ, что отецъ его былъ любимъ войскомъ и что оно негодуетъ на злодѣяніе. Молодой царь воздалъ тѣлу отца приличное его сану торжественное погребеніе; а въ то же время, что бы на него самого не пала тѣнь участія въ заговорѣ, онъ велѣлъ изслѣдовать дѣло о заговорщикахъ; послѣ чего многіе изъ нихъ были казнены, въ томъ числѣ два брата помянутаго Александра Линкестійскаго.

Но недостаточно было и того, чтобы укрѣпиться только на Ма-

редонскомъ престолѣ. Предстояло еще удержать за собою все отцовскія пріобрѣтенія, которыя оказались далеко неупроченными. Наступили трудныя для Македоніи политическія обстоятельства. И тутъ то юный царь вполне обнаружилъ свою необычайную энергію и государственную дальновидность.

Извѣстіе о смерти Филиппа облетѣло все покоренные народы и вездѣ возбудило надежду на освобожденіе отъ Македонскаго господства, какъ между Греками, такъ и между сосѣдними варварами, Иллирійцами и Фракійцами. Рассказываютъ, что Демосеенъ, ранѣе другихъ получившій эту вѣсть, объявилъ о ней въ Аѣнскомъ сенатѣ, увѣряя, будто боги ему сообщили ее во снѣ; онъ поздравлялъ согражданъ съ освобожденіемъ отъ тирана и прославлялъ его убійцу Павзанія. Надежду на это освобожденіе въ особенности внушали молодость и предполагаемая неопытность Александра, въ которомъ Греки не подозрѣвали присутствія гениальныхъ способностей. Точно также его молодостью были обмануты и Персы. Въ виду большихъ приготовленій Филиппа къ походу въ Азію, Персидскій царь тратилъ много денегъ на подкупы въ самой Греціи, чтобы поддерживать тамъ антимакедонскую партію. Теперь же, по смерти Филиппа, когда Демосеенъ попросилъ прислать значительныя суммы для той же цѣли, Персидскій царь счелъ дальнѣйшія траты уже излишними и отказалъ въ деньгахъ.

Между тѣмъ какъ въ Аѣнахъ ограничивались пока выраженіемъ надеждъ и насмѣшками надъ Александромъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи начались уже непріязненные дѣйствія; такъ жители Амбракіи (на границахъ Акарнаніи и Эпира) взяли за оружіе и изгнали изъ своего города македонскій гарнизонъ. Фиванцы, Этоляне и нѣкоторыя области Пелопонеса также обнаружили непріязненные движенія противъ Македонянъ. Съ другой стороны сосѣдніе народы Иллиріи и Фракіи перестали платить дань, наложенную на нихъ Филиппомъ и угрожали нападеніемъ на самую Македонію. Друзья и совѣтники Александра были утрачены грозившими со всехъ сторонъ опасностями, и совѣтовали ему успокоить волненіе мягкостью и уступками. Но юный царь понималъ, что спасеніе Македонской гегемоніи заключается только въ рѣшительномъ, энергическомъ образѣ дѣйствія. Александръ уже стремился душою въ Азію, онъ жаждалъ осуществить великій планъ своего отца и воспользоваться

его приготовлениями къ азіатскому походу; но въ то же время онъ понималъ, что предпріятіе это можетъ быть осуществлено только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ располагать силами цѣлой Греціи.

Осенью 336 года Македонскій царь съ большимъ войскомъ двинулся на югъ. Фессалійцы встрѣтили его дружески, и признали его такимъ же предводителемъ своихъ силъ, какимъ былъ его отецъ Филиппъ. Затѣмъ онъ быстро прошелъ Термопилы и явился въ Беотию. Его неожиданное появленіе навело страхъ на Фиванцевъ и Аѳинянъ. Послѣдніе послѣдили отправить къ нему привѣтственное посольство съ ораторомъ Демадомъ во главѣ; а между тѣмъ, по совѣту Демосоена, принялись за военныя приготовления и городскія укрѣпленія, на случай осады. Александръ благосклонно принялъ посольство. Изъ Беотіи онъ прошелъ въ Пелопонесъ, гдѣ при его появленіи также затихло всякое непріязненное движеніе. Потомъ онъ созвалъ въ Коринѣ депутатовъ отъ греческихъ государствъ, и заставилъ ихъ подтвердить всѣ договоры, заключенные съ его отцомъ на предыдущемъ Коринѣскомъ сеймѣ, а также признать его, подобно отцу, гегемономъ всѣхъ греческихъ военныхъ силъ въ предстоящемъ походѣ на Персовъ. Тутъ то собравшіеся со всѣхъ концовъ Греціи послы, художники, философы и пр. съ удивленіемъ смотрѣли на юнаго Македонскаго царя, блиставшаго какъ внѣшнею красотою и сановитостью, такъ и своимъ умомъ, обходительностію и рѣдкимъ образованіемъ. (Черты восточнаго деспотизма и высокомѣрія развились у него только впоследствии, въ Азій, подъ вліяніемъ его успѣховъ и толпы льстецовъ). Здѣсь же въ Коринѣ, какъ говорятъ, произошла легендарная встрѣча Александра съ Діогеномъ, лежавшимъ подлѣ своей бочки. На возвратномъ пути въ Македонію, Александръ посѣтилъ Дельфы и потребовалъ отъ Пифіи предсказанія. «О сынъ мой, ты непобѣдимъ!»—былъ ея отвѣтъ.

Укрѣпивъ Македонское владычество въ Греціи, Александръ обратился противъ возмущившихся сѣверныхъ варваровъ: ибо пока эти безпокойныя, хищныя племена оставались неукрошенными, небезопасно было покинуть Македонію и отправляться въ дальній азіатскій походъ.

Весною слѣдующаго 335 года Александръ во главѣ большаго отряда выступилъ изъ Амфиполя. Сначала онъ слѣдовалъ на востокъ вдоль морскаго берега, а потомъ пошелъ на сѣверъ по склонамъ Родопъ

скихъ горъ къ городу Филиппополю, который былъ основанъ его отцомъ на верхнемъ теченіи рѣки Гебра (теперь Марицы). Отсюда онъ двинулся къ горнымъ проходамъ Гема (Балканъ). Но тутъ собрались окрестныя еракійскія племена, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему походу Македонянъ. Варвары заняли высокія мѣста, выставили передъ собою свои телѣги, и, когда македонское войско, проходившее мимо внизу, поравнялось съ ними, начали скатывать на него эти тяжелые воза. Для Александра такой случай былъ только поводомъ показать свою находчивость. Онъ приказалъ воинамъ раскрыть свои ряды и пропустить телѣги въ свободные промежутки; а гдѣ узкое мѣсто препятствовало тому, бросившись на землю, плотно прижаться другъ къ другу и покрыться щитами. Такимъ образомъ телѣги, попавъ на щиты, катились по нимъ далѣе, не причиняя вреда воинамъ. Послѣ того плохо вооруженные туземцы были совершенно разбиты; Македоняне взяли большую добычу и множество плѣнныхъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, которыхъ они тотчасъ отослали въ свои приморскіе города, чтобы продать ихъ въ рабство. Александръ прошелъ Гемскія ущелья, и вступилъ въ землю сильнаго племени Трибалловъ, отъ которыхъ едва не погибъ его отецъ со всѣмъ войскомъ. Туземцы заняли крѣпкія лѣсныя убѣжища и приготовились къ оборонѣ. Но Александръ посредствомъ легковооруженныхъ отрядовъ своего войска выманилъ непріятелей изъ лѣсныхъ дебрей на открытую равнину, и потомъ разбилъ ихъ совершенно. Однако Македонянамъ не удалось взять много плѣнныхъ, потому что разбѣянные туземцы укрылись въ тѣхъ же дебряхъ. Между тѣмъ князь этой страны съ женами и дѣтьми своего племени и съ частью народа удалился на одинъ Дунайскій островъ, Певке.

Послѣ трехдневнаго похода отъ мѣста битвы Александръ достигъ Цстра (Дуная), гдѣ онъ нашелъ свои корабли съ разными припасами, заранѣе отправленные имъ изъ Византіи Эвксинскимъ Понтомъ въ сію рѣку. Онъ воспользовался кораблями, чтобы сдѣлать высадку на островъ Певке. Но высокій берегъ острова, быстрое теченіе рѣки и мужество собравшихся туземцевъ воспрепятствовали высадкѣ.

Что бы загладить эту неудачу, Александръ рѣшилъ переправить свое войско на лѣвый берегъ Дуная и напасть на обитавшихъ тамъ Гетовъ. Сіи послѣдніе расположились на своемъ берегу въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, чтобы помѣшать переправѣ; но тщетно. Александръ

собралъ нѣкоторое количество туземныхъ лодокъ — однодеревокъ, т. е. выдолбленныхъ изъ одного дерева и служившихъ для перевозки тяжестей; велѣлъ связать ихъ по нѣскольку вмѣстѣ и привязать къ нимъ мѣшки, сдѣланные изъ кожаныхъ военныхъ палатокъ и набитые сѣномъ; такимъ образомъ лодки ровнѣ держались на водѣ и не перекачивались. Потомъ разъ ночью онъ посадилъ на нихъ часть своей пѣхоты и конницы, и высадилъ ее въ томъ мѣстѣ лѣваго берега, гдѣ не было стражи и гдѣ высоко росшій хлѣбъ скрывалъ отъ непріятеля движенія Македонянъ. Послѣ небольшого сраженія Геты обратились въ бѣгство, покинули свой близъ лежащій городъ и удалились внутрь страны. Александръ безпрепятственно вступилъ въ этотъ городъ, и овладѣлъ всѣмъ движимымъ имуществомъ; а его деревянные и тростниковыя хижины предалъ пламени, и затѣмъ воротился къ берегу. Здѣсь онъ принесъ благодарственныя жертвы Зевсу, Гераклу и богу рѣки Истра; послѣднему за то, что тотъ позволилъ совершить переправу. Потомъ царь снова перешелъ на правый берегъ.

Переправа чрезъ величайшую изъ извѣстныхъ тогда европейскихъ рѣкъ, безъ моста и въ виду непріятеля, высоко подняла Александра во мнѣніи какъ собственнаго войска, такъ и сосѣднихъ варваровъ. Страхъ, внушенный этимъ походомъ, былъ такъ великъ, что не только Трибаллы, но и другія дотолѣ независимыя Фракіійскія племена прислали пословъ въ лагерь Александра съ дарами и съ просьбою о мирѣ. Александръ ласково принималъ пословъ и дары; онъ былъ теперь увѣренъ, что во время его отсутствія въ Азію никто изъ сихъ варварскихъ народовъ не осмѣлится поднять оружіе противъ Македонянъ.

Кромѣ Фракіійцевъ къ Александру явились тогда послы отъ одного довольно дальняго Гальскаго племени, которое предложило ему свою дружбу. Они обращали на себя вниманіе своимъ высокимъ ростомъ и гордою рѣчью. Во время трапезы, угощая этихъ пословъ, Александръ спросилъ ихъ: какая бѣда, могущая приключиться людямъ, болѣе всего ихъ страшитъ? „Никого изъ людей и никакой бѣды мы не боимся, за исключеніемъ той, которую можетъ обрушить на насъ само небо“ — былъ ихъ отвѣтъ. Александру такой отвѣтъ не совсѣмъ понравился, и, обратясь къ своимъ друзьямъ, онъ назвалъ Галловъ большими хвастунами. Дѣло въ томъ, что Македонскій царь ожидалъ

услышать отъ пословъ свое имя, какъ человѣка, котораго они страшатся наиболѣе. Вотъ уже какъ рано удачи и окружающее поклоненіе начали портить натуру Александра, возбуждая въ немъ чрезмѣрную гордость и высокомѣріе.

На обратномъ походѣ отъ нижняго Дуная Александръ уклонился болѣе къ западу, въ сторону Иллиріи. Въ области Пеоновъ его дружески привѣтствовалъ и присоединился къ нему съ своимъ отрядомъ одинъ изъ мѣстныхъ князей, по имени Лангаръ, уже при Филиппѣ признавшій себя вассаломъ Македоніи. Здѣсь юный царь услышалъ о возстаніи тѣхъ Иллирійцевъ, которые обитали къ югу отъ озера Лихнитскаго (нынѣ Скутарійскаго) и имѣли своимъ средоточіемъ горную крѣпость Пеліонъ, на сѣверо-западныхъ предѣлахъ Македоніи. Во главѣ возставшихъ сталъ ихъ князь Клитъ; а на помощь къ нему шелъ его союзникъ Главкій, князь западноиллирійскаго племени Тавлантовъ. Когда Македоняне приблизились къ Пеліону, то ихъ встрѣтили Иллирійцы, занимавшіе сосѣднія съ городомъ высоты. Передъ битвою они принесли въ жертву своимъ богамъ трехъ мальчиковъ, трехъ дѣвочекъ и три черныхъ барана. Затѣмъ они смѣло двинулись на Македонянъ; но не выдержали ихъ сильнаго удара, и такъ поспѣшно побѣжали въ городъ, что оставили непріателямъ и помянутыя жертвы богамъ. Александръ осадилъ городъ и хотѣлъ окружить его валомъ; но въ это время прибылъ Главкій съ такимъ большимъ войскомъ Тавлантовъ, что Македонскій царь принужденъ былъ снять осаду и самъ перейти въ оборонительное положеніе. Однажды отрядъ македонскихъ всадниковъ, посланныхъ для сбора продовольствія, былъ отрѣзанъ непріателями и едва не погибъ, еслибы самъ царь вовремя не подоспѣлъ ему на помощь. Онъ долженъ былъ лично участвовать въ стычкахъ съ Иллирами, причѣмъ получилъ раны въ голову и шею.

Въ виду значительнаго превосходства непріятельскихъ силъ, Александръ предпринялъ отступленіе изъ этой гористой и болотистой страны, по узкимъ рѣчнымъ долинамъ. Съ помощью разныхъ искусныхъ движеній и подъ прикрытіемъ камнеметательныхъ машинъ, ему удалось счастливо избавиться отъ преслѣдованія Иллировъ и вывести свое войско въ болѣе удобныя и безопасныя мѣста. Но онъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ мятежныя Иллирскія племена и думать только о своемъ спасеніи. Отъ лазутчиковъ онъ узналъ,

что послѣ его отступленія непріатели предались безпечности и перестали соблюдать военныя предосторожности въ своемъ лагерѣ подъ Пеліономъ. Тогда юный царь съ Эллинскими союзниками и бо-
бѣ легкими частями своей арміи ночью предпринялъ смѣлнѣйшій обрат-
ный походъ; за нимъ послѣдовало и главное войско. На разсвѣтѣ
онъ напалъ на спящій, никѣмъ неохраняемый лагерь Тавлантовъ,
и, благодаря этой внезапности, разбилъ и разсѣялъ ихъ совершенно.
Послѣ того иллирійскій князь Клитъ зажегъ Пеліонъ, и бѣжалъ въ
область своего союзника Главкія.

Еще не успѣлъ Александръ отпраздновать свою побѣду, какъ до
него достигла тревожная вѣсть о возстаніи въ самой Греціи.

Отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ продолжалось отсутствіе Алек-
сандра во Фракіи и Иллиріи, и все это время въ Греціи не получа-
лось отъ него никакихъ прямыхъ извѣстій. А потому было свобод-
ное поле для разныхъ 'слуховъ болѣе или менѣе невѣроятныхъ.
Вдругъ кто то распространилъ вѣсть, что Александръ разбитъ и по-
гибъ въ битвѣ съ Трибаллами. Такъ какъ многіе Греки скорбѣли
объ утратѣ своей независимости и съ нетерпѣніемъ переносили Ма-
кедонское господство, то этой вѣсти очень охотно повѣрили, осо-
бенно въ Аѣинахъ и Фивахъ. Ораторы патріотической партіи, съ
Демосееномъ во главѣ, снова заговорили о наступившей минутѣ осво-
божденія. Но пока Аѣиняне только радовались и слушали патріоти-
ческія рѣчи, въ Фивахъ приступили къ дѣйствию; ибо здѣсь поло-
женіе дѣлъ было другое. Тутъ правленіе находилось въ рукахъ лю-
дей македонской партіи, которые опирались на македонскій гарни-
зонъ Кадмея, и граждане чувствовали на себѣ всю тяжесть Македон-
скаго владычества. Первыми начали дѣйствовать Фиванскіе изгнанники,
сбравшіеся въ Аѣинахъ. Въ то же время Персидскій царь, убѣдясь,
что Александръ нисколько не менѣе опасенъ для Персіи чѣмъ Фи-
липпъ, снова началъ посылать въ Грецію деньги на поддержку анти-
македонской партіи. Говорятъ, что самъ Демосеенъ получилъ отъ
него значительныя суммы для той же цѣли. Съ помощью' этихъ де-
негъ былъ составленъ и вооруженъ отрядъ изъ Фивскихъ изгнан-
никовъ, который внезапно явился въ Фивы и призвалъ гражданъ къ
возстанію противъ Македонянъ. Фивяне тотчасъ пристали къ этому
возстанію, свергли поставленное Александромъ правительство и вы-

брали снова собственныхъ беоарховъ. Предводителей Фиванскихъ одушевляло воспоминаніе о Пелопидѣ и Эпаминондѣ, которые сорокъ пять лѣтъ тому назадъ съ помощью такой же горсти изгнанниковъ освободили Фивы отъ Спартанцевъ. Но на сей разъ между Фиванцами не оказалось мужей подобныхъ Пелопиду, а тѣмъ менѣе Эпаминонду. Спартанскій гарнизонъ Кадмеи въ то время держался недолго, и сдалъ крѣпость; а теперь македонскій гарнизонъ напротивъ оказалъ рѣшительное сопротивление, и, снабженный всѣми запасами, былъ готовъ выдержать продолжительную осаду. Фиванцы окружили крѣпость двойнымъ валомъ, чтобы отрѣзать ей всякую помощь извнѣ, а также воспрепятствовать вылазкамъ осажденныхъ. Въ тоже время они отправили пословъ въ Аркадію и другія земли съ просьбою соединиться съ ними для борьбы противъ общаго врага.

Аѳинскіе ораторы Демосѣенъ, Ликургъ и Гиперидъ поддерживали сію просьбу и возбуждали народъ къ участию въ борьбѣ; но другіе, преимущественно Демадъ и Фокіонъ, совѣтовали прежде подождать точныхъ извѣстій о смерти Александра. И этотъ совѣтъ былъ принятъ народомъ. Между тѣмъ Антипатръ, котораго Александръ оставилъ своимъ намѣстникомъ въ Македоніи потребовалъ отъ пелопонесскихъ членовъ Коринесскаго союза вспомогательныхъ отрядовъ для усмиренія Фивскаго возстанія. Но Демосѣенъ лично отправился въ Пелопонесъ, и съ помощью своего краснорѣчія, а также персидскаго золота не только убѣдилъ Пелопонесцевъ отвергнуть требованіе Антипатра, но и успѣлъ возбудить движеніе противъ Македонянъ. Аркадяне рѣшили даже послать войско на помощь Фиванцамъ; но это войско еще не перешло Истма, когда Фивское возстаніе было окончено.

Воздавая дань удивленія генію молодого Александра, исторія не должна также упускать изъ виду того счастья, той удачи, которыя сопровождали его предпріятія. Царь получилъ извѣстіе о событіяхъ въ Греціи какъ разъ въ то время, когда онъ разсѣялъ своихъ враговъ подъ Пеліономъ и имѣлъ теперь свободныя руки. Онъ тотчасъ сообразилъ, что только быстротою и энергіей можно подавить греческое возстаніе въ самомъ его началѣ, не давъ ему времени укрѣпиться и принять большіе размѣры. Онъ немедленно двинулся съ своимъ войскомъ прямо на югъ, и, не заходя въ свою столицу Пеллу,

прошелъ въ Фессалию, и достигъ Фермопилъ. Греки не позаботились овладѣть этимъ важнымъ проходомъ, который надолго могъ задержать Македонское войско, и, спустя только 13 дней отъ начала труднаго похода по гористымъ мѣстамъ, Александръ стоялъ уже въ предѣлахъ Беотіи, въ городѣ Онхестѣ (на юго-восточной сторонѣ озера Копайды). Какъ громомъ были поражены Фиванцы и прочіе Греки внезапнымъ появленіемъ царя съ сильнымъ побѣдоноснымъ войскомъ въ самомъ центрѣ Греціи. Уже одно такое появленіе навело общій страхъ, и Фиванцы были предоставлены собственнымъ средствамъ. Однако надобно отдать имъ справедливость; они рѣшились мужественно бороться до конца, и отвергли предложенія Александра, который обѣщалъ ихъ простить, если они покорятся, принесутъ повинную и выдадутъ главныхъ зачинщиковъ возстанія.

Изъ Онхеста Александръ двинулся на Фивы и расположился лагерьмъ на ихъ южной сторонѣ; чѣмъ отрѣзалъ имъ сообщеніе съ Аѳинами. Когда его мирныя предложенія были отвергнуты, онъ велѣлъ поставить осадныя машины и приготовиться къ приступу. Съ своей стороны Фивяне изготовились къ отчаянной оборонѣ. Предоставивъ защиту стѣнъ и валовъ по большей части легковооруженнымъ и вольноотпущенникамъ, они съ лучшимъ войскомъ сдѣлали вылазку и вступили въ открытую битву за городскими воротами. Александръ раздѣлилъ свою армію на три части: одна часть подъ начальствомъ полководцевъ Пердикки и Аминты штурмовала виѣшнія укрѣпленія, другая выдерживала полевое сраженіе съ Фиванцами, а третья оставалась въ запасѣ (резервъ). Сраженіе возгорѣлось до того упорное, что этотъ запасъ скоро былъ также введенъ въ дѣло. Между тѣмъ Пердиккѣ удалось овладѣть частью виѣшнихъ укрѣпленій и проникнуть въ городъ; въ тоже время македонскій гарнизонъ, запертый въ Кадмеѣ, сдѣлалъ вылазку. Узнавъ о томъ, Фиванцы, сражавшіеся въ полѣ, отступили обратно въ городъ, чтобы выгнать непріятелей. Но вмѣстѣ съ ними чрезъ отворенныя ворота ворвалось и македонское войско. Отчаянная битва еще долго длилась по улицамъ города. Наконецъ сопротивленіе было сломлено, и сраженіе обратилось въ избіеніе побѣжденныхъ, безъ различія пола и возраста, сопровождавшееся грабежомъ и опустошеніемъ. Македоняне потеряли 500 чловѣкъ; тогда какъ число избитыхъ Фиванцевъ простиралось до 6000, а взятыхъ въ плѣнъ до 30.000.

При семь штурмѣ въ македонскомъ войскѣ участвовали нѣкоторые вспомогательные греческіе отряды, составленные преимущественно изъ враждебныхъ Фивамъ элементовъ, каковы Фокейцы, Орхоменцы, Платейцы и т. п. Александръ отдалъ на рѣшеніе именно этихъ своихъ союзниковъ вопросъ о судьбѣ плѣнныхъ и самого города Фивъ. Ихъ приговоръ онъ конечно предвидѣлъ заранѣе, и не ошибся. Они рѣшили слѣдующее: городъ Фивы уничтожить и сравнять съ землею; оставить только замокъ Кадмею для македонскаго гарнизона; возобновить и укрѣпить города Орхомень и Платею; земли Фивскія раздѣлить между беотійскими союзниками Александра; плѣнныхъ Фивянъ съ ихъ женами и дѣтьми продать въ рабство, за исключеніемъ только жрецовъ, жриць и тѣхъ гражданъ, которые были связаны съ Македонянами союзомъ гостепріимства. Фивскіе бѣглецы объявлены внѣ закона, т. е. всякій при встрѣчѣ могъ ихъ брать или убивать безнаказанно, и греческимъ городамъ запрещено давать имъ убѣжище. Александръ утвердилъ приговоръ, и велѣлъ привести его въ исполненіе. Онъ приказалъ пощадить только домъ поэта Пиндара и его потомство. Итакъ одинъ изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ городовъ Греціи былъ сожженъ и разрушенъ до основанія, т. е. сравненъ съ землею; только замокъ Кадмея теперь напоминалъ о его существованіи. Фивская область раздѣлена между возобновленными городами Орхоменомъ и Платеей. Всѣ плѣнники проданы въ рабство; причемъ изъ ненависти къ павшему городу запрещено было брать за нихъ высокія цѣны.

Впослѣдствіи Александръ не разъ раскаявался въ своей жестокости по отношенію къ Фивамъ; ибо по понятіямъ Грековъ разрушеніе города наказывало не однихъ жителей; оно оскорбило и привело въ негодованіе мѣстнотимыхъ боговъ и героевъ. Въ числѣ ихъ находился богъ вина и веселья Діонисъ, мѣстороженіемъ котораго по Греческой міеологіи считались Фивы. Поэтому нѣкоторые свои неудачи или дурные поступки, напримѣръ собственноручное убійство Клите въ пьяномъ состояніи и отказъ войска идти внутрь Индіи, Александръ приписывалъ именно ощенію бога Діониса. Подъ вліяніемъ такихъ понятій, послѣ смерти Александра, сынъ Антипатра Кассандръ велѣлъ возобновить разрушенный городъ.

Вѣсть о разрушеніи Фивъ произвела паническій страхъ въ греческихъ городахъ. Всякое враждебное Македоніи движеніе замерло; изъ многихъ

мѣсть Греціи явилось посольство въ станѣ Александра съ выраженіемъ покорности. Но Аѳины и въ эту критическую для себя минуту не измѣнили своему достоинству и самообладанію. Въ самый день штурма и взятія Фивъ Аѳиняне отправляли великій праздникъ Элевзинской Деметры; длинная и торжественная процессія ея поклонниковъ потянулась изъ Аѳинъ въ Элевзисъ. Еще процессія не успѣла воротиться въ городъ, когда часть ѳиванскихъ бѣглецовъ, спасшихся отъ македонскаго плѣна и разсѣявшихся въ разныя стороны, достигла Аѳинъ и принесла страшную вѣсть о судьбѣ своей родины. Тотчасъ празднество было прекращено, и всѣ окрестные жители съ своимъ имуществомъ поспѣшили укрыться за городскими стѣнами. Всѣ Аѳиняне быстро вооружились и начали готовиться къ осадѣ, такъ какъ Македонскій царь находился отъ нихъ на разстояніи только двухдневнаго перехода. Несмотря на общій трепетъ передъ Македонскимъ царемъ, они дали убѣжище ѳивскимъ бѣглецамъ, и не отказали въ немъ даже послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ помянутое запрещеніе Александра. Вслѣдъ затѣмъ прибыли македонскіе послы съ грознымъ письмомъ отъ царя, который потребовалъ выдачи десяти аѳинскихъ гражданъ, стоявшихъ во главѣ патріотической или антимакедонской партіи; въ ихъ числѣ были ораторы Демосѳенъ, Ликургъ и Гиперидъ, полководцы Эфіальтъ и Харидемъ. Тѣже лица явились теперь самыми ревностными участниками приготовленій къ отчаянной оборонѣ. Требованіе объ ихъ выдачѣ поступило на рѣшеніе народнаго собранія.

Въ этомъ собраніи Демосѳенъ убѣждалъ народъ не раздѣлять себя отъ тѣхъ мужей, которые охраняли независимость и достоинство Аѳинъ. Для поясненія своей мысли онъ привелъ извѣстную басню о волкахъ, которые заключили миръ съ овцами подъ условіемъ выдачи собакъ, охранявшихъ стадо. Старый полководецъ Фокіонъ, всегда державшійся умѣренной политики, молча слушалъ обсужденіе вопроса; но, по требованію нѣкоторыхъ голосовъ высказать свое мнѣніе, всталъ и посовѣтовалъ выдать требуемыхъ мужей; такъ какъ Аѳиняне недостаточно сильны, чтобы оружіемъ сопротивляться Александру. При этомъ съ своей стороны онъ напомнилъ мнѣ о дочеряхъ древняго аѳинскаго царя Эрихтея, которыя для спасенія отечества добровольно принесли себя въ жертву разгнѣванному богу Посейдону. На рѣчь Фокіона отвѣчалъ Ликургъ съ большимъ жаромъ

и краснорѣчіемъ. Собраніе высказалось противъ Фокіонова совѣта и рѣшило не выдавать помянутыхъ мужей.

По предложенію Демада отправлено было АѢинское посольство къ Александру, чтобы смягчить его гнѣвъ. Но царь вначалѣ былъ неумолимъ и даже отказался принять пословъ. Только второму посольству, съ Фокіономъ во главѣ, удалось склонить Александра къ милости. Онъ ограничился изгнаніемъ изъ АѢинъ Эфіальта и Харидема. Тогда эти полководцы удалились въ Азію и вступили въ службу персидскаго царя Дарія. Очевидно Александръ, подобно своему отцу Филиппу, питалъ уваженіе къ АѢинамъ какъ средоточію греческой образованности. Онъ также не хотѣлъ доводить до отчаянія АѢинянъ, которые все еще имѣли въ своемъ распоряженіи значительный флотъ, могли надолго задержать его подъ своими стѣнами и отвлечь отъ похода въ Азію; причемъ они по всей вѣроятности получили бы значительную помощь войскомъ и деньгами отъ персидскаго царя. Умѣренностію и снисходительностію, напротивъ, царь обезоруживалъ АѢины, и давалъ въ нихъ перевѣсъ партіи мира и дружбы съ Македоніей. Во главѣ этой партіи стоялъ теперь Фокіонъ, извѣстный своею честностію и неподкупностію. Александръ обласкалъ его и даже спрашивалъ его совѣтовъ относительно предстоявшаго похода на Персію. Такимъ образомъ дѣйствія онъ обезпечилъ себѣ спокойствіе со стороны АѢинянъ на время своего отсутствія.

Устроивъ дѣла въ Средней Греціи, Александръ отправился въ Коринѣъ, куда онъ снова призвалъ греческихъ депутатовъ, которые подтвердили подчиненіе своихъ согражданъ Македонской гегемоніи и избраніе царя предводителемъ всѣхъ греческихъ военныхъ силъ. Только Спарта по прежнему не принимала никакого участія въ этомъ сеймѣ.

Осенью 335 года молодой царь воротился въ свою столицу Пеллу и всю слѣдующую зиму провелъ въ дѣятельныхъ приготовленияхъ къ азіатскому походу. Между тѣмъ передовое македонское войско подъ начальствомъ Парменіона уже открыло военныя дѣйствія въ сѣверо-западныхъ областяхъ Малой Азіи; но его успѣхи были непродолжительны; ибо онъ встрѣтилъ себѣ достойнаго противника въ лицѣ рѣдосца Мемнона, предводителя греческихъ наемныхъ отрядовъ, находившихся на персидской службѣ. Наконецъ весною 334 года Александръ съ главнымъ войскомъ переправился чрезъ Геллеспонтъ. На-

чался рядъ великихъ походовъ, разрушившихъ огромную Персидскую монархію и распространившихъ семена Эллинской гражданственности почти до крайнихъ предѣловъ древнеисторическаго Востока.

Итакъ мы видимъ, во первыхъ, въ какомъ шаткомъ положеніи находился вопросъ о престолонаслѣдіи при смерти Филиппа, и какъ одна минута колебанія или замедленія со стороны Александра могла повергнуть Македонію въ состояніе междоусобія и анархій. Во вторыхъ, мы видимъ, что Македоно-Греческое государство, созданное необычайной политической ловкостью и неусыпными трудами Филиппа, это разнообразное по своему составу государство готово было потрястись и распасться на составныя части при первыхъ же замѣшательствахъ въ самой Македоніи. Но все преодолѣла и все удержала та желѣзная воля и та непримѣрная энергія, которую обнаружилъ молодой царь при первыхъ же своихъ шагахъ. Конечно при этомъ съ его стороны не обошлось безъ нѣкотораго увлеченія и такой излишней жестокости какъ беспощадное разрушеніе города Фивъ. Однако недолжно забывать нравы и понятія тѣхъ языческихъ временъ, когда разрушеніе завоеванныхъ городовъ и обращеніе въ рабство ихъ жителей составляли обычныя явленія даже въ Греческомъ мірѣ, несмотря на его высокоразвитую цивилизацію. Затѣмъ, Богъ вѣсть, не покажи Александръ примѣровъ строгости и энергіи, могли усилиться мѣстныя возстанія, т. е. могло начаться разложеніе Греко-Македонской монархіи. Тогда ему пришлось бы ограничить свою дѣятельность долгою мелочною борьбою съ непокорными домашними элементами, и неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась эта борьба; но онъ вѣроятно долженъ былъ бы навсегда отказаться отъ той великой миссіи, которая его ожидала, т. е. отъ распространенія Эллинской цивилизаціи въ обширныхъ странахъ древняго Востока.

Разумѣется, въ иныя времена, при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, нужны другіе приемы и способы дѣйствія. Но во всякомъ случаѣ твердость воли, мужество, энергія и неуклонное служеніе высшимъ государственнымъ задачамъ—это такія качества, которыя по преимуществу требуются въ эпохи трудныя или безпокойныя и которыя всегда будутъ высоко цѣнимы, пока существуетъ человѣческое общество.

Р И М Ъ.

Х.

ПРЕДАНИЯ О ЦИНЦИННАТЪ И ДЕЦЕМВИРАХЪ *).

Предложеніе Терентила Арсы.—Смѣхъ Цинцинната Кезонъ.—Попытка Гердонія.—Внѣшніе враги и Цинциннатъ диктаторъ.—Умноженіе трибуновъ и другія нововведенія.—Назначеніе децемвировъ.—Аппій Клавдій и его тиранія.—Убійство Дентата.—Покушеніе на Виргинію и ея трагическая смерть.—Возмущеніе плебейскихъ легионовъ и сверженіе децемвировъ.

Борьба римскихъ патриціевъ съ плебеями все болѣе и болѣе разгоралась. Патриціи стремились уничтожить или ослабить неспріятное для нихъ учрежденіе народныхъ трибуновъ; а плебеи наоборотъ старались ограничить власть консуловъ, служившую главною опорою патриціанскаго господства. Особенно тяжела была для плебеевъ эта власть въ судебномъ отношеніи. За отсутствіемъ точно опредѣленныхъ писанныхъ законовъ, консулы постановляли свои приговоры по собственному усмотрѣнію, и нерѣдко пользовались своею властію, чтобы притѣснять плебеевъ, т. е. назначали имъ слишкомъ суровыя пени или наказанія. Посему народный трибунъ Терентилъ Арса въ 462 году до Р. Х. внесъ въ трибутныхъ комиціяхъ предложеніе назначить особую комиссію, которая занялась бы составленіемъ писанныхъ законовъ (*Lex Terentilia*).

Несмотря на всю справедливость этого предложенія, оно встрѣ-

---

*) Источники: Титъ Ливій. Книга III. 9—58. Діонисій Галикарнасскій. X и XI. Пособія: *Нибура*—*Römische Geschichte*. II. *Швейлера*—*Römische Geschichte*. II и III. *Момсена*—*Römische Geschichte*. I. (русскій переводъ Ахшарумова и Веселовскаго М. 1877—1880). *Герибера*—*Geschichte von Hellas und Rom*. *Бернарда* и *Шаубаха*—*Römische Geschichte in Biographien, nach den Quellen bearbeitet*. *Ине*—*Römische Geschichte*. I. *Ампера*—*L'histoire Romaine à Rome* II. *Дюрюи*—*Histoire des Romains*. I. *Ранке*—*Weltgeschichte* II. Leipzig. 1882. *Смита*—*A history of the ancient World*. II. London 1873.

тило сильное противодѣйствіе со стороны патриціевъ и послужило источникомъ новой борьбы. Прошло около десяти лѣтъ прежде нежели плебеи добились его исполненія. Историки римскіе передаютъ намъ нѣкоторыя подробности изъ эпохи этой борьбы. Подробности очень любопытны; хотя онѣ не отличаются полною историческою достоверностію и очевидно сохранились въ украшенномъ видѣ, т. е. имѣютъ легендарную примѣсь.

Патриціи употребляли всѣ возможныя мѣры, что бы не дать ходу Терентилову предложенію. Напримѣръ, сенатъ объявилъ, что Эквы и Вольски готовятъ нападеніе на Римъ; консулы приказываютъ плебеямъ становиться въ ряды войска. Но трибуны назвали извѣстіе о непріятеляхъ ложнымъ и воспротивились военному сбору. Тогда патриціи начали просто мѣшать плебейскимъ собраніямъ (т. е. трибутнымъ комиціямъ), какъ скоро онѣ намѣревались обсуждать Терентилово предложеніе. Толпы патриціанской молодежи съ этою цѣлью бросались на форумъ, и производили тамъ разные беспорядки; а когда трибуны хотѣли удалить ихъ силою, то завязывалась драка. Нужно замѣтить, что благодаря разумному постановленію, запрещавшему гражданамъ носить оружіе внутри городскихъ стѣнъ, драки патриціевъ съ плебеями ограничивались одними кулачными ударами и не были кровопролитны. Среди буйной патриціанской молодежи болѣе всѣхъ отличался Кезонъ Квинцій, сынъ всѣми уважаемаго Луція Квинція Цинцинната. Гордый своимъ знатнымъ происхожденіемъ, кичась физическою силою и огромнымъ ростомъ, онъ игралъ роль предводителя между своими сверстниками, во главѣ которыхъ не разъ прогонялъ съ форума плебеевъ съ ихъ трибунами. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, одинъ трибунъ внесъ въ народный судъ противъ него уголовное обвиненіе за насиліе, причиненное трибунамъ при отправленіи ихъ обязанностей. За такое насиліе грозила смертная казнь.

Въ день, назначенный для суда, Кезонъ явился на форумъ, окруженный своими родственниками и друзьями. Это были члены знатнѣйшихъ фамилій; они напоминали народу военные подвиги Кезона, просили о снисхожденіи къ его шалостямъ, указывали на его молодость и обѣщали его исправленіе. Отецъ его Луцій Цинциннатъ также умолялъ о прощеніи сына.

Подъ вліяніемъ этихъ просьбъ народъ началъ было смягчаться.

Но тутъ выступилъ одинъ изъ прежнихъ трибуновъ, и разсказалъ, какъ его братъ еще неоправившійся отъ болѣзни, однажды ночью повстрѣчалъ въ простонародномъ кварталѣ (Субура) толпу молодыхъ буяновъ и какъ вслѣдствіе возникшаго спора онъ получилъ отъ Кезона такой ударъ кулакомъ, что безъ чувствъ былъ унесенъ домой и вскорѣ умеръ. Этотъ расказъ привелъ плебеевъ въ ярость, и друзья Кезона едва могли защитить его отъ немедленной смерти. Трибунъ—обвинитель приказываетъ схватить его и отвести въ тюрьму; но патриціи упрощаютъ другихъ трибуновъ, и тѣ оставляютъ его на свободѣ до судебного приговора, подъ условіемъ, чтобы поручители внесли въ казну 30.000 ассовъ, въ случаѣ его неявки.

Въ ту же ночь Кезонъ ушелъ изъ Рима. Тогда отецъ его принужденъ былъ продать почти всѣ свои земли для уплаты означенной пени. Послѣ чего онъ впалъ въ бѣдность, и удалился на другую сторону Тибра, гдѣ у него оставался еще клочекъ земли, который онъ теперь долженъ былъ обрабатывать собственными руками.

Патриціи и послѣ того не переставали производить безпорядки на площади и мѣшать голосованію, какъ скоро заходила рѣчь о Терентиловомъ законѣ; но они старались при семъ дѣйствовать такъ, чтобы никто не выдавался изъ толпы и некого было бы привлечь къ суду. Когда же вопросъ объ этомъ законѣ откладывался, то молодые патриціи становились очень ласковы къ плебеямъ, обходились съ ними дружески и оказывали имъ разныя услуги. Но въ то же время, чтобы пугать плебеевъ, по городу распускались тревожные слухи, что Кезонъ затѣваетъ непріятельское нападеніе на Римъ, подобно Коріолану, что онъ хочетъ перебить трибуновъ и другихъ плебейскихъ вожаковъ. А нѣкоторые говорили, что онъ уже скрывается въ городѣ и вмѣстѣ со многими заговорщиками готовится напасть на Капитолій.

И дѣйствительно, однажды ночью внезапно пронеслась вѣсть, что Капитолій уже въ рукахъ непріятеля. Нѣкто Аппій Гердоній, знатный Сабинецъ, съ толпою римскихъ изгнанниковъ и бѣглецовъ, а также кліентовъ и рабовъ, подъ покровомъ ночной темноты на лодкахъ спустился по Тибру до Капитолійскаго холма, вошелъ въ незапертыя ворота замка, и взобравшись на вершину, овладѣлъ Капитоліемъ, при чемъ истребилъ его стражей. Нѣкоторые изъ послѣднихъ успѣли спастись бѣгствомъ и распространили тревожную вѣсть по

городу. Поутру консулы рѣшили приступомъ взять Капитолій, и стали призывать народъ къ оружію. Но трибуны опасаются какой-либо западни, какого-либо тайнаго согласія между патриціями и непріателемъ. Они отговариваютъ народъ стать въ ряды войска, и произнести военную присягу въ безусловномъ повиновеніи консуламъ. Мало того, они созываютъ народное собраніе и предлагаютъ немедленно рѣшить Терентилловъ законъ. Одинъ изъ консуловъ, Валерій Попликола является среди этого собранія и убѣждаетъ народъ прежде всего исполнить свой долгъ: освободить отъ непріателя священный холмъ и храмъ съ изображеніями отечественныхъ боговъ. Трибуны продолжаютъ сопротивляться, и въ бесплодныхъ переговорахъ проходитъ цѣлый день.

На слѣдующее утро тотъ же консулъ созываетъ народъ, и снова закликаетъ его отложить на время частные раздоры ради спасенія республики. Многіе патриціи присоединяютъ свои просьбы къ его убѣжденіямъ. Консулъ клянется, что по изгнаніи непріателя патриціи не будутъ болѣе препятствовать Терентиллову предложенію. Народъ колеблется. Вдругъ вдали со стороны горъ показался вооруженный отрядъ. Нѣкоторые закричали, что это Вольски или Эквы идутъ на помощь непріателю. Народъ соглашается наконецъ произнести военную присягу, и устраивается въ боевой порядокъ. Между тѣмъ приблизившійся вооруженный отрядъ оказался помощію, которую прислали Тускуланцы Римлянамъ противъ Гердонія. Тогда происходитъ энергическій приступъ. Непріатели защищались отчаянно; они засѣли особенно въ храмъ Юпитера, и въ преддверіи этого храма палъ Валерій. Тѣ непріатели, которые не были истреблены въ битвѣ и попали въ руки Римлянъ, осуждены на казнь; причемъ свободные люди обезглавлены, а рабы распяты на крестѣ. Въ числѣ павшихъ находился и самъ Гердоній. Но что стало съ Кезономъ Квинціемъ, неизвѣстно. Полагаютъ, что онъ дѣйствительно былъ душою отчаяннаго предпріятія и также погибъ въ битвѣ. По крайней мѣрѣ послѣ того имя его болѣе не встрѣчается въ римскихъ анналахъ. Вообще все это предпріятіе Гердонія является событіемъ довольно темнымъ: имѣло ли оно тѣсную связь съ внутреннею борьбою партій или было просто нападеніемъ внѣшняго непріателя, осталось неразъясненнымъ.

Когда водворилось спокойствіе и въ обагреномъ кровью святилищѣ

принесены очистительныя жертвы и моленія, трибуны потребовали исполненія Валеріевой клятвы. Но самъ Валерій палъ; а другой консулъ, Клавдій, отвѣчалъ, что прежде всего надобно выбрать ему товарища на мѣсто павшаго. Избранъ былъ Луцій Цинциннатъ, отецъ Кезона, противникъ трибуната и плебса. Онъ отвергъ требованіе трибуновъ, и погрозилъ имъ, пользуясь только что произнесенною присягою всего войска на повиновеніе, вывести его въ поле (куда не простирался авторитетъ трибуновъ и гдѣ власть консульская была почти неограничена), и устроить тамъ народное собраніе по центуріямъ, чтобы отмѣнить всѣ права, недавно пріобрѣтенныя плебеями. Сенатъ вступился въ эти распри, и постарался примирить обѣ стороны на томъ, чтобы трибуны въ семь году не возобновляли Терентилова предложенія, а консулы не выводили войско въ поле. Но онъ не могъ добиться отъ плебеевъ, чтобъ они не выбирали болѣе однихъ и тѣхъ же трибуновъ. Въ 457 г. до Р. Х. народъ въ пятый разъ выбралъ въ трибуны тѣ же лица, и они постоянно возобновляли Терентилово предложеніе.

Среди такихъ внутреннихъ раздоровъ однажды Римляне подверглись внѣшней опасности. Римъ въ тѣ времена былъ еще небольшою республикой, и его область много страдала отъ нападенія сосѣднихъ народцевъ. Особенно часто его врагами являются два латинскихъ племени: Вольски, обитавшіе на рѣкѣ Лирисъ, и горные Эквы, жившіе на верховьяхъ рѣчки Аніо, лѣваго притока Тибра.

Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Эквы спустились съ лѣсистыхъ Албанскихъ высотъ и по обыкновенію прежде всего захватили гору Алгидъ съ римскою крѣпостію, которая защищала спускъ въ сосѣднія долины Лаціума. Отсюда они стали дѣлать набѣги на эти долины, грабить селенія и угонять скоть. Римскіе послы явились въ станъ Эквовъ и жаловались на столь скорое нарушеніе недавно заключеннаго мира. Вождь непріятелей сидѣлъ подлѣ большаго дуба. «Говорите этому дубу—сказалъ онъ;—а мнѣ некогда васъ слушать». Тогда послы обратились къ дереву, призвали его въ свидѣтели нарушеннаго договора, и удались, взывая къ богамъ о мщеніи клятвопреступникамъ.

Опасность не ограничилась вторженіемъ Эквовъ: въ тоже самое время Сабинны напали на Римскую область съ другой стороны. Одинъ изъ консуловъ удачно отразилъ Сабинянъ и въ свою оче-

редь вторгся въ ихъ собственную землю. Но другой консулъ, Минуцій, выступившій противъ Эжвовъ, не имѣлъ успѣха, и съ своимъ отрядомъ очутился въ осадѣ у горцевъ. Въ такую критическую минуту Римляне прибѣгли къ избранію диктатора, и выборъ палъ на Луція Цинцинната.

Титъ Ливій рассказываетъ при этомъ слѣдующую трогательную сцену. Послы отъ сената отправились на другую сторону Тибра, и нашли Цинцинната, въ потѣ лица работавшаго на своемъ небольшомъ полѣ съ заступомъ въ рукахъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій гости пригласили хозяина надѣть тогу, чтобы выслушать чрезвычайное сенатское постановленіе. Удивленный старикъ спросилъ, развѣ случилось что-либо особое, и велѣлъ женѣ принести плащъ. Отеревъ покрывавшіе его пыль и потъ, онъ облекся въ тогу и приблизился къ посламъ, которые теперь привѣтствовали его какъ диктатора.

Цинциннатъ, не медля ни минуты, съ величайшей энергіей принялся за дѣло. Прибывъ на форумъ, онъ выбралъ себѣ помощника, т. е. начальника конницы (*magister equitum*); велѣлъ запретить лавки и прекратить въ городѣ всякія другія дѣла кромѣ военныхъ приготовленій. Всѣмъ способнымъ носить оружіе онъ приказалъ собраться на Марсовомъ полѣ до заката солнца, запасшись продовольствіемъ на пять дней и кольями для палисадовъ. Выступивъ тотчасъ въ походъ, къ полуночи онъ достигаетъ непріятельскаго стана, и начинаетъ окружать его рвомъ и палисадами. Предувѣдомленное о томъ, бывшее въ осадѣ римское войско дѣлаетъ вылазки и отвлекаетъ вниманіе непріятеля; такъ что къ утру Эжвы сами очутились запертыми и стѣсненными съ обѣихъ сторонъ. Тогда они просили мира. Цинциннатъ отпустилъ ихъ, заставивъ пройти подъ ярмомъ, взявъ въ плѣнъ только предводителей и принудивъ выдать всю ихъ добычу и все ихъ собственное имущество; послѣ чего онъ съ триумфомъ возвращается въ городъ.

Когда отечество было спасено, Цинциннатъ не хотѣлъ удерживать въ своихъ рукахъ диктатуру, хотя обычный срокъ ея былъ шестимѣсячный. Но онъ воспользовался своею властію, чтобы окончить одно судебное дѣло, близкое его отцовскому сердцу. Выше мы видѣли, что ожесточеніе народа противъ Кезона-Квинція особенно возбуждалъ рассказъ одного стараго трибуна, по имени Вольсція, о смерти своего брата. Впослѣдствіи этотъ Вольсцій подвергся со стороны

патриціевъ обвиненію въ ложномъ показаніи. Нашлись свидѣтели, которые утверждали, что братъ его совсѣмъ не оправлялся отъ болѣзни и не покидалъ своего одра, и что Кезонъ въ то время, о которомъ шла рѣчь, даже не находился въ городѣ, а былъ въ походѣ. Но трибуны препятствовали постановить въ судебныхъ комиціяхъ приговоръ по сему обвиненію. Теперь Цинциннатъ приказалъ рѣшить это дѣло, и трибуны оказались безсильными противъ его диктаторской власти. Вольсцій былъ осужденъ на изгнаніе. Послѣ шестнадцатидневнаго диктаторства, Цинциннатъ сложилъ съ себя власть и снова вернулся за Тибръ къ своему полю.

*

Когда прошла виѣшняя опасность, патриціи и плебеи воротились къ старымъ распрямъ, главнымъ источникомъ которыхъ продолжало служить все то же Терентилово предложеніе, постоянно повторяемое народными трибунами. Патриціи по прежнему упорствовали въ этомъ случаѣ; но въ то же время, дѣлали плебеямъ разныя другія уступки. Такъ они согласились, чтобы число трибуновъ вмѣсто пяти было увеличено до десяти (по два отъ cadaго класса). Хотя такое увеличеніе значительно усиливало трибунскую коллегію и подкрѣпляло защиту плебеевъ противъ утѣсненій со стороны патриціевъ но съ другой стороны оно давало послѣднимъ болѣе возможности кого-либо изъ трибуновъ привлечь на свою сторону или подкупить и тѣмъ оказать противодѣйствіе остальнымъ. Ибо отъ трибунской коллегіи требовалось единогласіе, и одинъ несогласный между ними могъ остановить рѣшеніе своихъ товарищей; чѣмъ впоследствии римская знать дѣйствительно не разъ пользовалась.

Другой благопріятный плебеямъ законъ, которому патриціи не оказали сильнаго сопротивленія, касался Авентинскаго холма (*lex Icilia* или *lex de Aventino*). Этотъ холмъ былъ тогда только отчасти обитаемъ и частію покрытъ рощами. Земля его составляла общественную собственность, которою пользовались конечно патриціи. Трибунъ Ицилій внесъ предложеніе о раздѣлѣ холма на участки для отдачи подъ жилища плебеевъ, которыя слишкомъ стѣснены были въ городѣ и особенно сгучивались въ долину около Большаго Цирка. Когда Ициліевъ законъ былъ утвержденъ, то Авентинскій холмъ быстро

застроился и сдѣлался какъ бы исключительно плебейскимъ городкомъ. Здѣсь воздвиглись высокіе дома въ нѣсколько этажей или ярусовъ; болѣе бѣдныя плебейскія семьи не въ состояніи были выстроить себѣ цѣлые дома; а обыкновенно соединялись по нѣскольку семействъ, строили вмѣстѣ и раздѣляли домъ между собою по ярусамъ. (Такой обычай владѣнія отдѣльными этажами доселѣ встрѣчается въ Римѣ и другихъ большихъ городахъ Италіи).

Третій выгодный для плебеевъ законъ, установленный въ ту же эпоху, ограничивалъ имущество пени, налагаемая консульскою властію. Максимумъ или высшая мѣра сей пени назначена была въ двѣ овцы и тридцать штукъ крупнаго рогатаго скота. Такая пеня указываетъ, какой еще сельскій характеръ имѣло римское хозяйство того времени. Этотъ законъ былъ предложенъ (въ 454 г.) самими консулами, именно Тарпеемъ и Атерніемъ (поэтому онъ и названъ *lex Aternia—Tarpeia*). Онъ имѣлъ цѣлю нѣсколько ослабить жалобы плебеевъ на произволъ судебной власти консуловъ и требованіе писанныхъ законовъ.

Но всѣ подобныя уступки не могли отвлечь трибуновъ отъ постоянного ежегодно возобновляемаго старанія осуществить Терентилово предложеніе.

Однажды трибуны не только поставили на очередь вопросъ о семъ предложеніи, но и возобновили забытый аграрный законъ Спурія Кассія, т. е. законъ о раздѣлѣ общественныхъ полей между плебеями. Въ день, назначенный для обсужденія этихъ вопросовъ, патриціи снова прибѣгли къ насиліямъ. Молодежь опять бросилась на форумъ, произвела тамъ шумъ и беспорядокъ, завязала драки съ плебеями, захватила урны, служившія для сбора голосовъ, и такимъ образомъ помѣшала голосованію. Трибуны позвали на судъ народныхъ комицій главныхъ вожаковъ, и осудили ихъ на конфискацію имущества. Но все патриціанское сословіе выкупило имущества и возвратило ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Оба консула, Ромилиусъ и Ветуриусъ, по истеченіи срока ихъ должности, также были обвинены въ этихъ беспорядкахъ, и присуждены къ уплатѣ большой пени.

Наконецъ такая непрерывная внутренняя борьба утомила обѣ стороны, и онѣ склонились къ обоюднымъ уступкамъ тѣмъ болѣе, что разныя бѣдствія въ то время угнетали Римскую область. Особенно

долго свирѣпствовала моровая язва; отъ нея такъ много погибло народу, что патриціанское сословіе сократилось на цѣлую треть, въ слѣдствіе того значительно ослабѣло. Къ моровой язвѣ и голоднымъ годамъ присоединялись частыя нападенія сосѣднихъ народцевъ, Эквовъ и Вольсковъ, и только морь, распространившійся въ средѣ этихъ сосѣдей, помѣшалъ имъ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Рима для его разрушенія.

Около десяти лѣтъ прошло со времени Терентилова предложенія, когда обѣ стороны согласились отмѣнить на время обычныхъ сановниковъ, и для составленія законовъ, вручить всю власть десяти мужамъ, выбраннымъ на половину отъ патриціевъ и плебеевъ. Такимъ образомъ патриціи думали избавиться отъ ненавистныхъ имъ народныхъ трибуновъ, а плебеи были довольны уничтоженіемъ консуловъ. Чтобы ознакомиться съ тѣмъ, какъ составлялись писанные законы у другихъ народовъ, три мужа отправлены были въ греческіе города Южной Италіи и даже въ Аѣны, управлявшіяся тогда законами Солона и незадолго передъ тѣмъ покрывшіяся громкой славой во время борьбы съ Персами.

По возвращеніи сихъ трехъ мужей, въ 451 г. до Р. Х., были выбраны десять сановниковъ или децемвировъ, которымъ и была вручена вся верховная власть въ республикѣ. Но патриціямъ удалось выбрать всѣхъ децемвировъ только изъ своего сословія. Неудовольствіе плебеевъ на это обстоятельство скоро изгладилось, благодаря образу дѣйствія децемвировъ. Первый годъ ихъ управленія прошелъ мирно и спокойно. Они обыкновенно предсѣдательствовали въ своей коллегіи по очереди, дѣятельно заботились объ общественномъ благѣ и безпристрастно отправляли правосудіе. Въ теченіе перваго года они успѣли составить сводъ законовъ, который былъ вырѣзанъ на десяти мѣдныхъ таблицахъ, и эти таблицы прибиты на римскомъ форумѣ подобно тому, какъ законы Солона были выставлены на аѣнскій площади (агора). Но такъ какъ понадобилось десять таблицъ дополнить еще нѣсколькими постановленіями, то по прошествіи года рѣшено было вновь выбрать децемвировъ. Довольный ихъ управленіемъ, народъ охотно продолжилъ ихъ чрезвычайную власть.

Въ числѣ децемвировъ перваго года находился Аппій Клавдій, принадлежавшій къ фамиліи Клавдіевъ, которая отличалась своею

гордостью и особой враждою къ плебеямъ. Но этотъ Анній Клавдій дѣлалъ всѣ возможныя усилія, чтобы пріобрѣсти народное расположеніе, и при всякомъ случаѣ принималъ сторону простыхъ людей противъ знатныхъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы въ число новыхъ децемвировъ было назначено нѣсколько плебеевъ. Обольщенный имъ, народъ выбралъ вновь и его самого, вопреки первоначальному рѣшенію не избирать однихъ и тѣхъ же децемвировъ въ другой разъ. Анній устроилъ такъ, что товарищами его выступили люди незначительные, легко подчинившіеся его вліянію и сдѣлавшіеся орудіемъ въ его рукахъ. Уже при первомъ появленіи вновь избранныхъ правителей на форумъ передъ народомъ Анній сбросилъ свою маску. Граждане съ удивленіемъ увидели десять сановниковъ, сопровождаемыхъ каждый двѣнадцатью ликторами, тогда какъ въ предшествующемъ году они довольствовались этимъ числомъ всѣ вмѣстѣ. Мало того, у каждого ликтора въ связку прутѣвъ была воткнута сѣкира; что означало право жизни и смерти (*imperium*), которымъ консульская власть пользовалась только внѣ города, въ военномъ лагерѣ. Эти сто двадцать вооруженныхъ ликторовъ представляли уже родъ гвардіи, которая внушала гражданамъ страхъ и грозила смертію всякому непослушному.

Самая жестокая тиранія водворилась теперь въ Римскомъ государствѣ. Кромѣ стражи ликторовъ Анній Клавдій нашелъ еще поддержку себѣ въ той же патриціанской молодежи; онъ позволялъ ей безнаказанно обижать плебеевъ и награждалъ ее имуществами, которыя отнимались у людей имъ осужденныхъ. Въ теченіе втораго года децемвиры изготовили еще двѣ таблицы законовъ; такъ что составилось теперь двѣнадцать таблицъ. Но по прошествіи сего года они не думали сложить свою власть и обнаружили явное намѣреніе удержать ее за собою.

Эта тиранія наконецъ сдѣлалась тягостна не только плебеямъ, но и патриціямъ: граждане начали вздыхать о прежнихъ республиканскихъ порядкахъ. Какъ и всегда бываетъ, внѣшніе враги воспользовались внутренними смутами и недовольствомъ. Сабиняне захватили часть Римскихъ владѣній; Эквы снова появились на горѣ Алпидъ. Испуганные внѣшними опасностями, децемвиры вспомнили о сенатѣ, о которомъ совсѣмъ было забыли. На форумѣ снова раздался голосъ глашатая, который призывалъ сенаторовъ на совѣщаніе въ курію.

Большая часть ихъ проживала тогда въ своихъ помѣстьяхъ, и только немногіе собрались на этотъ призывъ. Но тутъ Аппію пришлось впервые выслушать упреки со стороны нѣкоторыхъ сенаторовъ, особенно со стороны Горациевъ Валеріевъ. Эти двѣ фамиліи были извѣстны своею преданностію плебеямъ. Собранное затѣмъ войско децемвиры вывели въ поле; но ихъ военныя дѣйствія были неудачны какъ противъ Сабинянъ, такъ и противъ Эвровъ. Тогда власть ихъ пошатнулась. А поводомъ къ ихъ окончательному сверженію послужили два злодѣянія: убійство Сикція Дентата и покушеніе на дочь Виргинія.

Сикцій Дентатъ прежде былъ народнымъ трибуномъ. Онъ отличался своими подвигами во всѣхъ войнахъ, и пользовался большимъ уваженіемъ согражданъ. Такъ какъ онъ рѣзко говорилъ противъ тиранновъ и совѣтовалъ ихъ низвергнуть, то децемвиры рѣшили отъ него избавиться. Онъ находился въ томъ войскѣ, которое дѣйствовало противъ Сабинянъ. Однажды децемвиры, подъ предлогомъ развѣдокъ, послали его въ поле съ отрядомъ подкупленныхъ ими людей. Вдругъ этотъ отрядъ воротился съ извѣстіемъ, будто бы Дентатъ и нѣсколько другихъ воиновъ пали въ отчаянной схваткѣ съ непріятелями, которые устроили засаду. Товарищи, посланные забрать тѣла для погребенія, не нашли тамъ ни одного непріятельскаго трупа и никакихъ слѣдовъ непріятеля; Дентатъ и другіе убитые воины сохранили на себѣ оружіе (которое обыкновенно побѣдители снимали) и лежали такъ, что дѣло было ясно: Дентатъ защищался отъ своихъ же воиновъ, и успѣлъ нѣкоторыхъ избить на мѣстѣ прежде чѣмъ пасть самому. Это обстоятельство возбудило въ войскѣ сильный ропотъ, и увеличило ненависть къ тиранцамъ.

Межъ тѣмъ какъ восемь децемвировъ столь неудачно дѣйствовали въ полѣ, Аппій Клавдій съ однимъ изъ товарищей, Спуріемъ Оппіемъ, оставался въ городѣ, гдѣ продолжалъ творить судъ и управу.

Народное преданіе украшаетъ расказъ о его послѣднемъ злодѣяніи, слѣдующими романтическими подробностями.

Виргинія, едва выступившая изъ отрочества дочь одного почтеннаго плебея, въ сопровожденіи своей кормилицы часто проходила черезъ форумъ, направляясь въ одну изъ примыкавшихъ къ нему лавокъ, въ которой она вмѣстѣ съ нѣсколькими сверстницами обучалась гра-

мотѣ. Аппій Клавдій, отправлявшій на форумѣ свои судейскія занятія, замѣтилъ эту прекрасную дѣвушку, и возмѣлъ намѣреніе ея овладѣть; для чего и составилъ слѣдующій гнусный планъ. Однажды, когда Виргинія по обыкновенію пробиралась на форумѣ сквозь толпу, нѣкто Маркъ Клавдій, кліентъ Аппія, кладетъ на нее руку, и громко объявляетъ, что она рождена отъ его рабыни, слѣдовательно также должна быть его рабыней. Испуганная дѣвушка не могла произнести ни слова; но ея кормилица поднимаетъ крикъ. Дѣло тотчасъ представлено на судъ Аппія, который засѣдалъ тутъ же на своемъ трибуналѣ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ на форумѣ, хорошо знавшіе семью Виргинія, спѣшатъ засвидѣтельствовать, что заявленіе Марка совершенно ложное. Такъ какъ этотъ соумышленникъ Аппія продолжалъ стоять на своемъ, то защитники Виргиніи просятъ судью подождать рѣшеніемъ, пока въ городъ придетъ самъ отецъ Виргиніи, находившійся тогда въ военномъ лагерѣ и служившій въ качествѣ центуріона (сотника).

Аппій, стараясь сохранить наружный видъ безпристрастнаго судьи, произноситъ всѣ обычныя при судѣ формулы и правила, и соглашается выслушать ея отца, прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ; но до его прибытія признаетъ право истца удержать спорную дѣвицу въ своихъ рукахъ. Вокругъ трибунала уже собралась толпа, проникнутая жалостью къ этой жертвѣ. Является дядя Виргиніи Нумиторій и ея женихъ Ицилій и протестуютъ противъ такого права. Ликторы окружаютъ Ицилія. Но Аппій, продолжая сохранять наружность безпристрастнаго судьи и опасаясь раздражить толпу, оставляетъ Ицилія на свободѣ и отлагаетъ рѣшеніе до слѣдующаго дня. Воротясь домой, онъ немедленно посылаетъ въ лагерь гонца съ приказаніемъ не только не отпускать Виргинія въ городъ, но и заключить его подъ стражу. Однако двое молодыхъ людей, братъ Ицилія и сынъ Нумиторія, поспѣшно отправившись въ лагерь, извѣстили Виргинія прежде, нежели прибыли туда гонцы Аппія: отецъ успѣлъ уже получить отпускъ и поспѣшилъ въ городъ.

На другой день съ ранняго утра форумъ былъ наполненъ народомъ, ожидавшимъ, чѣмъ рѣшится дѣло Виргиніи. Она была тутъ вмѣстѣ съ отцомъ и многими его друзьями. Аппій садится на свой трибуналъ; выслушиваетъ ложныя доказательства своего кліента, и затѣмъ произноситъ рѣшеніе въ его пользу, т. е. объявляетъ Вир-

гинію его рабою. Послѣдній приближается къ-ней, и хочетъ ее взять; окружающія ее женщины отталкиваютъ его. Отецъ въ отчаяніи обращается къ народу. Но народъ, хотя и пораженъ такимъ вопіющимъ приговоромъ, однако безмолвствуетъ. Дѣло въ томъ, что граждане способные носить оружіе находились тогда въ лагерѣ; а толпа, собравшаяся на форумѣ, состояла преимущественно изъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Аппій, окруженный стражею изъ ликторовъ и своими многочисленными вооруженными кліентами, внушалъ страхъ этой безоружной толпѣ.

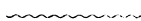
Когда децемвиръ велѣлъ одному изъ ликторовъ привести въ исполненіе свой приговоръ, толпа разступилась передъ нимъ и стала расходиться съ площади. Тогда Виргиній, видя себя и дочь свою оставленными на произволь тирана, принимаетъ отчаянное рѣшеніе, чтобы избавить ее отъ предстоящаго безчестья. Онъ дѣлаетъ видъ, что покоряется приговору; проситъ извинить его отеческую горячность, и желаетъ только переговорить наединѣ съ дочерью и кормилицею, чтобы узнать отъ послѣдней подробности рожденія дочери; ибо матери ея уже не было въ живыхъ. Аппій далъ согласіе. Виргиній отводитъ дочь къ сосѣднимъ торговымъ лавкамъ. Онъ былъ безоруженъ; такъ какъ строго воспрещалось являться на форумъ съ оружіемъ. Озираясь вокругъ себя, онъ увидалъ ножъ на прилавкѣ одного мясника, и съ словами: «дочь, возвращаю тебѣ свободу единственнымъ возможнымъ для меня способомъ»—пронзилъ ея грудь. Затѣмъ воскликнулъ къ Аппію: «да падетъ эта кровь на твою главу!» И прежде чѣмъ толпа успѣла опомниться отъ ужаса, Виргиній скрылся. Ицилій и Нумиторій поднимаютъ окровавленный трупъ молодой дѣвушки и показываютъ его народу. Аппій приказываетъ ликторамъ схватить Ицилія; но тутъ поднимается сильное смятеніе въ народѣ. Нѣкоторые патриціи, въ особенности Валеріи и Горации, принимаютъ народную сторону, и Аппій принужденъ удалиться съ форума.

Межъ тѣмъ Виргиній явился въ лагерѣ подъ Алгидомъ; указывая на свой окровавленный ножъ, онъ разсказалъ товарищамъ объ ужасномъ событіи, и призывалъ ихъ отмстить тирану. Тотчасъ все войско поднялось изъ лагеря; сохраняя воинскій порядокъ, оно прибыло въ Римъ и расположилось на Авентинѣ, т. е. въ плебейскомъ кварталѣ. Въ то же время Ицилій и Нумиторій подняли другой легионъ, дѣйстви-

вавший противъ Сабинянъ, и также привели его на Авентинъ. Соединившіеся легионы выбрали десять военныхъ трибуновъ, что бы сохранить свою дисциплину, и потребовали возстановленіе народнаго трибуната. Сенатъ колебался исполнить ихъ требованіе. Тогда все плебейское войско въ сопровожденіи своихъ женъ, дѣтей и стариковъ оставляетъ Римъ и уходитъ на берегъ Аніо, на такъ называемую Священную гору. Значительная часть города дѣлается пустынею. Сенатъ для переговоровъ съ плебеями посылаетъ народныхъ любимцевъ Валерія и Горація. Они успѣли убѣдить народъ къ возвращенію въ Римъ, подъ условіемъ возстановленія трибуната и права провокаціи (т. е. апелляціи на высшихъ сановниковъ въ центуріатныхъ комиціяхъ). Децемвиры сложили съ себя власть, и возстановлено консульское достоинство. Избранные въ консулы, Луцій Валерій и Маркъ Горацій настояли еще на утвержденіи новаго закона, по которому постановленіе трибутовыхъ комицій сдѣлалось обязательно для всѣхъ гражданъ. Кромѣ того народные трибуны допущены къ участию въ засѣданіяхъ сената; хотя на первое время скамьи ихъ помѣщались только у его дверей. Тутъ своимъ veto они могли остановить невыгодное для народа сенатское рѣшеніе. Въ числѣ десяти вновь выбранныхъ трибуновъ находились Виргиній, Ицилій и Нумиторій. (449 г. до Р. Х.).

По требованію трибуновъ, два бывшихъ децемвира Аппій Клавдій и Спурій Опцій были преданы суду и заключены въ тюрьму. Но, не дожидаясь смертнаго приговора, оба они сами лишили себя жизни. Кліентъ и пособникъ Аппія Маркъ Клавдій былъ также осужденъ на казнь; но Виргиній позволялъ ему уйти въ изгнаніе.

Такимъ образомъ окончилось правленіе децемвировъ и возстановлены прежнія власти; при чемъ плебеи сдѣлали значительный шагъ впередъ относительно своего уравненія въ правахъ съ патриціями. Памятникомъ децемвирата остались Законы Двѣнадцати таблицъ, которые послужили краеугольнымъ камнемъ для знаменитаго Римскаго права. Извѣстно, что, уступая нѣкоторымъ другимъ народамъ древности въ художествахъ и поэзіи, Римляне превзошли ихъ всѣхъ военнымъ искусствомъ, а въ особенности развитіемъ государственныхъ учрежденій и гражданскаго права.

XI.

БОРЬБА ПИРРА И ТАРЕНТИНЦЕВЪ СЪ РИМЛЯНАМИ *).

Прозвѣтаніе Тарента.—Архитъ.—Періодъ упадка.—Виѣшательство Римлянъ въ дѣла Южной Италіи.—Ихъ столкновеніе съ Тарентинцами.—Призваніе царя Пирра.—Его сравненіе съ Александромъ В.—Побѣда при Гераллеѣ.—Неудачное посольство, Кинеаса.—Энергія Римлянъ.—Бой при Авскулѣ.—Пирръ въ Сициліи.—Его возвращеніе и пораженіе.—Торжество Рима.

Непосредственное вліяніе Эллинской гражданственности на Римлянъ началось съ того времени, когда они подчинили своему владычеству Южную Италію. Извѣстно, что разсѣянные по ея берегамъ многочисленныя эллинскія колоніи сообщили ей названіе Великой Греціи. Такимъ образомъ Южная Италія является связующимъ звеномъ исторіи Эллинской съ Римскою.

Изъ всѣхъ городовъ Великой Греціи самымъ знаменитымъ и богатымъ сдѣлался Тарентъ; покореніе его стоило Римлянамъ большаго напряженія своихъ силъ.

Тарентъ былъ расположенъ на берегу прекрасной бухты, въ плодотворной прибрежной полосѣ, составлявшей часть Япигіи или Калабріи. За семь вѣковъ до Р. Х. сюда пришли колонисты изъ Лакедемона, отняли эту мѣстность у туземцевъ и основали здѣсь греческое поселеніе, которое получило названіе отъ рѣчки Тары. Благодаря выгодному приморскому положенію, Тарентъ скоро сдѣлался торговымъ, цвѣтущимъ городомъ. Чтобы расширить свои владѣнія внутрь страны, Тарентинцы должны были вести постоянную и упорную борьбу съ разными туземными народцами (Япигами, Месапами, Пев-

---

*) Главные источники: Титъ Ливій, Плутархъ (Пирръ), Павзаній, Дионисій Галикарнаскій, Аппіанъ и Юстинъ. Пособія большею частію тѣже что въ предыдущей главѣ, т. е.: Нибуръ, Моисеъ, Э. Бернгардъ и А. Шаубахъ, Дюржи; кромѣ того *Фр. Ленормана—La Grande Grèce. Par. 1881.*

цетами, Онотрами). Мало по малу они распространили свое господство почти на всю Калабрию, и по берегамъ ея основали нѣсколько собственныхъ колоній. Эта борьба повлекла за собою переѣзну во внутреннемъ устройствѣ Тарента. Сначала онъ былъ республикою аристократическою, устроенною по образцу Спарты; но войны съ сосѣдями истребили большую часть аристократіи; демократія взяла верхъ; наследственное царское достоинство было замѣнено ежегодно избиравшимся стратегомъ.

Опасною соперницею Тарента явилась афинская колонія Туріи, которая была основана во время Перикла на мѣстѣ разрушеннаго города Сибариса. Около того-же времени въ сосѣднихъ краяхъ распространилось воинственное горное племя, Луканцы — одно изъ вѣтвей Сабельскихъ или Самнитскихъ, — которые подчинили себѣ туземныя племена Онотровъ и Сигуловъ. Для защиты своихъ западныхъ предѣловъ отъ Луканцевъ и Турійцевъ, Тарентинцы построили крѣпкій городъ Гераклею въ глубинѣ Тарентскаго залива.

Въ концѣ V и началѣ VI вѣка до Р. X. Тарентъ въ лицѣ Архита имѣлъ своего великаго государственнаго мужа, подобнаго афинскому Периклу. Архитъ въ тоже время былъ писателемъ и ученымъ человекомъ; онъ занимался математикой, астрономіей, механикой и философіей; онъ принадлежалъ къ Пифагорейской школѣ и былъ другомъ Платона. Нѣсколько разъ избранный стратегомъ, Архитъ пріобрѣлъ такое вліяніе на своихъ согражданъ, что потомъ всю остальную жизнь руководилъ общественными дѣлами, не нося никакого титула, дѣйствуя одною силою своего краснорѣчія и своихъ необыкновенныхъ дарованій. Говорятъ, что, предводительствуя войскомъ, онъ никогда не терпѣлъ поражений. Онъ отбилъ нападенія Луканцевъ, окончательно подчинилъ родному городу Калабрійскихъ горцевъ, и поставилъ Тарентъ во главѣ союза греческихъ городовъ Южной Италіи. Самъ тираннъ сиракузскій Діонисій Младшій приступилъ къ сему союзу, центромъ котораго, т. е. мѣстомъ союзнаго совѣта, былъ признанъ тарентинскій городъ Гераклея. Тарентъ въ это время достигъ высшей степени своего могущества и процвѣтанія. Его военный флотъ господствовалъ на Адриатическомъ морѣ, а торговые корабли встрѣчались на всѣхъ сосѣднихъ моряхъ. То былъ моментъ, когда могъ возникнуть вопросъ: откуда надобно ожидать объединенія Италіи, со стороны Тарента или со стороны Рима?

Вопросъ тѣмъ болѣе естественный, что Римляне едва только начинали оправляться послѣ нашествія Галловъ.

Но по смерти Архита (365 г. до Р. Х.) немедленно начинается быстрый упадокъ Тарентинскаго могущества. Несмѣтные богатства, собранныя торговлею, послужили главнымъ источникомъ этого упадка, потому что развили между гражданами стремленіе къ роскоши и нѣгѣ. У нихъ возобладала страсть къ театру, конскимъ ристаніямъ, къ дорогимъ нарядамъ и веселымъ пирамъ, которыми смѣнились древнія дорическія сисситіи или общественные столы. И морскія и сухопутныя силы города были еще многочисленны; но его коренные граждане, вмѣсто того чтобы самимъ облекаться въ броню и оружіе, предпочитали ввѣрять защиту государства наемникамъ. Не имѣя болѣе собственныхъ полководцевъ, они вскорѣ призываютъ вождей и войско изъ Восточной Греціи, именно изъ Лакедемона и Эпира, чтобы усмирить возстаніе сосѣднихъ горцевъ Апуліи, Луканіи и Бруцциума. Такъ метрополія Тарента, Спарта, послала ему на помощь одного изъ своихъ царей Архидама (сынъ Агезилая); но онъ палъ въ сраженіи съ Луканцами. Тогда Тарентинцы обратились къ эпирскому царю Александру, помянутому выше дядѣ Александра Македонскаго. Соревнуя своему племяннику, подвизавшемуся въ Азіи, Александръ Эпирскій охотно явился въ Италію съ своими дружинами и поправилъ дѣла италійскихъ Грековъ, тѣснимыхъ туземными народами. Онъ уже объявлялъ себя предсѣдателемъ союза греко-италійскихъ городовъ и началъ обращаться съ Тарентинцами какъ ихъ государь; но, подобно Архидаму, скоро нашелъ себѣ смерть въ одной битвѣ. Тѣмъ не менѣе побѣды Александра Эпирскаго нанесли значительный ударъ горнымъ племенамъ Южной Италіи и восстановили отчасти гегемонію Тарента среди греческихъ колоній. Но ему недолго пришлось пользоваться плодами этихъ побѣдъ. Противъ Тарента выступили новые враги, гораздо болѣе могущественные, т. е. Римляне. Они около того времени окончили свои безпощадныя войны съ Самнитами, и покореніе Средней Италіи естественно привело ихъ къ подчиненію Южной.

Римъ воспользовался продолжавшеюся борьбою греческихъ городовъ съ италійскими племенами, т. е. Луканцами и Бруттами, чтобы вмѣшаться въ дѣла Великой Греціи. Городъ Туріи, осажденный луканскимъ вождемъ Стеніемъ Статиліемъ и не получая отъ Тарента никакой помощи, обратился за нею къ Римлянамъ. Послѣдніе охотно

исполнили сію просьбу, и прислали свои легионы, которые разбили Луканцевъ и освободили отъ осады Туріи; затѣмъ они прошли далѣе на югъ и помогли греческимъ городамъ противъ Бруттовъ. Города эти, именно Кротонъ, Локры, Регіумъ, привѣтствовали Римлянъ какъ своихъ избавителей, и отдались подъ ихъ покровительство; Туріи приняли въ свои стѣны значительный римскій гарнизонъ. Тарентинцы съ неудовольствіемъ смотрѣли, какъ Римское господство утвердилось уже на берегу ихъ залива. По старымъ договорамъ между Римомъ и Тарентомъ, первый не имѣлъ права посылать свои военные корабли на востокъ далѣе Лакинійскаго мыса (около города Кротона). Но Римскій сенатъ, не обращая вниманія на эти договоры, отправилъ эскадру изъ десяти кораблей въ Тарентинскій заливъ, для поддержки турійскаго гарнизона съ моря.

Въ 281 году до Р. X. Тарентинцы однажды справляли какой то праздникъ, и народъ наслаждался театральнымъ зрѣлищемъ. Съ верхнихъ ступеней театра зрителямъ въ тоже время открывался превосходный видъ на морской заливъ. Вдругъ они замѣтили римскія галеры, спокойно плывшія вдоль берега; очевидно Римляне не ожидали никакой опасности со стороны Греческой республики, съ которою находились въ мирѣ. Но Тарентинцы, уже питавшіе къ нимъ враждебныя чувства, пришли въ сильный гнѣвъ при видѣ столь явнаго неуваженія къ трактатамъ. Народъ тотчасъ бросился внизъ къ гавани, сѣлъ на стоявшія тамъ триремы и напалъ на римскую эскадру. Четыре римскія галеры пошли ко дну; одна была взята въ плѣнъ, и экипажъ ея умерщвленъ; остальные пять спаслись бѣгствомъ. Не ограничиваясь тѣмъ и увлекаемые пылкими рѣчами своихъ демагоговъ, Тарентинцы отправили моремъ отрядъ гоплитовъ къ Туріямъ, и заставили римскій гарнизонъ удалиться изъ этого города. Такимъ образомъ открытое столкновение произошло внезапно и неожиданно.

По своему обыкновенію Римляне приступили къ войнѣ не вдругъ, а повели дѣло обдуманно и осмотрительно. Сначала они отправили посольство, которое потребовало удовлетворенія. Тарентинскій сенатъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что его сограждане дѣйствовали на почвѣ трактатовъ; а окончательный отвѣтъ предоставилъ народному собранію, которое по обычаю происходило въ театральномъ помѣщеніи. По рассказамъ римскихъ историковъ (очевидно небезпристрастнымъ),

Тарентинцы въ этомъ собраніи вели себя очень дурно; оскорбляли римскихъ пословъ, и особенно насмѣхались надъ ошибками въ греческомъ языкѣ Л. Постумія, державшаго рѣчь отъ имени посольства. А одинъ пьяный простолоудинъ будто бы, при выходѣ пословъ изъ театра, самымъ грубымъ образомъ опачкалъ окаймленную пурпуромъ тогу Постумія при одобрительныхъ кликахъ толпы. «Смѣйтесь теперь—воскликнулъ Постумій,—скоро вашъ смѣхъ обратится въ слезы, и вашей кровью вы смоете эту обиду!» Какъ бы то ни было, посольство воротилось безъ успѣха, и Римскій сенатъ торжественно объявилъ войну Таренту.

Одушевленіе противъ Римскаго ига, овладѣвшее тогда Тарентинцами, сообщило и другимъ Грекамъ Южной Италиі. Къ ихъ союзу приступили и прежніе ихъ непріатели Луканцы и Брутты. Союзное греко-итальянское войско проникло на сѣверъ до рѣки Лирисъ, т. е. до предѣловъ Лаціума. Но тутъ оно потерпѣло сильное пораженіе. Римскіе легіоны вслѣдъ за отступавшимъ непріателемъ вошли въ Луканію. При извѣстіи о томъ Тарентинскій народъ, страдавшій общимъ недостаткомъ всякой демократіи, т. е. излишнею впечатлительностію, быстро перешолъ отъ своего воинскаго одушевленія къ полному упадку духа. Въ народномъ собраніи раздалось требованіе иноземной помощи, и многіе голоса какъ на единственное средство спасенія указывали на славнаго своими военными подвигами Пирра, царя Эпирскаго. Тщетно нѣкоторые граждане пытались отклонить отъ него собраніе, говоря, что Пирръ для ихъ республики опаснѣе самихъ Римлянъ, ибо онъ захватитъ всю власть и сдѣлается у нихъ тираномъ. Они напоминали примѣръ его предшественника, Александра, и предлагали лучше вступить въ мирные переговоры съ Римлянами. Но ихъ усилія остались тщетными: рѣшено было отправить къ Пирру торжественное посольство.

Пирръ былъ царемъ небольшого племени Молоссовъ въ Эпирѣ, и уже въ самой ранней юности подвергался разнообразнымъ испытаніямъ и превратностямъ судьбы. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда отецъ его вслѣдствіе возмущенія лишился своего царства и жизни. Владѣтель сосѣднихъ Тавлантовъ въ то время спасъ Пирра, а потомъ воротилъ ему царство. Но онъ вторично былъ изгнанъ изъ отечества, будучи семнадцатилѣтнимъ юношею. Тогда онъ принялъ

участіе въ междоусобныхъ войнахъ Македонскихъ діадоховъ, т. е. преемниковъ Александра Великаго, и сражался подъ знаменами Димитрія Полиоркета и отца его Антигона. Тутъ Пирръ прошелъ трудную боевую школу и скоро обратилъ на себя общее вниманіе своею храбростію и военными талантами. Послѣ несчастнаго сраженія при Иссѣ онъ попалъ заложникомъ въ Александрію ко двору египетскаго государя Птолемея Лаги. Его прямой, смѣлое обращеніе, величественная красивая наружность понравились супругѣ Птолемея Вереникѣ, и она отдала за него свою дочь Антигону. Послѣ чего Птоломей снабдилъ Пирра деньгами и войскомъ, съ которымъ онъ отплылъ на родину и воротилъ себѣ наслѣдственный престолъ. Скоро онъ расширилъ свое царство, пользуясь смутами и междоусобіями въ Македонской монархіи, и даже нѣкоторое время занималъ Македонскій престолъ, котораго лишился Димитрій Полиоркетъ. Восхищенные подвигами своего вождя, Эпироты прозвали его «орломъ» (αετός).

Тарентинскіе послы прибыли къ Пирру именно въ то время, когда онъ скучалъ отъ бездѣйствія въ своемъ небольшомъ государствѣ. Приглашеніе отправиться въ Италію для войны съ Римлянами пришлось ему по сердцу. Онъ тотчасъ началъ мечтать о завоеваніяхъ, о соединеніи итальянскихъ и сицилійскихъ Грековъ подъ своею державою и о созданіи великой монархіи на западѣ, подобно той, которую создалъ Александръ Македонскій на востокѣ. Сей послѣдній служилъ для него образцомъ, и Пирръ явно старался ему подражать. Но при всѣхъ своихъ талантахъ война и полководца, онъ далеко не походилъ на Александра, потому что не имѣлъ государственнаго генія, былъ легкомысленъ и непослѣдователенъ, умѣлъ одерживать побѣды, но не умѣлъ ими пользоваться, а потому не могъ создать ничего прочнаго.

Посольство хвастливо обѣщало Пирру, что вся Южная Италія готова стать подъ его знаменами, что съ его прибытіемъ вокругъ него соберется армія въ 350.000 пѣхоты и 20.000 конницы. Другъ и совѣтникъ Пирра, ессалиецъ Кинеасъ тщетно предупреждалъ его не полагаться на подобныя обѣщанія и представлялъ всѣ опасности этого предпріятія. Пирръ принялъ предложеніе Терентинцевъ; однако онъ предварительно заключилъ съ ними договоръ, по которому получилъ верховное начальство надъ войсками ихъ собственными и

ихъ союзниковъ, а также право держать свой гарнизонъ въ Тарентѣ. Всѣ военныя издержки этотъ городъ принималъ на себя. Затѣмъ царь отправилъ въ Италію своего полководца Милона съ передовымъ отрядомъ въ 3000 Эпиротовъ; а самъ занялся сборомъ главной арміи и приготовлениями къ большому походу.

Во время переговоровъ Тарента съ Пирромъ римское войско подъ начальствомъ консула Эмилія Барбула находилось на берегахъ Тарентскаго залива; но консулъ дѣйствовалъ осторожно. Онъ показывалъ умѣренность и великодушіе въ отношеніи къ Тарентинцамъ; отнускалъ безъ выкупа болѣе значительныхъ плѣнниковъ, и старался войти въ сношенія съ аристократической партіей, чтобы съ ея помощью склонить городъ на сторону Рима. Но прибытіе Милона положило конецъ этимъ сношеніямъ. Барбулъ отступилъ, и повелъ свое войско въ Луканію на зимнія квартиры, будучи обремененъ плѣнными и добычею. Милонъ съ своимъ отрядомъ и тарентинскимъ ополченіемъ преслѣдовалъ его по пятамъ. Римлянамъ пришлось проходить по узкой дорогѣ, стѣсненной между моремъ и горами. Непріятели вздумали воспользоваться этою мѣстностію, и тарентскій флотъ сталъ у самаго берега съ тѣмъ, чтобы своими катапультами и баллистами поражать римское войско, растянувшееся на большомъ протяженіи; между тѣмъ какъ Милонъ напалъ бы на него съ тыла. Римлянамъ въ такомъ случаѣ оставалось бы только спастись въ горы, покинувъ добычу и плѣнныхъ. Но консулъ нашелся: онъ разбѣстилъ своихъ многочисленныхъ плѣнниковъ между воинами такимъ образомъ, что камнеметательныя орудія Тарентинцевъ должны были вмѣстѣ съ непріателемъ поражать и своихъ согражданъ. Въ виду подобнаго обстоятельства, начальники флота не рѣшились привести въ дѣйствіе свои машины, и римское войско благополучно миновало опасныя мѣста.

Въ началѣ 280 года царь Эпирскій высадился на берега Италіи съ главной арміей. Во время переѣзда на тарентинскихъ корабляхъ онъ подвергся бурѣ и потерялъ часть своихъ людей и запасовъ. Высадившееся войско состояло изъ 20.000 эпирскихъ и македонскихъ фалангитовъ или тяжелой пѣхоты, 2000 стрѣлковъ и 500 пращниковъ изъ Акарнаніи и Этоліи, 3000 отличной вессалійской конницы и 20 слоновъ. Это было войско немного уступавшее въ числѣ тому, съ которымъ Александръ переправился черезъ Гел-

леспонтъ на завоеваніе Азіи. Но тамъ была сплошная македонская армія, закаленная отцомъ Александра въ бояхъ и суровой дисциплинѣ, вполне преданная своему родовому вождю и предводимая опытными полководцами изъ школы Филиппа. Между тѣмъ войско Пирра только отчасти состояло изъ его собственныхъ подданныхъ; а большую его часть составляли разноплеменные наемники, вообще склонные къ грабежу и всякой распущенности. При томъ за Александромъ оставалось назади сильное и хорошо устроенное Греко-Македонское царство, откуда онъ постоянно могъ получать подкрѣпленія; тогда какъ царство Пирра могло доставить ему только самую скудную помощь; денежные средства на наемниковъ онъ долженъ былъ добывать въ Италіи; а мѣстное греческое ополченіе представляло довольно ненадежную опору. Александру пришлось имѣть дѣло съ одряхлѣвшей и разлагавшейся Персидской монархіей, а Пирру съ вѣршимъ Римскимъ государствомъ, тогда находившимся въ періодъ самаго энергическаго своего развитія. Наконецъ и государственныя способности Пирра, какъ выше замѣчено, далеко уступали творческому генію Александра.

Первыя дѣйствія Пирра въ Италіи отличались суровостью и энергіей. Убѣдясь, что обѣщанія Тарентинцевъ приготовить ему многочисленную союзную грекоиталійскую армію оказались совершенно ложными, онъ самихъ Тарентинцевъ принуждалъ становиться въ ряды его войска. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ закрылъ въ городѣ театры и увеселенія, даже запретилъ общественные столы или сисситіи, и нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей отправилъ заложниками въ Эпиръ. Граждане увидѣли, что въ лицѣ Пирра они приобрѣли не союзника, а повелителя, и многіе недовольные имъ убѣжали къ Римлянамъ.

Межъ тѣмъ сіи послѣдніе дѣятельно готовились къ войнѣ. Одна армія была оставлена въ видѣ запаса или резерва, другая отправлена въ Этрурію, что бы подавить тамъ всякія попытки къ мятежу; а самыя большія силы выступили въ Южную Италію, гдѣ онѣ спѣшили предупредить возстаніе Самнитовъ и Луканцевъ и подкрѣпить гарнизоны, стоявшіе въ греческихъ городахъ.

Главное римское войско, предводительствуемое консуломъ Публиемъ Левинномъ и вмѣстѣ съ легіонами союзниковъ заключавшее въ себѣ до 50.000 человекъ, встрѣтилось съ Пирромъ близъ Гераклеи.

Рѣчка Сирисъ раздѣляла оба войска. Передъ сраженіемъ Эпирскій царь подѣхалъ къ самому берегу, чтобы поближе посмотрѣть на своихъ противниковъ. Онъ увидалъ правильно устроенный и хорошо укрѣпленный лагерь, охраняемый дѣятельною стражею. Это дало ему высокое понятіе о военномъ дѣлѣ у Римлянъ, и онъ рѣшилъ не начинать битвы до прихода ожидаемыхъ Самнитскихъ союзниковъ, а до того времени воспрепятствовать непріятельской переправѣ, съ каковою цѣлью и выставилъ на берегу греческій отрядъ. Римляне напротивъ хотѣли предупредить соединеніе Самнитянъ съ Пирромъ и послѣшили начать битву. Римская конница бросилась вплавъ черезъ рѣку, а пѣхота пошла въ бродъ. Греческій сторожевой отрядъ, боясь быть отрѣзаннымъ, отступилъ. Пирръ приказалъ своей пѣхотѣ строиться къ бою; а самъ во главѣ трехъ-тысячной ѳессалійской конницы послѣшилъ на встрѣчу Римлянамъ, надѣясь застать ихъ еще въ беспорядкѣ во время переправы. Но онъ нашелъ римскую конницу уже построенною на берегу. Царь по своему обыкновенію не только руководилъ сраженіемъ, но и принялъ личное участіе въ бою.

Однако Римскіе конники отбили нападеніе ѳессалійскихъ; при чемъ одинъ непріятельскій офицеръ устремился на Пирра и ударомъ копья успѣлъ повалить его коня; но и самъ тотчасъ былъ убитъ царскими тѣлохранителями. Послѣ того Пирръ повелъ въ битву свою фалангу. Чтобы не привлекать на себя вниманіе непріятелей онъ обмѣнялся доспѣхами съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, Мегакломъ. И дѣйствительно, послѣдній сдѣлался цѣлью непріятельскихъ ударовъ, пока одному римскому всаднику, по имени Дексію, не удалось поразить его на смерть. Дексію снялъ съ убитаго царскій шлемъ и плащъ, и принесъ консулу. Римляне подняли крики торжества; а Греки смутились, почитая своего вождя павшимъ. Тогда Пирръ съ непокрытой головой сталъ обходить ряды и ободрять воиновъ. Сраженіе было очень упорно. Семь разъ Римляне подавались назадъ отъ напора фаланги, и снова шли впередъ. Чтобы сломить фалангу, Публій Левинъ ударилъ ей во флангъ всей своей конницей. Но тутъ Пирръ пустилъ въ дѣло свой послѣдній резервъ, т. е. боевыхъ слоновъ; лошади въ испугъ бросались назадъ и вмѣстѣ съ слонами разстроили порядокъ въ римской пѣхотѣ. ѳессалійская конница поддержала натискъ слоновъ, и, окончательно обративъ пѣхоту въ бѣгство, произвела страшное кровопролитіе. Только благодаря сильному рим-

скому гастату или копейщику Гаю Минуцію, который ранилъ одного слона и тѣмъ произвелъ замѣшательство между преслѣдующими, остатки римской арміи успѣли обратно переправиться за Сирисъ и тамъ спастись отъ совершеннаго истребленія. 7000 Римлянъ остались на мѣстѣ битвы; съ ранеными и взятыми въ плѣнъ ихъ потеря простиралась до 15.000. Однако и потеря Пирра была для него очень чувствительна: онъ лишился 4000 лучшихъ своихъ воиновъ и многихъ сподвижниковъ.

При Гераклеѣ впервые встрѣтились двѣ главныя боевыя силы того времени: Грекомакедонская фаланга и Римскій легіонъ. Такъ какъ фаланга одолѣла только помощью слоновъ, то мнѣніе Грековъ о ея превосходствѣ осталось недоказаннымъ. Самъ Пирръ послѣ этой битвы сталъ съ уваженіемъ и осторожностью относиться къ своимъ непріятелямъ. Онъ ласково обошелся съ плѣнниками и предложилъ имъ вступить въ его службу. Но не только никто изъ Римлянъ, даже никто изъ союзныхъ или Латинскихъ легіоновъ не принялъ его предложенія; это ясно показало царю, что онъ имѣетъ дѣло съ патриотическимъ народнымъ войскомъ, а не съ толпою наемниковъ. Первымъ слѣдствіемъ Гераклею побѣды было очищеніе Луканіи и нѣкоторыхъ южногреческихъ городовъ отъ римскихъ гарнизоновъ; послѣ чего отряды Луканцевъ и Самнитовъ соединились съ арміей Пирра, и онъ двинулся на сѣверъ, въ Кампанію. Однако, понимая ненадежность своихъ греко-италійскихъ союзниковъ и непрочность первыхъ успѣховъ, царь думалъ воспользоваться впечатлѣніемъ Гераклею побѣды, что бы заключить выгодный миръ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Римъ посольство, и во главѣ его поставилъ своего друга Кинеаса, котораго по ораторскому искусству современники сравнивали съ Демосееномъ.

Ловкій Грекъ старался подѣйствовать на Римскихъ сенаторовъ лестиными словами, а также подарками ихъ женамъ и дѣтямъ. Хотя подарки были отвергнуты; но его убѣжденія слушались охотно. Онъ увѣрялъ въ глубокомъ уваженіи Пирра къ Риму, въ его готовности отпустить всѣхъ плѣнныхъ безъ выкупа; наконецъ самыя условія предлагаемаго имъ мира казались довольно умѣренны: главнымъ образомъ онъ требовалъ неприкосновенности Тарентской республики и независимости городовъ Бруціума, Луканіи и Апуліи. Сенатъ колебался. Узнавъ о томъ, престарѣлый, слѣпой консуляръ (т. е. быв-

шій консулъ) Аппій Клавдій, давно удалившійся отъ государствен-
ныхъ дѣлъ, велѣлъ своимъ сыновьямъ и родственникамъ принести
себя въ сенатъ, и тутъ произнесъ энергическую рѣчь противъ вся-
кихъ уступокъ непріятелю. Онъ упрекалъ сенаторовъ въ малодушіе,
и выражалъ сожалѣніе, что при своей слѣпотѣ не сдѣлался еще глу-
химъ, дабы не слышать ихъ унижительныхъ для Рима разсужденій.
Его рѣчь сильно подѣйствовала на собраніе; послѣ чего Кинеасъ
былъ отпущенъ съ такимъ отвѣтомъ, что пока Эпирскій царь остается
на Итальянской почвѣ, съ нимъ не будутъ вступать ни въ какіе
мирные переговоры. Воротаясь къ Пирру, посолъ передавалъ такъ
свои впечатлѣнія: Римскій сенатъ показался ему собраніемъ царей;
а римское войско онъ уподоблялъ Лернейской гидрѣ, у которой на
мѣсто отрубленныхъ головъ постоянно выростали новыя.

Вслѣдъ за Кинеасомъ прибылъ въ эпирскій станъ римскій гражданинъ
Фабрицій для того, что бы условиться о выкупѣ плѣнныхъ. Этотъ
Фабрицій, избранный на слѣдующій (279-й) годъ консуломъ, по сло-
вамъ преданія, своею честностію, правдивостію и безстрашіемъ привелъ
въ удивленіе Эпирскаго царя. Послѣдній отпустилъ плѣнныхъ домой
на праздникъ Сатурналій, взявъ съ нихъ слово, если миръ не будетъ
заключенъ, то они воротятся въ эпирскій станъ. Плѣнные всѣ во-
ротились; ибо сенатъ грозилъ смертною казнію тому, кто не испол-
нить своего слова. Пирръ далъ свободу части плѣнниковъ; тогда
сенатъ освободилъ такое же число плѣнниковъ тарентинскихъ и сам-
нитскихъ. Между тѣмъ Римляне вооружили новыя легіоны; а войско,
разбитое на Сирисѣ, наказано было тѣмъ, что всю зиму простояло
въ лагерныхъ палаткахъ.

Пирръ, вступившій было въ самый Лаціумъ и надѣявшійся под-
нять покоренные Римомъ народы, увидалъ себя въ опасности быть
отрѣзаннымъ; возмущившіеся Этруски были побѣждены и заключили
миръ. Средняя Италія оставалась спокойною, и никто не спѣшилъ на
помощь царю. Онъ отступилъ въ Южную Италію, и зиму провелъ въ
Тарентѣ. Южноиталійскіе Греки, обманувшіеся въ своихъ надеж-
дахъ на скорое окончаніе войны, уже тяготились ея бременемъ и
особенно роптали на распущенность и грубость наемниковъ, размѣ-
щенныхъ по ихъ городамъ. Пирръ ясно видѣлъ, что только новыя
побѣды могутъ поправить его затруднительное положеніе. Поэтому
съ открытіемъ весны онъ опять перешелъ въ наступленіе, и дви-

нулся въ Апулію. Здѣсь при городѣ Аскулѣ онъ встрѣтился съ римскими легіонами, бывшими подъ начальствомъ консула Фабриція.

Съ обѣихъ сторонъ выставлены были большія силы: Пирръ кромѣ собственныхъ эпирскихъ и македонскихъ войскъ имѣлъ у себя ополченіе греческихъ городовъ, союзныхъ Луканцевъ, Бруттовъ и Самнитянъ—всего до 70,000 человекъ и 19 слоновъ. У Римлянъ, вмѣстѣ съ союзными Латинами, Сабинами, Умбрами, Кампанцами и проч., насчитывалось почти тоже количество воиновъ. Первый день битвы былъ нерѣшительнъ: холмистая и болотистая мѣстность препятствовала Пирру развернуть свою фалангу и конницу или пустить въ дѣло слоновъ. Посему на слѣдующій день онъ завлекъ непріятеля на ровное поле. Тутъ тщетно римскіе легіоны пытались прорвать или разстроить македонскую фалангу; она непоколебимо выдержала всѣ нападенія, выставляя впередъ плотную стѣною свои длинныя копья или сариссы. Италійскіе Греки сражались въ этотъ день съ одушевленіемъ; особенно подвизалось Тарентинское ополченіе, отличавшееся своими бѣлыми щитами; оно получило вторую послѣ Македонянъ награду за храбрость. Противъ слоновъ Римляне приготовили родъ боевыхъ колесницъ, на которыхъ утверждены были подвижныя мачты съ желѣзнымъ остриемъ. Но стрѣлки и пращники, сидѣвшіе на слонахъ, перебили людей, управлявшихъ колесницами; послѣ чего слоны устремились на римскую линію. и заставили ее отступить. Но такъ какъ близко находился укрѣпленный лагерь, то Римляне скоро въ него укрылись, потерявъ не болѣе 6000 человекъ. Хотя потеря Пирра простиралась только до 3500; но это была опять лучшая часть его боевыхъ силъ. Говорятъ, онъ воскликнулъ: «еще одна такая побѣда, и я останусь безъ войска!» Вообще побѣда при Аскулѣ имѣла уже не столь рѣшительный характеръ какъ при Гераклеѣ. Самъ царь, по обычаю принимавшій личное участіе въ битвѣ, получилъ серьезную рану въ руку. По причинѣ этой раны и по причинѣ твердаго положенія, сохраняемаго Римлянами, Пирръ послѣ побѣды, вмѣсто движенія впередъ, снова отступилъ на югъ и опять расположился на зимнія квартиры въ Тарентѣ.

Теперь ясно обозначилось, что главная сила Южноиталійскаго союза заключалась въ личныхъ качествахъ Пирра; тогда какъ Римляне и ихъ союзники обладали гораздо большими средствами и болѣе

прочной государственной организаціей. Борьба съ ними становилась все труднѣе и труднѣе. При своемъ непостоянствѣ Пирръ уже тяготился этою упорною борьбою, и былъ очень радъ покинуть Южную Италію, когда представился къ тому удобный поводъ. Сиракузы по смерти своего тирана Агаѳокла сдѣлались жертвою внутреннихъ раздоровъ; чѣмъ воспользовались старыя ихъ враги Каррагеняне, и едва не покорили своей власти весь островъ Сицилію. Тогда Сиракузяне и другіе сицилійскіе Греки, подобно Тарентинцамъ и на такихъ же условіяхъ пригласили Пирра. Такимъ образомъ сама судьба какъ бы благопріятствовала его планамъ основать великую Западно-эллинскую монархію подобную Восточноэллинской или Македонской. Пирръ съ радостію принялъ приглашеніе Сицилійцевъ, и, не смотря на просьбы своихъ италійскихъ союзниковъ не покидать ихъ на жертву Римлянамъ, сѣлъ на суда и отплылъ въ Сиракузы. Въ Тарентѣ онъ оставилъ однако гарнизонъ подъ начальствомъ Милона, а въ Локрахъ своего шестнадцатилѣтняго сына Александра.

Три года провелъ Пирръ на островѣ. Его военныя дѣйствія противъ Каррагенянъ шли такъ удачно, что непріатели были почти всеѣмъ вытѣснены изъ Сициліи; за ними оставался только городъ Лилибей на западной оконечности острова. Казалось, что Пирръ былъ уже близокъ къ осуществленію своихъ широкихъ плановъ. Но, какъ извѣстно, онъ не обладалъ творческими государственными способностями. Сицилійскіе Греки, подобно южноиталійскимъ, также скоро стали тяготиться самовластіемъ царя и его военнымъ управленіемъ. Они уже сожалѣли о прежней республиканской свободѣ, начали плохо поддерживать войну съ Каррагенянами и даже переходить на ихъ сторону. Между тѣмъ Римляне и Каррагеняне дѣйствовали въ союзѣ другъ съ другомъ противъ ихъ общаго врага. Въ виду недовольства Грековъ и усилившихся военныхъ затрудненій, Пирръ и тутъ потерялъ терпѣніе. Онъ покинулъ Сицилію на произволъ судьбы, и воротился въ Южную Италію, куда его усердно призывали его союзники Луканцы и Самниты, сильно тѣнимые Римлянами во время его отсутствія.

По возвращеніи въ Тарентъ Пирръ немедленно двинулся въ Самніумъ на помощь своимъ союзникамъ. Здѣсь при городѣ Беневентѣ стоялъ съ войскомъ римскій консулъ Курій Дентатъ; на соединеніе

съ нимъ изъ Луканіи шель другой консулъ. Чтобы предупредить это соединеніе, Пирръ поспѣшилъ напасть на лагерь Дентата. Ночью онъ незамѣтно приблизился къ нему сквозь лѣса и горы. Но отрядъ Пиррова войска, долженствовавшій ударить на Римлянъ съ другой стороны, заблудился во время этого ночнаго движенія и не поспѣлъ вовремя. Когда на разсвѣтъ консусъ узналъ о приближеніи непріятеля, онъ немедленно вышелъ ему на встрѣчу, и вступилъ въ битву. Въ этотъ день военное счастье измѣнило Эпирскому царю. Слоны, рѣшившіе первыя двѣ побѣды надъ Римлянами, теперь сдѣлались причиною его пораженія. Разными метательными орудіями Римлянамъ удалось переранить и такъ напугать слоновъ, что они бросились назадъ и произвели смятеніе въ греческомъ войскѣ. Этимъ моментомъ воспользовался консулъ, чтобы совершенно разбить непріятеля. Римлянамъ досталась большая добыча и много плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находилось нѣсколько слоновъ. Лишенный средствъ съ честью продолжать войну въ Италіи, Пирръ отплылъ обратно въ Эпиръ съ остатками своего войска. Но въ Тарентѣ онъ все таки оставилъ Милонъ съ 2000-мъ гарнизономъ (275). Милонъ около трехъ лѣтъ держался противъ Римлянъ, вопреки большой партіи гражданъ, которая склонялась на сторону послѣднихъ. Въ это время Римляне продолжали постепенное покореніе Самнитянъ, Луканцевъ, Бруттовъ, и южноиталійскихъ Грековъ. А эпирскій гарнизонъ Тарента все еще надѣялся получить помощь отъ своего царя.

Воротясь на родину, неутомный Пирръ затѣялъ новыя военныя предпріятія. Онъ вторгся въ Македонію, и едва не отнялъ ее у Антигона Гоната (сынъ Димитрія Подіоркета). Недокончивъ этого завоеванія, онъ вмѣшался въ дѣла Пелопонеса и предпринялъ походъ противъ Спарты. Потерпѣвъ неудачу подъ симъ городомъ, Пирръ напалъ на Аргось. Но здѣсь въ тѣсной уличной свалкѣ онъ нашелъ себѣ жалкую смерть. Одна старуха, стоя на кровлѣ дома, увидала царя, готовившагося поразить ея сына. Она бросила черепицу, и попала Пирру прямо въ голову. Оглушенный ударомъ, онъ упалъ съ коня на землю, и былъ тотчасъ обезглавленъ непріятелями. Когда вѣсть о его смерти достигла Италіи, карфагенскій флотъ вступилъ въ Тарентскую гавань и потребовалъ сдачи города, между тѣмъ какъ съ суши его осаждали Римляне. Милонъ предпочелъ сдать городъ римскому консулу Луцію Папірію, получивъ отъ него значительную

сумму денегъ и выговоривъ своему отряду свободное возвращеніе на родину (272 г. до Р. Х.). Тарентинцы номинально сохранили свою гражданскую свободу, получивъ званіе «союзниковъ»; но они должны были уплатить огромную военную контрибуцію, выдать оружіе и корабли, разрушить городскія укрѣпленія, а въ своемъ Акрополѣ помѣстить постоянный римскій гарнизонъ. Въ то же время Тарентъ былъ лишенъ права чеканить свои превосходные серебряные номы или дидрахмы, которые обращались на всѣхъ рынкахъ Адриатическаго побережья. Добыча изъ дорогихъ металловъ, полученная въ Тарентѣ, была такъ велика, что Римскій сенатъ съ этого времени началъ выпускать собственную серебряную монету, а за своими итальянскими союзниками оставилъ право только на чеканку мѣдной монеты.

Съ паденіемъ Тарента вся южная Италія или Великая Греція подпала крѣпкому римскому владычеству. Но съ этого времени завоеватели въ свою очередь подчинились сильному вліянію высокоразвитой Греческой образованности. Между плѣнниками, увезенными въ Римъ изъ Тарента, находился одинъ мальчикъ съ своей матерью. Онъ выросъ въ рабствѣ и усвоилъ себѣ латинскую рѣчь, не забывая природнаго языка и сохранивъ свой эллинскій геній. Его господинъ далъ ему свободу, видя его необыкновенныя способности. Этотъ тарентинскій мальчикъ былъ Ливій Андроникъ, первый драматическій писатель на латинскомъ языкѣ. За нимъ слѣдовалъ еще одинъ Грекъ изъ Южной Италіи, по имени Энній, творецъ латинской эпической поэзіи, обработанной по греческимъ образцамъ.

ХІІ.

НАШЕСТВІЕ АННИБАЛА НА ИТАЛІЮ *).

- Гамилькаръ Барка и картагенскія завоеванія въ Испаніи.—Гасдрубалъ.—Аннибалъ и разрушеніе Сагунта.—Объявленіе войны.—Походъ Аннибала чрезъ южную Галлію и по Альпійскимъ горамъ.—Его побѣды при Тичино, Требіи и Тразименскомъ озерѣ.—Твердость Римскаго сената.—Фабій Кунтаторъ.—Консулы Варронъ и Эмилиі.—Бой при Баннахъ.—Поведеніе Римлянъ и главныя причины ихъ торжества.

Конецъ первой Пунической войны ясно показалъ, что изъ двухъ великихъ республикъ того времени, Римской и Картагенской, первая имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ второю относительно политическаго могущества, и что рано или поздно Пуническая земля сдѣлается добычею Рима. Въ Картагеицъ была патріотическая партія, которая не хотѣла бездѣятельно ждать паденія своего отечества и искала средствъ отвратить отъ него эту печальную судьбу. Во главѣ ея сталъ даровитый полководецъ Гамилькаръ Барка, прославившійся мужественною борьбою съ Римлянами въ Сициліи и особенно заслужившій народную любовь усмиреніемъ страшнаго возстанія наемныхъ войскъ. Соперникомъ ему явился другой военачальникъ, гораздо менѣе искусный, по имени Ганнонъ, который сталъ во главѣ противной партіи. Эта партія, преданная картагенской олигархіи, господствовала въ Сенатѣ и Совѣтѣ Ста мужей; она желала пользоваться своимъ настоящимъ благополучіемъ и мало заботилась о будущей судьбѣ республики; поэтому старалась поддерживать миръ съ Римомъ и не подавать ему повода къ новой войнѣ. Однако такое явное пренебреженіе къ Картагену со стороны Римлянъ, какъ захватъ у него

---

*) Источники: Поливій. II. III. VII. Ливій XXI—XXX. Плутархъ (Фабій Максимъ, Марцеллъ), Аппіанъ. Зонара. VIII. IX. Пособія: Моисея, Герцбергъ, Ине, Ранке, Смитъ, Дюрри и пр.

острова Сардиніи во время мира, раздражалъ народъ и войско; уступая ихъ голосу, правительство назначило Гамилькара главнымъ начальникомъ военныхъ силъ республики на неопредѣленное время; а чтобы избавиться отъ его присутствія, охотно согласилось на его предпріятіе противъ западныхъ странъ.

На южномъ берегу Иберіи или Испаніи издревле существовало нѣсколько Финикійскихъ колоній, въ числѣ коихъ главное мѣсто занималъ Гаде съ (Кадиксъ). Картагеняне также имѣли здѣсь свои поселенія и торговыя факторіи; но доселѣ мало обращали на нихъ вниманія. Дальновидный Гамилькаръ рѣшилъ распространить на Иберійскомъ полуостровѣ Картагенское владычество, и тѣмъ не только вознаградить отечество за потерю Сициліи и Сардиніи, но и сдѣлать этотъ полуостровъ опорнымъ пунктомъ для будущей борьбы съ Римомъ. Горы южной Иберіи славилась обиліемъ драгоцѣнныхъ металловъ, и Гамилькаръ надѣялся найти въ ней средства для войны. независимыя отъ центрального правительства, на щедрость котораго онъ не всегда могъ рассчитывать, чтобы вовремя уплачивать жалованье своимъ войскамъ. Гамилькаръ находился тогда въ цвѣтѣ лѣтъ и энергіи; покидая Картагенъ, онъ взялъ съ собою въ походъ трехъ своихъ малолѣтнихъ сыновей, Аннибала, Гасдрубала и Магона—«Львиное племя», какъ онъ ихъ называлъ,—чтобы воспитать ихъ въ походной жизни и приготовить изъ нихъ будущихъ полководцевъ. Старшаго сына девятилѣтняго Аннибала, какъ рассказываютъ, онъ заставилъ даже поклясться въ вѣчной ненависти къ Римлянамъ.

Изъ Картагенской области Гамилькаръ направилъ свой походъ на западъ вдоль сѣвернаго берега; а параллельно съ нимъ шель флотъ подъ начальствомъ его зятя Гасдрубала. Во время этого похода онъ покорилъ Картагену тѣ прибрежныя племена Нумидіи и Мавританіи, которыя еще были независимы; потомъ перешель столпы Геркулесовы (т. е. проливъ) и вступилъ въ Испанію. Храбрыя, но раздробленныя туземныя племена постепенно должны были уступить искусному полководцу и одно за другимъ покориться Картагенскому владычеству. Гамилькаръ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ завоевать всю юго-восточную часть полуострова и получить такую богатую добычу изъ его серебрянныхъ рудниковъ, что не только покрылъ ею расходы на войско, но часть ея въ видѣ даней отослалъ въ Картагенъ; чѣмъ еще болѣе усилилъ тамъ партію своихъ сторонниковъ. Безпрерыв-

ными походами и битвами Гамилькаръ приготовилъ отличное, опытное войско, которое онъ пополнялъ наборомъ наемниковъ изъ храбрыхъ Испанскихъ народовъ. Но тутъ среди своихъ успѣховъ онъ нашелъ смерть въ одной схваткѣ съ туземными горцами (за 229 л. до Р. Х.). Преемникомъ ему войско выбрало его зятя и вѣрнаго помощника Гасдрубала; Карфагенскій сенатъ утвердилъ это избраніе.

Гасдрубалъ распространилъ карфагенскія завоеванія на сѣверъ до самой рѣки Эбро; но онъ отличился не столько талантами полководца, сколько государственнаго человѣка и превосходнаго организатора. Ласкою и подарками онъ привлекалъ на свою сторону мѣстныхъ князьковъ; умѣренно распредѣлялъ количество даней съ туземцевъ; завязалъ вездѣ ихъ торговыя связи съ Карфагенянами; производилъ у нихъ правильные рекрутскіе наборы; покровительствовалъ земледѣлю и разработкѣ рудъ. Благосостояніе этой новой провинціи возвысилось, и она стала приносить большіе доходы завоевателямъ. Между прочимъ Гасдрубалъ основалъ на юговосточномъ берегу богатый и хорошо укрѣпленный городъ, который назвалъ Испанскимъ или «Новымъ Карфагеномъ» (нынѣ Картагена); этотъ городъ имѣлъ превосходную гавань; а по сосѣдству находились богатые свинцовые и серебряные рудники. Но послѣ осмыслѣнней успѣшной дѣятельности своей, Гасдрубалъ палъ подъ ножомъ одного галльскаго раба, который мстилъ ему за смерть своего господина. Тогда (221 г. до Р. Х.) войско выбрало ему преемникомъ старшаго изъ сыновей Гамилькаровыхъ, т. е. Аннибала, и правительство снова утвердило выборъ; ибо въ Карфагенѣ высоко стояли тогда значеніе и популярность семьи Баркидовъ.

Аннибалъ въ то время былъ еще молодой человѣкъ; онъ имѣлъ около 30 лѣтъ отъ роду. Въ суровой походной школѣ отца онъ укрѣпилъ свой военный геній и закалялъ свое тѣло къ перенесенію всевозможныхъ лишеній; а подъ руководствомъ зятя Гасдрубала развилъ таланты государственнаго мужа. Армія уже хорошо его знала и возлагала на него надежды; ибо онъ уже не разъ отличался блестящею храбростію въ битвахъ, а послѣднее время начальствовалъ конницею; притомъ и самую наружность своею онъ напоминалъ отца Гамилькара, столь любимаго войскомъ. Несмотря на тревожную молодость, проведенную въ воинскомъ станѣ, Аннибалъ, благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ,

успѣлъ получить отличное образованіе и даже былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ и литературой. Онъ воплотилъ въ себѣ всѣ характеристическія черты Семитическаго племени: острый, изобрѣтательный умъ, сильное чувство и неустанную, безпокойную энергію.

Аннибалъ рѣшилъ, что настало время исполнить завѣтъ отца, т. е. вступить въ жаркую, безпощадную борьбу съ Римомъ, въ такую борьбу, которая въ случаѣ удачи должна была низвести Римъ на степень второстепенной или третьестепенной державы и воротить Карфагену господствующее положеніе въ западной половинѣ Средиземнаго моря. Своимъ орлинымъ взоромъ онъ обозрѣлъ современное положеніе дѣлъ, и оно казалось ему благоприятнымъ для начатія рѣшительной борьбы. Пока Карфагеняне распространяли свое владычество въ Испаніи, Римляне заняты были покореніемъ галльскихъ народовъ, населявшихъ Верхнюю Италію или систему рѣки По. Но покореніе это еще не было упрочено. Построеніе военныхъ дорогъ, крѣпостей и водвореніе здѣсь римскихъ колонистовъ возбуждали сильное негодованіе среди безпокойныхъ, свободолюбивыхъ Галловъ, и они готовы были возстать при первомъ удобномъ случаѣ. На ихъ возстаніи Аннибалъ рассчиталъ свой планъ будущаго похода въ Италію. Кромѣ Галловъ Римъ былъ занятъ тогда усмиреніемъ Иллирійскихъ пиратовъ и утверженіемъ своего господства въ самой Иллиріи; но тутъ ему грозило столкновеніе съ сильнымъ македонскимъ царемъ Антигономъ Дозономъ, побѣдителемъ Спартанцевъ при Селлазіѣ. Къ сожалѣнію Антигонъ умеръ почти въ одно время съ Гасдрубаломъ. Однако его молодой сынъ и преемникъ Филиппъ V, казалось, намѣренъ былъ продолжать политику отца и заодно съ Карфагенянами бороться противъ Римскаго могущества, угрожавшаго Македонской самостоятельности. Далѣе, Аннибалъ надѣялся возмутить противъ Рима туземныхъ горцевъ на островѣ Сардиніи и также сицилійскихъ Грековъ. Себѣ самому онъ оставлялъ наиболѣе трудную задачу: напасть на Римлянъ въ самой Италіи, и поднять противъ нихъ не однихъ Галловъ, но также Умбровъ, Этрусковъ, Самнитовъ и другихъ такъ наз. союзниковъ Рима, а затѣмъ нанести ему окончательный ударъ.

Уже все было готово къ открытію страшной войны; недоставало только ея объявленія. Но ни Карфагенъ, ни Римъ не были расположены начинать ее.

Тогда Аннибалъ рѣшилъ возбудить эту войну косвеннымъ образомъ, именно нападеніемъ на греческій городъ Сагунтъ, стоявшій на восточномъ берегу Иберіи и находившійся подъ покровительствомъ Римлянъ. Подъ предлогомъ, будто Сагунтяне обижали одно сосѣднее племя, союзное съ Карфагенянами, Аннибалъ объявилъ имъ войну, и осадилъ ихъ городъ съ суши и съ моря. Тщетно Сагунтяне просили помощи у Римлянъ; послѣдніе ограничились посольствомъ въ станъ осаждавшихъ; а Аннибалъ отправилъ это посольство для переговоровъ въ Карфагенъ. Между тѣмъ онъ все болѣе и болѣе тѣснилъ городъ, и, соорудивъ огромныя стѣнобитныя машины, громилъ его крѣпкія стѣны. Сагунтинцы защищались съ тѣмъ мужествомъ и упорствомъ, которыми всегда славились осажденные испанскіе города. Наконецъ послѣ осемимѣсячной осады городъ былъ взятъ приступомъ и подвергся страшному грабежу и опустошенію. Но еще предъ вторженіемъ непріятелей богатые граждане снесли самую драгоценную часть своего имущества на площадь, и тамъ сожгли его, причемъ и сами бросались въ пламя. Другіе жители съ своими семьями заперлись въ домахъ и сами ихъ поджигали. Остальные погибли, защищаясь съ оружіемъ въ рукахъ. Богатый, торговый городъ обратился въ груды пепла и развалинъ. Карфагеняне все таки получили здѣсь столь большую добычу, что Аннибалъ часть ея роздалъ своимъ воинамъ, часть отдѣлилъ для военной казны, и затѣмъ еще много золота и серебра послалъ въ Карфагенъ.

Теперь только Римляне убѣдились, что они слишкомъ долго пренебрегали успѣхами противниковъ въ Испаніи и что отсюда грозитъ имъ серьезная опасность. Въ Карфагенъ немедленно было отправлено торжественное посольство съ требованіемъ выдачи Аннибала и его главныхъ помощниковъ. Партія мира, имѣя въ главѣ Ганнона, враждебнаго семьѣ Баркидовъ, убѣждала Карфагенскій сенатъ согласиться на требованіе Римлянъ, чтобы избѣжать войны. Но часть богатой добычи, присланная Аннибаломъ, еще болѣе расположила въ его пользу большинство сената, благосклонное къ Баркидамъ за ихъ испанскія завоеванія, и оно старалось оправдать дѣйствія своего главнокомандующаго. Наскучивъ преніями и объясненіями, происходившими въ сенатѣ, глава Римскаго посольства, старый консуляръ Квинтъ Фабій Максимъ, прервалъ рѣчи ораторовъ, и, собравъ въ

рукъ полу своей тоги, воскликнулъ: «здѣсь я держу войну и миръ, выбирайте!» «Мы возьмемъ то, что ты намъ дашь»—отвѣчали ему. Тогда онъ распустилъ свою тогу съ словами: «Итакъ, да будетъ война!»

Всю послѣдующую затѣмъ зиму Аннибалъ провелъ въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ великому походу. Его посланцы дѣйствовали между Галльскими народами по ту и по другую сторону Альпъ, узнавали ихъ расположеніе и возбуждали къ возстанію противъ Рима. Изъ этихъ народовъ особенно откликнулись на его призывъ Инсубры и Бои, обитавшіе въ Верхней Италіи; они заключили союзные договоры съ Аннибаломъ, обѣщая выслать ему проводниковъ, снабжать его войско съѣстными припасами и выставить вспомогательные отряды. Какъ главнокомандующій всѣми войсками республики Аннибалъ принялъ мѣры для ея обороны: часть своей арміи, въ особенности испанскіе отряды, онъ отправилъ въ Африку для защиты собственно Карѳагенской области; другую часть, состоявшую преимущественно изъ Ливійцевъ, оставилъ въ Испаніи подъ начальствомъ своего брата Гасдрубала; а главныя свои силы назначилъ для вторженія въ Италію. Точно также онъ распредѣлилъ карѳагенскій флотъ: одна часть его должна была поддерживать сообщенія Африки съ Испаніей, другая опустошить западные берега Италіи, третья напасть на Сицилію. Чтобы испытать вѣрность испанскихъ воиновъ и показать имъ свое довѣріе, Аннибалъ на зиму распустилъ ихъ по домамъ. А Ливійцамъ онъ обѣщалъ по окончаніи похода полныя права карѳагенскаго гражданства. Расчетъ его не былъ обмануть: по истеченіи зимы вонны воротились въ лагерь, и тутъ полководецъ передъ началомъ похода одушевилъ ихъ огненною рѣчью, въ которой онъ указалъ на высокоуміе Рима, на его требованіе постыдной выдачи военачальниковъ; сообщилъ имъ, что Галлы ждутъ ихъ какъ своихъ друзей и освободителей, и ловко упомянулъ о богатствахъ Италіи, обѣщающихъ имъ огромную добычу.

Казалось бы прямая, открытая дорога въ Италію была моремъ. Но Аннибалъ предпочелъ ей длинный и трудный обходъ по долинамъ и горамъ Сѣверной Испаніи, Южной Галліи и Верхней Италіи; ибо море находилось въ рукахъ Римлянъ, которыхъ флотъ имѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ карѳагенскимъ. Аннибалъ не хотѣлъ ввѣрять

судьбу похода морскому сраженію. Притомъ союзные съ нимъ Галльскіе народы жили не въ приморской странѣ, а въ долинѣ рѣки По, окруженной Альпійскими и Аппенинскими горами.

Весною 218 года до Р. Х. Аннибалъ выступилъ изъ Картагены на сѣверъ съ 90.000 пѣхоты, 12.000 конницы и 37 боевыми слонами. Онъ перешелъ рѣку Эбро, и тутъ долженъ былъ одолѣть сопротивление Сѣвероиспанскихъ народовъ, союзныхъ съ Римомъ; такъ что путь до Пиринеевъ и покореніе этихъ народовъ стоили ему многихъ битвъ и значительныхъ потерь. Затѣмъ онъ отпустилъ домой ту часть испанскихъ войскъ, которая не показывала большой охоты къ дальнѣйшему походу; другую часть оставилъ для охраненія вновь покоренной страны и дорогъ чрезъ Пиринеи; такъ что въ Галлію онъ вступилъ съ 50.000 пѣхоты и 9.000 конницы. Но это были отборныя его войска, состоявшія преимущественно изъ ветерановъ и нумидійскихъ всадниковъ. Прибрежьемъ Средиземнаго моря Аннибалъ пошелъ на города Нарбонъ и Нимъ, то жёлззомъ, то золотомъ открывая себѣ путь посреди Кельтійскихъ обитателей Южной Галліи.

Межъ тѣмъ Римляне не ожидали, что Картагенскій полководецъ осмѣлится идти въ самую Италію, а тѣмъ болѣе не рассчитывали на такой дальній сухопутный походъ съ его стороны. Они думали напасть на Картагенянь въ Испаніи, но главнымъ образомъ нанести имъ ударъ на самой ихъ родинѣ, т. е. въ Африкѣ. Сообразно съ тѣмъ, Римскій сенатъ одному изъ консуловъ, Тиверію Семпронію Лонгу, поручилъ съ частью арміи и флота направиться въ Сицилію, чтобы оттуда напасть на Картагенъ. А другой консулъ, Публій Корнелій Сципіонъ, получилъ приказъ съ двумя легіонами и соотвѣтствующимъ числомъ союзныхъ войскъ сѣсть на суда въ Пизѣ и отплыть въ Сѣверную Испанію, чтобы тамъ дѣйствовать противъ Аннибала. Но между тѣмъ какъ Семпроній поздною весною отправился въ Сицилію, Сципіонъ задержанъ былъ въ Италіи.

Сношенія Аннибала съ Верхнеиталійскими Кельтами принесли ожидаемые плоды: когда до нихъ дошла вѣсть, что онъ перешелъ Эбро, Бон и Инсубры возстали противъ Римлянъ, напали на ихъ колоніи и осадили городъ Мутину (Модену). Преторъ Л. Манлій, съ однимъ легіономъ послѣдшій изъ Умбріи на помощь Мутинѣ, былъ разбитъ и отступилъ. Это событіе заставило сенатъ направить въ Верхнюю Ита-

лію легіоны, назначавшіеся въ Испанію. Публий Сципіонъ долженъ былъ ждать, пока на мѣсто ихъ будутъ вооружены два новые легіона. Только въ августѣ онъ сѣлъ на суда, и отплылъ на западъ. Но когда онъ достигъ Массиліи, то здѣсь съ удивленіемъ узналъ, что Аннибалъ съ сильнымъ войскомъ перешелъ Пириней и уже приближается къ долинѣ Роны. Тутъ только Римляне начали догадываться о замыслахъ Карфагенскаго вождя. Сципіонъ съ помощью союзныхъ Галловъ хотѣлъ загородить ему дорогу при переправѣ чрезъ такую значительную и быструю рѣку какъ Рона. Аннибалъ приблизился къ ней противъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ городъ Авиньонъ, и нашелъ здѣсь переправу, охраняемую только Галльскимъ ополченіемъ. Не теряя ни минуты времени, Карфагенскій полководецъ занялся приготовлениями къ переправѣ: онъ послалъ вверхъ по рѣкѣ значительный отрядъ конницы подъ начальствомъ Ганнона, сына Бомилькарова; а самъ скупилъ въ окрестностяхъ всѣ суда у ронскихъ лодочниковъ, и сверхъ того изъ нарубленныхъ деревьевъ приготовилъ плоты. Ганнонъ съ своимъ отрядомъ отыскалъ другую переправу, незанятую непріателемъ; съ помощью наскоро сдѣланныхъ плотовъ перешелъ на лѣвый берегъ, и этимъ берегомъ спустился внизъ, причемъ зашелъ въ тылъ Галламъ. Какъ скоро онъ зажегъ условленные огни, Аннибалъ началъ совершать переправу главнаго войска. Галлы успѣли было занять берегъ; но вдругъ въ тылу у себя увидѣли непріятелей, а свой лагерь объятый пламенемъ. Пораженные такою неожиданностью, они разсѣялись въ разныя стороны.

Узнавъ отъ этихъ бѣглецовъ о переправѣ Карфагенянъ, Сципіонъ, все еще медлившій въ Массиліѣ, сначала не хотѣлъ вѣрить, и послалъ на развѣдки отрядъ конницы. Сей послѣдній нашелъ Карфагенянъ уже на лѣвомъ берегу; ихъ задерживала только переправа слоновъ. Послѣ горячей схватки съ нумидійскими всадниками отрядъ воротился въ Массилію. Тогда только Сципіонъ со всѣмъ своимъ войскомъ успѣшилъ къ Авиньону; но онъ уже не засталъ здѣсь ни одного непріятеля. И тутъ римскій консулъ не оцѣнилъ своего противника и всей важности минуты. Видя, что Аннибалъ уклонился отъ битвы и ушелъ въ глубь страны, Сципіонъ бранилъ Пуниевъ за ихъ «малодушное бѣгство», и только съ небольшимъ войскомъ воротился въ Пизу; а большую часть арміи отправилъ съ своимъ братомъ Гнеемъ въ Испанію.

Послѣ Ронской переправы Аннибалъ сдѣлалъ смотръ своей рати; приче́мъ одушевленною рѣчью укрѣпилъ ея духъ для предстоявшаго похода чрезъ Альпійскія горы, исполненнаго великихъ трудовъ и опасностей. Тутъ же онъ представилъ Магила, одного изъ старшинъ племени Боевъ, который при посредствѣ переводчика сообщилъ воинамъ, что поведетъ ихъ чрезъ горы наиболѣе короткими и безопасными путями и что его соплеменники на берегахъ По съ нетерпѣніемъ ждутъ Карфагенянъ.

Армія двинулась сперва вверхъ на Ронѣ до рѣки Изары. Здѣсь она вступила въ плодородную и богатую область народа Аллоброговъ. Пользуясь распреею двухъ аллобругскихъ старшинъ, Аннибалъ привлекъ одного изъ нихъ на свою сторону и благополучно прошелъ ихъ область до самыхъ Альповъ. Но когда ему пришлось подниматься на эти громадныя горы, онъ узналъ, что тѣснины ихъ заняты враждебною частью Аллоброговъ. Хотя его изобрѣтательный умъ нашель средства преодолѣть преграды, но Карфагенянамъ приходилось пробираться по узкимъ горнымъ тропинкамъ, на краю глубокихъ пропастей и въ тоже время отбивать нападенія враговъ, хорошо знавшихъ всѣ подробности пути. Тутъ погибло много воиновъ; особенно вьючныя животныя, поражаемыя стрѣлами враговъ или испуганныя ихъ боевыми кликами, громко раздававшимися посреди горъ, цѣлыми массами падали въ пропасти со всѣмъ своимъ вьюкомъ. Только достигнувъ красивой долины Шамбери, войско могло нѣсколько отдохнуть отъ этого тяжелаго перехода и отнятымъ у жителей скотомъ пополнить свою убыль вьючныхъ и продовольственныхъ животныхъ. Далѣе оно двинулось вверхъ по Изерѣ чрезъ такъ называемыя Грайскія Альпы или Малый Санъ-Бернаръ. Обитавшее въ той странѣ кельтское племя Центроновъ сначала встрѣтило Карфагенянъ дружески; но когда они вступили въ тѣсное ущелье, то вдругъ увидѣли, что окружающія вершины заняты Кельтами, которые начали скатывать на нихъ огромные камни. Съ потерями войско прошло и это ущелье. Потомъ оно достигло верхняго перевала и здѣсь остановилось дня на два, чтобы нѣсколько отдохнуть и собраться съ силами отъ страшнаго утомленія. Покрытыя снѣгомъ горы и наступавшая осенняя погода производили удручающее впечатлѣніе на Африканцевъ, привыкшихъ къ жаркому климату. Аннибалу стоило большихъ усилій поддержать духъ войска и оживить его указаніемъ на виднѣвшіяся

вдали цвѣтушія долины верхняго теченія рѣки По. Спускъ на другую сторону Альпъ хотя и менѣе былъ затрудняемъ нападеніями враговъ, но по своей крутизнѣ и скользкой обледѣлой почвѣ онъ стоилъ также большихъ потерь и напряженій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ конница и слоны не могли двигаться по глубокому снѣгу, и люди должны были расчищать для нихъ дорогу. Много людей и животныхъ погибло, обрываясь въ пропасти со скользкихъ тропинокъ.

Аннибалъ конечно не зналъ заранее о всѣхъ трудностяхъ похода чрезъ Альпы; онъ только зналъ, что по ихъ ущельямъ совершались движенія Кельтическихъ народовъ изъ Транзальпійской Галліи въ Цизальпійскую, и полагалъ, что тамъ, гдѣ проходятъ цѣлыя племена, возможно пройти и войску.

Послѣ двухнедѣльнаго томительнаго перехода по Альпійскимъ хребтамъ, Карфагеняне наконецъ достигли Иврейской долины въ концѣ сентября. Прошло шесть мѣсяцевъ со времени выступленія ихъ изъ города Картагены. Отъ шестидесятитысячной арміи у Аннибала осталось 20.000 пѣхоты и 6000 конницы. И это войско было до того утомлено, что если бы Римляне по близости имѣли значительную военную силу и немедля ударили на Карфагенянъ, то исходъ дѣла едва ли былъ бы сомнителенъ. Въмѣсто Римлянъ ихъ встрѣтило одно, подчиненное Инсубрамъ, Кельтическое племя, которое привѣтствовало ихъ какъ своихъ союзниковъ и освободителей, и разобрало по собственнымъ деревнямъ, гдѣ ратники цѣлые двѣ недѣли отдыхали и оправлялись отъ своего утомленія.

*

Извѣстіе о появленіи Аннибала въ Верхней Италіи было великою неожиданностью для Римскаго сената и заставило его измѣнить весь прежній планъ войны съ Карфагенянами. Армія, высадившаяся въ Испаніи, уже вступила тамъ въ борьбу съ непріятелемъ, и воротить ее въ Италію было бы поздно. По счастью другая римская армія, находившаяся подъ начальствомъ консула Семпронія, замедлила въ Сициліи и еще не переправилась въ Африку; хотя Семпроній побѣдоносно боролся въ той сторонѣ съ карфагенскимъ флотомъ и отнялъ у непріятелей островъ Мелиту (Мальту). Онъ получилъ приказъ немедля спѣшить съ своими легіонами въ сѣверную Италію. Нельзя сказать, чтобы въ долинѣ рѣки По въ то время совсѣмъ не было римскихъ

войскъ. Преждевременное возстаніе Боевъ, какъ мы видѣли, привлекло туда два римскихъ легіона, которые почти успѣли подавить возстаніе и теперь были разсѣяны по разнымъ крѣпостямъ, особенно въ Плаценціи и Кремонѣ. Консулъ Публий Сципіонъ собралъ эти войска, перешелъ на лѣвый берегъ По, и двинулся вверхъ по этому берегу, чтобы загородить дорогу Аннибалу и отрѣзать отъ него мятежныхъ Инсубровъ и Боевъ. Межъ тѣмъ Карфагенскій вождь смирилъ враждебное себѣ кельтское племя Тауриновъ, взявъ приступомъ и разоривъ ихъ столицу (городъ Туринъ); усилилъ свое войско кельтскими отрядами, и шелъ внизъ по лѣвому берегу По на соединеніе съ Инсубрами и Боями.

Въ долину рѣки Тичино (лѣваго притока По) оба предводителя, производя усиленную развѣдку во главѣ своей конницы, встрѣтились другъ съ другомъ. Сципіонъ принялъ бой; кромѣ конницы онъ имѣлъ съ собою еще легковооруженную пѣхоту. Но пѣхота была разсѣяна натискомъ нумидійскихъ всадниковъ, которые потомъ охватили римскую кавалерію съ фланга и тѣмъ принудили ее къ бѣгству. Самъ консулъ былъ тяжело раненъ и едва не попалъ въ плѣнъ. Его семнадцатилѣтній сынъ Корнелій Сципіонъ (будущій побѣдитель Аннибала) сопровождалъ его въ этомъ походѣ и принялъ дѣятельное участіе въ битвѣ. Увидѣвъ отца раненаго и окруженнаго непріятелями, онъ одинъ врубился въ ихъ толпу и примѣромъ своимъ увлекъ нѣсколькихъ товарищей, съ которыми освободилъ консула изъ рукъ враговъ.

Эта неудачная схватка показала Публию Сципіону всю опасность его положенія на лѣвомъ берегу По: онъ поспѣшилъ переправить свою армію опять на правый берегъ, велѣлъ сломать за собой мостъ и расположился въ равнинѣ рѣчки Требіи впереди крѣпости Плаценціи. Аннибалъ также перешелъ на правый берегъ. Часть союзныхъ Кельтовъ, находившаяся въ Римскомъ лагерѣ, взбунтовалась и ушла къ непріятелю. Послѣ того Сципіонъ отступилъ за Требію и занялъ крѣпкую позицію на правомъ высокомъ берегу ея; лѣвымъ крыломъ онъ упирался въ Аппенины, а правымъ въ рѣку По и крѣпость Плаценцію; впереди защищала его рѣчка Требія, которая значительно поднялась тогда отъ осеннихъ дождей. Нумидійская конница, высланная на Римлянъ, вмѣсто преслѣдованія, бросилась грабить и жечь ихъ лагерь, и тѣмъ дала имъ время укрѣпиться въ

означенной позиціи. Но Сципіонъ не могъ спасти богатые склады всякихъ запасовъ и гарнизонъ городка Кластидія, который измѣнически былъ сданъ непріятелю своимъ начальникомъ (происходившимъ изъ Брундузіа). Во всякомъ случаѣ положеніе Сципіона у Плаценціи запирало Аннибаллу дальнѣйшее движеніе внизъ по долинѣ По, и отрѣзывало отъ него Инсубровъ и Боевъ, возстаніе которыхъ сверхъ того было затруднено враждою къ нимъ кельтскаго племени Ценомановъ, дружившихъ съ Римомъ.

Тѣмъ временемъ вторая римская армія успѣла прибыть изъ Сициліи въ Умбрію, а отсюда (изъ города Ариміна) прямою военною дорогою она достигла крѣпости Плаценціи. Когда оба консула соединились, то число ихъ войскъ простиралось до 40.000 человекъ. Армія Аннибала, усиленная Кельтами, имѣла до 38.000. Слѣдовательно силы были равныя; только число Аннибаловой конницы превосходило римскую; за то карфагенская пѣхота и качествомъ и количествомъ уступала римской. Сципіонъ хотѣлъ держаться оборонительнаго положенія; что заставило бы Аннибала провести наступавшую зиму на берегахъ По и подвергло бы испытанію вѣрность его союзниковъ, нетерпѣливыхъ, непостоянныхъ характеромъ Кельтовъ. Но, по причинѣ тяжелой раны Сципіона, начальство надъ войскомъ почти безраздѣльно перешло въ руки его товарища Семпронія, который еще не имѣлъ случая узнать таланты противника и вѣрилъ въ римскую непобѣдимость. Аннибалъ наоборотъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о характерѣ этого консула. Разными движеніями, опустошеніемъ кельтскихъ селеній, вѣрныхъ Риму, и наконецъ намѣреннымъ отступленіемъ своей конницы послѣ одной схватки съ конницей противниковъ онъ сумѣлъ выманить Семпронія изъ его укрѣпленнаго лагеря. Когда отступавшіе карфагенскіе всадники вдругъ остановились и преслѣдовавшій ихъ римскій отрядъ увидѣлъ передъ собою всю непріятельскую армію, то для спасенія этого отряда Семпроній послѣшилъ съ главнымъ войскомъ перейти рѣчку Требію, и построилъ его въ боевой порядокъ, т. е. пѣхота посрединѣ, конница по сторонамъ, а легковооруженные стрѣлки впереди.

День случился холодный и ненастный; римскіе легіонеры еще не успѣли подкрѣпить себя пищею, когда должны были въ бродъ перейти наполнившуюся отъ дождей рѣчку. Голодные, промокшіе и усталые они вступили въ битву съ свѣжимъ непріятелемъ, который

былъ одушевленъ пламенною рѣчью своего вождя. Римскіе стрѣлки, имѣя подмоченные водою тетивы, дѣйствовали неудачно и должны были отступить передъ непріятельскими стрѣлками и Балеарскими пращниками. Затѣмъ и римская конница не могла устоять противъ стремительныхъ атакъ болѣе многочисленной конницы кельтской и нумидійской, которую поддержали еще немногіе слоны, уцѣлѣвшіе при переходѣ черезъ Альпы. Но за то римская пѣхота билась съ обычнымъ своимъ мужествомъ и имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ пѣхотою противника. Послѣ отступленія конницы, на эту пѣхоту устремились атаки ея кавалеріи. Но Римляне стояли твердо и не уступали ни шагу. Наконецъ побѣду рѣшилъ младшій братъ Аннибала Магонъ, который съ 2.000 отборнымъ отрядомъ былъ поставленъ имъ въ засаду, и теперь внезапно ударилъ Римлянамъ въ тылъ. Сильнъ ударомъ строй римскаго войска былъ расторгнутъ, и оно замѣшалось. Однако 10.000 человекъ все таки успѣли снова сомкнуться, проложили себѣ дорогу сквозь непріятелей и ушли въ крѣпость Плаценцію; другая часть разбитой арміи спаслась въ свой укрѣпленный лагерь. Около половины римскаго войска пало или было взято въ плѣнъ; впрочемъ Картагеняне и въ особенности Кельты также понесли большія потери въ этой отчаянной битвѣ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ побѣды при Требии было распространеніе кельтскаго возстанія въ долину рѣки По. Остатки римскаго войска заперлись въ крѣпостяхъ Плаценціи и Кремонѣ и не могли болѣе мѣшать кельтскому движенію. Аннибалъ дѣятельно принялся набирать войска между своими союзниками; говорятъ, къ нему примкнули до 60.000 пѣшихъ и 4.000 конныхъ Галловъ. Но онъ зналъ неистощимыя средства противника, и не хотѣлъ ограничиваться одними Галлами: онъ имѣлъ въ виду поднять противъ Рима итальянскіе народы. Поэтому съ плѣнными Римлянами побѣдитель обращался сурово и держалъ ихъ въ оковахъ; а съ плѣнными Италидцами наоборотъ поступалъ ласково, и даже возвращалъ имъ свободу; при чемъ поручалъ объявлять ихъ единоплеменцамъ, что онъ воюетъ только съ Римомъ и что онъ пришелъ освободить ихъ отъ Римскаго ига. Съ тою же цѣлью Аннибалъ не хотѣлъ долго оставаться въ Верхней Италиі. Онъ только переждалъ здѣсь самые суровые зимніе мѣсяцы; а затѣмъ спѣшилъ перенести театръ войны поближе къ главному городу.

Римляне теперь только начали понимать, какимъ неумолимымъ и опаснымъ врагомъ для нихъ явился молодой Карфагенскій вождь. Посовѣтовавшись съ книгами Сибиллы, сенатъ предписалъ исполнить чрезвычайныя религіозныя церемоніи, общественныя процессіи, молитвы и очистительныя жертвы, чтобы умилостивить боговъ. Затѣмъ онъ велѣлъ произвести новые наборы, послалъ подкрѣпленія въ Испанію, Сицилію, Сардинію и Южную Италію. А противъ Аннибала выставилъ обычные четыре консульскіе легіона, подъ начальствомъ вновь выбранныхъ двухъ консуловъ Гнея Сервилія и Гая Фламинія. Второй изъ нихъ когда то отличился въ войнѣ съ Галлами; онъ былъ народнымъ любимцемъ, потому что всегда отстаивалъ интересы бѣдныхъ классовъ противъ знати. Получивъ большинство голосовъ на выборахъ и опасаясь какой либо задержки со стороны нелюбившихъ его сенаторовъ, Фламиній тайкомъ покинулъ столицу, и отправился къ своимъ легіонамъ. Тщетно сенатъ посылалъ гонца, что бы воротить его въ Римъ для исполненія обычныхъ послѣ выбора религіозныхъ церемоній. Онъ съ двумя легіонами и союзниками занялъ позицію въ Этруріи при городѣ Арреціумѣ; а его товарищъ Сервилій съ другими двумя легіонами сталъ въ Умбріи при Ариминумѣ. Такимъ образомъ консулы прикрыли двѣ главныя дороги, ведшія изъ Верхней Итали въ Среднюю.

Едва дождавшись окончанія зимы, Аннибалъ началъ переходить черезъ Аппенинскія горы и спустился въ долину рѣки Арно. Тутъ его войску пришлось двигаться по низменностямъ, затопленнымъ весенними разливами, что породило болѣзни между людьми и падежъ между животными. Самъ предводитель при этомъ потерялъ отъ воспаленія одинъ глазъ. Онъ обошелъ позицію консула Фламинія, и направился къ Перузіи. Консулъ въ началѣ не рѣшался одинъ принять бой въ открытомъ полѣ и хотѣлъ подождать прибытія своего товарища изъ Ариминума. Но Аннибалъ сумѣлъ втянуть его въ битву. Кельты принялись опустошать страну на глазахъ консула; что возбудило противъ него громкія жалобы. Притомъ многочисленныя политическіе сторонники Фламинія, добровольно прибывшіе въ его лагерь, высказывали увѣренность, что своими военными талантами онъ не уступитъ противнику. Все это подстрекнуло пылдаго, самонадѣяннаго консула оставить свою укрѣпленную позицію и двинуться вслѣдъ за Карфагенянами. Аннибалъ имѣлъ хорошихъ ла-

зутчиковъ и въ точности зналъ о движеніяхъ Римлянъ. Онъ выбралъ самое неудобное для нихъ поле сраженія, куда искусно ихъ завлекъ. То была тѣснина между двумя крутыми горами, замкнутая съ одной стороны высокимъ холмомъ, съ другой Тразименскимъ озеромъ.

Ничего не подозрѣвая и не принимая никакихъ военныхъ предосторожностей, Фламиній вступилъ въ это ущелье, казавшееся совершенно свободнымъ. Густой утренній туманъ помогъ непріятелю скрывать свое присутствіе. Когда римское войско вошло въ тѣснину, вдругъ по знаку Аннибала спереди изъ-за холма и съ боковъ изъ-за крутыхъ склоновъ ринулись непріатели, и тутъ произошла не битва собственно, а истребленіе Римлянъ; при чемъ часть ихъ была загнана конницей въ озеро. Самъ консулъ находился въ числѣ павшихъ. 6000 пѣхоты успѣли было пробиться; но потомъ, окруженные на одномъ холмѣ, принуждены сдать военноплѣнными предводителю нумидійской конницы Магарбалу; такимъ образомъ вся армія оказалась уничтоженною. Къ довершенію несчастія 4000 конницы, отправленные впередъ Сервиліемъ, который съ главными силами медленно шелъ на соединеніе съ товарищемъ, также попали въ руки Магарбала, и частію перебиты, частію захвачены въ плѣнъ.

Дорога на Римъ была открыта Аннибалу; между ними не стояло никакого войска. Карагенскіе конные разъѣзды появились на два дня пути отъ столицы. Населеніе ея было въ сильномъ страхѣ; ему уже мерещились темныя лица Африканцевъ и бѣшенныя Галлы съ ихъ страстью къ грабежу и убійствамъ. Но въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Сенатъ своею твердостью и энергіей показалъ себя достойнымъ своей власти и своего высокаго положенія. Засѣданія его теперь продолжались отъ восхода солнца и до заката. Онъ велѣлъ разметать мосты на Тибрѣ, исправить городскія стѣны и башни и приготовить суда въ Остію. Онъ велѣлъ произвести новый наборъ, чтобы выставить въ поле опять два легіона, взамѣнъ погибшихъ при Тразименскомъ озерѣ, и кромѣ того приготовить запасное войско для столицы. Такъ какъ раздѣленіе военной команды между двумя консулами оказалось вреднымъ для дѣла, то сенатъ прибѣгъ къ тому учрежденію, которое существовало на случай великой опасности, т. е. къ диктатурѣ. На этотъ разъ диктаторомъ былъ избранъ старый Квинтъ Фабій Максимъ, происходившій изъ древняго патриціанскаго рода, человекъ твердаго ха-

рактера и чисто римскаго закала. Первымъ дѣломъ его было очистительными жертвоприношеніями умиловить боговъ, оскорбленныхъ небрежностью Фламинія.

Но противъ ожиданія Римлянъ Аннибалъ не пошелъ на Римъ; а чрезъ южную Умбрию направился на восточную сторону полуострова къ берегамъ Адриатики. Великій Карфагенянинъ понималъ, что и послѣ страшнаго Тразименскаго пораженія Римляне все таки оставались сильнѣйшею стороною. Онъ не хотѣлъ рисковать приступомъ къ такому обширному и хорошо укрѣпленному городу каковъ былъ Римъ, въ которомъ всякій гражданинъ по первому требованію становился въ ряды войска. Вообще осадная часть составляла слабую сторону въ арміи Аннибала: на пути своемъ чрезъ Умбрию онъ попытался взять укрѣпленный городъ Сполеціумъ, и потерпѣлъ неудачу. А неудача подъ Римомъ поставила бы его въ очень затруднительное положеніе; ибо позади себя онъ не имѣлъ надежныхъ опорныхъ пунктовъ. Не желая терять время и армію на осаду итальянскихъ городовъ, Аннибалъ усвоилъ себѣ другой способъ войны. Онъ дѣлалъ большіе и быстрые переходы по Итальянскому полуострову; часто мѣнялъ театръ военныхъ дѣйствій, стараясь наносить жестокіе удары непріятелю въ открытомъ полѣ и держать его въ неизвѣстности относительно своихъ намѣреній. Его главною цѣлью оставалось отдѣленіе союзныхъ Итальянскихъ народовъ отъ Рима; только по достиженіи этой цѣли онъ могъ поколебать Римское могущество и имѣть перевѣсъ на своей сторонѣ. Вотъ почему онъ предоставилъ Римлянамъ заниматься укрѣпленіемъ своей столицы и вооружать новое войско; а самъ думалъ воспользоваться тѣмъ временемъ, чтобы склонить къ своему союзу Сабельскія племена средней и южной части полуострова. Но всѣ его усилія разбивались о непоколебимую вѣрность этихъ племенъ Риму. Никто изъ нихъ не поднималъ возстанія; ни одинъ городъ не отворилъ ему своихъ воротъ. Напрасно Аннибалъ щадилъ ихъ области, и только Пиценскую страну, обильную хуторами, и цвѣтущими нивами римскихъ колонистовъ, предалъ жестокому опустошенію. Изъ Самніа онъ вторгся въ Апулію и разбилъ свой лагерь при городкѣ Арпи. Тутъ въ содѣйствіе съ нимъ появился Фабій Максимъ, который выступилъ изъ Рима съ двумя новыми легіонами, и дорогою присоединилъ къ себѣ два легіона бывшаго консула Сервилія.

Но старый диктаторъ пришелъ не для того чтобы сразиться съ Аннибаломъ; онъ рѣшилъ избѣгать всякаго большаго сраженія съ такимъ искуснымъ полководцемъ, и ограничился только мелкими схватками и преслѣдованіемъ непріятельскихъ фуражировъ, т. е. отрядовъ, занимавшихся сборомъ продовольствія. Аннибалъ тотчасъ понялъ характеръ своего противника, и сообразно съ тѣмъ началъ дѣйствовать. Онъ прошелъ мимо римскаго войска опять въ Самній на Беневентъ, оттуда повернулъ въ Кампанію на Капуу, и началъ склонять Кампанцевъ къ отпаденію отъ Рима. На первый разъ эта попытка не имѣла успѣха. Тогда Аннибалъ снова пошелъ въ Апулію. Фабій Максимъ всюду слѣдовалъ за нимъ, но въ извѣстномъ разстояніи и держась въ горахъ, чтобы обезопасить себя отъ нападенія. Эта жалкая роль наблюдателей уже начинала тяготить римскіе легіоны; а когда на ихъ глазахъ нумидійская конница стала безнаказанно жечь и грабить селенія римскихъ союзниковъ, то въ войскѣ возникъ ропотъ противъ Медлителя (Кунтатора), какъ прозвали тогда Фабія. Однако сей послѣдній упрямо держался своей системы. Разъ только онъ попытался было загородить дорогу Аннибалу въ горныхъ тѣснинахъ на берегахъ рѣки Вультурна. Но изобрѣтательный полководецъ, какъ извѣстно, проложилъ себѣ путь ночью съ помощью стада быковъ, къ рогамъ которыхъ были привязаны луки зажженнаго хворосту.

Послѣ многихъ движеній и переходовъ Аннибалъ выбралъ мѣстомъ своей стоянки широкую сѣверо-Апулійскую плоскость, гдѣ его конница могла въ избыткѣ доставать хлѣбъ и сѣно. Недалеко отъ римской колоніи Люцеріи онъ заложилъ укрѣпленный лагерь, куда сталъ собирать изъ окрестностей большіе продовольственные запасы на зиму. Фабій въ это время отлучился въ столицу, и должность главнокомандующаго въ лагерьъ по обычаю исправлялъ начальникъ конницы (*magister equitum*) Минуцій Руфъ. Болѣе смѣлый и рѣшительный чѣмъ самъ диктаторъ, Минуцій въ его отсутствіе подвинулся ближе къ Аннибалу, и, стараясь мѣшать сбору запасовъ, имѣлъ нѣсколько удачныхъ схватокъ съ его отрядами. Преувеличенныя извѣстія объ этихъ схваткахъ достигли столицы и возбудили тамъ цѣлую бурю противъ упрямаго Фабія, котораго упрекали въ трусости и нічего недѣланіи. Народное собраніе, подстрѣкаемое его политическими противниками, даже придумало не-

слыханную мѣру: дать Минуцію военную власть, равную съ диктаторомъ. Такимъ образомъ начальство надъ войскомъ снова раздѣлено было между двумя лицами. Къ счастью это раздѣленіе продолжалось недолго. Узнавъ о немъ, Аннибалъ воспользоваться съ своей обычной ловкостью. Онъ сумѣлъ втянуть самонадѣяннаго Минуція въ значительное сраженіе, и разбить его; только появленіе Фабія съ свѣжимъ войскомъ спасло его отрядъ отъ совершенной гибели. Тогда Минуцій Руфъ отказался отъ своей власти и снова поступилъ подъ начальство Фабія.

Хотя это событіе какъ бы подтвердило справедливость системы, принятой Медлителемъ; однако въ Римѣ поняли, что такая система можетъ въ концѣ концовъ оказаться гибельною; ибо терпѣніе союзниковъ рано или поздно можетъ истощиться, и, видя что Римляне не оказываютъ имъ надлежащей защиты, союзные народы наконецъ перейдутъ на сторону Карфагенянъ. Когда по истеченіи обычнаго шестимѣсячнаго срока, Фабій Максимъ сложилъ съ себя диктаторство, въ Римѣ рѣшено было измѣнить его систему войны, т. е. изъ пассивной обороны перейти въ наступленіе. А такъ какъ для этого постоянныхъ четырехъ легионовъ очевидно было недостаточно, то сдѣланъ чрезвычайный наборъ, и выставлено въ поле двойное число, т. е. восемь легионовъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ союзниковъ. Система Фабія сдѣлала тогда непопулярнымъ диктаторство; посему вновь выбрали двухъ консуловъ. Народная партія провела выборъ одного изъ своихъ вожаковъ Теренція Варрона, который, не обладая ни военными талантами, ни опытностію, болѣе всѣхъ порицалъ образъ дѣйствія Фабія Медлителя и настаивалъ на рѣшительныхъ сраженіяхъ. Его назначили первымъ консуломъ, и аристократической партіи съ трудомъ удалось въ товарищи ему провести своего кандидата, именно Эмилиа Павла, челоуѣка разсудительнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ.

Никогда еще Римляне не выставляли такой сильной арміи, какъ та, которая лѣтомъ 216 года появилась въ Апуліи; она заключала въ себѣ до 80.000 пѣхоты и 6.000 всадниковъ; тогда какъ у Аннибала было только до 40.000 пѣхоты. За то конница его была многочисленнѣе (10.000); а пространная Апулійская равнина представляла ей всѣ удобства для дѣйствія. Надобно еще замѣтить, что отъ проницательнаго Аннибалова взгляда не укрылось превосходное

устройство тяжелой римской пѣхоты, и послѣ Тразименской битвы онъ, пользуясь множествомъ отбитаго у непріятеля оружія, часть своей пѣхоты вооружилъ и обучилъ по римскому образцу. Главный недостатокъ соединенной римской арміи, т. е. двойное предводительство, и на этотъ разъ не было устранено. Консулы начальствовали по очереди, т. е. черезъ день; а при ихъ различныхъ взглядахъ и стремленіяхъ это представляло очевидное неудобство. Такъ какъ въ Римѣ рѣшено было покинуть оборонительный способъ войны и перейти въ наступленіе, то оба консула намѣревались дать рѣшительное сраженіе; но, между тѣмъ какъ Павелъ Эмилиій хотѣлъ дѣйствовать осторожно, занять выгодную позицію и выждать благоприятный моментъ, Теренцій Варронъ напротивъ спѣшилъ исполнить намѣреніе несообразуясь съ обстоятельствами.

Аннибалъ стоялъ лагеремъ на правомъ берегу мелкой рѣчки Ауфиды возлѣ селенія Канны. Римское войско расположилось неподалеку отъ него по обоимъ сторонамъ той же рѣчки, причемъ главные силы находились на лѣвомъ берегу. Аннибалъ, болѣе всего желавшій рѣшительной битвы, перешелъ было на лѣвый берегъ, и сталъ вызывать непріятеля изъ его окоповъ. Но Павелъ Эмилиій, начальствовавшій въ тотъ день, не принялъ битвы. За то на слѣдующій день Теренцій Варронъ, пользуясь своей очередью командованія, рѣшилъ вступить въ сраженіе; для чего перевелъ всю армію на правый менѣе ровный берегъ, и занялъ позицію между Каннами и Кароагенскимъ лагеремъ. Онъ до того расчитывалъ на побѣду, въ виду многочисленности и храбрости Римлянъ, что оставилъ часть войска (10.000 человекъ) на лѣвомъ берегу, поручивъ ему отрѣзать отступленіе Кароагенянамъ, когда они вздумаютъ спастись за рѣчку. Римляне построились въ свой обычный боевой порядокъ: въ центрѣ стояли густые ряды пѣхоты, подъ начальствомъ проконсула Гнея Сервилія; а по бокамъ расположилась конница; на правомъ крылѣ у рѣчки командовалъ Павелъ, на лѣвомъ у равнины Варронъ. Аннибалъ противъ Сервилія выстроилъ полумѣсяцемъ свою пѣхоту, состоящую изъ Кельтовъ, Иберійцевъ и Ливійцевъ (послѣдніе были вооружены по римскому образцу); здѣсь онъ начальствовалъ лично съ своимъ братомъ Магономъ. Противъ Павла онъ поставилъ Гасдрубала, начальника тяжелой галло-иберійской конницы, а проливъ Варрона легкихъ нумидійскихъ всадниковъ Магарбала.

Когда завязалось сраженіе, то въ центрѣ римская пѣхота скоро одержала верхъ надъ испанскими и галльскими пѣхотинцами и провела ихъ строй. Но въ это время ее самое съ обѣихъ сторонъ охватили Ливійцы, составлявшіе концы полумѣсяца; такъ что эта пѣхота, должна была пріостановить свое стремленіе впередъ и отбивать нападеніе; скучась въ тѣсную колонну, она уже не имѣла простора, чтобы развернуться. Межъ тѣмъ Гасдрубалъ, пользуясь большимъ численнымъ превосходствомъ своей тяжелой кавалеріи, стремительнымъ натискомъ опрокинулъ и разсѣялъ римскихъ всадниковъ Эмилиа Павла; потомъ онъ обскакалъ неприятельскую армію съ тыла и ударилъ на лѣвое римское крыло, гдѣ Варронъ дотолѣ успѣшно сражался съ Нумидійцами. Лѣвое крыло, атакованное съ фронта и тыла, также вскорѣ разсѣялось. Тогда неутомимый Гасдрубалъ, предоставивъ Нумидійцамъ преслѣдованіе бѣгущихъ, вновь построилъ свою конницу и энергически ударилъ въ тылъ пѣхотнымъ легіонамъ. Этотъ ударъ рѣшилъ судьбу сраженія, продолжавшагося около десяти часовъ. Затѣмъ до самаго вечера происходило безпощадное истребленіе Римлянъ и ихъ италійскихъ союзниковъ. 10.000-ный гарнизонъ римскаго лагеря на слѣдующій день большею частію былъ взятъ въ плѣнъ. Никогда Римляне не испытывали болѣе рѣшительнаго и столь жестокаго пораженія; до 70.000 ихъ легло на полѣ битвы или попали въ плѣнъ; въ числѣ павшихъ находились консулъ Павелъ, консуляръ Сервилій и до 80 сенаторовъ. Но легкомысленный Варронъ, благодаря своему доброму коню, успѣлъ съ немногими всадниками ускакать и спастись въ одну ближнюю крѣпость. Аннибалъ потерялъ менѣе 6.000 человекъ, и притомъ большею частію не Африканцевъ, а Кельтовъ, выносившихъ первые удары римской пѣхоты.

Къ довершенію Римскихъ бѣдствій около того же времени легіонъ, посланный противъ Галловъ въ Верхнюю Италію подъ начальствомъ Луція Постумія, попалъ въ засаду и былъ истребленъ Галлами.

*

Дорога къ Риму была вновь открыта для Аннибала; нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали ему воспользоваться моментомъ и нанести Римлянамъ послѣдній ударъ въ самой ихъ столицѣ. Пылкій Магарбалъ говорилъ ему: «пусти меня впередъ съ конницей, и че-

резъ пять дней ты будешь обѣдать въ Капитоліѣ». Но великій человекъ не послушалъ этихъ хвастливыхъ рѣчей. Онъ зналъ, что и послѣ пораженія при Каннахъ средства Римскаго государства все-таки были огромныя сравнительно съ его собственными. Только дней черезъ двѣнадцать послѣ битвы могъ онъ привести къ Риму свою армію, слишкомъ слабую для осады такого хорошо укрѣпленнаго и большаго города, не имѣя у себя въ тылу никакихъ надежныхъ пунктовъ опоры на случай неудачи. Аннибалъ иначе думалъ воспользоваться своею побѣдою: онъ полагалъ, что настала возможность заключить миръ, выгодный для Карфагена. Для этой цѣли онъ вошелъ въ личныя сношенія съ многочисленными римскими плѣнниками. Десятеро изъ нихъ были отправлены въ Римъ съ предложеніемъ выкупить плѣнныхъ, уплативъ по 500 денаріевъ за всадника и по 300 за легіонера. Вмѣстѣ съ ними Аннибалъ отправилъ одного изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, чтобы завязать переговоры о мирѣ.

Межь тѣмъ впечатлѣніе, какое произвела въ Римѣ вѣсть о пораженіи при Каннахъ, хотя и было очень сильное, однако отнюдь не вызвало отчаянія. Напротивъ теперь то, въ минуту страшнаго бѣдствія, въ виду величайшей опасности, при ежечасномъ ожиданіи непріятели подъ стѣнами столицы, еще сильнѣе воспрянуло древнее неукротимое мужество гражданъ. Тутъ вполнѣ сказалась ихъ безграничная преданность и довѣріе къ своему государству, ихъ желѣзная твердость, закаленная въ долгой борьбѣ какъ внутренней (между патриціями и плебеями), такъ и внѣшней (съ Италійскими народами). Теперь затихли на время возгласы демагоговъ противъ аристократіи, поставившіе во главѣ армій такихъ неспособныхъ полководцевъ какъ Фламиній и Варронъ; народная партія поняла, что ей не слѣдуетъ вмѣшиваться прямо въ военныя дѣйствія и въ назначеніе начальниковъ. Такимъ образомъ веденіе дѣлъ или руководство войною получило болѣе строгое единство, т. е. крѣпче сосредоточилось въ рукахъ Сената. Первымъ его распоряженіемъ было запретить городскія ворота и поставить стражу съ приказаніемъ никого не выпускать изъ города. Такъ какъ рѣдкое семейство не оплакивало погибшаго своего члена, и по городу раздавались вопли, то сенатъ назначилъ извѣстный срокъ для траура, чтобы не слишкомъ долго прерывалось служеніе добрымъ богамъ. Всѣ граждане, начиная съ отроческихъ лѣтъ, призваны къ оружію;

вооружены вольноотпущенные и даже нѣсколько тысячъ рабовъ, купленныхъ на счетъ государства. Вооруженіе спѣшно изготовлялось во всѣхъ мастерскихъ, и даже изъ храмовъ взяли старое оружіе, которое было отнято у непріятелей и хранилось тамъ какъ трофей. Легіонъ, готовившійся изъ Кампаніи отплыть въ Сицицію, получилъ приказаніе спѣшить въ столицу. Несчастнаго Теренція Варрона сенатъ призвалъ въ Римъ, вышелъ къ нему на встрѣчу у воротъ города и торжественно благодарилъ его за то, что онъ не отчаявался въ спасеніи отечества. Такая твердость и увѣренность конечно не замедлили произвести надлежащее впечатлѣніе. Когда прибылъ посланецъ Аннибала, то сенаторы даже не впустили его въ городъ. Они объявили ему тоже, что нѣкогда Аппій Клавдій посовѣтовалъ отвѣтить Пирру: «не можетъ быть никакихъ переговоровъ о мирѣ, пока непріятель стоитъ на Итальянской почвѣ». Они отклонили также выкупъ плѣнныхъ, хотя государство въ ту минуту болѣе всего нуждалось въ опытныхъ воинахъ; этимъ отказомъ римскіе плѣнники осуждались на суровую участь быть проданными въ рабство на рынкахъ Африки или Греческаго востока. Слѣдовательно римскимъ гражданамъ представлялось во время битвы только два исхода: или умереть, или побѣдить. Чтобы еще прочнѣе укрѣпить это сознаніе, сенатъ сурово обошелся съ тѣми, которые спаслись съ поля битвы подъ Каннами: изъ нихъ составлено два новыхъ легіона, которые были осуждены на бесплатную службу и вообще подвергнуты унижительному обращенію. Мало того, по совѣту Сивиллиныхъ книгъ, въ жертву подземнымъ богамъ, на одной изъ римскихъ площадей были живыми зарыты двѣ четы, одна греческая, другая кельтская. Однимъ словомъ, Римское правительство всѣми способами ясно показывало и своему народу и непріятелю, что оно рѣшилось вести войну до послѣдняго человѣка.

Когда надежда на заключеніе выгоднаго мира исчезла, Кароагенскій вождь съ своей стороны также усердно готовилъ средства для продолженія войны. Побѣда при Каннахъ подвинула впередъ его переговоры съ Македоніей. Подъ впечатлѣніемъ этой побѣды молодой македонскій царь Филиппъ согласился наконецъ заключить союзъ съ Кароагенянами, и обѣщалъ высадить свои войска на восточномъ берегу Италіи. Геронимъ, внукъ и преемникъ союзника Римлянъ сиракузскаго царя Герона, отсталъ отъ Рима и также заключилъ союзъ

съ Каррагеномъ. Сиракузскій флотъ соединился съ каррагенскимъ; вслѣдствіе чего находившійся у береговъ Сициліи римскій флотъ подвергся большой опасности. Но что особенно было важно: послѣ пораженія при Каннахъ поколебалась вѣрность Риму со стороны нѣкоторыхъ обитателей Средней и Южной Италіи. Вслѣдъ за этой битвой нѣкоторые города Апуліи перешли на сторону Каррагена; почти всѣ Луканцы и Брутты склонились на убѣжденія посланнаго къ нимъ Магона и отпали отъ Рима. Аннибалъ, направившійся съ войскомъ черезъ Самній въ Кампанію, лично вступилъ въ дружественныя отношенія съ большею частію Самнитянъ. Главнымъ же его пріобрѣтеніемъ было вступленіе въ Каррагенскій союзъ кампанской столицы Капуи, послѣ Рима по значенію и богатству втораго города въ цѣлой Италіи. Аристократія этого города хотѣла держаться Рима; но противная ей демократическая партія взяла верхъ. 300 Капуанцевъ числилось тогда въ римскомъ войскѣ, которое находилось въ Сициліи; обезпеченіемъ за нихъ должно было послужить такое же количество римскихъ плѣнниковъ, присланныхъ въ Капую побѣдителемъ.

Когда братъ Аннибала Магонъ изъ Бруціи переправился въ Каррагенъ и привезъ туда извѣстіе о великой побѣдѣ вмѣстѣ съ вновь заключенными союзными трактатами, народный восторгъ почти не зналъ предѣловъ. Въ сенатѣ произошла шумная сцена одобренія при появленіи Магона, когда онъ у порога залы высыпалъ цѣлый большой сосудъ золотыхъ колець, которыя были сняты съ убитыхъ и плѣнныхъ римскихъ всадниковъ. Противная Баркидамъ партія на время должна была умолкнуть, и Каррагенское правительство, вообще очень скупое на посылку денегъ и подкрѣпленій Аннибалу, на сей разъ показало щедрость: оно распорядилось отправить ему большія денежныя суммы, 4000 свѣжей нумидійской конницы и 40 слоновъ. Кромѣ того Магону поручено въ возможно скоромъ времени набрать въ Испаніи 20.000 пѣхоты и 4.000 конницы.

Въ этотъ моментъ Каррагенскій вождь стоялъ на вершинѣ своей славы и силы; а могущество Рима казалось склонившимся къ упадку. И тѣмъ не менѣ наступившій затѣмъ второй періодъ войны показывалъ всю шаткость Каррагенской силы и всю прочность Римскаго государства. Извѣстно, что уже въ слѣдующемъ (215) году, когда возобновились военныя дѣйствія, Аннибалъ началъ терпѣть неудачи. Первый изъ римскихъ полководцевъ, выигравшій у него побѣду въ

этомъ году (при Нолѣ), былъ консулъ Клавдій Марцель; онъ же спустя три года взялъ городъ Сиракузы. А спустя еще десять лѣтъ, знаменитый Корнелій Сципіонъ окончилъ войну уже въ самой Африкѣ совершеннымъ пораженіемъ великаго Карѳагенскаго вождя при Замѣ.

Главная причина такого исхода Второй Пунической войны, совершенно противоположнаго ея началу, заключалась въ большомъ различіи средствъ той и другой стороны. Перевѣсъ Карѳагенянъ въ первый періодъ войны обуславливался болѣе всего гениальными качествами ихъ вождя, его безпримѣрнымъ походомъ чрезъ Южную Галлію и чрезъ Альпійскія горы, неожиданнымъ для Римлянъ вторженіемъ въ Верхнюю Италію и возстаніемъ въ ней Галльскихъ племенъ. Но, когда война затянулась, то средства его скоро оказались недостаточными. Надежда на Македонскую помощь была обманута; царь Филиппъ явился нерѣшительнымъ, недѣятельнымъ союзникомъ. Союзъ съ нѣкоторыми средне и южно-италійскими народами также не принесъ большой помощи Аннибалу, и только помогъ ему продлить борьбу. Главныя подкрѣпленія онъ получалъ изъ Испаніи; но по мѣрѣ того какъ Сципіоны постепенно отвоевывали эту страну у Карѳагенянъ, сокращалась и та помощь, которую имѣлъ отсюда Аннибалъ. А изъ собственной Африки онъ получалъ поддержку самую незначительную; во первыхъ, Карѳагенское правительство, какъ извѣстно, далеко уступало Римскому въ твердости, единодушіи, патриотизмѣ, и нерѣдко поддавалось вліянію враговъ и завистниковъ Аннибала; во вторыхъ, военныя средства Карѳагенскаго государства не могли идти ни въ какое сравненіе съ средствами Рима. Въ послѣдній періодъ войны упорная оборонительная борьба Аннибала въ Италиі велась только при помощи его неистощимаго гения, и потому получаетъ высоко трагическое значеніе въ исторіи.

Межъ тѣмъ на противной сторонѣ мы видимъ иныя условія и обстоятельства. По мѣрѣ того какъ Римляне получали чувствительные удары и война затягивалась, росли ихъ энергія, стойкость и патриотизмъ, т. е. готовность всемъ жертвовать для спасенія своего отечества. вмѣстѣ съ тѣмъ выступали наружу тѣ прочныя государственныя связи, которыми Римъ успѣлъ привязать къ себѣ Италійскіе народы. Хотя Аннибалу и удалось послѣ Каннской побѣды склонить на свою сторону Луканцевъ, Бруттовъ, часть Самнитянъ и Кампанцевъ; но,

главное ядро Римской силы, собственно Латинскіе народы остались ему неизмѣнно преданными; южно-италійскіе Греки также сохранили вѣрность Риму, не смотря на свою относительно недолгую принадлежность Римскому государству. На эту вѣрность не мало вліяли племенные чувства: Латины сильно не любили главныхъ Аннибаловыхъ союзниковъ, т. е. Кельтовъ, зная ихъ буйный нравъ и помня ихъ опустошительные набѣги на Среднюю Италію; а Греки издревле питали антипатію къ Карфагенянамъ какъ и вообще къ Семитическому племени.

Хотя Римъ и остался побѣдителемъ; однако борьба съ нимъ геніальнаго Карфагенянина оставила глубокіе слѣды въ его исторіи. Аннибалъ потрясъ Римское государство до самыхъ его основаній, и оно нескоро могло оправиться отъ нанесенныхъ имъ ударовъ. Продолжительная война, веденная на Италійанской почвѣ, истребила цвѣтъ гражданскаго населенія, разстроила сельско-хозяйственное благосостояніе Италіи и сильно увеличила количество пролетаріевъ въ самомъ Римѣ. А этотъ пролетарьятъ потомъ играетъ важную роль въ послѣдующей борьбѣ партій и внутреннихъ смутахъ.

XIII.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ И ПОСЛѢДНІЕ РЕСПУБЛИКАНЦЫ *).

Усмиреніе возмущившихся легионовъ.—Республиканцы въ Африкѣ.—Ихъ вожди. Высадка Цезаря и побѣда при Тапсѣ.—Смерть Катона Утическаго.—Триумфы, побѣда при Мундѣ и пожизненная диктатура.—Личность Цезаря.—Римская колонизація, заботы о провинціяхъ и другія правительственныя мѣры.—Враги диктатора и заговоръ на его жизнь.—Маркъ Брутъ и Кассій.—Порція.—Тщетныя предупрежденія Цезарю. Сцена его убіенія въ сенатѣ.

Послѣ Фарсальской битвы протекло болѣе года прежде чѣмъ Юлій Цезарь воротился въ Римъ; война Александрійская въ Египтѣ, война съ Фарнакомъ въ Малой Азіи и нѣкоторые другія дѣла задержали его на востокѣ. Наконецъ въ сентябрѣ 47 г. до Р. X. онъ прибылъ въ столицу. Еще прежде его прибытія сенатъ присудилъ побѣдителю разнаго рода почести, между прочимъ статуи и вѣнки; а, главное, онъ вручилъ ему диктатуру на одинъ годъ и консульство на пять лѣтъ. Это уже было почти возстановленіе монархіи.

Однако борьба съ республиканцами и помпеянцами еще не кончилась. Остатки Помпеянской партіи спаслись въ провинцію Африку, т. е. бывшую Карфагенскую область, и тамъ успѣли собрать значительныя вооруженныя силы. Цезарь сталъ готовиться къ новому похо-

*) Источники: *Ю. Цезарь* (войны въ Африкѣ и въ Испаніи), *Діонъ Кассій*, *Антианъ*, *Плутархъ* (біографіи Катона Младшаго, Юлія Цезаря и Брута), *Светоній* (біографіи двѣнадцати Цезарей или императоровъ, начиная съ Юлія Цезаря). Пособія упомянуты выше: Момсенъ, Веберъ, Дюрри, Герцбергъ, Ранке. Кромѣ того, *Друмана*—*Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung* (I—VI B. 1834—1844), *Шампаньи*—„Исторія Цезарей“ (рус. переводъ Киреева. М. 1882), *Меривеля*—*A History of the Romans under the Empire*.

ду; но посреди своихъ приготовленій онъ былъ задержанъ возстаніемъ собственныхъ легіоновъ.

Эти легіоны, отпущенные въ Италію послѣ Фарсальской битвы и расположенные преимущественно въ Кампаніи, уже болѣе года вели здѣсь праздную и привольную жизнь въ отсутствіе своего полководца. Они думали, что настала концевъ тяжелымъ трудамъ и лишеніямъ, которыя они несли долгое время то въ Галліи и Британіи, то въ Испаніи и Фессаліи. Легіонеры даже перестали соблюдать обычную дисциплину и часто отказывали въ повиновеніи своимъ ближайшимъ начальникамъ. Вдругъ они получили приказъ отплыть въ Сицилію для того, чтобы оттуда переправиться въ Африку. Такой приказъ вызвалъ открытое возмущеніе. Легіоны потребовали, чтобы имъ прежде выдали обѣщанныя награды деньгами и земельными участками. Посланцы диктатора, пытавшіеся уговаривать солдатъ, встрѣчены камнями. Тщетны были новыя обѣщанія выдать послѣ похода умноженные награды. Солдаты не хотѣли ни о чемъ слышать, и наконецъ двинулись къ Риму, чтобы въ самой столицѣ предъявить свои требованія; нѣсколько начальниковъ, старавшіеся удержать бунтовщиковъ, были убиты. Столица очутилась въ опасности подвергнуться страшному грабежу отъ бушующей военной массы. Цезарь разставилъ у городскихъ воротъ немногія находившіяся у него подъ рукою войска; а самъ, не внимая предостереженіямъ друзей, смѣло и рѣшительно явился посреди мятежниковъ, которые уже стояли на Марсовомъ полѣ. Онъ взошелъ на ораторскую трибуну и обратился къ солдатамъ съ вопросомъ, чего они хотятъ.

«Отставки» — закричали ему со всѣхъ сторонъ.

«Я вамъ ее даю, квивиты!» — отвѣтилъ Цезарь.

Солдаты были поражены такимъ неожиданнымъ для нихъ отвѣтомъ и тотчасъ стихли. А что касается обѣщанныхъ подарковъ, продолжалъ Цезарь, то они будутъ розданы въ тотъ день, когда онъ будетъ праздновать свой триумфъ съ другими легіонами; но легіонеры, отпущенные ранѣе, въ семь триумфѣ конечно участвовать не могутъ. Послѣднее заявленіе вождя окончательно смутило мятежниковъ. Они считали себя необходимыми, ожидали просьбъ, и вдругъ получаютъ отставку безъ всякаго затрудненія; предстоявшій триумфъ другихъ войскъ и исключеніе ихъ самихъ изъ этого триумфа немало ихъ опечалило; сильно не понравилось имъ и обращеніе Цезаря съ

словомъ «квириты,» т. е. граждане, вмѣсто прежняго «военные товарищи». Все это вмѣстѣ съ тѣмъ обаяніемъ, которое производила самая личность любимаго вождя, такъ подѣйствовало на толпу, что она послѣ минутнаго безмолвія быстро перешла къ раскаянію и стала просить о прощеніи и возвращеніи прежней милости. Невдругъ Цезарь согласился на ея просьбу, а только послѣ многихъ и усиленныхъ настояній. Сначала онъ исключилъ изъ своей милости столь прежде ему преданный Десятый легіонъ, возмущеніе котораго для него было особенно прискорбно. Тогда легіонеры предложили произвести у себя «децимацію», т. е. казнить каждаго десятаго человѣка. Но наконецъ Цезарь простилъ и этотъ легіонъ. Усмиреніе легіоновъ однимъ личнымъ появленіемъ среди ихъ и нѣсколькими мѣтко направленными словами является однимъ изъ самыхъ блистательныхъ подвиговъ Цезаря, и яснѣе всего свидѣтельствуемъ о его глубокомъ знаніи человѣческаго сердца, о его геніальности.

Послѣ того Цезарь не медлилъ болѣе походомъ въ Африку.

Тамъ собрались остатки Помпеевой арміи, разбитой при Фарсалѣ; къ нимъ присоединились африканскіе гарнизоны, а также гарнизоны западнаго побережья Греціи. Сюда удалились вожди Помпеянскон и республиканскон партіи: одинъ изъ консуляровъ Метеллъ Сципіонъ, тещъ Помпея; два сына послѣдняго, Кней и Секетъ; правнукъ Катона Цезаря Маркъ Катонъ Младшій; нѣкоторые храбрые военачальники какъ Лабіентъ, Афраній, Петрей и др. Важнымъ союзникомъ этой партіи явился нумидійскій царь Юба, притязавшій на главное командованіе и присвоившій себѣ исключительное право носить пурпуровую одежду въ лагерѣ. Душою партіи былъ умный, отлично образованный Маркъ Катонъ, страстный республиканецъ и усердный послѣдователь Стоической философскон школы; армія желала имѣть его своимъ предводителемъ. Но этотъ строгій почитатель республиканскихъ учрежденій отклонилъ отъ себя начальство и предоставилъ его старшему передъ собою сановнику, т. е. консуляру Метеллу; хотя прежде былъ его личнымъ врагомъ и въ Фессаліи могъ убѣдиться въ недостаткѣ у него военныхъ способностей.

Благодаря тому обстоятельству, что Цезарь долго оставлялъ въ покоѣ Африканскую провинцію, республиканскон партія успѣла не только вооружить нѣсколько старыхъ легіоновъ, но и умножить ихъ число насильно набранными людьми въ самой этой провинціи, а так-

же заготовить большое количество военныхъ припасовъ и продовольствія, силою собраннаго съ жителей и свезеннаго въ наиболѣе укрѣпленные города. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ вспомогательными войсками Юбы республиканцы имѣли въ своемъ распоряженіи 14 пѣхотныхъ легионовъ, многочисленную нумидійскую легкую конницу, отрядъ тяжелой конницы изъ Кельтовъ и Германцевъ, 120 боевыхъ слоновъ и болѣе пятидесяти военныхъ кораблей. Что бы предупредить измѣну, вожди рѣшили жестоко наказывать всякую мѣстную общину, которая обнаруживала наклонность къ противной партіи; особенно свирѣпствовалъ при этомъ полудикій царь Нумидійскій. Въ примѣръ другимъ одинъ городъ (Вага, близъ Гадрумета) былъ сожженъ, и жители его перебиты. Юба хотѣлъ подвергнуть такой же участи и самую Утику, главный городъ Африканской провинціи, котораго граждане обвинялись въ расположеніи къ Цезарю. Но Катонъ, основавшій тутъ свое мѣстопробываніе, энергически воспротивился покушенію Юбы на Утику. Тутъ же устроился и новый республиканскій сенатъ или, какъ его называли, «Совѣтъ Трехсотъ», пополненный отчасти богатыми туземцами изъ сословія всадниковъ. Добровольною складчиною члены этого правительства собрали значительный денежный капиталъ на военныя издержки.

Прибывъ въ сицилійскую гавань Лилибей, диктаторъ не сталъ ждать, пока соберутся сюда всѣ назначенныя въ походъ войска, и поплылъ къ Африкѣ съ шестью легионами; изъ нихъ пять состояли изъ новобранцевъ. Непрiятельскій флотъ не помѣшалъ его плаванію вслѣдствіе бурь, свирѣпствующихъ въ это время года (въ октябрѣ). Но тѣ же бури разсѣяли корабли Цезаря; такъ что онъ присталъ къ берегу недалеко отъ Гадрумета только съ 3.000 человекъ пѣхоты и 150 всадниками. Безпечность республиканскихъ вождей дала ему возможность завладѣть близъ лежащими гаванями Руспиной и Малымъ Лептисомъ, окопаться здѣсь и подождать, пока постепенно собирались къ нему разсѣянные бурей корабли. Нуждаясь въ продовольствіи, Цезарь двинулся было изъ укрѣпленнаго лагеря внутрь страны, съ частью своей неопытной пѣхоты; но тотчасъ былъ окруженъ превосходными непрiятельскими силами, состоявшими изъ конницы и стрѣлковъ, подъ начальствомъ Лабіена; только благодаря личному своему мужеству и искусству, Цезарь успѣлъ отступить

обратно въ лагерь. Тутъ онъ рѣшилъ терпѣливо выжидать прибытія своихъ ветерановъ; а между тѣмъ дѣятельно занялся обученіемъ новобранцевъ и изготовленіемъ военныхъ машинъ, не переставая тревожить непріятели медкими вылазками. Подвозимый по немногу съ моря хлѣбъ онъ умѣренно раздавалъ войскамъ, а коней велѣлъ пока кормить травой, собираемою въ морскихъ заливахъ. Его политическое искусство скоро нашло себѣ союзниковъ въ самой Африкѣ. Во первыхъ, ему удалось поднять противъ Юбы Гетульскія племена, кочевавшія на южныхъ склонахъ Атласа. Кромѣ того, въ качествѣ союзниковъ Цезаря, на владѣнія Юбы напали мавританскій царь Бокхъ и одинъ изъ товарищей Катилины, Публий Ситтій, бѣжавшій когда то въ Африку и тамъ успѣвшій собрать вокругъ себя вооруженную толпу, съ которою онъ производилъ разные набѣги. Эти обстоятельства заставили Юбу отдѣлать часть своихъ войскъ для защиты собственныхъ владѣній.

Тѣмъ не менѣе положеніе Цезаревой арміи, стѣсненной на узкой береговой мѣстности, оставалось очень труднымъ, пока не прибыли наконецъ ожидаемые имъ старые легіоны. Въ то же время африканскіе города, ожесточенные разореніемъ и всякими притѣсненіями отъ республиканцевъ, начали открыто переходить на противную сторону, гдѣ только обстоятельства имъ позволяли.

Катонъ совѣтовалъ Метеллу избѣгать рѣшительной битвы съ Цезаремъ и только пресѣчь ему всѣ средства для продовольствія арміи; а также предлагалъ произвести возстаніе въ самой Италіи, чтобы развлечь силы диктатора. Но Метеллъ, надмѣнный нѣсколькими незначительными успѣхами, пренебрегалъ подобными совѣтами, и расположилъ свое главное войско въ виду противника. Когда къ Цезарю прибыли его старые легіоны, онъ тотчасъ постарался вовлечь непріятели въ рѣшительное сраженіе, и для того двинулся на сосѣдній прибрежный городъ Тапсъ, гдѣ были собраны большіе запасы продовольствія. Чтобы спасти этотъ городъ, Метеллъ и Юба также приблизились къ нему. Но здѣсь, въ то время когда часть ихъ войскъ еще занята была устройствомъ укрѣпленнаго лагеря, они подверглись нападенію. Ветераны диктатора, особенно знаменитый Десятый легіонъ, до того горѣли желаніемъ битвы, что ринулись впередъ, не дожидаясь приказанія военачальниковъ. Тогда Цезарь успѣшилъ стать въ ихъ главѣ, и повелъ ихъ въ бой. Слоны, выстроенные на одномъ

крылѣ республиканцевъ, посредствомъ метательныхъ снарядовъ были прогнаны назадъ и обратились на собственныя войска. Затѣмъ сбиты центръ и другое крыло. Разбитая армія тщетно искала защиты въ новомъ лагерѣ, который еще не былъ укрѣпленъ; а старый лагерь находился далеко. Поэтому легионеры Цезаря, наскучившіе и ожесточенные непрекращавшимися междоусобными войнами, безъ помѣхи и безъ пощады рубили республиканцевъ и нумидійцевъ, не внимая ни мольбамъ побѣжденныхъ, ни увѣщаніямъ своихъ начальниковъ. Говорятъ, до 50,000 труповъ покрыли поле битвы, тогда какъ побѣдители потеряли всего 50 человекъ.

Многіе вожди помпейцевъ и республиканцевъ погибли или въ битвѣ при Тапсѣ или немедленно послѣ нея. Главный начальникъ Метеллъ Сципіонъ успѣлъ сѣсть на корабль, но захваченный въ морѣ неприятелями, закололъ себя, чтобы не отдаться въ ихъ руки. Царь Юба заранѣе приготовилъ въ своемъ городѣ Замѣ громадный костеръ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ пораженія сжечь себя на немъ вмѣстѣ съ своими сокровищами, женами и дѣтьми и самый городъ также предать пламени. Но граждане не имѣли никакой охоты сгорѣть вмѣстѣ съ новымъ Сарданапаломъ, и отказались отворить ему ворота, когда онъ приискалъ сюда въ сопровожденіи Марка Петрея. Тогда Юба остановился въ своей загородной дачѣ устроилъ здѣсь пиръ, и послѣ него предложилъ Петрею смертельный поединокъ. Петрей палъ въ этомъ поединкѣ; а полудикій царь велѣлъ заколоть себя одному изъ своихъ рабовъ.

Межъ тѣмъ Катонъ, получивъ извѣстіе о пораженіи при Тапсѣ, созвалъ совѣтъ Трехсотъ, для обсужденія вопроса что предпринять. Нѣкоторые члены предложили было энергически защищаться до конца, собрать въ Утику остатки разбитой арміи и даже вооружить всѣхъ рабовъ. Но такой пылъ скоро прошелъ. Противъ вооруженія или освобожденія рабовъ конечно возстали бы ихъ владѣльцы, и самъ Катонъ счелъ эту мѣру незаконнымъ захватомъ частной собственности. Притомъ настроеніе гражданъ Утики оказалось рѣшительно противъ дальнѣйшей борьбы. Бѣжавшій сюда съ поля битвы, большой отрядъ конницы едва не подвергъ городъ разграбленію за его негостепримную встрѣчу, и только усиліямъ Катона удалось предотвратить бѣдствіе. Онъ постарался успокоить солдатъ раздачею имъ денегъ; посадилъ на стоявшіе въ гавани суда тѣхъ оптиматовъ, ко-

торые могли опасаться мненія со стороны побѣдителей, и далъ имъ возможность спастись бѣгствомъ. Потомъ, видя, что болѣе онъ ничего не можетъ сдѣлать для республики, Катонъ не хотѣлъ пережить ее, и рѣшилъ покончить съ собою. Вечеромъ, по обычаю, онъ взялъ ванну и ужиналъ съ своими друзьями. Послѣ ужина за стаканами вина начался философскій разговоръ, и возникъ споръ по поводу нѣкоторыхъ положеній Стоической школы. Катонъ такъ горячо ихъ отстаивалъ, что друзья тотчасъ заподозрили его въ намѣреніи лишить себя жизни, и встревожились. Но онъ успѣшилъ ихъ успокоить; простился съ ними, легъ въ постель, и началъ читать Платоновъ „Федонъ“, т. е. его діалогъ о кончинѣ Сократа, наполненный разсужденіями о безсмертіи души. Вдругъ онъ замѣтилъ, что нѣтъ меча, обыкновенно висѣвшаго надъ его изголовьемъ: оказалось, что сынъ Катона спряталъ его. Онъ потребовалъ мечъ и даже ударилъ раба, который медлилъ исполнить приказаніе. Тогда сынъ и друзья приблизились къ Катону, и со слезами умоляли его сохранить свою жизнь. Катонъ снова увѣрилъ ихъ, что они ошибаются, и что онъ только не хочетъ остаться безоружнымъ при появленіи Цезаря. Получивъ мечъ, онъ снова принялся за чтеніе, и потомъ заснулъ. Когда стало разсвѣтать и началось щебетанье птицъ, Катонъ проснулся, и вонзилъ мечъ въ свою грудь такъ, что внутренности его вышли наружу. Шумъ отъ паденія его съ постели поднялъ на ноги весь домъ. Явился медикъ, вложилъ внутренности и перевязалъ рану. Но, очнувшись отъ обморока, Катонъ сорвалъ перевязки, и тотчасъ испустилъ духъ.

Едва совершилось его погребеніе, какъ Цезарь явился у воротъ Утики, и онѣ тотчасъ растворились передъ нимъ. Онъ милостиво обошелся съ гражданами; а, находившійся здѣсь съ отцомъ, младшій сынъ Катона былъ оставленъ на свободѣ и потомъ мирно наследовалъ отцовское имущество. Но Цезарь своимъ яснымъ практическимъ умомъ хорошо понималъ, какое возбуждающее дѣйствіе можетъ оказывать на общественное мнѣніе память объ этомъ честномъ, непреклонномъ характерѣ, и какъ республиканцы будутъ возводить его въ свой идеалъ. Посему, когда Цицеронъ написалъ похвальное слово Катону, Цезарь въ свою очередь сочинилъ на него ѣдкій отвѣтъ подъ заглавіемъ „Анти-Катонъ“.

Послѣ побѣды диктаторъ прежде всего занялся устроеніемъ дѣлъ въ

Африкѣ. При чемъ онъ упразднилъ Нумидійское царство; западную часть отдалъ въ награду своимъ Мавретанскимъ союзникамъ; а большую, восточную, подъ именемъ „Новой Африки“, присоединилъ къ Африканской провинціи. Битвою при Тапсѣ было упрочено то, что совершилось битвою при Фарсалѣ, т. е. монархія Юлія Цезаря. Воротясь въ Италію, онъ нашелъ только покорный себѣ народъ, который осыпалъ его всѣми возможными почестями и выраженіями благодарности за восстановление внутренняго мира и спокойствія, а главное, ему предоставлено было диктаторское достоинство на десять лѣтъ. Въ теченіе одного мѣсяца онъ праздновалъ четыре триумфа: галльскій, египетскій, понтійскій и наконецъ африканскій, т. е. праздновалъ только побѣды надъ иноземцами, а не надъ римскими соперниками, чтобы не оскорблять гражданскаго чувства. Уже то обстоятельство, что въ триумфѣ несены были изображенія побѣжденныхъ римскихъ предводителей (исключая Помпея), не понравилось народу. Военная добыча, участвовавшая въ триумфальныхъ церемоніяхъ, заключала въ себѣ до 60.000 талантовъ золотою и серебряною монетою и 2822 золотыхъ вѣнга. Легіонамъ были розданы великолѣпныя награды: простые легіонеры получали по 26.000 сестерцій (около 1200 серебряныхъ рублей), нисшіе начальники вдвое, военные трибуны вчетверо. Ветеранамъ кромѣ того розданы земельные участки въ разныхъ областяхъ. Граждане Рима не только получили роскошное угощеніе на счетъ триумфатора, но также и денежные подарки; бѣднымъ кромѣ того раздавались хлѣбъ, масло и годовая плата за ихъ жилища.

Цезарь зналъ страсть Римской черни къ публичнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ, и не щадилъ издержекъ, чтобы утѣшить народъ въ упадкѣ республиканской свободы. Драматическія представленія, гладиаторскія битвы, травля звѣрей, гимнастическія игры, бѣгъ колесницъ, морское сраженіе на большомъ искусственно-устроенномъ бассейнѣ—смѣняли другъ друга въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. На эти праздники народъ стекался со всей Италіи, такъ что цѣлыя толпы принуждены были проводить ночи подъ открытымъ небомъ, и много людей погибло во время сильной давки.

Но гражданская война еще не кончилась. Въ апрѣлѣ 46 г. до Р. Х. Цезарь побѣдилъ при Тапсѣ, а осенью того же года онъ долженъ былъ предпринять новый походъ, въ Испанію. Сюда бѣжали изъ Африки нѣкоторые оставшіеся въ живыхъ предводители помпеянцевъ

и республиканцевъ, а именно, оба сына Помпея, Лабіенъ и Аттіи Варъ. Они еще разъ собрали вокругъ себя остатки своей партіи, и при этомъ получили помощь отъ храбрыхъ туземныхъ племенъ, которыя были раздражены грабительствами и притѣсненіями римскихъ намѣстниковъ и надѣялись теперь освободиться отъ Римскаго господства. Республиканцы успѣли вооружить здѣсь 13 легионовъ, подъ главнымъ начальствомъ Кнея Помпея. Войско это такъ стѣснило Цезаревыхъ намѣстниковъ, что диктаторъ самъ долженъ былъ стѣшиться къ нимъ на помощь. Цѣлую зиму онъ провелъ въ приготовленіяхъ и мелкихъ стычкахъ; только весною 45 года оба войска встрѣтились для рѣшительной битвы около города Мунды, лежавшаго въ южной части Иберійскаго полуострова (провинція Бетика).

Сраженіе было очень упорное; дрались цѣлый день. Когда Цезарь увидалъ, что его ветераны стали уступать, то закричалъ имъ: «развѣ вы хотите меня выдать этимъ мальчикамъ?» Затѣмъ, обнажилъ голову, и сталъ пѣшій биться въ переднихъ рядахъ; его щитъ покрылся непріятельскими стрѣлами. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что при Мундѣ сражался не за побѣду, а за самую жизнь. Только къ вечеру его союзникъ, мавретанскій князь Богудъ, успѣлъ съ своей конницей зайти въ тылъ непріятелю, что побудило Лабіена обратить противъ него часть войскъ съ своего праваго крыла. Цезарь съ обычною находчивостью воспользовался моментомъ. «Они бѣгутъ!» воскликнулъ онъ указывая на движеніе, происшедшее на этомъ крылѣ. Воскличаніе его пронеслось по рядамъ цезарьянцевъ; ветераны ударили съ новымъ одушевленіемъ, и наконецъ выиграли битву. Болѣе 30.000 непріятельскихъ труповъ покрыли поле. Въ числѣ павшихъ находились Лабіенъ и Варъ; Кней Помпей убитъ во время бѣгства. А его братъ Секстъ спасся, и впослѣдствіи еще разъ явился на исторической сценѣ.

По возвращеніи изъ Испаніи побѣдитель праздновалъ свой пятый триумфъ. Сенатъ и народъ осыпали его новыми почестями. Сенатъ объявилъ его пожизненнымъ диктаторомъ, а также консуломъ, цензоромъ и императоромъ. Послѣдній титулъ былъ прежде только почетнымъ; онъ обыкновенно давался полководцу, одержавшему побѣду, и послѣ триумфа слагался. Въ лицѣ Цезаря достоинство императора пріобрѣло значеніе высшей административной и военной власти въ государствѣ. Въ качествѣ верховнаго первосвященника (*pontifex ma-*

himus) онъ надзиралъ за религіозными учрежденіями; а достоинство народнаго трибуна сдѣлало его личность священной и неприкосновенною. Такимъ образомъ онъ соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ высшія должности Римской республики, т. е. на дѣлѣ былъ уже абсолютнымъ монархомъ. Его привѣтствовали какъ «освободителя» и «отца отечества», повсюду и даже въ храмахъ поставили его статуи, а мѣсяцъ Квинтилисъ, въ которомъ онъ родился, назвали его именемъ т. е. Юліемъ (іюль). На римскихъ монетахъ появилось его изображеніе.

Когда Цезарь избавился отъ всѣхъ соперниковъ и достигъ верховной власти въ Римской республикѣ, онъ находился въ полномъ развитіи своихъ силъ. Ему было около 55 лѣтъ отъ роду. Высокій, худощавый, съ черными, живыми глазами, тонкими чертами лица, онъ еще въ значительной степени сохранялъ свою привлекательную наружность и привычку хорошо одѣваться. Только верхняя часть головы, рано обнажившаяся отъ волосъ, не мало его огорчала, и онъ съ благодарностью принялъ данное ему Сенатомъ право постоянно носить на головѣ лавровый вѣнокъ. Во время своей молодости Цезарь никому изъ сверстниковъ не уступалъ въ погонѣ за всякаго рода удовольствіями, особенно за романическими приключеніями. Но его крѣпкій, упругій организмъ выдержалъ излишества бурной, распущенной молодости, такъ что до конца отличался тѣлесною силою и бодростію духа. Впрочемъ съ лѣтами онъ сдѣлался очень воздерженъ и удалялся отъ пировъ и попойекъ; только къ романическимъ приключеніямъ оставался неравнодушенъ *). Онъ былъ доволенъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, искусно владѣлъ оружіемъ и хорошо ѣздилъ верхомъ; умѣнье плавать спасло ему жизнь въ Александріи. Въ военное время онъ не поддавался никакому утомленію, никакимъ лишеніямъ, и служилъ примѣромъ для своихъ сол-

*) О его репутациі въ семь отношеніи свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя пѣсенки, сочиненныя его собственными легіонерами. Извѣстно, что во время триумфальнаго вѣзда въ Римъ, воины, сопровождавшіе триумфатора, имѣли обычай распѣвать какіе либо насмѣшливые стихи на его счетъ. Во время триумфа, полученнаго Цезаремъ за покореніе Галліи, его легіонеры между прочимъ пѣли стихотвореніе, начинавшееся словами: „Горожане, берегите вашихъ женъ“. (Urbani, servate uxores, etc. Светоній. LI.).

дать. Его необычайныя и разностороннія способности, соединенныя съ желѣзною силою воли, были поистинѣ удивительны. Благодаря громадной памяти, любознательности и наблюдательности, онъ владелъ обширными и самыми разнообразными свѣдѣніями; при этомъ совмѣщалъ въ себѣ блестящій литературный талантъ, замѣчательное ораторское искусство, геній полководца и администратора. Надъ всѣми этими способностями господствовалъ его свѣтлый, практическій умъ, который умѣлъ отличать возможное отъ несбыточнаго; никакой успѣхъ не увлекалъ его къ фантастическимъ планамъ, и онъ всегда преслѣдовалъ только достижимое (чѣмъ собственно и отличался отъ своего историческаго образца, т. е. отъ Александра Македонскаго). Высшее призваніе Цезаря сказалось въ томъ, что онъ былъ политическій организаторъ или государственнѣйшій человѣкъ въ полномъ значеніи слова. И такое высшее призваніе онъ успѣлъ наглядно доказать въ короткое время своего управленія Римскимъ государствомъ.

Приведемъ нѣкоторыя важнѣйшія стороны его государственной дѣятельности за это время.

Вслѣдствіе даровой раздачи хлѣба, какъ извѣстно, въ Римѣ стекались праздныя и буйныя толпы черни, которыя постоянно угрожали общественному спокойствію. Цезарь постарался уменьшить это зло и вмѣстѣ облегчить бремя, лежавшее на государственной казнѣ. Онъ приказалъ ежегодно составлять точныя списки дѣйствительно нуждающимся въ пропитаніи и только имъ выдавать хлѣбъ. Такимъ образомъ число 320.000 человѣкъ, пользовавшихся казеннымъ хлѣбомъ, уменьшилось до 150.000. Чтобы украсить Римъ и вмѣстѣ дать работу бѣднымъ людямъ, онъ затѣялъ разныя изящныя постройки (напримѣръ, Forum Julium между Капитоліемъ и Палатиномъ).

Что бы по возможности очистить столицу и другія мѣста Италіи отъ излишняго, безпокойнаго пролетарьята и вмѣстѣ обратить его въ полезныхъ зажиточныхъ гражданъ, Цезарь началъ вводить систему провинціальной колонизаціи въ широкихъ размѣрахъ. Такъ, несмотря на краткость своего правленія, онъ успѣлъ до 80,000 италійцевъ, въ томъ числѣ многихъ своихъ ветерановъ, поселить въ разныхъ областяхъ государства, щедро надѣливъ ихъ землю, и основать тамъ новые города и селенія. Эта колонизація имѣла очень важныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что она крѣпче связывала разнообразныя и разноплеменные провинціи съ Римомъ, и подвинула впе-

редь ихъ романизацию, т. е. распространеніе въ нихъ Латинскаго языка и вообще Римской гражданственности. Наибольшее число своихъ колонистовъ Цезарь направилъ въ Галлію, особенно Южную, и отчасти въ Испанію; благодаря чему, романизация сихъ странъ сдѣлала потомъ такіе быстрые успѣхи. Онъ основалъ также римскія колоніи въ Греціи на мѣстѣ древняго Коринеа и въ Африкѣ на мѣстѣ Карфагена, чѣмъ вновь вызвалъ къ жизни эти разрушенные города. На востокѣ при немъ появились италійскія колоніи въ виаинской Гераклеѣ, въ Синопѣ и финикійскомъ Беритѣ.

Кромѣ колоніальной системы, дальновидный диктаторъ распространялъ романизацию и другимъ путемъ: посредствомъ расширенія гражданскихъ правъ. Транспаданской Галліи онъ даровалъ полныя права римскаго гражданства, чѣмъ окончательно сплотилъ ее съ остальной Италіей. А за предѣлами Италиі онъ щедро раздавалъ латинское право, преимущественно въ Сициліи, Испаніи и Галліи Транзальпинской. Сія послѣдняя была предметомъ особыхъ попеченій Цезаря, какъ лично имъ завоеванная и послужившая къ его возвышенію. Онъ раздѣлилъ ее на три провинціи, т. е. отъ старѣйшей Нарбонской области отдѣлилъ въ административномъ отношеніи Лугдунскую съ Аквитаніей и Бельгику.

Вообще Цезарь большія заботы посвятилъ хорошему управленію и благосостоянію провинцій. Съ одной стороны предшествовавшія гражданскія войны, съ другой римскіе аристократы—намѣстники, смотрѣвшіе на свои области какъ на средство личнаго обогащенія, разорили и вообще привели въ сильный упадокъ многія области государства. Цезарь началъ строго наблюдать за поведеніемъ намѣстниковъ, такъ что они перестали играть роль почти самостоятельныхъ сатраповъ и сдѣлались дѣйствительными намѣстниками императора. Хотя онъ попрежнему назначалъ ихъ изъ высшихъ сановниковъ римскихъ, т. е. бывшихъ консуловъ и преторовъ, но за то дѣлалъ изъ нихъ осмотрительный выборъ и сообразовался съ ихъ личными качествами. Для охраненія внѣшней безопасности и спокойствія, онъ располагалъ римскіе легіоны преимущественно въ пограничныхъ областяхъ, и легіонеровъ, выслужившихъ свой срокъ, поселялъ въ тѣхъ же областяхъ. Онъ обратилъ вниманіе также на введеніе въ провинційхъ болѣе однообразной монетной системы, и съ того времени римскій динарь во всемъ Римскомъ мірѣ, особенно въ западной его

части, получилъ господствующее значеніе. Кромѣ того Цезарь старался облегчить для провинцій бремя налоговъ и вымогательства откупщиковъ; при чемъ прямыя подати онъ пересталъ отдавать на откупъ.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ естественно было болѣе тѣсное, внутреннее объединеніе провинцій съ Италіей; такъ что провинціалы переставали служить для итальянцевъ только предметомъ всякаго рода эксплуатаціи и находиться къ нимъ въ отношеніяхъ подданства; тѣ и другіе теперь равно сдѣлались подданными императора. Возникшія отсюда новыя отношенія провинцій къ государственному центру и, твердою рукою двинутое впередъ, политическое и культурное объединеніе всѣхъ странъ, окружающихъ Средиземное море, составляютъ самую важную заслугу, самую важную сторону дѣятельности Цезаря какъ монарха. Въ этомъ отношеніи онъ положилъ начало и показалъ пути, которымъ слѣдовали потомъ его преемники, начиная съ Октавія Августа. Извѣстно, напримѣръ, что постепенное распространеніе правъ гражданства на всѣ области Имперіи закончилось при Каракаллѣ. Правительственныя мѣры Цезаря навсегда послужили образцами для будущихъ императоровъ. Извѣстно также, что главное значеніе Императорскаго періода въ Римской исторіи заключается именно въ распространеніи греко-латинской образованности на всемъ пространствѣ римскихъ провинцій.

Далѣе, Цезарь употреблялъ разные способы, чтобы облегчить бремя долговъ, не слишкомъ нарушая интересы заимодавцевъ; ограничить сильное распространеніе роскоши, особенно въ отношеніи изысканнаго стола и дорогихъ надгробныхъ памятниковъ; поднять сельское хозяйство въ Италіи; ввести лучшій порядокъ въ государственныя финансы. Онъ хотѣлъ осушить Понтійскія болота, прорыть Коринѣскій перешеекъ, и т. п. Онъ старался также поощрять искусства и умственное образованіе; между прочимъ всѣмъ находившимся въ Римѣ преподавателямъ или мастерамъ свободныхъ искусствъ, въ томъ числѣ медикамъ, даровалъ права римскаго гражданства. Онъ задумалъ основать великолѣпную публичную бібліотеку (по образцу Александрійской), и поручилъ собирать для нея рукописи знаменитому ученому того времени Теренцію Варрону. Наконецъ, въ качествѣ первосвященника, Цезарь обратилъ вниманіе на запутанность римскаго календаря, основаннаго на лунномъ годѣ, и поручилъ испра-

вить его александрійскому ученому Созигену. Тогда принять былъ годъ солнечный, состоящій изъ 365 дней и 6 часовъ; эти шесть часовъ отдѣлялись, чтобы изъ нихъ въ каждый четвертый годъ (высокосный) составился цѣлый лишній день. Сей «Юліанскій» календарь вошелъ въ употребленіе съ 1 января 45 г. до Р. X.

Въ дѣлѣ внѣшней политики Цезарь не искалъ новыхъ завоеваній, а желалъ только упрочить за Римомъ его владѣнія и обезпечить ему долгій миръ. Съ этою цѣлью онъ имѣлъ въ виду предпринять еще два похода: одинъ на нижній Дунай, чтобы смирить обитавшія тамъ воинственныя племена Гетовъ; другой на Евфратъ, чтобы отомстить Пароянамъ за пораженіе, нанесенное арміи Красса, и возстановить на востокѣ уваженіе къ Римскому имени.

Но многимъ его начинаніямъ былъ положенъ предѣлъ его внезапною, насильственною смертію.

*

Цезарь, какъ захватившій верховную власть въ республикѣ, въ сущности былъ тоже, что древніе греческіе тиранны. Но эти тиранны обыкновенно старались укрѣпить свою власть помощью военной силы и жестокими преслѣдованіями своихъ противниковъ. Цезарь на оборотъ совсѣмъ не желалъ придавать своему правленію характеръ военной деспотіи; онъ нисколько не возвышалъ военныхъ чиновниковъ надъ гражданскими, и даже, вопреки совѣтамъ друзей, не хотѣлъ окружать себя постоянною стражею; а довольствовался обыкновенными ликторами, сопровождавшими диктатора. Онъ стремился основать свою власть на народномъ уваженіи и преданности, т. е. хотѣлъ править въ качествѣ демагога, быть римскимъ Перикломъ. Въ отношеніи къ противникамъ онъ избѣгалъ преслѣдованій, а напротивъ старался обезоружить ихъ милостію и забвеніемъ прошлаго; многихъ помпейцевъ возвратилъ изъ ссылки и даже нѣкоторымъ изъ нихъ далъ высшія государственныя должности. Вообще онъ старался показать, что не принадлежитъ исключительно демократической партіи, а что равно заботится о благѣ всѣхъ римскихъ гражданъ.

Утомленный долгими междуусобіями, народъ цѣнилъ наступившіе миръ и спокойствіе, и показывалъ Диктатору искреннюю преданность.

Но ничто не могло примирить съ нимъ старыхъ аристократовъ-республиканцевъ, принадлежавшихъ къ сенаторскому сословію. Пользуясь своими царскими правами, Цезарь старался наполнить сенатъ собственными приверженцами, увеличилъ число его членовъ до 900, и назначилъ въ его составъ многихъ знатныхъ провинціаловъ, особенно изъ Галліи *). Вообще сенатъ въ его рукахъ изъ собранія правительственнаго и законодательнаго обратился въ собраніе совѣщательное при особѣ императора или въ его совѣтъ; притомъ онъ даже не всегда находилъ нужнымъ принимаемыя имъ рѣшенія отдавать предварительно на обсужденіе сената. И самое обхожденіе съ нимъ казалось слишкомъ высокоумнымъ: такъ Цезарь иногда принималъ сенатъ сидя или заставлялъ по долгу ждать въ своей передней самыхъ почтенныхъ сенаторовъ; а себя окружалъ людьми незнатными, которые какъ бы составляли его дворъ и затрудняли къ нему доступъ. Все это возбуждало сильное неудовольствіе въ сенаторскомъ и вообще аристократическомъ сословіи. Монархическому правленію Цезаря недоставало только царскаго титула, чтобы вполне уподобиться древнеримскимъ царямъ. Но Цезарь зналъ, какъ ненавистно Римлянамъ званіе царя (*rex*), и потому не спѣшилъ его принятіемъ. Враги между тѣмъ распространяли слухъ, что онъ именно хочетъ присвоить себѣ этотъ титулъ. Нѣкоторые слишкомъ усердные его друзья своими дѣйствіями какъ бы подтверждали подобный слухъ. Такъ одинъ изъ самыхъ его довѣренныхъ лицъ, Маркъ Антоній, на праздникъ Луперкалій въ качествѣ жреца хотѣлъ возложить на Императора царскій вѣнецъ. Хотя Цезарь отклонилъ эту почесть; но враги его истолговали такъ, что онъ намѣренъ постепенно подготовить народъ къ своему коронованію, и постарались усилить произведенное тѣмъ невыгодное впечатлѣніе.

Не одни загоренѣлые республиканцы были заклятыми врагами

---

*) Это обстоятельство между прочимъ вызвало въ Римѣ слѣдующую насмѣшку на счетъ Цезаря со стороны его недоброжелателей: „Галловъ приводить онъ въ триумфъ, а потомъ и въ Курію. Галлы сняли панталоны и надѣли широко обшитую тунику“ (*Gallos Caesar in triumphum ducit idem in curiam. Galli brassas deposuerunt, latum clavum sumpserunt.* Светонія С. J. Caesar. LXXX). Сѣверные варварскіе народы носили длинные панталоны, которые не были въ употребленіи у Грековъ и Римлянъ. А сенаторы, какъ извѣстно, отличались широкою пурпуровою полосою на туникѣ.

Цезаря. Едва онъ достигъ верховной власти, какъ недовольство явилось и въ средѣ его демократическихъ приверженцевъ. Одни изъ нихъ были разочарованы тѣмъ, что онъ изъ предводителя народной партіи сдѣлался ихъ властителемъ; другіе считали себя недостаточно награжденными за свои заслуги; третьи роптали на то, что онъ обуздывалъ ихъ своеволіе или хищныя наклонности. Между этими недовольными легко находили себѣ союзниковъ республиканцы и помпеянцы. Такъ какъ послѣ сраженія при Мундѣ открытое возстаніе противъ императора сдѣлалось болѣе невозможно, то его враги прибѣгли къ тайнымъ дѣйствіямъ и къ заговору на жизнь Цезаря.

Душою заговора сдѣлался Кассій Лонгинъ, храбрый военачальникъ, отличившійся особенно во время Крассова похода на Пароянъ. Онъ принадлежалъ къ партіи Помпея; послѣ Фарсальской битвы былъ прощенъ Цезаремъ, и получилъ отъ него преторство, но не главное, а второстепенное. При своихъ большихъ дарованіяхъ, этотъ худой, блѣдный человѣкъ, съ мрачнымъ взглядомъ, скрывалъ въ себѣ гордый, завистливый и мстительный характеръ. Онъ считалъ себя достойнымъ болѣе высокаго положенія, и въ душѣ остался непримиримымъ врагомъ Цезаря. Въ числѣ заговорщиковъ находилось и нѣсколько человѣкъ, извѣстныхъ дотола за цезарьянцевъ, каковы: Децимъ Брутъ, которому обѣщано было намѣстничество Цизальпинской Галліи, Требоній, прежній пропреторъ Испаніи, Сульпицій Гальба, Туллій Цимберъ, Сервилій Каска съ своимъ братомъ и др. Отчасти сожалѣніе о республикѣ, отчасти какія-либо личныя побужденія руководили ими при ихъ вступленіи въ заговоръ.

Но заговорщикамъ сначала не доставало такого имени, которое пользовалось бы особымъ сочувствіемъ и уваженіемъ въ народѣ. Такимъ желаннымъ для нихъ лицомъ являлся Маркъ Брутъ, другъ Цицерона, имѣвшій притязаніе происходить отъ того Брута, который нѣкогда изгналъ Тарквинія и былъ основателемъ Римской республики. По матери онъ приходился племянникомъ Катона Утическаго, а по женѣ былъ его зятемъ; подобно ему усердно занимался греческой философійю, высоко цѣнилъ республиканскія учрежденія, и сражался на сторонѣ Помпея; хотя имѣлъ причину быть его личнымъ врагомъ (отецъ Брута убитъ по приказу Помпея). Послѣ Фарсала онъ получилъ прощеніе, и даже былъ осыпанъ милостями Цезаря. Послѣдній сдѣлалъ его городскимъ (т. е. первостепеннымъ) преторомъ.

ромъ въ Римѣ, общалъ намѣстничество въ Македоніи и вообще оказывалъ ему не только уваженіе и довѣріе, но и сердечную привязанность *). Отличаясь честнымъ, твердымъ характеромъ, Маркъ Брутъ долго не соглашался войти въ заговоръ противъ своего благодѣтеля. Нѣкоторые республиканцы на приглашеніе вступить въ заговоръ прямо отвѣчали, что не сдѣлаютъ этого, пока не увидятъ Брута въ его главѣ; ибо, по ихъ словамъ, народъ такъ его уважаетъ, что сочтетъ правымъ только то дѣло, въ которомъ участвуетъ Брутъ. Пущены были въ ходъ разные средства, чтобы воспламенить республиканскія чувства сего послѣдняго; особенно старались часто напоминать ему о его мнимомъ родоначальникѣ Юніѣ Брутѣ. Такъ иногда на статуѣ этого стараго Брута Маркъ встрѣчалъ надпись: «О если-бы ты еще жилъ!» Иногда на своемъ трибуналѣ городской преторъ читалъ: «Брутъ, ты спишь», или «Нѣтъ, ты не Брутъ».

Кассій, оскорбленный тѣмъ предпочтеніемъ, которое было оказано Бруту, получившему первое или городское преторство, питалъ противъ него неудовольствіе. Чтобы привлечь его въ заговоръ, онъ отправился къ нему и не только помирился съ нимъ, но и показалъ ему самое дружеское расположеніе. При этомъ Кассій спросилъ Брута, будетъ-ли онъ присутствовать въ сенатѣ въ мартовскія иды.

«Я слышалъ,—прибавилъ онъ—что въ этотъ день друзья Цезаря должны внести предложеніе о провозглашеніи его царемъ».

Брутъ отвѣчалъ, что не пойдетъ на засѣданіе.

«А если насъ призовутъ?» возразилъ Кассій.

«Тогда мой долгъ будетъ не молчать, а всѣми силами воспротивиться предложенію и умереть, прежде чѣмъ увидѣть задушенною свободу».

Ободренный этими словами Кассій продолжалъ:

«Гдѣ же тотъ Римлянинъ, который согласился бы на твою смерть? Развѣ, Брутъ, ты не знаешь, кто ты такой? Развѣ ты думаешь, что какіе нибудь ткачи и лавочники покрываютъ твой трибуналъ

---

*) Если вѣрить Плутарху, то сестра Катона Сервилія, мать Марка Брута, когда то любила Цезаря, и потому послѣдній будто бы считалъ его своимъ сыномъ; но взаимное отношеніе ихъ возраста тому противорѣчить.

извѣстными надписями, а не первѣйшія и знатнѣйшія лица въ городъ? Отъ другихъ преторовъ они ждутъ раздачи денегъ, зрѣлищъ, гладіаторскихъ игръ; но отъ тебя какъ наслѣдственнаго долга требуютъ низверженія тиранніи. За тебя они готовы подвергнуться всему, если ты захочешь показать себя такимъ, какимъ по ихъ мнѣнію ты долженъ быть».

Сказавъ эти слова, Кассій заключилъ Брута въ свои объятія. Твердость послѣдняго наконецъ поколебалась. И воспламененныя въ немъ республиканскія чувства, и ловко польщенное самолюбіе заставили его согласиться не только на участіе, но и на совмѣстное съ Кассіемъ руководство заговоромъ. Онъ съ своей стороны началъ привлекать сюда людей вѣрныхъ и сочувствующихъ предпріятію, на которыхъ можно было вполне положиться. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Въ средѣ Римской знати былъ весьма преданный Бруту нѣкто Лигарій, также помпеецъ, помилованный Цезаремъ. Брутъ пришелъ къ нему, но засталъ его на одрѣ болѣзни.

«Ахъ, Лигарій, воскликнулъ гость, въ какое время ты болѣишь!»

«Брутъ,—отвѣчалъ тотъ, пожимая ему руку,—если ты начинаешь какое либо предпріятіе достойное тебя, я здоровъ».

И онъ сдѣлался ревностнымъ членомъ заговора.

У Брута были еще два пріятели, философы Статилій и Фавоній. Чтобы предварительно узнать ихъ мнѣніе, однажды онъ сталъ намеками говорить противъ монархіи; но тѣ отвѣчали, что гражданская война пагубнѣе всякой несправедливой монархіи и что благоразумные люди не стануть рисковать собою ради людей безумныхъ и злыхъ. Нѣкто Лабеонъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, началъ горячо оспаривать философовъ; Брутъ замолчалъ и не настаивалъ болѣе на своихъ мысляхъ. Двумъ названнымъ пріятелямъ онъ не открылся; а на слѣдующій день пошелъ къ Лабеону, и, посвятивъ его въ тайну, приобрѣлъ въ немъ усерднаго пособника. Между прочимъ сочтено было полезнымъ завербовать помянутаго выше Децима Брута (прозваннаго Альбиномъ), потому что онъ имѣлъ у себя значительное число гладіаторовъ, которыхъ содержалъ для зрѣлищъ, и кромѣ того пользовался довѣріемъ Цезаря. Когда Кассій и Лабеонъ открылись ему, онъ ничего не отвѣтилъ, а пошелъ къ Марку Бруту; узнавъ изъ собственныхъ устъ Марка, что тотъ стоитъ во главѣ предпріятія,

Децимъ присталъ къ нему съ великою готовностію. Точно также личное вліяніе Марка Брута привлекло и многихъ другихъ надежныхъ участниковъ между значительными лицами Рима. Всѣ эти лица глубоко хранили свою тайну, хотя и не были связаны никакими торжественными клятвами.

Такое великодушное довѣріе со стороны многихъ знатныхъ людей, связавшихъ свою судьбу съ его судьбою, сильно тревожило Брута въ виду толь опаснаго предпріятія. Онъ настолько владѣлъ собою, что публично являлся спокойнымъ и серьезнымъ какъ и прежде; но дома не могъ скрыть своего возбужденнаго состоянія, а по ночамъ иногда внезапно вскакивалъ съ постели; что конечно не могло не встревожить его жену. Порція была уже вдовою и имѣла сына, когда вступила въ бракъ съ Брутомъ, тогда еще очень молодымъ человѣкомъ. Какъ истая дочь Катона, она раздѣляла философскія занятія своего втораго мужа и была очень къ нему привязана. Она ясно поняла, что Брутъ возымѣялъ какой то таинственный замыселъ, который лишилъ его спокойствія; но не хотѣла обращаться къ нему съ распросами, прежде нежели не испытаетъ собственное мужество. Съ сею цѣлью она тайкомъ отъ всѣхъ глубоко вонзила маленькій ножъ въ верхнюю часть своей ноги; послѣ большой потери крови у нея сдѣлались жестокія боли и лихорадка. Брутъ былъ очень встревоженъ внезапною и непонятною болѣзнію своей жены. Тогда Порція сказала ему, что она хочетъ быть вполнѣ его подругою и раздѣлять съ нимъ равно и радости и бѣдствія; что равнодушіемъ къ физической боли она желала доказать свою способность хранить его тайну, и затѣмъ показала ему добровольно нанесенную рану. Разумѣется, Брутъ былъ весьма тронутъ такимъ выраженіемъ преданности, открылъ ей свою тайну и послѣшилъ заживленіемъ раны.

Число сенаторовъ, принявшихъ участіе въ заговорѣ, простиралось до 60. Рѣшено было послѣшить его исполненіемъ; такъ какъ Цезарь велъ дѣятельныя приготовленія къ Парейанской войнѣ и намѣренъ былъ скоро выступить въ походъ. А никто не сомнѣвался, что онъ вернется побѣдителемъ изъ сего похода, и тогда вмѣстѣ съ популярностію его самодержавіе упрочится еще болѣе. На мартовскія иды, т. е. на 15 марта, назначено было засѣданіе сената; этотъ день заговорщики избрали для совершенія своего злодѣянія, и тѣмъ

болѣе, что, по слухамъ, въ томъ же засѣданіи друзья Цезаря намѣрены были предложить ему царское достоинство, которое онъ возлагалъ бы на себя внѣ Италіи; ибо въ Сивиллиныхъ книгахъ будтобы стояло предсказаніе, что только царемъ будутъ побѣждены Пароэне. Заговорщики взаимно обѣщали собраться всѣмъ на засѣданіе; что не могло конечно возбудить никакого подозрѣнія. Самое мѣсто казалось имъ какъ бы указаннымъ свыше и благопріятнымъ ихъ намѣренію. На сей разъ засѣданіе сената назначено было въ крытомъ портикѣ театра, сооруженнаго Помпеемъ; посреди портика возвышалась его статуя. Слѣдовательно судьба какъ бы хотѣла именно здѣсь за его смерть отомстить смертью Цезаря.

По народнымъ повѣрьямъ всѣ великія бѣдствія имѣютъ свои предзнаменованія; такъ было и въ этомъ случаѣ. Расказывали потомъ о разныхъ необычайныхъ явленіяхъ, между прочимъ о какихъ то непонятныхъ ночныхъ звукахъ, о небесныхъ огняхъ, о томъ, что, когда Цезарь приносилъ однажды жертву, то вскрывъ животное не нашли у него сердца. А одинъ жрецъ-гадатель, по имени Спуринна, будто бы прямо предсказалъ диктатору, что великая опасность угрожаетъ ему въ мартовскія иды. Темные слухи о заговорѣ доходили до его друзей, и они совѣтовали ему принимать всѣ нужныя предосторожности; но тщетно: «Лучше смерть, чѣмъ постоянное опасеніе» — отвѣчалъ онъ, и даже отпустилъ свою испанскую стражу. Мелочная заботливость о своемъ существованіи не соотвѣтствовала характеру Цезаря и его величавымъ стремленіямъ; да и вообще въ то время онъ какъ бы сдѣлался равнодушенъ къ жизни, какъ бы обнаруживалъ нѣкоторую усталость, и на немъ лежала печать какой то меланхоліи. Отъ его проницательнаго взгляда однако не укрылось внутреннее настроеніе главныхъ заговорщиковъ. Однажды ему донесли на Антонія и Долабеллу, будто они что то замышляютъ: «Надобно опасаться не этихъ дорѣдныхъ и тщательно причесанныхъ людей, а вотъ тѣхъ, блѣдныхъ и худыхъ» — отвѣтилъ онъ, указывая на Брута и Кассія. Но въ другой разъ, когда его предупреждали насчетъ сихъ послѣднихъ, онъ отвѣчалъ, показывая на себя: «Неужели Брутъ не подождетъ, пока разрушится это брѣнное тѣло?»

Наканунѣ роковаго дня Цезарь ужиналъ у Лепида, и по обыкновенію за столомъ читалъ и подписывалъ письма. Бесѣда присутствующихъ приняла меланхолическое направленіе, и кто то предложилъ

вопросъ: «какая смерть самая лучшая?» «Неожиданная» — быстро отвѣтилъ Цезарь, продолжая заниматься своими письмами. Въ ту же ночь жена его Кальпурнія видѣла какіе то тяжелые зловѣщіе сны, такъ что ея стоны и слова, произносимыя во снѣ, встревожили мужа. Когда настало утро, она умоляла Цезаря въ этотъ день не выходить изъ дому и отложить сенатское засѣданіе. Цезарь самъ чувствовалъ себя нехорошо, и мольбы жены, дотолѣ нисколько не отличавшейся боязливостью или суевѣріями, произвели на него впечатлѣніе. По ея просьбѣ призваны были жрецы для жертвоприношеній, соединенныхъ съ гаданіемъ; всѣ жертвы дали неблагопріятныя предзнаменованія. Цезарь уступилъ мольбамъ Кальпурніи, и рѣшилъ послать Антонія, чтобы распустить собраніе подъ предлогомъ своей болѣзни.

Межъ тѣмъ сенаторы уже давно собрались и ожидали императора, въ томъ числѣ и заговорщики со скрытыми подъ одеждой кинжалами. Они старательно сохраняли спокойный и равнодушный видъ. Большая часть ихъ передъ засѣданіемъ собралась у Кассія, и съ торжествомъ проводила на форумъ его молодого сына, который въ этотъ день впервые облекся въ мужскую тогу. А нѣкоторые изъ нихъ, имѣвшіе преторскія или судейскія обязанности, въ то утро, передъ сенатскимъ засѣданіемъ, отправляли ихъ съ особеннымъ тщаніемъ и безпристрастіемъ. Одинъ осужденный Брутомъ за какое то преступленіе на большую пеню, угрожалъ обратиться къ Цезарю. «Онъ никогда не препятствовалъ и не воспрепятствуетъ мнѣ судить согласно съ законами» — громко отвѣчалъ Брутъ, чтобы его хорошо слышала предстоявшая публика. Когда сенаторы собрались, одинъ изъ ихъ, Поцилій Лена, не принадлежавшій къ заговорщикамъ, съ видимою сердечностью привѣтствовалъ Кассія и Брута, и сказалъ имъ на ухо: «Дай Богъ вамъ успѣха въ вашемъ намѣреніи; но я совѣтую поспѣшить его исполненіемъ, потому что оно не составляетъ болѣе тайны». Сказавъ это, онъ отошелъ, оставивъ ихъ въ большомъ недоумѣніи. Продолжительное ожиданіе Цезаря въ сенатѣ повергло заговорщиковъ въ тревожное состояніе, и они начали опасаться, не открытъ ли ихъ замыселъ. Чтобы узнать въ чемъ дѣло, отправили къ Цезарю Альбина, т. е. Децима Брута.

Оставшаяся дома жена Марка Брута, Порція, прислушивалась къ каждому малѣйшему шуму или крику на улицѣ; мало того она безпрестанно

посылала на форумъ, чтобы узнать, гдѣ находится Брутъ и что онъ дѣлаетъ. Наконецъ измученная томительными, лихорадочными ожиданіями, она не выдержала и упала въ обморокъ. Окружавшія женщины сочли ее умершею, и подняли вопль. Извѣстіе о ея мнимой смерти дошло до Брута; это извѣстіе сильно его смутило, но онъ не покинулъ сената.

Цезарь довѣрчиво рассказалъ Альбину причину, по которой рѣшили нейти въ сенатъ. Тотъ употребилъ всѣ усилія разубѣдить диктатора, и представилъ ему, какъ обижены будутъ сенаторы; тогда какъ они намѣрены тотчасъ провозгласить его царемъ для всѣхъ виѣтальянскихъ провинцій и вручить діадему, которую онъ могъ бы носить вездѣ кромѣ Рима. Каковы же будутъ ихъ чувства, по словамъ Альбина, если кто нибудь придетъ и скажетъ, чтобы они собрались въ другой день, когда Кальпурнія будетъ имѣть болѣе пріятныя сновидѣнія? Наконецъ, если Цезарь дѣйствительно считаетъ этотъ день неудобнымъ, то лучше всего ему самому лично объявить сенаторамъ объ отсрочкѣ засѣданія. Убѣждая такимъ образомъ, Альбинъ взялъ Цезаря за руку и увлекъ его изъ дому, въ сопровожденіи Антонія.

Только что они успѣли выдти, какъ явился какой то иноземный рабъ и хотѣлъ сообщить что то императору; но не былъ допущенъ окружавшею сего послѣдняго толпою, и бросился къ Кальпурніи, у которой сталъ дожидаться возвращенія Цезаря. Нѣкто Артемидоръ изъ Книды, преподаватель греческой словесности въ Римѣ, благодаря своимъ частымъ сношеніямъ съ нѣкоторыми заговорщиками, успѣлъ узнать ихъ планъ, письменно изложилъ его, и ждалъ на дорогѣ, чтобы вручить Цезарю. Но видя, что диктаторъ, получая на пути разныя бумаги, немедленно передавалъ ихъ ликторамъ, онъ протѣснился къ нему возможно ближе, и, подавая свое письмо, сказалъ: «Цезарь, прочти эту бумагу одинъ и немедленно; тутъ рѣчь идетъ о важномъ дѣлѣ, лично до тебя касающемся». Послѣдній взялъ письмо и нѣсколько разъ пытался его прочесть; но каждый разъ ему мѣшала это сдѣлать кто нибудь изъ тѣснившихся около него просителей; такъ что онъ достигъ сената, все еще держа въ рукѣ непрочитанное письмо. Говорятъ, между прочимъ онъ встрѣтилъ гадателя Спуринну, и сказалъ ему: «ну вотъ и мартовскія иды пришли!» «Да, отвѣтилъ тотъ, но они еще не прошли». Сопровождавшій Цезаря Антоній, извѣстный своей къ нему преданностію и физическою силою,

наибѣнне былъ задержанъ у дверей сената тѣмъ же Альбиномъ, который завязалъ съ нимъ продолжительную бесѣду.

Едва Цезарь вышелъ изъ носилокъ, какъ къ нему подошелъ помянутый выше Попилій Лена и началъ съ нимъ какой то оживленный разговоръ. Наблюдая издали, заговорщики вообразили, что Лена въ эту минуту доноситъ на нихъ и раскрываетъ ихъ планъ. Въ отчаяніи они рѣшились не дожидаться позорной казни, а самимъ убить себя. Уже Кассій и нѣкоторые другіе схватились съ этою цѣлью за кинжалы. Но Брутъ по жестамъ отгадалъ, что Попилій недоноситъ, а о чемъ то горячо просить. Такъ какъ кругомъ были и сенаторы, непосвященные въ заговоръ, то онъ ничего не сказалъ, но сдѣлалъ веселое лицо, чѣмъ успокоилъ товарищей. Вслѣдъ за тѣмъ Попилій, очевидно получившій согласіе на свою просьбу, поцѣловалъ руку диктатора, и удалился.

При входѣ Цезаря всѣ сенаторы поднялись съ своихъ мѣстъ и почтительно его привѣтствовали. Одна часть заговорщиковъ стала позади его кресла, а другая пошла къ нему на встрѣчу, какъ бы поддерживая ходатайство Туллія Цимбера, который просилъ диктатора за своего брата, находившагося въ изгнаніи. Онъ отвѣчалъ отрицательно, и сѣлъ на свое кресло; но просители продолжали настаивать; нѣкоторые цѣловали ему руки, голову и даже грудь; они дѣлали это съ цѣлью удостовѣриться, не скрыта ли у него подъ одеждою броня. Цезарю наскучили ихъ просьбы, и онъ поднялся, чтобы отстранить отъ себя слишкомъ назойливыхъ. Въ ту же минуту Тулліи обѣими руками схватилъ его тогу и раскрылъ ему плечи. То былъ условленный знакъ, и стоявшій сзади Каска первый нанесъ ударъ въ шею; но рука его дрожала, и рана была неглубока.

Цезарь быстро обернулся, схватилъ за рукоять поразившій его кинжалъ и хотѣлъ его вырвать, воскликнувъ по гречески: «Злодѣй, Каска, что ты дѣлаешь?»

Каска закричалъ о помощи своему брату. Но тутъ и другіе заговорщики, выхвативъ кинжалы, начали поражать ими диктатора. Такъ какъ всякій изъ нихъ хотѣлъ участвовать въ пролитіи его крови, то они, столпившись въ беспорядкѣ и нанося въ торопяхъ удары, переранили другъ друга. Цезарь сначала оборонялся; но когда онъ увидѣлъ Брута также заносившаго свой кинжалъ, то воскликнулъ: «И ты, сынъ мой!» Потомъ закрылъ голову тогою, и принялъ такую

позу, чтобы упасть съ достоинствомъ. Заговорщики намѣренно толкнули его къ подножію Помпеевой статуи. А Кассій, передъ тѣмъ какъ совершилось злодѣйство, возвелъ свои глаза на эту статую, какъ бы прося у нея рѣшимости и помощи. Болѣе двадцати ранъ покрыли тѣло Цезаря; но, говорятъ, только одна изъ нихъ была смертельною.

Убійство было произведено такъ неожиданно и съ такою свирѣпостью, что сенаторы, неучаствовавшіе въ заговорѣ, въ первый моментъ растерялись и оцѣпенѣли отъ ужаса. Когда Цезарь уже лежалъ распростертый на полу, Брутъ выступилъ на средину залы и хотѣлъ сказать рѣчь въ оправданіе совершившагося злодѣянія. Но никто не сталъ его слушать, и сенаторы въ безпорядкѣ разбѣжались.

Республиканскіе фанатики убили перваго Римскаго императора; но не воскресили республики. Четырнадцать лѣтъ еще длилась кровавая борьба за власть, пока внучатый племянникъ Цезаря Октавій не утвердилъ имперію и внутренній миръ въ Римскомъ государствѣ.

XIV.

ВАЖНѢЙШІЕ ПАМЯТНИКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РИМА *).

Августъ и Золотой вѣкъ Римскаго искусства.—Пантеонъ.—Императорскіе дворцы.—Зрѣлища.—Амфитеатръ Колизей и гладіаторскія игры.—Арка Тита.—Завоеваніе Дакіи и Траянова колонна.—Содержаніе ея спиральнаго рельефа.—Аполлодоръ.—Мавзолей Адріана.—Упадокъ искусства.—Маркъ Авреліева колонна.—Арка Сентимія Севера.—Термы Каракаллы.—Авреліановы стѣны.—Термы Деоклетіана.—Арка Константина.—Судьба римскихъ памятниковъ.—Христіанскія катакомбы.

Водвореніе имперіи, т. е. сильной императорской власти, возстановило внутренній миръ и спокойствіе въ Римскомъ государствѣ; а это спокойствіе въ свою очередь способствовало быстрому развитію искусствъ, промышленности, литературы и другихъ мирныхъ занятій. Могущественные римскіе государи (какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи) старались украсить свою столицу и вмѣстѣ воз-

*) Пособіями для этого очерка служили, во-первыхъ, спеціальные труды: *Ребера* — *Die Ruinen Roms*. Leipz. 1863. *Ампера* — *L'histoire Romaine à Rome* (*Revue des Deux Mondes*. 1856 и 1857 г.г.). *Бартоми* — *Colonna Trajana* (изданіе спиральнаго рельефа, посвященное Людовику XIV). *Бендера* — *Rom und Römisches Leben im Alterthum*. *Фридлендера* — *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine*. Во вторыхъ, общія изданія по классическимъ древностямъ: *Смита*, *Любке*, *Гуля* и *Конера*, *Велишскаго*, отчасти *Куллера* (переводъ Корша), также помянуты выше труды *Менара* и *Соважо*, *Герибера*. Кроме того, *Фальке* — *Hellas und Rom, eine Culturgeschichte des classischen Alterthums*, роскошно иллюстрированная (русское изданіе Суворина). На русскомъ языкѣ есть книга *А. Андреева* „Памятники древняго Рима“. М. 1861 (родъ путеводителя). „День въ Римскомъ црвѣ“ — статья *Августа Даниа* (русскій переводъ ея въ *Пропілеяхъ* Леонтьева. III). Для римскихъ катакомбъ: *Мартини* — *Dictionnaire des antiquités chrétiennes* и *Фрикена* — „Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства“. М. 1872 — 1880. (Три выпуска. Составлено преимущественно по Мартини и сочиненію де Росси *Roma Sotterranea Cristiana*).

высить блескъ своего царствованія великолѣпными, изящными постройками, покровительствовали художникамъ и вызвали процвѣтаніе Римскаго искусства. Вѣкъ Октавія Августа является «Золотымъ вѣкомъ» не только Римской литературы, но также и художествъ. Какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ это процвѣтаніе совершилось подъ сильнымъ Эллинскимъ вліяніемъ. Строительная дѣятельность Августа была такъ обширна, что подъ конецъ жизни онъ имѣлъ право сказать: «Я нашелъ Римъ кирпичнымъ, а оставляю его мраморнымъ». Извѣстно, что его дѣятельность обратилась преимущественно на Марсово поле, гдѣ ей представлялся полный просторъ, и поле это покрылось роскошными сооружениями, каковы храмы, портики, амфитеатры, термы и т. д.

Усерднымъ сотрудникомъ Августа на строительномъ поприщѣ былъ его другъ и зять Агриппа, подобно тому какъ въ покровительствѣ поэтамъ отличался другой приближенный къ Августу человекъ, Мecenать. Агриппа соорудилъ на Марсовомъ полѣ великолѣпныя каменные термы, которыя и были первыми по времени публичными или народными банями въ Римѣ; дотолѣ богатые граждане имѣли небольшія бани при своихъ домахъ, а бѣдные мылись или въ Тибрѣ, или въ искусственно устроенныхъ, плохихъ водоемахъ и т. п. Но термы Агриппы не сохранились до нашего времени. За то сохранился построенный въ связи съ этими термами замѣчательный храмъ, извѣстный подъ именемъ Пантеона. Онъ представляетъ совершенно круглое или цилиндрическое зданіе, сведенное наверху колоссальнымъ куполомъ; только входъ украшенъ греческимъ портикомъ или покрытою колоннадою въ коринскомъ стилѣ. Снаружи это темнаго цвѣта зданіе поражаетъ своимъ величіемъ и простотою; а внутри стѣны его были богато украшены мраморными плитами, пилястрами, рельефами и симметрически расположенными нишами или углубленіями, въ которыхъ помѣщались статуи боговъ.. Храмъ посвящался всѣмъ божествамъ, почему и былъ названъ Пантеономъ. Онъ представлялъ собою римскій Олимпъ, и символомъ его священной вершины служилъ возвышенный куполь, изнутри обитый бронзовыми позолоченными бляхами. Эти дорогія украшенія также какъ и статуи боговъ давно исчезли; самое зданіе въ VII вѣкѣ по Р. Х. обращено въ христіанскій храмъ, и теперь многія ниши заняты статуями католическихъ святыхъ.

Октавій Августъ утвердилъ императорское мѣстопребываніе на холмѣ Палатинскомъ, т. е. тамъ-же, гдѣ жили древніе римскіе цари. Онъ построилъ здѣсь дворець и помѣщенія для своихъ преторьянцевъ. Послѣдующіе императоры той-же (Юліевой) династіи, именно Тиверій, Калигула и Неронъ умножали и расширяли эти постройки. Такимъ образомъ весь Палатинскій холмъ постепенно покрылся сѣтью изящныхъ дворцовъ; ихъ украшали просторные атриумы, съ прекрасною стѣнною живописью и мозаичными полами, перистили и портики съ ихъ колоннадами, статуи, сады, водоемы и т. д. Раскопки на Палатинскомъ холмѣ, произведенныя особенно въ наше время, открыли многіе остатки этихъ дворцовъ, которые съ перваго взгляда представляются какимъ-то лабиринтомъ, и только ученымъ археологамъ удалось по такимъ остаткамъ до нѣкоторой степени возстановить планы и взаимныя отношенія построекъ, совершенныхъ въ разное время.

Извѣстно, что Неронъ, недовольствуясь Палатиномъ, въ связи съ нимъ началъ строить огромный и чрезвычайно роскошный дворець (такъ наз. «Золотой домъ»), подъ который захватилъ нѣкоторыя сосѣднія долины и возвышенности. Громадныя суммы, потраченныя на эти затѣи, онъ собралъ помощію своего тиранства, т. е. помощію казни многихъ богатыхъ гражданъ и конфискаціи ихъ имущества. Неронъ погибъ, не окончивъ своего Золотога дома. Веспасіанъ, основатель слѣдующей династіи Флавіевъ, велѣлъ уничтожить часть Неронова дворца, чтобы очистить мѣсто для собственныхъ построекъ (напримѣръ для Колизея), а другую часть обратилъ въ публичную или народную собственность. Сынъ его и наслѣдникъ Титъ построилъ прекрасныя общественныя термы, въ составъ которыхъ вошла также часть Неронова дворца, и отъ этой именно части осталось нѣсколько стѣнъ и сводовъ, на которыхъ сохранилась весьма изящная фресковая живопись. (Говорятъ, Рафаель бралъ ее за образецъ для своей росписи потолоковъ въ папскомъ дворцѣ Ватиканѣ).

Изъ многихъ сооруженій, которыя совершены тремя императорами дома Флавіевъ, самое знаменитое и наиболѣе сохранившееся, это громадный амфитеатръ, извѣстный подъ именемъ Колизея.

Римляне заимствовали отъ Грековъ между прочимъ и театральныя представленія. Такія представленія давались по случаю какихъ либо

торжество въ временно построенныхъ деревянныхъ помѣщеніяхъ, которыя потомъ разбирались. Первый, кто рѣшился соорудить каменный, постоянный театръ въ Римѣ, былъ Помпей. Воздвигнутый имъ на Марсовомъ полѣ театръ онъ украсилъ мраморными ступенями для помѣщенія зрителей. Въ виду староримской партіи, съ неудовольствіемъ смотрѣвшей на введеніе греческихъ нравовъ, Помпей построилъ храмъ на возвышеніи, отъ котораго обычнымъ полукругомъ спускались мѣста зрителей. Такимъ образомъ эти мѣста представляли въ тоже время лѣстницу, ведущую въ храмъ; чѣмъ все зданіе и было охранено отъ попытокъ къ его разрушенію. Въ одномъ изъ портиковъ Помпеева театра, какъ извѣстно, былъ умерщвленъ Юлій Цезарь. Отъ него доселѣ не найдено значительныхъ остатковъ. Послѣ того при императорахъ сооружены въ Римѣ и другіе каменные театры. Но театральныя зрѣлища никогда не привлекали къ себѣ такого вниманія, какое Римляне оказывали зрѣлищамъ цирка, т. е. конскимъ ристаніямъ и гладіаторскимъ играмъ. Къ нимъ относится кликъ римской черни: «хлѣба и зрѣлищъ!» (*panem et circenses*). Извѣстенъ «Великій циркъ» (*Circus maximus*), находившійся въ долинѣ между Палатиномъ и Авентиномъ и представлявшій длинную, узкую площадь. При императорахъ онъ былъ украшенъ великолѣпными каменными и мраморными постройками; но отъ нихъ ничего до насъ не сохранилось. Такъ какъ Римляне все болѣе и болѣе пристращались къ кровавымъ зрѣлищамъ, которыя представляли битвы гладіаторовъ между собою и съ дикими звѣрями, то эти битвы въ концѣ республики стали даваться въ особу для того устроенныхъ овальныхъ циркахъ, которые назывались амфиатромомъ (т. е. двойнымъ театромъ или двумя театрами, соединеннымъ вмѣстѣ тою стороною, гдѣ должна быть сцена). Амфиатры сначала также строились деревянные и временные, а потомъ стали воздвигаться каменные и постоянные. Народъ города Рима смотрѣлъ на себя какъ на владыку обширнаго міра, завоеваннаго его собственною кровью и потомъ, и считалъ своимъ заслуженнымъ неотъемлемымъ правомъ пользоваться хлѣбомъ и увеселеніями на общественный или государственный счетъ. Передъ этими требованіями преклонялись и лучшіе императоры. Самъ Флавій Веспасіанъ, не смотря на свою извѣстную бережливость, занявъ престолъ, поспѣшилъ угодить Римскому народу сооруженіемъ великолѣпнаго и дорогого стоившаго Флавіева амфи-

театра, который впоследствии былъ названъ Colosseum или Колизей.

Въ низменности, заключенной между тремя холмами, Палатинскимъ, Эсквилинскимъ и Целійскимъ, находились озеро и сады, принадлежавшіе къ Золотому дворцу Нерона. Веспасіанъ приказалъ осушить озеро и на его мѣстѣ воздвигнуть свой амфитеатръ. Постройка была окончена уже его сыновьями Титомъ и Домиціаномъ. Колизей представляетъ просторную овальную арену, вокругъ которой возвышаются ступени или мѣста для зрителей, раздѣленные на три яруса. Всѣхъ мѣстъ насчитывалось 87.000. Эти ступени покоятся на трехъ-ярусныхъ аркахъ, украшенныхъ съ наружной стороны полуколоннами, въ нижнемъ ярусѣ дорическаго ордена, во второмъ іоническаго, а въ третьемъ коринтскаго. На верху помѣщался еще четвертый ярусъ, снаружи окруженный глухою стѣною, а изнутри представлявшій портикъ или галерею. Въ самой нижней части зданія были устроены камеры, въ которыхъ заключались дикіе звѣри, назначавшіеся для увеселенія народа; мѣста зрителей начинались довольно высоко и были защищены особою преградой для безопасности отъ дикихъ звѣрей, выпущенныхъ на арену. Говорятъ, когда императоръ Титъ праздновалъ открытіе Колизея роскошными гладиаторскими играми (80 г. по Р. Х.), то на нихъ было истреблено до 5000 звѣрей разнаго рода (львы, тигры, леопарды, медвѣди и пр.).

Цѣлый особый классъ людей занимался собираніемъ для сей цѣли дикихъ животныхъ въ разныхъ областяхъ имперіи, особенно въ Африкѣ. Игры звѣрей въ амфитеатрѣ не всегда имѣли кровавый характеръ: иногда здѣсь забавлялись тѣмъ, что выгоняли на арену зайцевъ, сернь и т. п. робкихъ животныхъ; а противъ нихъ выпускали хищныхъ звѣрей, снабженныхъ намордниками или укрощенныхъ другимъ какимъ способомъ. Но чаще всего дикіе звѣри выпускались другъ на друга или на борьбу съ особымъ отдѣломъ гладиаторовъ, называвшихся бестіаріями; эта борьба была или одиночная, или происходила цѣлыми группами.

Собственно такъ называемыя гладиаторскія игры, т. е. битвы людей между собою, какъ любимѣйшее зрѣлище Римлянъ, выработались у нихъ въ цѣлую сложную систему. Гладиаторы составляли многочисленныя дружины, которыя помѣщались неподалеку отъ амфитеатра, имѣли военное устройство и постоянно упражнялись въ своемъ

искусствѣ. Они раздѣлялись на разные отдѣлы, смотря по роду своего вооруженія. Во первыхъ, конные бойцы (*equites*); сюда можно отнести также плѣнныхъ Галловъ и Бриттовъ, которые сражались на своихъ національныхъ колесницахъ. Но гораздо многочисленнѣе и употребительнѣе были плѣшіе гладіаторы. Они различались другъ отъ друга своимъ національнымъ вооруженіемъ, ибо принадлежали къ разнымъ народностямъ, каковы напримѣръ: Греки, Самниты, Кельты, Фракіяцы. Послѣдніе составляли легковооруженныхъ (*velites*); они выступали почти нагіе, снабженные только маленькимъ полукруглымъ щитомъ и кривымъ ножомъ. Наиболѣе любимое Римлянами зрѣлище представляло единоборство *реціаріа* (*retiarii*) съ *секаторомъ* (*secutores*); первый изъ нихъ былъ снабженъ сѣтью и тройчатыми вилами, а второй щитомъ, мечемъ и панциремъ. Единоборство состояло въ томъ, что *реціарій*, постоянно уклоняясь отъ ударовъ противника, старался набросить на него сѣть; а *секаторъ*, уклоняясь отъ этой сѣти, старался поразить *реціарія*. Иногда для большаго развлеченія публики устраивалась даже борьба двухъ противниковъ съ завязанными глазами. По временамъ гладіаторы сражались не въ одиночку, а цѣлыми отрядами; причемъ человѣческая кровь лилась обильными потоками для забавы римской толпы. Такіе отряды составлялись преимущественно изъ плѣнныхъ и рабовъ. Арена была такъ устроена, что могла наполняться водою съ помощью подземныхъ каналовъ и трубъ; тогда она превращалась въ искусственное озеро или *навмахію*, на которой производились сраженія на судахъ, подобныя морскимъ битвамъ.

Во времена гоненій на христіанъ арена амфітеатра часто орошалась кровью ихъ мучениковъ: они, обыкновенно безоружные, отдавались здѣсь на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, подобно тому какъ это дѣлалось съ разными преступниками, которыхъ нерѣдко присуждали къ такой же смерти.

Когда христіанство восторжествовало въ Римской имперіи, то эдиктами Константина Великаго и нѣкоторыхъ его преемниковъ воспрещены были игры гладіаторовъ. Но въ западной половинѣ Имперіи эти эдикты не исполнялись; до такой степени было велико здѣсь пристрастіе къ кровавымъ зрѣлищамъ. Въ началѣ V столѣтія одинъ сирійскій инокъ, по имени Телемахъ, явился въ амфітеатръ во время гладіаторскихъ игръ, и, считая ихъ поруганіемъ для христі-

анской религіи, бросился на арену разнимать сражающихся. Многіе зрители пришли въ такую ярость за это нарушеніе ихъ удовольствія, что на монаха со всѣхъ сторонъ посыпались камни. Онъ палъ мертвый, и былъ причисленъ къ сонму святыхъ мучениковъ. Однако послѣ того гладіаторскіе бои въ амфитеатрѣ прекратились навсегда. Но битвы звѣрей еще продолжались.

Въ Средніе вѣка, во время междоусобныхъ войнъ въ Римѣ, Колизей служилъ крѣпостью въ рукахъ нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій. Мало по малу онъ подвергся ограбленію и разрушенію. Первыми исчезли мраморныя плиты, которыми были выложены мѣста зрителей; онѣ пошли на украшенія другихъ зданій. Затѣмъ стали разбирать и самые камни на разныя постройки; изъ этого матеріала возникли цѣлыя дворцы нѣкоторыхъ, римскихъ богачей. Наконецъ папы обратили вниманіе на столь величественный памятникъ, и постарались охранить его отъ дальнѣйшаго разрушенія. Въ половинѣ прошлаго столѣтія арена Колизея была освящена въ память погибшихъ здѣсь христіанскихъ мучениковъ, и на ней водруженъ крестъ. Въ нашемъ столѣтіи нѣкоторыя части амфитеатра, грозившія паденіемъ, были укрѣплены кирпичными устоями, а другія возобновлены или реставрированы. Хотя лишенный всѣхъ дорогихъ украшеній и во многихъ частяхъ полуразрушенный руками человѣческими, этотъ памятникъ императорскаго Рима продолжаетъ однако поражать своимъ величіемъ и своею удивительною прочностію.

По сосѣдству съ амфитеатромъ Флавія Веспасіана возвышается Триумфальная арка, посвященная его сыну Титу. Подобныя арки или ворота воздвигались въ память какого либо славнаго дѣянія, въ особенности въ память побѣды или завоеванія. Такія триумфальныя ворота обыкновенно строились временныя для торжественнаго вѣзда побѣдоносному полководцу; для императоровъ ихъ стали сооружать изъ камня, и онѣ обратились уже въ памятники или монументы. Арка Тита воздвигнута по приговору народа и сената въ память завоеванія Іудей и взятія Іерусалима; а окончена при братѣ и преемникѣ Тита, Домиціанѣ. Она была помѣщена на такъ называемомъ «Священномъ пути» (*Sacra via*), т. е. на главной римской улицѣ, которая начиналась въ долинѣ между холмами Целійскимъ и Эсквилинскимъ и шла на Римскій Форумъ къ подножію Капитолія. Арка Тита представляетъ мраморное сооруженіе изъ

двухъ массивныхъ столбовъ, соединенныхъ полукруглымъ сводомъ и накрытыхъ сверху изящнымъ архитравомъ. Боковыя ея столбы украшены полуколоннами; а на верхней части зданія помѣщена посвятельная надпись (*Senatus populusque Romanus divo Tito divi Vespasiani F. Vespasiano Augusto*). Сооруженіе на обоихъ наружныхъ фасадахъ и внутри было украшено разными скульптурными изображеніями, которыя указываютъ на эпоху процвѣтанія искусства. Особенно любопытны изображенія на внутреннихъ сторонахъ арки. Онѣ представляютъ самый триумфальный вѣздъ Тита, послѣ взятія Іерусалима. На одной сторонѣ онъ изображенъ на квадригѣ, т. е. на колесницѣ запряженной четырьмя конями, окруженный ликторами съ лавровыми вѣнками на головахъ; Викторія или богиня побѣды держитъ вѣнокъ надъ головою триумфатора; подлѣ него шествуетъ Рома или богиня города Рима. На другой сторонѣ представлено, какъ увѣнчанные лаврами воины несутъ трофеи или взятую у непріятели добычу, которая является здѣсь въ видѣ золотыхъ сосудовъ, кивота и свѣтильниковъ, захваченныхъ при разграбленіи Іерусалимскаго храма. Особенно обращаетъ на себя вниманіе храмовой седьмисвѣщникъ. На средней части свода изображенъ императоръ Титъ, уносимый на небо орломъ; поэтому и заключаютъ, что памятникъ былъ воздвигнутъ уже послѣ его смерти, также и потому что въ надписи онъ названъ *divus* (божественный). Боковыя части памятника не сохранились вполнѣ и были реставрированы, но уже не изъ пентелійскаго мрамора, а изъ травертинскаго камня.

Кромѣ триумфальныхъ воротъ или арокъ у Римлянъ вошло также въ обычай воздвигать въ честь побѣдителей обелиски или монументальныя колонны. Самая знаменитая изъ такихъ колоннъ была посвящена императору Траяну, именно его побѣдоноснымъ походамъ на Даковъ. Колонна почти вполнѣ сохранилась до нашего времени, и главную ея достопримѣчательность составляютъ рельефы, которые, такъ сказать, въ лицахъ изображаютъ помянутые походы Траяна.

Изображенія эти такъ любопытны въ историческомъ отношеніи, что заслуживаютъ съ нашей стороны особаго вниманія.

Во второй половинѣ перваго вѣка по Р. Х. во главѣ Дакійскаго народа явился замѣчательный человекъ, по имени Децебалъ (впрочемъ вѣроятно это не собственное имя, а вообще названіе дакійскихъ

предводителей). Онъ соединилъ подъ своей верховной властью племена Даковъ и Гетовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ нижняго Дуная (въ Молдо-Валахія и Седмиградіи), и образовалъ такимъ образомъ довольно сильное независимое царство на границахъ Римской имперіи. Своими вторженіями онъ даже началъ тѣснить сосѣднюю Мизію, т. е. римскую провинцію лежавшую къ югу отъ нижняго Дуная. Императоръ Домиціанъ попытался было оружіемъ укротить Даковъ; но окончилъ войну (въ 89 г.) постыднымъ для Римлянъ миромъ, по которому обязался даже давать Децебалу ежегодную денежную субсидію, т. е. въ сущности сталъ платить ему дань. Кромѣ того по требованію Децебала императоръ послалъ ему многихъ художниковъ и ремесленниковъ, которые не только воздвигали и украшали въ Дакии мирныя постройки, но также сооружали крѣпости и военныя машины. Такимъ образомъ Децебаль съ помощью самихъ Римлянъ приготавлился къ будущей борьбѣ съ ними; ибо понималъ неизбѣжность этой борьбы, какъ скоро во главѣ Римской имперіи явится болѣе достойный государь. Вообще Даки очевидно уже многое успѣли заимствовать у Римлянъ въ дѣлѣ гражданственности или цивилизаціи.

Когда на римскій престолъ вступилъ доблестный Траянъ, то онъ немедленно началъ дѣятельныя и обширныя приготовленія къ войнѣ съ Даками. Онъ ясно видѣлъ, что честь Римскаго имени и безопасность Римскихъ предѣловъ съ этой стороны требовали рѣшительнаго удара и блистательной побѣды; иначе примѣръ дерзости и безнаказанности Даковъ могъ ободрить и побудить къ нападеніямъ и другіе варварскіе народы, сосѣдніе съ Имперіей, особенно Германцевъ и Сарматъ (Славянъ).

Весною 101 года по Р. Х. Траянъ прибылъ въ Придунайскія провинціи (Паннонія, Иллирія, Мизія) и лично сталъ во главѣ легионовъ, которые съ разныхъ сторонъ были направлены для предстоящей войны съ Даками; поводомъ къ ней послужилъ отказъ императора въ помянутой денежной субсидіи или дани. До восьми римскихъ легионовъ было собрано на Дунаѣ; къ нимъ присоединилось еще большое количество союзныхъ отрядовъ, кельтскихъ, германскихъ, сарматскихъ, мавретанскихъ и пр.; такъ что вся дунайская армія простиралась свыше 100.000 человекъ; но часть ея должна была оставаться въ мѣстныхъ крѣпостяхъ для обороны границъ и для обезпече-

нія тыла; а полевая или дѣйствующая армія, приблизительно 60.000 человекъ, назначалась для вторженія въ Дакию. Подъ городомъ Сингидуномъ (нынѣ Бѣлградъ) императоръ сдѣлалъ смотръ этой дѣйствующей арміи. Затѣмъ онъ двинулся къ востоку; римское войско, раздѣленное на двѣ колонны, въ двухъ пунктахъ перешло на лѣвый берегъ Дуная по мостамъ, устроеннымъ на судахъ. Эти колонны разными дорогами вступили въ землю Даковъ и соединились на берегахъ Тиссы недалеко отъ столицы Децебала, Сармизегетузы. Въ виду уже наступавшей зимы Траянъ пока занялся обезпеченіемъ своихъ сообщений съ Дунаемъ и размѣщеніемъ арміи въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Весною слѣдующаго 102 года Даки, несмотря на отчаянную оборону, потерпѣли рядъ поражений, и самая столица ихъ очутилась въ рукахъ Римлянъ. Децебалъ умолялъ Траяна о мирѣ, который и получилъ на тяжелыхъ условіяхъ: онъ потерялъ всю область занятую римскими войсками; долженъ былъ срыть свои крѣпости, выдать военныя машины и плѣнныхъ, и обязался не принимать болѣе Римлянъ на службу въ свое войско.

За сію войну Траянъ получилъ отъ сената названіе «Дакійскаго» и великолѣпный триумфъ при возвращеніи въ Римъ. Однако Децебалъ не только не исполнилъ всѣхъ условій договора и началъ дѣятельныя военныя приготовленія, но и старался возбудить противъ Римлянъ другіе народы; между прочимъ онъ вошелъ въ сношенія съ Паряанскимъ царемъ. Тогда Траянъ рѣшилъ нанести новый, окончательный ударъ Дакійскому царству, и сталъ готовиться ко второму походу. Въ числѣ его приготовленій важнѣйшее мѣсто занимаетъ построеніе прочнаго каменнаго моста черезъ Дунай, назначеннаго соединить Мизійскій берегъ съ Дакійскимъ. Это колоссальное сооруженіе исполнено было знаменитымъ архитекторомъ Аполлодоромъ изъ Дамаска въ теченіи 18 мѣсяцевъ. Мостъ покоился на двадцати массивныхъ быкахъ или столбахъ, каждый въ 150 футовъ вышины и 60 футовъ толщины; длина моста простиралась болѣе чѣмъ на версту. (Остатки его доселѣ видны между сербскимъ городомъ Бладово и румынскимъ Турну-Северинъ).

Вторая Траянова война съ Децебаломъ была труднѣе первой, потому что Даки лучше укрѣпились чѣмъ прежде и оборонялись еще съ большимъ упорствомъ. Но предводительскій талантъ императора, искусство и мужество его легионовъ все преодолѣли. Нѣсколько разъ

разбитый, Децебалъ во время одной схватки съ отчаянія бросился на собственный мечъ, чтобы не отдаться въ плѣнъ. Многіе знатные Даки также прибѣгли къ самоубійству, чтобы не пережить свободы своего народа. Цѣлыя толпы жителей покинули родныя поля, и съ своими семействами и стадами ушли въ горныя дебри (Трансильваніи) или въ сосѣднія страны, чтобы не подчиняться римскому игу. (106 г. по Р. Х.). Огромная добыча досталась побѣдителямъ во время этой войны. Дакия обращена въ римскую провинцію; съ того времени началось дѣятельное заселеніе ея римскими колонистами и вмѣстѣ ея романизация. (Извѣстно, что изъ смѣси этихъ колонистовъ съ Дако-Гетами произошло Валахское или Румынское племя, по языку родственное другимъ романскимъ націямъ, т. е. Французской, Итальянской, Испанской).

Завоеваніе Дакии освободило Римъ отъ опаснаго, безпокойнаго сосѣда, покрыло римскіе легіоны новою славою и сдѣлало Траяна народнымъ любимцемъ. Сенатъ, народъ и самъ императоръ соперничали другъ съ другомъ въ томъ, чтобы прославить и увѣковѣчить память этого завоеванія. Побѣдитель имѣлъ новый и чрезвычайно великолѣпный триумфальный въѣздъ въ столицу міра; при чемъ въ числѣ трофеевъ видѣлась отрубленная голова Децебала. Онъ далъ народу рядъ празднествъ и зрѣлищъ, которыя продолжались добрую треть года. Въ амфитеатрѣ въ теченіе сего времени сражались до 10,000 гладиаторовъ, и до 11,000 всякихъ животныхъ погибли на аренѣ. Поэты и другіе писатели въ своихъ произведеніяхъ прославляли великія дѣянія императора. Но самымъ прочнымъ и самымъ знаменитымъ памятникомъ этихъ дѣяній явилась Траянова колонна.

Однимъ изъ любимыхъ сооружений римскихъ императоровъ перваго вѣка было устройство новыхъ форумовъ или рынковъ, которые служили какъ для торговли, такъ для судопроизводства и другихъ общественныхъ дѣлъ. Таковы были въ особенности форумы Юлія Цезаря, Августа и Нервы, которые болѣе или менѣе примыкали къ Римскому Форуму, носившему теперь названіе Древняго или Великаго, лежавшему между холмами Палатинскимъ и Капитолійскимъ. Всѣ эти форумы представляли продолговатыя площади, обставленныя храмами, базиликами, портиками, украшенныя статуями великихъ людей и другими памятниками. Императоръ Траянъ устроилъ новый форумъ,

который по своему объему и роскоши превосходил сооруженія его предшественниковъ. Онъ былъ помѣщенъ между холмами Капитолійскимъ и Квиринальскимъ, и соединялъ прежніе форумы съ Марсовымъ полемъ. Чтобы выиграть болѣе мѣста, для него были обрыты склоны двухъ названныхъ холмовъ. Входъ на него изъ соедѣннаго форума Юлія Цезаря былъ украшенъ мраморною аркою, которой барельфы изображали побѣды Траяна; по сторонамъ площади шли полукруглые порттики; въ срединѣ ея возвышалась конная статуя императора. Затѣмъ нѣсколько ступеней вели въ прекрасную двухъэтажную базилику, раздѣленную колоннадами на пять продольныхъ частей или нефовъ. По имени Ульпія Траяна она называлась Базилика Ульпія и служила для нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ; между прочимъ, въ первый день новаго года консулы здѣсь возвѣщали имена рабовъ, отпущенныхъ на волю. Позади базилики на лѣво и на право воздвигнуто два зданія для библиотекъ, одно для греческой, другое для латинской. На сѣверной сторонѣ, т. е. къ Марсову полю, форумъ замыкался храмомъ, который впоследствии Адрианъ воздвигъ въ честь самого Траяна.

На небольшой площадкѣ между базиликой и двумя библиотечными зданіями возвышалась гигантская колонна, которая одна уцѣлѣла изъ всѣхъ сооруженій Траянова форума. Она построена изъ мрамора въ дорическомъ стилѣ и отъ основанія до оконечности своей имѣла 117 футовъ высоты. На верху ея стояла колоссальная статуя Траяна изъ позолоченной бронзы (замѣненная теперь статуей Апостола Петра); а въ основаніи т. е. въ пьедесталѣ приготовлена была особая камера для помѣщенія золотой урны съ прахомъ императора. Внутри колонны идетъ витая лѣстница, изъ 185 мраморныхъ ступеней, съ помощью которыхъ можно взойти на самый ея верхъ. Главнымъ руководителемъ сихъ построекъ былъ все тотъ же знаменитый архитекторъ Аполлодоръ; а средства для нихъ почерпнуты изъ огромной дакійской добычи. Даже сокровища Децебала, которыя онъ скрылъ въ потаенномъ мѣстѣ, не ушли отъ рукъ побѣдителя.

Главную примѣчательность Траяновой колонны составляютъ рельефныя изображенія, которыя непрерывною спиралью покрываютъ ея поверхность отъ пьедестала до капители. Эти изображенія заключа-

ютъ въ себѣ до 2500 человѣческихъ фигуръ и расказываютъ въ лицахъ исторію обоихъ походовъ Траяна въ Дакію. Онѣ особенно драгоцѣнны въ томъ отношеніи, что представляютъ сцены и событія съ ихъ современною обстановкою и даютъ намъ наглядное понятіе о разныхъ встрѣчающихся тутъ народахъ, ихъ обычаяхъ, постройкахъ, утвари, одеждѣ, вооруженіи, особенно о римскихъ легіонахъ того времени.

Бросимъ послѣдовательный взглядъ на эту рельефную хартію или свитокъ. Начнемъ снизу.

Передъ нами берегъ рѣки (Дуная или Дравы), хижины, окруженныя частоколомъ, сторожевыя вышки и крѣпостцы, оберегаемыя римскими караулами, и лодки, нагруженныя бочками и мѣшками съ съѣстными припасами. Римское войско переходитъ мостъ, устроенный на судахъ. Богъ рѣки, въ видѣ старца, по поясъ высовывается изъ рѣчныхъ волнъ и съ неприятнымъ удивленіемъ смотритъ на шествіе воиновъ. Сіи послѣдніе принадлежатъ къ тяжело вооруженной пѣхотѣ (родъ триаріевъ). Они имѣютъ на себѣ досчатый панцырь (т. е. составленный изъ металлическихъ пластинокъ), четырехъугольный полуцилиндрической щитъ, короткій мечъ на правомъ боку, круглый шлемъ привѣшенный къ плечу помощію ремня, который завязывался у подбородка; руки ниже локтя и ноги ниже коленъ обнажены. Въ лѣвой рукѣ у нихъ копыя поднятыя вверхъ, съ привязанными на ихъ концѣ туго набитыми мѣшечками, кувшинчиками для воды, ложками и т. под. солдатскими вещами. Знаменоносцы одѣты въ легкій кожаный панцырь, съ длиннымъ мечемъ на боку, а на головѣ имѣютъ морду какого-то звѣря (не то льва, не то волка), котораго шкура ниспадаетъ имъ на плечи и на спину, а переднія лапы завязываются вокругъ шеи. Знамена римскія разнообразны: знамя цѣлаго легіона представляетъ золотого или серебрянаго орла съ полураспущенными крыльями; знамя когорты (десятой части легіона) имѣетъ стѣнную корону, а сверху и снизу ея медальоны съ изображеніями императоровъ и съ номеромъ когорты; знамя манипулы (третья часть когорты) есть рядъ бляхъ съ изображеніемъ руки на верху. А знаменемъ конницы (*vexillum*) служитъ четырехъугольный кусокъ матеріи, приврѣпленный на концѣ древка.

Далѣе, на возвышенномъ помостѣ императоръ Траянъ сидитъ на складномъ стулѣ, окруженный префектами и другими чиновниками

онъ въ панцырѣ, поверхъ котораго тога, застегнутая на правомъ плечѣ. Вокругъ помоста кони императора и его свиты; сѣдломъ служить кусокъ сукна перекинутый черезъ спину коня. На слѣдующей сценѣ Траянъ въ длинной туникѣ съ капшономъ, наброшеннымъ на голову, стоитъ у воротъ крѣпостцы передъ пылающимъ жертвенникомъ и держитъ въ рукахъ чашу для возліянія. Одинъ полуобнаженный человѣкъ, вооруженный топоромъ, держитъ за рога жертвеннаго быка, другой держитъ овцу, третій свинью; нѣсколько прислужниковъ трубятъ въ прямыя и кривыя трубы; всѣ эти лица имѣютъ вѣнки на головѣ. Очевидно совершается жертвоприношеніе трехъ животныхъ, извѣстное подъ именемъ *суовета вриліа* (*sus, ovis, taugus*). Затѣмъ императоръ, стоя на помостѣ, окруженный военачальниками, держитъ рѣчь къ войску, впереди котораго опять видны знаменосцы.

Послѣ того идетъ рядъ любопытныхъ картинъ, изображающихъ, какъ римскіе легіонеры усердно рубятъ деревья, носятъ бревна, камни, песокъ и другіе матеріалы, и сооружаютъ укрѣпленные замки въ непріятельской землѣ. Даки нападаютъ на одно такое укрѣпленіе. Римляне выступаютъ противъ нихъ, и происходитъ упорная битва. Изображенія Дакійскихъ варваровъ представляютъ бородатыя фигуры или съ обнаженными всклокоченными головами, или въ коническихъ низкихъ колпакахъ съ загнutoю напередъ верхушкой; они одѣты въ рубашку, подпоясанную и выпущенную сверхъ длинныхъ портъ или шароваръ, которыя завязаны до самой ступни; на спину черезъ плечо наброшенъ короткій плащъ въ родѣ греческой хламиды; на ногахъ сапоги. Вооруженіе ихъ составляютъ овальный щитъ, лукъ, короткое копье и кинжалъ, иногда прямой, иногда кривой; военнымъ знаменемъ служить пасть дракона съ змѣинымъ хвостомъ, водруженная на концѣ копья. Отрядъ римской конницы рѣшается дѣло; разбитые Даки бѣгутъ и спасаются въ лѣса. Римляне зажигаютъ непріятельское укрѣпленіе, на стѣнахъ котораго торчатъ воткнутыя на шесты головы (вѣроятно плѣнниковъ). Побѣдители въ бродъ переходятъ какую-то рѣчку. Варвары просятъ пощады, но тщетно; легіоны жгутъ ихъ дома, избиваютъ или забираютъ скоть; старики, женщины и дѣти бѣгутъ изъ разоренныхъ селъ. Разбитая Дакійская конница, спасаясь бѣгствомъ, бросается въ волны рѣки, и при этой переправѣ многіе тонуть.

Вотъ Римскій укрѣпленный городъ, осажденный непріятелями. Внутри его стѣнъ видны храмъ, портики и даже амфитеатръ. Съ одной стороны пѣшіе Даки пускаютъ стрѣлы; а нѣкоторые руками держатъ бревно съ наконечникомъ въ видѣ бараньей головы (таранъ) и бьютъ имъ въ стѣну. Съ другой стороны города видна группа Сарматскихъ (м. б. славянскихъ) всадниковъ; это союзники Даковъ; все ихъ тѣло, ноги и даже ихъ кони покрыты чешуйчатымъ панциремъ; на головахъ коническіе шлемы; они стремятся съ копьями на перевѣсь. На стѣнахъ стоятъ римскіе воины, отбивающіе нападеніе. На рѣкѣ видѣнъ рядъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбными запасами; они подплываютъ къ тому же осажденному городу и снабжаютъ гарнизонъ провіантомъ. А затѣмъ римская конница и союзное войско (повидимому изъ Германскихъ варваровъ) приходятъ на выручку осажденного гарнизона. Непріятели разбиты и обращены въ бѣгство; при этомъ нѣкоторые Сарматскіе всадники, не оборачивая коня, пускаютъ стрѣлы въ преслѣдующихъ Римлянъ. Побѣдители нагружаютъ дакійскіе щиты, знамена и другую добычу на дакійскіе же четырехколесныя телѣги (похожія на малорусскія фуры). Далѣе опять битва. Тутъ находимъ изображеніе римскихъ метательныхъ машинъ; онѣ помѣщены на двухколесной телѣжкѣ, запряженной парой муловъ, и бросаютъ въ непріятелей большія стрѣлы или дротики. Одна сцена представляетъ варварство дакійскихъ женщинъ: онѣ горящими факелами жгутъ волосы на головѣ и другіе члены тѣла у плѣнныхъ Римлянъ, у которыхъ руки связаны назадъ. Слѣдуютъ изображенія новыхъ походовъ, переправы на судовомъ мостѣ, осады, жертвоприношенія (таврмліа), построика укрѣпленій, сожженія непріятельскихъ селеній, разныхъ битвъ и т. п. На первомъ планѣ часто видѣнъ Траянъ; онъ всегда съ обнаженной головою и безъ оружія; но подлѣ него обыкновенно группа тѣлохранителей. Римское войско, кромѣ вышеуказанныхъ тяжело вооруженныхъ, представляетъ еще воиновъ безъ панциря со щитомъ въ рукѣ и шлемомъ на головѣ; встрѣчаются и легковооруженные или пращники, имѣющіе впрочемъ щитъ въ лѣвой рукѣ и мечъ на правомъ боку. Перѣдпо являются тутъ изображенія союзныхъ отрядовъ, то пѣшихъ, то конныхъ; они принадлежатъ къ варварскимъ народамъ и своею одеждою и вооруженіемъ походятъ на Даковъ; въ числѣ этихъ союзниковъ попадаются также и сарматскіе всадники (м. б. перешед-

шіе на сторону Римлянъ). Есть картина, изображающая римскую черепаху (*testudo*): отрядъ тяжело вооруженныхъ воиновъ идетъ на приступъ неприятельскаго города, плотно закрывшись съ верху и съ боковъ своими четырехугольными, выпуклыми щитами. Любопытны также сцены, въ которыхъ то одинъ, то нѣсколько Дакійскихъ князей стоятъ на колѣнахъ передъ императоромъ и умоляютъ его о пощадѣ. Въ одномъ изъ послѣднихъ изображеній перваго похода, вслѣдъ за князьями, большая толпа Даковъ, побросавъ щиты, также пала на колѣна и простираетъ руки къ Траяну. Затѣмъ заключенъ миръ, и войско возвращается съ добычею. Викторія въ видѣ крылатой женщины пишеть на щитѣ побѣду Траяна. Слѣдуетъ триумфальное возвращеніе въ Римъ, сопровождаемое благодарственными жертвоприношеніями.

Затѣмъ передъ нами развертываются подобныя же сцены втораго похода въ Дакію. Тутъ между прочимъ изображенъ знаменитый мостъ черезъ Дунай, построенный Аполлодоромъ; подлѣ него Траянъ приносить жертвы. Въ числѣ варварскихъ народовъ встрѣчаются еще такіе, которые носятъ на головѣ высокія шапки, имѣющія видъ усѣченныхъ конусовъ, и другіе, которые одѣты въ длинное почти женское платье. Постройка укрѣпленій, жертвоприношенія, осады, битвы, сожженіе неприятельскихъ селъ такія же какъ и въ первомъ походѣ; только Даци очевидно обороняются съ бльшимъ упорствомъ, и чаще видно, какъ они дерутся на стѣнахъ своихъ городковъ и низвергаютъ камни на осаждающихъ или отчаянно рѣжутся въ рукопашной свалкѣ своими кривыми ножами. Любопытна слѣдующая сцена: послѣ безуспѣшной защиты своего города, цѣлая толпа Даковъ принимаетъ ядовитое питье изъ одного сосуда, и тутъ же многіе падаютъ мертвые; а другая толпа выходитъ въ поле и бросается къ ногамъ побѣдителя. Послѣднія картины представляютъ полный разгромъ Дакіи: пожары, плѣненіе, захватъ добычи (особенно любопытны лошади и мулы, навьюченные сосудами и всякою дорогою утварью), и наконецъ бѣгство населенія съ дѣтьми и стадами въ горы, лѣсныя дебри, гдѣ видѣются дикіе туры, кабаны и серны.

Такъ оканчивается мраморный свитокъ, заключающій исторію Дакійскихъ войнъ Траяна.

Общее впечатлѣніе, выносимое изъ подробнаго знакомства съ этимъ свиткомъ, сводится къ такому заключенію: битвы въ открытомъ по-

лѣ встрѣчаются здѣсь не часто; а главную роль играютъ изображенія походной и военной жизни и той дѣятельности, которая подготавливала побѣду. Мы видимъ легионы преимущественно занятые возведеніемъ укрѣпленій, рубкою лѣса, собираніемъ и перевозкою припасовъ, а также упорною осадю или обороною городовъ.

Родственникъ и преемникъ Траяна Адрианъ отличался особою страстью къ постройкамъ всякаго рода. Онъ даже имѣлъ притязанія на искусство и талантъ архитектора; отсюда, по своему завистливому характеру, возненавидѣлъ знаменитаго Аполлодора, и тѣмъ болѣе, что сей послѣдній откровенно высказывалъ ему замѣчанія на счетъ его архитектурныхъ плановъ. Адрианъ отправилъ художника въ ссылку. Потомъ, когда императоръ построилъ великолѣпный храмъ посвященный Весперѣ (какъ матери Энея) и богинѣ города Рима, то онъ послалъ Аполлодору планъ этого храма, желая знать его мнѣніе. Упрямый художникъ не воспользовался случаемъ похвалить произведеніе Адриана и быть возвращеннымъ ко двору. Онъ отнесся критически къ планамъ зданія, и между прочимъ замѣтилъ, что «святилища обѣихъ богинь недостаточно высоки; если бы богини (т. е. ихъ сидящія на тронѣ статуи) захотѣли встать, то онѣ этого не могли бы сдѣлать». Раздраженный такимъ отзывомъ, Адрианъ обнаружилъ немужественную жестокость: онъ велѣлъ умертвить художника. Отъ сего храма Венеры и Ромы осталось нѣсколько колоннъ изъ окружавшихъ его портиковъ и развалины двухъ названныхъ святилищъ, которыя были прислонены задними сторонами другъ къ другу. Остатки эти (находящіяся между Колизеемъ и Форумомъ) свидѣтельствуютъ о роскоши храма и о томъ, что строитель его дѣйствительно обладалъ изящнымъ вкусомъ въ архитектурѣ.

Извѣстно, что Адрианъ страстно любилъ путешествія и большую часть своего царствованія провелъ въ объѣздѣ римскихъ провинцій. Поэтому слѣды его строительной дѣятельности, въ видѣ мостовъ, водопроводовъ, храмовъ и др., разсѣяны преимущественно вѣдъ Рима, въ Греціи, Египтѣ, Испаніи, Галліи и т. д. А въ самомъ Римѣ главными памятниками его царствованія служатъ колоссальная его гробница или мавзолей и мостъ на Тибрѣ.

Римская аристократія уже давно привыкла соорудать себѣ роскошные семейные склепы или гробницы, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ

служили и памятниками. Гробницы эти имѣли разнообразныя формы: нѣкоторыя представляютъ пирамиды на подобіе египетскихъ, другія имѣютъ видъ четырехъугольныхъ башенъ, а третьи круглыхъ, четвертыя похожи на маленькіе храмы и т. д. Внутри гробницъ находились погребальныя камеры съ большими нишами для саркофаговъ и съ малыми для урнъ (когда трупъ сожигался. Отъ этихъ малыхъ нишъ такія сооруженія получили названіе *columbaria*, т. е. голубятни). Богатыя гробницы—монументы обыкновенно воздвигались за городскими воротами по сторонамъ большихъ дорогъ, для того чтобы постоянно напоминать о себѣ проѣзжающимъ и проходящимъ. Около Рима наиболѣе сохранилось ихъ до нашего времени на Аппіевой дорогѣ (*Via Appia*), которая въ древности была самымъ оживленнымъ путемъ.

Если знатные Римляне строили себѣ просторныя, прочныя гробницы и украшали ихъ колоннадами, арками, скульптурой и живописью, то понятно, что императоры для своихъ останковъ стали воздвигать еще болѣе роскошныя и болѣе величественныя сооруженія. Уже Августъ возвелъ такія сооруженія для погребенія своей фамиліи на Марсовомъ полѣ; оно называлось Мавзолеемъ, по примѣру знаменитаго памятника царю Мавзолу въ Малой Азіи, причисленнаго къ семи чудесамъ свѣта. Но отъ Августова Мавзолея до насъ сохранились только незначительныя остатки. Такъ какъ этотъ Мавзолей уже наполнился саркофагами и урнами Цезарей, ихъ родственниковъ и близкихъ людей, то Адрианъ воздвигъ для себя и своихъ преемниковъ новое погребальное зданіе. Во время своихъ путешествій онъ могъ собственными глазами видѣть памятникъ царя Мавзола, и повидимому взялъ его за образецъ для собственной гробницы; но послѣдняя далеко превзошла его гигантскими размѣрами и роскошью.

Мавзолей Адриана воздвигнуть за Тибромъ, на правомъ берегу. Онъ представляетъ круглую или цилиндрическую башню поставленную на широкомъ квадратномъ основаніи. Внутри его находятся только двѣ погребальныя комнаты, къ которымъ снизу ведутъ отлогіе корридоры; а сверху отъ нихъ къ стѣнамъ проложены отдушины для доступа воздуху и для уменьшенія тяжести верха (на подобіе египетскихъ пирамидъ). Все это сооруженіе отличается чрезвычайною прочностію и массивностію (почему и было названо

Moles Hadriani). Снаружи оно было покрыто дорогимъ паросскимъ мраморомъ и опоясано изящными портиками съ ихъ колоннадами, аркадами и нишами, наполненными статуями, бюстами и другими скульптурными украшениями. Но впоследствии Адриановъ Мавзолей лишился своего мрамора и своихъ украшеній. Въ VI вѣкѣ, когда Велизарій защищалъ Римъ противъ Готовъ, этотъ Мавзолей обращенъ былъ въ крѣпкій замокъ, т. е. окруженъ валомъ, ровомъ и стѣнами, и тутъ во время готскаго приступа осажденные, за недостаткомъ камней, бросали на непріятелей статуи и бюсты, которыя такимъ образомъ почти всѣ погибли.

Памятникъ сей потомъ сохранилъ характеръ крѣпости, и римскіе папы не разъ находили въ немъ убѣжище во время опасности, спасаясь сюда изъ своего сосѣдняго дворца Ватикана. Крѣпость получила названіе Замка св. Ангела, по причинѣ бронзовой статуи, которая была воздвигнута здѣсь въ память архангела Михаила. Поэтическая легенда рассказываетъ, что съ вершины замка однажды во время моровой язвы Архангелъ явился папѣ св. Григорію влагающимъ въ ножны свой пламенный мечъ, въ знакъ близкаго прекращенія мора. Въ настоящее время памятникъ представляетъ только массивный каменный остова Адрианова Мавзолея. Верхъ его также передѣланъ и окаймленъ средневѣковыми зубцами.

• Чтобы соединить свою гробницу съ городомъ, Адрианъ выстроилъ противъ нея прочный каменный мостъ на аркахъ черезъ Тибръ, и этотъ мостъ сохранился почти въ своемъ первоначальномъ видѣ (онъ служитъ главнымъ сообщеніемъ собственно города Рима съ его тибрскою частію, именно съ храмомъ св. Петра и Ватиканомъ).

* .

Послѣ Адриана хотя Счастливый періодъ имперіи еще продолжался и она наслаждалась внутреннимъ спокойствіемъ, благодаря царствованіямъ двухъ такихъ превосходныхъ императоровъ какъ Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій; однако искусство Римское, достигнувъ высшаго процвѣтанія въ предыдущую эпоху (отъ Августа до Адриана включительно), теперь явно стало клониться къ упадку. Это наглядно доказываютъ сохранившіеся до насъ памятники того времени, впрочемъ отнюдь не многочисленные.

Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій, при своемъ бережливомъ направленіи, уже не столько украшали столицу новыми постройками, сколько старались поддержать или довершать сооружеія своихъ предшественниковъ. Такъ первый изъ нихъ окончилъ постройку помянутаго выше Мавзолея, чтобы почтить память своего благодѣтеля; ибо Адрианъ усновилъ его и назначилъ своимъ преемникомъ. Изъ новыхъ сооружеій Антонинова царствованія сохранился отчасти только храмъ, посвященный его супругѣ Фаустинѣ, которая умерла прежде его; а послѣ его смерти храмъ былъ посвященъ имъ обоимъ. Онъ стоитъ около главнаго Форума, и его святилище (cella) обращено въ христіанскую церковь. Сохранилась и часть его фриза, украшенная скульптурными изображеніями крылатыхъ грифоновъ и весьма затѣливыхъ канделябровъ. А изъ римскихъ сооружеій времени Марка Аврелія вполнѣ сохранилась только воздвигнутая въ его честь на Марсовомъ полѣ триумфальная колонна.

Главная опасность грозила тогда предѣламъ имперіи со стороны Рейна и Дуная. Почти всѣ варварскіе народы, обитавшіе вдоль этихъ рѣкъ, — народы Германскаго и Славянскаго племени (Маркоманы, Свевы, Квады, Бастарны, Языги и Сарматы) — пришли въ движеніе, заключили между собою союзы, и начали совершать вторженія въ Римскія провинціи. Съ одной стороны они стремились покинуть свои невоздѣланныя лѣсистыя и болотистыя страны и поселиться въ этихъ лѣвѣтующихъ провинціяхъ; а съ другой ихъ тѣснили съ востока иные варвары (Готы и Славяне), двигавшіеся на югъ и на западъ изъ непріютныхъ краевъ Балтійскаго поморья, Вислы, Нѣмана, Двины и т. д. Въ то же время война грозила Риму и на сѣверѣ въ Британіи, и на востокѣ со стороны Пароянъ. Въ виду такихъ великихъ опасностей, Маркъ Аврелій, по природѣ и привычкамъ человекъ миролюбивый, преданный литературно-философскимъ занятіямъ, обнаружилъ замѣчательную энергію и воинственную дѣятельность. Онъ направилъ къ Дунаю всѣ силы, какія могъ собрать; вооружилъ даже отряды изъ рабовъ и гладиаторовъ. Совѣмъ же отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, Маркъ Аврелій выдержалъ цѣлый рядъ суровыхъ, утомительныхъ походовъ и битвъ (167—175 гг. по Р. Х.). Ему наконецъ удалось подавить возстаніе варваровъ и на нѣкоторое время остановить ихъ нашествіе на имперію. Въ память его побѣдъ сенатъ приказалъ воздвигнуть ему триумфальную арку и колонну, на подобіе

Траяновой. Арка Марка Аврелія не сохранилась; а колонна его имѣетъ одинаковую высоту съ своимъ образцомъ и точно также покрыта скульптурною спиралью, изображающею походы и битвы съ варварами. Ея изображенія также любопытны и дороги въ историческомъ отношеніи; но со стороны скульптурнаго искусства онѣ далеко уступаютъ Траяновой колоннѣ.

Между рельефными картинами Маркъ-Авреліевой колонны обращаетъ на себя особое вниманіе Юпитеръ Дожденосецъ (Jupiter Pluvius); онъ представленъ посреди водныхъ потоковъ съ длинною бородою, съ которой также струится вода; римскіе солдаты щитами собираютъ воду и жадно ее пьютъ. Юпитера окружаютъ перуны или громы, которыми онъ поражаетъ и разгоняетъ непріятельскихъ воиновъ. Эта картина подтверждаетъ извѣстный расказъ о томъ, какъ императорская армія однажды, запертая въ пустынной мѣстности полчищами Квадовъ, по недостатку воды томилась жаждою, и какъ внезапный проливной дождь утодилъ жажду; а страшный громъ содѣйствовалъ пораженію враговъ. Христіанская легенда (у Тертуліана и Еuseвія) прибавляетъ, что сіе чудо совершилось по молитвамъ одного легіона, состоявшаго изъ христіанъ; а языческое преданіе приписываетъ его или заклинаніямъ одного египетскаго мага (у историка Діона Кассія) или молитвамъ самого Марка Аврелія (у писателя Капитолина). Изображеніе Юпитера, посылающаго дождь и громы, указываетъ конечно на языческое объясненіе чуда. По извѣстію христіанской легенды упомянутый легіонъ послѣ этого чуда получилъ названіе Громоноснаго (Legio Fulminata). Впрочемъ уже во времена Августа или Нерона такъ назывался XII-й римскій легіонъ.

Вообще изображенія Маркъ-Авреліевой колонны имѣютъ много общаго съ изображеніями Траяновой: тѣ же переходы легіонцовъ черезъ рѣки по мостамъ, устроеннымъ на судахъ, тѣ же работы надъ укрѣпленіями, взятіе крѣпостей и сожженіе непріятельскихъ поселеній, рѣчи императора къ воинамъ, его жертвоприношенія, захватъ добычи и плѣнныхъ и др. Изображенія варваровъ также во многомъ напоминаютъ Траяновыхъ непріятелей. Они имѣютъ почти тоже вооруженіе, одѣты также въ длинные шаровары; верхняя часть тѣла едва прикрыта, на плечахъ иногда накинута короткіе плащи; у нихъ такія же косматая и бородатая головы. Но жилица у Германцевъ очевидно имѣли болѣе первобытный грубый характеръ чѣмъ у Да-

ковъ; жилища первыхъ представляютъ круглыя хижины, составленныя изъ древесныхъ стволовъ и покрытыя хворостомъ или тростникомъ. Какъ на Траяновой колоннѣ статуя императора замѣнена въ новыя вѣка статуей апостола Петра, такъ на колоннѣ Марка Аврелія его фигуру замѣнило изваяніе апостола Павла.

Памятникомъ Марка Аврелія служитъ еще его конная бронзовая статуя (теперь находящаяся на Капитоліѣ); на ней сохранились слѣды позолоты. Эта статуя представляетъ его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ является на барельефахъ его колонны и на нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ фрагментахъ съ его триумфальной арки. Говорятъ, его статуя въ теченіе Среднихъ вѣковъ потому не подверглась уничтоженію, что ее по ошибкѣ считали за статую св. Константина Великаго; тогда какъ Маркъ Аврелій, вопреки своему философскому направленію, допустилъ гоненіе на христіанъ.

Въ теченіе послѣдующаго смутнаго періода Римской имперіи, ознаменованнаго владычествомъ солдатъ, искусство упало болѣе и болѣе; отъ этого періода осталось въ самомъ Римѣ весьма не много изящныхъ памятниковъ. Только суровый, энергичный Септимій Северъ и сынъ его тиранъ Каракалла возобновленіемъ или украшеніемъ прежнихъ сооружений, а также нѣкоторыми новыми постройками оживили на короткое время художественную дѣятельность въ столицѣ Древняго міра. Памятникомъ Септимія Севера, вполне сохранившимся, служитъ посвященная ему триумфальная арка, воздвигнутая у подошвы Капитолія въ концѣ Священнаго Пути на самомъ Римскомъ форумѣ, слѣдовательно на мѣстѣ, гдѣ вообще было сосредоточено самое большое количество римскихъ памятниковъ всякаго рода. Арка Септимія также покрыта мраморомъ; но отъ посвященной Титу она отличается тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ не однѣ ворота, а трое воротъ или три сквозныя арки, большая средняя и двѣ малыя или боковыя. Ея надписи и скульптурныя изображенія говорятъ о подвигахъ императора и его двухъ сыновей, преимущественно о его побѣдахъ на востокѣ, въ Вавилоніи. Рельефы арки Септимія довольно безвкусны и вообще въ художественномъ отношеніи далеко уступаютъ изображеніямъ арки Тита.

Если скульптура находилась уже въ упадкѣ, то архитектурное искусство еще сохраняло отчасти свою прежнюю силу и энергію.

Это въ особенности доказываютъ остатки знаменитыхъ термъ Каракаллы.

Въ то время въ Римѣ распространялось почитаніе восточныхъ божествъ, и Антонинъ Каракалла, будучи самъ восточнаго происхожденія (отецъ его происходилъ изъ Африки, а мать Юлія Домна изъ Сиріи), построилъ нѣсколько храмовъ богинѣ Изидѣ. Но надъ нимъ тяготѣла кровь его жертвъ; ибо послѣ убійства роднаго брата и соправителя, Геты, онъ истребилъ до 20.000 людей, заподозрѣнныхъ въ приверженности къ убитому. Каракалла искалъ средствъ примирить съ собою Римскій народъ, пораженный ужасомъ вслѣдствіе означенныхъ злодѣйствъ. Послѣ зрѣлищъ цирка и амфитеатра особливо любовью Римлянъ того времени пользовались публичныя бани или термы. Каракалла съ огромными издержками построилъ за Авентиномъ новыя термы, которыя своею роскошью и размѣрами должны были превзойти таковыя же предшествующія сооруженія (Агриппы, Нерона, Тита и пр.).

Образцомъ для римскихъ термъ вообще послужили греческія гимназіи и палестры, т. е. зданія, посвященныя телѣснымъ упражненіямъ. Въ этихъ зданіяхъ, кромѣ залъ и дворишковъ, гдѣ занимались разнообразной гимнастикой, помѣщались теплыя купальни и бассейны съ холодною водою, назначенныя для омовенія и освѣженія гимнастовъ. Тутъ же находились портики и тѣнистые садки, гдѣ они могли отдыхать или прогуливаться. Такимъ образомъ бани и купальни имѣли здѣсь второстепенное значеніе, подчиненное гимнастикѣ. Когда же эти учрежденія перешли къ Римлянамъ, то наоборотъ господствующее значеніе въ нихъ получили бани или термы. Сообразно съ тѣмъ и въ термахъ Каракаллы среднюю, т. е. главную, часть зданія занимали большія залы или перистилы съ просторными водоемами, назначенными для плаванія (piscina), и многія комнаты для бань разной температуры, какъ то: горячихъ (calidarium), паровыхъ (laconicum), теплыхъ (tepidarium), потовыхъ (sudatorium) и прохладныхъ (frigidarium). А въ боковыхъ частяхъ помѣщались залы для упражненій атлетовъ, для игры въ мячъ, крытые портики и открытыя мѣста для прогулокъ, библіотеки для чтенія и т. д. Все зданіе, представлявшее продолговатый прямоугольникъ, было выстроено изъ кирпича; но оно богато украшено мраморомъ и гранитомъ, колоннадами и нишами, куполообразными потолками, мо-

заичными полами и статуями. Впослѣдствіи оно было лишено этихъ произведеній искусства; нѣкоторыя его статуи теперь украшаютъ публичные музеи и виллы аристократовъ (Флора и Венера Неаполитанскаго музея, Фарнезскій Геркулесъ, Фарнезскій быкъ и пр.) Теперь термы Каракаллы представляютъ развалины, которыя по своей колоссальности уступаютъ въ Римѣ одному Коллизею. О первоначальныхъ размѣрахъ этихъ термъ можно судить потому, что въ нихъ могли купаться за одинъ разъ до 2300 человекъ. Вся постройка термъ была окончена уже преемниками Каракаллы, недостойнымъ Элагабаломъ и ужимымъ Александромъ Северомъ.

Изъ послѣдующихъ императоровъ самое обширное и самое прочное сооруженіе принадлежитъ возстановителю распавшейся на части Римской имперіи Аврелиану. Въ началѣ своего царствованія ему пришлось оборонять самую Италію отъ германскихъ полчищъ, которыя двинулись сквозъ Альпійскія страны и вторглись въ долину рѣки По; а нѣкоторые ихъ отряды проникли даже въ Среднюю Италію; извѣстіе о чемъ произвело страхъ и смятеніе въ самомъ Римѣ. Аврелиану удалось нанести варварамъ рядъ пораженій и очистить отъ нихъ Италію (въ 271 г. по Р. Х.); но тогда сдѣлалось ясно, что ни Альпы и Аппенины, ни римскіе легіоны уже не служили болѣе надежною преградой между Римомъ и сѣверными варварскими народами. Столица Имперіи, постепенно расширяясь, давно уже обратилась въ открытый ничѣмъ незащищенный городъ; а древнія принадлежія въ ветхость стѣны (такъ наз. Сервіанскія, т. е. приписанныя Сервію Туллію) уже находились внутри города и не имѣли никакого военнаго значенія. Притомъ и самыя внутреннія смуты, т. е. частая борьба разныхъ претендентовъ за престолъ, также побуждали укрѣпить столицу. Аврелианъ съ замѣчательною энергіей и быстротой воздвигъ новыя, гигантскія стѣны, которыя окружали всѣ семь холмовъ, Марсово поле и Яникулъ, лежавшій за Тибромъ. Только нѣкоторыя далеко раскинувшіяся предмѣстья не вошли въ составъ города и остались внѣ стѣнъ. Эти такъ наз. Аврелиановы стѣны (оконченныя вторымъ его преемникомъ Пробомъ въ 276 году) съ нѣкоторыми поправками и дополненіями сохранились до нашего времени, такъ что и теперь еще служатъ городскими стѣнами Рима. Въ нихъ было устроено до 14 воротъ, укрѣпленныхъ башнями; названія свои ворота получили большею частію по именамъ глав-

ныхъ дорогъ, ведшихъ къ Риму, напимѣрь: Аппіевы, Тибуртинскія, Пренестинскія, Остійскія и т. д. Это колоссальное кирпичное сооруженіе состоитъ собственно изъ двухъ параллельныхъ стѣнъ, соединенныхъ сводами, и представляетъ внутри корридоръ съ отверстіями въ видѣ узкихъ арокъ, для стрѣлъ и другихъ метательныхъ снарядовъ.

Затѣмъ достойны вниманія термы Деоклетіана. Хотя этотъ императоръ большею частію отсутствовалъ изъ Рима и при немъ самая столица государства стала перемищаться на востокъ, однако, чтобы угодить Римскому населенію, онъ и его соправитель Максимианъ соорудили новыя термы, между холмами Виминальскимъ и Бвиринальскимъ. Эти термы (начатыя въ 298 г.) обширностію своею превзошли даже сооруженіе Каракаллы (такъ какъ могли за одинъ разъ вмѣщать болѣе 3000 купающихся); но уступали имъ въ художественномъ отношеніи и въ прочности своей. Отъ нихъ сохранились менѣе значительные остатки. Преданіе говоритъ, что надъ постройкою языческихъ термъ трудились многіе христіане, осужденные на такую работу во время Деоклетіанова гоненія. Впослѣдствіи посреди нихъ развалинъ былъ устроенъ монастырь; при чемъ церковь *Santa Maria degli Angeli* заняла только одну залу термъ; что можетъ дать нѣкоторое понятіе объ ихъ чрезвычайныхъ размѣрахъ.

Самымъ нагляднымъ свидѣтельствомъ дальнѣйшаго упадка орнаментнаго искусства служить триумфальная Арка Константина.

Въ ноябрѣ 312 года къ сѣверовостоку отъ Рима на Фламиніевой дорогѣ въ мѣстности называвшейся «Красныя скалы» (*Saxa Rubra*) произошла знаменитая битва между Константиномъ и его соперникомъ Максенціемъ, рѣшившая судьбу цѣлой имперіи. Максенцій былъ представителемъ стараго, языческаго міра, а Константинъ явился поборникомъ новаго, христіанскаго. Войска перваго были многочисленнѣе; но въ арміи втораго находилось много христіанъ, воодушевленныхъ начинавшимся торжествомъ своей религіи. Конница Константина стремительнымъ ударомъ разстроила густые ряды непріятелей, и способствовала ихъ полному пораженію. Максенцій, увлеченный толпою бѣглецовъ, бросился къ Тибрскому мосту; но тутъ упалъ съ коня въ тишину часть рѣки, и утонулъ подъ тяжестью своихъ доспѣховъ. Послѣ того Римскій сенатъ рѣшилъ воздвигнуть триум-

фальную арку въ честь побѣдителя и своего освободителя отъ тираниа, ибо управление Максенція дѣйствительно отличалось жестокимъ и разорительнымъ характеромъ. Арка Константина Великаго была окончена въ 316 году. Она помѣщается недалеко отъ Колизея въ долину между холмами Палатинскимъ и Целійскимъ, и представляетъ тройную арку, подобно такому же памятнику Септимія Севера. Рельефныя изображенія на ней имѣютъ два различныхъ характера: одна ихъ часть посвящена военнымъ сценамъ изъ жизни самого триумфатора и особенно изъ помянутой битвы; а другая часть представляетъ подвиги императора Траяна, и, какъ полагаютъ, перенесена сюда прямо съ его триумфальной арки. Эти послѣднія скульптуры отличаются большимъ изяществомъ и гармоніей въ сравненіи съ рельефами Константиновой эпохи, которыя поражаютъ грубостью работы, безжизненнымъ выраженіемъ фигуръ и несоразмѣрнымъ отношеніемъ ихъ частей. За то въ архитектурномъ отношеніи Константинова арка превосходитъ арку Септимія Севера своимъ болѣе стройнымъ, болѣе гармоническимъ видомъ. Полагаютъ поэтому, что и въ самомъ своемъ планѣ она была точнымъ подражаніемъ арки Траяна. Похищеніе орнаментовъ съ Траянова памятника и перенесеніе ихъ на новую арку хотя и указываетъ на упадокъ искусства; но такое похищеніе ради украшенія новыхъ построекъ встрѣчалось въ древнемъ мѣрѣ и прежде. Съ того же времени оно все болѣе и болѣе входило въ обычай, и потомъ способствовало уничтоженію многихъ римскихъ памятниковъ.

Другое сооруженіе, съ которымъ связано имя Константина Великаго, была величественная базилика, расположенная также въ виду Колизея, на томъ отрогѣ Палатинскаго холма, который называется Велійскимъ (Velia). Она построена собственно Максенціемъ; но послѣ его паденія сенатъ посвятилъ ее побѣдителя. Отъ Базилики Константина сохранились только три массивныя аркады, т. е. не болѣе трети всего зданія; но по своимъ размѣрамъ эти развалины занимаютъ въ Римѣ третье мѣсто, послѣ Колизея и термъ Каракаллы. Она была разрушена землетрясеніемъ въ XIV вѣкѣ.

Когда Константинъ Великій, перенесъ свою столицу въ Византію и занялся ея украшеніемъ, тогда и окончилась монументальная исторія древняго или языческаго Рима. Начались упадокъ, разрушеніе и запустѣніе вѣчнаго города. Нерѣдко онъ дѣлался добычею варвар-

полчищъ, отъ которыхъ не спасли его крѣпкія Авреліановы. Такъ въ слѣдующемъ V столѣтіи онъ испыталъ погромы отъ готовъ Алариха (410 г.), отъ Вандаловъ Гейзериха (455), отъ дружинъ Рецимера (472). Въ VI столѣтіи Римъ пострадалъ отъ Остготовъ и Лангобардовъ. Но варвары, когда врывались въ Римъ, то преимущественно грабили все, что было сдѣлано изъ дорогихъ металловъ, похищали бронзовыя статуи и обдирали съ храмовыхъ стѣнъ позолоченныя бронзовыя украшенія. Опустошительнѣе дѣйствовали происходившія во время военныхъ бурь пожары и случившіяся иногда землетрясенія, которые разрушали цѣлыя зданія и покрывали пепломъ и мусоромъ мѣста классическихъ памятниковъ. Но еще разрушительнѣе для этихъ памятниковъ дѣйствовало само Римское населеніе Среднихъ вѣковъ. Такъ знатныя фамиліи для украшенія своихъ жилищъ выламывали изъ древнихъ построекъ колонны, скульптуру и мраморъ; потомъ и самыя зданія разбирались для того, чтобы безъ труда получать кирпичъ и камень для новыхъ построекъ. Особенно такое разрушеніе совершалось въ эпохи внѣшней опасности или внутренней анархіи, когда римскіе феодалы посреди древняго города воздвигали себѣ укрѣпленные замки и башни; при чемъ нерѣдко мраморныя плиты, покрытыя изящною скульптурою, шли въ дѣло на равнѣ съ простымъ камнемъ и кирпичемъ. Сами папы, утвердивъ свою власть въ Вѣчномъ городѣ, не щадили его памятниковъ, и приказывали иногда разрушать великолѣпные языческіе храмы, чтобы ихъ мраморы употребить на обложку какого нибудь колодца и т. ц. Въ теченіе столѣтій, отъ этихъ разрушеній и нигѣмъ неочищаемыхъ грудъ мусору, самыя остатки многихъ древнихъ памятниковъ покрылись толстымъ слоемъ наростшей надъ ними новой почвы, на которой свободно стали произрастать трава, кусты и цѣлыя роши. Напримѣръ, знаменитый Римскій Форумъ (Forum Romanum) обратился въ пастбище или въ такъ наз. «Коровье Поле» (Campo Vaccino); о его древнемъ значеніи напоминали только торчавшія изъ земли кое какія колонны, принадлежавшія нѣкогда къ изящнымъ храмамъ и портикамъ. Но съ другой стороны новый слой почвы, покрывшій многіе остатки древностей, сохранилъ ихъ отъ дальнѣйшаго уничтоженія. Въ настоящемъ столѣтіи началось дѣятельное изученіе и изслѣдованіе римскихъ памятниковъ; благодаря тщательно производимымъ раскопкамъ въ этой почвѣ, класси-

ческій Римъ все болѣе и болѣе воскресаетъ передъ нами изъ своихъ развалинъ.

Отъ Императорскаго періода въ почвѣ древняго Рима осталась еще цѣлая и весьма обширная группа памятниковъ, но принадлежащихъ уже не языческому, а христіанскому міру. Мы говоримъ о катакомбахъ.

Римскія катакомбы представляютъ подземные лабиринты или сѣть галлерей, ископанныхъ въ ближнихъ окрестностяхъ города. Обыкновенно эти узкія и низкія галлерей или корридоры пересѣкаются и перепутываются между собою и притомъ расположены въ нѣсколько ярусовъ другъ надъ другомъ. По обѣимъ сторонамъ такой галлерей идутъ ряды углубленій или нишъ съ ложами покойниковъ; отверстия этихъ нишъ наглухо закрыты каменными плитами. По временамъ галлерей прерываются особыми камерами, или обращенными въ часовню, или также полными погребальныхъ нишъ. Катакомбы служили кладбищемъ (криптами), гдѣ погребались христіане первыхъ вѣковъ, когда религія ихъ еще не пользовалась свободою и даже подвергалась преслѣдованіямъ. Здѣсь они собирались также для исполненія своихъ обрядовъ; а во время сильныхъ гоненій укрывались сюда отъ своихъ гонителей. Иногда свѣтъ и воздухъ проникалъ въ катакомбы посредствомъ отверстій, выходящихъ въ какое нибудь поле; но обыкновенно онѣ освѣщались бронзовыми лампами висящими со сводовъ на цѣпочкѣ; для указанія пути вѣрующимъ въ галлерейхъ горѣли глиняныя лампадки, размѣщенные по стѣнамъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга.

О самомъ происхожденіи Римскихъ катакомбъ существуютъ разныя мнѣнія. Нѣкоторые сомнѣвались, чтобы всѣ онѣ были ископаны руками христіанъ, и полагали, что христіане только воспользовались уже издавна существовавшими каменоломнями (аренаріи), откуда населеніе добывало камни, глину и песокъ для своихъ построекъ. Думали, что христіанскія общины собственно распространили такія подземныя галлерей, обратили ихъ въ свои кладбища и вообще приспособили ихъ къ своимъ потребностямъ. Но послѣдними изслѣдованіями сомнѣнія эти почти опровергнуты; надобно полагать, что катакомбы суть произведеніе исключительно христіанскихъ рукъ и что съ ними не должно смѣшивать помянутыя аренаріи. Катакомбы обыкновенно

выкапывались въ мѣстахъ возвышенныхъ или внутри холмовъ, чтобы избѣжать почвенной влаги. Для сообщенія съ ними христіане вырывали скрытые подземные корридоры, преимущественно изъ загородныхъ виллъ и садовъ, которые принадлежали кому либо изъ римскихъ гражданъ, сочувствовавшихъ новой религіи или уже ее принявшихъ.

Такъ какъ въ этихъ кладбищахъ были погребены многіе христіанскіе мученики, погибшіе во время гоненій, то мѣста ихъ погребенія сдѣлались особымъ предметомъ почитанія, и на такихъ мѣстахъ воздвигались обыкновенно часовни или большія сводчатыя ниши съ колоннами по угламъ; при чемъ надъ гробницею почившаго устраивался алтарь. Вблизи мучениковъ ждали лечь ихъ почитатели; а потому катакомбы нѣкоторое время продолжали служить христіанскими кладбищами даже и послѣ Константина Великаго, т. е. послѣ того какъ христіанство сдѣлалось господствующей религіей. Нѣблы знатныя семьи имѣли здѣсь свои фамиліные склепы. вмѣстѣ съ торжествомъ христіанства усилились старанія украшать эти крипты, въ особенности ихъ часовни, иногда расширенныя и обращенныя въ цѣлыя базилики или храмы. Стѣны ихъ покрывались или мраморомъ, или штукатуркою и расписывались фресковыми изображеніями. Скульптуры и фресковая живопись катакомбъ восходятъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, и самыя древнѣйшія изъ такихъ украшеній въ тоже время суть наиболѣе изящныя; ибо онѣ принадлежатъ еще періоду познаго процвѣтанія Римскаго искусства. Стѣнные фрески въ катакомбахъ представляютъ лица и сцены изъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Изображеніе Христа въ первый періодъ Христіанскаго искусства болшею частію имѣетъ символическій характеръ. Онъ является обыкновенно въ образѣ Добраго Пастыря: это еще безбородый юноша, одѣтый въ короткій хитонъ, съ посохомъ въ одной рукѣ; а другую руку Онъ простираетъ въ овцѣ; или Онъ несетъ на плечахъ найденную имъ заблудшуюся овцу. Иногда Христосъ представленъ стоящимъ посреди своихъ учениковъ. Онъ постоянно является здѣсь въ образѣ протости и славы; въ катакомбахъ первыхъ вѣковъ еще не встрѣчаются печальныя картины Его страданій и распятія. Что касается до скульптуры, то она не преимуществу украшаетъ мраморныя саркофаги или гробницы болѣе знаменитыхъ и болѣе знатныхъ людей, погребенныхъ въ катакомбахъ. Обычай украшать такимъ спо-

собою саркофаги перешелъ къ христіанамъ отъ античнаго міра; самое содержаніе этихъ украшеній представляетъ смѣшеніе античныхъ приемовъ и фигуръ съ библейскими и христіанскими сценами; напр.: крылатые геніи или купидоны, музы, Адамъ и Ева, Даниилъ во рву Львиномъ, многострадаальный Іовъ, Моисей, сцены изъ земной жизни Спасителя и главныхъ апостоловъ. Боковыя стороны саркофаговъ или представляютъ одну сплошную рельефную картину, или раздѣлены колоннами на отдѣльныя части, и каждая часть наполняется какою нибудь скульптурною группою. Многія изъ произведеній древнехристіанскаго искусства, найденныя въ катакомбахъ, теперь хранятся въ римскихъ музеяхъ (особенно Ватиканскомъ и Латеранскомъ).

Не всѣ Римскія катакомбы или пещерныя кладбища приведены въ извѣстность; такъ какъ входы въ нихъ часто были завалены обрушившеюся землею, и только съ трудомъ можно было въ нихъ проникнуть. Общее число извѣстныхъ катакомбъ простирается до сорока, а наиболѣе изслѣдованныхъ и знаменитыхъ до десяти. Онѣ получили названія преимущественно по именамъ погребенныхъ тамъ святыхъ; напр. катакомбы свв. Агнесы, Кирьяки, Каллиста, и т. д. Самою древнею группою пещерныхъ кладбищъ почитается та, въ которой по преданію было погребено тѣло апостола Петра, близъ Авреліевой дороги и того мѣста, гдѣ Апостоль подвергся крестной казни. Тутъ у подошвы Ватиканскаго холма находились сады Нерона, въ которыхъ, какъ извѣстно, этотъ тиранъ подвергалъ христіанъ мучительной смерти. Тѣ же катакомбы послужили усыпальницей многихъ римскихъ первосвященниковъ или папъ въ первые вѣка христіанства.

Римскія катакомбы очень рано и на долгое время сдѣлались священными мѣстами, куда направлялись христіанскіе пилигримы для поклоненія гробамъ святыхъ, прославленныхъ церковію. Такъ блаженный Іеронимъ, жившій въ IV вѣкѣ, говоритъ слѣдующее: «Въ молодости своей, когда я учился въ Римѣ, то имѣлъ обыкновеніе по воскресеньямъ вмѣстѣ съ товарищами посѣщать могилы апостоловъ и мучениковъ. Я часто обходилъ крипты, выкопанныя въ глубинахъ земли, гдѣ тысячи погребенныхъ тѣлъ покоятся съ каждой стороны на различной высотѣ, и гдѣ царствуетъ такая мгла, что вмѣстѣ

съ пророкомъ можно сказать: я живой сошелъ въ адъ (Псал. LIV. 16). Изрѣдка немного свѣту уменьшаетъ ужасъ мраковъ, проникая чрезъ верхнія отверстія. И когда идешь впередъ посреди этой темной ночи, невольно вспоминаешь слова Виргилія: (*horror ubique animos, simul ipsa silentia terrent. Aeneid. II. 755*) повсюду ужасъ объемлетъ душу и самое безмолвіе наполняетъ ее страхомъ».

XV.

КОНСТАНЦІЙ II И ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ *).

Раздѣлъ Имперіи между сновьями Константина В.—Сапоръ Персидскій.—Узурпаторъ Магненцій и битва при Мурсѣ.—Единодержавіе Констанція II.—Вліяніе евнуховъ на его правленіе.—Судьба цезаря Галла.—Воспитаніе Юліана въ духѣ эллинизма.—Аріанство и язичество.—Неоплатоники и тайное отступничество Юліана.—Аѳинскія школы и софисты.—Посѣщеніе Аѳинъ Юліаномъ.—Назначеніе его цезаремъ въ Галлію.—Его энергическая дѣятельность.—Побѣда при Аргенторатумѣ.—Посѣщеніе Рима Констанціемъ.—Его зависть къ славі Юліана.—Возмущеніе галльскихъ легионовъ и провозглашеніе Юліана августомъ.—Походъ на востокъ.—Внезапная кончина Констанція.

22 мая 337 года по Р. Х. въ городѣ Никомидіи скончался Константинъ Великій, за нѣсколько дней до того принявъ таинство крещенія. И Римская имперія, наслаждавшаяся глубокимъ миромъ въ эпоху его единодержавія, немедленно подверглась новымъ смутамъ и междоусобіямъ въ слѣдствіе новаго разновластія.

Воспитанный въ эпоху Деоклетіанова раздѣленія имперіи на части, Константинъ, не смотря на собственную энергическую борьбу за единство, подъ конецъ жизни самъ воротился къ той же системѣ. Чтобы облегчить себѣ бремя управленія и внѣшней обороны, онъ раз-

---

*) Источники: латинскіе и византійскіе историки, свѣтскіе и церковные, каковы Амміанъ Марцелинъ, Зосимъ, Сократъ, Созоменъ, Евтропій, Аврелій Викторъ, Орозій, Сульпицій Северъ, Зонара и др., риторъ Либаній (его рѣчи) и самъ Юліанъ Апостатъ (его письма). Пособія: кромѣ поминутаго выше Герцберга, остановившагося преимущественно на Императорскомъ періодѣ, *Гиббонъ*—*History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. *Неандеръ*—*Geschichte der christlichen Religion und Kirche*. *Жюльовиль*—*Histoire de la Grèce sous la domination Romaine*. *Подо*—*Geschichte der Reaction Kaiser Julians gegen die christliche Kirche*. Jena. 1877.

дѣлилъ провинціи между тремя сыновьями, Константиномъ, Констанціемъ и Константомъ, и двумя племянниками, Далмаціемъ и Аннибальномъ; все это были еще очень молодые люди, и Константинъ окружилъ ихъ опытными руководителями изъ числа своихъ сподвижниковъ. Принцы-правители пользовались титуломъ цезарей или кесарей, который уже давно получилъ въ Римѣ значеніе императорскаго помощника или соправителя. А верховную власть надъ всею имперіей съ титуломъ августа Константинъ оставлялъ за собою, и конечно, пока былъ живъ, держалъ своихъ соправителей въ строгомъ себѣ повиновеніи. Но съ его кончиною такой порядокъ естественно нарушился. Кровавая драма тотчасъ разыгралась въ средѣ императорской фамиліи.

Межъ тѣмъ какъ тѣло покойнаго императора, перенесенное въ столицу, было выставлено на парадномъ золотомъ ложѣ въ одной изъ дворцовыхъ залъ и окружалось всеми возможными знаками почитанія, въ средѣ придворныхъ и въ войскахъ уже составилъ страшный заговоръ. Изъ трехъ сыновей Константина Великаго второй, т. е. Констанцій, находился ближе другихъ къ столицѣ, и поспѣшилъ прибыть въ нее, чтобы совершить погребеніе своего отца. Сюда же явились цезари Далмацій и Аннибальнъ, имѣвшіе свои удѣлы въ восточныхъ провинціяхъ. По всей вѣроятности самъ Констанцій, въ то время еще двадцатилѣтній юноша, былъ втайнѣ душою заговора, въ слѣдствіе котораго произошло возмущеніе войска: оно объявило, что имперія должна принадлежать только сыновьямъ Константина. Вслѣдъ за тѣмъ распространено было, приписанное самому покойному императору, ложное обвиненіе, будто его отравили собственные родственники. Мятежные солдаты вторглись во дворецъ и произвели избіеніе почти всей боковой линіи царскаго дома; при семъ погибли два брата Константина и нѣсколько его племянниковъ, въ томъ числѣ помянутые Далмацій и Аннибальнъ, т. е. почти все потомство Констанція Хлора и второй его супруги Теодоры.

Изъ этого потомства отъ помянутой бойни уцѣлѣли только два маленькихъ племянника Константина: двѣнадцатилѣтній Галлъ и шестилѣтній Флавій Юліанъ.

Послѣ того всѣ три сына Константина (внуки Констанція Хлора и первой его супруги Елены) были провозглашены августами или императорами. Въ слѣдующемъ 338 году они съѣхались въ главномъ

городъ Нижней Панноніи Сирміѣ на Савѣ, и здѣсь полюбовно раздѣлили между собою имперію такимъ образомъ: старшій или Константинъ II получилъ удѣлъ своего дѣда Констанція Хлора, т. е. Британію, Галлію, Испанію и кромѣ того западную часть Сѣверной Африки; Констанцій II взялъ себѣ всѣ Азіатскія провинціи, Египеть и Фракію съ стольнымъ Константинополемъ; а младшій Константинъ префектуры Итальянскую и Илирійскую съ остальною частью Африки. Такъ какъ братья сдѣлались независимыми другъ отъ друга государями, то имперія распалась на три самостоятельныя государства. Но это дѣленіе удержалось недолго; событія скоро подтвердили, что надъ семействомъ великаго Константина тяготѣлъ какой-то рокъ истребленія.

Константинъ II обнаружилъ недовольство помянутымъ раздѣломъ, и сталъ требовать себѣ ту часть Африки, которою владѣлъ младшій братъ Константъ. Возбуждаемый недостойными совѣтниками, онъ отъ угрозъ перешелъ къ дѣйствию; съ своими войсками двинулся изъ Галліи, перешелъ Альпы и явился въ Верхней Италіи. Константъ находился тогда въ Дакии; узнавъ о нашествіи брата на свои владѣнія, онъ сталъ собирать илирійскіе и паннонскіе легіоны, пославъ впереди себя значительный отрядъ войска. Этотъ передовой отрядъ рѣшилъ все дѣло. Предводители его, встрѣтясь подъ Аквилеей съ противнымъ войскомъ, обратились въ притворное бѣгство, и завлекли неосторожнаго Константина II въ засаду. Онъ былъ окруженъ неприятелями и палъ въ стычкѣ. Константъ послѣшилъ воспользоваться обстоятельствомъ; захватилъ земли старшаго брата, и отказался подѣлиться ими съ Констанціемъ, соединивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ болѣе двухъ третей Римской имперіи (340 г.).

Констанцій II не могъ оружіемъ поддержать свои притязанія на новый раздѣлъ: онъ въ то время былъ занятъ трудною войною съ персидскимъ царемъ Сапормъ II.

Одинъ византійскій историкъ (Агаѳій) рассказываетъ, будто Сапормъ началъ царствовать еще прежде своего рожденія. Когда умеръ Гормиздъ, послѣ него осталась беременная жена. Родственники его уже готовились оспаривать престолъ другъ у друга, и царству грозили междоусобія. Вдругъ жрецы или маги объявили, что вдова царя въ скоромъ времени благополучно разрѣшится его сыномъ и преемникомъ. Устроено было торжественное коронованіе будущаго ребенка; именно, ца-

рица явилась вельможамъ и войску во дворцѣ на парадномъ ложѣ; на чрево ея возложили царскую діадему, и всѣ простерлись ницъ, привѣтствуя своего повелителя, еще не явившагося на свѣтъ. Родившійся вскорѣ мальчикъ получилъ имя Сапора, и это былъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ царей династїи Сассанидовъ, богато одаренный политическими и военными талантами.

Придя въ возрастъ, Сапоръ горѣлъ желаніемъ отомстить Римлянамъ за пораженія, понесенныя Персами во времена Деоклетіана и Галеріа, и воротить нѣкоторыя отнятыя ими области въ Месопотамію. Пока былъ живъ Константинъ Великій, слава его имени и могущества сдерживала внѣшнихъ враговъ имперіи. Его смерть и наступившія замѣшательства поощрили персидскаго царя къ наступательнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Перешедши рѣку Тигръ и вторгнувшись въ Месопотамію, Сапоръ имѣлъ нѣсколько удачныхъ сраженій съ римскими легіонами; но Персы не были сильны въ дѣлѣ осаднаго искусства, и ихъ неоднократныя попытки взять крѣпкій городъ Низибисъ разбились о мужественное сопротивленіе сего послѣдняго. Болѣе успѣха имѣлъ Сапоръ въ Арменіи, которая находилась подъ покровительствомъ Римской имперіи. По смерти перваго ея христіанскаго царя Тиридата языческая партія, еще довольно многочисленная, произвела тамъ смуты; слабый его преемникъ Хозрой II призналъ себя данникомъ Сапора и уступилъ ему пріобрѣтеніе своего отца, богатую прикаспійскую область Атропату.

Война Констанція съ Сапоромъ въ Месопотаміи продолжалась съ малыми перерывами въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Персидскому царю удалось наконецъ съ помощью измѣны завладѣть одной римской крѣпостью (Сангарой). Римляне въ отмщеніе умертвили попавшаго къ нимъ въ плѣнъ Сапорова сына. Война принимала все болѣе ожесточенный характеръ. Персидскій царь, собравъ большія колачища, еще разъ осадилъ Низибисъ, расположенный въ равнинѣ, но защищенный тройными каменными стѣнами и глубокимъ ровомъ. На этотъ разъ Сапоръ прибѣгъ къ помощи водной стихіи: онъ велѣлъ ниже города запрудить протекавшую подлѣ него рѣку Мигдоній въ то время, когда она поднялась отъ таявшихъ въ Арменіи снѣговъ. На образовавшемся отъ того искусственномъ озерѣ появилась флотилія судовъ съ людьми и военными машинами; суда подплывали къ самымъ верхушкамъ стѣнъ и бросали въ городъ огромные камни; но войны тщет-

но пытались проникнуть внутрь. Тогда царь велѣлъ запрудить рѣку выше города, и потомъ вдругъ пустить ее. Напоромъ воды часть укрѣпленій была разрушена, и образовалась широкая брешь. Образованные тѣмъ, Персы бросились на приступъ; но ихъ тяжело вооруженная конница и боевые слоны завязли въ размокшей тинистой почвѣ, и приступъ неудался. А въ теченіе ночи гарнизонъ и граждане успѣли закрыть брешь новыми укрѣпленіями. Упрямый Сапуръ однако продолжалъ осаду, рѣшась взять городъ во что бы ни стало.

Въ это самое время Констанцій получаетъ тревожное извѣстіе о смерти своего младшаго брата и большомъ переворотѣ въ западной половинѣ Имперіи.

Императоръ Константъ въ началѣ своего правленія возбудилъ нѣкоторыя добрыя надежды. Но когда его умный министръ и совѣтникъ Эвтерій потерялъ вліяніе и довѣріе молодого государя овладѣли иные любимцы, гораздо менѣе достойные, тогда его управленіе получило тиранническій характеръ. Умноженіе налоговъ и притѣсненія чиновниковъ вызвали неудовольствіе въ областяхъ; а бездѣятельность и распущенный образъ жизни Константа лишили его уваженія въ глазахъ арміи. Такими обстоятельствами воспользовался начальникъ гвардейскихъ отрядовъ Магненцій, происходившій изъ франкскихъ поселенцевъ Галліи; онъ задумалъ овладѣть тронемъ. Главнымъ его пособникомъ явился министръ финансовъ (*comes sacraarum largitionum*) Марцеллинъ. Составленный ими заговоръ нашелъ довольно сторонниковъ при дворѣ и въ войскѣ.

Дворъ находился тогда въ городѣ Бибракѣ или Августодунѣ (нынѣ Отёнъ); Марцеллинъ устроилъ у себя пиръ и пригласилъ многихъ вельможъ. Когда гости были достаточно отуманены виномъ, хозяинъ ловко завлекъ ихъ въ опасную интимную бесѣду о государѣ и государственномъ переворотѣ. Вдругъ двери съ шумомъ растворились, и вошелъ Магненцій, одѣтый въ царскій пурпуръ, съ діадемою на головѣ. Заговорщики тотчасъ встали и привѣтствовали его именами августа и императора; остальные присутствующіе, пораженные неожиданностью, растерялись и присоединились къ перевороту. Гвардія присягнула новому императору. Константъ въ то время отсутствовалъ изъ города, безопасно предаваясь охотѣ и другимъ удовольствіямъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Узнавъ о переворотѣ, онъ съ своей неболь-

шой свитой бросился бѣжать въ Испанію, гдѣ хотѣлъ сѣсть на корабль. Но у подошвы Пиринеевъ въ одномъ маленькомъ городкѣ его настигъ отрядъ конницы, и начальникъ ея, родомъ также Германецъ, велѣлъ его убить въ самомъ храмѣ; гдѣ онъ искалъ спасенія (въ январѣ 350 г.). Такъ безславно погибъ и другой сынъ Константина Великаго. Въ живыхъ оставался теперь только одинъ изъ его сыновей, Констанцій II, императоръ восточныхъ провинцій.

Всѣ западныя провинціи признали Магненція своимъ государемъ. Констанцій повидимому не могъ ничего предпринять противъ узурпатора; ибо онъ самъ былъ занятъ трудною Персидскою войною. Положеніе его казалось критическимъ. Но династію Константина и единство Имперіи на этотъ разъ поддержали новыя неожиданныя событія.

Иллирійскіе легіоны вскорѣ отпали отъ Магненція и провозгласили императоромъ своего стараго предводителя Ветраніо; вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлилась отъ Галльскаго узурпатора и вся Иллирійская префектура, т. е. большая часть Балканскаго полуострова и Дунайскихъ провинцій. Подобное раздѣленіе ослабляло силы противниковъ и значительно улучшало положеніе Констанція. Но не заключивъ мира съ Сапормомъ, невозможно было двинуть свое войско на западъ и оставить восточные предѣлы въ добычу непріятелямъ. И тутъ помогли случайныя обстоятельства. Съ одной стороны въ персидскомъ лагерѣ подъ Низибисомъ отырылись жестокія болѣзни и недостатокъ въ продовольствіи; съ другой, на сѣверовосточные предѣлы Ирана вновь напали тогда кочевые народы Турана. Сапоръ заключилъ девятилѣтнее перемиріе съ Римлянами, и ушелъ обратно за Тигръ.

Восточноримскій императоръ основалъ свой образъ дѣйствія на характеръ Ветраніо, простодушнаго старика, привыкшаго высоко чтить своего благодѣтеля Константина и его семейство. Въ этомъ случаѣ Констанцій обнаружилъ даже значительную дипломатическую ловкость. Прежде всего онъ постарался совершенно разъединить своихъ соперниковъ. Онъ объявилъ, что однажды ночью ему явилась тѣнь отца съ окровавленнымъ тѣломъ младшаго брата на рукахъ; тѣнь вывала къ мщенію убійцѣ и предсказывала успѣхъ. Посему послы Магненція, предлагавшіе мирно утвердить раздѣлъ Имперіи, были частію отосланы съ презрительнымъ отвѣтомъ, частію заключены въ оковы. Съ Ветраніо наоборотъ завязаны самыя дружескіе пере-

говору. Констанцій признавалъ его своимъ совратителемъ и предложилъ ему руку прекрасной своей сестры Константины (вдовы Аннибалына). Старикъ былъ очень доволенъ такими предложеніями и не только отвергъ союзъ съ Магненціемъ; но и согласился общими силами вести противъ него войну. Для окончательныхъ переговоровъ о томъ оба восточные императора въ декабрѣ 350 года съѣхались подъ городомъ Нессомъ (теперь Сербскій Нигъ). Ветраніо явился во главѣ своихъ Иллирійскихъ легионовъ, которые и числомъ и качествомъ много превосходили войско, окружавшее Констанція. Но въ средѣ этихъ легионовъ нѣкоторые подкупленные ихъ начальники уже дѣйствовали тайно въ пользу Константиновой династіи; благодаря золоту и живой еще памяти великаго императора, такіа дѣйствія шли очень успѣшно. Оставалось только завершить ихъ открытымъ призывомъ воротиться къ своему долгу.

Оба войска расположились на широкой загородной равнинѣ. Въ срединѣ между ними воздвигли помость или трибуну, съ которой по древнему обычаю вожди обращались съ рѣчью къ своимъ воинамъ въ случаяхъ важныхъ или торжественныхъ. Оба императора должны были говорить по очереди. Первое слово предоставлено Констанцію по его высокому происхожденію. Никогда особенно не отличавшійся риторскимъ искусствомъ, онъ на сей разъ говорилъ съ достоинствомъ, твердостью и краснорѣчіемъ. Сначала онъ напалъ на тирана Галліи какъ на гнуснаго убійцу Константа; затѣмъ указалъ на свои законныя права наследовать земли брата, и въ заключеніе напомнилъ воинамъ подвиги и щедрость къ нимъ великаго Константина, а также присягу его сыновьямъ, которымъ они клялись быть вѣрными и которымъ измѣнили ихъ самые близкіе друзья. Рѣчь эта произвела ожидаемое дѣйствіе. Близкіе къ трибунѣ ряды, заранѣе подготовленные къ своей роли, какъ бы убѣжденные справедливостью и силою сказаннаго слова, принялись кричать, что только Констанцій есть ихъ единственный и законный императоръ. Прочіе Иллирійскіе легионеры были увлечены ихъ примѣромъ, и скоро равнина огласилась кликами: «Да здравствуетъ сынъ Константина! Смерть узурпаторамъ!» Старому Ветраніо оставалось только снять съ себя императорскую діадему и броситься къ ногамъ Констанція. Тотъ, вопреки своему обычаю, обошелся съ нимъ милостиво, и позволилъ ему провести остатокъ жизни въ виинскомъ городѣ Прузѣ.

Отдѣлавшись такъ легко отъ Вестрагію, Констанцій долженъ былъ вступить въ трудную борьбу съ энергичнымъ, даровитымъ Магненціемъ. Впрочемъ вскорѣ оказалось, что сей Германецъ или варваръ по происхожденію не пользовался сочувствіемъ Романскаго населенія своихъ провинцій, и что онъ долженъ былъ искать опоры преимущественно въ наемныхъ войскахъ, набранныхъ между его соотечественниками, Франками и Саксами. Въ Италіи даже вспыхнуло противъ него возстаніе: нѣкто Непотіанъ, по матери своей внучкъ Констанція Хлора, собралъ шайки гладіаторовъ и бродягъ, овладѣлъ Римомъ и провозгласилъ себя августомъ. Но его царствованіе продолжалось только около мѣсяца. Другъ Магненція Марцеллинъ прибылъ съ регулярнымъ войскомъ, подавилъ это возстаніе, и велѣлъ съ триумфомъ носить по улицамъ Рима отрубленную голову Непотіана.

Выступивъ лично на войну съ Магненціемъ въ Придунайскія области, Констанцій смелъ нужнымъ назначить на востокъ себя наместника съ титуломъ цезаря. Въ это достоинство онъ возвелъ старшаго изъ двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, уцѣлѣвшихъ отъ навіенія 337 года, т. е. Галла; при чемъ женилъ его на помннутой выше сестрѣ Константинѣ. Его соперникъ также избралъ себѣ цезаря для Галліи, въ лицѣ собственнаго брата Деценція.

Магненцій съ своими легіонами вторгся въ Нижнюю Паннонію и старался вызвать Констанція на большую битву. Хотя послѣдній имѣлъ у себя болѣе многочисленныя силы, но чувствовалъ превосходство противника относительно военныхъ талантовъ, и уклонился отъ встрѣчи. Уже нѣкоторые отдѣльные отряды восточной арміи потерпѣли пораженіе, и духъ ея сталъ приходить въ упадокъ. Констанцій попытался было завязать переговоры и послалъ съ предложеніемъ мира. Но, возгордившійся своими успѣхами, Франкъ на сей разъ задержалъ посла и потребовалъ, чтобы сынъ Константина сложилъ съ себя императорское достоинство. Тогда ничего болѣе не оставалось, какъ рѣшить споръ генеральнымъ сраженіемъ. Впрочемъ посолъ Констанція, задержанный въ непріятельскомъ лагерѣ, повидимому успѣлъ привлечь на его сторону одного изъ галльскихъ военачальниковъ, по имени Сильвана, родомъ также Франка. Передъ рѣшительной битвой онъ съ отрядомъ превосходной тяжелой кавалеріи покинулъ ряды Магненція и перешелъ къ его противнику.

Эта рѣшительная битва произошла 28 сентября 351 года на берегахъ рѣки Дравы при городѣ Мурсъ, который былъ осажденъ Магненціемъ. Восточный императоръ явился на выручку города. Когда объ арміи выстроились въ боевой порядокъ, Констанцій произнесъ къ своимъ воинамъ одушевленную рѣчь, и затѣмъ удалился въ близкую церковь, предоставивъ веденіе боя своимъ полководцамъ. Последніе оправдали его довѣріе. Сраженіе было чрезвычайно упорное. Западные легионы поддержали свою славу; особенно храбро дрались наемные германскіе отряды; но, едва прикрытые одеждою и легко вооруженные, они много пострадали отъ искусныхъ восточныхъ стрѣлковъ. Пользуясь превосходствомъ тяжелооруженной конницы, восточные полководцы сбили съ поля кавалерію противника; а потомъ пустили своихъ конниковъ на западную пѣхоту, которую они неоднократно энергическими атаками привели въ разстройство. Уже наступилъ вечеръ, когда легионы Магненція наконецъ обратились въ бѣгство. Объ упорствѣ сраженія свидѣтельствуетъ число павшихъ, превышавшее 50,000 человекъ, изъ которыхъ большинство пришлось на долю побѣдителей. Поэтому Мурсійская битва имѣла еще то важное послѣдствіе, что истребила цѣлую армію ветерановъ и значительно ослабила военныя силы Имперіи, въ которыхъ она нуждалась тогда для защиты своихъ предѣловъ отъ варварскихъ народовъ. При Мурсъ палъ и Марцеллинъ, главный помощникъ Магненція.

Одинъ христіанскій писатель той эпохи (Сулпицій Северъ) рассказываетъ, что во время битвы Констанцій молился въ храмѣ вмѣстѣ съ своей свитой и мурсійскимъ епископомъ Валентомъ, который держался Аріанской ереси. Хитрый епископъ принялъ всѣ мѣры, чтобы немедленно получать точныя извѣстія о ходѣ сраженія. Императоръ трепеталъ между страхомъ и надеждою; вдругъ Валентъ поздравляетъ его съ побѣдой. Констанцій потребовалъ къ себѣ вѣстника; но епископъ отвѣчалъ, что самъ ангелъ принесъ ему эту вѣсть. Послѣ того императоръ нерѣдко говорилъ, что онъ обязанъ побѣдой болѣе молитвамъ Валента, чѣмъ мужеству своего войска. Аріанскій епископъ, разумѣется, ловко пользовался тѣмъ въ видахъ своей партіи.

Война съ Магненціемъ однако продолжалась еще около двухъ лѣтъ. Отъ него постепенно отпали Африка, Испанія и большая часть Италіи. Наконецъ истощилось и терпѣніе Галліи, изъ которой узурпа-

торъ насильственными мѣрами выжималъ средства для войны съ Констанціемъ. Къ тому же послѣдній, чтобы еще болѣе стѣснить противника, не гнушался даже возбуждать сосѣднихъ Германцевъ къ нападеніямъ на его земли. Галльскіе города начали также отпадать отъ Магненція. Онъ потерялъ еще значительную битву въ Коттійскихъ Альпахъ и такимъ образомъ не могъ воспрепятствовать вторженію императорскихъ легионовъ въ Галлію. Узурпаторъ бѣжалъ въ Ліонъ. и здѣсь, не желая быть выданнымъ въ руки враговъ, собственнымъ мечемъ покончилъ съ собою. Въ то же время его братъ и цезарь Деценцій, разбитый Аламанамъ и осажденный ими въ одномъ городѣ, также лишилъ себя жизни.

Теперь (въ августѣ 353 года) Констанцій сдѣлался единымъ и неоспоримымъ повелителемъ всей огромной Римской имперіи. Ему оставалось только мѣрами кротости и благоразумія залечить внутреннія язвы, нанесенныя ей тяжелой междоусобной войной. Но не таковъ былъ его характеръ. Констанцій отнюдь не былъ лишенъ правительственныхъ способностей и даже отличался нѣкоторыми достоинствами: онъ былъ хорошо образованъ, дѣятеленъ и посреди своего роскошнаго, расточительнаго двора велъ воздержный, дѣломудренный образъ жизни; благодаря чему, при своемъ маломъ ростѣ, пользовался крѣпкимъ здоровьемъ. Но его высокомѣріе, мнительность и подозрительность, соединенныя съ безсердечіемъ, нерѣдко приводили его къ жестокимъ поступкамъ и сдѣлали слишкомъ доступнымъ вліянію овражающихъ лицъ (т. е. вліянію кажаріальи). Особенно такимъ вліяніемъ пользовались искусные въ интригахъ и пронырствѣ евнухи, которые водворились при императорскомъ дворѣ съ перенесеніемъ столицы на востокъ, по примѣру дворцовъ азіатскихъ. Первое мѣсто въ числѣ этихъ вліятельныхъ евнуховъ занималъ нѣкто Евсевій, оберкамергеръ двора (*praepositus Sacri cubiculi*); чтобы выразить его господствующее при дворѣ положеніе, одинъ историкъ того времени (Аммианъ Марцеллинъ) иронически замѣтилъ, что Констанцій «много у него значилъ» (*multum potuit*). Злые совѣтники императора рассылали повсюду шпіоновъ, и своими доносами постоянно возбуждали его подозрительность и боязнь заговоровъ; слѣдствіемъ чего была конечно гибель многихъ лицъ, преимущественно знатныхъ и богатыхъ, которыхъ конфискованныя имущества большею частію дѣлались добычею жадныхъ евнуховъ. Въ отношеніи

господства шпіоновъ и общаго страха передъ ними эпоха Констанція напомнила времена первыхъ тирановъ, въ особенности Тиверія.

Вмѣсто кроткихъ усвокоительныхъ мѣръ, послѣ паденія Магненція въ тѣхъ областяхъ, которыя признавали его императоромъ, открылись теперь преслѣдованія всѣхъ лицъ, считавшихся его сторонниками. Главнымъ образомъ пострадала Галлія. Наибольшимъ рвеніемъ въ дѣлѣ преслѣдованія изъ чиновниковъ Констанція отличился нѣкто нотарій Павелъ, по прозванію Катена (цѣпь). Многочисленныя пытки, конфискація имущества, изгнаніе и казни въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ свирѣпствовали въ западныхъ областяхъ Имперіи, гдѣ теперь пребывалъ императорскій дворъ.

Въ то же время Азіатскія провинціи страдали подъ тиранническимъ управленіемъ Констанціева наместника или цезаря Галла. Самъ выросшій подъ тягостнымъ надзоромъ шпіоновъ при полномъ почти лишеніи свободы, этотъ внукъ Констанція Хлора, получивъ въ свои руки власть, проявилъ также жестокий, подозрительный характеръ. Подъ влияніемъ своей честолюбивой и жадной супруги Константины, онъ принялся преслѣдовать мнимыхъ измѣнниковъ и заговорщиковъ, на которыхъ указывали донощики. Антиохія, служившая его резиденціей, сдѣлалась мѣстомъ общественнаго бѣдствія и унынія. Жалобы на эту тираннію достигли Констанція; а его совѣтники евнухи постарались возбудить въ душѣ императора опасенія, что его цезарь питаетъ мятежные замыслы. Констанцій отправилъ двухъ сановниковъ, чтобы произвести нѣкоторыя перемѣны въ управленіи восточными провинціями и призвать Галла въ Италію. Сановники гордо обошлись съ цезаремъ и затѣяли съ нимъ пререканія. Неосторожный Галлъ велѣлъ ихъ схватить и отдалъ на растерзаніе Антиохійской черни. Такой поступокъ былъ уже почти явнымъ возмущеніемъ. Но, по совѣту коварныхъ любимцевъ, Констанцій скрылъ свое негодованіе; подъ благовидными предлогами онъ вызвалъ къ себѣ съ востока лучшіе легіоны; посылалъ дружескія посланія цезарю и приглашалъ его прибыть къ своему двору. Въ это время супруга сего послѣдняго Константина скончалась. Послѣ долгаго колебанія Галлъ наконецъ отправился. Сначала путешествіе его было торжественное; въ Константинополѣ онъ велѣлъ праздновать игры цирка. Но по мѣрѣ удаленія къ западу мѣстные начальники и населеніе дѣлали ему все менѣе и менѣе почтительныя встрѣчи. Въ Адрианополѣ ему предъявили императорскій

приказъ оставить здѣсь свою многочисленную свиту и поспѣшить прибытіемъ въ Миланъ, гдѣ тогда находился дворъ. Въ Панноніи его уже взяли подѣ стражу и отвезли въ Истрію, въ городъ Полу, гдѣ заключили въ темницу. Сюда явился евнучъ Евсевій, и началъ допрашивать узника не только о его дурномъ управленіи, но и о самыхъ его замыслахъ. Слѣдствіемъ допроса былъ смертный приговоръ, изреченный императоромъ. Галлу связали назадъ руки, и отрубили голову въ его темницѣ какъ самому обыкновенному преступнику (354 г.).

Вскорѣ потомъ жертвою той же подозрительности и такого же вліянія евнуховъ сдѣлался молодой полководецъ Сильванъ, который своимъ отпаденіемъ отъ Магненція не мало помогъ выиграть у него битву при Мурсѣ. Онъ былъ отправленъ въ Кельнъ съ порученіемъ защищать Рейнскую границу отъ Германскихъ варваровъ, сильно тѣснившихъ предѣлы Имперіи съ той стороны. Сильванъ началъ усѣбно исполнять порученіе, и приобрѣлъ большую благосклонность у Констанція. Но другой военачальникъ, завидуя этой благосклонности, оклеветалъ Сильвана въ намѣреніи идти по стопамъ Магненція. Констанцій велѣлъ произвести строгое изслѣдованіе обвиненія, и невинность оклеветаннаго была доказана. Но случилось такъ, что Сильванъ поздно получилъ извѣстіе о своемъ обвиненіи, и, еще не зная о совершившемся оправданіи, счелъ себя погибшимъ; тогда для личнаго спасенія онъ дѣйствительно поднялъ знамя возмущенія и заставилъ свое войско провозгласить себя императоромъ. Но его возмущеніе было скорѣ подавлено съ помощью простаго коварства. Къ Сильвану явился нѣкто Урсидинъ, одинъ изъ начальниковъ императорской конницы, и, выдавъ себя за челоуѣка тяжело обиженнаго при дворѣ, вкрался въ его довѣріе; а между тѣмъ подготовилъ заговоръ въ его собственномъ войскѣ. Затѣмъ часть этого войска взбунтовалась, и умертвила Сильвана; чѣмъ и окончилось его отчаянное предпріятіе.

Съ его смертію сѣверовосточная граница осталась беззащитною; Франки перешли Рейнъ и начали опустошать Галлію съ сѣвера, тогда какъ Аламаны и другіе Германцы вторгались въ нее съ востока. Въ то же время Сарматы стали тѣснить Дунайскіе предѣлы имперіи, въ Малой Азіи безнаказанно свирѣпствовали разбойничьи шайки Изаврянъ; со стороны Персидскаго царя также грозила новая опасность.

Посреди этихъ трудныхъ обстоятельствъ Констанцій, не смотря на льстивыя увѣренія своихъ любимцевъ въ его необыкновенныхъ правительственныхъ и военныхъ талантахъ, сознавалъ, что ему одному не справиться съ затрудненіями. Стремясь на свой любимый востокъ, онъ пожелалъ назначить себѣ соправителя для западныхъ провинцій, и тогда вспомнилъ о единственномъ живомъ своемъ родственникѣ, т. е. о Юліанѣ.

*

Мы видѣли, что Флавій Юліанъ остался шестилѣтнимъ ребенкомъ, когда его отецъ и прочіе родственники, за исключеніемъ брата Галла, подверглись безпощадному избиенію. Галла Констанцій пощадилъ въ виду болѣзненности, возбудившей ложное ожиданіе его скорой и естественной смерти, а Юліана ради его нѣжнаго возраста. (Матери онъ лишился векорѣ послѣ своего рожденія). Высшій надзоръ за воспитаніемъ этихъ мальчиковъ порученъ бывшему епископу Никомидіи Евсевію, тогда только что возведенному на кафедру Константинопольскую. Юліанъ началъ посѣщать столичныя школы; при чемъ его приставникомъ или педагогомъ былъ одинъ изъ придворныхъ рабовъ, старый евнухъ Мардоній, родомъ изъ Скіаѳіи. Ему Юліанъ потомъ приписывалъ большое вліяніе на свое образованіе. Старикъ, хотя и былъ христіаниномъ, но не искреннимъ. Будучи знаткомъ классической эллинской литературы и послѣдователемъ аскетическаго направленія философской школы Неоплатониковъ, онъ тоже направленіе старался привить и своему питомцу. Мардоній пріучалъ мальчика ходить въ школу по улицамъ города, скромно потупивъ глаза въ землю; удалялъ его отъ посѣщенія театра и конскихъ ристаній, отъ созерцанія пантомимъ и танцевъ, и, взамѣнъ этихъ шумныхъ удовольствій, заставлялъ его углубляться въ чтеніе Гомерическихкихъ поэмъ, которыя своими поэтическими красотами и яркими картинами сильно дѣйствовали на живое воображеніе мальчика. А когда онъ прошелъ начальную школу, Мардоній посвятилъ его въ творенія двухъ величайшихъ философовъ древности, Платона и Аристотеля.

Подъ вліяніемъ такого чтенія мальчикъ проникся восторженнымъ почитаніемъ эллинизма; вмѣстѣ съ поэзіей его душу наполни-

ла и Эллинская мифология съ ея свѣтлымъ міромъ боговъ и героевъ. Въ особенности любилъ онъ созерцать небесный или солнечный свѣтъ и вспоминать о поклоненіи Гелиосу, т. е. солнечному божеству. Иногда (по собственному его разсказу) въ безоблачныя ясныя ночи онъ подолгу смотрѣлъ на звѣздное небо, и забывалъ при этомъ все окружающее.

По мѣрѣ того какъ братья, Галлъ и Юліанъ, приходили въ возрастъ, Констанцій началъ питать опасеніе, чтобъ они не явились потомъ мстителями за избіеніе ихъ отца и родственниковъ. Когда Юліану было около 14 лѣтъ, а Галлу около 20, императоръ постарался удалить ихъ изъ столицы и назначилъ имъ для пребыванія замокъ Макеллъ близъ Кесаріи Каппадокійской. Здѣсь они жили посреди прекрасной природы, имѣя въ своемъ распоряженіи роскошный домъ, бани, сады и пр. Но все это не радовало Юліана. Во первыхъ, братья ясно видѣли, что они живутъ подъ строгимъ присмотромъ и лишены свободы; а во вторыхъ, Юліану тяжело было разстаться съ своими школьными товарищами и съ любимыми занятіями классической литературой. На мѣсто грамматиковъ и риторовъ, къ юношамъ были приставлены въ Макеллѣ христіанскіе клирики, дабы научить ихъ догматамъ вѣры и строгому исполненію обрядовъ. Они сами были причислены къ клиру въ качествѣ чтецовъ; эта должность обязывала ихъ часто читать св. Писаніе во время богослуженія. Юліанъ, при своихъ отличныхъ способностяхъ, дѣйствительно хорошо ознакомился съ Библіей и Евангелистами, но для того только, что бы впоследствии относиться къ нимъ съ ироніей и скептицизмомъ.

Галлъ сдѣлался довольно ревностнымъ христіаниномъ, а Юліанъ казался имъ только по наружности; при чемъ онъ рано усвоилъ себѣ искусство скрывать свои мысли и чувства подъ скромною, безпечною виѣшностію. Изъ окружающихъ наставниковъ въ это время не было никого, кто бы могъ раскрыть передъ нимъ самый духъ и суть христіанскаго ученія, помимо церковной обрядности. Впрочемъ и сама Христіанская церковь находилась тогда въ періодъ неурядиства, горячихъ распрей и разнаго рода смуть; это обстоятельство также неблагоприятнымъ образомъ повліяло на впечатлительную натуру Юліана.

Главною причиною церковныхъ смуть того времени служило уче-

ніе Арія о неравенствѣ Сына Божія съ Богомъ Отцомъ. Хотя это ученіе, при содѣйствіи Константина Великаго, было осуждено Никейскимъ соборомъ 325 года; однако впоследствии самъ Константинъ подпалъ вліянію арианской партіи, и передъ смертію принялъ крещеніе изъ рукъ помянутаго выше никомидійскаго епископа Евсевія, также наклоннаго къ арианству. Его сыновья и преемники, воспитанные уже въ преданности христіанству, стали въ различныя отношенія къ этой распрѣ. Арианство особенно было сильно въ восточныхъ провинціяхъ Имперіи, и его сторону принялъ императоръ Констанцій; при восточномъ дворѣ усвоено было арианское ученіе въ смягченномъ или умѣренномъ видѣ, который установленъ тѣмъ же епископомъ Евсевіемъ *). А въ западной половинѣ Имперіи водворилось православное исповѣданіе, согласное съ правилами Никейскаго собора; императоръ Константъ явился здѣсь поборникомъ этого исповѣданія. Констанцій съ свойственною ему нетерпимостью началъ въ своихъ владѣніяхъ преслѣдовать строгоправославныхъ епископовъ. Такъ онъ изгналъ изъ египетской Александріи Аванасія, самаго энергическаго противника Аріева и одного изъ знаменитѣйшихъ отцовъ Церкви. Аванасій спасся во владѣнія младшаго брата, и потомъ, только вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ и даже угрозъ западнаго императора, старшій братъ согласился воротить епископа на Александрійскую кафедру (349). Но вскорѣ, со смертію Константа и наступившимъ единодержавіемъ Констанція, еще съ большей силой возобновились преслѣдованія православныхъ епископовъ, изгнаніе ихъ и замѣщеніе епископами арианствующими. Выше, по поводу побѣды при Мурсѣ, мы видѣли, какъ послѣдніе иногда ловко умѣли пользоваться обсто-

*) Это такъ называемое семіаріанство или полуаріанство. Главный пунктъ арианскаго ученія или отрицаніе того, что Богъ Сынъ единосущенъ (*ὁμοούσιος*) съ Богомъ Отцомъ, Евсевій старался смягчить замѣною этого слова выраженіемъ подобносущный (*ὁμοιοούσιος*). Евсевія Никомедійскаго не должно смѣшивать съ его современникомъ Евсевіемъ Памфаломъ, епископомъ Кесаріи Палестинской, авторомъ Церковной исторіи и житія Константина Великаго. Констанцій ІІ поощрялъ догматическіе споры арианствующихъ съ православными и часто собиралъ церковные соборы. Языческій историкъ (Амміанъ Марцеллинъ) насмѣшливо замѣчаетъ, что при этомъ императорѣ епископы постоянно скакали изъ одной провинціи въ другую на свои соборы или синоды, и тѣмъ причиняли великій ущербъ почтовымъ учрежденіямъ имперіи.

ательствами, чтобы направлять императора въ видахъ своей партіи. Впрочемъ и строгіе или крайніе ариане, нехотѣвшіе присоединиться къ придворному смягченному арианству, также раздѣляли судьбу православныхъ, т. е. подвергались преслѣдованіямъ.

Немалую ревность обнаружилъ Констанцій и противъ языческой религіи, которую продолжала исповѣдывать значительная часть населенія, а также многіе чины Имперіи, гражданскіе и военные. Констанцій Великій дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи умѣренно, весьма постепенно, и держался правилъ терпимости. Но по мѣрѣ того какъ Христіанская церковь занимала господствующее положеніе, при императорскомъ дворѣ стали появляться нѣкоторые проповѣдники нетерпимости, противной истинному духу христіанскаго ученія. Изъ такихъ фанатиковъ наиболѣе извѣстенъ Юлій Фирмикъ Матернъ, который въ своемъ сочиненіи «о заблужденіи языческихъ религій» (*De errore profanarum religionum*) горячо увѣщевалъ Констанція и Константа всѣми средствами искоренять идолослуженіе, разрушать языческіе храмы, а изваянія боговъ бросать въ огонь. Подъ вліяніемъ подобныхъ увѣщаній Констанцій въ 341 году выпустилъ эдиктъ противъ языческаго суевѣрія и безсмыслия жертвоприношеній. А въ 353 году, т. е. по возстановленіи единой державы, онъ издалъ уже болѣе грозный указъ, которымъ предписывалось запереть языческіе храмы и прекратить идольскія жертвы подѣ страхомъ смертной казни. Однако этотъ указъ очевидно не исполнялся строго, особенно въ областяхъ отдаленныхъ отъ столицы, и множество язычниковъ оставалось еще на разныхъ служебныхъ мѣстахъ. Самъ Констанцій, по примѣру своего отца, только передъ смертью принялъ крещеніе.

Съ одной стороны бурныя догматическія распри между арианами и православными и строгое требованіе подчиниться придворному исповѣданію уменьшали въ молодомъ Юліанѣ уваженіе къ Христіанской церкви вообще; а съ другой гоненіе, воздвигнутое на древнюю религію Эллиновъ, еще болѣе возбуждало его симпатію къ этой религіи.

Когда Галлъ былъ вызванъ ко двору и возведенъ Констанціемъ въ достоинство цезаря, то и Юліанъ также прибылъ въ Константинополь, гдѣ онъ подѣ руководствомъ лучшихъ учителей возобновилъ свои грамматическія и риторическія занятія; учителя эти впрочемъ принадлежали къ христіанскому исповѣданію и назначались императоромъ; а одинъ изъ нихъ, преподаватель риторики Гекеболій, выдававшій

себя за ревностнаго послѣдователя Христа, старался внушить своему ученику презрѣніе къ языческимъ богамъ. Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ, императоръ, опасаясь, чтобы молодой человекъ не приобрѣлъ народнаго расположенія, отослалъ его въ Никомидію. Пребываніе въ семъ городѣ имѣло большое вліяніе на послѣдующую его судьбу. Никомидія принадлежала тогда къ главнымъ пунктамъ эллинскаго школьнаго просвѣщенія, на ряду съ Афинами, Александріей, Константинополемъ и Антиохіей; здѣсь жилъ извѣстный риторъ того времени Либаній, который оставался вѣренъ эллинскимъ богамъ и училъ въ языческомъ духѣ. Тщетно Гекеболій взялъ съ юноши обѣщаніе не слушать этого софиста. Надобно замѣтить, что софистами въ ту эпоху назывались преподаватели, и преимущественно преподаватели краснорѣчія, которые учили искусству сочинять и экспромтомъ произносить рѣчи о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Нестолько изъ вѣрности данному слову, сколько изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ императора, Юліанъ буквально выполнилъ свое обѣщаніе, т. е. не ходилъ въ риторскую школу, содержимую Либаніемъ, и не слушалъ его уроковъ, но за хорошую плату онъ регулярно получалъ тщательно записанныя лекціи Либанія. Лекціи были бѣдны содержаніемъ и мыслями; за то своею пышною реторикою и искусными оборотами рѣчи они производили обаятельное впечатлѣніе на мечтательнаго юношу. Подъ вліяніемъ Либанія Юліанъ скоро въшелъ въ близкія сношенія съ языческой философскою партіей, извѣстною подъ именемъ Неоплатониковъ.

Основатели новой философской системы, Плотинъ и ученикъ его Порфирій еще нѣсколько держались на почвѣ древней философіи Платона и Аристотеля. Но у послѣдователей ихъ къ новой системѣ все болѣе и болѣе примѣшивался мистицизмъ, т. е. вѣра въ чудесное, сверхъестественное; примѣшивались народная миѳологія и вѣра въ переселеніе души, долженствовавшей наконецъ воротиться къ своему источнику, т. е. къ божеству. Воображеніе ихъ создало между верховнымъ божествомъ и человекомъ цѣлый посредствующій міръ духовъ или демоновъ, въ которыхъ обратились многочисленныя нисшія божества народнаго миѳологіи, олицетворявшія различныя силы природы. Въ III столѣтіи Платонъ и Порфирій позволяли себѣ стремиться къ созерцанію божества помощію сильнаго душевнаго возбужденія или экстаза; а въ IV вѣкѣ часть ихъ послѣдователей (на-

примѣръ, самый вліятельный, Ямблнхъ) уже вдается въ крайній мистицизмъ и прямо стремится къ тому, что бы войти въ непосредственное общеніе съ духами или демонами. Они начинаютъ заниматься магіей или волшебствомъ, производить заклинанія и гаданія, вызываютъ демоновъ, пророчествуютъ и т.п. Подобное направленіе процвѣтало тогда особенно въ Малой Азіи, гдѣ главными представителями его являются Эдесій Пергамскій и Максимъ Эфесскій. Тѣже лица были непримиримыми противниками христіанства.

Юліанъ, пользовавшійся теперь большею свободою, когда его братъ стоялъ во главѣ восточныхъ провинцій, не только вошелъ въ личныя сношенія съ неоплатониками въ Никомидіи, но ѣздилъ для того и въ Пергамъ, и въ Эфесъ. Особенно сильное впечатлѣніе сзумѣлъ произвести на него философъ Максимъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, ловкою діалектикою и своими познаніями въ магіи. Говорятъ, онъ предсказалъ юношѣ, что древняя религія восторжествуетъ надъ новою, и что главнымъ орудіемъ этого торжества сдѣлается самъ Юліанъ. Юноша, при его распаленномъ воображеніи, наклонности къ мистицизму и почитаніи античнаго міра, былъ совершенно увлеченъ неоплатониками, и въ это именно время, покинувъ христіанство, перешелъ въ язычество. Слухи о его сношеніяхъ съ ними достигли Антиохіи, и его братъ Галлъ выражалъ ему опасенія на сей счетъ. Но Юліанъ держалъ свой переходъ въ язычество пока въ строгой тайнѣ; онъ зналъ, что за такой поступокъ отъ Констанція грозила бы ему неизбѣжная казнь; а потому продолжалъ носить личину вѣрнаго христіанина и наружно соблюдать церковныя обряды.

Вскорѣ за тѣмъ, какъ извѣстно, послѣдовала гибель цезаря Галла. Тогда же при императорскомъ дворѣ возникъ вопросъ и объ участи Юліана. Совѣтники Констанція старались возбудить въ немъ опасенія на счетъ этого юноши, который рано или поздно могъ явиться мстителемъ за истребленіе своихъ родственниковъ, и настаивали на его устраненіи. Юліанъ былъ вызванъ въ Верхнюю Италію, и тутъ при дворѣ, въ Миланѣ, прожилъ около семи мѣсяцевъ подъ строгимъ присмотромъ, въ томительномъ ожиданіи, чѣмъ императоръ рѣшитъ его судьбу. Всѣ его слова, всѣ жесты, даже взгляды подвергались тщательнымъ наблюденіямъ, и доносились кому слѣдуетъ. Но отступникъ уже искусился въ умѣннѣ скрывать свои чув-

ства и помыслы, и, сохраняя скромный, покорный видъ, съ успѣхомъ выдержалъ эти наблюденія. Впрочемъ никакія доказательства въ отсутствіи у него преступныхъ замысловъ вѣроятно не помогли бы, если бы покровительницей и заступницей его не явилась сама императрица. Первая супруга Констанція была родная сестра Юліана. Послѣ ея смерти онъ женился на прекрасной гречанкѣ изъ Фессалоники, по имени Евсевіѣ; но отъ нея также не имѣлъ дѣтей. По всей вѣроятности, Евсевія, принявшая горячее участіе въ судьбѣ молодого человѣка, особенно настаивала на этомъ обстоятельствѣ, и указывала на бездѣтность императора какъ на Божье наказаніе за истребленіе родственниковъ: Юліанъ, послѣ Констанція, оставался теперь единственнымъ отпрыскомъ императорской фамиліи, и съ его раннею смертію прекратилось бы дальнѣйшее ея существованіе. Вліяніе Евсевіи превозмогло надъ злыми внушеніями евнуховъ; Констанцій даже согласился на свиданіе съ Юліаномъ, и оказалъ ему вниманіе. Опасаясь дальнѣйшаго ихъ сближенія, евнухи убѣдили императора отпустить обратно юношу на востокъ. Онъ даже получилъ позволеніе отправиться въ Аѳины, эту прославленную столицу эллинизма, куда давно стремился душою...

Со втораго вѣка по Р. Х., въ особенности съ эпохи Антониновъ, началось новое оживленіе Эллинской образованности въ ея отечествѣ (т. е. помимо египетской Александріи), и Аѳины вновь сдѣлались ея средоточіемъ, благодаря блестящему развитію своихъ школъ. Маркъ Аврелій первый изъ римскихъ императоровъ далъ аѳинскимъ школамъ официальную организацію и назначилъ хорошее жалованье софистамъ или профессорамъ. Каѳедры ихъ раздѣлялись на три главные группы: реторику, политику и философію. Послѣдняя въ свою очередь распадалась на четыре системы: платоники, стоики, перипатетики и эпикурейцы; для каждой системы былъ особый профессоръ. Профессорское содержаніе простиралось отъ одного таланта (около 1.500 руб.) до 10.000 драхмъ (приблизительно 3.000 руб. серебр.). Взятая въ совокупности эти высшія аѳинскія школы представляли родъ европейскаго университета новыхъ временъ. Одинъ изъ профессоровъ философіи имѣлъ старшинство надъ своими товарищами (родъ университетскаго ректора). Будучи подъ Римскимъ владычествомъ небольшимъ городомъ, неимѣющимъ почти никакого по-

литическаго значенія, Аѳины однако получили важное вліяніе на просвѣщеніе цѣлой Имперіи и особенно ея восточной половины. Самые образованные люди того времени считали свое образованіе не вполне законченнымъ, пока они не побывали въ Аѳинахъ и не прослушали курса у аѳинскихъ софистовъ; отсюда же выходили лучшіе преподаватели въ другихъ городахъ, напримѣръ помянутый выше Либаній. Поэтому здѣсь всегда можно было найти толпу учащейся молодежи, собравшейся со всѣхъ концовъ Имперіи: изъ Египта, Ливіи, Сиріи, Малой Азіи, Италіи, Галліи и т. д. Въ этомъ городѣ мирныхъ научныхъ занятій господствовала религіозная терпимость: христіане и язычники вмѣстѣ слушали профессоровъ. Но такъ какъ надъ преподаваніемъ всѣхъ наукъ господствовала реторика или краснорѣчіе и это преподаваніе главнымъ образомъ основывалось на изученіи классическихъ образцовъ, то оно сохраняло совершенно языческой характеръ. Сами профессора большею частью держались еще языческой религіи.

Въ данную эпоху, т. е. въ половинѣ IV вѣка, между знаменитѣйшими аѳинскими софистами встрѣчается почти одинъ только христіанинъ, именно Проэрезій. Рассказываютъ слѣдующія любопытныя черты изъ его жизни.

Родомъ изъ Арменіи, въ молодости своей онъ пришелъ въ Грецію учиться, въ сопровожденіи друга и соотечественника Гефестіона. Во время своего студенчества они были такъ бѣдны, что вдводемъ имѣли только одну туннику и одинъ плащъ, да три или четыре одѣяла, до того истрепанныхъ и засаленныхъ, что первоначальный ихъ цвѣтъ узнать было невозможно. Когда Проэрезій выходилъ изъ дому, Гефестіонъ ложился въ постель подъ одѣялами, и занимался краснорѣчіемъ наединѣ. Когда выходилъ Гефестіонъ, Проэрезій ложился на его мѣсто. Впослѣдствіи Проэрезій, сдѣлавшись софистомъ или профессоромъ краснорѣчія, приобрѣлъ и славу, и состояніе. Слухъ о немъ дошелъ до Галліи; императоръ Константъ, къ владѣніямъ котораго принадлежала и Греція, пожелалъ его лично послушать и призвалъ къ своему двору. Путешествіе это было для софиста рядомъ триумфовъ *).

*) Въ Римѣ воздвигли ему мѣдную статую съ слѣдующею надписью: „Римъ, царь міра, царю краснорѣчія“. Въ подлинникѣ эта надпись отличалась четырехкратною начальною буквою R: Regina Rerum Roma Regi Eloquentiae.

Такіе успѣхи возбудили цѣлую партію завистниковъ, которые по-мощію подарковъ склонили Ахайскаго проконсула (т. е. римскаго намѣстника Греціи) изгнать Проэрезія изъ Аѳинъ. Вновь назначенный проконсулъ вѣрталъ софиста; но при этомъ предложилъ ему экспромтомъ въ присутствіи цѣлаго города произнести рѣчь на тему, которую назначать его враги. Послѣдніе, посоветовавшись между собою, выбрали тему самую скучную и самую неудобную для украшения ея цвѣтами краснорѣчія. Проэрезій гнѣвно взглянулъ на своихъ враговъ, и попросилъ проконсула, чтобы его рѣчи были точно записаны. Тотъ призвалъ лучшихъ судебныхъ борзописцевъ, которые помѣстились по обѣимъ сторонамъ оратора. По его же просьбѣ проконсулъ строго запретилъ всякіе знаки одобренія. Софистъ началъ говорить. Его слова текли большими потоками; но при этомъ каждый періодъ заканчивался гармоническимъ каскадомъ. Слушатели, принужденные хранить молчаніе, едва сдерживаютъ порывы своего удивленія. Окончивъ назначенную тему, и дѣлая видъ, что она слишкомъ для него легка, ораторъ вдругъ переходитъ къ положенію совершенно противоположному, и развиваетъ его съ такимъ же успѣхомъ, съ тѣмъ же краснорѣчіемъ. Потомъ Проэрезій обращается къ писцамъ, приглашаетъ ихъ провѣрить, хорошо ли онъ помнитъ все имъ сказанное, и буквально повторяетъ свою рѣчь. Тогда всѣ присутствующіе, забывъ запрещеніе, шумно бросаются къ софисту, называютъ его богомъ краснорѣчія, цѣлуютъ ему грудь, руки и ноги. Соперники его унижены и обезоружены. Съ этого дня никто уже не осмѣливался поднять свой голосъ противъ него, и всѣ признали за нимъ пальму первенства.

Изъ сочиненій Проэрезія ни одно до насъ не дошло; но все, сохранившееся отъ другихъ софистовъ того времени показываетъ, что краснорѣчіе ихъ было чисто внѣшнее, бѣдное мыслию, лишенное внутренней силы убѣжденія, съ одинаковымъ рвеніемъ выступавшее и за, и противъ одного и того же положенія. Отъ классическихъ писателей они заимствовали только всевозможные обороты слова; но остались чужды глубинѣ ихъ содержанія. Они старались плѣнять слушателей гармоническими интонаціями голоса, закругленными фразами, пріятнымъ сочетаніемъ короткихъ и долгихъ слоговъ, ритмическими удареніями и т. п. *).

*) Писатель III-го вѣка, Филостратъ въ своемъ „Жизнеописаніи Софистовъ“ говоритъ о нѣкомъ Фаворинѣ такимъ образомъ: „Даже тѣ, которые

Юліану было двадцать четыре года отъ роду, когда онъ прибылъ въ столицу краснорѣчія, гдѣ онъ могъ вполне отдаться впечатлѣніямъ античнаго міра и его великимъ воспоминаніямъ. Акрополь съ своимъ Партеономъ, изящными статуями эллинскихъ боговъ и другими художественными произведеніями древности еще стоялъ почти нетронутымъ, во всемъ своемъ величіи. Благообразные, умощенные жрецы по прежнему совершали жертвоприношенія. Большинство преподавателей и значительная часть ихъ учениковъ оставались преданы эллинскимъ богамъ. Юліанъ былъ еще болѣе увлеченъ языческимъ эллинизмомъ, и, говорятъ, по его желанію элевзинскій гіерофантъ или великій жрецъ посвятилъ его въ элевзинскія мистеріи *). Но такъ какъ отступничество свое онъ все еще держалъ въ тайнѣ, то въ бытность свою въ Аѣинахъ свелъ знакомство и даже пріязнь съ двумя христіанскими студентами, потомъ знаменитыми отцами Церкви и епископами, Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Назіанзиномъ. Эти два молодыхъ человѣка, связанные тѣсно дружбою, сообща боролись противъ всѣхъ соблазновъ окружавшаго ихъ языческаго міра и остались вѣрны своей религіи; они воздерживались отъ театральнхъ зрѣлищъ, празднествъ и другихъ удовольствій; они знали дорогу только въ церковь и школу.

Впослѣдствіи, уже по смерти Юліана, Григорій Назіанзинъ такъ описывалъ его какъ аѣинскаго студента. „Ничего въ немъ не предвѣщало мнѣ добраго: голова вертлявая, плечи подвижныя, взоры блуждающіе и свирѣпыя, ноги нетвердыя и колеблющіяся, носъ выражающій дерзость, черты лица насмѣшливыя, искажаемыя безпорядочнымъ, конвульсивнымъ смѣхомъ, бессмысленные жесты, рѣчь вы-

---

не понимали погречески, находили удовольствіе его слушать. Онъ очаровывалъ ихъ звуками своего голоса, выраженіемъ глазъ, мелодической дикціей“, и т. д. О другомъ софистѣ, Адріанѣ, тотъ же Филостратъ замѣчаетъ: „Римляне, не знавшіе греческаго языка, приходили послушать его какъ соловья, поющаго на вѣткѣ; они удивлялись его извивистой текучей рѣчи и гармоніи его дикціи“. Слѣдовательно, главное достоинство этихъ профессоровъ краснорѣчія сводится къ тому, что они были говорунны—артисты, виртуозы слова, т. е. слова для словъ, рѣчи для рѣчей.

*) Христіанскіе писатели при этомъ передаютъ слѣдующую легенду. Когда гіерофантъ вызвалъ разныя магическіе призраки, то Юліанъ испугался и сотворилъ крестное знаменіе; призраки тотчасъ исчезли. Жрецъ объяснилъ ему, что боги скрылись, будучи оскорблены невѣріемъ Юліана.

сокомѣрная и отрывистая, непослѣдовательные отвѣты безъ связи и безъ логики, перемѣшиваемые съ вздорными вопросами“. Но этотъ портретъ былъ набросанъ уже по воспоминаціямъ, подѣ сильнымъ впечатлѣніемъ Юліанова отступничества, и очевидно не отличался безпристрастіемъ.

Юліанъ провелъ въ Аѣинахъ около полугода и вѣроятно слышалъ обоихъ главныхъ мастеровъ краснорѣчія того времени: помянутаго выше Проэрезія и его соперника Гимерія, который держался язычества. Но тихое и пріятное для него пребываніе въ Аѣинахъ вдругъ было прервано приказомъ императора снова спѣшить въ Миланъ. Юліанъ впоследствии самъ рассказывалъ, что онъ разстался съ столицею эллинизма, проливая слезы, простирая руки къ Акрополю и умоляя богиню Аѣину о помощи въ предстоявшихъ опасностяхъ.

Но на этотъ разъ его ожидали не гоненія и опасности, а царскія почести. Посреди затруднительныхъ обстоятельствъ Имперіи Констанцій склонился на убѣжденія своей супруги, покровительницы Юліана, и рѣшилъ ввѣрить ему западныя провинціи съ титуломъ цезаря, т. е. сдѣлать своимъ соправителемъ.

Императоръ былъ въ отсутствіи, когда Юліанъ прибылъ къ Миланскому двору. Евсевія прислала своихъ внуковъ привѣтствовать его. Молодой человекъ написалъ было ей письмо съ просьбою выхлопотать ему позволеніе воротиться въ Аѣины. Но, по собственному его рассказу, во снѣ ему явилось божественное видѣніе, которое увѣщевало его не посылать письма, а напротивъ стараться приобрѣсти расположеніе императора; боги приказывали ему вполне положиться на ихъ руководство его дѣлами. Отсюда онъ заключилъ, что находится подѣ непосредственнымъ покровительствомъ Аѣины. Когда воротился Констанцій, Юліанъ былъ введенъ въ его приближенную свиту. Ему торжественно обрили бороду, сняли съ него скромный плащъ греческаго фидософа и облекли въ блестящій военный костюмъ. Потупленные взоры, застѣнчивость и неловкость, обнаруженныя имъ при этихъ церемоніяхъ, немало забавляли легкомысленныхъ, но за то владѣвшихъ утонченными манерами придворныхъ.

Назначая себѣ соправителя, Констанцій счелъ нужнымъ объявить о томъ войску и, ради соблюденія установившейся формы, получить его согласіе на это назначеніе.

Въ извѣстный день стоявшая въ Миланѣ гвардія и ближніе отряды собрались въ полномъ вооруженіи вокругъ возвышеннаго помоста или императорской трибуны, украшенной орлами и знаменами. Констанцій взомель на нее держа за руку Юліана и обратился къ солдатамъ съ рѣчью, которая была довольно искусно составлена и произнесена съ достоинствомъ. Императоръ указалъ на трудное положеніе государства: хотя всѣ мятежники усмирены, но нечестивые варвары потоками проливають римскую кровь, особенно свирѣпствуютъ они въ Галліи. Поэтому онъ рѣшилъ возвести своего двоюроднаго брата въ достоинство цезаря, чтобы поручить ему защиту запада, и приглашалъ войско утвердить его рѣшеніе. Солдаты одобрительными возгласами прервали его слова; императоръ подождалъ, пока вновь водворилась тишина, и продолжалъ свою рѣчь. Затѣмъ, покрывъ Юліана пурпуромъ и провозгласивъ его цезаремъ, Констанцій обратился къ нему съ увѣщаніемъ храбро, но вмѣстѣ благоразумно оборонять Галлію и начальствовать войскомъ, обѣщая съ своей стороны всякую помощь.

Рѣчь его была покрыта радостными вликами. Солдаты начали ударять щитами о свои колья; что означало у нихъ полный восторгъ (а когда ударяли о щиты копьями, то это былъ знакъ неудовольствія и нетерпѣнія). Самая наружность двадцатипятилѣтняго Юліана, его острые взоры и краска скромности на лицѣ произвели благоприятное впечатлѣніе на войско. Послѣ этой церемоніи императоръ и цезарь вмѣстѣ на одной колесницѣ воротились во дворецъ; причемъ послѣдній повторялъ про себя стихъ Гомера: «смерть облеченная въ пурпуръ и неодолимый рокъ постигли его». (*Ἐλάζε πορφύρεος θάνατος καὶ μόρα κραταίῃ*, Амміанъ. XV). Спустя нѣсколько дней, Констанцій женилъ Юліана на своей родной сестрѣ Еленѣ и отправилъ его въ Галлію, въ сопровожденіи небольшой свиты (въ декабрѣ 355 года).

На дорогѣ, въ Туринѣ, цезарь узналъ печальную новость: важнѣйшая римская крѣпость на Рейнѣ Колонія Агриппина (Кельнъ), послѣ упорной осады, взята приступомъ и разорена варварами. При дворѣ это извѣстіе было получено ранѣе, но изъ политическихъ видовъ его держали въ тайнѣ. Суевѣрнаго Юліана поразило такое начало его правленія, и онъ счелъ его дурнымъ для себя предзнаменованіемъ. По пріѣздѣ въ Галлію онъ былъ встрѣченъ населеніемъ

съ восторгомъ и съ надеждою найти въ немъ избавителя отъ внутреннихъ неурядицъ и внешнихъ бѣдствій. Въ городѣ Вьенѣ во время народнаго ликованія одна слѣпая старуха спросила, чей прїѣздъ такъ празднуютъ, и, получивъ отвѣтъ, воскликнула: «онъ возстановитъ храмы боговъ!» Впрочемъ это сообщаетъ языческій писатель, современникъ и усердный почитатель Юліана (Амміанъ Марцеллинъ). Въ томъ же городѣ Вьенѣ (на Ронѣ къ югу отъ Ліона) цезарь провелъ зимніе мѣсяцы, и приготовился къ усиленной воинской дѣятельности, которую онъ открылъ раннею весною.

Не смотря на торжественную, трогательную сцену дружбы и согласія, представленную въ день облеченія Юліана пурпуромъ, Констанцій все таки остался вѣренъ своей системѣ подозрительности и шпионства. Цезарю были оставлены только три или четыре изъ прежнихъ его слугъ, а весь его Галльскій дворъ наполнили слугами и чиновниками, которые въ тоже время были его надсмотрщиками, обязанными обо всемъ доносить большому или императорскому двору. Подъ предлогомъ его молодости и неопытности въ дѣлахъ, къ нему приставили цѣлый совѣтъ изъ лицъ заслуженныхъ; самое препровожденіе его времени подчинено было строгому этикету и заранѣе написаннымъ для него правиламъ. Если вѣрить названному выше языческому писателю, то приняты были даже мѣры, чтобы у Юліана не появилось потомство и будто сама императрица Евсевія, его покровительница, принимала участіе въ подобныхъ мѣрахъ изъ ревности. Такъ въ Галліи на слѣдующій годъ супруга цезаря Елена родила ему сына; но стараніями подкупленной бабки младенецъ немедленно умеръ. Впрочемъ весьма возможно, что Евсевія въ этомъ случаѣ является жертвою клеветы со стороны языческой партіи.

Но тутъ то въ Галліи, неожиданно для всѣхъ, въ полномъ блескѣ развернулись политическіе и военные таланты, которые скрывалъ въ себѣ Юліанъ. Занимаясь дотошъ исключительно чтеніемъ поэтовъ, философовъ, историковъ, онъ не имѣлъ никакой воинской опытности, и вдругъ ему пришлось вступить въ рѣшительную борьбу съ воинственными Германскими варварами, которые уже ниспровергли Рейнскую оборонительную линію и захватили почти всю западную полосу, прилегавшую къ этой линіи, а свои набѣги и грабежи простирали въ самую глубь Галліи. Но знакомство съ классическою литературою наполнило живое воображеніе Юліана образцами мужества

и доблести, которымъ онъ стремился подражать. Приобрѣтенныя имъ въ школь привычки къ простому, умѣренному образу жизни, къ дисциплинѣ и труду онъ сохранилъ вполне и на своемъ высокомъ мѣстѣ. Отбросивъ всякую роскошь, онъ довольствовался грубою солдатскою пищею, вставалъ съ своей жесткой постели посреди ночи и немедленно принимался за правительственныя бумаги, или новѣрялъ военные посты, если это было въ лагерѣ; а часть времени выигрывалъ еще для продолженія своихъ философскихъ и книжныхъ занятій. Онъ съ замѣчательною энергійею принялся очищать Галлію отъ варваровъ, совершая быстрые походы то для освобожденія какаго либо города отъ осады, то для разсыанія шаекъ, опустошавшихъ какую либо область; причеиъ дѣятельно возстановлялъ разоренныя крѣпости и снабжалъ ихъ гарнизоиами. Къ счастью для Римлянъ Германскіе варвары еще не успѣли стать прочною ногою въ Галлію: они грабили и разоряли города, но не старались въ нихъ укрѣпиться, предпочитая жить на вольномъ воздухѣ, въ открытыхъ селеніяхъ. Помянутый писатель (Амміанъ) говоритъ, что варвары питали какой то страхъ къ пребыванію въ городахъ, и смотрѣли на нихъ какъ на гробы для живыхъ людей. Юліанъ показывалъ вездѣ примѣръ какъ личной храбрости, такъ и своихъ предводительскихъ способностей и находчивости. Терпѣвшіе долотѣ неудачи и упавшіе духомъ, Галльскіе легіоны возстановили свою бодрость, дисциплину и вообще ожили подъ его начальствомъ; солдаты особенно полюбили его за справедливость и безпристрастіе, съ которыми онъ награждалъ достойныхъ или наказывалъ виновныхъ.

Замѣчательно при этомъ, что Юліану приходилось бороться съ внѣшними врагами посреди окружавшихъ интригъ, доходившихъ почти до явной измѣны со стороны его военныхъ помощниковъ. Такъ, окончивъ свой первый походъ въ Прирейнскія области и воротивъ Кельнъ изъ рукъ Франковъ, онъ удалился на зиму къ верховьямъ рѣки Сены въ городъ Сеноу (нынѣ Sens), и что бы облегчить продовольствіе войска, расположилъ его отдѣльными частями по разнымъ городамъ. Варвары вздумали воспользоваться сими обстоятельствами, и внезапно въ большомъ числѣ явились подъ Сеноной, надѣясь легко ею овладѣть. Заперевъ всѣ ворота, Юліанъ быстро исправилъ укрѣпленія; при чемъ день и ночь не покидалъ стѣнъ, одушевляя своимъ примѣромъ малочисленный гарнизонъ. Цѣлый мѣ-

сяць варвары осаждали городъ, и наконецъ ушли обратно. А между тѣмъ главный помощникъ предводителя или начальникъ конницы (magister equitum) Марцеллъ не въ далекомъ стоялъ съ большимъ отрядомъ войска, и не двинулся съ мѣста на выручку осажденнаго цезаря. Послѣ того, по жалобамъ изъ Галліи, Констанцій однако отнялъ начальство у Марцелла, и отозвалъ его обратно. Прибывъ въ Италію къ императорскому двору, Марцеллъ старался очернить Юліана и даже обвинилъ его въ явномъ стремленіи къ захвату верховной власти; хотя сей послѣдній велъ себя весьма скромно и благо-разумно въ отношеніи императора, которому оказывалъ всѣ знаки покорности и уваженія. Предвидя обвиненіе, онъ послалъ въ Италію своего камергера (praepositus cubiculi) Эвтерія, который по честности и безкорыстію представлялъ отрядное исключеніе въ средѣ придворныхъ евнуховъ. Эвтерія обстоятельно и краснорѣчиво описалъ весь ходъ помянутой осады, намѣренное бездѣйствіе начальника конницы, доблестное поведеніе цезаря и его вѣрноподданническую преданность императору; вслѣдствіе чего Марцеллъ потерпѣлъ неудачу въ своемъ обвиненіи, и былъ сосланъ къ себѣ на родину въ Мизію. На его мѣсто начальникомъ конницы въ Галлію назначенъ Северъ, человекъ болѣе достойный.

Быстро усвоивъ себѣ воинскую опытность въ теченіе перваго года своего пребыванія въ Галліи, Юліанъ на лѣто слѣдующаго (357) года уже задумалъ большой походъ на Аламановъ, намѣреваясь нанести имъ ударъ за Рейномъ въ самой ихъ странѣ. По предварительному условію съ Констанціемъ, военачальникъ послѣдняго Барбацій въ то же время долженъ былъ съ 25.000 войскомъ ударить на нихъ съ юга, со стороны Гельвеціи (или Швейцаріи). Но когда цезарь открылъ свои операціи на Верхнемъ Рейнѣ, Барбацій отличился такимъ же бездѣйствіемъ какъ Марцеллъ, и наконецъ допустилъ нанести себѣ пораженіе отъ Аламановъ; послѣ чего посреди лѣта отвелъ свои легіоны на зимнія квартиры, а самъ отправился ко двору въ Миланъ.

Это пораженіе усилило самоувѣренность и дерзость Аламановъ. Семеро ихъ князей, соединясь вмѣстѣ, переправились черезъ Рейнъ въ Галлію, и расположились лагеремъ подлѣ города Аргенторатума (Страсбурга). Въ союзъ Аламанскихъ вождей наиболѣе выдавался

своею воинскою опытностію, исполинскимъ ростомъ и количествомъ дружины князь Хнодомаръ. Все ихъ ополченіе простиралось свыше 30.000 человекъ, такъ что они употребили три дня и три ночи на свою переправу. Увѣренность ихъ въ предстоявшей побѣдѣ еще болѣе возрасла, когда отъ одного перебѣжчика они узнали, что Юліанъ, находившійся недалеко, имѣлъ у себя не болѣе 13.000 человекъ.

Но тогда ясно сказалось, какое превосходство имѣетъ регулярное, дисциплинованное и хорошо предводительствуемое войско надъ беспорядочными толпами варваровъ, хотя и храбрыхъ, но неподчиненныхъ воинскому строю.

Узнавъ о появленіи Аламановъ на правомъ берегу Рейна, Юліанъ на разсвѣтѣ выступилъ противъ нихъ въ боевомъ порядкѣ, т. е. пѣхота по срединѣ, конница по бокамъ. Послѣдняя была усилена еще двумя отрядами: конныхъ стрѣлковъ и катафрактовъ или панцерниковъ. Было уже около полудня, когда Римляне, послѣ снѣжнаго похода въ жаркій августовскій день, приблизились къ неприятелю. Цезарь остановилъ войско, и произнесъ къ нему рѣчь: онъ выразилъ намѣреніе окопаться и дать воинамъ отдыхъ, дабы на слѣдующій день они вступили въ сраженіе съ свѣжими силами. Но тѣ отвѣчали ему скрежетомъ зубовъ и ударами копій въ щиты; чѣмъ выразили свое нетерпѣніе и пламенное желаніе немедленно вступить въ битву; такъ они были одушевлены недавними успѣхами и вѣрою въ своего вождя. Ихъ настроеніе раздѣляли и сами начальники. Префектъ преторіи Флоренцій заявилъ, что лучше ударить теперь же, пока предводители варваровъ въ сборѣ, и нанести имъ общее пораженіе. Юліанъ уступилъ нетерпѣнію войска, и тотчасъ повелъ его на неприятеля. Извѣщенные о приближеніи Римлянъ, Аламанцы также успѣли приготовиться къ бою.

Римскіе легіоны вступили въ битву при звукѣ воинскихъ трубъ и литавръ, а Германцы бросились въ нее, испуская ревъ на подобіе дикихъ звѣрей; длинные включенные волосы поднялись дыбомъ на ихъ большей частью непокрытыхъ головахъ, глаза горѣли бѣшенствомъ. При началѣ битвы стремленіе лѣваго римскаго крыла на время было остановлено фвомъ, за которымъ помѣстились неприятельскіе стрѣлки. А когда это препятствіе было побѣждено, случилась важная неудача на правомъ крылѣ, впереди котораго дѣйствовала тяжелая кавалерія или катафракты. Противъ нихъ Аламанскіе

ВОЖДИ ВЫСТАВИЛИ СВОЮ ЛУЧШУЮ КОННИЦУ; ЗНАЯ НЕУЯЗВИМОСТЬ СЪ НОГЪ ДО ГОЛОВЫ ЗАКОВАННЫХЪ ВЪ МѢДЬ И ЖЕЛѢЗО КАТАФРАКТОВЪ, ОНИ ВЪ СВОЮ КОННИЦУ ЗАМѢШАЛИ НѢКОТОРОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЕГКИХЪ ПѢХОТИНЦЕВЪ, КОТОРЫЕ ВО ВРЕМЯ ГОРЯЧЕЙ СХВАТКИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ НЕЗАМѢТНО ПОДКРАДЫВАТЬСЯ КЪ РИМСКИМЪ ВСАДНИКАМЪ И КОЛОТЬ ИХЪ ЛОШАДЕЙ ПРЯМО ВЪ ЖИВОТЬ; УВЛЕЧЕННЫЙ ПАДЕНІЕМЪ СВОЕГО КОНЯ, ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННЫЙ ВСАДНИКЪ СТАНОВИТСЯ ПОЧТИ НЕСПОСОБНЫМЪ КЪ БОЮ. ЭТА ТАКТИКА ВЪ НАЧАЛѢ ИМѢЛА УСПѢХЪ, И ТАКЪ НАПУГАЛА КАТАФРАКТОВЪ, ЧТО ОНИ ОБРАТИЛИ ТЫЛЪ И ЕДВА НЕ СМЯЛИ СОБСТВЕННУЮ ПѢХОТУ; НО ОНА УСТОЯЛА. ТѢСНѢ СОМГНУВЪ СВОИ РЯДЫ. ЮЛІАНЪ ПОСКАКАЛЪ НА ВСТРѢЧУ БѢГЛЕЦАМЪ. ОКОЛО ЦЕЗАРЯ ПОСТОЯННО РАЗВѢВАЛОСЬ НА КОПЬѢ ПУРПУРНОЕ ЗНАМЯ. УВИДАВЪ ИЗДАЛИ ЕГО ЗНАМЯ, ТРИБУНЪ КАТАФРАКТОВЪ УСПѢЛЪ СОБРАТЬ ИХЪ ВЪ КУЧУ. ТУТЪ ПОДЪѢХАВШІЙ ЦЕЗАРЬ НѢКОЛЬКИМИ ЭНЕРГИЧЕСКИМИ СЛОВАМИ УСТЫДИЛЪ БѢГЛЕЦОВЪ, ЗАЖЕГЪ ВЪ НИХЪ МУЖЕСТВО И СНОВА УСТРЕМИЛЪ ИХЪ НА НЕПРІЯТЕЛЯ. МЕЖЪ ТѢМЪ, ОБОДРЕННЫЕ ПЕРВЫМЪ УСПѢХОМЪ, АЛАМАНЫ ЯРОСТНО ТѢСНИЛИ ПЕРЕДНІЕ РЯДЫ РИМСКОЙ ПѢХОТЫ; НО ОНА СОМГНУЛАСЬ ВЪ ЧЕРЕПАХУ (*testudo*), Т. Е. ЗАКРЫЛАСЬ ПЛОТНО ПРИСТАВЛЕННЫМИ ДРУГЪ КЪ ДРУГУ ЩИТАМИ. ВЕТЕРАНЫ, ДЛЯ ОБОДРЕНІЯ СВОИХЪ, ПРИНЯЛИСЯ ЗА ОБЫЧНЫЙ ВОИНСКІЙ КЛИКЪ (*bagritum*); ОНЪ НАЧИНАЛСЯ ЕДВА СЛЫШНЫМЪ РОКОТОМЪ, ПОТОМЪ ПОСТЕПЕННО УСИЛИВАЛСЯ, И КОНЧАЛСЯ ВОЕМЪ, КОТОРЫЙ МОЖНО БЫЛО УПОДОБЯТЬ БУРНОЙ ВОЛНѢ, РАЗБИВАВШЕЙСЯ О СКАЛУ. НЕПРІЯТЕЛИ СВОИМИ МЕЧАМИ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТАХЪ УЖЕ ПРОРУБИЛИ ЧЕРЕПАХУ, КОГДА СИЛЬНЫЙ ОТРЯДЪ СОЮЗНЫХЪ БАТАВОВЪ БѢГОМЪ ПРИСПѢЛЪ НА ПОМОЩЬ ЛЕГІОНАМЪ И ВОЗСТАНОВИЛЪ РАВНОВѢСІЕ. ВАРВАРЫ ОТЛИЧАЛСЯ РОСТОМЪ, СИЛОЮ И СВИРѢПОСТЮ; А РИМЛЯНЕ ПРОТИВУПОСТАВИЛИ ИМЪ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И ХЛАДНОКРОВІЕ.

ВДРУГЪ АЛАМАНСКІЕ ВОЖДИ ПРИБѢГАЮТЪ КЪ ЛЮБИМОМУ ГЕРМАНСКОМУ ПОСТРОЕНІЮ: ОНИ СОБИРАЮТЪ СВОИ ТОЛПЫ ВЪ ОДНУ КЛИНООБРАЗНУЮ КОЛОННУ, И ЭТОТЪ ОГРОМНЫЙ КЛИНЪ СИЛЬНЫМЪ НАТИСКОМЪ ПРОРЫВАЕТСЯ СКВОЗЬ ПЕРЕДНІЕ РЯДЫ РИМЛЯНЪ ДО САМОГО ЦЕНТРА ИХЪ АРМІИ, ГДѢ СТОЯЛЪ ЛЕГІОНЪ ТАКЪ-НАЗЫВ. ПРИМАНОВЪ. ЭТО ОТБОРНОЕ ВОЙСКО, ПРЕДСТАВЛЯВШЕЕ ПЛОТНУЮ ЖЕЛѢЗНУЮ МАССУ, КАКЪ НЕПОДВИЖНАЯ ТВЕРДЫНЯ ВЫДЕРЖИВАЕТЪ ВСѢ УСИЛІЯ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ КОЛОННЫ. ГЕРМАНЦЫ ВЪ ПЫЛУ БОЯ ПЛОХО ЗАКРЫВАЮТЪ ЩИТАМИ СВОЕ ЛЕГКОДѢТНОЕ ТѢЛО; РИМЛЯНЕ ПОЛЬЗУЮТСЯ ТѢМЪ, И НАНОСЯТЪ ВѢРНЫЕ УДАРЫ, ТАКЪ ЧТО ГОРЫ ВАРВАРСКИХЪ ТРУПОВЪ БЫСТРО ПОКРЫВАЮТЪ ПОЛЕ. НАКОНЕЦЪ, ПОСЛѢ ТШЕТНЫХЪ УСИЛІЙ СЛОМИТЬ РИМЛЯНЪ, АЛАМАНЫ УПАЛИ ДУХОМЪ И ОБРАТИЛИСЯ ВЪ БѢГ-

ство. Множество ихъ пало во время преслѣдованія и значительное количество погибло въ волнахъ Рейна, когда они, не попавъ на лодки, вшплавъ искали спасенія на другомъ его берегу. Римляне потеряли только 243 воина и четырехъ второстепенныхъ начальниковъ. А варвары оставили 6.000 труповъ на полѣ битвы, не считая тѣхъ, которые утонули въ Рейнѣ.

Хнодомаръ во время бѣгства по берегу этой рѣки попалъ въ тинистую мѣстность, гдѣ завязъ его конь. Онъ искалъ убѣжища на одномъ лѣсистомъ холмѣ; но тутъ былъ окруженъ Римлянами и сдался въ плѣнъ. Двѣсти человекъ изъ его дружины и трое лучшихъ его друзей, узнавъ о плѣнѣ вождя и по своему обычаю считая постыднымъ покинуть его въ бѣдствіи, добровольно отдались Римлянамъ. Надмѣнный и дерзкій во время успѣховъ, варваръ не сохранилъ своего достоинства во время несчастья. Имѣя на совѣсти много убійствъ и грабежей, произведенныхъ въ Галліи, онъ бросился къ ногамъ цезаря и умолялъ о пощадѣ. Юліанъ успокоилъ его, а спустя нѣсколько дней отправилъ въ Италію къ императорскому двору. Констанцій отослалъ его на житье въ Римъ, гдѣ Хнодомаръ потомъ умеръ отъ тоски по родицѣ.

Юліанъ не успокоился на лаврахъ послѣ великой побѣды при Страсбургѣ. Онъ перешелъ за Рейнъ, и, опустошивъ самую область Аламановъ, принудилъ нѣкоторыхъ ихъ вождей заключить перемиріе. Зиму онъ провелъ въ Лютеціи (тогда еще небольшомъ городѣ Паризевъ на островѣ рѣки Сены), приготавлиая послѣ Аламановъ нанести ударъ другимъ германскимъ варварамъ, Франкамъ. Весною слѣдующаго 358 года онъ обратился на сѣверъ на Нижній Рейнъ противъ Франковъ Салическихъ, и рядомъ удачныхъ дѣлъ принудилъ ихъ просить мира; часть ихъ признала Римское верховенство; въ римскомъ войскѣ появились вспомогательные франкскіе отряды. Юліанъ возстановилъ прерванное Франками сообщеніе Галліи съ Британской провинціей, откуда стали получать хлѣбные запасы для своей арміи; а для защиты этой провинціи отъ Пиктовъ и Скотовъ послалъ туда подкрѣпленія. На Рейнѣ снова стала плавать римская флотилія, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ судовъ. Съ помощью своей флотиліи цезарь еще два раза вторгся въ страну Аламановъ, чтобы и остальныхъ князей принудить къ миру съ Римлянами.

Благодаря такой неустанной воинской дѣятельности, Юліану уда-

лось внушить большой страхъ варварамъ и возстановить внѣшнюю безопасность Галліи. Ея населеніе чтило его теперь какъ своего спасителя и благодѣтеля, и не за однѣ только побѣды, но равно и за его гражданскую дѣятельность. Внутреннее управленіе Юліана также отличалось энергіей, справедливостью и экономіей. Съ особенною заботливостію онъ старался облегчить тяжелое бремя податей и налоговъ, которое при его предшественникахъ все увеличивалось, благодаря хищничеству чиновниковъ, и становилось невыносимымъ. Юліану удалось, на примѣръ, уменьшить поземельный налогъ болѣе чѣмъ на двѣ трети.

Но все возрастающая слава цезаря и народная къ нему любовь не могли наконецъ не возбудить опасеній въ завистливой душѣ Констанціи.

*

Въ то время, когда Юліанъ совершалъ свои подвиги въ Галліи, Констанцій оставался въ Италіи и руководилъ обороною Дунайскихъ границъ противъ Германскихъ и Сарматскихъ варваровъ. Межъ тѣмъ угрожавшій разрывъ съ Персіей требовалъ его присутствія на востокѣ. Прежде нежели покинуть Италію, императоръ пожелалъ впервые посѣтить Римъ и тамъ, по обычаю своихъ предшественниковъ, совершить триумфальный въездъ; хотя лично онъ не одержалъ никакихъ большихъ побѣдъ надъ непріятелями. Когда онъ приблизился къ вѣчному городу, римскіе сенаторы вышли ему на встрѣчу съ привѣтствіемъ. Предшествуемый многочисленнымъ войскомъ съ распущенными знаменами, окруженный гвардіей и катафрактами въ блестящихъ доспѣхахъ, императоръ вступилъ въ Римъ, стоя на золотой колесницѣ, украшенной драгоценными камнями. Строгий блюститель придворнаго церемоніала и своего внѣшняго достоинства, Констанцій, посреди шумныхъ восклицаній толпившагося на его пути народа, сохранялъ полную неподвижность своей фигуры и фізіономіи, такъ что изображалъ собою родъ статуи. Достигнувъ Римскаго Форума и взошедъ на трибуну, онъ на минуту былъ пораженъ представившеюся ему картиною древняго Римскаго величія; куда ни обращалъ взоры, повсюду видѣлъ чудеса античнаго искусства. Онъ посѣтилъ собраніе сената, сказалъ нѣсколько словъ народу съ высоты

ораторской трибуны, присутствовалъ на конскихъ ристаніяхъ цирка, принималъ золотые вѣнки и хвалебныя привѣтствія отъ разныхъ городовъ.

Цѣлый мѣсяцъ провелъ Констанцій въ Римѣ, съ удивленіемъ осматривая памятники, разсѣянные по его семи холмамъ и раздѣлявшимъ ихъ долинамъ. Древняя столица міра еще стояла во всей своей красѣ; ея монументальныя постройки и главныя украшенія еще были почти нетронуты. Императоръ не зналъ чему отдать предпочтеніе: то его поражала величавая красота Капитолійскаго храма Юпитера, то обширность термъ Каракаллы и Деоклетіана, или строгая простота Пантеона съ его колоссальнымъ куполомъ, гигантскій амфитеатръ Флавія, изящная архитектура Помпеева театра и храма богини Ромы, Великій циркъ и многое другое. Но болѣе всего онъ пораженъ былъ великолѣпіемъ Траянова форума. Констанцій сознался, что слава, обыкновенно впадающая въ преувеличеніе, въ отношеніи этихъ чудесъ искусства на оборотъ ниже дѣйствительности. Онъ долго совѣтовался съ своими приближенными о томъ, что могъ бы прибавить для украшенія вѣчнаго города и на память о самомъ себѣ; наконецъ остановился на египетскомъ обелискѣ изъ Гелиополиса. Этотъ обелискъ Константинъ Великій велѣлъ перевезти въ свою новую столицу; колонна была сплавлена по Нилу до Александріи, и здѣсь осталась по причинѣ наступившей тогда кончины императора. Констанцій подарилъ теперь обелискъ прежней столицѣ Имперіи; на особливо устроенномъ кораблѣ его перевезли на берега Тибра, и поставили въ Великомъ циркѣ.

Новыя движенія варваровъ на Дунайскихъ предѣлахъ заставили Констанція поспѣшить изъ Рима въ Паннонію. Въ концѣ 357 года онъ прибылъ въ паннонскій городъ Сирміумъ, откуда весною слѣдующаго года открылъ военныя дѣйствія противъ германскихъ Квадовъ и сарматскихъ Языговъ. Императоръ вступилъ съ войсками въ ихъ земли, которыя жестоко опустошилъ, и рядомъ пораженій принудилъ ихъ просить мира. Едва въ началѣ 359 года окончивъ эту войну, онъ долженъ былъ отправиться въ Азію, гдѣ всѣ помытки заключить прочный миръ съ Саноромъ разбились о его непомѣрныя требованія, которыя простирались на Арменію и всю Месопотамію. Персидскій царь снова вторгся въ римскіе предѣлы, и осадилъ небольшую крѣпость Амиду, на верхнемъ Тигрѣ (Діарбекиръ); послѣ дол-

гой осады она была взята, и населеніе ея подверглось безошадному избіенію отъ варваровъ, раздраженныхъ храбрымъ и упорнымъ сопротивленіемъ (въ октябрѣ 359 года). Но за то эта осада, на нѣсколько мѣсяцевъ задержавшая Персидскія полчища подъ стѣнами Амиды и уничтожившая значительную и лучшую ихъ часть, спасла на сей разъ остальные Римскія провинціи; такъ какъ, за позднимъ временемъ года и большими потерями, царь ушелъ обратно за Тигръ.

Возобновившаяся Персидская война послужила поводомъ къ явному разрыву между Констанціемъ и Юліаномъ.

Сначала льстецы, окружавшіе императора, отзывались объ Юліанѣ насмѣшливымъ тономъ, остряли надъ его философскими и школьными привычками, называли его обезьяной въ пурпурѣ, косматымъ дикаремъ, жалкимъ фразеромъ, и по причинѣ его частыхъ донесеній о своихъ побѣдахъ дали ему прозвище Викторина. Констанціи охотно слушала подобныя насмѣшки; а придворные евнухи увѣряли его, что всѣ успѣхи Юліана суть ничто иное какъ плоды собственныхъ распоряженій императора и того обаянія, которымъ его имя повсюду пользуется. Констанціи до того поддавался внушеніямъ этихъ льстецовъ и собственной гордости, что въ своихъ указахъ и посланіяхъ, обращенныхъ къ провинціямъ, онъ сталъ извѣщать о всѣхъ римскихъ побѣдахъ, одержанныхъ на востокѣ и западѣ его полководцами или Юліаномъ, не иначе какъ въ первомъ лицѣ, т. е. «я сражался», «я побѣдилъ» и т. п. Между прочимъ издано было подробное описаніе побѣды при Страсбургѣ, гдѣ императоръ представленъ личнымъ участникомъ и руководителемъ боя, тогда какъ онъ находился на сорокъ переходовъ отъ мѣста сраженія. Въ довершеніе цаглой лжи, о Юліанѣ при этомъ не было упомянуто ни слова. Но какъ ни умалчивали о немъ въ официальныхъ извѣстіяхъ, слава его подвиговъ росла и преданность къ нему народа (популярность) все увеличивалась. Тогда отъ насмѣшекъ надъ его ничтожествомъ придворные перешли къ противной крайности: они начали возбуждать зависть императора къ славѣ цезаря и увѣрять, что сей послѣдній хочетъ идти по стопамъ Магненція. Въ согласіи съ придворными евнухами дѣйствовали своими тайными донесеніями также нѣкоторые галльскіе судьи и правители, которымъ Юліанъ не позволялъ грабить казну и населеніе ради личной наживы. Въ числѣ

такихъ тайныхъ враговъ находились Лупицінъ, начальникъ пѣхоты (*magister armorum*), и помянутый выше Флоренцій, префектъ преторъ, т. е. ближайшіе помощники Юліана какъ въ военныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Покровительницы его, Евсевіи, въ то время уже не было въ живыхъ.

Въ совѣтъ императора рѣшено было отозвать Юліана изъ Галліи; но, въ виду любви къ нему войска, хотѣли прежде ослабить его подѣ благовиднымъ предлогомъ и тѣмъ предупредить открытое сопротивленіе. Такой предлогъ представляли съ одной стороны нѣкоторое затишье, наступившее на предѣлахъ Галліи, а съ другой возгорѣвшаяся война съ Персіей.

Въ концѣ 359 года въ мѣстопробываніе цезаря Лютецію прибылъ трибунъ Деценцій и привезъ императорскій приказъ: отдѣлить отъ Галльской арміи союзные отряды Геруловъ, Батавовъ, Кельтовъ, кромѣ того выбрать 300 лучшихъ воиновъ изъ другихъ частей войска, взять также часть гвардейскихъ когортъ, и все это направить на востокъ для присоединенія къ арміи, дѣйствовавшей противъ Персовъ.

Юліанъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи: онъ понималъ, въ какую опасность повергнетъ и его лично, и всю Галлію отдѣленіе лучшихъ его войскъ. Онъ представилъ весьма важное возраженіе императорскому посланцу относительно тѣхъ отрядовъ, которые были набраны изъ германскихъ наемниковъ. Эти наемники вступили въ римскую службу подѣ условіемъ, что ихъ никогда не пошлютъ на ту сторону Альпъ, и соблюденіе сего условія было имъ торжественно обѣщано. Нарушеніе такого обѣщанія съ одной стороны подрывало довѣріе къ Римскому правительству, съ другой грозило возмущеніемъ наемныхъ войскъ. Но Деценцій не принималъ никакихъ возраженій, и требовалъ скорѣйшаго исполненія императорскаго приказа. Цезарь находился тѣмъ въ большемъ затрудненіи, что оба его главные помощники и совѣтники, Лупицінъ и Флоренцій, были въ отсутствіи: первый начальствовалъ въ Британіи въ войнѣ противъ Пиктовъ и Скоттовъ; а второй подѣ какимъ то предлогомъ намѣренно уѣхалъ въ городъ Вьену, и тамъ выжидалъ, чѣмъ окончится порученіе Деценція. Тщетно Юліанъ звалъ Флоренція и писалъ ему, что въ трудныя минуты обязанность префекта преторіи быть подлѣ своего начальника. Послѣ тягостнаго колебанія, цезарь рѣшилъ по-

видимому исполнить свой долгъ повиновенія, и войска, назначенныя на востокъ, были двинуты изъ разныхъ мѣстъ къ сборному пункту.

Скоро со всѣхъ сторонъ послышались ропотъ и негодованіе. Населеніе провинцій, покидаемыхъ войсками, оплакивало свою беззащитность отъ нашествій варваровъ; жены солдатъ провожали ихъ съ воемъ, держа на рукахъ своихъ маленькихъ дѣтей. Чтобы облегчить путь солдатскимъ семействамъ, Юліанъ велѣлъ приготовить для нихъ большое количество телѣгъ. Эти сцены унынія и плача сильно возбуждали воиновъ, которые безъ того были недовольны разлукою съ своимъ любимымъ вождемъ и посылкою ихъ на дальній востокъ, въ знойныя непривычныя для нихъ пустыни. При такомъ общемъ настроеніи, недалекій Деценцій сдѣлалъ еще важный промахъ, направивъ собранные отряды именно черезъ городъ Лютетцію. Сей городъ, служившій любимымъ зимнимъ мѣстопребываніемъ Юліана, успѣлъ уже значительно распространиться съ острова и на сосѣдній южный берегъ Сены, гдѣ возникли дворецъ, амфитеатръ; термы и гдѣ устроено было Марсово поле для военныхъ упражненій.

При вступленіи войскъ въ это предмѣстье Юліанъ встрѣтилъ ихъ, взошелъ на трибуналъ, приготовленный передъ городскими воротами, и произнесъ къ нимъ рѣчь. Онъ хвалилъ ихъ прежніе подвиги и поздравлялъ съ честью служить теперь подъ знаменами самого императора, который имѣетъ всѣ средства награждать ихъ по достоинству. Солдаты на его рѣчь отвѣчали угрюмымъ молчаніемъ, и разошлись въ отведенныя помѣщенія гдѣ имъ приготовлено было угощеніе; а ихъ начальники приглашены на обѣдъ къ Цезарю, который при семъ осыпалъ ихъ всякими похвалами и ласками. Такое поведеніе Юліана, можетъ быть основанное на расчетѣ и нелишенное заднихъ мыслей, еще болѣе усилило неудовольствіе войска на разлуку съ своимъ добрымъ, великодушнымъ предводителемъ. Неудовольствіе быстро перешло въ громкій ропотъ, а послѣдній не замедлилъ превратиться въ явное возмущеніе. Около полуночи солдаты схватили оружіе и бросились ко дворцу съ криками: «Юліанъ Августъ!» Но онъ сначала отказался выдти къ бунтующимъ солдатамъ и велѣлъ тщательно запереть всѣ входы; однако на разсвѣтъ долженъ былъ уступить настоятельнымъ крикамъ воиновъ, и появился передъ ними. Онъ горячо протестовалъ противъ возмущенія, и уговаривалъ ихъ возвратиться къ повиновенію; обѣ-

щаль исходатайствовать имъ у императора не только прощенье, но и позволеніе остаться въ Галліи. Все было тщетно: войско хорошо знало нравъ Констанція, и не хотѣло болѣе о немъ слышать.

Послѣ неоднократныхъ отказовъ и увѣщаній, наконецъ Юліанъ, принужденный выбирать между смертью и престоломъ, уступилъ единодушному настоянію войска; по германскому обычаю, оно подняло его на щиты и торжественно провозгласило августомъ, т. е. императоромъ. За неимѣніемъ подъ рукой діадемы, одинъ знаменосецъ снялъ съ себя военное ожерелье и надѣлъ его на голову Юліана. Послѣдній обѣщаль каждому воину въ награду извѣстное количество золота и серебра. Этотъ переворотъ былъ произведенъ собственно союзническими и наемными отрядами. Межъ тѣмъ отрядъ, выбранный изъ разныхъ частей войска и состоявшій подъ начальствомъ трибуна Синтулы, уже ушелъ впередъ къ своему назначенію. Но какъ только до него достигла вѣсть о переворотѣ въ Лютеціи, онъ тотчасъ воротился назадъ. На слѣдующій день Юліанъ собралъ свои войска на Марсовомъ полѣ, и тутъ съ высоты трибунала, уже въ качествѣ императора, произнесъ къ нимъ торжественную и одушевленную рѣчь, въ которой снова восхвалялъ совершенные ими подвиги; особенно напомнилъ ихъ блестящую побѣду при Аргенторатѣ, и въ заключеніе просилъ ихъ также вѣрно служить теперь ими самими избранному императору, а съ своей стороны обѣщаль соблюдать полную справедливость ко всѣмъ, и всѣхъ награждать по заслугамъ, начиная съ простыхъ воиновъ.

Затѣмъ Юліанъ отправилъ посольство къ императору съ донесеніемъ о случившемся. Въ этомъ донесеніи онъ просилъ подтвердить рѣшеніе западной арміи и признать за нимъ титулъ августа; причемъ обязывался уважать старшинство Констанція, посылать ему военную помощь и получать отъ него префекта преторіи; но назначеніе другихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ онъ оставлялъ за собою. Прежде нежели прибыло это посольство, Констанцій уже зналъ о переворотѣ отъ своихъ агентовъ и также отъ Флоренція, который успѣлъ бѣжать на востокъ. Но товарищъ его интригъ Лупицинъ, вызванный изъ Британіи, ради предосторожности былъ заключенъ подъ стражу. Вообще же Юліанъ снисходительно обошелся съ своими врагами; между прочимъ онъ не тронулъ ни имущества, ни оставшуюся въ Галліи семью Флоренція.

Около того же времени умерла супруга Юліана Елена, сестра Констанція, и тѣмъ порвалась ихъ близкая родственная связь. Велико было раздраженіе восточнаго императора противъ своего западнаго совмѣстника; но продолжавшаяся трудная война съ Персами связывала ему руки. Поэтому онъ ограничился пока отправкою посланца въ Галлію своего квестра Леонаса съ письмомъ, въ которомъ порицалъ все совершившееся и совѣтовалъ Юліану попрежнему довольствоваться титуломъ цезаря. Послѣдній поступилъ съ этимъ посланіемъ довольно ловко: онъ принялъ Леонаса торжественно на своемъ возвышенномъ трибуналѣ, окруженномъ войсками, и приказалъ громко читать посланіе. Когда чтеніе дошло до того мѣста, гдѣ Констанцій отказывалъ въ титулѣ августа, раздались бурные клики солдатъ: «Юліанъ Августъ волею войска и населенія!» Чтеніе письма продолжалось, и, когда дошли до упрековъ императора въ черной неблагодарности со стороны спасеннаго и возвеличеннаго имъ сироты, тогда уже самъ Юліанъ съ гнѣвомъ воскликнулъ: «Убійца моего отца, братьевъ и всей моей семьи смѣетъ говорить о моемъ сиротствѣ! Онъ напоминаетъ мнѣ этимъ о мщеніи». Послѣ того Леонасъ былъ отосланъ обратно съ такимъ отвѣтомъ, который равнялся объявленію войны.

Межъ тѣмъ агенты Констанція уже возбуждали зарейнскихъ варваровъ къ нападенію на Галлію; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ незатруднялся жертвовать интересами государства ради личныхъ цѣлей. Предупреждая дѣйствіе такихъ интригъ, Юліанъ еще разъ перешелъ Рейнъ, вторгся въ землю одного безпокойнаго Франкскаго племени, и жестоко опустошивъ ее, принудилъ варваровъ униженно просить о мирѣ. Затѣмъ онъ объѣхалъ римскія крѣпости, расположенныя вдоль Рейна, и привелъ ихъ въ исправное состояніе. А одного изъ Аламанскихъ князей и самаго опаснаго, по имени Вадомара, онъ хитростью захватилъ въ плѣнъ и отправилъ на житье въ Испанію.

Послѣ того Юліанъ не сталъ ожидать, пока Констанцій окончитъ войну съ Персами и соберетъ всѣ свои войска для усмиренія Галліи; въ такомъ случаѣ на сторонѣ восточнаго императора былъ бы значительный перевѣсъ въ силахъ. Поэтому новый августъ, не теряя времени, въ маѣ 361 года тремя колоннами двинулъ свое войско въ Паннонію и Иллирію. Подъ стѣнами Сирміума они соединились; захваченный въ распахъ, этотъ городъ сдался Юліану. Отсюда онъ по-

слѣшили къ Гемскимъ (Балканскимъ) проходамъ, которые и занялъ своими отрядами. Уже начиная съ Панноніи, западный императоръ разсылалъ свои манифесты къ войскамъ, провинціямъ и отдѣльнымъ городамъ Имперіи. Во многихъ мѣстахъ его манифесты произвели ожидаемое дѣйствіе, особенно въ Греціи и Италиі. Послѣдняя послѣдила отложиться отъ нелюбимаго Констанція и признать своимъ государемъ Юліана.

Посреди его успѣховъ однако одно обстоятельство едва не испортило всего предпріятія.

Юліанъ послалъ изъ Сирміи два стояшіе тамъ прежде легіона въ Галлію на подкрѣпленіе войска, оберегавшаго Рейнскую границу. Но проходя по Сѣверной Италиі, эти легіоны, недовольные своимъ передвиженіемъ, возмущились и заняли крѣпость Аввилею, откуда начали возбуждать къ возмущенію и сосѣднія провинціи. Юліанъ долженъ былъ отдѣлить часть своего войска противъ бунтовщиковъ. Но Аввилея защищалась упорно, и осада ея грозила на долго затянуться.

Констанцій съ своей стороны, воспользовавшись нѣкоторымъ перерывомъ военныхъ дѣйствій съ Персами, выступилъ въ походъ для усмиренія «неблагодарнаго мятежника», какъ онъ называлъ Юліана. Но дорогою заболѣлъ горячкою, и, не успѣвъ еще покинуть Малую Азію, скончался 3 ноября 361 года. Говорятъ, въ послѣднія минуты своей жизни онъ созналъ свою несправедливость въ отношеніи къ Юліану, остававшемуся теперь единственнымъ представителемъ династіи Константина Великаго, и назначилъ его себѣ преемникомъ. Какъ бы то ни было, послѣ его смерти восточная армія единодушно признала Юліана своимъ государемъ, и такимъ образомъ угрожавшая Имперіи новая и убійственная междоусобная война окончилась въ самомъ началѣ. 12 декабря новый государь торжественно вступилъ въ Константинополь.

Уже вскорѣ послѣ своего провозглашенія императоромъ въ Лютетіи Юліанъ пересталъ притворяться христіаниномъ, началъ при всякомъ удобномъ случаѣ показывать себя усерднымъ язычникомъ и совершать языческія жертвоприношенія. Въ манифестѣ, отправленномъ къ Ассиріянамъ во время своего похода на востокъ, онъ хвалитъ ихъ за вѣрность отечественной богинѣ. Въ тѣхъ городахъ, которые встрѣ-

чались ему во время этого похода, онъ уже въ качествѣ верховнаго жреца (*pontifex maximus*) приказывалъ отворять языческіе храмы и возобновлять служеніе богамъ. Взявъ въ свои руки бразды правленія въ качествѣ единоподержавнаго римскаго императора, Юліанъ могъ теперь повидимому безпрепятственно возстановить древнюю государственную религію въ своей Имперіи. Что онъ и успѣшилъ сдѣлать, но только для того, чтобы раскрыть все ея отжившее значеніе, всю дальнѣйшую несостоятельность передъ лицомъ исторіи и вмѣстѣ доказать всю прочность новой религіи.

ЭЛИНО-СКИӨСКІЙ МІРЪ

на

• БЕРЕГАХЪ ПОНТА.

Рѣдкій изъ писателей древности болѣе или менѣе не касался означеннаго міра; поэтому источники для его изученія довольно обильны и разнообразны, хотя и весьма разсѣяны. Главное мѣсто между ними занимаютъ творенія Геродота, Гиппократа, Ктезія, Діодора Овидія, Страбона, Діонисія, Діона Хризостома, Тацита, Птоломея, Лукьяна, Скимна, Арріана, Евсевія, Амміана Марцеллина, а также произведенія византійцевъ Прокоція и Константина Багрянороднаго.

Что касается до пособій, то этотъ предметъ имѣетъ весьма обширную литературу. Назовемъ только тѣ изданія, которыя мы имѣли подъ рукою: Пинкертона *Recherches sur l'origine des Scythes ou Goths* (съ англійскаго). Paris. 1804. Укерта *Skythien und das Land der Geten oder Daken*. 1846. Неймана *Die Hellenen im Skythenlande*. 1855. Цейса *Die Deutschen und die Nachbarstämme*. 1837. Бергмана *Les Scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves*. 1858. Куно *Die Skythen*. 1871. Кеппена—Древности Сѣвернаго берега Понта. М. 1826. Ашика—Боспорское царство. 1848. Спасскаго—Боспоръ Киммерійскій. М. 1846 и Археологонумизматическій Сборникъ. 1850. Графа Уварова—Разысканія о древностяхъ Южной Россіи 1850. Кёне—Описаніе музея кн. Кочубея. 1857. Отчеты Императорской Археологической комиссіи 1859—1872 гг. Дюбуа—*Voyage autour du Caucase*. Григорьева—Цари Боспора Киммерійскаго. 1851. и О скивскомъ народѣ Сакахъ 1871. Бюллетени Петерб. Академіи наукъ съ статьями Мюлленгофа, Шифнера, Куника, Радлова и др. Изданія: Петерб. Археологич. Общества (статья Миццлова, Муральта и др.); Одесскаго Об. Исторіи и древностей (статья Надеждина, Бруна, Мурзакевича, Юргевича, кн. Сибирскаго и др.); Прописки (Леонтьева—Разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и гр. Уварова—Разысканія близъ Симферополя и Севастополя); Московскаго Археологич. Общества (Археологич. топографія и Археологич. раскопки Таман. полуострова.—К. Герца). Кромѣ того замѣтки о Скивахъ разсѣяны въ сочиненіяхъ Нибура, Шафарика, Клапрота, Кеппена, Черткова, Гильфердинга и пр. По археологіи Скивіи и Боспорскаго царства замѣчательны еще труды Стемковскаго, Дюбрюкса, Бларамберга, Стефани, Тизенгаузена, Забѣлина, Стасова и др. Въ послѣднее время особенно важныя заслуги принадлежатъ упомянутой Императорской Археологической комиссіи, которая своими систематически и тщательно ведеными раскопками кургановъ въ южной Россіи обогатила науку Эллиноскивскихъ древностей большимъ запасомъ вещественныхъ памятниковъ. Единственное въ мірѣ собраніе этихъ древностей, а также богатая нумизматическая коллекція находится между сокровищами Императорскаго Эрмитажа въ Петербургѣ.

XVI.

СКИФЫ И ЭЛЛИНСКИЕ КОЛОНИСТЫ.

Южно-русскія степи. — Природа Скиѳіи. — Ея народы. — Черты изъ быта и религіи Скиѳовъ. — Дарій въ Скиѳіи. — Выводы о Скиѳской народности. — Эллинскія колоніи. — Ольвія. — Жертвы Эллинскаго вліянія. — Возобновленный городъ.

Южная полоса Россіи представляетъ такую же крайность какъ и сѣверная, но въ противномъ смыслѣ. Тамъ непроглядные лѣса, не проходимыя болота, холодный, влажный климатъ; а здѣсь необозримыя степи, скудость воды и сухой, лѣтомъ накаленный, воздухъ. Зыбучіе пески и солончаки только мѣстами покрываются тонкимъ слоемъ земли, на которой растутъ степныя травы. Деревья суть рѣдкое явленіе, и путнику на безпредѣльномъ горизонтѣ представляются только группы безчисленныхъ кургановъ—единственные памятники минувшихъ вѣковъ. Въ утомительномъ однообразіи своей природы сходятся обѣ крайности: сѣверъ и югъ.

Южнорусскія степи по своему характеру распадаются на двѣ части: западную и восточную. Западная часть простирается отъ низовьевъ Дуная и отроговъ Карпатъ до нижняго теченія Дона. Она представляетъ плоскость, постепенно покатую къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Ея ровную поверхность нарушаютъ глубокія рѣчныя долины и балки. Почва ея хотя довольно насыщена солью, однако обилуетъ травой. Между тѣмъ юговосточныя или Прикаспійскія степи отличаются весьма низменнымъ уровнемъ своей поверхности и почти лишены растительности; что происходитъ отъ обилія солончаковъ. Это послѣднее пространство еще вполне сохраняетъ характеръ бывшаго морскаго дна. Первая есть степь травяная, а вторая соленая.

Степи Азовско-Черноморскія въ древности и составляли собственную или Европейскую Скиөию. Здѣсь начинается наша отечественная исторія.

Извѣстія классическихъ писателей о природѣ и климатѣ Скиөии довольно разпорѣчивы и сбивчивы. По однимъ, это страна холода, снѣговъ, бурь и непогодъ; по другимъ, она отличается климатомъ зпойнымъ и чрезвычайно сухимъ; а по словамъ третьихъ въ ней господствуютъ сырость и туманы. Всѣ эти извѣстія имѣли свое основаніе, потому что онѣ относились къ разнымъ мѣстностямъ, къ разнымъ временамъ года и составились подѣ разными впечатлѣніями. Греки знали хорошо только побережья Чернаго моря; о внутренней же странѣ они судили по слухамъ, часто весьма неточнымъ. Привыкнувъ къ теплomu, мягкому климату своей родины, они были чувствительны къ рѣзкимъ переходамъ между зимнею и лѣтнею температурою Понтійской Скиөии, и находили ея климатъ очень суровымъ. Хотя снѣгъ выпадалъ тамъ зимою на короткое время, однако онъ представлялъ поразительное явленіе для Грека, особенно когда послѣднему приходилось видѣть бѣлыя хлопья, падающія при сильномъ степномъ вѣтрѣ и на самомъ себѣ испытать скиөскія вьюги и метели. Необычны были для него и лѣтніе мѣсяцы, когда все засыхало и замирало въ степи, а воздухъ казался раскаленнымъ. Таковъ именно континентальный климатъ той страны, которая лежитъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ и часть которой собственными глазами видѣлъ Геродотъ, посѣтившій Ольвію. Другіе писатели, какъ Гиппократъ, указавшіе на сырость и туманы Скиөии, по всѣмъ признакамъ описывали по преимуществу болотистые берега Меотиды и восточнаго Черноморья. Третьи, особенно географы какъ Страбонъ, связывали вмѣстѣ разныя извѣстія и давали сбивчивыя описанія.

Суровый климатъ Скиөии, на который жаловались Греки, не мѣшалъ ей однако въ изобиліи производить хлѣбныя растенія и служить житницею для собственной Греции; а на Таврическомъ полуостровѣ уже тогда произрастали не только превосходныя яблоки и груши, но и болѣе нѣжные плоды, каковы гранаты, фиго и виноградъ. Есть поводъ думать, что Европейская Скиөія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги какъ теперь.

Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѣи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая полоса повидимому простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Отстатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, еще видѣлъ въ XIII вѣкѣ латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Иосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на пизнемъ теченіи Дона и Волги и вообще на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо далѣе, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ береговъ Понтійскихъ и Каспійскихъ. Но дикія кочевыя орды, толпившіяся на этихъ равнинахъ въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ, широко распространили область столь любезной имъ степной природы.

Скиѣи составляли одну изъ обширныхъ вѣтвей Арійской или Индо-европейской семьи народовъ, именно вѣтвь Германо-Славяно-Литовскую. Колыбелью собственно скиѣскихъ народовъ можно назвать страны орошаемыя рѣками, извѣстными въ древности подъ именами Оксусъ и Яксартъ (теперь Аму-Дарья и Сыръ-Дарья). Страны эти въ древности у своихъ южныхъ сосѣдей назывались общимъ именемъ Турана. Лежація къ югу отъ него области Ирана, т. е. Бактрія, Мидія и Персія, имѣли осѣдлое населеніе и достигли уже значительной степени гражданственности въ то время, когда Скиѣи сохранили еще вполне свой кочевой бытъ. Извѣстно, что древнія преданія Ирана наполнены рассказами о набѣгахъ Туранцевъ и борьбѣ иранскихъ богатырей съ этими кочевниками. Съ восточной стороны Каспійскаго моря скиѣскія орды постепенно распространяли свои кочевья и на западную сторону; потомъ мало-по-малу заняли Черноморскія степи и Прикавказскія земли, откуда они отчасти вытѣснили своихъ предшественниковъ Киммеріанъ, отчасти смѣшались съ ними. Подъ именемъ Киммеріанъ по всей вѣроятности скрывалась та вѣтвь Арійцевъ, которая называется Кельтами,

Европейскіе Скиѣы и ихъ азіатскіе соплеменники долго еще тревожили своими набѣгами Переднюю Азію, и однажды наложили свое иго на обширное Мидійское царство. Извѣстенъ рассказъ Геродота о вѣроломствѣ царя Мидіи Ціаксара, который умертвилъ на пиру скиѣскихъ предводителей и освободилъ свой народъ. Преемники мидійскихъ государей, цари персидскіе также должны были вести упорныя войны со Скиѣами. Киръ, по словамъ Геродота, погибъ въ битвѣ съ ними; а Дарій Гистаспъ, чтобы смирить неукротимыхъ набѣдниковъ, предпринималъ походы въ Европейскую Скиѣю. Этотъ походъ, какъ извѣстно, подалъ поводъ «отцу исторіи» бросить взглядъ на Скиѣскій міръ и оставить грядущимъ поколѣніямъ любопытную его картину. Съ нея собственно и начинается исторія нашей страны.

Геродотъ лично посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря: онъ былъ въ Ольвіи; но едва ли проникъ далѣе въ самыя степи. Онъ конечно собралъ почти все, что можно было узнать о Скиѣахъ отъ греческихъ торговцевъ и путешественниковъ. Рассказы его представляютъ замѣчательное смѣшеніе извѣстій историческихъ съ темными слухами и съ вымыслами живаго воображенія греческихъ колонистовъ. Приведемъ наиболѣе существенныя черты изъ этихъ рассказовъ.

По сосѣдству съ Ольвіей или торжищемъ Бористенитовъ — какъ называетъ ее Геродотъ — живутъ племена смѣшанныя изъ Эллиновъ и Скиѣовъ и извѣстныя подъ именемъ Каллипидовъ. Выше нихъ по Гупанису (Бугу) обитаютъ Алазоны. Тѣ и другіе во многихъ отношеніяхъ соблюдаютъ скиѣскіе обычаи; впрочемъ они сѣютъ хлѣбъ, а также употребляютъ въ пищу лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ по Гупанису и Бористену (Днѣпру) живутъ Скиѣы Земледѣльцы, которые сѣютъ хлѣбъ и сбываютъ его эллинскимъ купцамъ. Еще выше по Гупанису живутъ Невры. Это народъ оборотней; по словамъ сосѣднихъ Скиѣовъ, они ежегодно на нѣсколько дней превращаются въ волковъ; но вообще у нихъ тѣже обычаи что у Скиѣовъ. Къ сѣверу за Неврами лежитъ пустыня. Къ сѣверу за Скиѣами Бористена также лежитъ пустыня, за которою живутъ Андрофаги или Людоѣды, народъ самъ по себѣ не скиѣскій, имѣющій свой особый языкъ; но одѣваются они по скиѣски; нравы у нихъ самыя дикіе; они не знаютъ никакихъ законовъ. За ними начинается уже настоящая, необитаемая пустыня.

На востокъ отъ Скиѳовъ Земледѣльцевъ, въ странѣ безлѣсной и простирающейся на 14 дней ходьбы, встрѣчаются Скиѳы Кочевые, которые не пахутъ и не сѣютъ. Еще далѣе на востокъ обитаютъ Скиѳы Царскіе; они простираются отъ горъ Таврическихъ до рѣки Танаиса, т. е. вдоль Меотійскаго прибрежья, на которомъ находится торговый городъ Кремны. Это самое храброе и самое многочисленное скиѳское племя, которое смотритъ на другихъ Скиѳовъ какъ на своихъ рабовъ. Къ сѣверу отъ нихъ живетъ не скиѳскій народъ Меланхлены, т. е. Черные плащи, за которыми тянутся болота и безлюдныя пространства.

За рѣкой Танаисомъ лежитъ конецъ собственно Скиѳской земли. Здѣсь находится область Савроматовъ, которая отъ Меотійскаго озера простирается къ сѣверу на 15 дней пути и совершенно лишена деревьевъ. Интересна басня о происхожденіи Савроматовъ. Когда-то воинственныя женщины или Амазонки, обитавшія гдѣ то около Кавказа, были побѣждены Греками. Три корабля, наполненные плѣнницами, плыли по морю. Во время пути онѣ напали на своихъ стражей и перебили ихъ; но, не умѣя управлять судами, должны были отдаться на волю вѣтровъ и волнъ. Корабли пристали около города Кремнъ въ землѣ свободныхъ Скиѳовъ. Амазонки захватили первый попавшійся табунъ, сѣли на коней и начали дѣлать набѣги на Скиѳскую землю. По трупамъ, оставшимся на полѣ сраженія, Скиѳы узнали, что ихъ враги всѣ женскаго пола. Тогда они рѣшили не истреблять ихъ; а составили отрядъ изъ молодыхъ людей, которому велѣли разбить станъ подлѣ лагеря амазонокъ и показывать имъ дружеское расположеніе. Дѣло кончилось тѣмъ, что два лагеря соединились въ одинъ и амазонки сдѣлались женами молодыхъ Скиѳовъ. Но онѣ не захотѣли остаться въ Скиѳской землѣ, а убѣдили своихъ мужей уйти съ ними за Танаисъ. Тамъ отъ этого соединенія Скиѳовъ и амазонокъ и произошелъ народъ Савроматовъ. Женщины савроматскія сохраняютъ воинственныя привычки своихъ прародительницъ: онѣ ѣздятъ на конѣ, ходятъ на охоту и на войну вмѣстѣ съ мужчинами и носятъ мужское платье. У нихъ есть такой обычай, что дѣвушка не можетъ выдти замужъ, пока не убьетъ хотя одного непріятеля. Савроматы говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но не совсѣмъ чистымъ.

За ихъ страну лежитъ область Будиновъ, покрытая всякаго

рода деревьями. Это многочисленный народъ, отличающійся свѣтлыми волосами. Здѣсь находится большое, многоводное озеро, котораго топкія окрестности поросли тростникомъ. Въ немъ ловятся выдры, бобры и другіе пушные звѣри, которыхъ шкура идетъ на теплую одежду. Въ той же области есть обширный городъ Гелонъ, весь построенный изъ дерева. Жители Гелона говорятъ языкомъ смѣшаннымъ изъ греческаго и скиѣскаго, потому что они произошли отъ греческихъ изгнанниковъ, которые поселились между Будинами. Тамъ есть храмы, посвященные греческимъ богамъ, построенные по греческому образцу и украшенные статуями и алтарями. Гелоны обрабатываютъ землю и живутъ своею жатвою и садоводствомъ, а Будины остаются номадами и употребляютъ въ пищу сосновыя шишки. За Будинами опять пустыня; а за этою пустынею къ востоку въ странѣ лѣсной обитаетъ особый и многочисленный народъ Тиссагетовъ, которые существуютъ звѣроловствомъ. Сосѣди ихъ. Ирки также занимаются охотою; высмотрѣвъ съ вершины дерева какого либо звѣря, они пускаютъ въ него стрѣлу; а потомъ, вскочивъ на коня, преслѣдуютъ его съ помощью собаки. За Ирами еще далѣе къ востоку опять встрѣчаются Скиѣны, именно тѣ, которые отдѣлились отъ Царскихъ Скиѣовъ и ушли въ ту сторону.

Вся описанная до сихъ поръ земля состоитъ изъ равнинъ; но далѣе она становится неровною и каменистою. Еще далѣе, у подошвы высокихъ горъ живутъ люди, о которыхъ говорятъ, будто они отъ рожденія плѣшавы; у нихъ приплюснутый носъ и длинный подбородокъ. Языкъ у нихъ особый; но одѣваются они по-скиѣски. Этотъ народъ называется Агриппей. Они питаются плодомъ одного дерева, похожимъ на бобы; изъ него выжимаютъ густой, темный сокъ, который пьютъ, смѣшавъ съ молокомъ. Скота у нихъ мало; потому что нѣтъ хорошихъ пастбищъ. Они живутъ подъ деревьями, которыя на зиму ограждаютъ войлоками. Сосѣди не трогаютъ Агриппеевъ, почитаютъ ихъ за святыхъ людей и обращаются къ нимъ за рѣшеніемъ своихъ распрей. Бѣглець находитъ у нихъ неприкосновенное убѣжище. Вся страна, простирающаяся до этихъ Лысыхъ людей, достаточно извѣстна по разсказамъ Скиѣовъ и эллинскихъ торговцевъ. Народы, населяющіе ее, говорятъ на семи языкахъ, такъ что Скиѣны, путешествуя по ней, должны употреблять семь переводчиковъ. Но относительно того, что находится еще да-

лѣе къ сѣверу, нѣтъ ничего достовѣрнаго; высокія и неприступныя горы преграждаютъ туда доступъ. Агриппеи рассказываютъ невѣроятныя вещи, будто на этихъ горахъ живутъ люди съ козлиными ногами, а за ними еще другой народъ, который спитъ шесть мѣсяцевъ въ году. Къ востоку же отъ Агрипеевъ живутъ Исседоны, у которыхъ существуетъ слѣдующій обычай. Когда у кого умретъ отецъ, то всѣ его родственники приводятъ къ нему на закланіе что либо изъ своего скота; потомъ рѣжутъ на куски трупъ покойника, и, смѣшавъ съ мясомъ животныхъ, устраиваютъ пиръ. Но черепъ они золотятъ и употребляютъ его какъ священный сосудъ во время торжественныхъ жертвоприношеній, которыя ежегодно отправляютъ въ честь предковъ. Впрочемъ, эти люди слывуть справедливыми; а женщины у нихъ пользуются такою же властію какъ мужчины. По рассказамъ Исседоновъ, за ними къ сѣверу живутъ Аримаспы, т. е. Одноглазые, а также Грифы, которые стерегутъ золото.

Вотъ тѣ народы, которыми Геродотъ населяетъ Скиөію и земли, прилежащія къ ней съ сѣвера и востока. Онъ описываетъ также ихъ сосѣдей и съ другихъ сторонъ. На нижнемъ теченіи Дуная живутъ Геты, а на верхнемъ теченіи Тираса, въ странѣ Прикарпатской, обитаютъ Агатирсы (имя которыхъ находилось конечно въ связи съ названіемъ рѣки Тирасъ, т. е. Днѣпра). На Таврическомъ полуостровѣ, съ кочевыми Скиөами сосѣдятъ Тавры, занимающіе южную, горную часть его; а за Боспоромъ Киммерійскимъ, на нижнемъ теченіи другаго Гупаниса (Кубани) живутъ Синды.

Геты считаютъ себя безсмертными: они думаютъ, что смерть есть только переселеніе къ ихъ богу Залмоксу. Каждая пятъ лѣтъ они отправляютъ къ нему посла, что бы заявлять о своихъ нуждахъ. Съ этою цѣлью выбираютъ по жребію одного человѣка и подбрасываютъ его на воздухъ такимъ образомъ, что бы онъ упалъ на острие трехъ поставленныхъ копій. Если посолъ умиралъ отъ своихъ ранъ, то это было знакомъ благоволенія со стороны бога; въ противномъ случаѣ думали, что выбранный ему негоденъ, и тогда назначали другаго. Агатирсы народъ очень изнѣженный и пристрастный къ золотымъ украшеніямъ. Они имѣютъ общихъ женъ, съ тою цѣлью, что бы, составляя какъ бы одно семейство, не имѣть поводовъ къ ревности и ссорамъ. Дикіе Тавры приносятъ въ жертву своей богинѣ иноземцевъ, которыхъ морскія бури загоняютъ на ихъ берега.

Они живутъ военною добычею, а плѣнникамъ своимъ отрѣзываютъ головы и втыкаютъ на шесты, утвержденныя надъ ихъ жилищами; головы эти по ихъ повѣрью охраняютъ домъ отъ враждебной силы.

Теперь обратимся собственно въ Скиѣамъ, и посмотримъ, какими чертами изображаетъ Геродотъ ихъ бытъ и вѣрованія. Во первыхъ, о происхожденіи Скиѣовъ, т. е. объ ихъ родоначальникахъ, существовали баснословныя преданія, какъ то бываетъ у всѣхъ народовъ. Геродотъ передаетъ намъ на этотъ счетъ вымыселъ собственно скиѣскій и басню, сочиненную греческими колонистами. Послѣдніе конечно все привязывали къ своимъ роднымъ богамъ и героямъ. Они рассказывали, что Геркулесъ однажды забрелъ въ пустынный край, гдѣ его застигли вьюга и холодъ. Онъ выпрягъ коней изъ своей колесницы, пустилъ ихъ на пастбище, а самъ завернулся въ свою львиную шкуру и заснулъ богатырскимъ сномъ. Но, когда онъ проснулся, коней ужъ не было: ихъ увела ехидна или чудовище, на половину женщина, на половину змѣя, и скрыла въ своей пещерѣ. Что бы выручить коней, Геркулесъ долженъ былъ исполнить желаніе ехидны. Отъ ихъ соединенія родились три сына: Агатирсъ, Гелонъ и Скиѣъ, которые и сдѣлались родоначальниками трехъ народовъ. Но сами Скиѣны рассказывали слѣдующее преданіе о своемъ происхожденіи и первыхъ царяхъ. Отъ ихъ верховнаго бога и дочери рѣки Бористена родился герой Таргитай. У Таргитая было три сына, Липаксай, Арпаксай и Колаксай, отъ которыхъ и произошелъ Скиѣскій народъ. Во времена этихъ трехъ братьевъ однажды съ неба упали плугъ, ярмо, сѣкира и чаша, всѣ сдѣланныя изъ золота. Старшій братъ увидѣлъ ихъ первый и хотѣлъ взять; но золото раскалилось; тоже повторилось и съ среднимъ братомъ; когда же подошелъ младшій, золото оказалось остывшимъ, и онъ овладѣлъ имъ. Видя въ томъ божественное знаменіе, старшіе братья уступили царство младшему. Послѣдній въ свою очередь раздѣлилъ обширную Скиѣскую землю между своими тремя сыновьями. Священное золото сохраняется у его потомковъ съ большимъ тщаніемъ. Обыкновенно оно находится въ самомъ большомъ царствѣ; однако и другіе скиѣскіе цари ежегодно заставляютъ привозить его въ свои владѣнія и совершаютъ въ его честь большія жертвоприношенія.

Что касается до скиѣскихъ божествъ, то вотъ ихъ имена. Главный это Папай, который соотвѣтствовалъ греческому Зевесу, слѣ-

довательно богъ неба; потомъ Апія или земля, Тавити или греческая Гестія, Итосуръ—Аполлонъ, слѣдовательно солнце, Артимпаса—Афродита Уранія. Царскіе Скиѣы кромѣ того приносятъ жертвы богу моря Посейдону, котораго они называютъ Тамимазадасъ. Но предпочтительно передъ другими богами Скиѣы приносятъ жертвы Арею, т. е. богу войны*.

Жертвоприношенія совершаются у Скиѣовъ слѣдующимъ образомъ. Животное ставятъ въ священномъ мѣстѣ и связываютъ ему переднія ноги. Тотъ, кто приноситъ его въ жертву, дергаетъ конецъ веревки и тѣмъ заставляеть его падать. Тогда, призывая имя бога, которому приносится жертва, онъ кладетъ на шею животнаго веревочную петлю, и палкой крутитъ эту петлю до тѣхъ поръ, пока оно задохнется. За тѣмъ онъ вынимаетъ внутренности и варитъ мясо въ котлѣ. По недостатку дровъ, огонь разводится подъ котломъ будто бы изъ костей того же самаго животнаго; а если нѣтъ котла, то его замѣняетъ желудокъ этого животнаго, куда кладутъ мясо и наливаютъ воды. Такимъ образомъ быкъ варитъ самъ себя. Также приносятся въ жертву лошади и другія животныя, но только не свиньи.

Въ каждой скиѣской области устраивается особое святилище богу войны. Для этого свозятъ множество хворосту и воздвигаютъ изъ него курганъ въ три стадіи длины и ширины; на верху этого кургана выравниваютъ квадратную площадку, на которую всходъ устраивается съ одной стороны. Отъ дѣйствія погоды и времени холмъ осѣдаетъ; но Скиѣы ежегодно подвозятъ къ нему полтораста возовъ свѣжаго хворосту. На вершинѣ кургана водружается старый желѣзный мечъ, который и служитъ изображеніемъ бога войны. Ежегодно передъ этимъ мечемъ приносятъ въ жертву лошадей и другихъ животныхъ. Кромѣ того ему приносятъ и сотую часть изъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ; при чемъ имъ льютъ на голову вино, потомъ рѣжутъ горло надъ сосудомъ; послѣдній несутъ на верхъ и кровью обливаютъ мечъ; а въ это время стоящіе внизу отрубаютъ прине-

---

* Любопытно, что Геродотъ, сообщая скиѣскія имена боговъ, только бога войны называетъ греческимъ именемъ *Аресъ*. Отсюда можно заключить, что скиѣское его названіе было очень похоже на греческое. Можетъ быть это то, что у Славянъ и Германцевъ *Аръ* или *Яръ*, откуда *Ярило*, *Яровитъ* (нѣмецкое *Ариовитъ*?) и т. п. Можетъ быть скиѣскій *Аресъ* былъ вмѣстѣ и богомъ—громовникомъ, подобнымъ славянскому Перуну и германскому Тору.

сенному въ жертву правую руку вмѣстѣ съ плечемъ и бросаютъ ее на воздухъ; гдѣ она упадетъ, тамъ и остается.

Относительно войны наблюдаются слѣдующіе обычаи. Скиѣвъ пьютъ кровь перваго поверженнаго имъ непріятеля; головы всѣхъ убитыхъ имъ въ сраженіи онъ отрѣзываетъ и представляетъ царю. Кто не принесетъ ни одной головы, тотъ не имѣетъ части въ добычѣ. Кожу, снятую съ этихъ головъ, вѣшаютъ на поводьяхъ своихъ лошадей, и у кого наиболѣе такихъ украшеній, тому и болѣе почета за его храбрость. Нѣкоторые шиваютъ вмѣстѣ человѣчьи кожи и дѣлаютъ изъ нихъ плащи для себя или попоны для коней; а кожею, снятою съ правой руки непріятеля, обтягиваютъ свои колчаны. Изъ черепа наиболѣе замѣчательныхъ враговъ устраиваютъ чаши для питья, покрывъ ихъ сверху воловьею кожей, а богатые кромѣ того украшаютъ внутри позолотой. Тоже самое дѣлаетъ скиѣвъ съ черепомъ своего ближняго въ томъ случаѣ, когда возникнетъ между ними сильная ссора и онъ въ присутствіи царя одолѣетъ своего противника въ единоборствѣ. Когда скиѣвъ принимаетъ какого почетнаго гостя, то онъ любитъ показывать ему такія чаши или кубки и и рассказывать при томъ ихъ исторію.

Всякій скиѣвскій начальникъ ежегодно устраиваетъ въ своемъ округѣ пиръ, на которомъ подается сосудъ съ виномъ. Но это вино пьютъ только тѣ, которымъ удалось убить непріятеля, а остальные со стыдомъ сидятъ въ сторонѣ. Кто истребилъ большое число враговъ, тотъ пьетъ разомъ изъ двухъ кубковъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Когда Скиѣвы заключаютъ съ кѣмъ либо дружбу или союзъ, они наливаютъ вино въ глиняный сосудъ, и примѣшиваютъ туда нѣсколько капель крови изъ надрѣзовъ, которые дѣлаютъ при этомъ на своемъ тѣлѣ. Потомъ заключающіе союзъ окунаютъ въ сосудъ оружіе, т. е. мечъ, сѣкиру, копье и стрѣлы; послѣ чего произносятъ обычныя молитвы и заклія, и пьютъ вино изъ сосуда.

У Скиѣвовъ существуетъ большое количество гадателей. Когда ихъ призываютъ, то они приносятъ связку ивовыхъ прутьевъ, которые раскладываютъ, перебираютъ и надъ ними производятъ свои гаданія. А нѣкоторые убогіе люди, извѣстные подъ именемъ энаре, гадаютъ съ помощью липовой коры. У Скиѣвовъ есть обычай: когда они хотятъ произнести самую сильную клятву, то клянутся царскими предками. Поэтому, если царя постигаетъ болѣзнь, то онъ при-

зываетъ трехъ наиболѣе извѣстныхъ гадателей, и послѣдніе съ помощью своего искусства должны открыть того изъ Скивовъ, который произнесъ ложную клятву царскимъ именемъ. Обвиненнаго хватаютъ и приводятъ къ царю. Если онъ отрицаетъ обвиненіе, то царь приказываетъ привести двойное число другихъ гадателей, и, въ случаѣ ихъ согласія съ первыми, обвиненному тотчасъ отрубаютъ голову, а имѣніе его отдаютъ первымъ гадателямъ. Когда же вторые объявляютъ его невиннымъ, то призываются новые гадатели, и, если большинство изъ нихъ подтвердитъ невинность обвиненнаго, то вмѣсто него осуждаются на смерть первые гадатели, какъ лжецы. Ихъ связанныхъ кладутъ въ телѣгу, наполненную хворостомъ и запряженную быками, потомъ зажигаютъ хворостъ и гонять быковъ. Когда царь наказываетъ кого смертью, то вмѣстѣ съ нимъ лишаетъ жизни и его дѣтей мужскаго пола, но дочерей щадить.

Могилы скинскихъ царей лежатъ на краю Скиѳіи въ странѣ Геррось, именно тамъ гдѣ Бористенъ становится судоходнымъ (слѣдовательно около Диѣпровскихъ пороговъ). Когда царь умираетъ, то въ этой странѣ готовятъ для него большую квадратную яму. Тѣло царя обливаютъ воскомъ, предварительно вынувъ внутренности и наполнивъ животъ благовонными смолистыми веществами, зернами анису и т. п. За тѣмъ кладутъ его на колесницу, и везутъ по всѣмъ областямъ, которыя были ему подвластны. Обитатели ихъ, въ знакъ печали, надрѣзываютъ себѣ ухо, обриваютъ волосы вокругъ головы, дѣлаютъ надрѣзы на рукахъ, царапаютъ лобъ и носъ и протыкаютъ стрѣлы сквозь лѣвую руку. Обѣхавъ разныя области, колесница достигаетъ страны Геррось, и здѣсь тѣло кладутъ въ приготовленную яму на ложе изъ зеленыхъ листьевъ. Надъ тѣломъ устраиваютъ шатеръ на воткнутыхъ копьяхъ и покрываютъ его ивовыми вѣтвями. Кругомъ царя въ той же ямѣ погребаются одна изъ его женъ, предварительно задушенная, его кравчій, поварь, конюхъ, глашатай, кони и вообще лучшія изъ его вещей, а также и золотые сосуды. Затѣмъ могилу засыпаютъ землею, и воздвигаютъ надъ ней высокій курганъ; при чемъ всѣ работаютъ съ большимъ усердіемъ.

По прошествіи года выбираютъ пятьдесятъ челоуѣкъ между слугами покойнаго царя. Они всѣ принадлежатъ къ Скиѳскому народу, такъ какъ царь не покупаетъ для себя рабовъ, а набираетъ слугъ

изъ своего народа. Означенныхъ пятьдесятъ человекъ Скиѣны удавливаютъ вмѣстѣ съ такимъ же числомъ коней. Изъ послѣднихъ они дѣлаютъ чучелы, набитыя соломой, и располагаютъ ихъ кругомъ царской могилы, продѣвая сквозь нихъ продольный шестъ, который вѣшаютъ на два шеста вертикальныхъ; на каждое лошадиное чучело сажаютъ мертвѣго всадника, продѣвъ сквозь него палку, которую прикрѣпляютъ къ продольному шесту.

Погребеніе простыхъ Скиѣновъ совершается конечно съ гораздо меньшими церемоніями. Когда кто изъ нихъ умретъ, родственники кладутъ его на телѣгу и дѣлаютъ съ нею объѣздъ по его друзьямъ и знакомымъ; при чемъ послѣдніе устраиваютъ пиршества и угощаютъ тѣхъ, которые провожаютъ тѣло. Объѣздъ продолжается сорокъ дней, послѣ чего покойникъ предается погребенію. Скиѣны участвовавшіе въ этомъ погребеніи, потомъ намазываютъ себѣ голову и вымываютъ ее, а остальное тѣло очищаютъ слѣдующимъ образомъ. Ставятъ три шеста, наклонивъ ихъ другъ къ другу, и укрываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ войлокомъ; въ эту палатку приносятъ сосудъ съ раскаленными камнями, на которые бросаютъ конопляное сѣмя, и оно распространяетъ такой паръ, отъ котораго Скиѣны приходятъ въ одуреніе и испускаютъ странные крики. Этотъ паръ служитъ имъ вмѣсто бани. Женщины скиѣскія съ помощію шероховатаго камня мелютъ въ порошокъ куски кипариса, кедра и благовонной смолы, потомъ прибавляютъ воды и дѣлаютъ тѣсто, которымъ трутъ себѣ тѣло и лицо. Такое тѣсто сообщаетъ имъ чистоту и пріятный запахъ.

Что касается до населенности Скиѣи, то Геродотъ сознается, что слухи о томъ весьма различны: одни называли сію страну очень многолюдною, а другіе наоборотъ. Но вотъ что, по его мнѣнію, могло дать о томъ понятіе. Между Бористеномъ и Гупанисомъ лежитъ мѣстность, называемая Еksamпей. Тамъ есть мѣдная ваза, въ шесть разъ превосходящая величиною кратерь, который находится у входа въ Эвксинскій Понть и принесенъ въ даръ богамъ Павзаніемъ, сыномъ Клеомброта. Эта мѣдная ваза имѣетъ вмѣстимость шести сотъ амфоръ и толщину въ шесть пальцевъ. Туземцы рассказывали Грекамъ слѣдующее: скиѣскій царь Аріантъ, пожелавъ узнать число своихъ подданныхъ, приказалъ подъ страхомъ смерт-

ной казни, чтобы каждый скиѣъ принесть ему наконечникъ стрѣлы, и этихъ наконечниковъ собрано было такое огромное количество, что изъ нихъ онъ велѣлъ отлить упомянутую вазу.

Народы, обитающіе около Понта Эвксинскаго, — прибавляетъ Геродотъ — суть самые невѣжественные; но изъ нихъ надобно исключить Скиѣовъ, которые превосходятъ другихъ своими умственными способностями. Изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ они нашли самое вѣрное средство сохранить свою независимость: для этого они не упускаютъ изъ рукъ тѣхъ непріятелей, которые приходятъ въ ихъ землю, и въ тоже время не даютъ на себя напасть, когда того не желаютъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни городовъ, ни крѣпостей. Сидя на коняхъ, они искусно стрѣляютъ изъ лука, а жилища свои влечать за собою, потому что эти жилища состоятъ въ ихъ кибиткахъ. Они питаются отъ своихъ стадъ, а не плодами земледѣлія *). Подобный народъ нельзя ни завоевать, ни даже принудить его къ бою, что вполнѣ доказалъ походъ противъ Скиѣовъ персидскаго царя Дарія Гистаспа.

Дарій горѣлъ желаніемъ отомстить Скиѣамъ за ихъ набѣги на Мидію. Во главѣ 700,000 войска онъ переправился чрезъ Боспоръ Фракійскій по мосту, наведенному изъ греческихъ (малоазіатскихъ) судовъ, прошелъ Фракію, покорилъ встрѣченные здѣсь народы, завоевалъ Гетовъ, перешелъ Дунай, опять по мосту изъ судовъ, и вступилъ въ Скиѣскія пустыни.

Услыхавъ о походѣ Дарія, — повѣствуетъ Геродотъ — Скиѣы подумали между собою, и рѣшили, что имъ нельзя съ однѣми собственными силами побѣдить въ открытой битвѣ такую многочисленную рать. Они послали къ сосѣднимъ народамъ съ просьбою о помощи. Тогда собрались на съѣздъ князя семи или осьми народовъ: Тавровъ, Агатирсовъ, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ, Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ. Скиѣскіе послы убѣждали собравшихся князей соединиться вмѣстѣ для обороны отъ Персовъ; въ противномъ случаѣ грозили, что всѣ они будутъ завоеваны Персами какъ Фра-

*) Скиѣн, по словамъ того же писателя, выкалываютъ глаза своимъ рабамъ, послѣдніе занимаются доеніемъ кобылицъ. Надонъ молока, называютъ его въ деревянный сосудъ; потомъ рабы, помѣстясь вокругъ сосуда, качаютъ его до тѣхъ поръ, пока не всплыветъ на верхъ самая лучшая и самая вкусная часть молока, которую Скиѣн и снимаютъ.

кійцы и Геты. Князья Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ единодушно обѣщали помочь Скиѣамъ; но Агатирсы, Невры, Андрофаги, Меланхлены и Тавры отказались. «Вы первые напали на Персовъ и захватили Мидію безъ нашего участія — отвѣчали они; — а теперь Персы платятъ вамъ тѣмъ же; мы не оскорбляли ихъ, и пока они на насъ не нападутъ, мы останемся спокойны». Тогда Скиѣы рѣшили не вступать въ открытую битву съ Персами, а удаляться въ глубь страны, засыпая на своемъ пути колодцы и источники. Царскіе Скиѣы дѣлились на три орды; въ самой большой начальствовалъ Идантурсъ, а въ двухъ другихъ Токсарисъ и Скопасисъ. Составленъ былъ такой планъ: Скопасисъ, соединясь съ Савроматами, долженъ отступать вдоль Меотійскаго озера къ берегамъ Дона, если Персы направятся въ ту сторону; а Идантурсъ и Токсарисъ, соединясь съ Гелонами и Будинами, должны держаться отъ Персовъ на разстояніи одного дня пути и навести непріятелей на земли тѣхъ народовъ, которые отказали въ помощи: чтобы принудить ихъ взяться за оружіе. Послѣ того скиѣскіе князья отправили далѣе на сѣверъ свои кибитки съ женами, дѣтьми и стадами, а сами съ отборною конницею пошли на встрѣчу Персамъ; но, избѣгая открытой битвы, начали отступать передъ ними, держась отъ нихъ на одинъ день пути и уничтожая при этомъ всё произведенія земли, которыя могли достаться Персамъ. Послѣдовала долгая и утомительная погоня за Скиѣами. Персы прошли всю ихъ страну, потомъ страну Савроматовъ и Будиновъ, затѣмъ повернули назадъ; Скиѣы навели ихъ постепенно на земли Меланхленовъ, Андрофаговъ и Невровъ, которые спаслись въ отдаленныя пустыни. Только Агатирсы своими угрозами вступить въ битву со Скиѣами заставили послѣднихъ повернуть на югъ и снова привести Персовъ въ свою землю.

Извѣстны посольство Дарія къ Идантуру съ требованіемъ или рѣшительной битвы, или воды и земли въ знакъ покорности, а также и отвѣтъ скиѣскаго царя. «Намъ нѣтъ нужды сражаться,—говорилъ онъ—потому что мы не оставляемъ за собой ни городовъ, ни обработанныхъ полей; но если ты разоришь могилы нашихъ предковъ, то узнаешь, какъ мы сражаемся». Въмѣсто земли и воды онъ послалъ Дарію подарокъ, состоящій изъ птицы, мыши, лягушки и пяти стрѣлъ. Извѣстно, какъ истолкованъ былъ смыслъ этого подарка. Персы начали обратное движеніе; тогда Скопасисъ съ своею

ордой и Савроматами посланъ былъ къ Истру, чтобы побудить Грековъ къ разрушенію моста и тѣмъ отрѣзать Дарію отступленіе. Главное скиэское войско между тѣмъ перешло къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и постоянно нападало на Персовъ, какъ скоро тѣ останавливались для отдыха. Персидская конница не выдерживала скиэскихъ нападений; но пѣхота оставалась непобѣжденною. Персамъ помогали въ семь случаевъ ихъ ослы и мулы, которые своими криками пугали скиэскихъ коней. Дѣло въ томъ, что эти животныя не водились въ Скиѣи по причинѣ ея холодовъ. Заслышавъ ихъ пронзительный крикъ, скиэскіе кони наостряли уши и бросались назадъ, потому что не привыкли ни къ голосу, ни къ виду подобныхъ животныхъ. Скиэи старались задержать Персовъ какъ можно долѣе въ своей землѣ, чтобы погубить ихъ голодомъ. Извѣстно, что, благодаря вѣрности малоазійскихъ греческихъ тиранновъ, сохранившихъ мость на Дунаѣ, Дарій наконецъ выбрался изъ Скиѣи и воротился въ Азію.

Этотъ разсказъ Геродота о походѣ Дарія, достовѣрный въ общихъ чертахъ, не можетъ быть принятъ въ своихъ подробностяхъ. Безъ сомнѣнія Дарій не проникалъ такъ далеко, какъ повѣствуетъ о томъ Геродотъ. Онъ конечно углубился только въ степи, сосѣднія съ Дунаемъ и едвали доходилъ до береговъ Днѣпра. Слова Идантура о могилахъ его предковъ, которыя лежали въ странѣ Герросъ, показываютъ, что Дарій не достигъ той страны. А Ктезій и Страбонъ говорятъ, что онъ не далеко ушелъ отъ устьевъ Дуная и скоро воротился, избѣгая гибели въ пустынѣ Гетовъ, лежавшей между Дунаемъ и Днѣстромъ.

Вообще въ картинѣ Скиѣи, набросанной рукою великаго писателя древности, мы должны отличать черты несомнѣнно историческія отъ тѣхъ украшеній, въ которыхъ участвовала богатая греческая фантазія. Не забудемъ, что Геродотъ собственными глазами видѣлъ только небольшую прибрежную часть Скиѣи, и описывалъ Скиэскій міръ болѣе по слухамъ. При такихъ условіяхъ надобно еще удивляться многимъ довольно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыя онъ сообщаетъ о туземцахъ. Напримѣръ, описаніе царскаго погребенія у Скиэовъ подтверждается, если не въ подробностяхъ, то въ главныхъ чертахъ раскопкою кургановъ Южной Россіи, особенно сосѣднихъ съ Днѣпровскими порогами, гдѣ по всѣмъ признакамъ

лежала священная страна Геррось, въ которой находились царскія кладбища.

Изъ описанія Геродота мы видимъ, что Скифы по большей части вели еще кочевой образъ жизни, и слѣдовательно главное богатство ихъ заключалось въ стадахъ, а семейства ихъ жили въ войлочныхъ кибиткахъ, которыя въ случаѣ передвиженія запрягались парюю быковъ. Они отличные наѣзники и стрѣлки, любятъ независимость и умѣютъ охранять ее отъ иноземныхъ завоевателей съ помощію своихъ неизмѣримыхъ степей. Они любятъ паровыя бани какъ истые предшественники восточныхъ Славянъ; любятъ праздники и пиршества, на которыхъ охотно и много пьютъ. Религія ихъ, какъ и другихъ Арійцевъ, кромѣ почитанія предковъ, есть обожаніе главныхъ силъ природы, преимущественно земли, неба, солнца и пр.; но какъ народъ воинственный, они болѣе всего чествуютъ бога войны, которому приносятъ человѣческія жертвы.

Религія Скифовъ, при всей ихъ набожности, не достигла такого развитія, чтобы имѣла для себя особый, вліятельный классъ жрецовъ; мы находимъ только гадателей или волхвовъ. Въ характерѣ Скифовъ мало задатковъ для развитія еократіи. Напротивъ мы встрѣчаемъ у нихъ довольно сильную царскую власть, и даже съ чертами деспотизма; власть эта была наследственной въ извѣстныхъ княжескихъ родахъ. Въ эпоху Геродота Царскіе Скифы раздѣлялись на три главныя орды, и каждая имѣла своихъ особыхъ князей, во главѣ которыхъ стояли старшіе въ родѣ; а въ общихъ дѣлахъ, напри- мѣръ въ войнѣ съ сильнымъ непріателемъ, скифскіе князья имѣли обычай собираться на сеймъ и принимать рѣшенія съ общаго совѣта. Князь главной или самой сильной орды есть въ тоже время и старшій надъ другими, т. е. великій князь. Но всѣ эти отношенія, основанныя на старшинствѣ, конечно не устраняли внутреннихъ распрей и междоусобій. Въ числѣ скифскихъ обычаевъ мы видимъ судебный поединокъ въ присутствіи царя; побѣдитель, конечно съ его соизволенія, отрубалъ побѣжденному голову и дѣлалъ изъ нея чашу. Этотъ обычай вѣроятно представлялъ въ первобытномъ, т. е. буквальномъ, значеніи то, что впоследствии называлось у насъ «выдача головою».

Гдѣ кончались собственно скифскія племена и начинались тѣ, которыя хотя и обитали въ Скифіи, но принадлежали къ другимъ се-

мействамъ, о томъ судить трудно. Геродотъ впрочемъ прямо отличаетъ нѣкоторые народы, называя ихъ не скиэскими или замѣчая, что такой то народъ одѣвается по скиэски, но имѣеть особый языкъ, каковы, напримѣръ, Андрофаги и Меланхлены—по всей вѣроятности племена Чудскія. Агриппей, обитавшіе гдѣ то у подошвы Уральскихъ горъ, судя по ихъ наружности, должны быть отнесены къ Монгольскому семейству. Самые Скиэы не составляли одной народности: слова Геродота о скиэскихъ путешественникахъ, которые должны были имѣть съ собою до семи переводчиковъ, указываютъ, что скиэскіе народы говорили на разныхъ нарѣчіяхъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи развились конечно языки Готскій, Славянскій и Литовскій. Къ Восточно-германской или такъ наз. Готской вѣтви можетъ быть принадлежали и Агатирсы; главную массу остальныхъ Скиэовъ—Сарматы, Будины, Невры—вѣроятно составляла семья народовъ Славяно-литовскихъ. Куда слѣдуетъ отнести Царскихъ Скиэовъ, къ Готамъ или Славянамъ, рѣшить пока очень трудно.

Итакъ самый полный обзоръ Скиэскаго міра оставилъ намъ Геродотъ. Послѣ него многіе писатели классическихъ народовъ упоминаютъ о Скиэахъ; но по большей части они повторяютъ и видоизмѣняютъ извѣстія отца исторіи, мало прибавляя къ нимъ новыхъ важныхъ свѣдѣній. Для Грековъ Скиэскій міръ долго еще служилъ источникомъ фантастическихъ заманчивыхъ рассказовъ. Такъ Аристотель упрекалъ Аѳинянь въ томъ, что они цѣлые дни проводятъ на площадяхъ, чтобы слушать чудесныя повѣствованія людей, воротившихся съ береговъ Фазиса и Бористена.

Античные писатели, касавшіеся Скиэи, сообщаютъ намъ такое множество народныхъ именъ, въ которомъ можно совершенно потеряться, если упустить изъ виду, что одинъ и тотъ же народъ не только въ разные времена, но въ одну и ту же эпоху былъ извѣстенъ подъ различными именами. Слово «Скиэы» все болѣе и болѣе приобрѣтало географическій смыслъ; иногда оно обнимало весь сѣверъ Европы и Азіи; а рѣка Танаисъ, по понятію древнихъ географовъ, дѣлила Скиэю на Европейскую и Азіатскую. Другое названіе, употреблявшееся для означенія скиэскихъ народовъ, было «Геты», такъ что кромѣ собственныхъ Гетовъ, жившихъ на нижнемъ Дунаѣ, мы встрѣчаемъ Туригетовъ (т. е. Гетовъ рѣки Турасъ или Днѣстръ), потомъ Тиссагетовъ, Танаигетовъ, Массагетовъ и пр. Наз-

ваніе Геты или Готы первоначально, также какъ и названіе Скиѡы, обнимало равно народы германскіе и славяно-литовскіе; но впослѣдствіи оно сосредоточилось преимущественно надъ племенами восточно-германскими или собственно готскими. А народы Славянолитовской семьи обозначались въ особенности словомъ «Савроматы» или просто «Сарматы», такъ что во времена Римлянъ названіе Сарматъ стало противопологаться названію Германцевъ. Впрочемъ имя Скиѡовъ на долго еще осталось за обитателями Восточной Европы, и пережило имя Сарматовъ.

Въ своемъ описаніи Скиѡовъ Геродотъ прибавляетъ, что они имѣютъ замѣчательное нерасположеніе къ иноземнымъ обычаямъ; даже жители какой либо области не хотятъ слѣдовать обычаямъ другой съ ними сосѣдней; особенно они удаляются отъ обычаевъ греческихъ. Но не даромъ соприкасаются они съ Эллинскимъ міромъ, который выслалъ въ ихъ сторону многочисленныя колоніи. Этотъ міръ оказываетъ на нихъ неотразимое вліяніе. Одаренные воспримчивостью и значительною способностію къ умственному развитію, Скиѡы мало по малу подчиняются чужеземному вліянію. Часть ихъ уже обратилась къ земледѣлію и снабжаетъ хлѣбомъ эллинскіе рынки. Нѣкоторые роды даже смѣшались съ греческими выходцами и произвели племя Эллино-Скиѡовъ. Только такъ наз. Царскіе Скиѡы еще ревниво сохраняютъ свой бытъ; но и они не могутъ защитить себя отъ вторженія эллинскихъ понятій и обычаевъ. Послѣдніе проникаютъ въ среду скиѡской знати вмѣстѣ съ предметами роскоши, которые доставляла ей эллинская промышленность, а также вмѣстѣ съ царскими женами, которыя иногда происходили изъ народовъ, находившихся подъ болѣе непосредственнымъ эллинскимъ вліяніемъ.

Предпримчивые Эллины со временъ далекой древности посѣщали берега Понта. Это море, какъ извѣстно, представляетъ глубокій бассейнъ, почти безъ острововъ и мелей, мало соленый по причинѣ большаго количества впадающей въ него прѣсной воды. Морскія бури и хищные обитатели береговъ побудили Грековъ сначала дать этому морю названіе Аксинскаго, т. е. «Негостепримнаго». Но впослѣдствіи, когда они ближе съ нимъ ознакомились, завели торговыя сношенія съ туземцами и основали здѣсь колоніи, то перемѣнили преж-

нее названіе въ противоположное, т. е. именовали Понтъ Эвксинскимъ или «Гостепріимнымъ».

Понтійскія колоніи Эллиновъ размножались постепенно, и мало по малу покрыли сначала южные берега Понта, а потомъ и сѣверные. На южномъ берегу важнѣйшими были: Ираклея, Синопъ, Трапезунтъ. Но мы обратимъ вниманіе собственно на колоніи сѣвернаго берега, простирающагося между устьями Истра и Фазиса (Дуная и Ріона). Не будемъ перечислять всѣхъ встрѣчающихся на этомъ берегу городовъ, изъ которыхъ многіе были только небольшими поселеніями или факторіями колоній болѣе значительныхъ. Назовемъ самые извѣстные: Тирасъ при устьѣ рѣки Тираса или Днѣстра, Ордисосъ, приблизительно на Тилигульскомъ лиманѣ, Ольвія на слияніи Буга съ Днѣпромъ, Каркинитъ около Перекопскаго залива, Херсонесъ въ югозападномъ углу Таврическаго полуострова, съ сосѣднею ему Гаванью Символовъ или Палакіонъ (нынѣ Балаклава), Θεοδοσία, Νιμφαοινъ и Παντικαπεя, оба послѣдніе на европейской сторонѣ Боспора Киммерійскаго; на его азиатской сторонѣ, т. е. на Таманскомъ полуостровѣ, лежали Фанагорія, Γερμονασσα и Γοργιππία, Гавань Синдовъ — на ближнемъ кавказскомъ берегу и наконецъ Διοσκουры — около устьевъ Ріона. Самая сѣверная греческая колонія въ Скѣнской землѣ была Ταναϊσς, на устьяхъ рѣки тѣго же имени.

Остановимъ свое вниманіе только на важнѣйшихъ колоніяхъ сѣвернаго берега, каковы: Ольвія, Херсонесъ и Пантикапея; онѣ имѣютъ богатую исторію, а послѣдняя, т. е. Пантикапея, была долгое время центромъ довольно сильнаго и обширнаго государства Боспорскаго.

Ольвія принадлежала къ самымъ древнимъ греческимъ поселеніямъ на берегахъ Чернаго моря. Она основана приблизительно за шесть вѣковъ до Р. Х. выходцами изъ іонійскаго города Милета, который, какъ извѣстно, велъ обширную торговлю на Черномъ морѣ и вывелъ туда множество колоній. Жители Ольвіи назывались у древнихъ писателей по большей части Бористенитами; хотя этотъ городъ расположенъ былъ на правомъ берегу Гупаниса (Буга) и отдѣлялся отъ Бористена полуостровомъ, который заключается между устьями этихъ двухъ рѣкъ. Акрополь Ольвіи возвышался на небольшомъ прибрежномъ холмѣ, а у подошвы этого холма на ровной пло-

щади лежалъ самый городъ. Въ Акрополѣ находились храмы въ честь Аполлона, божества наиболѣ чтимаго Ольвіополитами; кромѣ того у нихъ были храмы Зевеса, Діониса и др. Изъ мнѣческихъ героевъ особымъ почитаніемъ пользовался Ахиллъ. Не одинъ мнѣ связывалъ память объ этомъ героѣ съ сосѣдними берегами Чернаго моря. Такъ длинный полуостровъ, ограждающій съ юга Днѣпровскій лиманъ, назывался у Грековъ „Бѣгъ Ахилла“, и преданіе рассказывало, что на этомъ полуостровѣ Ахиллъ совершилъ свои первые гимнастическіе подвиги. У самаго входа въ Днѣпровскій или Березанскій лиманъ лежитъ островъ Березань, называвшійся у Грековъ Бористенисъ, а въ средніе вѣка св. Евѳерія; этотъ островъ принадлежалъ Ольвіополитамъ и былъ посвященъ также Ахиллу, въ честь котораго здѣсь построенъ храмъ. Еще болѣе замѣчательнъ храмъ Ахилла, находившійся на островѣ Левке (теперь Фидониси или Змѣиный), который одиноко возвышается посреди черноморскихъ волнъ противъ устьевъ Дуная. Преданіе говорило, что на этомъ островѣ мать Ахилла Фетида схоронила его тѣло. Левке служилъ убѣжищемъ во время бури и мѣстомъ отдохновенія для мореплавателей, которые приносили здѣсь жертвы Ахиллу и клали деньги въ его храмъ. Въ нашъ столѣтій, вмѣстѣ съ остатками Ахиллова храма, на этомъ островѣ найдено большое количество монетъ, принадлежавшихъ разнымъ греческимъ государствамъ.

Устройствомъ своимъ Ольвійская республика напоминала Аѳины, отъ которыхъ получила начало самая метрополія Ольвійцевъ, т. е. Милетъ. Законодательная власть принадлежала народному собранію, а текущими дѣлами завѣдывали «совѣтъ» и архонты; за ними слѣвали «стратиги», «агораномы», «астиномы» и другіе выборные чиновники. Ольвіополиты прежде всего конечно должны были заботиться о крѣпости своихъ стѣнъ и башенъ для защиты отъ сосѣднихъ Скиѳовъ. Тамъ, гдѣ недоставало силы, они употребляли ловкую политику: богатыми дарами, или просто условленною данью, они покупали покровительство кого либо изъ наиболѣ сильныхъ скиѳскихъ князей, и съ его помощью обезпечивали себѣ мирное занятіе торговлею. Нѣкоторыя скиѳскія племена, жившія на сосѣднихъ равнинахъ Гупаниса и Бористена, мало по малу вошли въ торговыя связи съ греческими поселенцами и начали снабжать ихъ произведеніями своей страны. Главными предметами ольвійской торговли

служили рыба, хлѣбъ, соль, кожи и другія сырыя произведенія, вывозимыя изъ Скиѳіи вмѣстѣ съ большимъ количествомъ рабовъ.

Выше мы сказали, что Скиѳы, по замѣчанію Геродота, имѣли нерасположеніе къ иноземнымъ обычаямъ; но сосѣдство греческихъ колоній незамедлительно произвело на нихъ неотразимое вліяніе. Тогда въ Скиѳскомъ мірѣ возникла борьба старыхъ обычаевъ съ новыми понятіями, вторгавшимися со стороны міра Эллинскаго. Притягательная сила послѣдняго обнаружилась между прочимъ въ сферѣ религіозныхъ понятій и обрядовъ, противъ чего въ особенности поднялось негодованіе истыхъ Скиѳовъ. Борьба эта имѣла свои жертвы, доказательствомъ чему служатъ судьба Анахарсиса и Скилеса, рассказанная тѣмъ же отцомъ исторіи.

Анахарсисъ принадлежалъ къ царскому роду; онъ былъ сынъ царя Гнура, внукъ Лыка и правнукъ царя Спаргапита. Онъ много путешествовалъ по греческимъ городамъ и вездѣ обратилъ на себя вниманіе своимъ умомъ. На возвратномъ пути въ отечество, плывя по Геллеспонту, онъ присталъ въ Кизикъ въ то время, когда жители этого города съ большимъ торжествомъ отправляли празднество Матери боговъ. Анахарсисъ далъ обѣтъ: если онъ возвратится благополучно, то принесетъ этой богинѣ такую же жертву и съ тѣми же обрядами, которые видѣлъ въ Кизикѣ. Когда онъ прибылъ въ Гилею т. е. ту скиѳскую страну, которая лежала около Ахиллова Бѣга (Кинбурнской косы), то съ тимпаномъ въ рукѣ началъ совершать служеніе богинѣ, украсивъ себя ея изображеніями. Одинъ скиѳъ, усмотрѣвъ его въ такомъ видѣ, донесъ о томъ брату его царю Савлію. Послѣдній тотчасъ отправился къ Анахарсису, и, убѣдясь въ справедливости доноса, убилъ брата стрѣлою. Даже до сихъ поръ—прибавляетъ Геродотъ,—когда говорятъ объ Анахарсисѣ, то Скиѳы дѣлаютъ видъ, что не знаютъ его, такъ какъ онъ былъ въ Греціи и наблюдалъ иноземные обычаи; впрочемъ другіе Греки, именно Пелопонезцы, рассказываютъ о немъ нѣсколько иначе. (Это разногласіе греческихъ рассказчиковъ и невѣдѣніе о немъ Скиѳовъ заставляютъ подозрѣвать, что Анахарсисъ едва ли былъ лицо историческое).

Довольно времени спустя послѣ Анахарсиса, потомокъ того же Савлія, сынъ царя Аріапита, Скилъ, имѣлъ ту же участь. У Аріапита было много дѣтей; одинъ изъ нихъ, Скилъ, родился отъ жены истріанки (т. е. изъ Подунайской страны), которая научила его грече-

скому языку и греческой грамотѣ. Когда Спарганить, царь Агатирсовъ, измѣнически убилъ Аріапита, Скиль наследовалъ отцу. Онъ питалъ большое расположеніе къ греческимъ обычаямъ, и, когда приходилъ къ Ольвіи съ своимъ войскомъ, то послѣднее оставлялъ обыкновенно въ полѣ, а самъ входилъ въ городъ и приказывалъ запереть за собою ворота. Тутъ, снявъ скиѣскую одежду и надѣвъ греческую, Скиль показывался въ публичныхъ мѣстахъ безъ стражи и безъ всякой свиты. Въ это время надежные люди стерегли у воротъ, чтобы не прокрался какойнибудь скиѣцъ и не увидалъ царя въ греческой одеждѣ. Побывъ такимъ образомъ въ городѣ съ мѣсяцъ или болѣе, Скиль опять надѣвалъ скиѣское платье и возвращался къ своему войску. Онъ даже взялъ жену изъ гречанокъ и построилъ себѣ въ Ольвіи прекрасный, просторный дворецъ, украшенный снаружи сфинксами и грифонами. Во время жертвоприношеній Скиль соблюдалъ греческіе обряды, и наконецъ пожелалъ принять участіе въ мистеріяхъ Діониса или Вакха. Когда начали посвящать его въ эти таинства, совершилось великое знаменіе: молнія ударила въ его дворецъ и превратила его въ пепель. Скиль тѣмъ не менѣе продолжалъ начатую церемонію.

Скиѣцы упрекали Грековъ преимущественно за ихъ вакханаліи и считали безуміемъ представлять себѣ, будто само божество побуждаетъ людей къ такому бѣснованію. Однажды какой-то бористенить, т. е. ольвіецъ, пришелъ въ лагерь Скиѣовъ и сказалъ имъ: «вы смѣтаете надъ тѣмъ, что во время вакхическаго праздника нами овладѣваетъ богъ; но онъ завладѣлъ и вашимъ царемъ, приводитъ его въ изступленіе и мутитъ его разумъ. Если не вѣрите, то послѣдуйте за мною». Скиѣскіе старѣйшины отправились за нимъ, и бористенить провелъ ихъ на башню, откуда они увидали Скила, проходящаго мимо съ праздничною толпою, въ бѣшеной вакханаліи. Старѣйшины были очень опечалены этимъ зрѣлищемъ и донесли о томъ всему войску. Возвращаясь къ своимъ, Скиль узналъ, что его подданные возмущились и провозгласили царемъ его брата Октамазада. Тогда онъ убѣжалъ къ дядѣ своему по матери еракійскому царю Ситалку. Октамазадъ преслѣдовалъ его съ скиѣскимъ войскомъ, и на берегахъ Истра встрѣтился съ войскомъ Ситалка. Но дѣло не дошло до битвы. Октамазадъ согласился выдать еракійскому царю другаго своего дядю по матери, бѣжавшаго

въ Скиѳамъ отъ преслѣдованій брата своего Ситалка; а послѣдній племяннику Октамазиду выдалъ. Другаго своего племянника, т. е. Скила. Какъ только Октамазидъ получилъ въ свою власть Скила, то приказалъ тотчасъ отрубить ему голову.

Скиѳскія племена, обитавшія въ сосѣднихъ съ Ольвіей степяхъ, очевидно вели между собою частыя войны; не рѣдко слабѣйшія должны были отодвигаться и уступать свое мѣсто ордамъ болѣе сильнымъ, болѣе дикимъ. Такъ въ IV вѣкѣ до Р. Х., около времени Александра Македонскаго, мы находимъ Ольвіополитовъ платящими довольно тяжелую дань Сайтафарну, царю скиѳсарматскаго племени Сайевъ. Ольвіополиты даже начали чеканить монеты съ именемъ тѣхъ скиѳскихъ царей, которымъ они платили дань; такъ мы имѣемъ ольвійскія монеты съ именами Банита, Саріа, Илиуса, Фарзоя, Смилура и др. Около половины перваго вѣка до Р. Х. Ольвію постигло великое бѣдствіе. Въ это время усилились Геты, обитавшіе близъ нижняго Дуная; подъ начальствомъ своего воинственнаго царя Бербиста они побѣдили окрестные народы и завоевали сѣверозападные берега Чернаго моря. Они разорили находившіяся въ этомъ краю эллинскія колоніи. Той же участи подверглась и богатая Ольвія; тѣ изъ ея жителей, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, были избиты, а прекрасный городъ сожженъ и разрушенъ.

Впрочемъ Ольвія не долго находилась въ запустѣніи. Могущество Гетовъ окончилось со смертію Бербиста; у нихъ наступили обычныя междоусобія. Часть Ольвійцевъ, спасшаяся бѣгствомъ, воротилась на пепелище роднаго города, и начала возстановлять его съ помощію сосѣднихъ Скиѳовъ, которые нуждались въ немъ для своихъ торговыхъ потребностей. Городъ былъ возстановленъ, но въ другомъ, меньшемъ объемѣ, и онъ уже никогда не могъ достигнуть богатства и блеска прежней Ольвіи. Это обстоятельство отразилось и на памятникахъ возобновленнаго города, которые представляютъ болѣе грубую и менѣе роскошную отдѣлку. Самое населеніе его было смѣсью Эллиновъ съ варварами; о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіяся надписи, лишеныя правильности и чистоты классическаго языка и испещренныя именами сановниковъ очевидно варварскаго, т. е. скиѳскаго, происхожденія (каковы: Тумбагъ, Дадъ, Абабъ и пр.).

Любопытную картину Ольвіи въ концѣ перваго вѣка по Р. Х.

изображаетъ намъ Діонъ Хризостомъ. Это былъ богатый грекъ изъ мало-азіятской области Вионіи, отчасти философъ, но болѣе извѣстный какъ риторъ, т. е. славившійся своимъ краснорѣчіемъ. Онъ проживалъ въ Римѣ, когда тамъ наступило тираническое правленіе Домиціана. Діонъ бѣжалъ изъ Рима, и, принимая на себя роль то бродяги нищаго, то садовника или водовоза, преодолевъ большія трудности, онъ пробрался въ Мизію; здѣсь сѣлъ на корабль и прибылъ въ Ольвію съ намѣреніемъ отправиться отсюда черезъ Скию къ Гетамъ, что потомъ и исполнилъ. По смерти Домиціана онъ опять воротился въ Римъ. Въ одномъ своемъ сочиненіи (подъ заглавіемъ «Бористенская рѣчь») Діонъ описываетъ между прочимъ возобновленный городъ Ольвію. По его словамъ, онъ имѣлъ небольшія зданія, тѣсныя улицы, и занималъ только часть прежней Ольвіи; нѣкоторыя старыя башни были такъ удалены отъ обитаемой части города, что можно было усумниться, ему ли онъ принадлежатъ; повсюду видѣлись слѣды разрушенія; ни въ храмахъ, ни на памятникахъ надгробныхъ не осталось ни одного цѣльнаго изваянія.

Краснорѣчіе, философія и историческія познанія Діона скоро снискали ему уваженіе Бористенитовъ. Однажды онъ прогуливался на берегу Гупаниса; нѣкоторые граждане присоединились къ нему: тутъ они встрѣтили Каллистрата, который верхомъ возвращался въ городъ. Этотъ Каллистратъ былъ красивый и статный юноша, отличившійся своею храбростію въ битвахъ съ сосѣдними Сарматами. Онъ былъ препоясанъ большимъ мечемъ и одѣтъ по скиѣски, т. е. носилъ широкіе панталоны и небольшой черный плащъ. Такъ одѣвались по большей части Бористениты, перенявшіе многіе обычаи отъ Скиѣовъ и имѣвшіе въ своемъ населеніи сильную скиѣскую примѣсь. Всѣ они носили бороду и длинные волосы; а если кто, слѣдуя римской модѣ, подстригалъ волосы, то подвергался насмѣшкамъ и обвиненію въ лести къ Римлянамъ. Каллистратъ въ послѣднее время очень пристрастился къ краснорѣчію и философіи и показывалъ особую приверженность Діону. Увидавъ его, онъ сошелъ съ коня, котораго передалъ своему проводнику, и, закутавъ руку въ плащъ, съ выраженіемъ почтенія подошелъ къ ритору. Бористениты какъ люди воинственные были усердными поклонниками Гомера и Ахилла, и знали почти наизусть всю Иліаду, хотя по гречески они говорили

не совсѣмъ чисто, и между собой объяснялись нерѣдко по варварски, т. е. по скиоски. Діонъ завелъ разговоръ о пѣсняхъ Гомера и шутя началъ отдавать предпочтеніе передъ нимъ ничтожному стихотворцу Фокилиду. Баллистратъ слушалъ неохотно, и наконецъ сказалъ:

«Гость, мы тебя любимъ и уважаемъ, но ни одинъ бористенитъ не потерпитъ, чтобы ты говорилъ такъ о Гомерѣ и Ахиллѣ. Послѣдній для насъ богъ, а первый почитается наравнѣ съ богами».

Чтобы изгладить минутное неудовольствіе отъ своей шутки, Діонъ предложилъ войти въ серьезное разсужденіе объ одномъ изрѣченіи Фокилида, а именно: «маленькій городъ, лежащій на плоской скалѣ, если въ немъ господствуетъ порядокъ, лучше и счастливѣе, чѣмъ большой городъ на обширной равнинѣ, въ которомъ живутъ безумные люди, безъ порядка и закона». Эта тема какъ нельзя лучше подходила къ обстоятельствамъ. Впрочемъ, время было тревожное. Наканунѣ Скионы учинили нападеніе на сторожевые посты Бористенитовъ и убили нѣкоторыхъ стражей; но подробности дѣла пока не были извѣстны; такъ какъ стражи, успѣвшіе спастись бѣгствомъ, пробирались къ городу окольными путями и еще не успѣли придти. Городскія ворота были заперты и на стѣнахъ выставлены военные значки. Однако Ольвіополиты, какъ будто истые потомки Эллиновъ, изъявили большое удовольствіе послушать краснорѣчиваго гостя, и собрались вокругъ него, не покидая изъ рукъ оружія. Такъ какъ при ходьбѣ не могли всѣ удобно пользоваться его бесѣдою, то онъ предложилъ войти въ акрополь и тамъ гдѣ нибудь присѣсть. Тогда граждане поспѣшили къ храму Юпитера, который служилъ у нихъ мѣстомъ совѣщаній. Старшія и должностныя лица сѣли кругомъ на ступеняхъ, а прочіе остались на ногахъ, ибо площадка передъ храмомъ была очень тѣсна. Когда водворилась тишина, Діонъ началъ свое разсужденіе.

Со временъ Августа и Тиверія, Ольвія находилась въ нѣкоторой зависимости отъ Римской имперіи или вѣрнѣе состояла подъ ея покровительствомъ. Настоящая зависимость отъ Рима установлена была Септیمیемъ Северомъ, который стѣснилъ ея республиканскія учрежденія, на что указываютъ ольвійскія монеты: онѣ носятъ на себѣ изображенія этого императора и его преемниковъ до Александра Се-

вера включительно. Дальнѣйшая судьба Ольвіи пока неизвѣстна. Этотъ городъ—служившій однимъ изъ главныхъ центровъ эллинскаго вліянія въ Скиѣскомъ мірѣ—по всей вѣроятности падалъ постепенно во времена великаго движенія варварскихъ народовъ *).

---

*) Въ настоящее время довольно незначительные остатки Ольвіи находятся близь села Порутино, Херсонской губерніи.

XVII.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ И БОСПОРЪ КИММЕРІЙСКІЙ.

Происхожденіе Херсонеса.—Борьба Херсонитовъ съ варварами и Боспоритами.—Подвигъ Гикіа.—Христіанство.—Пантикалея и Боспорское царство.—Династія Спартокидовъ—Рассказы Лукьяна.—Митридатъ Понтійскій.—Асандръ и Полемонъ.—Династія Савроматовъ.—Могиальные курганы.

Херсонесъ былъ основанъ столѣтій за пять до Р. Х. колонистами изъ Ираклеи Понтійской въ томъ углу Таврическаго полуострова, который лежитъ на югъ отъ настоящей Севастопольской бухты. По имени своей метрополиі этотъ уголь получилъ названіе Ираклейскаго полуострова. Берегъ Чернаго моря отъ упомянутой главной бухты до югозападной оконечности своей или до мыса Партеіонъ изрѣзанъ цѣлымъ рядомъ бухтъ, представлявшихъ довольно удобныя пристани для кораблей. Первоначальный Херсонесъ былъ основанъ ближе къ мысу Партеіонъ, гдѣ находилось святилище какого то женскаго божества. Дикіе обитатели сей мѣстности, Тавры, занимались морскимъ разбоемъ и въ жертву этому божеству приносили иноземцевъ, попадавшихъ въ ихъ руки. Извѣстенъ греческій мифъ о дочери Агамемнона Ифигеніа, которая была нѣкоторое время жрицею при этомъ святилищѣ, а потомъ спасла отъ смерти своего брата Ореста и бѣжала съ нимъ въ отечество. Греческіе колонисты отождествили женское божество варваровъ съ Артемидою, и начали воздавать ей почитаніе какъ покровительницѣ своего поселенія. Впослѣдствіи Херсониты перенесли свой городъ немного далѣе къ сѣверовостоку, т. е. ближе къ настоящему Севастополю, и основались окончательно на той части берега, который заключенъ между бухтами Корабельной и Стрѣлцкой. Здѣсь ихъ городъ скоро разцвѣлъ, благодаря торговому, предприимчивому характеру жителей и своему выгодному положенію.

Ираклійскій полуостровъ, съ трехъ сторонъ окруженный моремъ, съ четвертой, именно съ восточной, былъ доступенъ нападеніямъ туземныхъ варваровъ. Херсониты постарались обезопасить себя и съ этой стороны. Перешеекъ, простирающійся на восемь верстъ, между концами двухъ бухтъ Севастопольской и Балаклавской, они перекопали ровомъ, позади котораго насыпали валъ; а потомъ, вдоль вала провели стѣну со многими башнями, въ конхъ размѣстилась стража. За этою стѣною Гречи могли спокойно заниматься своими постройками, торговлею и обработкою почвы. И дѣйствительно, Ираклейскій полуостровъ покрылся загородными дачами, садами и виноградниками, такъ что имѣлъ очень цвѣтушій видъ.

Но когда кому либо изъ сосѣднихъ Тавроскиескихъ князей удавалось на время прекратить ихъ взаимныя распри и соединить племена подъ своею властію, то могущество его немедленно отражалось и на Эллинскихъ колоніяхъ; послѣднія въ такомъ случаѣ попадали зависимости отъ варваровъ и принуждены были платить имъ дань. Такъ было между прочимъ во время тавроскиескаго царя Скилура, который распространилъ свое верховенство на всѣхъ Скивовъ отъ Херсонеса до Ольвіи. Вліяніе эллинской гражданственности на этихъ Тавроскиевъ очевидно изъ того обстоятельства, что Скилуръ повелѣвалъ уже не одними кочевниками; онъ устроилъ укрѣпленные города и съ ихъ помощью старался упрочить свое владычество въ Крыму. Такъ ему приписываютъ построеніе трехъ городовъ, называвшихся Неополисъ (по всѣмъ признакамъ столица Скилура), слѣды котораго доселѣ существуютъ подлѣ Симферополя, Хавонъ и Палакіонъ; послѣдній, какъ полагаютъ, названъ такъ по имени старшаго сына Скилурова Палака, и имя его позднѣе перешло въ Балаклаву.

Тѣснимые Скилуромъ, Херсониты обратились за помощію къ Митридату Понтійскому, который около того времени овладѣлъ царствомъ Боспорскимъ. Митридатъ дѣйствительно послалъ имъ помощь, и Тавроскиевы потерпѣли пораженіе подъ самою стѣною Ираклейскаго перешейка; три упомянутые города были взяты войсками Митридата. Эта помощь однако не дешево стоила Херсонесу: онъ лишился своей самостоятельности, т. е. долженъ былъ подчиниться Понтійско-Боспорскому царю, содержать его гарнизонъ и платить ему подати. Когда Митридатъ налъ въ борьбѣ съ Римлянами, то республика Римская оставила Херсонесъ въ зависимости отъ ея вассальнаго царства Боспор-

скаго. Но при императорахъ эта зависимость была отмѣнена, и Херсонесъ вошелъ въ непосредственное подчиненіе Риму, т. е. принялъ римскій гарнизонъ и сталъ платить дани въ римскую казну. Когда же Адрианъ, желая ограничить слишкомъ далеко раскинувшіеся предѣлы Имперіи, отозвалъ войска изъ нѣкоторыхъ областей, лежавшихъ на сѣверной сторонѣ Чернаго моря, то Херсонесъ отчасти возвратилъ себѣ прежнее республиканское самоуправленіе; однако онъ остался въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Риму и продолжалъ платить дань.

Пользуясь долгимъ миромъ, подъ могущественнымъ покровительствомъ Имперіи, Херсонесъ въ этотъ Римскій періодъ своей исторіи достигъ значительной степени процвѣтанія и силы. Онъ даже мало по малу началъ брать верхъ надъ царствомъ Боспорскимъ. Последнее постоянно стремилось расширить свои предѣлы на все восточное побережье Таврическаго полуострова; но здѣсь встрѣтило себѣ дѣятельнаго соперника въ лицѣ Херсонеса. Къ эпохѣ этой борьбы относятся нѣкоторыя подробности, сообщенныя Константиномъ Багрянороднымъ въ его сочиненіи объ Управленіи имперіей. Хотя подробности сіи не отличаются полною достовѣрностію, но они даютъ намъ любопытныя черты, характеризующія бытъ и время.

Въ правленіе императора Деоклетіана, боспорскій царь Савроматъ (V или VI-й въ точности неизвѣстно), соединясь съ Сарматами и другими народами, сопредѣльными Меотійскому морю, напалъ на римскія области за Кавказомъ и проникъ до рѣки Галиса. Деоклетіанъ отправилъ противъ него Констанція (отца Константина В.). Последний не могъ вытѣснить изъ Малой Азіи сильнаго непріятеля, и предложилъ Деоклетіану отвлечь его нападеніемъ на его собственное государство: для чего совѣтовалъ обратиться къ Херсонитамъ. Деоклетіанъ послушалъ этого совѣта, и послѣдствія вполне оправдали дальновидность Констанція. Херсониты собрали гарнизоны изъ своихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, вооружили военные колесницы, снабдивъ ихъ пращниками и стрѣлками, и вторглись въ Боспорское царство. Боспориты были побѣждены, и самая ихъ столица попала въ руки непріятеля. Тогда Савроматъ заключилъ миръ съ Римлянами и поспѣшилъ воротиться. Въ награду за эту помощь Деоклетіанъ даровалъ Херсонесу свободу отъ податей.

Въ царствованіе Константина Великаго Херсониты вели войну съ

Савроматомъ VI Боспорскимъ, и отодвинули свою сѣверовосточную границу до самаго города Каеы или Θεодосіа; около этого города главнымъ образомъ происходила потомъ борьба Херсонитовъ и Боспоритянъ за границы. Спустя нѣсколько лѣтъ, Савроматъ VII пытается отомстить Херсонитамъ неудачи своихъ предшественниковъ. Они выступили противъ него подъ начальствомъ своего протевона; такъ назывался ихъ главный сановникъ. Протевономъ на сей разъ былъ нѣкто Фарнакъ, который не отличался ни ростомъ, ни силою, но былъ ловокъ и находчивъ; видя многочисленность непріятелей, онъ предложилъ Савромату рѣшить дѣло едोनорствомъ. Царь Боспорскій былъ высокъ и силенъ; кромѣ того онъ надѣялся на крѣпость своихъ доспѣховъ, и охотно принялъ предложеніе. Начался поединокъ. Фарнакъ постарался принять такое положеніе, что Савроматъ долженъ былъ стать спиною къ Херсонитамъ; тогда послѣдніе, заранѣе наученные протевономъ, подняли крикъ. Савроматъ невольно повернулъ голову, чтобы узнать причину. Фарнакъ воспользовался мгновеніемъ и ударилъ копьемъ въ ту часть шеи, которая открылась при поворотѣ головы. Такимъ образомъ Савроматъ былъ убитъ, и Боспориты признали себя побѣжденными.

Одинъ изъ послѣдующихъ боспорскихъ царей, Асандръ II, задумалъ употребить коварство, чтобы отомстить Херсонитамъ. Протевономъ у нихъ былъ въ то время Ламахъ, имѣвшій единственную дочь Гикію. Асандръ предлагаетъ Херсонитамъ свою дружбу, а въ видахъ ея укрѣпленія просить руку Гикіи для одного изъ своихъ сыновей. Херсониты согласились, но, не довѣряя царю поставили условіемъ, чтобы его сынъ навсегда поселился въ ихъ городѣ и ни въ какомъ случаѣ не возвращался бы въ Боспоръ. Асандръ принялъ условіе, и бракъ былъ заключенъ. Ламахъ имѣлъ большія богатства; его домъ примыкалъ къ одной изъ херсонесскихъ бухтъ; онъ былъ такъ обширенъ, что имѣлъ особия отдѣленія, въ которыхъ помѣщались цѣлыя табуны лошадей, стада овецъ, быковъ, коровъ и проч. Самъ Ламахъ вскорѣ умеръ, и Гикія установила ежегодное празднество въ память своего отца. Мужъ ея задумалъ воспользоваться этимъ празднествомъ, чтобы захватить городъ въ свои руки.

По предложенію сына, Асандръ время отъ времени присылалъ къ нему по десяти или по двѣнадцати храбрыхъ юношей. Подъ предлогомъ свиданія съ царскимъ сыномъ они приходили въ городъ; а че-

резъ нѣсколько дней выходили изъ него въ главные ворота; но ночью возвращались, и на лодкѣ приставали къ той бухтѣ, которая примыкала къ дому Ламаха. Довѣренные лица скрывали ихъ въ уединенныхъ отдѣленіяхъ дома. Такимъ образомъ къ третьему празднеству въ память Ламаха набралось до 200 боспорскихъ воиновъ, и въ ночь послѣ этого торжества, когда граждане отуманенные винными парами предадутся успокоенію, сынъ Асандра рѣшилъ напасть на городъ. Сама Гигія ничего не знала объ умыслѣ своего мужа. Но утромъ того дня одна изъ ея служанокъ, разыскивая упавшее изъ рукъ веретено, приподняла половой кирпичъ, и сквозь открывшееся отверстіе увидала въ нижнемъ жилѣ толпу вооруженныхъ людей. Она успѣшила сообщить о томъ своей госпожѣ. Гигія поняла всю опасность и предупредила о ней городскія власти; но предварительно взяла съ нихъ клятву въ томъ, что послѣ своей смерти она будетъ погребена въ самомъ городѣ. Чтобы не возбудить подозрѣнія въ мужѣ, она посоветовала гражданамъ отправлять празднество какъ и въ прошлые годы, а вечеромъ потихоньку подложить къ ея дому дрова и хворостъ, налитанный масломъ. Мужа своего она постаралась напоить допьяна и уложить его въ постель; сама же съ служанками оставила домъ, который тотчасъ и былъ подоженъ съ разныхъ сторонъ. Такимъ образомъ сынъ Асандра погибъ со всей своей дружиной. Въ честь Гигіи благодарные граждане воздвигли нѣсколько статуй, изображавшихъ ее въ разные моменты ея подвига. А послѣ своей смерти она дѣйствительно была погребена въ самомъ городѣ.

Событія эти происходили повидимому въ первой половинѣ IV вѣка. Языческая религія еще продолжала господствовать въ Понтійскихъ колоніяхъ; но малу по малу она должна была уступить свое господство новой религіи. Начало христіанской проповѣди въ Тавридѣ относится еще къ первому вѣку. Такъ, по преданію, апостоль Андрей приходилъ изъ Синопа въ Херсонесъ, а отсюда отправлялся проповѣдывать Евангеліе къ народамъ Скиѣи. Во второмъ вѣкѣ сюда былъ сосланъ императоромъ Траяномъ римскій епископъ св. Климентъ, осужденный на работы въ каменоломняхъ Инкермана. Когда же императоръ узналъ, что Климентъ многихъ жителей обратилъ въ христіанство, то приказалъ бросить его въ море. Въ царствованіе извѣстнаго гонителя христіанъ Деоклетіана патріархъ іерусалимскій

Германъ отправилъ въ Тавриду миссіонерами двухъ епископовъ, Василія и Ефрема; оба они погибли тамъ мученическою смертію. Ту же участь имѣли и три ихъ преемника (Евгеній, Еллідій и Агаѳодоръ). Вообще Херсониты отличались большою приверженностію къ своимъ языческимъ божествамъ. Къ этой то эпохѣ гоненія на христіанъ, по всей вѣроятности, относятся тѣ пещерные храмы, въ которые тайкомъ собирались вѣрующіе и остатки которыхъ мы находимъ въ окрестностяхъ Херсонеса, преимущественно въ скалахъ Ингерманскихъ.

Въ царствованіе Константина Великаго наконецъ наступило для христіанъ болѣе счастливое время. Епископъ Евсерій построилъ въ Херсонесѣ первую христіанскую церковь, куда вѣрующіе начали собираться уже открыто. Окончательно христіанство утверждено было въ Херсонесѣ преемникомъ Евсерія Капитономъ. По словамъ легенды, мятежная толпа язычниковъ требовала отъ него чуда, и онъ въ теченіе цѣлаго часа невредимо пробылъ въ пылающей печи, возсылая молитвы. Этотъ Капитонъ присутствовалъ на первомъ Никейскомъ соборѣ. Подобно пяти первымъ херсонесскимъ епископамъ, поприще свое онъ заключилъ мученическимъ вѣнцомъ: во время одного изъ своихъ путешествій въ Константинополь онъ былъ утопленъ Скиаами, жившими около Днѣпровскаго устья. Вообще, рядомъ съ распространявшимся христіанствомъ въ Херсонской области долго еще процвѣтало язычество. Нерѣдко въ одной и той же семьѣ одни члены исповѣдывали новую религію, а другіе оставались при старой. На это ясно указываютъ дошедшіе до насъ фамиліные склепы Херсонитовъ, въ которыхъ мы находимъ совмѣстные слѣды погребенія языческаго и христіанскаго. Херсонская или Корсунская церковь имѣетъ для насъ особую важность какъ непосредственный источникъ нашего Русскаго христіанства.

При раздѣленіи Римской имперіи Херсонесъ былъ причисленъ къ Восточной половинѣ. Зависимость его отъ Византіи продолжалась до самаго ея паденія. Въ эпоху Великаго переселенія народовъ, въ Тавриду вторглись новые варвары; но Херсонесъ въ числѣ немногихъ городовъ устоялъ противъ ихъ напора и не подвергся разрушенію.

Отъ югозападной оконечности Тавриды перейдемъ къ ея сѣверо-восточному углу, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ былъ средоточіемъ полугреческаго, полуварварскаго государства, извѣстнаго подъ именемъ Царства Боспорскаго. Центромъ его была Пантикапея. Этотъ городъ, подобно Ольвіи, основанъ колонистами изъ Милета; но онъ гораздо моложе Ольвіи: начало его относятъ къ 511 году до Р. Х., т. е. ко времени, заключавшемуся между походомъ Дарія въ Скию и возстаніемъ Милетянъ противъ Персовъ; послѣднее, какъ извѣстно, окончилось разореніемъ Милета.

Географическое положеніе Пантикапеи весьма замѣчательно. Она была основана въ глубинѣ пролива, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ, того пролива, который у Грековъ именовался Боспоромъ Киммерійскимъ; такъ какъ первоначальные обитатели страны, по греческимъ извѣстіямъ, были Киммеріане. Окрестная область имѣетъ довольно ровный, степной характеръ; ее пересѣкаетъ небольшая цѣпь холмовъ, идущая къ проливу. Послѣдній изъ этихъ холмовъ упирается прямо въ проливъ и господствуетъ надъ соседнею бухтою; онъ послужилъ мѣстомъ для Пантикапейскаго акрополя, у подошвы котораго расположился самый городъ. (Теперь этотъ холмъ извѣстенъ подъ именемъ Митридатовой горы). Названіе Пантикапеи по всей вѣроятности мѣстнаго, т. е. скийскаго, происхожденія; оно напоминаетъ Пантикапесъ, одну изъ скиискихъ рѣкъ приводимыхъ Геродотомъ. Но Греки не замедлили сблизить это названіе съ именемъ своего бога Пана: отсюда особое почитаніе сего бога какъ покровителя Пантикапеи и его изображеніе на ея монетахъ. Она является далеко не единственнымъ поселеніемъ на берегу Киммерійскаго Боспора; напротивъ, этотъ уголъ Тавриды былъ особенно богатъ греческими колоніями, каковы: Парѳеніонъ, Киммеріонъ, Нимфеонъ, Киты, Мирмикіонъ и др. Но Пантикапея скоро заняла между ними первенствующее положеніе. Почти въ одно время съ ея началомъ положено было основаніе греческимъ колоніямъ и на другомъ берегу Боспора, т. е. на островѣ, заключенномъ между устьями рѣки Гупаниса (Кубани); изъ числа этихъ колоній самую значительную является Фанагорія, по имени которой названъ и весь островъ; кромѣ того извѣстны: Гермонаса, Корокондама, Горгишия и пр.

По всемъ признакамъ, земля, на которой основались греческіе поселенцы, была уступлена имъ туземными Скиями за извѣстную

плату или за ежегодную дань. Пантикапейскій акрополь, недоступный съ моря, былъ довольно доступенъ со стороны суши, такъ какъ онъ почти ничѣмъ не отдѣляется отъ примыкающей къ нему цѣпи холмовъ. Поэтому Пантикапейцы легко подвергались нападеніямъ сосѣднихъ Скивовъ и должны были напрягать всѣ усилія для защиты съ этой стороны. Кромѣ того, проливъ и отчасти самое Азовское море въ суровыя зимы покрывались льдомъ и представляли тогда удобный путь для кочевыхъ народовъ, которые конечно имъ пользовались; отсюда происходили частыя передвиженія и набѣги съ Европейской стороны на Азіатскую и обратно. Постоянная внѣшняя опасность побуждала греческихъ поселенцевъ въ томъ краю къ ихъ взаимному сближенію и къ сосредоточенію своихъ силъ подъ гегемоніей самаго значительнаго города, т. е. Пантикапеи. Такое направленіе весьма естественно заставляло ихъ постепенно жертвовать частью своего республиканскаго быта и подчиняться началу монархическому. Это начало возобладаало тѣмъ легче, что населеніе греческихъ колоній въ томъ краю получало сильную туземную примѣсь: колонисты вообще мало привозили съ собою женщинъ и по необходимости должны были вступать въ бракъ съ туземками; отсюда происходили новыя поколѣнія полуварварскія, полугреческія. Боспориты, точно также какъ и Херсониты, оградили свой уголь со стороны Тавроскискихъ племенъ большимъ валомъ, который отдѣлялъ Трахейскій (нынѣ Керченскій) полуостровъ отъ остальной Тавриды и упирался однимъ концемъ въ Азовское море, а другимъ въ Черное.

Послѣ краткаго владычества знатной фамиліи Археанактидовъ, въ Пантикапейѣ воцарился Спартокъ, родоначальникъ династіи, которая господствовала болѣе трехсотъ лѣтъ (438—115 до Р. Х.) и съ которой связанъ блестящій періодъ Боспорскаго государства. Во время этой династіи Пантикапея процвѣла, укрѣпилась и не только объединила подъ своимъ главенствомъ греческія поселенія на Европейской и Азіатской сторонѣ Боспора, отъ Θεодосіи до города Танаиса включительно, — но и покорила часть сосѣднихъ варварскихъ племенъ, жившихъ между Меотійскимъ моремъ и западнымъ краемъ Кавказа, каковы: Меоты, Синды, Дандаріи и др. Дошедшія до насъ надписи, начертанныя большею частію на мраморныхъ плитахъ, свидѣтельствуютъ объ умной, умѣренной политикѣ Спартокидовъ: на этихъ надписяхъ они именуютъ себя обыкновенно архонтами Боспо-

ра, царями Синдовъ и «всѣхъ» Меотовъ. Очевидно они щадили республиканскія воспоминанія и привычки эллинскихъ колонистовъ и принимали царскій титулъ только по отношенію къ варварамъ, а для Грековъ какъ бы оставались только высшими сановниками республики. Вообще, государственныя учрежденія Боспоритовъ въ эту эпоху представляли соединеніе республиканскихъ формъ съ умѣренной монархіей.

Изъ преемниковъ Спартака наиболѣе замѣчательнъ Левконъ I (393—353 г.); онъ завелъ значительный флотъ, и завоевалъ городъ Θεοδοσίю, важный по своей прекрасной бухтѣ, вмѣщавшей до ста судовъ. Но слава Левкона главнымъ образомъ основана на его качествахъ правителя; греческіе писатели (Діодоръ и Хризостомъ) изображаютъ его образцомъ мудрыхъ и кроткихъ государей. Его заботы о торговлѣ и промышленности увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Главными предметами вывоза изъ боспорскихъ городовъ служили: пшеница, произраставшая на ихъ собственныхъ поляхъ, и рыба, которая въ большомъ количествѣ ловилась въ проливѣ и Азовскомъ морѣ и вывозилась въ соленомъ видѣ; кромѣ того, отъ сосѣднихъ Скивовъ они въ изобиліи получали кожи, мѣха, воскъ, рабовъ и золото, добываемое въ горахъ Уральскихъ и Алтайскихъ. Около того времени Пантикапея завязала дѣятельныя торговыя сношенія съ Аеинями, и по огромному количеству вывозимой туда пшеницы сдѣлалась главною ихъ житницею. Левконъ не только даровалъ разныя льготы аеинскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ его гавани для покупки хлѣба, но и во время неурожаевъ въ Аттікѣ отправлялъ въ подарокъ Аеинянамъ большіе запасы пшеницы. Также дѣйствовали въ отношеніи къ нимъ сынъ его Перисадъ I (348—311), который наследовалъ добрыя качества своего отца, и внукъ Перисада I Спартокъ IV (304—289); оба они освобождали отъ пошлинъ пшеницу, вывозимую въ Аеины, или просто посылали ее въ подарокъ. Благодарные Аеиняне подносили этимъ царямъ званіе «аеинскихъ гражданъ», вырѣзывали въ ихъ честь хвалебныя надписи на мраморѣ, посылали имъ золотыя вѣнки и воздвигали ихъ статуи въ своемъ Акрополѣ. Великіе аеинскіе ораторы Демосеенъ и Исократъ въ своихъ рѣчахъ расточали похвалы боспорскимъ государямъ. Но важнѣйшимъ плодомъ такихъ дружественныхъ отношеній было непосредственное вліяніе аеинской цивилизаціи на боспорскіе города.

Это вліяніе укрѣпляло и поддерживало здѣсь духъ эллинизма и сдѣлалось источникомъ просвѣщенія.

Развитіе торговли и накопившіяся богатства возродили въ жителяхъ Пантикапеи вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ; ихъ городъ сдѣлался центромъ не только политической жизни, но и цѣлой отрасли греческаго искусства въ отдаленномъ Эллино-Скиѣскомъ мірѣ. Въ этомъ наглядно убѣждаютъ насъ раскопки Керченскихъ и Таманскихъ кургановъ, въ которыхъ найдено множество всякаго рода изящныхъ и драгоценныхъ предметовъ. Тѣже предметы доказываютъ однако, что эллинское искусство въ томъ краю значительно видоизмѣнилось и пріобрѣло мѣстный характеръ. Произведенія его нерѣдко носятъ на себѣ очевидное вліяніе другаго, не Эллинскаго міра: онѣ подчинялись отчасти вкусамъ и обычаямъ скиѣскимъ. Въ связи съ искусствомъ вліяніе скиѣское отразилось конечно и въ области религіозной. Такъ въ числѣ главныхъ божествъ, почитаемыхъ боспорскими Грегами, были Аполлонъ и Артемида, т. е. солнце и луна: но тѣже божества чтились на Боспорѣ подъ иными, не греческими именами Санерга и Астарты; на что указываетъ надпись, изсѣченная на гранитномъ подножіи памятника, воздвигнутаго царицей Комосаріей, супругой Перисада I*).

Исторія Спартоидской династіи не чужда кровавыхъ распрей и междоусобныхъ войнъ за престолъ. Въ сихъ междоусобіяхъ большую роль играли сосѣдніе съ Боспоромъ скиѣскіе и кавказскіе народы, или, точнѣе сказать, сосѣдство этихъ народовъ давало пишу междоусобнымъ войнамъ; такъ какъ претенденты хорошею платою или общаніемъ добычи легко могли набирать отряды варваровъ, а также привлекать ихъ на свою сторону родственнымъ союзомъ съ ихъ князьями. Примѣръ тому представляетъ намъ довольно подробный рассказъ Діодора о междоусобіи сыновей Перисада I. Этому царю наследовалъ сынъ его Сатиръ II; но младшій братъ Сатира, Эв-

---

*) Вотъ содержаніе надписи: „Комосарія, дочь Горгиппія и супруга Перисада, воздвигла по обѣту сей памятникъ могущественнѣйшимъ божествамъ Санергу и Астартѣ, при архонтѣ Воспора и Θεодосіа Перисадѣ, царѣ Сиадовъ, всѣхъ Меотовъ и Θατεевъ“. Это подножіе было найдено на полуостровѣ Таманскомъ на берегу Ахтанизовскаго лимана. На немъ стояли двѣ статуи; но волны лимана подмыли берегъ, и памятникъ обрушился въ воду: статуи утрачены, сохранилась одна надпись.

мель, задумалъ отнять у него престолъ и нашель себѣ союзника въ Аріофарнѣ, начальникѣ сосѣдняго сарматскаго или меотійскаго народа Өатеевъ. Послѣдній привелъ на помощь Эвмелю 20,000 всадниковъ и 22,000 пѣшихъ воиновъ. Сатиръ съ своей стороны кромѣ греческихъ войскъ противопоставилъ брату также вспомогательныя скинскія дружины, составлявшія 10,000 конницы и 20,000 пѣхоты. Борьба произошла на азіатской сторонѣ Боспора; мужественный Сатиръ одержалъ побѣду въ отырытомъ полѣ, но потомъ былъ смертельно раненъ при осадѣ непріятельскаго замка. Второй его братъ, Пританисъ, остававшійся въ Пантикапееѣ, немедленно надѣлъ на себя царскую корону; но вслѣдъ за тѣмъ былъ побѣжденъ Эвмеломъ и убитъ.

Тогда всѣмъ Боспорскимъ царствомъ завладѣлъ Эвмель (309 — 304). Чтобы обезпечить за собой корону, онъ по образцу азіатскихъ деспотовъ, истребилъ почти всѣхъ женъ, дѣтей и друзей своихъ обоихъ братьевъ. Пантикапейцы сильно вознегодовали на эти убійства. Чтобы успокоить волненіе, Эвмель созвалъ народное собраніе и обратился къ нему съ рѣчью, въ которой старался оправдать свои поступки; въ той же рѣчи онъ обѣщалъ гражданамъ возвращеніе нѣкоторыхъ республиканскихъ учрежденій и льготъ, нарушенныхъ его предшественниками. Эвмель сдержалъ свое слово, и управленіемъ своимъ снискалъ потомъ уваженіе и любовь подданныхъ. Кромѣ того, онъ мужественно сражался съ сосѣдними варварами и завоевалъ у нихъ нѣкоторыя земли: чтобы обезопасить торговлю отъ морскихъ разбоевъ, которыми занимались туземцы Таврическаго и Кавказскаго берега, онъ предпринялъ противъ нихъ дѣятельную войну и истребилъ многія ихъ суда. Но злой рокъ тяготѣлъ надъ нимъ за его преступленіе: онъ царствовалъ только пять лѣтъ съ небольшимъ и умеръ нечаянною смертію. Разъ, отправляясь на торжественное жертвоприношеніе, Эвмель сѣлъ въ крытую колесницу о четырехъ колесахъ, запряженную четырьмя конями. Лошади понесли; царь выскочилъ, но мечемъ запутался въ колеса и погибъ. Эвмелю наследовалъ упомянутый выше сынъ его Спартокъ IV. Этимъ царемъ оканчивается непрерывный рядъ боспорскихъ Спартокидовъ въ извѣстіяхъ греческихъ писателей; особенно заслуживаетъ сожалѣнія утрата нѣкоторыхъ книгъ Діодора, который даетъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о царяхъ Боспора. Слѣдующій затѣмъ про-

межутокъ до самаго конца Спартокидской династіи, обнимающій болѣе 170 лѣтъ, наполняется отчасти нѣкоторыми именами царей, благодаря открытымъ надписямъ и монетамъ. Но по всѣмъ признакамъ это былъ періодъ постепеннаго упадка Спартокидовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего Боспорскаго царства. На Боспорѣ отразились тѣже явленія, которыя составляютъ главныя черты греческихъ государствъ того времени: съ упадкомъ самоуправленія въ нихъ, какъ извѣстно, все болѣе упадали гражданскій духъ и военныя доблести, мѣсто которыхъ заступили олигархія и тираннія, опирающіяся на наемныя войска.

Послѣдніе Спартокиды походили на обыкновенныхъ грекоазійскихъ династовъ, поддававшихся вліянію восточной нѣги и роскоши и наклонныхъ къ самовластію. Постепенная утрата республиканскихъ учреждений и развитіе самовластія на Боспорѣ кромѣ другихъ причинъ обуславливались также усиленіемъ варварскаго, т. е. Скиѣскаго, элемента въ населеніи этого государства, его такъ сказать постепеннымъ оскиеніемъ. Вмѣсто прежней энергичной дѣятельности мы встрѣчаемъ у боспорскихъ царей той эпохи черты корыстолюбія, малодушія и хитрости, свойственныя робкимъ тиранамъ. Тѣже черты мы находимъ у ихъ подданныхъ, которыхъ нравы въ это время нисколько не напоминаютъ Эллиновъ цвѣтущаго періода. Такъ объ одномъ изъ царей, именно Левконѣ III, рассказываютъ слѣдующее. Узнавъ, что многіе Пантикапейцы составили противъ него заговоръ, Левконъ созвалъ всѣхъ торговцевъ и занялъ у нихъ большія суммы денегъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ нужны ему на подкупъ непріятелей. Но когда деньги были имъ получены, тогда онъ сообщилъ купцамъ о существованіи заговора и пригласилъ ихъ быть у него тѣлохранителями и стражами царскаго дворца. Такъ какъ отъ спасенія его жизни зависѣла цѣлость ихъ капиталовъ, то купцы ревностно исполняли обязанность стражей. Съ ихъ помощью Левконъ истребилъ всѣхъ заговорщиковъ, а потомъ возвратилъ купцамъ занятыя у нихъ деньги. Въ другой разъ тотъ же Левконъ объявилъ въ своемъ государствѣ, что онъ хочетъ выпустить новую монету, чтобы не было разнообразія, и велѣлъ представить себѣ старую. Но когда собрали ему старую монету, онъ только наложилъ на ней клейма съ удвоенною цѣною и такимъ образомъ воспользовался цѣлою половиною ея стоимости.

Внутренній упадокъ государства сопровождался, конечно, и ослабленіемъ его политическаго могущества; а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой слабости было то, что сосѣдніе Тавроскіе взяли верхъ и наложили значительную дань на Боспоритовъ. Къ эпохѣ тавроскіекой дани обыкновенно относятъ одинъ изъ рассказовъ Лукьяна, греческаго писателя II-го вѣка по Р. Х. Рассказъ этотъ (подъ заглавіемъ «Токсарисъ») по своимъ подробностямъ отзывается романтическимъ вымысломъ и нѣкоторые ученые отвергаютъ его достовѣрность. Однако, въ общихъ чертахъ онъ не лишень правдоподобія; приведемъ его тѣмъ охотнѣе, что онъ сообщаетъ любопытныя черты нѣкоторыхъ скиѣскихъ обычаевъ, хотя и съ этой стороны воображеніе греческаго писателя обнаруживаетъ себя слишкомъ яркими красками.

Лукьянъ изображаетъ разговоръ грека Мнезипа и скиѣа Токсариса. Мнезипъ спрашиваетъ: почему Скиѣе приносятъ жертвы Оресту и Пиладу, которые были врагами Скиѣовъ, убили ихъ царя и похитили у нихъ статую богини. Токсарисъ объясняетъ, что они почитаются какъ образецъ дружбы и что нигдѣ дружба не находится въ такомъ уваженіи какъ у Скиѣовъ. По этому поводу завязывается споръ о превосходствѣ дружбы греческой и скиѣской. Тотъ и другой собесѣдникъ беретъ на себя рассказать не менѣе пяти примѣровъ. Первый рассказываетъ Мнезипъ и приводитъ трогательные образцы греческой дружбы. Но Токсарисъ не находитъ въ нихъ ничего великаго и поистинѣ мужскаго; впрочемъ, по его замѣчанію, у Грековъ нѣтъ и такихъ случаевъ для проявленія дружбы какъ у Скиѣовъ. Греки наслаждаются глубокимъ миромъ, тогда какъ у Скиѣовъ постоянныя войны; они или нападаютъ или отражаютъ нападенія: пастбище, добыча—все служитъ у нихъ поводомъ для битвы; по сему они нуждаются въ храбрыхъ, самоотверженныхъ друзьяхъ и заключаютъ дружбу только надежную и прочную. При этомъ у нихъ соблюдается извѣстный обрядъ: дѣлаютъ разрѣзъ у себя на пальцѣ, и собираютъ кровь въ одинъ сосудъ; потомъ, обмакнувъ въ немъ концы своихъ мечей, пьютъ изъ этого сосуда; послѣ того ничто уже не можетъ раздѣлить двухъ друзей. Заключившихъ дружбу на жизнь и смерть можетъ быть и трое; но болѣе трехъ недопускается, иначе чувство дружбы, будучи слишкомъ раздѣлено, потеряетъ свою силу. Въ примѣръ подобныхъ друзей Токсарисъ рассказываетъ, что одинъ скиѣе при нечаянномъ нападеніи Савроматовъ былъ уведень въ

плѣнь; тогда другъ его устремился за нимъ и предложилъ самого себя въ замѣнь плѣнника. Но савромать вмѣсто выкупа потребовалъ у него глаза. Скиѣвъ тотчасъ далъ ихъ выколоть, и получилъ своего друга; но послѣдній не могъ вынести зрѣлище слѣпца и тоже выкололъ себѣ глаза.

За тѣмъ приведены другіе примѣры. Наиболѣе любопытенъ изъ нихъ слѣдующій.

На Боспорѣ царствовалъ Левканоръ. Однажды къ нему прибылъ посолъ отъ Скиѣовъ, по имени Арзакомъ, для полученія дани. Левканоръ уплатилъ дань, и, отпуская посла, сдѣлалъ для него прощальный пиръ. Царь былъ женатъ на аланской княжнѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дѣтей, Мазею и Варцетиду. Нѣсколько знатныхъ иноземцевъ искали руки Мазеи, въ томъ числѣ царь Лазовъ Тигропадъ и князь Махліевъ Адирмахъ. По обычаю Боспора, претенденты просили руки Мазеи во время пира; при чемъ каждый изъ нихъ, сдѣлавъ возліаніе богамъ, говорилъ о знатности своего рода и исчислялъ свои богатства. Послѣ другихъ Арзакомъ взялъ чашу съ виномъ, и, по скиѣскому обычаю, не дѣлая возліанія, просто осушилъ ее залпомъ; потомъ онъ просилъ царя отдать ему руку своей дочери, говоря, что онъ богаче другихъ соискателей. Левканоръ спросилъ, сколько у него стадъ и кибитокъ, такъ какъ въ нихъ обыкновенно состояли богатства Скиѣовъ. Арзакомъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ни стадъ, ни кибитокъ, но что онъ имѣетъ двухъ такихъ друзей, какими не можетъ похвалиться ни одинъ скиѣвъ. При этихъ словахъ царь и всѣ присутствующіе разсмѣялись, почитая его пьянымъ. На слѣдующій день Левканоръ отдалъ свою дочь Адирмаху. Арзакомъ воротился домой и рассказалъ двумъ своимъ друзьямъ, Макенту и Лонхату, о полученномъ оскорбленіи. Каждый изъ друзей принялъ поступокъ царя какъ свою личную обиду. Они немедленно рѣшились наказать его и добыть его дочь Арзакому. Для этого условились такимъ образомъ: Лонхатъ взялъ на себя привести голову Левканора, а Макентъ увести Мазею; но такъ какъ за тѣмъ неминуемо послѣдуетъ война съ Боспоритами, то Арзакомъ, по скиѣскому обычаю, долженъ былъ сѣсть на бычачью кожу. Этотъ обычай состоялъ въ слѣдующемъ. Если обиженный человѣкъ не въ силахъ отомстить за обиду, то онъ приносилъ въ жертву быка, варилъ его мясо разрѣзанное на куски, разстилалъ его шкуру и садился на нее, имѣя ру-

ки связанные назад. Кто изъ проходящихъ бралъ кусокъ говядины и ставилъ ногу на шкуру, тотъ этимъ самымъ уже обязывался оказать помощь, смотря по своимъ средствамъ: одинъ обѣщалъ доставить пять всадниковъ, другой десять или болѣе, третій—пѣшихъ воиновъ, а самые бѣдные самихъ себя. Арзакомъ собралъ такимъ образомъ 20,000 пѣхоты и 5,000 конницы.

Между тѣмъ Лонхатъ отправляется къ Левканору и рассказываетъ ему о военныхъ приготовленияхъ Арзакома, прикидываясь смертельнымъ врагомъ послѣдняго. Онъ предлагаетъ царю убить Арзакома, если тотъ отдастъ ему руку своей младшей дочери Варцетиды. Царь, весьма боявшійся Скивовъ, согласился; но Лонхатъ требуетъ, чтобы ихъ условіе было подтверждено клятвою, произнесенною въ храмѣ Марса, однако безъ свидѣтелей, такъ какъ оно должно оставаться тайною. Заманивъ Левканора въ храмъ, Лонхатъ убиваетъ тамъ несчастнаго царя, и, отрубивъ ему голову, уноситъ ее подъ плащомъ; за тѣмъ садится на своего коня и скачетъ въ Скиюю. Тогда Макентъ немедленно отправляется въ страну Махлиевъ, объявляетъ Адирмаху о смерти его тестя и приглашаетъ поспѣшить въ Боспоръ, гдѣ народъ желаетъ видѣть его преемникомъ Левканора; поэтому совѣтуетъ непременно взять съ собой и Мазею. Макентъ выдаетъ себя за алана, котораго послали братья боспорской царицы, т. е. дяди Мазеи, чтобы предупредить Адирмаха на счетъ замысловъ Эвбіота: послѣдній былъ побочнымъ братомъ Левканора, другомъ Скивовъ и врагомъ Аланъ. Надобно замѣтить, Скивы и Алане ходятъ другъ на друга и говорятъ близкими языками; но Скивы носятъ болѣе длинные волосы, и Макентъ, чтобы совершенно походить на алана, обрѣзалъ свои волосы по алански. Адирмахъ повѣрилъ ему и поспѣшилъ въ Боспоръ; за нимъ слѣдовала и Мазея въ повозкѣ подъ охраною Макента; но тотъ улучилъ ночную пору, посадилъ царевну на своего коня, и черезъ три дня достигъ Скиои:

Между тѣмъ на Боспорскомъ престолѣ дѣйствительно воцарился Эвбіотъ. Когда обманъ обнаружился, Адирмахъ собираетъ большое войско и идетъ на Скивовъ; съ нимъ соединяется и Эвбіотъ, вооруживъ Грековъ, Аланъ и наемныхъ Сарматъ; соединенныя ихъ силы простираются до 90,000, изъ которыхъ 30,000 конныхъ стрѣлковъ. Въ происшедшей за тѣмъ битвѣ со Скивами, послѣдніе были подавлены числомъ непріятелей и раздѣлились на двѣ части: одна часть

отступала, а другая была окружена Махліями и Аланами. Въ послѣдней находились Лонхатъ и Макентъ, оба раненые. Арзакомъ, бывшій въ числѣ отступавшихъ, замѣтивъ опасность своихъ друзей, бросается имъ на помощь; онъ встрѣчаетъ Адирмаха и мечемъ своимъ разрубаетъ его отъ головы до пояса. Тогда непріатели пришли въ замѣшательство, а Скиѣны ободрились, ударили съ новою энергіей и выиграли битву. Слѣдствіемъ побѣды было то, что Боспориты принуждены платить Скиѣамъ двойную противъ прежняго дань, Махліи выдали имъ заложниковъ, а Алане обязались усмирить Синдовъ, возмущившихся противъ Скиѣовъ.

Послѣднимъ царемъ Спартокидской династіи былъ Перисадъ III. Боспорское царство въ его время сильно стѣснили сосѣдніе Тавроскиѣны и принуждали платить тяжелую дань. Не имѣя силъ защититься отъ внѣшнихъ враговъ, Перисадъ отказался отъ престола и уступилъ Боспорское царство знаменитому Митридату VI Понтійскому. Молодой Митридатъ, исполненный энергіи и обширныхъ замысловъ, около того времени завоевалъ Колхиду, т. е. восточный берегъ Чернаго моря, и прославилъ себя побѣдами надъ сосѣдними варварскими народами. Принявъ подъ свой скипетръ Боспорское царство, онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ многочисленнымъ Тавроскиѣскимъ племенемъ, которое соединилось въ то время подъ властію царя Скилура. Мы видѣли, что и Херсонеская республика, стѣнимая Тавроскиѣями, также обратилась къ могущественному царю Понтійскому съ просьбою защитить ее отъ варваровъ. О борьбѣ Митридата съ Тавроскиѣями до насъ дошли только отрывочныя и сбивчивыя извѣстія; но по всѣмъ признакамъ она была упорная и продолжительная. Во время этой борьбы умеръ старый Скилуръ. Говорятъ, будто отъ разныхъ женъ онъ имѣлъ до 80 сыновей. По поводу его рассказываютъ также извѣстную притчу о единокшій: передъ смертію онъ созвалъ своихъ сыновей и далъ каждому пукъ стрѣлъ съ приказаніемъ переломить; разумѣется никто не могъ этого сдѣлать; тогда онъ переломилъ ихъ по-одиночкѣ, и тѣмъ наглядно указалъ, что значить единокшійе и раздоры. Но сыновья конечно не сохранили отцовскаго завѣщанія и раздробили свои силы. Старшій изъ нихъ, по имени Палакъ, для войны съ Митридатомъ обратился за помощію къ племени Роксоланъ (тутъ наши предки впервые упоминаются

подъ этимъ племеннымъ названіемъ, а не подъ общими именами Скиѳовъ и Сарматъ).

Страбонъ говоритъ, что Роксолане были самый сѣверный Скиѳскій народъ, обитавшій гдѣ-то между Днѣпромъ и Дономъ и по берегамъ Меотійскаго озера. Тацитъ называетъ ихъ народомъ Сарматскимъ. Слѣдовательно жилища ихъ приблизительно находились на тѣхъ же степныхъ пространствахъ, гдѣ во времена Геродота кочевало племя Царскихъ Скиѳовъ; припомнимъ, что сосѣдами послѣднихъ на востокѣ за р. Танаисомъ были тогда Сарматы. Отсюда можно заключить, что часть Сарматовъ, т. е. Роксолане, изъ странъ между Танаисомъ и Араксомъ (Дономъ и Волгою), постепенно распространилась на западъ и заняла мѣста Царскихъ Скиѳовъ, отчасти истребивши ихъ, отчасти смѣшавшись съ ними, какъ это обыкновенно бывало при подобныхъ народныхъ движеніяхъ. Но значительные остатки Царскихъ Скиѳовъ продолжали еще господствовать въ Тавридѣ и ближнихъ къ ней черноморскихъ степяхъ.

Роксолане двинулись на помощь Тавроскиѳамъ въ числѣ 50,000 всадниковъ (число конечно преувеличенное). Они носили шлемы и панцири изъ воловьей кожи, и были вооружены копьемъ, лукомъ и мечемъ. Предводитель ихъ назывался Тасій. Митридатъ, занятый дѣлами въ Азіи, не принявъ личнаго участія въ этой войнѣ, а велъ ее посредствомъ своихъ полководцевъ Діафанта и Неоптолема. Полководцы дѣйствовали очень удачно: Діафантъ, начальствуя 6000 хорошо устроеннаго войска, разбилъ Роксоланъ (въ 94 г. до Р. Х.); а Неоптолемъ побѣдилъ Скиѳовъ въ самомъ Боспорскомъ проливѣ; битва случилась зимою на льду этого пролива. Послѣ того Тавроскиѳы нѣкоторое время продолжали еще борьбу, но они постепенно потеряли свои укрѣпленные мѣста на Таврическомъ полуостровѣ; полководцы Митридата съ помощью таврическихъ Грековъ нанесли имъ сильное пораженіе около той длинной стѣны, которая была проведена Херсонитами для защиты Ираклійскаго полуострова, и тѣмъ положили конецъ войнѣ.

Митридатъ поставилъ на Боспорѣ своихъ намѣстниковъ и обложилъ его данью во 180,000 медимновъ хлѣба и 200 серебрянныхъ талантовъ. Нельзя сказать, чтобъ эта дань была тяжкою; однако Боспориты вскорѣ оказались недовольны своею зависимою отъ Понтійскаго царя. По всей вѣроятности, поборы не ограничивались

опредѣленными суммами, а деспотическія наклонности Митридата и поведеніе его намѣстниковъ стѣснили остатокъ республиканскихъ учреждений и привычки Боспорскаго населенія. Возможно и то, что Боспориты не ожидали благополучнаго исхода начатой Митридатомъ борьбы съ могущественнымъ Римомъ и желали отъ нея устраниваться. Какъ бы то ни было, во время войны Митридата съ Суллою, греческіе города Боспора и Колхиды возмутились. Послѣ ея окончанія, Митридатъ усмирилъ возстаніе и взамѣнъ намѣстниковъ поставилъ на Боспорѣ царемъ сына своего Махареса; при чемъ послѣдній конечно оставался въ безусловномъ повиновеніи у своего отца. Но когда Понтійскій царь возобновилъ борьбу съ Римлянами и началъ терпѣть пораженія отъ Лукулла, потомъ отъ Помпея, Махаресъ, жаждавшій самостоятельности, отказалъ отцу въ помощи и вошелъ въ сношенія съ Римлянами. Вытѣсненный Помпеемъ изъ Понта, Митридатъ бросился въ Кавказскія страны и успѣлъ собрать тамъ новыя силы, съ которыми двинулся на Боспоръ. Испуганный Махаресъ попыталъ смягчить отца просьбами о прощеніи; не получивъ его, онъ удалился въ Херсонесъ, но когда и тамъ не могъ укрыться отъ мести неумолимаго Митридата, съ отчаянія лишилъ себя жизни.

Между тѣмъ какъ неукротимый старикъ, оставшійся почти при однихъ Боспорскихъ владѣніяхъ, собиралъ опять большія силы съ помощію наемныхъ варваровъ, и обдумывалъ свой фантастическій планъ съ береговъ Боспора идти на Дунай, а оттуда прямо въ Италію (по примѣру Аннибалла); кругомъ его господствовали ропоть и измѣна. Боспорскіе города окончательно потеряли терпѣніе, будучи угнетены деспотическимъ правленіемъ Митридата и не видя конца его разорительнымъ войнамъ, такъ какъ они волею неволею должны были участвовать въ ихъ тягостяхъ. Возмущеніе началось съ города Фанагоріи; примѣру ея послѣдовали Херсонесъ и нѣкоторые другіе. Но въ то время, когда Митридатъ съ наемными Скиѳами и Сарматами жестоко свирѣпствовалъ противъ возмущившихся городовъ, собственное его войско, стоявшее въ окрестностяхъ Пантикапея, отказало ему въ повиновеніи: оно было недовольно его намѣреніемъ идти въ самую Италію. Во главѣ мятежниковъ сталъ одинъ изъ многочисленныхъ сыновей Митридата и наиболѣе имъ любимый, по имени Фарнакъ; солдаты провозгласили его царемъ. Митридатъ заперся въ

Пантикапейскомъ акрополѣ и съ его стѣны обратился къ своему сыну съ увѣщаніемъ. Но когда никакое краснорѣчіе не могло усмирить возстанія, престарѣлый царь, предвидя, что онъ будетъ выданъ Римлянамъ и послужить украшеніемъ для Помпеева триумфа, рѣшилъ покончить съ жизнію. Извѣстно, что принятый имъ ядъ не подѣйствовалъ на его закаленный организмъ; тогда по просьбѣ Митридата одинъ изъ наемныхъ воиновъ мечемъ прекратилъ его жизнь (въ 64 г. до Р. Х.) *).

По смерти Митридата, царство Боспорское съ согласія Помпея получилъ Фарнакъ въ награду за свою измѣну. Съ того времени оно утратило свою независимость и стало въ вассальныя отношенія къ Риму. Фарнакъ хотѣлъ было воспользоваться междоусобіемъ Помпея и Юлія Цезаря, чтобы возвратить эту независимость и присоединить къ Боспору царство своихъ предковъ, т. е. Понтъ. Но одно появленіе Цезаря разрушило всѣ его планы, и заставило его изъ Понта спастись на Боспоръ. Здѣсь онъ былъ убитъ своимъ полководцемъ Асандромъ (въ 47 г. до Р. Х.). Дабы упрочить за собою права на этотъ престолъ, Асандръ женился на дочери Фарнака Динамисѣ. Впослѣдствіи, Октавій Августъ утвердилъ за нимъ корону и дозволилъ ему именоваться царемъ; а до того времени онъ именовался архонтомъ, по примѣру Спартокидовъ. Послѣ него имя архонта уже не встрѣчается на монетахъ и надписяхъ, что можетъ свидѣтельствовать объ окончательномъ паденіи древнихъ республиканскихъ учреждений въ Пантикапееѣ. Асандръ царствовалъ долгое время и достигъ глубокой старости; онъ былъ дѣятельный государь постоянно боровшійся съ сосѣдними варварскими народами, которые послѣ Митридата снова начали тѣснить Боспорское государство. Для защиты отъ Скиновъ онъ возобновилъ древній валъ, ограждавшій Пантика-

---

*) Крутой холмъ, на которомъ стоялъ Пантикапейскій акрополь, гдѣ провелъ свои послѣдніе дни знаменитый Понтіійскій царь, въ воспоминаніе о немъ носить названіе Митридатовой горы. По своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, упорной энергіи, неутомимой дѣятельности и по своимъ широкимъ замысламъ это была въ высшей степени замѣчательная историческая личность. Но мы не думаемъ, чтобы титулъ „великаго“ былъ ему приписанъ по справедливости. Онъ представлялъ типъ восточнаго деспота, выросшаго на почвѣ полуэллинической, полуварварской, слишкомъ неразборчивый въ средствахъ, слишкомъ поддававшійся своимъ бѣшеннымъ страстямъ. Какъ политикъ и полководецъ онъ далеко уступаетъ другому знаменитому врагу Римлянъ, Аннибалу.

пейскій полуостровъ съ запада, и валъ этотъ укрѣпилъ еще стѣною съ башнями. Боспорское царство имѣло при немъ самые обширные предѣлы: оно простиралось отъ Θεодосіа до Танаиса. Но престарѣлый Асандръ погибъ довольно безславно. Одинъ римлянинъ, по имени Скрибоній, выдалъ себя за внука Митридатова и за челоуѣка, которому покровительствуетъ римскій императоръ; войско приняло сторону самозванца, и Асандръ съ горя уморилъ себя голодомъ (въ 14 г. до Р. X.). Скрибоній женился на его вдовѣ царицѣ Динамисѣ. Но обманъ продолжался не долго.

Нѣкто Полемонъ, сынъ ритора изъ города Лаодикеи, покровительствомъ триумвира Антонія достигъ престола Понтійскаго; а послѣ гибели Антонія умѣлъ приобрѣсти такое же покровительство Октавіа Августа и его полководца Марка Агриппы. Послѣдній начальствовалъ войсками въ Сиріи, когда услыхалъ о дѣйствіяхъ Скрибонія. Онъ поручилъ Полемону наказать самозванца. Узнавъ о томъ, Боспориты еще прежде прибытія Полемона убили Скрибонія; они оказали сопротивленіе и Полемону, но были имъ разбиты. Агриппа окончательно усмирилъ возстаніе; и поручилъ управление Боспоромъ тому же Полемону. Августъ утвердилъ его распоряженія. Чтобы упрочить свои права на короны Понта и Боспора, Полемонъ женился на внучкѣ Митридата пожилой царицѣ Динамисѣ, вдовѣ Асандра и Скрибонія. Онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ династовъ своего времени; такъ какъ соединялъ въ своихъ рукахъ значительную часть древняго Понтійскаго государства, Колхиду и владѣнія Боспорскія. Царствованіе этого государя (14—1 до Р. X.) протекло въ побѣдоносной борьбѣ съ Скиѣскими народами, все болѣе и болѣе тѣснившими Боспорскія владѣнія. Между прочимъ, городъ Танаисъ повидимому сдѣлалъ попытку къ отложенію. Онъ лежалъ на большой торговой дорогѣ изъ греческихъ колоній въ сѣверовосточныя страны и служилъ складочнымъ пунктомъ для торговли рабами, кожами и другими произведеніями, которыя доставлялись сосѣдними варварами. Полемонъ взялъ его и совершенно разрушилъ. Однако впоследствии этотъ городъ былъ возобновленъ, впрочемъ не на прежнемъ пепелищѣ; а нѣсколько верстъ далѣе, на берегу другаго болѣе сѣвернаго рукава Дона. Такова была выгодность его положенія, что онъ достигъ опять процвѣтанія, хотя уже не могъ сравниться по богатству и блеску съ прежнимъ Танаисомъ; о чемъ свидѣтельствуютъ произведенныя на томъ мѣстѣ раскопки.

Полемонъ погибъ въ войнѣ съ сарматскимъ племенемъ Аспурговъ, которые еще прежде вторглись на Таманскій полуостровъ и поселились въ южной его части. Это небольшое племя очевидно играло нѣкоторую роль въ предыдущихъ войнахъ боспорскихъ царей въ качествѣ то враговъ, то союзниковъ. А когда Полемонъ попытался покорить его, то попалъ въ плѣнъ и былъ убитъ. Послѣ того князь Аспурговъ овладѣлъ Фанагоріей и сдѣлалъ ее своей столицей. Отсюда онъ распространилъ свои завоеванія на весь Таманскій полуостровъ, а потомъ перенесъ ихъ и на западный берегъ Боспора. Несомнѣнно понятно, какимъ образомъ Октавій Августъ равнодушно смотрѣлъ на убійство находившагося у него въ милости Полемона, и допустилъ варваровъ завоевать Боспорское царство. Очевидно Аспурги уже подчинились вліянію греко-римской цивилизаціи и хорошо понимали отношенія тѣхъ странъ къ Римской имперіи. Князь Аспурговъ, носившій какъ предполагаютъ имя Савромата, поспѣшилъ войти въ непосредственныя сношенія съ Римомъ; онъ отправилъ посольство къ императору съ просьбою утвердить за нимъ его завоеванія и конечно съ обѣщаніемъ быть вѣрнымъ, благодарнымъ вассаломъ, и повидимому добился своей цѣли. Онъ началъ собою новую династію Аспурганскую или Савроматскую. Преемникомъ его былъ Рескупорисъ, и послѣдующіе цари боспорскіе носили тѣже варварскія имена Савроматовъ и Рескупоридовъ. Повидимому особое покровительство этой династіи оказалъ преемникъ Августа Тиверій, и благодарные ему владѣтели обыкновенно присоединяли его имя къ своему; такимъ образомъ идетъ рядъ боспорскихъ царей съ именами Тиверія Юлія Савромата и Тиверія Юлія Рескупорида. Боспорская исторія, на основаніи монетъ и надписей, насчитываетъ отъ Августа до Константина Великаго девять Савроматовъ и семь или восемь Рескупоридовъ; кромѣ того встрѣчаются три Котиса, Реметалъ, Радамсадесъ, Асандръ и нѣк. др.

Время этой династіи, за которою исторія можетъ слѣдить въ теченіе трехъ въ половиною вѣковъ, представляетъ постепенный упадокъ Боспорскаго царства. Торговля его измельчала; населеніе подвергалось все большому оскиженію; на что указываютъ дошедшіе до насъ надписи на памятникахъ, въ которыхъ личныя имена на половину варварскія. Цари боспорскіе были униженными вассалами римскихъ императоровъ, зависящими отъ ихъ покровительства. Толь-

ко одинъ изъ нихъ выдается своею попыткою къ самостоятельности: это былъ Митридатъ, потомокъ знаменитаго Митридата Понтійскаго, слѣдовательно отрасли династіи Ахеменидовъ. Императоръ Клавдій отдалъ ему Боспорское царство; а Митридатъ, подражая своему пра-дѣду въ ненависти къ Римлянамъ, вздумалъ свергнуть съ себя римское иго съ помощію союзныхъ варваровъ. Но его попыткою воспользовались Аспурги: они при содѣйствіи Римлянъ побѣдили Митридата и были возстановлены на боспорскомъ престолѣ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ признакамъ, династія Аспурговъ вслѣдствіе родствен-ныхъ связей такъ перемѣшалась съ Ахеменидами, что послѣдующіе цари могутъ быть относимы и къ той, и къ другой династіи. Послѣ неудачной попытки Митридата, народы Таврическаго полуострова и восточныхъ береговъ Чернаго моря находились въ такомъ страхѣ передъ Римомъ, что римскій гарнизонъ въ 3000 человекъ, по сло-вамъ Юсифа Флавія, былъ достаточенъ для поддержанія ихъ покор-ности.

Однако во второй половинѣ III вѣка по Р. X. цари Савроматской династіи, пользуясь смутнымъ временемъ Римской имперіи, начали дѣйствовать какъ самостоятельные государи и даже нападать на римскія области въ Малой Азіи. Впрочемъ, можетъ быть въ этомъ слу-чаѣ они сами уступали движенію варварскихъ народовъ, которому противустоятъ были не въ силахъ. Въ исторіи Херсонеса мы видѣ-ли, что Римляне воспользовались старинною враждою Херсонесцевъ къ Боспоритамъ, и съ помощію первыхъ смирили мятежнаго Сав-ромата. Мы видѣли также, что въ слѣдующихъ затѣмъ войнахъ между Херсонитами и Боспоритами первые постоянно брали верхъ. Существованіе Боспорскаго царства продолжалось до появленія Гун-новъ и борьбы ихъ съ Готами. Тогда это царство повидимому было разрушено варварами. Впослѣдствіи Боспоръ вмѣстѣ съ Херсонесомъ является подъ властію византійскихъ императоровъ. Такъ Юстиніанъ Великій, по словамъ Прокопія, узнавъ, что стѣны Боспора и Хер-сона обветшали, велѣлъ возобновить ихъ и «особенно укрѣпилъ Боспоръ».

Памятниками Боспорскаго царства служатъ многочисленные мо-гильные курганы, которыми усыяны окрестности Пантикапеи и почти весь Таманскій полуостровъ. Наиболѣе крупные изъ пан-тикапейскихъ или керченскихъ кургановъ скрывали въ себѣ

царскія гробницы. Открытіе этихъ гробницъ доставило наукѣ множество замѣчательныхъ, драгоценныхъ предметовъ античнаго искусства и эллино-скиѣскаго быта. Въ тѣ времена обычай требовалъ, чтобы покойника окружали въ могилѣ образцы почти всѣхъ предметовъ служившихъ ему при жизни. По этому въ огромномъ количествѣ сохранились до нашего времени изящныя глиняныя вазы, стеклянные кувшинчики, металлическіе браслеты, серьги, ожерелья, сбура, оружіе, разныя другія принадлежности нарядовъ и домашней утвари, кромѣ того множество монетъ, мраморныя, алебастровыя и глиняныя статуйки, рельефы, маски и пр. Особенно поражаетъ изобиліе золотыхъ вещей, которыя свидѣлствуютъ о приливѣ этого металла изъ отдаленныхъ уральскихъ и алтайскихъ рудниковъ на берега Боспора, посредствомъ скиѣской торговли. Даже въ бѣдныхъ, простыхъ могилахъ обыкновенно находятъ вѣнокъ изъ тонкихъ золотыхъ листьевъ, который клали на голову покойника. Самыя богатыя царскія могилы принадлежатъ династїи Спартоидовъ, т. е. эпохѣ наибольшаго процвѣтанія эллинскихъ колоній, а также живыхъ связей Боспора съ Аѳинами и вообще Іонійскими городами, откуда приходили греческіе художники. Послѣдніе, очевидно, въ своихъ работахъ примѣнялись ко вкусу колонистовъ, который получилъ особое развитіе подъ вліяніемъ окружавшаго ихъ Скиѣскаго міра.

Наиболѣе замѣчательныя по характеру гробницъ или по своимъ находкамъ керченскіе курганы суть Куль-Оба, Золотой, Царскій и Юзь-Оба. Самая типичная изъ нихъ это гробница Царскаго кургана, образецъ весьма оригинальной архитектуры. Она представляетъ круглую комнату или ротонду, сложенную изъ тесаныхъ каменныхъ плитъ; верхъ ея имѣетъ форму пирамиды, суживающейся постепенными уступами и заканчивающейся каменною круглою плитою. Въ ротонду ведетъ длинная галлерей, которой кровля представляетъ такой же уступчатый сводъ. Посреди ротонды стоялъ саркофагъ съ останками царя *).

Что касается до религіи, то мы уже замѣчали, что на Боспорѣ, соотвѣтственно разнообразному населенію, происходило смѣшеніе

*) Кромѣ могильныхъ кургановъ окрестности Керчи обилуютъ еще могильными катакомбами. Недавно открыта была катакомба, которой потолокъ и стѣны украшены весьма любопытными фресковыми изображеніями. Онѣ пред-

греческаго язычества со скискимъ, изящныхъ античныхъ мифовъ съ суевѣріями и грубымъ идолопоклонствомъ варваровъ. Но уже въ первые вѣка нашей эры христіанство проникло въ эти отдаленныя страны. Сначала какъ и въ Херсонской области христіане совершали свое богослуженіе тайно, укрываясь въ пещерахъ и катакомбахъ; но потомъ съ размноженіемъ ихъ числа они вышли на свѣтъ Божій, и составили особую церковную общину; такъ что на первомъ Никейскомъ соборѣ въ числѣ подписавшихся отцевъ Церкви мы встрѣчаемъ *Боспорскаго епископа*.

ставляютъ подвиги и сцены изъ жизни какого то знатнаго человѣка, конечно здѣсь погребеннаго. Онъ является на конѣ съ копьемъ въ рукѣ, въ конусообразномъ шлемѣ и чешуйчатой бровѣ, съ коротко подстриженными волосами и бритвою бородою. По всѣмъ признакамъ, это долженъ быть какой либо пантикапейскій вождь изъ эпохи Савроматской династіи, т. е. изъ послѣдней эпохи Боспорскаго царства—вождь бывшій самъ Сарматскаго происхожденія и отличившійся своими подвигами въ войнахъ съ сосѣдними варварами. (См. въ Отчетъ Император. Археолог. Комиссіи за 1872 г. рисунки фресокъ и объясненія къ нимъ В. Стасова).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе..... У.

Востокъ и Греція.

I. Стюватныя Өивы.

Египетская долина.—Разлитія Нила.—Египетское государство.—Мемфисъ и пирамиды.—Өивы.—Восточная группа развалинъ.—Карнакскій храмъ Аммона.—Его изображенія.—Луксорскій храмъ.—Западная группа.—Мемноніумъ.—Некрополь.—Ущелье съ царскими гробницами.—Обряды погребенія.—Книга усопшихъ.—Типъ древнихъ Египтянъ.—Походы фараоновъ.—Героглифы..... 1

II. Развалны Ниневіи.

Клинообразныя письма.—Природа Междурѣчья.—Халдея и Ассирія.—Цари Ассирійскіе и характеръ ихъ дѣятельности.—Открытіе Ниневійскихъ дворцовъ.—Общій ихъ планъ и характеръ.—Рельефиня и раскрашенныя изображенія.—Клинописная бібліотека Сарданапала.. 23

III. Мненія о Троянской войнѣ.

Важнѣйшіе циклы эллинскихъ мѣзовъ.—Парисъ.—Похищеніе Елены.—Походъ греческихъ героевъ подъ Трою.—Ссора Ахилла съ Агамемнономъ.—Смерть Патрокла и Гектора.—Конецъ Ахилла. Взятіе и разрушеніе Трои.—Судьбы Менелая и Агамемнона.—Страствованія и приключенія Одиссея.—Его возвращеніе на родину.—Двѣ Гомерическія поэмы и ихъ значеніе.—Критика Вольфа..... 36

IV. Ксерксово нашествіе на Грецію.

Ксерксъ и придворныя партіи.—Приготовленія къ походу.—Строгость царя.—Переправа въ Европу.—Персидскія полчища изъ разныхъ народовъ.—Ихъ смотръ при Дорискѣ.—Отвѣтъ Демарата.—Ксерксъ у воротъ Греціи.—Цвѣтущее состояніе этой страны.—Недостатокъ единодушія.—Истмійскій сеймъ и приготовленія къ защитѣ.—Спартанцы и Аѳиняне..... 57

V. Артемизій, Θερμοпилы и Саламинъ.

Θермопильская позиція.—Морскія бури и битва флотовъ у Артемизіи.—Отступленіе греческаго флота къ югу.—Ксерксъ и Леонидъ при Θермопилахъ.—Изиѳна.—Геройская гибель Спартанцевъ.—Спасеніе Дельфъ.—Эгоизмъ Спарты.—Выселеніе Аѳинявъ.—Соженіе Акрополя.—Разногласіе въ греческомъ флотѣ.—Патріотизмъ и военная хитрость Θемистокла.—Положеніе флотовъ при Саламинѣ.—Бой Саламинскій.—Возвращеніе Ксеркса въ Азію..... 76

VI. Периклъ и поводы къ Пелопонесской войнѣ.

Усмиреніе Самоса.—Изящныя сооруженія.—Непрочность Аѳинскаго могущества.—Козни Перикловыхъ противниковъ.—Отношенія союзовъ Аттическаго и Пелопонесскаго.—Коринѣи, Коркира и Эпидамнъ.—Борьба Коринѣянъ съ Коркирянами.—Внѣшательство Аѳинявъ.—Морская битва около Коркиры.—Возстаніе Потидеи противъ Аѳинявъ.—Вопросъ о войнѣ въ народныхъ собраніяхъ Спарты и Аѳинъ.—Рѣчь Перикла..... 100

VII. Сократъ.

Образованіе, первыя занятія, внѣшность и характеръ Сократа.—Его діалектика.—Разговоръ съ Главкономъ.—Софисты.—Наладки Аристофана.—Общественная служба Сократа.—Обвиненіе, судъ и смертный приговоръ.—Послѣдняя бесѣда съ учениками и сущность Сократовой философіи..... 123

Начало Македонской гегемоніи.

VIII. Херонейская битва и смерть Филиппа.

Положеніе дѣлъ послѣ Мантинейской битвы.—Демосеенъ и преобразование триерархіи.—Неудачи Филиппа.—Амфиціоново судилище и разрушеніе Кирры.—Возобновленіе Священной войны.—Филиппъ въ Элать.—Патріотическія усилія Демосеена. Союзъ Аѳинно-Θивскій.—Херонейскій бой и его слѣдствія.—Партія при Македонскомъ дворѣ и вопросъ о наследникѣ престола. Трагическая кончина Филиппа..... 145

IX. Первые шаги Александра Великого.

Воспитание и образование Александра. — Аристотель. — Утверждение на престолѣ. — Трудныя обстоятельства. — Движенія Грековъ и варваровъ. — Энергія молодого царя. — Коринтскій сеймъ. — Походъ на Дунай и въ Иллирію. — Осада Пеліона. — Восстаніе въ Греціи. — Фиванцы. — Взятіе и разрушеніе Фивъ. — Подача Афинъ. — Заключеніе. 163

Р и м ь.

X. Преданія о Цинциннатѣ и децемвирахъ.

Предложеніе Терентила Арсы. — Сынъ Цинцинната Кезонъ. — Поштыка Гердонія. — Внѣшніе враги и Цинциннатъ диктаторъ. — Умноженіе трибуновъ и другія нововведенія. — Назначеніе децемвировъ. — Аппій Клавдій и его тираннія. — Убіиство Девтата. — Покушеніе на Виргівію и ея трагическая смерть. — Возмущеніе плебейскихъ легіоновъ и сверженіе децемвировъ. 181

XI. Борьба Пирра и Тарентинцевъ съ Римлянами.

Провѣтаніе Тарента. — Архитъ. — Періодъ упадка. — Вмѣшательство Римлянъ въ дѣла Южной Итали. — Ихъ столкновеніе съ Тарентинцами. — Призваніе царя Пирра. — Его сравненіе съ Александромъ В. — Побѣда при Гераклеѣ. — Неудачное посольство Кинеаса. — Энергія Римлянъ. — Бой при Авскулѣ. — Пирръ въ Сициліи. — Его возвращеніе и пораженіе. — Торжество Рима. 195

XII. Нашествіе Аннибала на Италію.

Гамилькаръ Барка и кароагенскія завоеванія въ Испаніи. — Гасдрубалъ. — Аннибалъ и разрушеніе Сагунта. — Объявленіе войны. — Походъ Аннибала чрезъ южную Галлію и по Альпійскимъ горамъ. — Его побѣды при Тичино, Требії и Тразименскомъ озерѣ. — Твердость Римскаго сената. — Фабій Кунктаторъ. — Консулы Варронъ и Эмилиѣ. — Бой при Каннахъ. — Поведеніе Римлянъ и главныя причины ихъ торжества. 210

XIII. Юлій Цезарь и послѣдніе республиканцы.

Усмиреніе возмущившихся легіоновъ. — Республиканцы въ Африкѣ. — Ихъ вожди. Высадка Цезаря и побѣда при Тансѣ. — Смерть Катона Утическаго. — Триумфы, побѣда при Мундѣ и пожизненная диктатура. — Личность Цезаря. — Римская колонизація, заботы о провинціяхъ и другія правительственныя мѣры. — Враги диктатора и заговоръ на его жизнь. — Маркъ Брутъ и Кассій. — Порція. — Тщетныя предупрежденія Цезарю. Сцена его убійенія въ сенатѣ. 235

XIV. Важнѣйшіе памятники Императорскаго Рима.

Августъ и Золотой вѣкъ Римскаго искусства.—Пантеонъ.—Императорскіе дворцы.—Зрѣлища.—Амфитеатръ Колизей и гладиаторскія игры.—Арка Тита —Завоеваніе Дакіи и Траянова колонна.—Содержаніе ея спиральнаго рельефа.—Аполлodorъ.—Мавзолей Адриана.—Упадокъ искусства.—Маркъ Авреліева колонна.—Арка Септимія Севера.—Термы Каракалли.—Авреліановы стѣны.—Термы Деоклетіана.—Арка Константина.—Судьба римскихъ памятниковъ.—Христіанскія катакомбы 259

XV. Констанцій II и Юліанъ Отступникъ.

Раздѣлъ Имперіи между сыновьями Константина В.—Сапоръ Персидскій.—Узурпаторъ Магненцій и битва при Мурсѣ.—Единодержавіе Констанція II.—Вліяніе евнуховъ на его правленіе.—Судьба цезаря Галла.—Воспитаніе Юліана въ духѣ эллинизма.—Аріанство и язычество.—Неоплатоники и тайное отступничество Юліана.—Аѳинскія школы и софисты.—Посѣщеніе Аѳинъ Юліаномъ.—Назначеніе его цезаремъ въ Галлію.—Его энергическая дѣятельность.—Побѣда при Аргенторатумѣ.—Посѣщеніе Рима Констанціемъ.—Его зависть къ славѣ Юліана.—Возмущеніе галльскихъ легионовъ и провозглашеніе Юліана августомъ.—Походъ на востокъ.—Внезапная кончина Констанція 290

Эллино-Скиескій миръ на берегахъ Понта.

XVI. Скиены и Эллинскіе колонисты.

Южно-русскія степи.—Природа Скиеніи.—Ея народы.—Черты изъ быта и религіи Скиеовъ.—Дарій въ Скиеніи.—Выходы о Скиеской народности.—Эллинскія колоніи.—Ольвія.—Жертвы Эллинокаго вліянія.—Возобновленный городъ 331

XVII. Херсонесъ Таврической и Боспоръ Киммерійскій.

Происхожденіе Херсонеса.—Борьба Херсонитовъ съ варварами и Боспоритами.—Подвигъ Гикія.—Христіанство.—Пантвелея и Боспорское царство.—Династіи Спартокидовъ.—Расказы Лукьяна.—Митридатъ Понтійскій.—Асандръ и Полемонъ.—Династія Савроматовъ.—Могильные курганы 357

Dad
. I 20
01

3 2000 007 768 080

